

РСТ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ XXII

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

NIZHNY NOVGOROD STATE LINGUISTICS
UNIVERSITY

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ ГЕРМАНИСТОВ
RUSSIAN UNION OF GERMANISTS

**РУССКАЯ
ГЕРМАНИСТИКА**

GERMANIC PHILOLOGY IN RUSSIA

**ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ**

**YEARBOOK
OF THE RUSSIAN UNION OF GERMANISTS**

ТОМ XXII

VOLUME XXII

ISSN 2782-2605
<https://yearbook.rug.lunn.ru>

**ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ
И ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ**

**LITERATUR UND GESCHICHTE:
HISTORISCHE NARRATIVE
UND LITERARISCHES ERZÄHLEN**

**XXII СЪЕЗД
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 21 — 23 НОЯБРЯ 2024 ГОДА**

*Организатор:
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена*

Ежегодник «Русская германистика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Включен в Российский индекс научного цитирования
Электронная версия Ежегодника размещена на платформе НЭБ: www.elibrary.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-81832 от 31 августа 2021 г.

Периодичность издания: 1 раз в год
Ежегодник включен в электронный каталог АО «Почта России». Индекс ПН197

Р е д к о л л е г и я:

д. ф. н., проф. *А. В. Иванов* (главный редактор),
к. ф. н., ст. науч. сотр. *Н. С. Бабенко* (отв. редактор лингвистической части),
к. ф. н., доц. *В. Г. Сибирцева* (отв. редактор литературоведческой части),
к. ф. н., доц. *А. В. Белобратов*, д. ф. н., доц. *Р. В. Бельютин*,
д. ф. н., проф. *А. И. Гришаева*, д. ф. н., проф. *С. И. Дубинин*,
д. ф. н., проф. *А. И. Жеребин*, д. ф. н., проф. *Ж. В. Никонова*,
д. ф. н., проф. *А. Н. Полубояринова*, к. ф. н. *Н. Н. Трошина*

Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Вып. XXII: «Литература и история: исторические нарративы и литературное повествование» («Literatur und Geschichte: Historische Narrative und literarisches Erzählen»). — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2025. — 532 с.

ISSN 2782-2605

В том включены статьи, подготовленные по материалам докладов, сделанных на XXII съезде Российского союза германистов «Литература и история: исторические нарративы и литературное повествование» («Literatur und Geschichte: Historische Narrative und literarisches Erzählen»), прошедшем 21-23 ноября 2024 г. в Санкт-Петербурге при поддержке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Материалы лингвистического раздела дают представление о разнообразии немецкоязычных нарративов в литературно-художественной сфере и за ее пределами, о новых тенденциях в организации нарративов, о влиянии языка СМИ и рекламы на оформление нарративных текстов. Литературоведческие статьи объединяет подход к литературе как инструменту интерпретации исторического и культурного опыта. В художественном творчестве исследователи видят способ осмысления истории, идентичности и художественного дискурса.

ISSN 2782-2605

9 772782 260002 >

© НГЛУ, 2025

The Yearbook is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the main scientific outcomes of PhD and advanced PhD theses

Registered by the Federal Service for Supervision in the sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of Registration PI no. FS77-81832 dated August 31, 2021

The electronic version of the Yearbook is available on the website: www.elibrary.ru

Periodicity (release) of the Yearbook: once a year

E d i t o r i a l B o a r d :

Ivanov, Andrey V., PhD (advanced) in Philology, Professor (editor-in-chief),
Babenko, Nataliya S., PhD in Philology, Senior Researcher (executive editor, Linguistics),
Sibirtseva, Vera G., PhD in Philology (executive editor, Literary Studies),
Belobratov, Aleksandr V., PhD in Philology, Associate Professor,
Belyutin, Roman V., PhD (advanced) in Philology, Associate Professor,
Dubinin, Sergey I., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Grishayeva, Lyudmila I., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Nikonova, Zhanna V., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Poluboyarinova, Larisa N., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Troshina, Natal'ya N., PhD in Philology,
Zherebin, Aleksey I., PhD (advanced) in Philology, Professor

Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists, vol. 22: “Literature and History: Historical Narratives and Literary Narrative” (“Literatur und Geschichte: Historische Narrative und literarisches Erzählen”). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University (LUNN), 2025. — 532 p.

ISSN 2782-2605

This volume includes articles based on reports made at the 22nd Congress of the Russian Union of Germanists “Literature and History: Historical Narratives and Literary Narrative”, held with the support of Herzen Russian State Pedagogical University on November 21-23, 2024. The articles presented in the linguistic section give an idea of the diversity of German-language narratives in the literary and artistic sphere and beyond, of new trends in the organization of narratives, of the influence of the language of mass media and advertising on the design of narrative texts. Literary articles are united by the approach to literature as a tool for interpreting historical and cultural experience. Researchers see fiction as a way to comprehend history, identity and artistic discourse.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	10
ЛИНГВИСТИКА.....	13
<i>Бабаева Р. И.</i> Немецкоязычный анималистический нарратив в эпоху цифровизации	14
<i>Баева Г. А.</i> К становлению типа текста «академическая лекция» в Германии	35
<i>Блинова Ю. А.</i> Прецедентные имена как средство репрезентации культурной специфики нарратива (на материале романа К. Рансмайра <i>Cox oder der Lauf der Zeit</i>)	59
<i>Горбачевская С. И., Трушина А. С.</i> Литература креативного нон-фикшн в аспекте перевода (на материале книги митрополита Тихона (Шевкунова) <i>‘Несвятые святые’ и другие рассказы</i>	80
<i>Гришаева Л. И.</i> А понимает ли реципиент воспринимаемый текст?	99
<i>Дюбо Б. А.</i> Педагогические идеи и методы галльских пиетистов в обучении грамматике	124
<i>Зайцева А. В.</i> Вербализация эмоций в немецком экологическом дискурсе (на материале романа Ф. Шетцинга <i>Что, если мы просто спасем мир? Действовать в условиях климатического кризиса</i>)	138
<i>Зорина А. В.</i> Вербализация эмоций в немецкоязычном политическом нарративе	156
<i>Катаева С. Г.</i> Трансформации нарративов в переломные эпохи немецкой истории (на примере ключевых исторических событий) ..	171
<i>Кострова О. А.</i> Репрезентация события в немецкоязычном нарративе: диахронический аспект	192
<i>Лаххайн Б., Аверкина Л. А.</i> Sprachliche Vielfalt des Deutschen Narrativs in Leichter Sprache und Einfacher Sprache	212
<i>Матафыкина Н. Д.</i> Художественные приемы в немецкоязычном молодежном медийном нарративе (на материале заголовков статей проекта «Jugend schreibt» газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung»)	231
<i>Нефедова Л. А.</i> Актуальный медиадискурс о воссоединении Германии: нарративный функционал лексики	244
<i>Попов А. А.</i> Функциональный потенциал события «продажа» в семантической и синтаксической организации текста (на материале романа Йенса Шпаршу <i>Der Zimmerspringbrunnen</i>)	262
<i>Туманова Е. О.</i> Энимы как средство вербального кодирования коллективного экологического сознания в политическом нарративе Германии	294

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	324
<i>Ишимбаева Г. Г.</i> Вальтерскоттовский дискурс романа М. Пайнкофера <i>Братство Рун</i>	325
<i>Коршунова Л. Ю.</i> Историческая драматургия Артура Шницлера: поэтика жанра.....	342
<i>Никонова Н. Е., Славина О. Ю. В. А.</i> Жуковский и немецкий мир: из неопубликованных материалов городского музея-архива Баден-Бадена.....	361
<i>Пахомова О. В., Сибирицева В. Г.</i> Два этюда о литературной репутации. Клопшток и Тавада	385
<i>Петрова М. В.</i> От страницы к сцене: поэтри-слэм как особая форма художественного нарратива в немецкоязычном пространстве	406
<i>Потемина М. С., Волошина В. А.</i> Автофикшн и интердискурс в современной немецкоязычной литературе	430
<i>Рымафь Н. Т.</i> На пороге эпох культуры: романый герой XIX века ...	451
<i>Сафина А. С.</i> История и память в «венском тексте» (на материале романов П. Розая и Э. Менассе)	469
<i>Склизкова А. П.</i> Историческое прошлое и историческое настоящее в тетралогии об Атридах Г. Гауптмана.....	483
<i>Стадников Г. В.</i> История — кистью художников и пером поэта (Г. Гейне <i>Французские художники</i>)	499
РЕЦЕНЗИИ	507
<i>Дубинин С. И.</i> Рец. на кн.: <i>Лукин О. В.</i> На службе Российской империи: немецкие ученые и российское языкознание XVII—XIX веков: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024.	508
<i>Трошина Н. Н.</i> Рец. на кн.: Австрийско-немецко-русский ассоциативный словарь базовых ценностей. М.: Наука, 2024.	514
<i>Цветков Ю. Л.</i> Симфоническое звучание авторской книги Курта Пинтуса. Рец. на кн.: Поэзия сумерек или симфония человечества: новые прочтения и интерпретации антологии «Сумерки человечества». К 100-летию антологии Курта Пинтуса «Menschheitsdämmerung: Symphonie jüngster Dichtung. 1919/1920»: коллективная монография. М.: Культурная революция, 2022.....	520
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	526

CONTENTS

Editorial Foreword	10
LINGUISTICS	13
<i>Babayeva R. I.</i> German-Language Animalistic Narrative in the Age of Digitalization.....	33
<i>Baeva G. A.</i> To the Formation of the Text Type “Academic Lecture” in Germany	57
<i>Blinova Yu. A.</i> Precedent Names as a Means of Representation of Narrative Cultural Specifics (exemplified by the Novel <i>Cox oder der Lauf der Zeit</i> by Christoph Ransmayr)	78
<i>Djubo B. A.</i> The Halle Pietists’ Pedagogical Ideas and Methods in Teaching Grammar	136
<i>Gorbachevskaya S. I., Trushina A. S.</i> Creative Non-Fiction Literature in the Aspect of Translation (based on the Book ‘ <i>Everyday Saints’ and other Stories</i> by Metropolitan Tikhon (Shevkunov))	97
<i>Grishayeva L. I.</i> Does the Recipient Really Understand the Perceived Text?	122
<i>Kataeva S. G.</i> Transformation of Narratives in Turning Points of German History (exemplified by Key Historical Events)	191
<i>Kostrova O. A.</i> Event Representation in German-Language Narrative: the Diachronic Aspect.....	210
<i>Lachhein B., Averkina L. A.</i> Linguistic Diversity of the German Narrative in Easy Language and Plain Language	228
<i>Matarykina N. D.</i> Artistic Techniques in the German-Speaking Youth Media Narrative (based on the Headlines of the “Jugend schreibt” Project Articles of the “Frankfurter Allgemeine Zeitung”).....	242
<i>Nefedova L. A.</i> Current Media Discourse about the Reunification of Germany: Narratory Functionality of Vocabulary.....	260
<i>Popov A. A.</i> Functional Potential of “Sale” Event in Semantic and Syntactic Organization of Fictional Text (exemplified by Jens Sparschuh’s Novel <i>Der Zimmerspringbrunnen</i>).....	291
<i>Tumanova Ye. O.</i> Eonyms as a Means of Verbal Encoding of Collective Ecological Consciousness in German Political Narrative.....	321
<i>Zaitseva A. V.</i> Verbalization of Emotions in German Environmental Discourse (based on the Novel by F. Schätzing <i>What if We Just Went Ahead and Saved the World? Taking Action in the Climate Crisis</i>)	154
<i>Zorina A. V.</i> Verbalization of Emotions in German-Language Political Narrative	168

LITERARY STUDIES.....	324
<i>Ishimbaeva G. G. The Walter Scott Discourse of M. Peinkofer's Novel The Brotherhood of Runes</i>	<i>340</i>
<i>Korshunova L. Yu. Arthur Schnitzler's Historical Drama: Poetics of Genre ..</i>	<i>359</i>
<i>Nikonova N. E, Slavina O. Yu. V. A. Zhukovskiy and the German World: Unpublished Materials of the Baden-Baden City Archive</i>	<i>383</i>
<i>Pakhomova O. V, Sibirtseva V. G. Two Sketches on Literary Reputation. Klopstock and Tawada</i>	<i>404</i>
<i>Petrova M. V. From Page to Stage: Poetry-Slam as a Special Form of Artistic Narrative in the German-Speaking Space</i>	<i>428</i>
<i>Potyomina M. S., Voloshina V. A. Autofiction and Interdiscourse in Contemporary German-Language Literature</i>	<i>449</i>
<i>Rymar' N. T. On the Threshold of Cultural Epochs: the Novel Hero of the 19th Century</i>	<i>466</i>
<i>Safina A. S. History and Memory in the "Vienna Text" (based on the Novels by P. Rosei and E. Menasse)</i>	<i>480</i>
<i>Sklizkova A. P. Historical Past and Present in the Tetralogy of Atrides by G. Hauptmann.....</i>	<i>497</i>
<i>Stadnikov G. V. History — With the Brush of an Artist and the Pen of a Poet.....</i>	<i>506</i>
REVIEWS	507
<i>Dubin'in S. I. Book Review: Lukin, O. V. (2024) In the Service of the Russian Empire: German Scientists and Russian Linguistics of the 18th — 19th centuries. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.....</i>	<i>508</i>
<i>Troshina N. N. Book Review: Pischal'nikova, V. A. & al. (2024) (eds) Austrian-German-Russian Associative Dictionary of Basic Values. Moscow: Nauka.....</i>	<i>514</i>
<i>Tsvetkov Yu. L. The Symphonic Sound of the Author's Book by Kurt Pintus). Book Review: Pestova, N. V. & al. (2022) (eds) The Poetry of Twilight or the Symphony of Mankind: New Readings and Interpretations of the Anthology "Twilight of Mankind". On the 100th Anniversary of Kurt Pintus' Anthology "Menschheitsdämmerung: Symphonie jüngster Dichtung. 1919/1920)". Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.</i>	<i>520</i>
LIST OF CONTRIBUTORS	529

ОТ РЕДАКЦИИ

В 22-м выпуске Ежегодника Российского союза германистов представлены материалы очередного съезда РСГ, проходившего в Санкт-Петербурге 21–23 ноября 2024 г. В фокусе внимания находились прежде всего проблемы литературоведческой германистики в рамках основной темы съезда: «Литература и история: исторические нарративы и литературное повествование». В Программу XXII съезда РСГ был включен раздел лингвистической германистики с акцентом на исследованиях, выполненных в русле нарратологии как актуального направления современного гуманитарного знания.

Лингвистически ориентированные статьи дают представление о разнообразии немецкоязычных нарративов в литературно-художественной сфере и за ее пределами, о новых тенденциях в организации нарративов, о влиянии языка СМИ и рекламы на оформление нарративных текстов. Материалы лингвистической части Ежегодника отражают стремление авторов статей внести уточнения в понятие «нарратив» и соотнести его с задачами, связанными с изучением языкового воплощения нарративных текстов разного профиля. Следует отметить поисковый характер лингвистических статей, свидетельствующий о понимании перспективности нарративной тематики для лингвистики при наличии четких представлений о повествовательном характере нарратива как коммуникативном акте, осуществляемом в конкретной языковой форме с применением средств разнообразных культурных кодов.

Лингвистические статьи предлагают примеры рассмотрения литературных текстов как одной из разновидностей раз-

влекательных продуктов в истории культуры и в современности. В статьях обсуждаются феномены молодежной культурной индустрии, которая открыта для разного рода экспериментов над формой, что обнаруживает свои исторические параллели в литературных явлениях прежних эпох.

В русле лингвистической нарратологии выполнена группа статей, которые содержат ценную информацию о рецепции событий, связанных с переломным этапом в истории Германии — объединением ФРГ и ГДР.

Опыт изучения нарративного функционала лексики, отражающей факты controversialных оценок процесса объединения Германии в прошлом и настоящем, может быть перенесен и на другие культурно значимые дискурсы.

Литературоведческие статьи объединяет подход к литературе как инструменту интерпретации исторического и культурного опыта. Кроме того, в художественном творчестве исследователи видят способ осмысления истории, идентичности и художественного дискурса.

История в литературе и художественная рефлексия прошлого рассматриваются в статье, посвященной «вальтерскогтовскому дискурсу» в романе М. Пайнкофера *Братство рун* и описывающей способы художественной интерпретации прошлого и структурирование повествования. Похожий интерес к реконструкции истории проявляется в статье, исследующей тетralогию Г. Гауптмана об Атридах. Здесь античный миф выступает в качестве инструмента осмысления современности, особенно в контексте Второй мировой войны. Пространством памяти становится и современный городской ландшафт «венского текста» в романах П. Розая и Э. Менассе.

Тематически близки между собой статьи, посвященные самосознанию писателей и выстраиванию собственной биографии. На обширном временном отрезке, охватывающем более 250 лет, рассматриваются литературная репутация немецкого поэта Ф. Г. Клопштока и писателя-экзофона Ё. Тавады. Вопросы трансформации литературных репутаций в разные эпохи перекликаются с осмыслением литературы как социокультурной практики. Неслучайно еще одна статья представляет собой ана-

лиз автофикшн и интердискурсивности в современной немецкоязычной литературе.

Без внимания исследователей не остались также историко-культурные границы и жанровые формы. В статье, посвященной исторической драматургии Артура Шницлера, подчеркивается трагикомизм, мотив игры и размывание границ между иллюзией и реальностью. Эти особенности роднят исследование с анализом мифа у Гауптмана и текстами автофикциональной направленности. Романый герой XIX в. живет на стыке культурных эпох: традиционной культуры и модерна, переживая драматический конфликт ценностей и показывая неразделимость таких понятий как литература и история.

Настоящим украшением Ежегодника РСГ стала статья, посвященная обзору неопубликованных материалов городского музея-архива Баден-Бадена, связанных с наследием и биографией В. А. Жуковского. Материалы музея не только вводятся в научный оборот, авторами исследования анализируются документы, относящиеся к наименее изученному баденскому периоду жизни Жуковского. Авторы статьи детально описывают все обнаруженные документы, от писем Жуковского, до аудиозаписей диалогов директора архивного собрания города М. Фусс и А. Швигер, позиционирующей себя как праправнучка Жуковского. Изучение архивных материалов, связанных с Жуковским, еще более расширяет пространство памяти и демонстрирует бесконечность исследовательского поиска.

ЛИНГВИСТИКА

LINGUISTICS

Р. И. Бабаева

Ивановский государственный университет

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЙ АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье рассматриваются немецкоязычные анималистические нарративы, представляющие собой Интернет-тексты, в которых происходит актуализация дихотомии «человек — животное» через описание событий, где участниками являются антропоморфные и зооморфные персонажи. Актуальность обращения к данному материалу обусловлена социальными факторами (изменением отношения человека к животным в современном немецкоязычном обществе) и становлением новой научной парадигмы, акцентирующей свое внимание на взаимоотношениях человека и животных. Теоретической основой исследования послужило понятие «нарратив» в его анималистическом аспекте. В статье представлены две разновидности анималистического нарратива — анималистический монотекстовый нарратив, состоящий из одного текста, и транстекстовый анималистический нарратив, который охватывает комбинацию текстов, объединенных общей тематикой, базирующейся на актуализации дихотомии «человек — животное», общей идеей, а иногда и общим нарратором. Для изучения материала была разработана дискурсивная модель анализа анималистического нарратива, которая включает номинации и описания участников коммуникативного процесса (нарратора и реципиента), указания на исходное эмоциональное состояние нарратора и его измененное состояние, описание ключевого события или последовательности событий, указание вербальных средств, с помощью которых происходит актуализация дихотомии «человек — животное». Основным результатом работы является описание на основе данной модели двух групп анималистических нарративов. К первой группе относятся анималистические Интернет-тексты, где нарратором является животное, ко второй — тексты, где нарратором выступает человек. Образ зооморфного нарратора используется в анималистических текстах-нарративах рекламного дискурса (тексты социальной рекламы) и в анималистических креолизованных текстах юмористического дискурса, образ антропоморфного нарратора — в социальной и коммерческой рекламе, а также в молодежном дискурсе. Выбор разновидности нарратора обусловлен интенциями автора текста. Анималистические нарративы, в которых происходит актуализация дихотомии «человек — животное», содержат в се-

бе лексические средства, указывающие на взаимодействие человека и животного, и вербальные индикаторы фокуса наблюдения ситуации. **Ключевые слова:** нарратив; анималистический нарратив; немецкий язык; цифровые жанры; антропоморфизм; зооцентризм

1. Введение

В немецкоязычном Интернет-пространстве можно встретить огромное количество зоолексем — наименований животных, которые употребляются в прямом или переносном значении, что свидетельствует, с одной стороны, о значительной вовлеченности данных лексических единиц в коммуникативный процесс, где они могут выполнять разнообразные функции — от простого указания на животных как на элементы контента до осуществления манипулятивного воздействия на реципиента путем создания из зоонимов многочисленных образных выражений. Такое употребление зоонимов характерно и для реальной коммуникации, что объясняется нахождением животных и человека в едином пространстве. Наблюдая за животными в повседневной жизни, человек замечает особенности их поведения и очень часто использует их образы для характеристики людей или явлений. Этот факт не остался незамеченным лингвистами. Существует огромное количество исследований, посвященных зоометафорам и устойчивым сочетаниям с анималистическим компонентом, зооморфному коду культуры (БУРЕНКОВА 2008; БАБАЕВА & КОКИНА 2018; НЕФЕДОВА 2024; ШУСТОВА & ТЯПУГИНА 2020 и др.). Однако в последнее время в фокус внимания языковедов попала зоолексика, в семантике которой имеется указание на отношения человека к животным, т. е. в значении слов находит отражение дихотомия «человек — животное». Изучением взаимоотношений человека и животных занимаются представители разных научных направлений, которые в наши дни в западной науке проводят свои исследования в русле единого междисциплинарного направления Human-Animal Studies HAS (ЯСОВ 2014; КОМРАТСХЕР 2017; NÜBLING 2022). Это направление квалифицируется в литературе как постгуманистическое знание (ШВЕД 2020; МАРШАНИЯ & УШАКОВА 2021). Анималистическая проблематика в свете данной методологии отражена в иноязычных и русскоязычных публикациях по ли-

тературоведению (КАЗАКОВ 2021; ГАНСОВСКАЯ 2019; JACOBS 2014), по социологии (НИКИТИНА 2019; МОННАУРТ 2020).

В рамках этой парадигмы в зарубежной науке представлены и исследования лингвистов, изучающих языковые единицы и явления речи с позиции отражения в языке взаимоотношений человека и животных (CORNIPS 2022; HEUBERGER 2021; MANLKE 2014; NÜBLING 2022). В отечественном языкознании представление зоолексик и особенности ее функционирования в таком ракурсе пока не получили должного освещения; имеются лишь отдельные исследования (БАБАЕВА 2023; ВАБАЕВА 2020). В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть Интернет-тексты, в которых представлена дихотомия «человек — животное» с позиций современных направлений лингвистики.

Реализации намеченного исследования предшествовали постановка цели — выявление основных анималистических нарративов и установление языковых индикаторов реализации дихотомии «человек — животное» в дискурсивных практиках немецкоязычного Интернет-пространства, а также конкретизация задач: очертить границы понятия «анималистический нарратив», выявить основные речевые жанры, в рамках которых используется анималистический нарратив, установить функции и цели внедрения данных нарративов в публичное пространство, дать характеристики вербальной составляющей выявленных нарративов.

Комплексный анализ собранного материала базировался на работах, посвященных анималистической теме в лингвистике (ГУКЕТЛОВА 2016; ШУСТОВА & ТЯПУТИНА 2020), на публикациях о нарратологии и применении данного подхода в исследовании конкретных языковых явлений и проблем, на работах, выполненных в русле лингвонарратологии (АНДРЕЕВА 2018; АНДРЕЕВА 2019; ШМИД 2003), на статьях и книгах, в которых рассматриваются особенности коммуникации в цифровой среде (ГУСЕЙНОВА & КОСИЧЕНКО 2024).

Изучению собранного материала предшествовало формулирование гипотезы исследования: переосмысление взаимоотношений человека и животных, происходящее в современном немецком обществе, находит отражение в Интернет-пространстве в распространении определенных типов текстов, контент и

вербальные характеристики которых ориентированы на продвижение транслируемых идей и на достижение запланированного перлокутивного эффекта.

Рассмотрение немецкоязычных текстов анималистической тематики в ракурсе нарративной структуры, вербального воплощения замысла создателей текста и соотнесения с типами дискурса впервые становится предметом специального лингвистического исследования.

2. Характеристика материала и методов исследования

Корпус исследования состоит из текстов, заимствованных с немецкоязычных сайтов, тематика которых связана с анималистическими образами. Выявленные тексты подвергались дискурсивному анализу, в ходе которого учитывались взаимосвязи вербального компонента с экстралингвистическими факторами, с применением терминологии, теории и методов нарратологии.

Отбор материала производился с опорой на теоретическую базу исследования. В корпус включены только те тексты, в которых повествование идет от первого лица, нарратором может быть человек или животное, в центре описания находятся события, в которых взаимодействуют человек и животное. Таким образом, можно сказать, что определяющим фактором отбора фактического материала была реализация дихотомии «человек — животное» в немецкоязычном тексте-нарративе. Всего было проанализировано 29 текстов, заимствованных с немецкоязычных сайтов.¹

Изучение корпуса фактического материала, опирающееся на нарратологический анализ контента, и рассмотрение вербального компонента текста-нарратива с позиций реализации дискурсивных и прагматических функций привели к интересным результатам и позволили выявить некоторые закономерности.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Понятие анималистического нарратива с позиций лингвистики

В лингвистической литературе понятие анималистического нарратива редко попадало в поле зрения исследователей; этот

¹ <https://www.edogs.de>; <https://russische-tiere-in-not.de>; <https://www.testedich.de>; <https://de.pinterest.com>.

термин чаще представлен в литературоведческих исследованиях, что объясняется литературными традициями повествования о животных и от имени животных (КАЗАКОВ & al. 2021; МАРШАНИИ & УШАКОВА 2021).

По наблюдениям В. А. Кухаренко, в XX—XXI вв. на всех языках опубликованы сотни анималистических нарративов, расширивших жанровый и тематический репертуар, доступный бессловесным (но таким выразительным!) повествователям (КУХАРЕНКО 2015: 68).

В публикациях, посвященных анималистической теме, отмечается, что образ повествующего животного используется для достижения разнообразных целей.

В детской литературе — это может быть элемент сказочности (говорящие звери), в то время как в литературе, ориентированной на взрослую аудиторию, таким образом выдвигаются на первый план этические проблемы, проблемы взаимоотношения людей с окружающим миром. Особый фокус повествования позволяет представить в нестандартном восприятии социальные и бытовые реалии, дает автору более широкие возможности сатирической критики общества (скрываясь за маской животного-персонажа, являющегося непосредственным участником, а зачастую и жертвой происходящего) (КАЗАКОВ & al. 2021: 84).

«Анималистический» поворот современного общества, акцентирующий свое внимание при освещении дихотомии «человек — животное» не на человеке, а на животном, находит разнообразные формы проявления — в актуализации определенных тем, в пересмотре определенных традиций и ценностей, в появлении новой лексики и новых жанров, специальных тематических исследований и публикаций.

В 2017 году начал формироваться уже целый спецвыпуск журнала *Humanities*, посвященный анималистической нарратологии... а в настоящее время исследования активно продолжают в контексте нового направления *эко-нарратологии* (ibid.: 85).

Рассказывающие животные привлекли внимание и немецких исследователей, о чем свидетельствуют публикации (KLEINHANS 2019; MIDDELHOFF 2019). Все это обусловило необходимость рассмотрения данной проблематики глазами лингвиста.

В ходе анализа собранного корпуса примеров определение анималистического нарратива было дополнено лингвистическими характеристиками. Следует различать два понимания анималистического нарратива — понимание в узком смысле (анималистический монотекстовый нарратив) и понимание в широком смысле (анималистический транстекстовый нарратив). Под анималистическим монотекстовым нарративом в рамках нашего исследования понимается тип текста, в котором повествование, происходящее преимущественно в 1-м л., осуществляется на основе реализации дихотомии «человек — животное» (в центре внимания находится взаимодействие человека и животных); при этом может использоваться как «анималистическая» перспектива повествования, позволяющая автору представить события с позиции восприятия происходящего животным, так и «антропоморфная» перспектива, представляющая происходящее с точки зрения человека. В тексте, являющемся анималистическим нарративом, дихотомия «человек — животное» проявляется в использовании тематической лексики, в семантике которой имеет место комбинация антропоморфного и анималистического компонентов, а использование внутренней фокализации проявляется в использовании лексических единиц, обладающих эмоциональными и оценочными компонентами.

Анималистический транстекстовый нарратив представляет собой комбинацию текстов, объединенных тематикой, идеями, в которых отражаются взаимоотношения человека и животных, и в некоторых случаях — образом единого нарратора, который может быть антропоморфным или неантропоморфным.

3.2. Основные Интернет-жанры, использующие анималистический нарратив

При поиске фактического материала исследования в немецкоязычном пространстве было обнаружено, что такие типы текста, которые соответствуют критериям определения текста как анималистического нарратива, представляют собой следующие жанры цифровой среды: медиатексты на сайтах учреждений и организаций, деятельность которых связана с животными; блоги (Hundeblog; Katzenblog); Интернет-каналы, мемы и другие семиотически осложненные тексты; комментарий. Под

семиотически осложненными текстами понимаются гетерогенные тексты, опирающиеся на взаимодействие различных семиотических кодов (ГУСЕЙНОВА & КОСИЧЕНКО 2024).

Сегодня никого не удивит аккаунтами в социальных сетях и блогами, ведущимися от имени животных. Особенно многочисленны веб-ресурсы, созданные от имени кошечек. Фелинофилия — коллекционирование любых материалов о кошках, фелидные нарраторы привлекают внимание как любителей, так и исследователей (КАЗАКОВ & al. 2021). Лексема Katzenblog на базе основного значения «блог о кошках» получила в немецком языке оценочное значение «несерьезный блог», «блог низкого качества».

Широко представлены и блоги о собаках, где также могут быть анималистические нарративы.

3.3. Модель дискурсивного анализа анималистического текста-нарратива

Для исследования выявленных анималистических текстов-нарративов была разработана модель дискурсивного анализа, включающая обязательные параметры для описания. Такими компонентами анализа являются номинация и характеристика участников коммуникативного процесса — нарратора, действующих персонажей описываемых событий, реального или потенциального реципиента; элементы события, образующего основу нарратива; дискурсивные параметры — тип дискурса, ключевая цель и типичные вербальные средства, используемые для номинации и описания действующих лиц нарратива, локаций и хронологии развивающихся действий.

3.4. Характеристика текстов на основе «дискурсивной» модели анализа анималистического текста-нарратива

Все проанализированные нами тексты были разделены на две группы в зависимости от антропоморфной характеристики нарратора, первая группа включала тексты-нарративы, где повествование ведется от лица неантропоморфного нарратора, поэтому она получила название «Животные рассказывают», вторая группа — от лица человека, и соответственно называется «Люди рассказывают».

Группа «Животные рассказывают» включает 15 текстов-нарративов. Рассмотрим несколько наиболее типичных случаев.

В первом тексте пес по кличке Рудольф рассказывает о том, что его взяли из приюта в семью, он там освоился и сегодня чувствует себя счастливым. Схема анализа данного текста выглядит следующим образом.

Текст 1. «Сделайте собаку счастливой» (монотекстовый нарратив).

Нарратор: пес Рудольф (Ich-Erzähler).

Событие: животного взяли из приюта в семью.

Исходное состояние: волнение.

Хроника событий: приехал, воспитал хозяев, наладил контакты в деревне.

Изменившееся состояние: счастлив.

Адресат: человек, который может взять животного из приюта.

Цель текста-нарратива: вызвать эмпатию, пробудить желание также сделать собаку счастливой и побудить адресата взять животного из приюта.

Тип дискурса: рекламный дискурс (социальная реклама).

Роль животного: пес — главный персонаж истории, способный вызвать эмпатию.

Лингвистические маркеры анималистического фокусирования: mein Zweibeiner, eine Vierbeinerin, Frauchen, Herrchen, meine Beiden, bei Fuß, auf der Leine gehen, Fußhupen.

Антропоморфизмы в речи нарратора: einkuscheln, sage Abschied.

Выявленные в тексте характеристики, соотносимые с параметрами анализа, подтверждают, что данный текст максимально соответствует критериям анималистического нарратива: повествование идет от первого лица, описывается некое событие, связанное с животным, это приводит к изменению исходного состояния. Последовательность повествования соответствует хронологии развития событий: первоначально прибытие в Германию, где его забирает будущий владелец:

Wir schreiben das Jahr 2023! Es ist der 29. Januar! Ich treffe in Königs-Wusterhausen ein. Mein Zweibeiner nimmt mich in Empfang. Ich sitze auf der Rückbank und bin ganz doll aufgeregt. Was passiert mit mir?;

далее следует описание прибытия на новое место жительства:

Er fährt mit mir nach Stechow im Havelland (Brandenburg). Was ist das? Eine Vierbeinerin und eine Zweibeinerin warten auf mich. Ich steige aus. Ich begrüße die Vierbeinerin. Sie heißt LARA und ist im Urlaub in Stechow. Sie erklärt mir, wie es in Stechow langgeht.

Последующий этап в развитии событий уточняется названием конкретной даты и перечислением того, что уже произошло со времени прибытия:

Heute, 29. Januar 2024, kann ich sagen, gut, dass ich in Stechow bin. Ich habe meine Zweibeiner gut erzogen. Ich habe die Aufgaben verteilt. Alle kennen mich in Stechow. Das Leben kann so schön sein;

далее идет подробное описание ситуации, как она сложилась для нарратора через год:

Ich habe das Jahr genutzt. Ich habe die Aufgaben verteilt. Meine Zweibeinerin holt mit mir morgens die Zeitung aus dem Kasten. Nach ihrem Frühstück bekomme ich meins. Dann ist mein Zweibeiner für die erste größere Runde zuständig. In der warmen und hellen Jahreszeit haben wir anschließend viel draußen gearbeitet. Also er hat den Rasen gemäht, ich habe das sehr aufmerksam beobachtet. Er hat alles richtig gemacht. Um es klar zu sagen: für die Verpflegung ist mein Frauchen zuständig. Für das Toben zu Hause mein Herrchen.

После описания своих четвероногих друзей и прелестей своей жизни Рудольф рассказывает о праздновании Нового года:

Ja und dann war da noch Silvester. Schon am späten Nachmittag fing die Knallerei an. Und sie wurde immer lauter und doller. Ich hatte solche Angst. Immer wenn ich meine Geschäfte abwickeln wollte, knallte es. Da blieb ich dann doch lieber im Haus. Meine beiden waren sehr tapfer. Sie haben mich getröstet, beruhigt, mit mir auf dem Fußboden gegessen und mein Zweibeiner hat ganz lieb mit mir gekuschelt. Ich hatte mehrere Tage zu tun, um dieses schreckliche Erlebnis zu verarbeiten.

Описание заканчивается словами, что это был его отчет за прошедший год: «So, liebe Leserinnen und Leser, das war mein Jahresbericht. Ich glaube, meine Beiden sind froh, dass ich sie gefunden habe». Повествование показывает, как изменилась жизнь пса. В начале описывалось его состояние волнения, так как он не знал, что его ждет впереди: «bin ganz doll aufgeregt. Was passiert mit mir?». Рассказ является передачей его состояния счастья и описанием радостных событий: «Alle kennen mich in Stechow.

Das Leben kann so schön sein»; он излагает ситуацию с позиции уверенности и даже некоторого превосходства: «Ich habe alles im Griff».

Анималистическая перспектива повествования передается использованием «специфических собачьих» слов в качестве номинаций; например, по отношению к хозяевам он употребляет слова Zweibeiner, mein Herrchen, mein Frauchen. Реализация в данном тексте дихотомии «человек — животное» проявляется и в других словах, сочетающих в себе комбинацию антропоморфного и зооморфного, например, в устойчивых сочетаниях «auf der Leine gehen», «Wenn ich die Schnauze voll habe, drehe ich mich um und gehe nach Hause».

Целью текста является попытка побудить других людей взять животных из приюта в семью, чтобы их сделать такими же счастливыми как пес Рудольф. Данный текст является примером социальной рекламы.

В следующем тексте нарратором является пес Мики, который собирает деньги себе на операцию. Данный текст также содержит в себе основные компоненты, подтверждающие его отнесенность к анималистическим нарративам. По своему контенту и основной цели текст является рекламным, призывающим граждан поддержать пожертвованиями приют и его питомников.

Текст 2. «Спасите меня, люди!» (монотекстовый нарратив).

Нарратор: пес Мики (Ich-Erzähler).

Событие: животное получило ранение, его перевезли в Берлин, но оно страдает от болей.

Исходное состояние: страдания, боль.

Хроника событий: остался один, получил пулю в ногу, перевезли в Берлин в приют, взяли в семью.

Изменившееся состояние: жизнь начала налаживаться, но боли все равно усиливаются.

Адресат: человек, который может пожертвовать средства на операцию псу.

Цель текста-нарратива: вызвать эмпатию, пробудить желание помочь собаке и побудить адресата пожертвовать деньги на операцию.

Тип дискурса: рекламный дискурс (социальная реклама).

Роль животного: пес — главный персонаж истории, способный вызвать эмпатию.

Лингвистические маркеры анималистического фокусирования: verkrüppelte Pfoten, Frauchen, Beckenknochen des Hinterbeines, die vordere Pfote.

Антропоморфизмы в речи нарратора: eine neue Mama.

Следующий анималистический нарратив является примером транстекстового анималистического нарратива, так как в нем объединены несколько креолизованных текстов, в которых реализуется дихотомия «человек — животное» в комическом виде. Через вербальную составляющую анималистический нарратор дает свою оценку событий, которые развиваются в определенной последовательности и фиксируют изменение состояния персонажа-нарратора: от робкого послушания до самоуверенного положения хозяина.

Текст 3: «Собаки вытесняют человека с их привычного места – кровати / собаки правят миром» (транстекстовый нарратив).

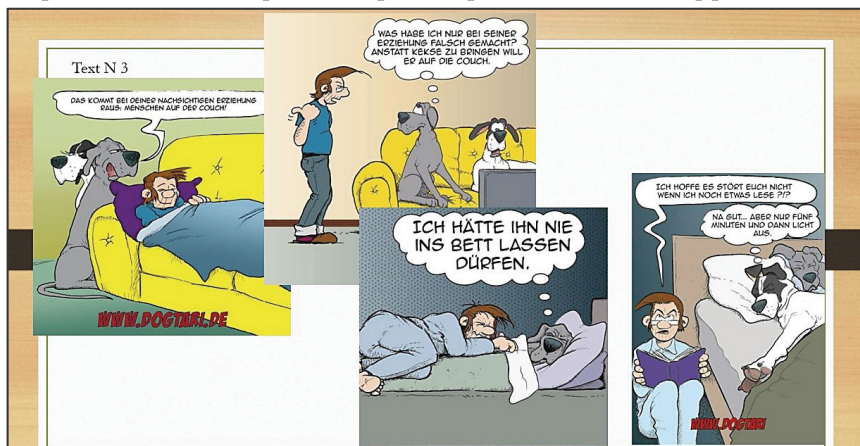

Рис. 1. Собаки правят миром

Нарратор: пес (Ich-Erzähler).

Событие: собаки постепенно вытеснили человека с кровати.

Исходное состояние: собаки подобострастно и с завистью смотрели на человека на диване.

Хроника событий: поначалу только смотрели, потом заняли место на диване, когда человека не было, далее человеку разре-

шили поспать рядом, человеку позволяют сидеть рядом и диктуют, как он должен себя вести.

Изменившееся состояние: собаки чувствуют себя доминирующими существами.

Адресат: люди, которые видят подобное в жизни.

Цель текста-нарратива: показать в комическом виде изменения, происходящие в жизни, развлечь.

Тип дискурса: юмористический дискурс.

Роль животного: главный персонаж, который меняет свою роль и поведение в современном мире.

Лингвистические маркеры анималистического фокусирования: Kekse bringen, Weggegangen! Platz! Vergangen!

Антропоморфизмы в речи нарратора: Was habe ich falsch bei seiner Erziehung gemacht! Ins Bett lassen dürfen, nur fünf Minuten und dann das Licht aus.

Данный анималистический транстекстовый нарратив является примером юмористического дискурса, так как его цель состоит в том, чтобы в рамках реализации в дискурсивной практике дихотомии «человек — животное» вызвать комический эффект, который должен показать абсурдность ситуации.

Группа 2 «Люди рассказывают» в проанализированном корпусе включает три типичных ситуации, которые могут быть отнесены к разным типам дискурсов. Рассмотрим данные ситуации на примере трех анималистических нарративов.

Текст 4: «Это было наше самое лучшее решение! Мы так счастливы» (монотекстовый нарратив).

Нарратор: хозяйка двух собак — Марка и Тима (Ich-Erzähler).

Событие: супружеская пара взяла из приюта двух собак, это сделало людей и собак счастливыми.

Исходное состояние: волнение, беспокойство.

Хроника событий: решили взять собаку из приюта, искали в интернете, натолкнулись на нужный сайт, взяли одну собаку, она была очень беспокойной, когда оставалась одна, решили взять вторую собаку, собаки подружились.

Изменившееся состояние: все чувствуют себя счастливыми.

Адресат: человек, который может также взять животных из приюта.

Цель текста-нарратива: вызвать эмпатию, пробудить желание стать счастливыми и сделать счастливыми животных.

Тип дискурса: рекламный дискурс (социальная реклама).

Роль животного: главный персонаж, способный вызвать эмпатию, положительные эмоции.

Лингвистические маркеры анималистического фокусирования: unsere Fellnasen, Welpе, Hund, Tiere in Not, bellte, jaulte, Zwinger.

Антропоморфизмы в речи нарратора: menschenbezogen, sich verliebten, verzaubern.

Данный текст-нарратив похож на тексты 1 и 2, так как он описывает сходные ситуации и также является представителем социальной рекламы. Особенностью этого текста является только смена фокуса наблюдения и описания ситуации, она дается в восприятии человека.

Текст 5 демонстрирует ситуацию, характерную для жанров рекламного дискурса, где речь идет о коммерческой рекламе, о продвижении товаров и услуг для животных.

Текст 5: «Моей собаке корм помог и очень понравился» (монотекстовый нарратив).

Нарратор: хозяйка собаки Лоис (Ich-Erzähler).

Событие: новое питание помогло собаке.

Исходное состояние: напряженное состояние, проблемы с перевариванием пищи, выпадала шерсть.

Хроника событий: хозяйка с собакой стали тестерами, у собаки были проблемы со здоровьем, заказали лечебное питание для собаки, получили доставку, собака съела с удовольствием, у нее улучшилось состояние, она ждет снова это питание.

Изменившееся состояние: шерсть выглядит блестящей, у собаки пропали проблемы с пищеварением.

Адресат: владельцы собак, которые могут приобрести это питание для животных.

Цель текста-нарратива: показать модель действий, как можно поддержать здоровье питомца, побудить к покупке данного питания.

Тип дискурса: рекламный дискурс (коммерческая реклама).

Роль животного: объект, о котором заботятся.

Лингвистические маркеры анималистического фокусирования:

fressen, mit stumpfem Fell, Haarausfall, füttern.

Антропоморфизмы в речи нарратора: mit Begeisterung.

Анималистические нарративы, вошедшие в корпус исследования, встретились в дискурсивных практиках молодежного дискурса. Их примеры не столь многочисленны как рекламные тексты-нарративы, но они представляют интерес своей необычностью реализации дихотомии «человек — животное».

Текст 6: «Я так же, как и вы, чувствую себя животным» (монотекстовый нарратив).

Нарратор: подросток (Ich-Erzähler).

Событие: у подростка неожиданно появились признаки поведения собаки.

Исходное состояние: сначала все было нормально.

Хроника событий: на празднике в садике сначала все было нормально, потом неожиданно начал есть языком с тарелки, теперь иногда возникает желание лизать руку.

Изменившееся состояние: возникают желания вести себя как собака.

Адресат: люди, которые чувствуют себя похожим образом.

Цель текста-нарратива: показать свою идентичность с группой (я такой как вы).

Тип дискурса: молодежный дискурс (субкультура террианов).

Роль животного: способ на основе похожести с животным объединиться в группу (мы не такие, как все).

Лингвистические маркеры анималистического фокусирования: Hand anlecken, mit dem Mund vom Teller essen.

Антропоморфизмы в речи нарратора: reinlich.

Данный нарратив является отражением молодежной субкультуры террианов, в рамках которой молодые люди, чаще всего подростки, объединяются в группы в Интернет-пространстве на основе ощущения себя животным. Вероятно, повествование об этих ощущениях и их проявлениях в разных ситуациях используется для привлечения к себе внимания и как возможность объединиться с похожими сверстниками.

3.5. Анималистические нарративы и типы дискурсов

Результаты анализа анималистических нарративов из немецкоязычного Интернет-пространства представлены в таблице.

Таблица. Типы дискурса, характерные
для анималистических нарративов

Тип дискурса	Цель	Животные рассказывают	Люди рассказывают
Рекламный (социальная и коммерческая реклама)	побудить к пост-коммуникативным действиям	Мне плохо, помогите решить проблему. Я счастлив, меня взяли в семью	Животное помогло мне решить проблему. Мой питомец счастлив
Юмористический (людическая функция)	доставить удовольствие, рас-смешить, вызвать эмоции	Я чувствую себя хозяином положения	
Молодежный (социальная функция)	убедить группу, что я такой, как вы; почувствовать себя частью сообщества		Я чувствую себя животным

4. Заключение

Тексты — анималистические нарративы широко представлены в сети Интернет. Это, с одной стороны, свидетельствует об изменениях в отношении людей к животным в современном немецкоязычном обществе, а с другой — о вовлеченности анималистической тематики в рыночные отношения и использовании манипулятивных технологий.

Анималистические повествования обладают жанровым разнообразием: в немецкоязычном Интернет-пространстве получили распространение блоги о животных и от имени животных, аккаунты животных в соцсетях, повествования от имени животных на сайтах организаций и на торговых онлайн-площадках.

Анималистические нарративы широко вовлечены в персуазивную коммуникацию: модус нарратива позволяет вызвать у реципиента эмпатию, определенное эмоциональное состояние, которое подталкивает его к определенным посткоммуникативным действиям, например, к покупке товаров для своих питомцев или к поддержке организаций, связанных с защитой живот-

ных. Анималистические нарративы воздействуют на реципиентов через эмоции, что может быть более эффективным, чем воздействие через апелляцию к разуму.

В анималистическом нарративе используются лингвистические индикаторы, которые позволяют подчеркнуть центральное место данного животного в изображаемом событии. Индикаторами анималистической перспективы являются, например, слова *Frauchen*, *Herrchen*, *Zweibeiner*. Индикаторами антропоморфизации животных можно считать эмоционально-окрашенные слова, традиционно передающие эмоции человека, и клишированные фразы, в которых есть указания на антропоморфность, например, *sage Bescheid*, *mit Begeisterung*, *aufgeregt*.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Андреева В. А. Нарратив в персуазивной коммуникации (на примере рекламного дискурса) // Научный диалог. 2018. № 12. С. 9—23. [Andreyeva, Valeriya A. (2018) *Narrativ v persuvazivnoy kommunikatsii (na primere reklamnogo diskursa)* (Narrative in Persuasive Communication (Using Advertising Discourse as an Example)). *Nauchnyi dialog* (Scientific Dialogue), 12, 9—23. (In Russian)].
- Андреева В. А. Нарратив в персуазивной коммуникации (на примере политического дискурса Германии) // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2019. № 192. С. 38—45. [Andreyeva, Valeriya A. (2019) *Narrativ v persuvazivnoy kommunikatsii (na primere politicheskogo diskursa Germanii)* (Narrative in Persuasive Communication (On the Example of Political Discourse in Germany)). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 192, 38—45. (In Russian)].
- Бабаева Р. И. Динамические процессы в анималистическом коде культуры носителей немецкого языка // Германистика-2022: *nove et nova*: материалы V Международной научной конференции, Москва, 7–9 декабря 2022 г. / ред. А. А. Клиновская и др. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2023. С. 29—32. [Babaeva, Raisa I. (2023) *Dinamicheskiye protsessy v animalisticheskom kode kul'tury nositeley nemetskogo yazyka* (Dynamic Processes in the Animalistic Code of the German Speakers' Culture). In: Klinovskaya, Anna A. & al. (eds) *Germanistika-2022: nove et nova* (German Studies 2022: *nove et nova*). Moscow: Moscow State Linguistic University, 29—32. (In Russian)].

- Бабаева Р. И., Кокина М. О. Немецкие фразеологизмы с компонентом «Hund» в политической коммуникации // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. Вып. 14. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2018. С. 8—15. [Babaeva, Raisa I. & Kokina, Maria O. (2018) Nemetskiye frazeologizmy s komponentom “Hund” v politicheskoy kommunikatsii (German Phraseological Units with the Component “Hund” in Political Communication). *Theory and practice of foreign language in higher education*, 14, 8—15. (In Russian)].
- Буренкова С. В. Зооморфные образы немецкой и русской фразеологии // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. № 30. С. 29—40. [Burenkova, Svetlana V. (2008) Zoomorfnyye obrazy nemetskoj i russkoj frazeologii (Zoomorphic Images of German and Russian Phraseology). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 30, 29—40. (In Russian)].
- Гансовская К. Эколитература и Human-Animal Studies: к проблеме методологии, терминологии и жанровой классификации. Электронный ресурс // Scientific Readings of DU. 2019. URL: https://www.academia.edu/40065855/эколитература_и_human_animal_animal_studies_к_проблеме_методологии_терминологии_и_жанровой_классификации. [Gansovskaya, Karolina. (2019) Ekoliteratura i Human-Animal Studies: k probleme metodologii, terminologii i zhanrovoy klassifikatsii (Ecoliterature and Human-Animal Studies: The Problem of Methodology, Terminology and Genre Classification). *Scientific Readings of DU*. 2019. Retrieved from https://www.academia.edu/40065855/эколитература_и_human_animal_animal_studies_к_проблеме_методологии_терминологии_и_жанровой_классификации. (In Russian)].
- Гукетлова Ф. Н. Номинация этнокультурных зооморфных образов в разноструктурных языках // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4–3. С. 451—454. [Guketlova, Fatima N. (2016) Nominatsiya etnokul'turnykh zoomorfnykh obrazov v raznostrukturnykh yazykakh (Nomination of Ethno-Cultural Images in Different Languages). *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimenta'nogo obrazovaniya* (International Journal of Experimental Education), 4–3, 451—454. (In Russian)].
- Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Грани смешного и юмор без границ: семиотика комических текстов разных жанров: монография. Казань: Бук, 2024. [Guseynova, Innara A. & Kosichenko, Yelena F. (2024) *Grani smeshnogo i yumor bez granic: semiotika komicheskikh tekstov raznyh zhanrov: mogografiya* (Facets of the Funny and Humor without Borders: Semiotics of Comic Texts of Different Genres: Mogography).

- Kazan: Buk. (In Russian)].
- Казаков А. А., Ножевникова Е. Г., Языкова А. Б. Фелидный угол зрения: лингвистические особенности анималистического нарратива // Казанская наука. 2021. № 9. С. 84—87. [Kazakov, Andrey A.; Nozhevnikova, Yelena G. & Yazykova Anna B. (2021) Felidnyy ugol zreniya: lingvisticheskiye osobennosti animalisticheskogo narrativa (Felid's Perspective: Linguistic Features of Animalistic Narrative). *Kazanskaya nauka* (Kazan Science), 9, 84—87. (In Russian)].
- Кухаренко В. А. О нетрадиционном нарративе // Записки з романо-германської філології. 2015. № 1 (34). С. 66—72. [Kukharenko, Valeriya A. (2015) O netraditsionnom narrative (About Non-Traditional Narrative). *Zapiski z romano-germans'koy filologii* (Notes on Romano-Germanic Philology), 1(34), 66—72. (In Russian)].
- Маршаниа К. М., Ушакова О. М. Литературная фелинофилия и анималистические ракурсы модерна (Т. Готье, Дж. Джойс, Т. С. Элиот) // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1 (25). С. 106—127. [Marshaniya, Kristina M. & Ushakova, Olga M. (2021) Literaturnaya felinofiliya i animalisticheskiye rakursy moderna (Т. Gotye, Dzh. Dzhojs, Т. S. Eliot) (Literary Felinophilia and Animalistic Perspectives of Modernism (Т. Gautier, J. Joyce, Т. S. Eliot)). *Tyumen State University Herald. Humanities Research*, 7, 1 (25), 106—127. (In Russian)].
- Нефедова Л. А. Манипулятивный потенциал зоонимов как экспликаторов анималистического кода культуры (на материале немецкого языка 2020—2024 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 7. С. 2270—2277. [Nefedova, Lyubov A. (2024) Manipulyativnyy potentsial zoonimov kak eksplikatorov animalisticheskogo koda kul'tury (na materiale nemetskogo yazyka 2020—2024 gg.) (The Manipulative Potential of Zoonyms as Explicators of the Animalistic Code of Culture (Based on the Material of the German Language 2020—2024)). *Philological sciences. Theoretical and practical issues*, 17, 7, 2270—2277. (In Russian)].
- Никитина Е. Б. Исследования животных: непослушные заметки по краям // Социология власти. 2019. № 3 (39). С. 1—30. [Nikitina, Ekaterina B. (2019) Issledovaniya zhiivotnykh: neposlushnyye zametki po krayam (Animal Studies: Naughty Notes Around the Edges). *Sotsiologiya vlasti* (Sociology of Power), 3 (39), 1—30. (In Russian)].
- Швед И. А. Human — animal studies: сущность и тенденции развития. // Человек в социокультурном измерении. 2020. № 2. С. 13—20. [Shved, Inna A. (2020) Human — animal studies: sushchnost' i ten-

- dentsii razvitiya (Human — animal studies: Essence and Development Trends). *Chelovek v sotsiokul'turnom izmerenii* (Human in the Socio-Cultural Dimension), 2, 13—20. (In Russian)].
- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Shmid, Volf. (2003) *Narratologiya* (Narratology). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Шустова С. В., Тяпугина А. Е. Актуализация анималистического кода культуры во фразеологии русского и английского языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (4). С. 190—199. [Shustova, Svetlana V. & Tyapugina Anastasiya E. (2020) Aktualizatsiya animalisticheskogo koda kul'tury vo frazeologii russkogo i angliyskogo yazykov (Actualization of the Animalistic Code of Culture in the Phraseology of Russian and English). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* (Theoretical and Applied Linguistics), 6 (4), 190—199. (In Russian)].
- Babaeva, Raisa I. (2020) Zoolexemes and Zoo-Phraseological Units in the German and Russian Political Discourses. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. European Publisher*, vol. 86, 53—62.
- Cornips, Leonie. (2022) The animal turn in postcolonial linguistics: The interspecies greeting of the dairy cow. *Journal of Postcolonial Linguistics*, 6, 209—231.
- Jakob, Hans-Joachim. (2014) Tiere im Text. Hundedarstellungen in der deutschsprachigen Literatur des frühen 20. Jahrhunderts im Spannungsfeld von Human-Animal Studies und Erzählforschung. *Digitales Journal für Philologie*, 8 (1.2014).
- Heuberger, Reinhard. (2021) Die Rolle der Sprache im Mensch-Tier Verhältnis unter besonderer Berücksichtigung des Bildungsbereichs. In: *Interspezies Lernen, Grundlinien interdisziplinärer Tierschutz- und Tierrechtsbildung*, 233—246.
- Kleinhans, Belinda. (2019) Tiere erzählen ein Kriegstrauma. Juli Zehs Bosnientexte. In: Ullrich, Jessica. (ed.) *Tiere erzählen. Tierstudien*, 15. Berlin: Neofelis Verlag, 76—88.
- Kompatscher, Gabriela. (2017) *Human-Animal Studies: Eine Einführung für Studierende und Lehrende*. Münster; New York: utb Waxmann.
- Mahlke, Sandra. (2014) *Das Machtverhältnis zwischen Mensch und Tier im Kontext sprachlicher Distanzierungsmechanismen: Anthropozentrismus, Speziesismus und Karnismus in der kritischen Diskursanalyse*. Hamburg: Diplomica Verlag.
- Middelhoff, Frederike. (2019) Wenn Tiere sich selbst erzählen. Zu einer Wissensgeschichte literarischer Autozoographien. In: Ullrich, Jessica. (ed.) *Tiere erzählen*, 15. Berlin: Neofelis Verlag, 55—65.

- Monhaupt, Jan. (2020) *Tiere im Nationalsozialismus*. Berlin: Hanser Verlag.
- Nübling, Damaris. (2022) Linguistische Zugänge zur Tier/Mensch-Grenze. In: Lind, Miriam. (ed.) *Mensch — Tier — Maschine Sprachliche Praktiken an und jenseits der Außengrenze des Humanen*. Bielefeld: transcript Verlag, 27—76.

Raisa I. Babayeva
Ivanovo State University

German-Language Animalistic Narrative in the Age of Digitalization

The article examines German-language animalistic narratives, which are Internet texts that actualize the “Human — Animal” dichotomy through the description of events in which the participants are anthropomorphic and zoomorphic characters. The relevance of this material is due to social factors (changes in the modern German-speaking society in the attitude of human to animals) and the formation of a new scientific paradigm that focuses on the relationship between human and animals. The theoretical basis of the study is the concept of “NARRATIVE”; in this article we are talking about animalistic narrative. The article presents two varieties of animalistic narrative — animalistic monotextual narrative, consisting of one text, and transtextual animalistic narrative, which includes a combination of texts united by a common theme based on the actualization of the “Human — Animal” dichotomy, a common idea, and sometimes a common narrator. To study the material, a discursive model of animalistic narrative analysis was developed, which includes nominations and descriptions of the participants in the communicative process (narrator and recipient), indications of the initial emotional state of the narrator and his changed state, description of the key event or sequence of events, indication of the verbal means by which the “Human — Animal” dichotomy is actualized. The main result of the work is a description based on this model of two groups of animalistic narratives. The first group includes animalistic web-texts, where the narrator is an animal, the second group includes texts, where the narrator is a person. The image of a zoomorphic narrator is used in animalistic texts-narratives of advertising discourse (social advertising texts) and in animalistic creolized texts of humorous discourse, the image of an anthropomorphic narrator — in social and commercial advertising, as well as in youth discourse. The choice of the type of narrator is determined by the intentions of the author of the text. Animalistic narratives, in which the dichotomy “Human — Animal” is actualized, contain lexical means indicating the interaction of humans and animals, and verbal indicators of the focus of observation of the situation.

Keywords: narrative; animalistic narrative; German language; digital genres; anthropomorphism; zoocentrism

Для цитирования:

Бабаева Р. И. Немецкоязычный анималистический нарратив в эпоху цифровизации // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 14—34.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-14-34.

To cite this Article:

Babayeva, Raisa I. (2025) Nemetskoyazychnyy animalisticheskiy narrativ v epokhu tsifrovizatsii (German-Language Animalistic Narrative in the Age of Digitalization). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 14—34. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-14-34.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; принята к публикации 30.04.2025

The article was submitted 01.04.2025; accepted for publication 30.04.2025

Г. А. Баева

Санкт-Петербургский государственный университет

К СТАНОВЛЕНИЮ ТИПА ТЕКСТА «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКЦИЯ» В ГЕРМАНИИ

Статья посвящена начальному периоду (XVI—XVII вв.) формирования немецкого языка как языка науки и университетского обучения, который приходит на смену латинскому языку, долгие годы определявшему научный и учебный дискурс Германии. На примере университетских ученых (Парацельса, Томазиуса и др.), которые в числе первых создали прецедент чтения лекций в университетской аудитории на родном немецком языке, показан сложный и неоднозначный путь перехода не только к новому языку обучения (немецкому), но и к процессу трансформации общественного мнения о назначении образования и роли родного языка в формировании научного дискурса той или иной науки. Переключение и переход от общей книжной латинской учености (*Buchgelehrsamkeit*) к целесообразности (*Nützlichkeit*) имел объективные и субъективные причины, подразумевал, помимо прочего, обмен двумя разными стилями мышления и предполагал промежуточный период (*deutsch-lateinische Mischsprache*), при котором происходит смешение языков: менее фиксированный, просторечный или разговорный немецкий язык соединялся с образцами известной специализированной латинской лексики. На основе «двуязычия» говорящего и слушателей немецкий язык приобретал в этом случае особую регулируемую смешанную форму. Написанные или произнесенные на латинском языке части вставляются в текст как каркас и относятся к «научной культуре» (*scientia*), в то время как текст на немецком языке фиксирует повседневные знания, полученные опытным практическим путем (*kunst*). Постепенно к чисто языковым проблемам распространения немецкого языка в академической и научной сферах присоединяются патриотические и социально-политические призывы к возвышению немецкого языка до уровня национального, своего рода призывы к национализации письменной и устной публичной речи. Многоаспектный и постепенный переход от латинского, частично через влияние французского языка, на немецкий язык и его распространение и закрепление в академической сфере занял в общей сложности около 300 лет.

Ключевые слова: университет; лекция; научный язык; латынь; диглоссия

Latein ich vor geschriben hab,
das war eim yeden nit bekandt.
yetzt schrey ich an das vatterlandt
Teütsch nation in ihrer sprach,
zu bringen dißen dingen nach

Ulrich von Hutten, 1521

1. Введение

В словах Ульриха фон Гуттена, вынесенных в качестве эпиграфа к статье, чувствуется отчаянная радость и надежда на будущее немецкого языка, который уже вошел во многие сферы жизни общества, исключая академическую. Пройдет еще много лет, прежде чем эту радость и гордость за немецкий язык смогут разделить и университетские ученые, ибо в течение нескольких столетий после образования университетов в академической сфере в Германии доминировал латинский язык как отличительный признак учености. Латынь как культурная монополия и опосредованная форма схоластической традиции отражала претензию на авторитетность, которая оказала значительное влияние на понимание науки (PRINZ 2021a; PRINZ 2021b). Образовательную концепцию *septem artes liberales*, заимствованную из римской культуры, можно охарактеризовать как формирующую систему образования западной культуры Средневековья и раннего Нового времени. Со времен Средневековья в соответствии с имперским законом о языках официальными языками в немецкоязычных землях были немецкий и латынь (POLENZ 1994: 51–57). Это правило распространялось на императора и на княжеские дворы, на систему обучения и образования в целом. Важнейшим условием поступления в университет было владение латинским языком, который даже после Реформации оставался единственным языком, на котором как католики, так и протестанты могли получить дальнейшее образование, несмотря на то, что в университетах существовала многоуровневая структура общения, которую Юрген Шиве описывает как «от устного разговорного до письменного, от административного до научного, от устной разговорной речи до экзаменационной» (SCHIEWE 1996: 83).

2. Collegium, Lection & Vorlesung

На первый взгляд кажется, что мало что связывает сегодняшний университет с его средневековым происхождением, учитывая многочисленные структурные изменения и научные «революции», которые влияли и влияют на него, и вряд ли можно согласиться с Кларком в том, что «лекция осталась скорее той же, чем изменилась со времен Схоластики» («the lecture has remained more the same than it has changed since the Scholastics») (CLARK 2006: 68). Тем не менее во все времена и сегодня по большинству предметов лекция выступает как «типичная форма обучения в университете» (APEL 1999: 7), как «парадигматическая форма университетского преподавания» (STICHWEN 2013: 205).

В современной академической университетской практике лекция — достаточно камерный жанр, который меняется в зависимости от субъективных и объективных факторов, учебного плана, формируемых компетенций, темы лекции, аудитории и, наконец, настроения лектора, его харизмы в диапазоне от монотонного прочтения заготовленного текста до свободной лекции-импровизации и дискуссии. Лекция — это жанр, в рамках которого осуществляется публичное, как правило, заранее подготовленное общение широко информированного в конкретной исследовательской области адресанта с групповым адресатом, целью которого является устно-вербальный трансфер научных знаний. К важным характеристиками жанра лекции относились и относятся такие как публичность, официальность, асимметрия коммуникативных ролей адресанта и адресата, информативность общения, совмещение устного и письменного модусов, временная заданность, применение стратегий управления вниманием (через использование средств адресованности и средств организации изложения) и т. п. (БУРМАКИНА 2013; ТАЛАНИНА 2021).

Существует традиция концептуализировать академическую лекцию как академический эквивалент проповеди, учитывая ее акроматический характер. Кларк, например, предлагает описывать лекции и диспуты по модели проповедей и турниров, указывая, что оба формата обучения воплощают «разные аспекты академической харизмы» (different aspects of academic charisma) (CLARK 2006: 68). Такая характеристика поначалу кажется весь-

ма привлекательной, даже если академическая лекция с точки зрения истории термина тесно связана с богослужебным чтением. Однако гомилетическая интерпретация лекции не должна затемнять разнообразие реальных учебных мероприятий, которые, например, сильно различаются между концептуально устной и письменной формой. В лекции по-разному сочетают письменные, задуманные части, со свободно импровизированными. Отношения между ними могут также сильно различаться от человека к человеку и в зависимости от образования, воспитания и самой лекционной дисциплины.

Исторически университетская лекция базируется на так называемой кафедральной лекции (*Kathedervortrag*) в смысле произнесения ее за кафедрой (как в соборе, так и в студенческой аудитории) и описывается как монологическая, то есть как «связная речь» без смены говорящего (*zusammenhängende Rede ohne Sprecherwechsel*) (HARMS 1885: 72).

В истории немецких университетов, как уже отмечалось, первоначально основанных на латино-ориентированном преподавании, для обозначения лекции особенно часто использовались лексемы *collegium*, *Lectio* и *Vorlesung*, первые из которых в *Лексиконе* Цедлера (1730/40) трактуются следующим образом:

collegium 3 ‚Lesung eines Professors zum Nutzen der Studenten‘ ↔ *collegium* 2 ‚Kolleggebäude‘.

Lectio 1 ‚Unterweisung eines Schülers in Künsten und Wissenschaft‘ ↔ *Lectio* 2 ‚Lesung der Hl. Schrift‘ (ZEDLER: URL).¹

Понятие лекция (*Vorlesung*) определяется там же через *collegium*, lat. *praelēctio* как публичное академическое наставление / инструкция («öffentliche akademische Unterweisung») (*ibid.*).

В словаре Аделунга позднее дается схожая трактовка *Vorlesung* (ADELUNG 1780, IV: Sp. 1666f.).

Немецкое существительное *Vorlesung*, сохраняющее свою внутреннюю форму и в современном языке, первоначально обозначало, как указывают исследователи, чтение вслух текстовых фрагментов из определенного учебника, а не чтение подготовленной рукописи; ср., например, в (THOLUK 1853: 88; HARMS 1885:

¹ <http://www.zedler-lexikon.de/index.html>.

70). В основе разнообразия обозначений Collegium, Lektion, Vorlesung, как оказалось, лежало прежде всего противопоставление публичного и частного преподавания в период раннего Нового времени. В то время как публичные лекции, как правило, проводились бесплатно профессорами (*ordinarii*) в рамках служебных обязательств по преподаванию, вытекающих из их базового жалования, были еще и платные и менее строго регулируемые частные коллегии /лекции, осуществляемые частными лекторами в академических целях. Штарк называет это явление «рынком учености» («Markt der Gelehrsamkeit») (STARK 1992: 544). Эта форма частного преподавания привела к экономизации лекционной системы раннего Нового времени и в то же время открывала путь к научным и дидактическим инновациям; ср.: (BRUNING 2011: 286). С конца XVII в. слово *collegium* стало в значительной степени взаимозаменяемо с *lectio* 'лекция' (HORN 1897: 17–22).

3. Научные языки латынь или немецкий: за и против

Нельзя сказать, что к моменту появления университетов немецкий язык был не готов к своей миссии для выполнения академических задач. Хотя в конце XIII в. Бертольд Регенбургский в своих проповедях и противопоставляет немецкий и латинский как языки разных сословий: «Необразованные люди должны учить молитву по-немецки, а образованные — по-книжному» (*die ungelêrten liute den glauben in tiusche lernen unde die gelêr in buchischem*) (BERTHOLD 1862: 443), т. е., очевидно, латыни, но начиная с XV в., в Германии несмотря на значительное количество сфер влияния латинского языка постепенно расширяется значимость использования немецкого языка. Благодаря изобретению книгопечатания в середине XV в., Реформации и деятельности Лютера немецкий язык «встал» в один ряд с «высокими» языками, на которых можно было вести обучение в школах дополнительно к трем священным языкам: в начальных школах для широкой публики разного возраст, в которых наряду со счетом и основами Закона Божьего обучали читать, писать и петь молитвы на немецком языке, в отличие от «латинских школ», где будущих церковных клириков учили основам латыни, чтобы «они могли осознанно и правильно произносить слова песнопений и молитв» (LORENZEN 1957: 32; ТАЦЕНКО 1986: 23).

Новое положение немецкого языка в обществе и новые сферы его использования показали его территориально-диалектную неоднородность и выдвинули на передний план задачи по совершенствованию орфографии и стилистических средств, которые становятся исходными моментами при формировании правил и могли бы внедряться в начале в двух сферах: в деловом языке городских канцелярий и в школьном обучении. Назревала необходимость не только осмыслить родной язык, но одновременно дать параллельно и инструментарий для обучения этим средствам. Происходило это в разных частях Германии по-разному, но толчком явилась деятельность Лютера и его сторонников (KLEIN 2010: 473).

Первые учебные пособия по немецкому языку, например, изданные в одной книге в 1531 г. *Orthographia* и *Ein Cantzley und Titel buchlin* магистра и учителя Ф. Франка (Fabian Frangk), характеризуются «не только уровнем анализа языковых форм, но и глубиной характеристики современной языковой ситуации» (ГУХМАН и др. 1984: 46). В. Икельзамер ставит немецкий в один ряд с латинским, греческим, древнееврейским и другими общепризнанными языками, вводит понятие родного языка (*Muttersprache*) и требует его ценить:

Denn so wir ansehen den emssigen vleis / so die Latiner allein / jnn jrer zungen fůrgewandt / vnd unsern vnuleis / bey der vnsern / da gegen stellen / solten wir billich schamrot werden / das wir so ganz ablessig vnd sewmig sein / Unser edle sprach so vnwert und verachtlich halten) (ICKELSAMER 1527: 93). Ибо мы относимся с большим прилежанием к латинскому языку и, напротив, небрежно к своему языку, нужно стыдиться, что мы так ленивы и не ценим наш благородный язык.

Он считает позорным незнание родного языка:

Ja billich ist es allen Teůtschen ain schand und spott / das sy anderer sprachen maister wollen sein / und haben jre aigne angeborne muter sprach noch nye gelernet (ibid: 131). Ведь просто стыдно и позорно для всех немцев, что они хотят овладеть другими языками, но до сих пор никогда не изучали свой исконный родной язык.

Почти одновременно с необходимостью овладевать родным языком появляется критика методических приемов обучения,

которая на протяжении столетий звучит все громче (БАЕВА 2022). Так, например, К. Хойн в своих *Доверительных письмах* рассуждает о том, что молодое поколение может испугать «пыльная пустыня старой учености» (HEUN 1792: 135), к которой он относит вынужденную зубрежку грамматики и слов (школьный метод) и считает это старой франкской методикой («altfränkischen Lehrmethode») (ibid.: 145). Хойн призывает к ее упразднению и выступает за реформы «сверху» в школьном и университетском образовании для придания наукам «обновленного облика» («ein neueres Gewand»):

Ist eine Reform nöthig, so fange sie von oben an; man richte die Lehrmethode auf den Universitäten anders ein, man gebe dort den Wissenschaften ein neueres Gewand, so wird sich von selbst der Schulunterricht umformen, und die Schuler von selbst die kostbare Zeit zweckmäßiger anwenden, und mehrere reellere Vorerkenntnis-se auf die Akademie bringen (ibid.: 145).

Как приговор звучат слова, осуждающие ведение учебного процесса на латинском языке; автор предлагает заменить мертвые языки на другой язык, доступный ученым всех национальностей, однако немецкий в связи с этим не упоминается:

So lange aber unsere Compendia noch lateinisch geschrieben werden, so lange noch für den Juristen das Corpus juris romani die Urquelle aller Weisheit bleibt, so lange noch lateinisch examinirt und disputirt wird, so lange unsere gute alte lateinische und griechische Litteratur noch den Werth vor der neueren behält, <...> so lange die todten Sprachen nicht eine ausschließende Wissenschaft für den Philologen und den würllichen Litterator ausmachen, und so lange wir an der Stelle der lateinischen Sprache noch keine andere haben, die für die Gelehrten aller Nationen eine allgemeine genannt werden darf, so lange erkläre ich den Jungling nicht für Heuns Briefe (ibid.: 145).

Задаваясь вопросом «Почему все меньше умных молодых людей идут в университет?», Хойн считает, что это связано частично с плохой подготовкой в школе: («die jungen Leute ohne gehörige Sprach, und andere Vorkenntnisse die Schule verlassen läßt»), частично с тем фактом, что молодые люди еще не созрели к «чести быть студентами» («zu dieser Würde») и их зачисление должно происходить только после того, как они выдержат сложный экзамен «по существу дела» («nach Verhältniß der

Sache») с полным удовлетворением экзаменатора (ibid.: 149).

Наконец, дело доходит до немецкого языка. Автор считает, что для всех обучающихся занятия должны проводиться на немецком языке, и это должно быть задумано уже в самом начале воспитания (дома и в школе), ибо часто студенты не могут написать сочинение на родном языке из шести строк, не сделав три-четыре ошибки:

Allen Studierenden gemein seyn muß, nemlich des Unterrichts in der deutschen Sprache, Freylich sollte man bey der ersten Erziehung der Jugend schon bedacht seyn, die Richtigkeit unsrer Muttersprache jeden Deutschen zu lehren , aber die Erfahrung lehrt leider täglich , wie weit unsere Schulen in diesem Punkte noch zuruck sind. Noch kommen zu dem Anfang eines jeden Halbjahrs Jünglinge von den ersten unsrer Schulen auf die Akademie, die keinen Aufsatz von sechs Zeilen , ohne drey bis vier Fehler machen können (HEUN 1792: 150).

Хойн сетует на незнание студентами немецкой грамматики, орфографии и на отсутствие прозрачности и ясности в изложении (ibid.).

Призывом к «собственному благополучию» является указание на то, чтобы обучающиеся рассматривали свой родной язык как одно из важнейших средств общения, под которым он понимает искусство устного и письменного изложения («Vortrag»), уповая на то, что революции великих народов совершались благодаря воздействию великолепных речей или хорошо написанных сочинений:

Ich verstehe hier die Kunst des mundlichen und schriftlichen Vortrags, und die Geschichte aller Jahrhunderte zeigt uns mehrere Beyspiele, wo Revolutionen großer Völker Wirkungen einer schonen Rede oder eines hinreißend gut geschriebenen Aufsatzes war (ibid.: 151).

В обширном историческом труде *Die Geschichte der deutschen Universitäten* Г. Кауфманн указывает, что его цель не только показать историю отдельных университетов, но и продемонстрировать результаты воздействия их деятельности на общество, образование и науку (KAUFMANN 1898: V). После обстоятельного знакомства с двадцатью немецкими университетами автор подробно останавливается на организации университетов, структуре, уставах, взаимоотношении с государством и церковью, оснащении,

уделяя внимание как университетам в целом, так и отдельным факультетам. В главе «Die Sorge der Fakultät für die Vorlesung» подробно описываются типы лекций, названные по-латыни: «de lectiones ad formam spectantes oder pertinentes, lectiones formales, lectiones pro forma, lectiones ordinariire...» (ibid.: 323). Далее указывается, что все лекции и практические занятия проводились с помощью книг («Alle Vorlesungen und Übungen wurden über Bücher gehalten und statt Vorlesungen verteilen, sagte man auch Bücher verteilen») (ibid.: 342), которые распределялись преподавателем среди студентов по жребию («durch das Los verteilt»). Важным является заявление о том, что все общение между студентами и преподавателями на лекциях и практических занятиях (Repetitionen) должно проходить на живом языке, что требует достаточного знания латинского разговорного языка (ibid.: 305).

Как уже отмечалось, расширению сферы действия немецкого языка способствовали и литература, и многочисленные попытки переводов Библии от И. Ментелина в 1466 г. до перевода Лютера в 1522 г. Известно, что в период с 1467 по 1600 гг. было издано более 800 немецких словарей всех видов; ср. (GIERL 2012: стб. 87; NODERMAN 1891). Все это приводило к определенной стандартизации языка.

Многие деятели, ратовавшие за примирение латыни и немецкого и за возвышение последнего, сами для популяризации своего творчества писали на латыни. Это, например, касается и М. Лютера. Его знаменитые 95 тезисов, всколыхнувшие религиозную, политическую и культурную жизнь немецкоязычных территорий, были первоначально в 1517 г. опубликованы на латыни, как и его другие многочисленные работы, что четко указывает на предполагаемого адресата (WEIMAR 1989: 14–19; SCHIEWE 1996 : 90; КОСН 2008: 86).

Отдельные примеры точечного использования немецкого языка в университетских лекциях датируются началом XVI в. В монографиях и учебниках по истории немецкого языка приводится список, включающий фамилии от 20 до 27 профессоров, читавших лекции по различным предметам (теологии, истории, филологии, математике и др.) на немецком языке в период с 1507 по 1700 гг. Открывает этот список Т. Хеверлинг (Tilemann

Neverlingh), который в 1501 г. в Ростоке прочитал на немецком языке лекцию о сатирах Ювенала; далее следуют имена Т. Мурнера (Базель, 1518/1519) и Парацельса (Базель, 1527) (WEIMAR 1989: 30; SCHIEWE 1996; POLENZ 1994: 203).

Самым ярким, хрестоматийным примером использования немецкого языка в университетской практике этого времени является деятельность врача Парацельса (Philippus Aureolus Theophrastus Bombastus von Hohenheim, *1493/1494 — †1541), который вошел в историю науки как реформатор медицинской практики и теории, врач, алхимик, создатель химических препаратов и естествоиспытатель. Среди его несомненных научных достижений следует учитывать и его вклад в популяризацию и распространение немецкого языка как языка науки.

Одним из первых Парацельс стал использовать немецкий язык в практике обучения, осмелившись в 1527/1528 уч. г. в университете г. Базель без позволения вышестоящего начальства прочитать лекции «на языке слуг и служанок» на занятиях по прикладной медицине *chirurgia vulnereum*, бросив тем самым вызов университетской традиции, обязывавшей преподавать исключительно на латыни. Его лекции в отличие от лекционной практики коллег не были простым повторением мнений авторитетов Галена, Гиппократ и Авиценны, изложение постулатов которых являлось единственным занятием профессоров медицины того времени. Использование в лекциях и трудах немецкого языка Парацельс объяснял не только практическими целями («лечить по-немецки»), но и желанием показать, что означает быть врачом и сделать это по-немецки, чтобы это вошло в общество: «Mein fürnemen ist hier zu erklären, was ein arzet sein sol, und das auf teutsch, damit das in die gemain gebracht werde»; цит. по (WEIMAR 1989: 15).

Свой немецкий он оценивал как «местное наречие», «язык по рождению и местности», «язык жителя Швейцарии, который говорит на местном языке»:

Ich habe <...> den Artzetten ein begnügen gethon, umb die anderen ist mir kayn sorg, ich hab <...> ein ländtlichen spruch geführt, das mich kayner Rhetorick noch subtiliteten berümen kan, sonder nach der zungen meiner geburt, und landssprachen, der ich bin von

Ainsidlen, des lands ein Schweytzer, soll mir mein lendtlich sprach niemandts verargen (PARACELUS 1922: 917).

В своих работах он обосновывает переход на немецкий прежде всего общенаучными задачами, доказывая, что развитие науки и медицины не стоит на месте и связано с появлением новых болезней, с уточнением причин и форм заболеваний, объяснение которых не всегда возможно на устаревшей латыни, не способной полно и адекватно передать новые понятия, другими словами, по мнению Парацельса, назрела необходимость в создании терминологии на немецком языке.

Доброжелательно настроенные современники сравнивали деятельность Парацельса с деятельностью Лютера, так как подобно Лютеру в религии Парацельс стал великим реформатором в отрасли медицинской практики и теории.

Благодаря своим многочисленным путешествиям он собрал много полезных сведений, причем не только от врачей, хирургов и алхимиков, но и из общения с простым народом. Кредо его жизни и деятельности заключены в словах, ставших крылатыми:

Одни только книги еще никого не сделали врачом. Медицина есть искусство, требующее практики. Разве можно стать великим полководцем, прочитав Ливия? Я вошел в храм знания не через парадную дверь, а через дверь природы. Ее свет, а не аптекарский фонарь освещал мой путь (BENZENHÖFER 2003).

Критика традиционных латинских терминов и выражений и создание собственных новых номинаций являются частью его постоянной деятельности по формированию новаторского языка. Парацельс трансформирует традицию, отвергая канонический авторитет древних языков, поскольку, по его мнению, болезни, как и средства их лечения, не только подвержены времени, но имеют и региональные особенности, поэтому номинация болезни и описание ее симптомов, как и лечение не являются универсальными. Большое значение для врача, по мнению Парацельса, должна иметь народная симптоматика, при описании которой он противопоставляет язык врача и язык пациента. Включая язык пациента в описание симптомов болезни, он использует идиомы и пословицы, т. е. формы устно сохраненных знаний, устоявшиеся элементы устной традиции. Для этой цели Парацельс адапти-

рует специальные понятия на родном языке как с семантической, так и с грамматической точки зрения, подбирая синонимы, и с их помощью описывает латинские и греческие термины. Парацельс не только онемечивает иностранные корни (*praeparieren* < лат. *praeparare*, *operieren* < лат. *operare*, *abstinentz* < лат. *abstinentia*), но и создает целый ряд сложных слов: *Bleipflaster*, *Brandsalbe*, *Kriegswunde*, *Scheidewasser*, *Blut-*, *Frauen-*, *Erb-*, *Geistes-*, *Seelen-*, *Fuß-*, *Leber-*, *Zahnkrankheit* и др. (WEINMANN 1963; TELLE 1981).

Парацельс переводит латинские названия и / или дает им латинско-немецкое двойное наименование. Такой стилистический прием мог преследовать различные цели. С одной стороны, его можно связать с варьированием синонимов для описания и интерпретации, уточнения и унификации. С другой стороны, Парацельс использует этот прием, чтобы обрисовать сложный умозрительный процесс, своего рода, повторение как *amplificatio* или кульминацию в риторике. Наиболее распространенными повторами в его речи являются двухчастные, рифмованные, восходящие к устной традиции «*Zwillingsformen*», типичные в тот период и для языка права: *zwilich und trilich* (SUDHOFF 1922, I: 152), *der nieren lieb und leid* (*ibid.*: 73), *die natur der irdischen ding beschreiben und erkennen* (*ibid.*: 37).

Особый интерес представляет своего рода сопоставление латинского термина и его немецкого эквивалента, «двойная формула» типа: *ein zeug und ein materia* (*ibid.*: 33); *mit kreften und virtutibus*; (*ibid.*: 499); *mit was fug und bilicher concordanz* (*ibid.*: 84), *alle planeten haben im menschen ir gleich ansehung und signatur* (*ibid.*, II: 164); *nach irem bedünken, consilia, opiniones* (*ibid.*: 169). Подобные формульные единицы выполняли функцию «более точного и универсального определения некоторых терминов» (ADMONI 1990: 143) и служили для конкретизации относительно абстрактного высказывания.

Парацельс остается ученым своей эпохи, интегрируя в свои тексты латинские заголовки и подзаголовки, цитаты своих предшественников, использует немецко-латинские парные формулы, создавая свои произведения в русле традиций ученой письменной культуры. Немецкий язык Парацельса во-многом имел латинскую основу. Из латинского он заимствует не только

лексику, но и некоторые грамматические конструкции, например, *accusativus cum infinitivo*, причастные и инфинитивные обороты и др. В работах Парацельса сохранились записи его лекций и консультаций, в которых совмещены два языка: язык его практически ориентированных работ и лекций — немецкий, в то время как язык теоретических трактатов часто оценивают как смешение немецкого и латинского (*deutsch-lateinische Mischsprache*) или «*Fachwerksprache*», подразумевая смешение языков, которое характеризуется тем, что менее фиксированный, просторечный или разговорный язык соединялся с образцами известной специализированной лексики. На основе «двуязычия» говорящего и слушателей немецкий язык приобретает здесь особую регулируемую смешанную форму. Латинские части, вставленные в текст как каркас, относятся к научной культуре, немецкие — к повседневным и опытным знаниям, например:

Ich sag das nacta sei apostema immaturum, das da kompt aus den mestrualischen flüssen, so die selbig durch salem plumosum, dem nach in ein coagulation gezogen, aus der selbigen in resolutionem (SUDHOFF 1922, I: 250f.).

Здесь в описании процесса образования болезни на немецком языке использованы в основном предикаты и обстоятельства, а симптомы и причины названы латинскими терминами: *Apostema immaturum* ‘незрелая язва’, *sal plumosum* ‘пернатая соль’, *coagulation* ‘свертывание’, *resolutio* ‘разрешение’.

Немецкий язык Парацельса неоднозначно оценивался как его современниками, так и последующими исследователями. Признавая мощь его языка (*Sprachmächtigkeit*) и поэтическую красоту его работ, исследователи отмечают и полностью непонятные пассажи (TELLE 1981: 78–83, 94–100). Парацельс понимал, что его язык «полосатый» («*gestrifelt, gestreifelt*»), как его называли в позднем Средневековье. Значительная часть работ Парацельса написана на немецком языке или на смеси двух языков, например, *Septem Defensiones: Verantwortung über etliche Verunglimpfung seiner Mißgönner u Practica, Große Wundartzney*. Названия глав также часто написаны на латыни. По словам М. Гизеке, Парацельс сформулировал программу соединения теоретических знаний латинской традиции с практическими знаниями

народного языка, «ремесленной традиции» (Werkstattwissen), соединяя scientia и kunst, которые относятся к двум совершенно разным не взаимодействующим мирам, взаимодействие которых произойдет лишь в XVII в. (GIESECKE 1992: 102–105).

Смешанный, «фахверковый» стиль Парацельса представляет собой особую форму двуязычия, так называемую внутреннюю языковую диглоссию, под которой понимают иерархически организованный и функционально разделенный билингвизм на одном языке (WEINREICH 1977: 20–22). Диглоссия означает сосуществование двух языков в сообществе, когда на них говорят в разных регионах или в разных социальных группах или институтах. В северной Германии со времен Реформации существовала диглоссия нижненемецкого и верхненемецкого письменного языка, в Базеле XVI в. — диглоссия латыни и диалектно окрашенного немецкого. Латынь ассоциируется здесь с многовековой традицией и всеобщим европейским сообществом ученых, тогда как немецкий — это язык города и сельских жителей. Парацельс пытается соединить две культуры, смешивая их в языке и одновременно подчеркивая их контрасты.

4. Немецкий vs французский?

Многие исследователи справедливо обвиняют немецких гуманистов в преобладающем использовании ими латыни, что, наряду с их филолого-историческим изучением античности, усиливало пренебрежение к просторечию — Volkssprache. Косвенным следствием этого стал и тот факт, что благодаря широкому культурному влиянию Франции со второй половины XVII в. в академической сфере французский язык стал вторым *lingua franca*, конкурирующим с латынью и немецким, и смог значительно расширить свое культурное доминирование и распространить его на немецкоязычные страны (PAULSEN 1896: 433–436; PAULSEN & LENMANN 1919). Протестное движение не заставило себя долго ждать.

В День Реформации 16 (31) октября 1687 г. тридцатидвухлетний доктор права Кристиан Томазий (Томазиус), до этого момента полностью подчинявшийся существовавшему со времен Средневековья обычаю использовать латинский язык в устной и письменной речи в университете, без согласования с уни-

верситетским начальством, подобно Лютеру, прикрепил на портале университетской церкви объявление о лекции на немецком языке в Лейпцигском университете следующего содержания:

Christian Thomas / eröffnet / Der / Studirenden Jugend / zu Leipzig / in einem Discours / Welcher Gestalt man denen Frantzo= / sen in gemeinem Leben und Wandel nach= / ahmen solle? / ein COLLEGIUM / über des GRATIANS / Grund= Reguln, / Vernünftig, klug und artig zu leben, / zufinden / bey Moritz George Weideman (DÜFFEL 1970: 5).

На это историческое событие традиционно указывают в монографиях и учебниках по истории немецкого языка, например, Веллс отмечает, что Томазий выступал за реформу немецких университетов, используя при этом на лекциях не только немецкий язык, но и облачался в немецкую одежду (WELLS 1990: 290).

Так называемая «Немецкая программа» («ein deutsch Programm») Томазия — это не только борьба за закрепление немецкого языка в университетском образовании, но конфронтация с принятыми нормами и требование радикальных изменений в функционировании университета как академического учреждения. Томазий представил свой идеал учености (Gelehrtenideal), образцом которого для него были основанные на свободах французские университеты, которые он хотел перенести в Германию:

Es giebt ja noch in Deutschland gelehrte Leute / aber nicht so häufig als in Frankreich / weil sich sehr viel von denen unserigen auff die Abstractiones Metaphysicas derer Schullehrer befließen / (durch welche man weder dem gemeinen besten was nutzt / noch seiner Seelen Seeligkeit befördert / und bey weltklugen Leuten mehr verhasst als beliebt sich machet /) oder die nöthigen Wissenschaften nur obenhin und ohne gründlichen Verstand wie die Nonnen den Psalter lernen (DÜFFEL 1970: 45).

Томазий выступал не только против сухой, далекой от практики, схематичной и некритичной книжной учености (Buchgelehrsamkeit), он хотел изменить восходящее к Средневековью содержание обучения, базирующее на авторитете Аристотеля и схоластической философии. Провозглашая новое общественное назначение ученого и науки, он считал, что главным принципом

должен стать не авторитет предшественников, а принцип целесообразности (*Nützlichkeitsprinzip*), который строится на самостоятельности мышления ученого, устраняет предрассудки и помогает интегрировать науку в общество. Замена схоластической науки на принцип целесообразности вела к устранению латыни и использованию живых языков не только в науке, но и в церкви; ср. (*ibid.*: 459) и должна была в конечном итоге освободить университеты от влияния государства и церкви. Необходимо исключить латынь из академической сферы, так как она препятствует молодым людям овладеть немецким языком:

Man solte das Latein nur darumb abschaffen / weil es junge Leute hindert / daß sie nicht recht Deutsch lernen /geschweige daß so lange wir uns mit der Pabsts-Sprache schleppen / wir des Pabsts arme Leute bleiben / und das Papbstthum überm Halse behalten in secula seculorum (*ibid.*: 108).

Томазий предлагает «живые», немецкий и/или французский языки, в качестве языков науки:

Warum solte es nicht angehen / daß man durch Hülffe der Teutschen und Frantzösischen Sprache / welche letztere fast bey uns naturalisiret worden / Leute / die sonst einen guten natürlichen Verstand haben / in kurtzer Zeit viel weiter in der Gelehrsamkeit brächte / als daß man sie erst so viel Jahre mit dem Lateinischen placket. Sprachen sind wohl Zierrathen eines Gelehrten / aber an sich selbst machen sie niemand gelehrt (*ibid.*: 29).

И здесь вновь возникает вопрос, который в большей или меньшей мере затрагивал и Парацельс: «Следует преподавать науку на универсальном иностранном языке или на родном?» (PÖRKSEN 1983: 7; PÖRKSEN 2020). Дискуссия о смене языка преподавания в этот период была уже и дискуссией о том, «в какой социальной среде должна развиваться и распространяться наука» (PÖRKSEN 2020: 5), и одновременно, как пишет Перксен, «сознательной провокацией», направленной «против окаменелости традиции и ее передачи в консервативном латинском каноне» (*ibid.*: 7). Другими словами, при смене одного языка на другой (латинского на немецкий или французский) возникал глобальный вопрос, который затрагивал социально значимую структуру общества и переопределение образовательной мис-

сии университета. Речь шла не только и не сколько о языке, но о разных культурах и общественных сферах, о разделении сфер влияния между университетом и городом, о распространении науки в обществе (ibid: 6), поскольку

Der wissenschaftliche Sprachgebrauch ist der institutionalisierte, vergegenständlichte Teil einer gesellschaftlichen Vereinbarung darüber, was als Wissenschaft zugelassen wird. Sein Wandel ist immer auch Teil einer sich wandelnden sozialen Konvention, der Übergang zu einem neuen Sprachgebrauch zieht neue Ansichten von einem Gegenstandsbereich und ein neues soziales Umfeld nach sich (PÖRKSEN 1994: 19).

Использование научного языка — это институционализированная, объективированная часть социального соглашения о том, что признается наукой. Его изменение всегда также является частью меняющейся социальной конвенции; переход к новому использованию языка влечет за собой новые взгляды на предметную область и новую социальную среду.

Латино-немецкое, равно как франко-немецкое двуязычие немецких ученых в это время является лингвосоциологическим фактом, говорящим в пользу того, что в истории немецкого языка, литературы и науки необходимо учитывать и научную литературу, написанную на разных языках. Во многих случаях существовали немецкие и латинские версии научных трудов, по крайней мере, устный дидактический немецкий вариант латинской научной терминологии, многочисленные переводы античных авторов и авторов эпохи Возрождения на немецкий язык, а также работы немецких ученых на латыни, имевшие наднациональное значение (KÜHLMANN 1989). Все это в значительной степени способствовало развитию немецкой специализированной лексики, образованию немецких заимствованных слов и типов научных текстов, а также влиянию научного языка на обычный язык (HODERMAN 1891; PÖRKSEN 1983; PRINZ 2021b). В XVII и XVIII вв. в дискуссию о пользе использования немецкого языка (*gemein deutsch*) в науке и университетском образовании включают еще и патриотические, социально-политические и конфессиональные мотивы, которые особенно громко звучали у Кристиана Вольфа и его соратников (WEIMAR 1989).

5. Выводы

Примеры Парацельса, Томазия и других ученых, не побоявшихся читать лекции на немецком языке, стали важными прецедентами в истории немецкого языка и общества, но прошло еще несколько десятилетий, прежде чем в середине XVIII в. немецкий язык заменил латынь в протестантских университетах. К концу столетия этот языковой переход в значительной мере распространился и на католические университеты. В общей сложности переход академической сферы на немецкий язык занял около 300 лет. Процесс постепенного осознания немецкого языка как языка образования и науки имел свою специфику, ибо «существенной предпосылкой развития национальных языков является национализация письменной публичной речи», а постепенному вытеснению латыни способствовала «национализация и секуляризация просвещения в нарождающемся буржуазном обществе». Это приводит к тому, что национальные языки утверждаются в правовой коммуникации, в образовании, науке, а в протестантских странах, в том числе и в религии (ЖИРМУНСКИЙ 1956: 52). В связи с этим важным представляется замечание Ю. Шиве о том, что переход наук с латыни на национальный язык в первую очередь касается не языка, а «обмена двумя стилями мышления» («Austausch zweier Denkstile») (SCHIEWE 1996). Тот факт, что языковое оформление всей науки изначально происходило на латинском, означает, что латынь, вошедшая в немецкий языковой корпус, поддерживала двуязычие в науке и образовании и через эти структуры напоминала о сфере науки, ее авторитете и ее истоках. И здесь уместным представляется высказывание Ю. Шоттеля (1648):

Auf die Enderung der Sprache folget eine Enderung der Sitten. Verenderte Sitten pflegen gemeiniglich das gemeine Leben also zu enderen, daß Unglück und Untergang auf dem fusse daher folget (KOLDEWEY 1900).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Баева Г. А. Мультимодальный контент первых учебных пособий по обучению немецкому языку // Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете. 2022. Т. 12. С. 347—377. [Baeva, Galina A. (2022) Mul'timodal'nyy kontent pervykh uchebnykh

- posobiy po obucheniyu nemetskому yazyku (Multimodal Content of the First German Language Teaching Manuals). *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom universitete* (German Philology in Saint Petersburg University), 12, 347—377. (In Russian)].
- Бурмакина Н. Г. Жанр лекции и его культурно обусловленная маркированность // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Филология. 2013. № 1. Т. 1. С. 185—191. [Burmakina, Natalya G. (2013) Zhanr lektzii i yego kul'turno obuslovlennaya markirovannost' (Lecture Genre and its Culturally Conditioned Markedness). *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Philology*, 1, vol. 1, 185—191). (In Russian)].
- Гухман М. М., Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С. История немецкого литературного языка XVI—XVIII вв. М.: Наука, 1984. [Gukhman, Mirra M., Semenyuk, Natalya N., Babenko, Natalya S. (1984) *Istoriya nemetskogo literaturnogo yazyka XVI—XVIII vv.* (History of the German Literary Language of the 16th—18th centuries). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. История немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. [Zhirmunskiy, Viktor M. (1956) *Istoriya nemetskogo yazyka* (History of the German language). Moscow: Foreign Literature Publishing House. (In Russian)].
- Таланина А. А. Жанр лекции в учебно-научном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2021. [Talanina, Aleksandra A. (2021) *Zhanr lektzii v uchebnonauchnom diskurse* (Lecture Genre in Educational and Scientific Discourse). PhD thesis in Philology. Arkhangel'sk: Northern Federal University. (In Russian)].
- Таценко Т. Н. Реформация и начальное образование в немецких городах XVI века // Городская культура. Средневековье и начало Нового времени / ред. В. И. Рутенбург. Л.: Наука, 1986. [Tatsenko, Tamara N. (1986) *Reformatsiya i nachal'noye obrazovaniye v nemetskikh gorodakh XVI veka* (Reformation and Primary Education in German Cities of the 16th century). In: Rutenberg, Viktor I. *Gorodskaya kul'tura. Srednevekov'ye i nachalo Novogo vremeni* (Urban Culture. Middle Ages and Early Modern Times). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Adelung, Johann Christoph. (1780) *Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der hochdeutschen Mundart*. Bd. IV. Leipzig: Breitkopf.
- Admoni, Wladimir G. (1990) *Historische Syntax des Deutschen*. Tübingen: Niemeyer.

- Apel, Hans Jürgen. (1999) *Die Vorlesung. Einführung in eine akademische Lehrform*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Benzenhöfer, Udo. (2003) *Paracelsus*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt TB.
- Berthold von Regensburg. (1862) *Vollständige Ausgabe seiner Predigten mit Anmerkung und Wörterbuch*. Bd. III. Wien: Franz Pfeiffer.
- Bruning, Jens. (2011) Vorlesungsverzeichnisse. In: Rasche, Ulrich. (ed.) *Quellen zur frühneuzeitlichen Universitätsgeschichte. Typen, Bestände, Forschungsperspektiven*. Wiesbaden: Harrasowitz, 269—292. (Wolfenbütteler Forschungen 128)
- Clark, William. (2006) *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
- Düffel, Peter. (1970) (ed.) *Thomasius, Christian: Deutsche Schriften*. Stuttgart: Springer.
- Ickelsamer, Valentin. (1527) *Ein Teütsche Grammatica*. Nürnberg, 1527. In: Müller, Johannes. (1882) *Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts*. Gotha. [Reprograph. Nachdruck. Hildesheim; New York: Olms, 1969].
- Frangk, Fabian. (1531) *Orthographia deutsch, Lernt, recht buchstäbig deutsch schreiben*. Durch M.Fabian Frangken. Wittemberg. MDXXXI; Ein Gantzley und Titel buechlin. In: Müller, Johannes. (1882) *Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts*. Gotha. [Reprograph. Nachdruck. Hildesheim; New York: Olms, 1969].
- Gierl, Martin. (2012) Wissenschaftssprache. In: Jaeger, Friedrich. (ed.) *Enzyklopädie der Neuzeit*. Bd. 15. Stuttgart; Weimar: Metzler, 85—93.
- Giesecke, Michael. (1992) *Sinnenwandel, Sprachwandel, Kulturwandel. Studien zur Vorgeschichte der Informationsgesellschaft*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag.
- Harms, Friedrich. (1885) *Methode des akademischen Studiums*. Leipzig: Th. Grieben.
- Heun, Carl. (1792) *Vertraute Briefe an alle edelgesinnten Jünglinge, die auf Universitäten gehen wollen*. Teil 2. Leipzig: Johann Samuel Heinsius und Sohn.
- Hodermann, Richard. (1891) *Universitätsvorlesungen in deutscher Sprache um die Wende des 17. Jahrhunderts. Eine sprachgeschichtliche Abhandlung*. Gotha: J. Schmidt.
- Horn, Ewald. (1897) *Kolleg und Honorar. Ein Beitrag zur Verfassungsgeschichte deutscher Universitäten*. München: Akademischer Verlag.
- Kaufmann, Georg. (1898) *Die Geschichte der deutschen Universitäten*. Bd. 2: Entstehung und Entwicklung der deutschen Universitäten bis zum

- Ausgang des Mittelalters. Stuttgart: Verlag der J. G. Gotta'schen Buchhandlung.
- Klein, Wolf Peter. (2010) Die deutsche Sprache in der Gelehrsamkeit der frühen Neuzeit. Von der lingua barbarica zur HauptSprache. In: Jaumann, Herbert & al. (eds) *Diskurse der Gelehrtenkultur in der Frühen Neuzeit: Ein Handbuch*. Berlin; New York: De Gruyter, 465—516.
- Kühlmann, Wilhelm. (1989) Nationalliteratur und Latinität: Zum Problem der Zweisprachigkeit in der frühneuzeitlichen Literaturbewegung Deutschlands. In: Garber, Klaus. (ed.) *Nation und Literatur im Europa der Frühen Neuzeit*. Akten des I. Internationalen Osnabrücker Kongresses zur Kulturgeschichte der Frühen Neuzeit. Tübingen: Max Niemeyer, 164—206.
- Koch, Hans-Albrecht. (2008) *Die Universität. Geschichte einer europäischen Institution*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Koldewey, Friedrich E. (1900) (ed.) *Friedens Seig. Ein Freudenspiel von Justus Georg Schottelius. 1648*. Halle a. S.: Niemeyer.
- Lorenzen, Hermann. (1957) *Martin Luther: Pädagogische Schriften*. Paderborn: Schöningh.
- Paulsen, Friedrich. (1896) *Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Mit besonderer Rücksicht auf den klassischen Unterricht*. Erster Band. Leipzig: Veit. [2., umgearb. und sehr erw. Aufl.]
- Paulsen, Friedrich & Lehmann, Rudolf. (1919) *Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart*. Bd. 1. Leipzig: Veit. [3., erw. Aufl.]
- Polenz, Peter. (1994) *Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart*. Bd. 2: 17. und 18. Jahrhundert; Bd. 3: 19. und 20. Jahrhundert. Berlin; New York: de Gruyter.
- Pörksen, Uwe. (1983) Der Übergang vom Gelehrtenlatein zur deutschen Wissenschaftssprache. Zur frühen deutschen Fachliteratur und Fachsprache in den naturwissenschaftlichen und mathematischen Fächern. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 13, 227—258.
- Pörksen, Uwe. (1994) Paracelsus als wissenschaftlicher Schriftsteller. Ist die deutsche Sachprosa eine Lehnbildung der lateinischen Schriftkultur? In: *Wissenschaftssprache und Sprachkritik. Untersuchungen zu Geschichte und Gegenwart*. Tübingen: Narr, 37—83.
- Pörksen, Uwe. (2020) Paracelsus als wissenschaftlicher Schriftsteller. Ist die deutsche Sachprosa eine Lehnbildung der lateinischen Schriftkultur? Wiederabdruck. In: Schiewe, Jürgen. (ed.) *Zur Geschichte deutscher Wissenschaftssprachen*. Berlin; Boston: de Gruyter, 233—273. (Lingua

Academica 5)

- Prinz, Michael. (2021a) „Buntschäckigte Universitätsprache“ und „gelehrt scheinender Mischmasch“. Codeswitching und language mixing in akademischen Vorlesungen der Frühen Neuzeit. In: Glaser, Elvira; Prinz, Michael & Ptashnyk, Stefaniya. (eds) *Historisches Codeswitching mit Deutsch. Multilinguale Praktiken in der Sprachgeschichte*. Berlin; Boston: de Gruyter, 303—330. (Studia Linguistica Germanica 140)
- Prinz, Michael. (2021b) Historische Vorlesungen zwischen freyem Discours und Heftmanufactur. Praktiken des Vortragens und Nachschreibens akademischer Vorlesungstexte im 18. und frühen 19. Jahrhundert. In: Klein, Wolf Peter; Schulz, Matthias & Staffeldt, Sven. (eds) *Würzburger elektronische sprachwissenschaftliche Arbeiten*, 23, 135—180.
- Schiewe, Jürgen. (1996) *Sprachenwechsel — Funktionswechsel — Austausch der Denkstile. Die Universität Freiburg zwischen Latein und Deutsch*. Tübingen: Niemeyer. (Reihe Germanistische Linguistik, 167).
- Stark, Werner. (1992) Die Formen von Kants akademischer Lehre. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*, 40/5, 543—562.
- Stichweh, Rudolf. (2013) *Wissenschaft, Universität, Professionen. Soziologische Analysen*. Bielefeld: transcript.
- Sudhoff, Karl. (1922) (ed.) *Paracelsus, Theophrast von Hohenheim: Sämtliche Werke*. Abt. I: Die medizinischen, naturwissenschaftlichen und naturphilosophischen Schriften. Bd. 1—2. Berlin: München: Barth.
- Telle, Joachim. (1981) Die Schreibart des Paracelsus im Urteil deutscher Fachschriftsteller des 16. und 17. Jahrhunderts. *Medizinhistorisches Journal*, 16, 78—100.
- Tholuck, August. (1853) *Das akademische Leben des siebzehnten Jahrhunderts*. Erste Abt.: Die akademischen Zustände. Halle: Eduard Anton.
- Weimann, Karl-Heinz. (1993) Sprache und Wortschatz bei Paracelsus. In: Dopsch, Heinz & al. (eds) *Paracelsus (1493—1541)*. Salzburg, 211—216.
- Weimar, Klaus. (1989) *Geschichte der deutschen Literaturwissenschaft bis zum Ende des 19. Jahrhunderts*. München: Fink.
- Weinreich, Uriel. (1977) *Sprachen in Kontakt. Ergebnisse und Probleme der Zweisprachigkeitsforschung*. München: Beck.
- Wells, Christopher J. (1990) *Deutsch: eine Sprachgeschichte bis 1945*. Tübingen: Niemeyer.
- Zedler, Johann H. (1732) *Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste*. Halle und Leipzig: Verlegt Johann Heinrich Zedler.

Galina A. Baeva
Saint Petersburg State University

To the Formation of the Text Type “Academic Lecture” in Germany

The article is devoted to the initial period (16th—17th centuries) of the formation of the German language as the language of science and university education, which replaces Latin. For many years it determined the scientific and educational discourse of Germany. Using the example of university scientists (Paracelsus, Thomasius, etc.), who were among the first to create a precedent for lecturing in a university audience in their native German, the complex and ambiguous path of transition is shown not only to a new language of instruction (German), but also to the process of transformation of public opinion about the role and purpose of education and the role of the native language in the formation of the scientific discourse of a particular science. The switch and transition from general bookish Latin erudition (Buchgelehrsamkeit) to expediency (Nützlichkeit) had objective and subjective causes, implied, among other things, an exchange of two different styles of thinking and presupposed an intermediate period (deutsch-lateinische Mischsprache), in which a mixture of languages took place: the less fixed, colloquial or conversational German was combined with examples of the known specialized Latin vocabulary. On the basis of the “bilingualism” of the speaker and his listeners, the German language in this case acquired a special, regulated mixed form. The parts written or spoken in Latin are inserted into the text as a framework and belong to the “scientific culture” (Scientia), while the text in German records everyday knowledge acquired through practical experience (Kunst). Gradually, the purely linguistic problems of the spread of the German language in the academic and scientific spheres were joined by patriotic and socio-political calls for the elevation of the German language to the level of a national language, a kind of call for the nationalization of written and oral public speech. The multifaceted and gradual transition from Latin, partly through the influence of the French language, to the German language and its spread and consolidation in the academic sphere took a total of about 300 years.

Keywords: University; lecture; scientific language; Latin; diglossia

Для цитирования:

Баева Г. А. К становлению типа текста «академическая лекция» в Германии // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 35—58.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-35-58.

To cite this Article:

Baeva, Galina A. (2025) K stanovleniyu tipa teksta “akademicheskaya leksiya” v Germanii (To the Formation of the Text Type “Academic Lecture” in Germany). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 35—58. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-35-58.

Статья поступила в редакцию 01.05.2025; принята к публикации 30.05.2025

The article was submitted 01.05.2025; accepted for publication 30.05.2025

Ю. А. Блинова

Самарский национальный исследовательский
университет им. акад. С. П. Королева

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ НАРРАТИВА
(на материале романа К. Рансмайра *Cox oder der Lauf der Zeit*)

Нарратив как культурно-языковое явление по своим внешнетекстовым характеристикам считается национально нейтральным. Однако в содержательных категориях проявляется его культурная специфика с помощью культурно-маркированных элементов. Наиболее ярким способом языковой репрезентации культурно-специфической информации в нарративном тексте служат прецедентные имена и названия. Культурный компонент их значения представлен имплицитно и имеет ассоциативную природу. В статье на материале романа *Кокс, или Бег времени* австрийского писателя Кристофа Рансмайра анализируется, какие классы прецедентных имен собственных передают культурно-специфическую информацию в нарративе и какое влияние оказывает культурный компонент их значения на содержательно-нарративные категории и на культурную специфику нарративного текста в целом. Прецедентные онимы создают его культурную специфику на сюжетном уровне и на уровне его пространственной организации, выполняя функцию культурно-прагматических маркеров. Прецедентные мифонимы и библейские имена, в качестве эвокативных шифтеров и триггеров создают дополнительные имплицитные смыслы, в виде ключевых слов выступают индикаторами особой значимости контекста и необходимости его осмысления как поворотного пункта в ходе повествования. Использование прецедентных мифонимов и библейских онимов в новейшем немецкоязычном нарративном тексте подтверждает важность античного и христианского кода для не только немецкоязычной, но и для европейской культуры, особенно при столкновении с другой, сильно отличающейся, лингвокультурой. Передача этнокультурной информации чужой культуры осуществляется через систему прецедентных топонимов и их перифрастических номинаций. Сложность ассоциативной семантики прецедентных топонимов иной культуры компенсируется посредством семантической экспликации в контекстном окружении, что делает повествование не только информативно насыщенным, но и дополняет его качественными характеристиками, расширяет культурологиче-

ский опыт читателя за счет этнолингвистической и культурно-специфической информации. Семантические повторы представляют собой аллюзивные перифразы, актуализирующие обобщающе-константные и дифференцирующие признаки топонимов. В виде прагматических вставок в нарративном тексте они нарушают плавный ход повествования, но позволяют автору создать специфический культурный фон в произведении. За счет фасцинативной и суггестивной функций прецедентных онимов формируемое автором культурное пространство нарратива имеет аттрактивную форму и заставляет читателя воспринимать транслируемую культурно значимую информацию непроизвольно и некритически.

Ключевые слова: прецедентные имена; прецедентные топонимы; культурно значимая информация; культурное пространство; культурный фон; нарратив; немецкий язык

1. Введение

Сегодня нарратив относится к одному из комплексных понятий филологии, философии, культурологии, социологии и психологии. Нарратив как особый вид дискурса, в основе которого лежит история, изображающая событие, представляет большой интерес для лингвистов, поскольку является стереотипным культурно-языковым явлением, служащим для передачи информации о социальном опыте нации и отдельной личности. Отличительную черту литературного нарратива составляет его эстетико-фикциональный характер, что позволяет осмыслять сложные проблемы человечества в эстетическом ключе. И поэтому сам нарративный текст может рассматриваться в качестве инструмента познания действительности и человека, а также этнокультурного сознания.

Как подчеркивают исследователи, нарратив по своим внешнетекстовым характеристикам национально нейтрален. Его специфические характеристики определяются внутритекстовыми составляющими. К ним относятся национально-маркированные элементы, изучение которых дает возможность описывать национальную специфику сознания и языковой картины мира (АЛЕЩАНОВА 2006: 39).

В содержательных категориях проявляется национально-культурная вариативность, а значит и национально-культурная

специфика нарратива в целом. И. В. Алещанова выделяет три основные вариативные категории. К таким элементам, во-первых, относятся само событие, так как в рамках разных культур оно может восприниматься и интерпретироваться по-разному, в том числе и как внесобытийное явление. Во-вторых, это выбор сюжета как сценария развития ситуации, связывающего отдельные события в единое повествование. Третьим специфическим культурным элементом выступает временная структура повествовательного текста, что обусловлено различиями в фиксации временной последовательности между событиями в разных культурах (ibid.: 40–41). Традиционно пространственно-временные отношения считаются одним из важнейших аспектов представления картины мира. Более того, пространство и время рассматриваются как наиболее естественные координаты культуры.

Способы языковой репрезентации культурно-специфической информации в художественном тексте могут быть как имплицитными и проявляться в структуре и семантике языковой единицы как коннотативное или импликационное значение, так и эксплицитными в денотативном значении лексических единиц и при обозначении реалий (СЕМЕНОВА 2012: 3).

Наибольшую сложность для понимания и интерпретации вызывают прецедентные феномены, поскольку культурно-специфический компонент представлен в них имплицитно и опирается на ассоциации, связанные с культурным опытом читателя. Выявление культурного компонента значения возможно при идентификации актуализируемого в дискурсе аспекта прецедентности. Наиболее ярко культурная специфика прецедентного феномена проявляется, если аспект прецедентности осуществляется на сюжетном, образном и структурном уровнях (ibid.: 16–18).

Одним из наиболее распространенных способов ввода прецедентных феноменов в художественный текст являются прецедентные имена собственные. Прецедентные феномены представляют собой разнопорядковые понятия. По характеру номинации они относятся к различным классам имен собственных, обладают эмоциональной и когнитивной значимостью в рамках определенной лингвокультуры, и выступают в качестве средств репрезента-

ции культурно-специфической информации в дискурсе.

Возникает вопрос, какие именно классы прецедентных имен собственных передают культурно-специфическую информацию в нарративе и какое влияние оказывает культурный компонент их значения на содержательно-нарративные категории и на культурную специфику нарративного текста в целом?

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве материала исследования был выбран псевдоисторический роман *Кокс, или Бег времени* (*Cox oder Der Lauf der Zeit*, 2016) австрийского писателя и журналиста Кристофа Рансмайра (Christoph Ransmayr, 1954). Произведение представляет собой интерес для изучения культурной специфики нарратива, поскольку ткань повествования позволяет проследить взаимодействие и столкновение двух разных культур — европейской и китайской. Действие романа происходит в Китае в середине XVIII в. Ко двору императора Цяньлуна приезжает знаменитый английский часовой мастер Алистер Кокс со своими помощниками. По прихоти императора они делают несколько моделей изысканных и сложных часовых механизмов, измеряющих время с различной скоростью и ритмом, поскольку бег его неодинаков для ребенка и для приговоренного к смерти. Кроме того, мастеру необходимо выполнить последний заказ всемогущего императора Китая — часы, способные измерять вечность. С помощью метода семантико-когнитивного анализа проводится описание структуры значения прецедентных имен. Метод контекстуального и лингвокультурологического анализа позволяет выявить функции прецедентных онимов, а также культурную специфику нарративного текста на содержательном уровне.

3. Культурно-прагматический потенциал прецедентных онимов в нарративе

3.1. Прецедентные мифонимы и библейские имена и смысловое развертывание нарративного текста

Проанализировав прецедентные имена собственные в романе *Кокс, или Бег времени* на предмет их соотнесенности с культурным кодом, мы пришли к выводу, что прецедентное ономастическое пространство этого произведения складывается из двух областей: прецедентных имен, связанных с европейской культур-

ной традицией и китайской. При этом к первой группе были отнесены следующие классы прецедентных имен собственных: мифонимы (Janus, Penelope, Odysseus) библейские имена и топонимы (Arche Noah, Moses, Bibel, Bethlehem) антропонимы (Oliver Cromwell), топонимы в Англии (Themse, Brodem, Shoe Lane). Содержание прецедентного ономастикона с китайским культурным кодом состоит в первую очередь из топонимов (die Chinesische Mauer, die Verbotene Stadt, die Purpurstadt, Beijing, Jehol и т. п.).

Использование прецедентных имен и названий в художественном дискурсе представляет собой осознанный прием. Это культурно-интеллектуальная коммуникативная стратегия, позволяющая автору управлять восприятием и интерпретацией прочитанного. Так, на сюжетно-композиционном уровне прецедентные мифонимы и библейские имена служат эвокативными шифтерами, переключаящими внимание читателя с одной концептуальной области на другую, и задающими определенный вектор прочтения и интерпретации сюжетного развития в нарративном тексте.

К примеру, Рансмайр использует прецедентное название библейского происхождения Arche Noah 'Ноев ковчег' при описании ситуации в завязке действия. Запускающее событие в романе, когда главный герой, знаменитый английский часовой мастер Алистер Кокс, со своими помощниками приезжает в Китай ко двору императора Цяньлуна на корабле «Сириус», сравнивается с Ноевым ковчегом. Общим для них признаком, на основании которого происходит сопоставление, является признак из области импликационала Arche Noah «судно, на котором было много разнообразных животных и птиц», ср.:

- (1) Aber wie eine von einem Allmächtigen beschützte *Arche Noah* voll metallener Wundertiere — aus Silber und Gold geschmiedete und mit Juwelen besetzte, radschlagende Pfaue, mechanische Leoparden, Affen und silberhaarige Polarfüchse, Eisvögel, Nachtigallen und Chamäleons aus vergoldetem Kupferblech, die ihre Farben von Rubinrot zu tiefsten Smaragdgrün wechseln konnten — war die *Sirius* nicht hinabgefahren zum Grund, sondern hatte nach langwierigen Reparaturarbeiten an feindseligen Küstenstrichen wieder Segel gesetzt und den Kurs genommen auf ein verheißungsvolles, von einem Gottkaiser beherrschtes Land (RANSMAYR 2018: 20).

Библейская история Ноя, бесспорно, является культурным знаком, имеющим ценностные смыслы, закрепившимся в культурной памяти. В рассматриваемом примере прецедентный оним 'Ноев ковчег' оказывается еще и эвокативным шифтером, соединяющим ситуацию главного героя с архетипическим, культурно-знаковым образом Ноя, порождая тем самым новые смыслы. Так, Алистер Кокс на своем корабле «Сириус» словно Ной со своим ковчегом снаряжается в длительное плавание только с ненастоящими животными, а с механическими животными-автоматами и готовится к новой, неизвестной жизни. Вызываемые культурно-интеллектуальные ассоциации, связанные с Ноевым ковчегом, оказывают суггестивный эффект, актуализируют в сознании читателя фрагмент утвердившегося в культуре значимого социального опыта — спасительное путешествие, знаменующее собой «новую жизнь». Знаки языка культуры обладают мощным суггестивным потенциалом и это воздействие на реципиента происходит таким образом, что он принимает на веру то, что не вытекает из его собственного эмпирического опыта (ЧАНЫШЕВА 2012: 141).

Прецедентный мифоним Janus 'Янус' (в немецкой традиции наиболее употребительным вариантом является композитум Januskopf 'голова Януса') появляется в романе при описании второго импульса, запускающего события, заставляющие главного героя двигаться дальше. Образованное от мифонима прилагательное *janusköpfig* 'двуликий, двусмысленный' выступает в составе образного сравнения в качестве признака сравнения при описании любимой наложницы императора Китая Ань, напавшей Алистеру Коксу жену и дочь одновременно, ср:

- (2) Cox, über dessen Werkbänke ganze Halden von Schmucksteinen gekollert waren, hatte dieses unterschiedliche Leuchten schon auf dem Kaiserkanal, schon an der Reling der Dschunke erkannt und war sicher, daß diese Hand nur der Frau, nur dem Mädchen gehören konnte, das auf dem Wasser des Dà Yün hé an ihm vorübergeglitten war und ihn wie ein *janusköpfiges* Wesen an seine verstummte Frau und seine verlorene Tochter erinnert hatte (RANSMAIR 2018: 70).

Янус (лат. *janus* 'двери', 'ворота') был в римской мифологии богом входов и выходов, дверей и всяческого начала, в том числе и начала жизни человека. Он изображался с двумя смотрящими в

разные стороны лицами, откуда появился его эпитет «двуликий». Его двуликость объясняли тем, что двери ведут и внутрь, и из дома (ШТАЕРМАН 1990: 630). Двуликую Ань Кокс встречает в начале своего пребывания в Китае, ее появление символизирует непростую, двойственную жизнь мастера в Поднебесной и сложность полученных заданий, притягательность и недоступность красавицы.

Церемония сопровождения императора Китая, когда стражники выстраивались в плотное кольцо, а затем расступались, чтобы паланкин императора можно было пронести, сравнивается в романе с эпизодом «разделения моря» из прецедентной библейской истории «Моисей и исход евреев из Египта» с обращением к культурному христианскому коду европейской культуры. Толпа стражников разделилась, словно воды Красного моря по мановению руки Моисея.

- (3) Lockwood, der jeden Abend flüsternd, manchmal auch so laut und stockend aus *der Bibel* las, daß Bradshaw oder Merlin ihn zurechtweisen und drohten, wie würden ihm das Maul mit Polierleder stopfen, hätte sich bei diesem Anblick vielleicht an das Rote Meer, das sich vor *Moses* und seinen Israeliten teilte und das Volk Gottes zwischen turmhohen Wasserwänden trockenen Fußes über Seesterne, Muscheln und Korallen hinwegschreiten ließ (RANSMAYR 2018: 164).

Для осуществления эффекта ретардации перед кульминационным пунктом, когда герою необходимо сделать решающий выбор, автор включает в роман историю Пенелопы. Так же, как и Пенелопа, Алистер Кокс тянет время, чтобы передать ключи от часов, измеряющих вечность, поскольку боится, что после того, как часы будут готовы, он сам и его помощники будут казнены.

- (4) Zeit, hatte *Penelope* gesagt, sie brauchte Zeit. Erst wenn dieses Totentuch fertig sei, werde sie ihre Entscheidung treffen. Heimlich und Nacht für Nacht hatte sie Tagesarbeit aber wieder aufgelöst, um Zeit zu gewinnen, nein: um sie stillstehen zu lassen — bis eine Magd, die später dafür gehängt wurde, sie verriet (ibid.: 300).
- (5) Aber mit welchen Argumenten noch immer: Wie *die von ihren Freiern bedrängte Königin von Ithaka* konnte Cox die Zeit weder anhalten noch das Ende die Arbeit ins Ungefähre oder gar Unendliche verschleppen (ibid.).

Все рассмотренные примеры представляют собой ключевые моменты в ходе развития сюжета, в которых прецедентные имена участвуют в создании подтекста и одновременно выступают маркерами культурно значимой информации. В плане выражения прецедентные имена используются в составе образных сравнений, выступая в качестве образа или эталона сравнения, а актуализируемый импликациональный признак имени служит признаком сравнения. Вызываемые ассоциации запускают эвокативный механизм создания дополнительных скрытых смыслов, на которых строится подтекст нарративного текста; сами имена становятся эвокативными триггерами. Прецедентные имена принимают непосредственное участие в образовании многомерности смыслов в художественном произведении, они реализуют текстообразующую функцию в роли ключевых слов произведения, а также функцию создания подтекста (ЗАХАРОВА 2004: 18).

Обнаруженные в романе прецедентные мифонимы и библейские имена обладают высокой степенью социализации, что подтверждается их употреблением в контекстах без семантической редупликации. В анализируемых контекстных окружениях отсутствует семантический повтор концептуальной структуры прецедентного онима, что свидетельствует о ненужности выравнивания автором объема фоновых знаний для потенциальной аудитории и возможности их использования в роли ключевых слов для создания смысловых вех на важных этапах развития сюжета.

Наиболее ярким показателем социализации прецедентных имен считается процесс символизации. Символизация трактуется как процесс создания на абстрактно-обобщенном уровне понятий-символов, которые не просто являются знаком-аналогом, замещающим определенный предмет или явление, а концентрируют в обобщенной форме значимость их специфических свойств как «сверхважных» или «сверхреальных» (КОЛТУНОВА 2012: 73).

К основным параметрам имен-символов исследователи относят общепризнанность, наличие инварианта значения (ЗАХАРОВА 2004: 15). Имена-символы передают ментальные сущности высокой степени абстрактности, актуализируют метафизические

концепты, апеллируют к миру духовных ценностей, что обусловливается их ярко выраженной аксиологичностью. Имена-символы, так же, как и понятия-символы, концентрируют в себе такие черты как универсальность, глубину, уровень оценки события как компонента общественного сознания, отличающегося особой значимостью. Посредством прецедентных имен-символов автор подчеркивает значимость предмета осмысления. Сами прецедентные онимы в роли эвокативных шифтеров переносят акцентуацию из одной смысловой области в другую и становятся индикаторами, ориентирующими читателя контекста, который помимо восприятия нуждается в осмыслении и определенной интерпретации.

3.2. Прецедентные топонимы и культурный фон в нарративном тексте

Культурная специфичность пространственно-временной организации романа проявляется в первую очередь за счет высокой частотности прецедентных локативов китайской культуры. Это связано с тем, что действие романа протекает на территории Китая, герои перемещаются по стране, а их взаимодействие с носителями китайской культуры минимально и осуществляется через переводчика. Более того, любая культура, по мнению исследователей, имеет собственные уникальные пространственные измерения, выражающиеся не только в конкретных географических условиях, но и в определенных образах пространства, порождаемых этой культурой. Они являются существенным компонентом культуры и оказывают влияние на формирование и развитие самой культуры, определяя ряд ее уникальных признаков и феноменов. Топонимы, гидронимы представляют собой часть культурного ландшафта, отражающего взаимодействие культуры и пространства и создающего пространственные характеристики культуры. При этом огромное значение имеют создаваемые культурой смыслы, связанные с географическим пространством. Культура заново структурирует пространство своего обитания, представление о среде превращается в знаковую систему, вследствие чего эта система оказывается генетически связана с базовыми установками и кодами культуры, и сама культура выступает как пространственное яв-

ление (УВАРОВ 2011: 12–13).

Известный немецкий ономатолог Ф. Кольхайм к основным функциям топонимов в художественных текстах относит следующие: формирование вымышленного пространства, в котором разыгрывается действие, транслирование культурной информации, а также репрезентация исторической эпохи. В основе способности топонимов передавать культурно-специфическую информацию лежат звуко-символическая, характеризующая и классифицирующая функции онимов. Географическое название, его звучание и графическая форма вызывают у читателя определенные ассоциации, апеллируют к его знаниям и формируют в его сознании дополнительные характеристики (KONLHEIM 2013: 353–359).

Прецедентные имена, связанные с китайской культурой, в отличие от онимов европейской культуры, как правило, сопровождаются в контексте семантической редупликации. В частности, прецедентные локативы китайской лингвокультуры используются в контекстах с семантической экспликацией. Следует отметить, что китайские топонимы вводятся Рансмайром в текст романа сначала всегда в романизированной транскрипции, а затем следует перифрастическая номинация. Экзотическое звучание и графическое своеобразие китайских топонимов создают особый культурно-специфический колорит места.

В качестве примера приведем употребление двух прецедентных топонимов *Jehol* и *Zhōng Guó*. Топоним *Zhōng Guó* ‘Чжунго’ (буквально: ‘Срединное государство’) является самоназванием Китая и используется китайцами больше двух тысячелетий в качестве названия своего государства. *Jehol* ‘Джехол / Жэхэ’ был летней столицей маньчжурской династии, пытавшей сделать этот город центром тибето-монгольского буддизма под управлением цинской династии. Автор романа добавляет в контекстное окружение этих двух локативов семантический повтор, выравнивающий фоновые знания читателя; ср.:

- (6) Denn gemeinsam mit den kaiserlichen Palästen von *Jehol* war in den Baujahren der *Sommerresidenz* auch ein Pavillon errichtet worden, dessen Dach sich als Sternenhimmel aus Ebenholz über einer Art Spielzeuglandschaft wölbte, einem aus Granit, Basalt, Marmor, Bergkris-

tallen und Quarzsand errichteten Modell von *Zhōng Guó, dem chinesischen Kaiserreich* (RANSMAYR 2018: 238).

При этом в разных контекстах одни и те же прецедентные топонимы сопровождаются повторами, актуализирующими иные семантические признаки. Если в рассмотренном выше примере к прецедентному топониму *Zhōng Guó* 'Чжунго', прикрепляется прагматическая вставка с авторским пояснением «китайская империя», то в следующем контексте, описывающем трон императора, вокруг которого вращается не только вся страна, но и небо, и земля, используется перифрастическое наименование Китая — «Срединная империя». Ср.:

- (7) ...wie lächerlich, wie grotesk und einer Wahnfigur ähnlich jedes andere menschliche Wesen auf diesem Thron erschien, um *den sich nicht allein Zhōng Guó, das Reich der Mitte, sondern Himmel und Erde drehen* (ibid.: 217).

Так Рансмайр постепенно насыщает текст романа культурно значимой информацией, формируя культурный фон произведения. Писатель сознательно вводит с помощью прагматических вставок культурно маркированные семантические признаки, не выводимые для носителей китайской культуры из собственного значения топонима. Культурный фон рассматривается исследователями как особый вид культурной информации и определяется как не входящие в собственное значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе (Ковшова 2018: 57–58).

Показательным примером контекста с семантической экспликацией служит отрывок с прецедентным топонимом Великая Китайская стена; ср.:

- (8) Und nahezu durch die ganze Weite dieser Spielzeugwelt verlief *die Große Mauer, Wan li chang cheng*, dieser zehntausendmal unvorstellbar lange Wall, einmal dahin, einmal dorthin, je nach militärischen Tatsachen und in unzähligen Windungen, als sollte dieses größte Bauwerk der Menschheit neben vielen anderen Funktionen auch noch jenen Namen mit Bedeutung erfüllen, den das Volk der Mauer gegeben hatte: *Der Große Drache, der das Reich der Mitte* in seiner Unermesslichkeit gleichermaßen beschützte und gnadenlos beherrschte (RANSMAYR 2018: 239).

В приведенном примере семантические повторы раскрывают импликации топонима и его смысловую многоплановость. К семантическим признакам импликационала 'Великая Китайская стена' следует отнести следующие: «вал, укрепление со множеством изгибов, длиною в 10000 ли», «величайшее архитектурное сооружение человечества», «Великий дракон, защищающий Срединную империю и беспощадно ей правящий».

Большей выразительностью обладают контексты с образными перифразами, когда прецедентный топоним заменяется на словосочетание с указанием на его наиболее характерные признаки. В этом случае автор выделяет один из ключевых признаков, наиболее важный в художественном отношении для его замысла. Данное явление иллюстрирует пример с прецедентными для Китая гидронимами — названиями трех крупнейших рек Huáng Hé 'Хуанхэ', Cháng Jiāng 'Янцзы', Heilong Jiang 'Хэйлунцзян'. Считается, что бассейны этих рек представляют собой место формирования и становления китайского этноса. Так, река Хэйлунцзян имеет еще одно образное название «река черного дракона», соединяющая богов, демонов и людей; ср.:

- (9) *Der Huáng Hé, der Lan Cháng Jiāng und selbst der Heilong Jiang, der Schwarze Drachenfluß, der als direkte Verbindung zwischen Göttern, Dämonen und Menschen gilt — alle wurden von Tag zu Tag dünner und ihr Spiegel sank (ibid.: 244).*

Семантический повтор в виде образной перифразы выполняет не только эстетическую, но и смысловую функцию, поскольку актуализирует еще и культурные референции, связанные с топонимом. Соотнесенность названия реки с ее устоявшимися характеристиками в китайской культуре дает читателю ценную информацию о чужой, незнакомой культуре. По своей когнитивно-семантической модели данный вариант повторной номинации представляет собой аллюзивную перифразу. А. И. Синина трактует этот тип перифразы как подмену прямого наименования предмета указанием на известные факты истории или культурные явления (Синина 2013: 95).

На содержательном уровне аллюзивная перифраза вносит в нарративный текст дополнительную культурологическую информацию, которая тематически выпадает из основной линии

повествования. Такой тематический сдвиг нарушает плавное течение текста, однако одновременно расширяет информационные возможности высказывания. На синтаксическом уровне подобные включения являются прагматическими вставками, цель которых — смысловая привязка к прецедентному ониму в связи с необходимостью дать ему попутную характеристику, комментарий или оценку. Коммуникативно-семантическую сущность прагматических вставок О. А. Кострова описывает как обеспечение глубинного плана текста. С их помощью обозначается ярусная структура текста, разграничиваются две содержательные линии: основная и «интертекстуальные» вкрапления. Эти внесения чаще всего оказываются замаскированным или прямым голосом автора, создающего текст в тексте (КОСТРОВА 2012: 91). Аллюзивные прагматические вставки позволяют писателю реализовывать культурно-интеллектуальную стратегию по созданию своего или чужого культурного пространства в нарративе.

Аллюзивные перифразы прецедентных топонимов встречаются в романе и самостоятельно. Наиболее показательным примером являются перифрастические номинации дворцового комплекса в Пекине *Zǐ jìn chéng* / *die purpurne Stadt* / *die Purpurstadt* и *die Verbotene Stadt*. Примечательно, что первое упоминание дворца императора в романе сопровождается прагматическими вставками с аллюзивными перифразами; ср.:

- (10) Seltenerweise sollte Cox an diesem Tag den geheimnisvollsten und für die meisten Untertanen unzugänglichsten Ort des Reiches so beruhigend, ja fast vertraut empfinden wie kein anderes Etappenziel seiner Reise: *Zǐ jìn chéng*, des Kaisers *purpurne Stadt*. *Die Verbotene Stadt* (RANSMAYR 2018: 50).

Далее эти перифрастические номинации используются в тексте без семантических повторов.

Для романа с местом действия в Китае для перифрастических номинаций с китайскими топонимами наиболее характерными оказываются обобщающие, константные и дифференцирующие признаки. К первым Т. В. Передреева относит характеристики географического объекта по нейтральному информативному признаку, указывающие на его официальный статус. Согласно ее классификации, константные признаки предназна-

чены для максимально тождественной замены первичного имени на вторичный. Дифференцирующие признаки выделяют объект из ряда других (ПЕРЕДРЕЕВА 2018: 16–17).

Следует отметить, что в романе Рансмайра перифразы с обобщающими или константными семантическими признаками используются затем в романе самостоятельно. Примером могут служить следующие топонимы: *Zǐ jìn chéng* и его перифрастические номинации *die purpurne Stadt / die Purpurstadt* ‘Пурпурный город’ и *die Verbotene Stadt* ‘Запретный город’, а также *Wan li chang cheng / Chinesische Mauer* ‘Китайская стена’, *Große Mauer* ‘Великая Китайская стена’, *Zhōng Guó / das Reich der Mitte* ‘Срединное государство’, *der chinesische Kaiserreich* ‘Китайская империя’, *Jehol / Sommerresidenz* ‘Летная столица’. При этом автор романа использует китайские топонимы, прибегая к определенной речевой стратегии. Сначала в контексте с семантическим повтором актуализируются обобщающе-константные признаки, а затем следуют дифференцирующие. Так, главный герой романа начинает свое знакомство с Китаем с Великого канала *Dà Yùnhé* ‘Даюньхэ’, к дифференцирующим признакам которого, в частности, относится «канал, соединяющий юг империи с Пекином и севером»; ср.:

- (11) *Cox wußte nicht, ob auch der Kaiser Nacht für Nacht von den schwarzen Wellen des Dà yùn hé, des Großen Kanals, der den Süden des Reiches mit Beijing und dem Norden verband, in den Schlaf gewiegt wurde...* (RANSMAYR 2018: 28).

Бесспорно, что все приведенные контексты с топонимами и конструкциями с их перифрастическими номинациями несут культурно значимую информацию. В основе этой способности по мнению Т. В. Передреевой, лежит свойство топонимических перифраз сохранять и передавать культуру и национальные традиции (ПЕРЕДРЕЕВА 2018: 17). Топонимы сами по себе являются неотъемлемой частью фоновых знаний носителей любой лингвокультуры, поскольку оказываются связанными с историческими событиями и процессами, что приводит к закреплению за ними информации историко-культурного характера и в дальнейшем к способности к культурным референциям в дискурсе. С точки зрения культурной географии, известные топонимы рас-

смаатриваются как памятники историко-культурного и природного наследия разных уровней, причисляются к элементам геокультурного пространства (ГРИГОРЬЕВ 2011: 65–66).

Использование топонимов в художественном тексте позволяет автору формировать культурное пространство как своей, так и чужой лингвокультуры. К культурному пространству в лингвокультурологии относят все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов лингвокультурного сообщества (КОВШОВА 2018: 53). Через систему прецедентных топонимов он погружает читателя в культурный ландшафт с реальными географическими и культурно-историческими объектами, наполняя его еще и дополнительными ценностными смыслами.

В нарративном тексте освоение географической реальности связано с обнаружением в структуре пространства ценностно отмеченных мест, специфичность которых обнаруживается на разных уровнях — мировоззренческом, культурном, текстовом. Как отмечает Е. Л. Березович, трансляция этнокультурной информации может происходить различными каналами, в том числе и через систему топонимов (БЕРЕЗОВИЧ 2020: 154).

Прецедентные топонимы способны передавать не только культурную информацию, но и вбирать в себя ценностное содержание и репрезентировать пространственный культурный код. Прецедентные сакральные локативы могут использоваться в качестве эталона сравнения и актуализировать прецедентные ситуации и тексты. Так, представленный Алистером Коксом эскиз корпуса часов, измеряющих время приговоренного к смерти, напоминает его верующему помощнику своими очертаниями рождественский вертеп перед стенами Вифлеема, хотя сам мастер хотел воплотить облик Великой Китайской стены; ср.:

(12) Das Ding sehe ja aus wie eine *weihnachtliche* Landschaft vor den Mauern von *Bethlehem*, wie eine Krippe, sagte Bradshaw, als Cox den Gefährten einen mit Kohle gezeichneten ersten Aufriss des Uhrengehäuses zeigte ..., da fehlten nur noch der Stern, die Hirten und die drei Weisen aus dem Morgenland.

Das ist nicht *Bethlehem*, sagte Merlin, das ist *die Große Mauer* Qianlongs; *die Chinesische Mauer* (RANSMAYR 2018: 126).

Как показывает приведенный пример, сакральный для христианской культуры топоним Bethlehem 'Вифлеем' является атрибутом евангельской рождественской истории, так же, как и Вифлеемская звезда, пастухи и три волхва, выступающие средствами опредмечивания христианского кода для представителей европейской культуры. Великая Китайская стена, в свою очередь, представляет собой не только известное архитектурное сооружение, но и считается воплощением древней китайской мудрости и настойчивости, символом величия и единства китайской цивилизации.

Контексты с прецедентными топонимами и их семантическими повторами строятся на яркости и обширном смысловом потенциале этих онимов. Семантическая сложность прецедентных имен лежит в основе их содержательной наполненности и тяготения к передаче качественных характеристик. Свойство перифрастических номинаций топонимов сохранять и передавать культурно значимую информацию обуславливает их способность опредмечивать культурный код нации. Использование прецедентных для китайской культуры топонимов расширяет культурологический опыт читателя, создает дополнительные смыслы, оказывает успешное эмоциональное воздействие на реципиента, обладающее повышенной силой убеждения или внушения, поскольку представляет собой фасциативный прием, обеспечивающий эмоционально-эстетическое воздействие на читателя.

4. Выводы

Культурная специфика нарративного текста проявляется на сюжетном уровне и его пространственной организации через прецедентные имена, выполняющие функцию культурных маркеров. Прецедентные имена-символы, в данном случае прецедентные мифонимы и библейские имена, в качестве эвокативных шифтеров и триггеров создают дополнительные имплицитные смыслы, в роли ключевых слов выступают индикаторами особой значимости контекста и необходимости его осмысления как поворотного пункта в ходе повествования. Использование прецедентных мифонимов и библейских онимов в немецкоязычном нарративном тексте подтверждает важность античного и христианского кода для европейской культуры, особенно при столк-

новении с другой, сильно отличающейся, лингвокультурой.

Иная культура проявляется в нарративном тексте в первую очередь через пространство ценностных мест. Передача этнокультурной информации осуществляется через систему прецедентных топонимов и их перифрастических номинаций. Ассоциативная семантика прецедентных топонимов чужой культуры компенсируется посредством семантической экспликации в контекстном окружении, что позволяет сделать повествование не только информативно насыщенным, дополнить его качественными характеристиками, расширить культурологический опыт читателя за счет этнолингвистической и культурно специфической информации. Семантические повторы представляют собой аллюзивные перифразы, актуализирующие обобщающе-константные и дифференцирующие признаки топонимов. Автор включает их в нарративный текст в виде прагматических вставок, нарушающих плавный ход повествования, но позволяющих создать специфический культурный фон в произведении.

Кроме того, перечисленные функции прецедентных имен дополняются фасцинативной и суггестивной, благодаря которым формируемое автором культурное пространство нарратива имеет аттрактивную форму и заставляет читателя воспринимать транслируемую культурно значимую информацию непринужденно и некритически.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Алещанова И. В. Нарратив как культурная модель // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 4 (1). С. 38—43. [Aleshchanova, Irina V. (2006) *Narrativ kak kul'turnaia model'* (Narrative as a Cultural Model). *NSU Vestnik. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 1, 38—43. (In Russian)].
- Березович Е. А. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства / ред. А. К. Матвеев. М.: ЛЕНАНД, 2020. [Berezovich, Yelena L. (2020) *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskii obraz prostranstva* (Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect: Mythopoetic Image of Space). Moscow: Lenand. (In Russian)].
- Григорьев А. А., Паранина Г. Н. Культурная география: шаг к истокам? // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Серия 7: геология.

- География. 2011. № 3. С. 60—72. [Grigoryev, Aleksey A. & Paranina, Alina N. (2011) Kul'turnaia geografiia: shag k istokam? (Cultural Geography: Step to the Sources?). *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 7: Geology. Geography*, 2011, 3, 60—72. (In Russian)].
- Захарова М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имен собственных (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара: Самарский гос. педагогический ун-т, 2004. [Zakharova, Mariya A. (2004) *Semantika i funktsionirovanie alliuzivnykh imen sobstvennykh (na materiale angloiazychnykh khudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstov)* (Semantics and Functioning of Allusive Proper Names (Based on English-Language Literary and Journalistic Texts)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Samara: Samara State Pedagogical University. (In Russian)].
- Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. М.: Гнозис, 2018. [Kovshova, Mariya L. & Gudkov, Dmitriy B. (2018) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic and Cultural Terms). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Колтунова Е. А. Символ и символизация: сходство и различия интерпретаций в контексте различных психологических подходов // Российский психологический журнал. 2012. Т. 9, № 3. С. 72—81. [Koltunova, Yelena A. (2012) Simvol i simvolizatsiya: skhodstvo i razlichiya interpretatsii v kontekste razlichnykh psikhologicheskikh podkhodov (Symbol and Symbolization: Similarities and Differences of Interpretations in the Context of Different Psychological Approaches). *Russian Psychological Journal*, 9 (3), 72—81. (In Russian)].
- Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта, 2012. [Kostrova, Olga A. (2012) *Ekspressivnyy sintaksis sovremennogo nemetskogo iazyka* (Expressive Syntax of Modern German). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Передреева Т. В. Лингвокультурологический потенциал немецких топонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2018. [Peredreyeva, Tatyana V. (2018) *Lingvokul'turologicheskii potentsial nemetskikh toponimov* (Linguistic and Cultural Potential of German Toponyms). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Ufa: Bashkir State University. (In Russian)].
- Семенова Е. П. Языковая репрезентация культурно-специфической информации в художественном тексте (на материале современной русской прозы и ее переводов на английский язык): авто-

- реф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Калининград: Балтийский федеральный ун-т, 2012. [Semenova, Yelena P. (2012) *Yazykovaya reprezentatsiya kul'turno-spetsificheskoy informatsii v khudozhestvennom tekste (na materiale sovremennoy russkoy prozy i eyo perevodov na angliiskiy yazyk)* (Linguistic Representation of Culturally Specific Information in a Literary Text (Based on the Material of Modern Russian Prose and its Translations into English)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Kalinigrad: Immanuel Kant Baltic Federal University (In Russian)].
- Синина А. И. Разновидности перифрастической номинации в современной англоязычной публицистике // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: языкознание. 2013. № 2 (18). С. 94—98. [Sinina, Anna I. (2013) *Raznovidnosti perifrasticheskoy nominatsii v sovremennoy angloyazychnoy publitsistike* (Varieties of the Periphrastic Nomination in the Modern English Press) *Science Journal of Volgograd State University*, 2 (18), 94—98. (In Russian)].
- Уваров М. С. Культурная география в культурологической перспективе (аналитический обзор) // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 6—18. [Uvarov, Mikhail S. (2011) *Kul'turnaya geografiya v kul'turologicheskoy perspektive (analiticheskiy obzor)* (Cultural Geography in Perspective of Culturology (an Analytic Review)). *International Journal of Cultural Research*, 4 (5), 6—18. (In Russian)].
- Чанышева З. З. Суггестивный эффект знаков лингвокультуры в медиакommunikации // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1, № 3. С. 140—147. [Chanysheva, Zulfira Z. (2012) *Suggestivnyy effekt znakov lingvokul'tury v mediakommunikatsii* (Suggestive Effects of Linguocultural Signs in Mass Media Communication). *Pushkin Leningrad State University Journal*, 1, 3, 140—147. (In Russian)].
- Штаерман Е. М. Янус // Мифологический словарь / ред. Е. М. Мелетинский. М: Советская энциклопедия, 1990. С. 630. [Shtayerman, Yelena M. (1990) *Ianus (Janus)*. In: Meletinskiy, Eleazar M. (ed.) *Mifologicheskii slovar'* (Mythological Dictionary) Moscow: Soviet Encyclopedia, 630. (In Russian)].
- Kohlheim, Volker. (2013) *Toponyme in der Literatur: Ein kognitivistischer Ansatz. Namenkundliche Informationen*, 101/102, 352—364.
- Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources**
- Ransmayr, Christoph. (2018) *Cox oder Der Lauf der Zeit*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag.

Precedent Names as a Means of Representation of Narrative Cultural Specifics (exemplified by the Novel *Cox Oder Der Lauf Der Zeit* by Christoph Ransmayr)

Narrative as a cultural-linguistic phenomenon is considered to be nationally neutral by its external-textual characteristics. However, its cultural specificity is manifested in the content categories with the help of culturally labelled elements. The most vivid way of linguistic representation of culturally specific information in a narrative text is represented by precedent names and titles. The cultural component of their meaning is presented implicitly and has an associative nature. The article analyses on the material of the novel *Cox: oder Der Lauf der Zeit* by Austrian writer Christoph Ransmayr what classes of precedent proper names convey culturally specific information in the narrative and what influence the cultural component of their meaning has on the content-narrative categories and on the cultural specificity of the narrative text as a whole. Precedent onyms create its cultural specificity at the narrative level and at the level of its spatial organisation, performing the function of cultural-pragmatic markers. Precedent mythonyms and biblical names, as evocative shifters and triggers, create additional implicit meanings, as key words, act as indicators of the special significance of the context and the need to comprehend it as a turning point in the course of the narrative. The use of precedent mythonyms and biblical onyms in the latest German-language narrative text confirms the importance of the ancient and Christian code not only for German-speaking but also for European culture, especially when encountering another, very different, linguoculture. Ethno-cultural information of a foreign culture is transmitted through the system of precedent toponyms and their periphrastic nominations. The complexity of associative semantics of precedent toponyms of another culture is compensated by means of semantic explication in the contextual environment, which makes the narrative not only informatively rich, but also supplements it with qualitative characteristics, expands the reader's cultural experience at the expense of ethno-linguistic and culturally specific information. Semantic repetitions are allusive periphrases that actualise generalising and differentiating features of toponyms. In the form of pragmatic insertions in the narrative text they disrupt the smooth flow of the narrative, but allow the author to create a specific cultural background in the work. Due to the fascinating and suggestive functions of the precedent onyms, the cultural space of the

narrative formed by the author has an attractive form and makes the reader perceive the culturally significant information broadcast involuntarily and uncritically.

Keywords: precedent names; precedent toponyms; culturally meaningful information; cultural space; cultural background; narrative; German language

Для цитирования:

Блинова Ю. А. Прецедентные имена как средство репрезентации культурной специфики нарратива (на материале романа К. Рансмайра «Cox oder der Lauf der Zeit») // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 59—79.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-59-79.

To cite this Article:

Blinova, Yuliya A. (2025) Pretsedentnyye imena kak sredstvo reprezentatsii kul'turnoy spetsifiki narrativa (na materiale romana K. Ransmayra "Cox oder der Lauf der Zeit") (Precedent Names as a Means of Representation of Narrative Cultural Specifics (exemplified by the novel "Cox oder der Lauf der Zeit" by Christoph Ransmayr)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 59—79. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-59-79.

Статья поступила в редакцию 09.02.2025; принята к публикации 10.03.2025

The article was submitted 09.02.2025; accepted for publication 10.03.2025

С. И. Горбачевская, А. С. Трушина
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

**ЛИТЕРАТУРА КРЕАТИВНОГО НОН-ФИКШН
В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА**
(на материале книги митрополита Тихона (Шевкунова)
‘Несвятые святые’ и другие рассказы)

Традиционно к литературе нон-фикшн относят все типы прозаических текстов, которые не являются художественным вымыслом, а основываются на практическом опыте автора. В статье анализируются проблемы, связанные с переводом подобных текстов. Особое внимание уделяется текстам креативного нон-фикшн, авторы которых дают свою интерпретацию реальных событий и характеристику их участников, используя приемы художественной литературы. В первую очередь, это различные жанры мемуарной литературы. Обосновывается отличие литературы креативного нон-фикшн от художественной литературы, и рассматриваются виды переводческого анализа текста оригинала и возможности выбора оптимальной стратегии перевода данного текста с учетом типологических особенностей жанра креативного нон-фикшн. Определение стратегии перевода и расшифровка действий и приемов переводчика лежат в основе конструктивной критики выполненного перевода. Переводческий анализ текстов креативного нон-фикшн включает элементы художественного анализа. Моделирование действий переводчика основывается на раскрытии образа автора. Выбор стратегии перевода делается в результате анализа нарративной стратегии реального / биографического автора, который придает тексту свою индивидуальность. Подчеркивается фрактальный характер креативного нон-фикшн. С позиций нарратологии фрактальность рассматривается не только как тесная взаимосвязь всех составляющих структур повествовательного контекста, но и как отражение в каждой структурной единице коммуникативных намерений реального автора. Материалом исследования стал текст книги митрополита Русской православной церкви Тихона (Шевкунова) *‘Несвятые святые’ и другие рассказы* (2011) и его перевод на немецкий язык, выполненный Ангелой Репка и опубликованный в 2017 г. под заголовком *Heilige des Alltags*. Рассматриваются трудности и проблемы, связанные с установлением / идентификацией жанра данного текста, типологически определяемого как документальный нарратив, поскольку сам ав-

тор называет его сборником непридуманных рассказов. Прагматингвистический анализ текста позволяет предположить, что не только каждый отдельный рассказ, но и вся книга в целом представляет собой жизнеутверждающую христианскую проповедь. Аргументы, обосновывающие это предположение, подтверждаются примерами из книги.

Ключевые слова: литература нон-фикшн; жанр; стратегия перевода; документальный нарратив; образ автора

1. Введение

Цель исследования — определить характерные для литературы нон-фикшн (англ. non-fiction ‘не вымысел’) направления переводческого анализа текста оригинала и предложить оптимальную стратегию конструктивной критики выполненного перевода. До сих пор нет четкого определения литературы нон-фикшн. В целом она охватывает все прозаические жанры, которые не являются художественным вымыслом, а основываются на практическом опыте автора. Спектр жанров литературы нон-фикшн разнообразен: от документальной прозы, публицистики, прикладной и научно-популярной литературы до похожих по стилю на художественную литературу текстов мемуарного характера, которые мы относим к нехудожественной литературе креативно-нон-фикшн, и которые являются объектом исследования.

2. Литература креативного нон-фикшн

Понятие «креативный нон-фикшн» отражает творческий подход автора к созданию своего произведения с использованием стилистических приемов художественной литературы на основе собственного художественного видения излагаемых событий. Исследователи отмечают, что «художественность» в нехудожественном тексте — далеко не новое явление, о чем свидетельствуют традиционные обозначения ряда прозаических жанров как «научно-художественных» и «художественно-публицистических», но подчеркивают при этом, что в последнее время это явление приобрело особый характер: «все бóльшую актуальность получает установка на развлекательность, что влечет за собой ослабление информационной компоненты в сопоставлении с эстетической» (Орлова 2020: 269–270).

Н. Н. Михайлов (2006: 49) считает, что «между художественными и нехудожественными текстами нет непреодолимого

барьера, есть только тяготение конкретных текстов к предметности или, наоборот, к художественности» А. И. Горшков подчеркивает, что «в нехудожественной словесности явление описывается, объясняется, анализируется, логически определяется, а в художественной словесности явление изображается» (ГОРШКОВ 2001: 135).

Переводческий анализ подобных текстов априори включает элементы художественного анализа, и, выбирая стратегию перевода, под которой понимается «целенаправленное когнитивное поведение» (*zielorientiertes kognitives Verhalten*) и более или менее осознанный план решения конкретных переводческих проблем (КАУТЗ 2002: 66), переводчик и исследователь выполненного перевода пытается понять нарративную стратегию автора.

В. И. Тюпа определяет нарративную стратегию как принцип взаимосвязи событийного ряда и коммуникативного намерения автора и считает ее фундаментальной характеристикой основных параметров сюжетно-повествовательного произведения, поскольку стратегическая позиция автора

обеспечивает единство базовых оснований наррации и коммуникативной цели, к которой ведут речевые действия («процедуры» и «приемы») нарратора (порой несколько нарраторов), руководствующегося некоторой тактикой рассказывания. Авторская позиция при этом может быть как однородной с позицией условного повествующего субъекта, так и отстраненной, в частности иронической, по отношению к нему (ТЮПА 2021: 181–182).

Основное отличие литературы креативного нон-фикшн от художественной литературы заключается в том, что реальный / биографический автор произведения, выступающий одновременно и нарратором (повествователем), здесь очевидно доминирует.

Следует также отметить, что событийность креативного нон-фикшн имеет фрактальный характер. В 90-е гг. этот термин был заимствован лингвистами из естественных наук, изучающих дробление в природе исходной фигуры на более мелкие части, но с теми же свойствами. Как бы в зародыше они содержат информацию обо всей исходной фигуре. Сейчас понятие *фрактальность* активно используется в дискурсологии, в частности, в нарратологии, которая рассматривает все составляющие струк-

туры повествовательного контекста не только в тесной взаимосвязи, но и как частицы целого, отражающие и интегрирующие в себе коммуникативные намерения автора. Интерпретация текста как инструмента коммуникации автора с внешней средой помогает упорядочить дискурсивное пространство данного текста, в котором каждая составляющая многослойной структуры повествовательной коммуникации отражает авторскую стратегию (ibid.: 54–68).

3. Стратегии перевода

Перевод — это всегда интерпретация текста с целью понять авторскую стратегию и адекватно передать ее. Как считают переводоведы, «о процессе перевода известно лишь немного. Его наиболее существенный этап — умственные действия — протекает в голове переводчика и практически недоступен наблюдению. Поэтому при рассмотрении процесса перевода приходится ограничиваться некоторыми косвенными данными (в основном, результатами самонаблюдения опытных переводчиков, их предположениями), дополняя и связывая их логическими рассуждениями. Однако даже сделанные на этой ограниченной основе заключения имеют определенную ценность» (ЛАТЫШЕВ & СЕМЕНОВ 2005: 152). Метод моделирования как «способ изучения предмета в тех случаях, когда непосредственное наблюдение его устройства невозможно или крайне затруднительно» (МАРЧУК 2010:14), помогает «осмыслить переводческий процесс» (ШАДРИН 2017: 251).

Переводческое моделирование предполагает первичное осмысление слов общей структуры текста, затем более глубокое уяснение смысла текста в целом и его отдельных единиц, воссоздание смысловой и стилистической информации оригинала с помощью средств языка перевода и «контрольное саморедактирование» переводчика (НЕЛЮБИН 2003: 114–115). И. С. Алексеева в своих работах использует в этом же смысле понятие *переводческой стратегии*, под которой она понимает осознанно выбранный переводчиком алгоритм действий переводчика при переводе одного конкретного текста (АЛЕКСЕЕВА 2008: 145). Так же определяют стратегию перевода А. Д. Швейцер и В. В. Сдобников (ШВЕЙЦЕР 1988: 65; СДОБНИКОВ 2011: 172). И поскольку перевод

— это вольное или невольное сотрудничество / соавторство, можно попытаться описать как объективные, так и субъективные параметры переводческой стратегии.

Объективно общепризнанными считаются, например, стратегии доместикации и форенизации. Стратегия доместикации предполагает адаптацию оригинального текста под культуру и реалии целевой культуры, т. е. отказ от культурных особенностей исходного произведения, специфичных для исходной культуры понятий и реалий, каких-либо особенностей переводимого текста, которые могут быть непонятны иностранному реципиенту. Под стратегией форенизации, напротив, понимается сохранение специфических черт оригинала, отказ от адаптации и упрощения текста в пользу сохранения особой атмосферы, особого стиля автора, в первую очередь, для того, чтобы читатель проникся культурой, отличной от его собственной.

4. Проблемы определения жанра книги митрополита Тихона (Шевкунова) *‘Несвятые святые’* и другие рассказы

По определению К. Бринкера, жанром называются

комплексные образцы языковой коммуникации, которые в ходе общественно-исторического развития появились в языковом сообществе для определенных коммуникативных потребностей.

Textsorten sollen zunächst ganz allgemein als komplexe Muster sprachlicher Kommunikation verstanden werden, die innerhalb der Sprachgemeinschaft im Laufe der historisch-gesellschaftlichen Entwicklung aufgrund kommunikativer Bedürfnisse entstanden sind (BRINKER 1997: 126).

Немецкие стилисты называют такие «образцы текстов» («Textmuster») своего рода «инструкцией» («Anweisung»), содержащей как некие прототипические элементы, так и «свободные пространства / лакуны» («Freiräume») и информирующей о содержании, функциях и формальных условиях использования текста определенного жанра, а именно о его тематически-пропозициональных, типичных функционально-илокутивных и формально-стилистических средствах (FIX & al. 2003: 26).

Материалом нашего исследования стал текст книги митрополита Русской православной церкви Тихона (Шевкунова) *‘Несвятые святые’* и другие рассказы (2011), а также его перевод на

немецкий язык, выполненный Ангелой Репка и опубликованный в 2017 г. под заголовком *Heilige des Alltags*. В официальной российской печати и в Интернете за это время накопилось огромное количество отзывов, за редчайшими исключениями, восторженно-положительных, с благодарностью за поддержку, утешение и помощь в трудные минуты. С таким же восторгом воспринимают эту книгу и за рубежом, называя ее классикой новейшей духовной литературы.

За прошедшие 13 лет появилось не только большое количество рецензий, но и много научных публикаций, посвященных, в том числе, и жанровой характеристике книги, где предлагаются такие определения как духовная, миссионерская автобиографическая проза, патерик и т. п. С одной стороны, *‘Несвятые святые’ и другие рассказы* — это, как заявляет автор, сборник рассказов, т. е. текстов нарративного типа. Но, с другой стороны, это — непрдуманные рассказы, иначе говоря, своего рода креативный нон-фикшн или документальный нарратив.

Произведение в жанре креативного нон-фикшн должно быть убедительным и интересным, и это напрямую зависит от формы подачи материала, выбранной автором. Это особенно важно для книги биографического содержания. *‘Несвятые святые’ и другие рассказы* — это автобиография: автор повествует о своей жизни и личном опыте. Наряду с этим в книге изложены биографии многих выдающихся людей: как монахов и священнослужителей, так и мирян, которых автор знал и знает лично. Он открыто высказывает свою субъективную позицию и реагирует на внешние события, вступая с ними в полемику, что характерно для публицистических текстов, так же, как и фактическая достоверность, «простая, ироничная» подача материала (ГВОЗДЕВ 2011: 248), а также обращение к читателю и диалогичность текста. Воспоминания автора переплетаются с воспоминаниями других его героев, например, матушки Фроси, продиктованные ею на диктофон, претерпевшие некоторую художественную обработку и представленные в произведении в форме рассказа от первого лица. Благодаря подобным включениям автор подчеркивает достоверность представленной информации.

Кроме того, в повествование иногда добавляются фрагменты *Пролога*, книги, которую митрополит Тихон нашел в монастырской библиотеке, и «будущего ‘Пролога’», историй, которые произошли с нашими современниками (ШЕВКУНОВ 2011: 153–155). Привнесение дополнительных материалов, ссылки на внешние источники для придания тексту иллюстративности и документальности также являются отличительной чертой подобных произведений.

Отметим, что автор книги старается разместить свои воспоминания в хронологическом порядке. Тем не менее ее повествование нелинейно. Разнообразие используемых приемов связано, как нам кажется, с тем, что целевая аудитория автора — это и православные читатели, знакомые с жизнью Церкви, и люди, далекие от религиозной жизни, но интересующиеся вопросами веры и жизнью монастыря.

5. Книга-проповедь ‘Несвятые святые’ и другие рассказы в аспекте перевода

По своей прагматике не только каждый отдельный рассказ, но и вся книга в целом представляет собой жизнеутверждающую христианскую проповедь. Это текст оперативного, воздействующего типа. Для него характерна диалогичность, определенная интонация, эмоциональность, особый патетически-возвышенный стиль. Модальность текста представлена в большей степени семантикой желательности и возможности, чем необходимости и долженствования. Каждый рассказ содержит зачин, вступление, повествование с авторскими комментариями и вывод-поучение.

Неслучайно книга начинается с того, как автор сам пришел к Богу. Экспрессия, разговорность доминирует в тексте оригинала над нейтральностью стиля речи, и это очень четко отражено в переводе:

— Еще год назад все мы были убеждены, что в монастырь в наше время идут либо фанатики, либо безнадежно несостоявшиеся в жизни люди. Да! — и еще жертвы неразделенной любви (ШЕВКУНОВ 2011: 5).

— Noch ein Jahr zuvor waren wir alle davon überzeugt gewesen, dass in unserer Zeit entweder Fanatiker ins Kloster eintreten oder Menschen, die im Leben absolut nicht zurechtkommen. Ach ja! Und außerdem noch Opfer unglücklicher Liebe (SCHEWKUNOW 2017: 9).

Внутренний монолог во многих местах является как бы мостиком между автором и читателем:

— И кому нужны эти ранние подъемы? Богу? Нет, конечно! Нам? Тоже нет. Мучают сами себя! (ШЕВКУНОВ 2011: 29).

— Und für wen war diese frühe Aufsteherei denn gut? Für Gott? Natürlich nicht! Für uns? Auch nicht. Das war reine Selbstquälerei! (SCHEWKUNOW 2017: 26).

Многие кажущиеся банальными рассуждения автора имеют проповеднический характер. В них обязательно есть риторические вопросы, которые заставляют задуматься:

— Кто знает, чему мы были сейчас свидетелями? Или тому, как отец Иоанн из иного мира через Владыку вразумил «одного из чад своих неразумных», как он однажды назвал меня в одном из писем. Или, быть может, мы встретили сейчас еще одного сокровенного подвижника и раба Божия, которыми не оскудеет Христова Православная Церковь до скончания века (ШЕВКУНОВ 2011: 73).

— Wer weiß, wessen wir gerade Zeugen geworden waren? Entweder davon, wie Vater Ioann aus der anderen Welt durch den Metropoliten „eines seiner unvernünftigen Kinder“ — so hatte er mich einmal in einem seiner Briefe genannt — zur Vernunft gebracht hat. Oder wir waren vielleicht gerade einem weiteren echten Asketen und Knecht Gottes begegnet, an denen es der Orthodoxen Kirche Christi bis ans Ende der Zeit nicht mangeln wird (SCHEWKUNOW 2017: 63).

Прямая речь доминирует над косвенной речью, что, с точки зрения прагматики текста, подчеркивает эмоционально-личностный аспект аргументации автора и создает ситуацию непосредственной коммуникации с читателем:

— Люди относились к отцу Рафаилу по-разному. Встречались те, кто его просто терпеть не мог. Другие — а таких было гораздо больше — утверждали, что отец Рафаил изменил всю их жизнь. К примеру, один из трех молодых монахов, убитых на Пасху 1993 года в Оптиной пустыни, иеромонах Василий (Росляков), говорил: «Я отцу Рафаилу обязан монашеством, я ему обязан священством, да я ему всем обязан!» (ШЕВКУНОВ 2011: 599).

— Die Menschen verhielten sich Vater Rafail gegenüber unterschiedlich. Es gab welche, die ihn einfach nicht ausstehen konnten. Andere wiederum — und von diesen gab es bedeutend mehr — behaupteten, Vater Rafail hätte ihr ganzes Leben verändert. Beispielsweise sagte der

Priestermönch Wassilij (Rosljakow), einer der drei jungen Mönche, die am Osterfest des Jahres 1993 im Kloster Optina Pustyn ermordet wurden: „Ich verdanke Vater Rafail mein Mönchtum, ich verdanke ihm mein Priestertum, ja, ich verdanke ihm alles!“ (SCHEWKUNOW 2017: 525).

При работе с текстом рассматриваемого произведения переводчица прибегает к сочетанию стратегий форенизации и доместикации. Форенизация помогает сохранить документальность текста: названия реально существующих мест, монастырей, церквей и храмов, имена монахов и мирян, культурные особенности оригинала, связанные с историческим периодом, о котором пишет автор, православные понятия и реалии, являющиеся ключевыми для сохранения авторской интенции. Например, названия русских монастырей и церквей она не просто транскрибирует, как это принято сейчас, а переводит методом калькирования, раскрывая смысл этих названий:

Троице-Сергиева лавра, Оптиная пустынь, Киево-Печерская лавра, Соловки, Валаам, Саров были славны не только в России, но и во всем христианском мире. А Печоры Псковские многие столетия так и оставались не более чем провинциальной монашеской обителью (ШЕВКУНОВ 2011: 126).

Die Dreifaltigkeit-Sergiew-Lawra, das Optina-Kloster, das Kiewer Höhlenkloster, Solowki, Walaam und Sarow waren nicht nur in Russland berühmt, sondern in der ganzen christlichen Welt. Doch das Höhlenkloster von Pskow hatte man viele Jahrhunderte lang lediglich für ein Mönchskloster in der Provinz gehalten (SCHEWKUNOW 2017: 108).

Использование приема доместикации может проиллюстрировать фраза: — Я вышел из храма и сразу почувствовал нечто особое (ШЕВКУНОВ 2011: 7).

Существующий в немецком языке вариант слова «храм» ‘Tempel’ в этом произведении нельзя использовать в качестве подходящего соответствия, поскольку Tempel — храм языческий, а в книге речь идет о православной реалии. В переводе предлагается такой вариант: — Ich trat aus der Kirche und spürte sofort etwas Besonderes (SCHEWKUNOW 2017: 20).

Слово Kirche соответствует русскому «церковь» и, хотя и не соответствует по значению слову «храм», позволяет не запутать читателя и точно указывает на то, что речь идет о христианстве.

Следующий пример связан со словом «воцерковление»:

— Но с крещением и воцерковлением большинство из нас тянуло: нам казалось, что можно вполне обойтись без Церкви, имея, что называется, Бога в душе (ШЕВКУНОВ 2011: 4).

— Doch was Taufe und Kircheneintritt betraf, zögerten die meisten von uns. Uns schien, dass man auch ohne die Kirche auskommen konnte, denn wir hatten ja sozusagen Gott im Herzen (SCHEWKUNOW 2017: 15).

В православии реалия «воцерковление» — многозначная и обозначает

священный обряд, совершаемый над младенцем на 40-й день по его рождению; причисление новокрещенного к верным; присоединение его к Церкви; в более широком смысле — приобщение верующего к Богу, к спасению, подразумевающее регулярное участие в Церковных Таинствах и богослужениях, усвоение православного вероучения, духовное совершенствование». ¹

В данном случае автор, очевидно, имеет в виду третье значение этого понятия — приобщение к духовной жизни, что сложно назвать полным эквивалентом слова «воцерковление». *Kircheneintritt* обозначает, скорее, стремление стать частью Церкви «официально», войти в ряды прихожан, но не имеет оттенка значения, который бы раскрывал какие-либо духовные изменения в человеке. Отметим, что возможны следующие варианты перевода понятия «воцерковление»: «*kirchliche Beheimatung*», «*Einkirchlichung*», «*Integration ins Kirchenleben*». В данном случае мы видим, что в переводе избрана стратегия доместикации — уход от иноязычной реалии.

В жанрах религиозного нон-фикшн можно встретить такое явление как «литургический интертекст», т. е. литургические цитаты, молитвы, причем молитвы не только церковные, но и индивидуально-авторские. Подобные прецедентные высказывания относятся к «конфессиолектам» (БЫЧКОВ & КРУТОВА 2019). Их использование в тексте характеризует речь воцерковленного автора, что также позволяет говорить о том, насколько важна его функция в тексте жанра нон-фикшн. При этом необходимо отметить, что здесь требуется как компетенция читателя, так и компетенция пе-

¹ <https://azbyka.ru/vocerkovlenie>.

реводчика, который будет работать с данным текстом.

Например, в начале повествования автор слышит фразу: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!» (ШЕВКУНОВ 2011: 28), которой по правилам православного этикета будят монахов утром и которую произносят, когда хотят войти в чужую келью. Переводчица переводит дословно первую часть и добавляет к ней устойчивый оборот из перевода Евангелия на немецкий язык: «Durch die heiligen Gebete unserer Väter, Herr Jesus Christus, erbarme dich unserer!» (SCHEWKUNOW 2017: 26).

Кроме того, в тексте есть и индивидуально-авторские молитвы, это молитва самого писателя, который молится своими словами:

Я остановился, задрал голову к небу и произнес: — Иисус Христос, Бог, в веру Которого я сегодня крестился! Больше всего на свете я сейчас хочу увидеть Евгения Александровича Григорьева, моего учителя. Я понимаю, что не должен по мелочам беспокоить Тебя. Но, если возможно, сделай это для меня сегодня» (ШЕВКУНОВ 2011: 19).

В тексте цитируется и молитва, написанная А. И. Солженицыным, чья рукопись хранится в Псково-Печерском монастыре, фрагмент которой мы приводим вместе с немецким переводом:

Как легко мне жить с Тобой, Господи!
Как легко мне верить в Тебя!..
Ты ниспосылаешь мне ясную уверенность,
Что Ты есть и Ты позаботишься,
чтоб не все пути добра были закрыты... (ШЕВКУНОВ 2011: 213).
Wie leicht mir's fällt, mit Dir zu leben, Herr!
Wie leicht für mich, an Dich zu glauben!..
dann bist Du es, *der* mir die ruhige Gewissheit sendet,
dass es Dich gibt und dass Du Sorge trägst,
damit nicht alle Wege das Guten verschlossen sind... (SCHEWKUNOW 2017: 185).

Переводчица абсолютно верно передала смысл текста, однако не сохранила его ритмику. Личные местоимения, относящиеся к слову «Бог», она написала, как и в исходном тексте, с прописной буквы, как это принято и в немецком языке. Но в русской православной традиции с прописной буквы пишутся

все виды подобных местоимений, и написание относительного местоимения «der» (выделено курсивом) следовало бы оформить так же.

6. Категории образа автора в книге в аспекте перевода

Исходя из доминирования реального / биографического автора в тексте креативного нон-фикшн, мы хотели бы рассмотреть, какими категориями представлен образ реального автора и как он отражается в переводе. Как утверждают литературоведы, образ автора «присутствует в образе рассказчика, как образ актера, известный нам по многим сыгранным им ролям, присутствует и в каждой конкретной роли» (ГОРШКОВ 2001: 186). О важности доверия к автору, благодаря которому читатели и интересуются жанром нон-фикшн, говорит Т. А. Фетисова (2017: 3). Образ автора прямо или опосредованно концентрирует в себе суть произведения и в зависимости от типа текста по-разному структурирован. И, вероятно, в данном случае категориально ориентированная стратегия перевода подобного текста может быть оптимальной. Мы представим здесь три категории и проанализируем их в аспекте перевода.

1. *Категория вертикального контекста*: фактические знания об авторе, его биографии, личностных качествах и мировосприятии, то есть очень важна экстралингвистическая информация об авторе.

В 2017 г., когда появился перевод *Несвятых святых*, и в России, и за рубежом митрополит Тихон был известным духовным лицом, активным церковным и общественным деятелем с ярко выраженной православно-патриотической позицией, автором многих книг духовного содержания. По первому образованию сценарист, с писательским творчеством он знаком не понаслышке и умеет пользоваться словом и ценить его. На этот факт хотелось бы обратить внимание уже при переводе названия книги *Несвятые святые*, которое в оригинале совпадает с заголовком последнего рассказа, посвященного погибшему другу автора монаху Рафаилу. А. Репка перевела заголовок рассказа дословно: *Unheilige Heilige*, а название всей книге дала свое — *Heilige des Alltags*. Было бы, вероятно, лучше так же, как в оригинале, оставить данный повтор и в немецком переводе, поскольку

ку это очень важно для автора книги. Несвятыми святыми он называет героев своих рассказов — простых людей, ищущих Бога, — и показывает их так, что мы начинаем соглашаться с ним с первых же страниц. И только в конце, как опытный проповедник, он подводит нас к своему главному аргументу:

— Но вот, в конце Божественной литургии, когда великое Таинство уже свершилось, и Святые Дары стоят в алтаре на престоле, священник возглашает: 'Святая — святым!' Это означает, что Телом и Кровью Христовыми будут сейчас причащаться святые люди. Кто они? Это те, кто находится сейчас в храме, священники и миряне, с верой пришедшие сюда и ждущие причащения. Потому что они — верные и стремящиеся к Богу христиане. Оказывается, несмотря на все свои немощи и грехи, люди, составляющие земную Церковь, для Бога — святые (ШЕВКУНОВ 2011: 635).

«Святая святым!» звучит по-немецки как «Das Heilige den Heiligen!». Слово «heilig» есть в толковом словаре Duden, в других толковых и немецко-русских двуязычных словарях. Может быть, сыграла свою роль помета «архаизм» в немецкой лексикографии, но прагматика воздействия этого литургического восклицания оказывается не такой емкой и сильной в переводе названия книги по сравнению с прагматикой оригинала.

2. *Категория идиостиля автора как языковой личности*, определяющей разноуровневую словесно-речевую структуру и динамику повествования в тексте креативного нон-фикшн.

Переводчику не следует ни приукрашивать, ни упрощать идиостиль автора. Например, у каждого писателя есть «любимые» слова и выражения, которые часто повторяются в его книгах. Как говорила известная переводчица произведений Достоевского на немецкий язык Светлана Гайер, писатель часто употреблял слово «вдруг», как она предположила, с целью указать на какие-то перемены в развитии ситуации или личности героя. И поэтому она оставляла это слово «вдруг» 'plötzlich' как маркер текста только в одном варианте, принципиально не используя никаких синонимов, хотя со стилистической точки зрения они смотрелись бы в тексте приятнее, чем повторы одного и того же слова.²

² <https://www.youtube.com/watch?v=c9d5Fw7RdlQ>.

Мы уже отмечали высокий, адекватный языковой уровень немецкого перевода, безукоризненный с филологической точки зрения. Но здесь хотелось бы обратить внимание на уже упоминаемое дискурсивное понятие фрактальности художественного текста и, как мы считаем, текста креативного нон-фикшн. В каждом кусочке структуры такого текста, который мы называли фракталом, преломляются личность автора и его коммуникативные намерения.

Приведем пример. Одной из вечных языковых проблем русско-немецкого перевода являются частицы, в немецком языке их в несколько раз больше, чем в русском, и немцы с удовольствием ими пользуются не только в устной, но и в письменной речи и даже в научных текстах и академических учебниках. В тексте *Несвятых святых* тоже, естественно, есть разговорные частицы, это ведь рассказы. Репка переводит их с тщательным подбором соответствующих немецких частиц. Но в некоторых случаях переводчица, вероятно, хочет показать все богатство немецкого инвентаря их синонимов. Так, автор книги, как представляется, намеренно использует повторы как метод интенсификации действия, а слово «но» вообще является «любимым» у отца Тихона:

— *Но* случались «откровения»... / *Но* чем дальше мы увлекались... / *Но* все же мы еще не осознавали.. / *Но* что с вами происходит?.. (ШЕВКУНОВ 2011: 14–15).

Репка находит несколько вариантов решения этой проблемы, используя синонимию частиц *doch*, *gleichwohl*, *denn*:

— *Doch* es gab noch überraschendere „Enthüllungen“... / *Doch* je mehr wir uns von diesen spannenden Experimenten hinreißen ließen... / *Gleichwohl* war uns noch nicht bewusst, dass... / Was haben sie *denn*?.. (SCHEWKUNOW 2017: 16–17).

3. Категория психологической составляющей образа реального автора: его мотивации, нравственная позиция, оценки и самооценки и т. п. Если он — духовное лицо, то все эти качества, несомненно, проявляются на уровне текста, и переводчик должен это почувствовать и передать. Приведем пример. Глава, посвященная Иоанну Крестьянкину, написана с особым трепетом. Сравнивая своего духовного отца с другими священника-

ми, автор пишет:

— Доверие и послушание — главное правило общения между православным христианином и его духовным отцом. ...Это на самом деле непростой вопрос. Случаются трагедии, когда неразумные священники начинают мнить себя старцами, и при этом повелевать, самонадеянно приказывать и, наконец, совершать абсолютно непозволительное в духовной жизни — подавлять свободу своих духовных детей. *Отец Иоанн никогда не диктовал и не навязывал свою волю.* Он бесконечно ценил человеческую свободу и относился к ней с каким-то особым благоговением (ШЕВКУНОВ 2011: 42–43).

— Vertrauen und Gehorsam sind die wichtigsten Regeln des Umgangs zwischen einem orthodoxen Christen und seinem geistlichen Vater. Natürlich kann man bei weitem nicht jedem Geistlichen vollen Gehorsam leisten. Solche Geistliche sind eher die Ausnahme. Das ist in der Tat keine einfache Frage. Es passieren Tragödien, wenn unvernünftige Priester anfangen, sich für Starzen zu halten und Befehle erteilen, selbstherrlich Vorschriften machen und schließlich das tun, was im geistlichen Leben absolut verboten ist, nämlich die Freiheit ihrer geistlichen Kinder zu unterdrücken. Vater Ioann *hatte* nie Vorschriften *gemacht* oder jemandem seinen Willen *aufgezwungen*. Er achtete die menschliche Freiheit unendlich hoch und begegnete ihr mit besonderer Ehrfurcht (SCHEWKUNOW 2017: 39).

Констатацию фактов, имеющих глубокое нравственное значение (выделено курсивом), Репка переводит в плюсквамперфекте, который здесь теряет временную семантику предпрошедшего, а приобретает больше модальный оттенок атемпоральности «никогда / всегда».

7. Заключение

Литература креативного нон-фикшн имеет много точек соприкосновения с художественной литературой, поскольку авторы этого вида текстов пользуются теми же стилистическими приемами, что и авторы текстов художественной литературы. Коммуникативная стратегия автора креативного нон-фикшн основывается на его практическом опыте, информативная составляющая текстов доминирует в содержании подобных текстов, и стратегия перевода должна соответственно базироваться на раскрытии образа автора. Знакомство с автором подобного

текста, его мировоззрением, эпохой, в которую он живет и которую описывает, и т. д., представляется особенно важным, поскольку его образ компетентного реального автора-рассказчика определяет все элементы структуры текста, отражается в типе документального нарратива и проявляется на разных уровнях.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. [Alekseyeva, Irina S. (2008) *Tekst i perevod. Voprosy teorii* (Text and Translation. Questions of Theory). Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russian)].
- Бычков Д. М., Крутова И. Н. Эмотивность литургического интертекста в религиозно-афикциональном дискурсе // Гуманитарные исследования. 2019. № 3 (71). С. 35—41. [Bychkov, Dmitriy M. & Krutova, Irina N. (2019) Emotivnost' liturgicheskogo interteksta v religiozno-afiksional'nom diskurse (Emotiveness of Linguistic Intertext in Religious-Affictional Discourse). *Humanitarian Studies Journal*, 3 (71), 35—41. (In Russian)].
- Гвоздев А. Б. Искусство факта. Понятие «креатив-нон-фикшн» // Балтийский филологический курьер. 2011. № 8. С. 241—249. [Gvozdev, Aleksey B. (2011) *Iskusstvo fakta. Ponyatie "kreativ-non-fikshn"* (The Art of Fact. The Term "Creative Non-fiction"). *Baltic Philological Courier Journal*, 8, 241—249. (In Russian)].
- Горшков А. И. Русская стилистика. М.: Астрель, 2001. [Gorshkov, Aleksandr I. (2001) *Russkaya stilistika* (Russian Stylistics). Moscow: Astrel'. (In Russian)].
- Латышев Л. К., Семенов А. А. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2005. [Latyshev, Lev K. & Semenov, Arkadiy L. (2005) *Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya* (Theory, Practice and Methodology of Teaching). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Марчук Ю. Н. Модели перевода. М.: Академия, 2010. [Marchuk, Yuriy N. (2010) *Modeli perevoda* (Models of Translation). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Михайлов Н. Н. Теория художественного текста. М.: Академия, 2006. [Mikhaylov, Nikolay N. (2006) *Teoriya khudozhestvennogo teksta* (Theory of Literary Text). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта : Наука, 2003. [Nelyubin, Lev L. (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* (Explanatory Translatorial Dictionary). Moscow: Flinta :

- Nauka. (In Russian)].
- Орлова Г. К. «Креатив-нон-фикшн»: о некоторых особенностях перевода с датского языка современной нехудожественной прозы // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 5 (834). С. 268—280. [Orlova, Gayane K. (2020) “Kreativ-non-fikshn”: o nekotorykh osobennostyakh perevoda s datskogo yazyka sovremennoy nekhudozhestvennoy prozy (“Creative non-fiction”: on some Peculiarities of Translation Modern Non-Fiction Prose from Danish). *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5, 268—280. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Стратегия перевода: общее определение [Электронный ресурс] // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1 (13). С. 165—172. [Sdobnikov, Vadim V. Strategiya perevoda: obshheye opredeleniye (Translation Strategy: a General Definition). *Herald of ISLU*, (13), 165—172. (In Russian)].
- Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021. [Tyupa, Valeriy I. (2021) *Gorizonty istoricheskoy narratologii* (Horizons of Historical Narratology). Saint Petersburg: Aleteyya. (In Russian)].
- Фетисова Т. А. Г. М. Казакова: нон-фикшн в современной книжной культуре // Культурология. 2017. № 3 (82). С. 69—71. [Fetisova, Tatyana A. (2017) G. M. Kazakova: non-fikshn v sovremennoy knizhnoy kulture (G. M. Kazakova: Non-Fiction in Modern Book Culture). *Cultural Studies Journal*, 3 (82), 69—71. (In Russian)].
- Шадрин В. И. Университетское переводоведение. СПб.: ВВМ, 2017. [Shadrin, Viktor I. (2017) *Universitetskoye perevodovedeniye* (University Translation Studies). Saint Petersburg: VVM. (In Russian)].
- Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. [Shveytser, Aleksandr D. (1988) *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* (Theory of Translation: Status, Problems, Aspects). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Brinker, Klaus. (1997) *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin: Schmidt Verlag.
- Fix, Ulla; Poethe, Hannelore & Yos, Gabriele. (2003) *Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Kautz, Ulrich. (2002) *Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens*. München: Indicium.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Шевкунов Архимандрит Тихон. «Несвятые святые» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря; «ОЛМА Медиа Групп»,

2011. [Shevkunov, Arximandrit Tikhon. (2011) "*Nesvyatyye svyatyie*" i drugiye rasskazy (Everyday Saints and Other Stories). Moscow: Sreten-skiy monastyr'; "OLMA Media Grupp". (In Russian)].
- Schewkunow, Bischof Tichon. (2017) *Heilige des Alltags*. Aus dem Russischen übersetzt von A. Repka und bearb. von M. Bityutskikh. Sankt Ottilien: EOS.

Svetlana I. Gorbachevskaya, Anastasiya S. Trushina
Lomonosov Moscow State University

**Creative Non-Fiction Literature in the Aspect of Translation
(based on the Book 'Everyday Saints' and Other Stories
by Metropolitan Tikhon (Shevkunov))**

Traditionally, non-fiction literature includes all types of prose texts that are not fiction, but are based on the author's practical experience. The article analyses the problems associated with the translation of such texts. The article pays special attention to creative non-fiction texts, the authors of which give their interpretation of real events and characterization of their participants using the techniques of fiction. First of all, these are various genres of memoir literature. The authors of the article substantiate the difference between creative non-fiction literature and fiction and analyse the directions of translation analysis of the given text taking into account the typological characteristics of the nonfiction genre. Choosing the optimal strategy of translation and deciphering the translator's actions is the basis for constructive criticism of the completed translation. The translation analysis of creative non-fiction texts includes elements of literary analysis. Modelling the translator's actions is based on revealing the author's image. Translators choose a translation strategy as a result of an analysis of the narrative strategy of the real / biographical author, who gives the text its own personality. The article emphasizes the fractal nature of creative non-fiction. From the standpoint of narratology, fractality is perceived not only as a close relationship between all the constituent structures of the narrative context, but also as a reflection / integration of the author's communicative intentions in each structural unit. The research material is the text of the book by the Metropolitan of the Russian Orthodox Church Tikhon (Shevkunov) *Everyday Saints and Other Stories* (2011) and its German translation by Angela Repka published in 2017 under the title *Heilige des Alltags*. The article considers the difficulties and problems in defining the genre of this text, typologically considered a documentary narrative, since the author himself calls it a collection of real-life stories. A pragmalinguistic

analysis of the text suggests that not only each individual story, but the entire book as a whole is a life-affirming Christian sermon. Arguments that justify this statement are based on the examples from the book.

Keywords: non-fiction literature; genre; translation strategy; documentary narrative; author's image

Для цитирования:

Горбачевская С. И., Трушина А. С. Литература креативного нон-фикшн в аспекте перевода (на материале книги митрополита Тихона (Шевкунова) «"Несвятые святые" и другие рассказы» // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 80—98.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-80-98.

To cite this Article:

Gorbachevskaya, Svetlana I. & Trushina, Anastasiya S. (2025) Literatura kreativnogo non-fikshn v aspekte perevoda (na materiale knigi mitropolita Tikhona (Shevkunova) “Nesvyatyye svyatyie” i drugiye rasskazy” (Creative Non-Fiction Literature in the Aspect of Translation (based on the Book “Everyday Saints’ and Other Stories” by Metropolitan Tikhon Shevkunov)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 80—98. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-80-98.

Статья поступила в редакцию 08.02.2025; принята к публикации 07.03.2025
The article was submitted 08.02.2025; accepted for publication 07.03.2025

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

А ПОНИМАЕТ ЛИ РЕЦИПИЕНТ ВОСПРИНИМАЕМЫЙ ТЕКСТ?

На примере макротекстового анализа гибридного, вторичного, квазипародийного, квазидialogического текста, весьма богатого на интертекстуальные связи разной этиологии, показывается значимость общности социокогнитивного опыта носителей культуры. Соответствующие рассуждения строятся на последовательном разграничении внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей, присутствующих в текстовом пространстве в разном соотношении и зависящих как от типа текста и характера решаемой коммуникативной и когнитивной задачи, так и от особенностей личностной идентичности продуцента и реципиента, а также от параметров коммуникативной ситуации. Основанием для предпринимаемого разграничения служит также соотношение сведений, объективируемых в текстовом пространстве средствами культурных кодов и активируемых и / или соактивируемых, но не объективируемых теми или иными механизмами вербализации. Обращается внимание на необходимость свободного владения со стороны носителя языка и культуры средствами и способами реализации разнообразных коммуникативных, когнитивных и номинативных стратегий. Раскрывается потребность носителей языка и культуры в умении оперировать соответствующими стратегиями и средствами их реализации в зависимости от характера коммуникативной и когнитивной задачи, а также от особенностей актуальной для интерактантов коммуникативной ситуации. Показывается подчиненность лексико-семантических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, формально-структурных механизмов вербализации текстограмматическим механизмам. Акцентируется соотношение объективируемых с помощью средств культурных кодов сведений о внеязыковой действительности, с одной стороны, и сведений, не объективируемых в тексте, но активируемых и соактивируемых при кодировании и декодировании комплекса воспринимаемых через текст и в тексте, с другой. Это служит основой как для осмысления степени понимания воспринимаемых реципиентом сведений, так и для интерпретации реципиентом текста послания продуцента. Предпринимается попытка исчислить признаки неопределенности, потенциально способные затруднить процессы кодирования и декодирования

ния воспринимаемых и интерпретируемых сведений. Прослеживается связь между выбором средств и способов реализации продуцентом своих намерений с помощью средств культурных кодов, вербального кода и умением носителей языка и культуры снимать неопределенность как при порождении, так и при рецепции текста.

Ключевые слова: кодирование; декодирование; ментальные процессы; понимание текста; неопределенность; уплотнение информационного потока

1. Постановка проблемы, актуальность, цель исследования

Наблюдения над текстосемантической, текстосинтаксической и функциональной организацией продуктов речемыслительной деятельности с помощью разнообразных средств разных культурных кодов позволяет выявить ряд особенностей, которые обнаруживают некоторую общность. Предельно обобщая и несколько примитивизируя результаты соответствующих наблюдений, правомерно обратить внимание в том числе и на такие признаки как уплотнение внутритекстовых связей¹ и разного рода интертекстуальные отсылки (аллюзии, реминисценции, пародии, прецедентные феномены, цитаты, квазичитаты, аллегории, концептуальные метафоры и другие способы активизации межтекстовых и интертекстуальных связей) к некогда порожденным в разных коммуникативных средах текстам² разного типа; см. подробнее о некото-

¹ См. описание упомянутого феномена и детальную аргументацию соответствующей интерпретации в (Гришаева 2020; Гришаева 2021).

² О специфике межтекстовых и интертекстуальных связей рассуждают Ф. Берндт и Д. Тонгер-Эрк, акцентируя особо отношение одного текста к действительности и к другому тексту (текстам), когда порождается (новое) значение: «Im **Textbezug** entsteht nämlich eine Bedeutung, die neben den **Wirklichkeitsbezug** tritt bzw. über diesen hinaus geht. Auf dem Feld der Intertextualitätstheorie wird man es daher sowohl mit der Beziehung zwischen einem Text A und einem oder mehreren anderen Texten B, C, D, ... zu tun bekommen als auch mit der Beziehung zwischen dem Produzenten und dem Rezipienten dieser Text-Text-Beziehungen. Auf dem Prüfstand der Intertextualitätstheorien stehen also stets, allerdings ganz verschieden gewichtet, die drei Eckpfeiler der Literaturwissenschaft: **Text**, **Autor** und **Leser**» (BERNDT & TONGER-ERK 2013: 7–8).

рых подобных способах в (БЛИНОВА 2024; БОЛЬШАКОВА 2024; КОСТРОВА 2021; BERNDT & TONGER-ERK 2013; GRISCHAEWA 2022).

Из сказанного вытекают, по крайней мере, два следствия. Во-первых, частоту обращения носителей языка и культуры к подобным способам организации текстовой ткани нельзя объяснить банальной «модой», внезапно по той или иной причине «сразившей» носителей языка. Дело в том, что описанные приемы организации текстовой ткани встречаются в разных типах текста, порожденных по различным поводам на самые разные темы разными категориями продуцентов при решении разнообразных коммуникативных и когнитивных задач (см. примеры 1 и 2).

Пример 1. Плакат Клауса Штека (СТАЕСК 1992)

Пример 2. Один из венских сувениров, отсылающих к реальному событию

Поэтому интерпретацией, адекватной охарактеризованному положению дел, следует, видимо, признать подход, раскрывающий *стратегический характер* соответствующих предпочтений продуцентов, т. е. признать способы, приемы и средства активизации³ сведений о мире и уплотнения внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей стратегическим

³ Под активацией понимается «возбуждение определенных участков мозга в актах мыслительной и речевой деятельности под влиянием тех или иных поступающих сигналов или стимулов, приведение в готовность для дальнейшего использования ментальных репрезентаций концептуальной системы <...> выведение в осознаваемую часть текущего сознания образом, определенных структур знания и / или репрезентаций» (КУБРЯКОВА 1997: 11).

средством реализации той или иной коммуникативной стратегии, способствующей, — по крайней мере, с точки зрения продуцента, — оптимизации взаимодействия носителей культуры в некоторых условиях.

Об этом убедительно свидетельствуют приведенные выше примеры 1 и 2, наглядно показывающие, что для понимания содержания воспринимаемых текстов явно недостаточно умений декодировать использование средств культурных кодов — вербального и невербальных, как эти средства присутствуют как таковые в текстовом пространстве. Напротив, для осмысления послания продуцента, которое, очевидно, не сводится к арифметической сумме значений и функций каждого из задействованных механизмов объективации тех или иных сведений, требуется адекватно декодировать соотношение сведений, объективируемых средствами культурных кодов, с одной стороны, и сведений, *не объективируемых*, но активируемых и соактивируемых при восприятии текста в целом, с другой. К первым относятся, очевидно, знания о различной культурной и государственной символике, цветовой гамме, форме предметов, функциональной сфере артефактов, ситуации употребления соответствующих фраз, силуэте животного и др. Вторые предполагают владение знанием, кто, когда, где, для чего и по какому поводу сказал цитируемую в тексте фразу; знание о степени уместности / неуместности цитируемого высказывания; знание исторического контекста; владение нормами ожидания относительно действий субъекта с определенными характеристиками и пр. Кроме того, и продуцент, и реципиент должны относительно свободно владеть вариативными средствами и способами реализации коммуникативных стратегий, а также знанием об их степени конвенциональности и / или окказиональности, традиционности и / или креативности, чтобы адекватно оценить выбор продуцента, порождающего в некоторых условиях соответствующий текст.

Во-вторых, порожденные таким образом тексты оказываются, очевидно, не столь легкими при декодировании реципиентом содержания текста в его содержательной, формальной и функциональной целостности и тем более при осмыслении по-

слания продуцента. Причина заключается в том, что количественные и качественные параметры картины мира у продуцента и реципиента по определению *не могут* быть тождественными, даже если принимать во внимание общность их деятельностно-практического и социокогнитивного опыта, а также общность некоторых сегментов в ментальной структуре их коллективной идентичности. Тем самым резонно предполагать только то, что совокупности гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, как картину мира характеризует Е. С. Кубрякова (1988), у разных носителей одного языка и одной культуры представляют собой лишь частично пересекающиеся множества.

В обозначенном контексте резонно напомнить замечание Кубряковой о взаимосвязях биолого-физиологической, когнитивной, социокультурной, психосоциальной природы в деятельности человека:

мир «как он есть» пропущен все же через голову человека и отражен там поэтому в том виде, в каком он и его восприятие ограничено, во-первых, биологически (тем, что свойственно человеку как определенному живому организму), во-вторых, социально (в широком понимании этого условия, т. е. включения в него всего того, что делает человека детищем своего времени, своей эпохи, цивилизации, своего общества и т. п.) и, в-третьих, прагматически, что предполагает оценку воспринятого по его значимости для совершаемой человеком деятельности и его общего благополучия (выживания) (КУБРЯКОВА 2004: 98).

Другими словами, воспринимаемый текст для реципиента остается в той или иной мере *неопределенным*, т. е. «когда человек не вполне убежден, когда он не уверен» (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2001/1: 507),⁴ если сложно организованные совокупности гетерогенного, гетеросубстратного, гетерохронного знания продуцента и реципиента соответствующего текста как носителей уникальной личностной идентичности и общей для

⁴ Ср. еще одно определение неопределенности: «В теории информации — степень, в которой не накладывается никаких ограничений на возможные выборы, имеющиеся в распоряжении, или на возможные последствия ситуации» (ibid.).

них в силу первичной социализации коллективной идентичности не обнаруживают необходимой и достаточной в количественном и качественном отношении зон пересечения / наложения соответствующих множеств разнородных сведений (т. е. картин мира).

Сказанное становится, таким образом, уже фактором, значимым при анализе рецепции того или иного текста, особенно если иметь в виду, что психологи отмечают *разную* переносимость неопределенности у разных субъектов.

Степень неопределенности, недостатка ясности в ситуации или стимул, которую способен выдержать субъект. До некоторой степени никто не любит постоянно находиться в неопределенной ситуации или подвергаться воздействию неопределенного стимула.⁵ Однако этот термин обычно используется так, как будто это основное измерение личности и в первую очередь интерес представляет полюс непереносимости: те люди, у которых возникают трудности в перенесении даже слегка неопределенных обстоятельств. Такие индивиды склонны реагировать беспокойством и замыканием в себе на неясные ситуации... (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2001/1: 507).

Насколько разные в количественном и качественном отношении объемы сведений о мире объективируют номинативные средства у субъектов разных категорий в разное время в разном пространстве,⁶ можно убедиться на следующих примерах, учитывая при анализе и то, что тексты — намного более сложные

⁵Ср. решение принимать в качестве одного из классификационных критериев при типологизации культур стремление избежать неопределенность, например, в (HOFSTEDE 2006).

⁶ Ср. следующие замечания относительно неопределенности: «Исчисление неопределенных наборов — относительно недавнее новшество в математике, имеющей дело с областями и понятиями, границы которых четко не определены. Многое в человеческом познании, кажется, оперирует с неопределенными понятиями (например, «горячий», «молодой», «приблизительно равный»), поэтому ученые предсказывают значительные возможности применения этого нового исчисления в психологии мышления, формирования понятий, рассуждения, принятия решений и т. д.» (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2001/1: 507) (курсив мой — А. Г.).

образования, чем номинации для отдельных элементов внеязыковой реальности, как это имеет место в примерах ниже. Выражая ту же мысль иначе, правомерно сказать, что речь, собственно, идет о стремлении уяснить первопричину отсутствия либо недостаточности взаимопонимания между коммуникантами несмотря на общность социокогнитивного и акционального опыта в одном и том же культурном пространстве.

Другими словами, речь идет об осмыслении того, чем и как эффект от функционирования и воздействия на реципиента отдельных лексико-семантических, словообразовательных и частично синтаксических механизмов вербализации сведений о мире отличается от воздействия на того же реципиента текста как содержательной, формальной и функциональной целостности — тем более, что те же номинативные средства являются, по сути, элементами той или иной текстовой ткани. Выражаясь иначе, эти средства представляют собой ничто иное как средства реализации некоторой номинативной стратегии, находящейся в довольно прочной и устойчивой корреляции как с когнитивными, так и с коммуникативными стратегиями (см. систему развернутой аргументации соответствующих позиций и детальный комментарий с анализом различных примеров в [Гришаева 2020: 204–256, 247–251]). Нет сомнения в том, насколько разными в количественном и качественном отношении являются сведения о том или ином элементе внеязыковой действительности, активируемые и со-активируемые приводимыми номинациями для отдельных элементов окружающего носителей языка мира естественного и мира социального:

- *Nacht, Frühling, ein sonniger Apriltag* (в Германии или Греции) — *ночь, день* (за Полярным кругом) (отдельные фазы временного континуума);
- *Frau Studentin* (в средние века — *Geliebte eines Studenten*) vs *Studentin* vs *Studierende* (эпоха феминитивов);
- *Kind* — *Kindheit*, (*Er benimmt sich*) *kindisch* (специфическая для человека манера поведения);
- *Kindergarten* (в эпоху ГДР) — *Kita* (= *Kindertagesstätte*, время после объединения Германии);
- *Team* (вместо *Kollektiv* в ГДР — после объединения Германии);

- *Arbeiter-und-Bauern-Staat* (в ГДР прежде всего и до объединения Германии в иных политических пространствах) — *Ex-DDR vs fünf neue Bundesländer* (тот же политический субъект в разные периоды для одной страны);
- *Zwetschge* — *Pflaume*, *Paradeiser* — *Tomate* (одни и те же объекты в разных пространствах в германоязычном мире);
- *Hutblümchen* — *стафушка-божий одуванчик* (одна и та же категория носителей культуры в разных культурных пространствах) и др.

Таким образом, очевидно, что вряд ли можно быть уверенным в адекватности понимания реципиентом текста без погружения продуцента и реципиента в *те же самые* (как то предполагает продуцент, порождая тот или иной текст) пространственно-временные, деятельностьные и дискурсивные континуумы, объективируемые (кодируемые и декодируемые носителями языка и культуры) и со-активируемые в коммуникации средствами культурных кодов.

Поэтому *цель* исследования можно интерпретировать как попытку выяснить, насколько существенным препятствием становятся при рецепции того или иного текста количественные и качественные различия в конфигурации гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о разных типах действительности в картине мире продуцента и реципиента как носителей одной языковой культуры.

Очевидно, что соответствующая попытка не может считаться исчерпывающим ответом на поставленный вопрос. Это, по сути, только «первое приближение к снаряду», только тематизация некоторой проблемы, решение которой, однако, может способствовать осмыслению того, на чем зиждется понимание и взаимопонимание в коммуникации, как «работают» такие социокогнитивные ориентиры как нормы ожидания и / или знания, разделяемые всеми носителями культуры, которые существенным образом направляют процессы порождения и рецепции текста любого типа.⁷

⁷ Интересно в данном контексте вспомнить описание отдельных типов дискурсивных интерпретаций, предложенное М. И. Киосе, а также ее заключение относительно степени успешности интерпретации: «Только такой подход, учитывающий особенности конструиро-

Ср. трактовку понимания в философском словаре:

вызванное внешними или внутренними воздействиями специфическое *состояние* сознания, фиксируемое субъектом как *уверенность* в адекватности *воссозданных* представлений и содержания воздействия... (ФЭС 2002: 353–354) (курсив мой — А. Г.).

Ср. близкую трактовку в: [ДЕМЬЯНКОВ 1997]). Любопытно сравнить научное определение понятия с обыденным представлением, согласно которому понимание, это «способность осмысливать, постигать содержание, смысл, значение чего-н.» (ОЖЕГОВ & ШВЕДОВА 1999: 561).

2. Материал исследования и его характеристики

Актуальность проблемы, а также ее обще- и частнотеоретическую значимость предлагается показать на примере 3, который как мало какие тексты является адекватным для решения обозначенных выше исследовательских задач. В связи с этим, пожалуй, целесообразно прокомментировать несколько обстоятельств.

Автор текста — Лорио (Loriot), творчество которого с полным правом можно назвать общеизвестным в немецкоязычном культурном пространстве. Культурологи характеризуют изобразительное и словесное легко узнаваемое творчество Лорио как один из наиболее ярких образцов карикатуры, затрагивающих в юмористической и остроумной форме вечные для осмысления в разнообразных жанрах карикатуры и в разных культурах темы, например, конфликты между идеалом и реальностью в любви, страхи людей, их высокомерие, тщеславие, желания и т. п. (BIERWIRTH 2000: 246).

Это гибридный текст, потому что при его порождении используются принципы организации нескольких типов текста, прежде всего нарративных, экспликативных и аксиологических, а также людических и информативных. Здесь со-встречаются принципы организации аннотации и дайджеста, либретто и энциклопедической статьи, пересказа и исторического анекдота.

вания ситуации или события в аспекте состава его участников, их отношений, пространственно-временного аспекта, прагматической задачи, может претендовать на анализ интерпретации, более или менее успешной» (КИОСЕ 2021: 39).

Это вторичный текст, так как он содержательно опирается не только на всемирно известного *Фауста* Гете (прецедентный для немецкой культуры текст, первичный для оперы), но и на оперу Ш. Гуно.

Это квази-пародийный текст, поскольку в нем не пародируется манера письма авторов первичного текста, однако содержание излагается с помощью анахроничных для XIX в. (когда в основном происходит действие первичного текста), но принятых в XX в. способов вербализации сведений о человеке с определенными характеристиками и о его действиях, используются современные для XX в. стратегии именования общечеловеческий понятий и представлений, имеет место апелляция к современным интерпретациям ценностных ориентаций. При этом апелляция к ценностным ориентациям двойственна: к ценностям, принятым в высокой культуре, и к содержанию стереотипов сознания, бытующих в обыденной среде.

Это также и квази-диалогический текст, поскольку текст явно (*das können Sie mir glauben*) и неявно адресуется носителю языка с вполне определенными аксиологическими, эстетическими и моральными доминантами, хотя и выдержан формально практически полностью в монологической манере повествования.

Это текст, который весьма богат интертекстуальными связями разной этиологии: на основании отсылки к ценностным ориентациям, доминирующим в конкретном культурном пространстве, к бытовым представлениям о типах людей, к образцам высокой культуры, к представлениям о способах поощрения выдающихся достижений в культуре, к способам организации досуга у носителей культуры (см. подчеркнутые в примере 3 пассажи).

Подобный выбор номинативных средств и способов организации текстовой ткани оказывается, с точки зрения носителей языка и культуры весьма успешным. В качестве поддержки высказанного предположения любопытно и резонно ознакомиться с мнениями о книге Лорио, приводимыми на оборотной стороне обложки к издаваемой книге:

Treffender, vergnüglicher und ironischer kann man über den Ausnahmestand namens Oper nicht reden (Georg Knapp. Süddeutsche Zeitung, München).

Da manchem Opernfreund gelegentlich der Humor bei dieser und jener Neuinszenierung vergeht, wird *Loriots Kleiner Opernführer* dankbar zur Gegensteuerung angenommen. Grandios! (Badische Neueste Nachrichten, Karlsruhe) (LORIOT 2007).

Лорио искусно сочетает при порождении текста разные номинативные стратегии при обозначении одного и того же элемента культурной действительности: конвенциональные и окказиональные, первичные и вторичные, традиционные и креативные. Вследствие этого Фауст получает в восприятии реципиента разнообразные характеристики, причем соответствующие характеристики оказываются не только привычными для носителей культуры при обсуждении упомянутого персонажа, но и весьма непривычными, совсем неожиданными, однако такими, в которых называемому персонажу по здравому размышлению трудно отказать — просто так о соответствующих чертах характера Фауста не принято говорить при обсуждении соответствующих поступков в «приличном обществе», тем более поступков уважаемых людей и / или особо почитаемых в высокой культуре литературных персонажей. Ср.: *gealtert, geliftet, an der Seite eines Teenagers, das alte erotische Jagdfieber (empfindend), auf Tabletten angewiesen, in den Ruhestand (eingetreten), auf den Pakt mit dem Teufel angewiesen, an der Seite eines Teenagers seine Seele dem Teufel verkauft*. Поэтому позитивные и негативные сведения о Фаусте, представляя собой когнитивную фигуру, перспективируются и осмысляются на разном когнитивном фоне. Результирующий эффект восприятия таким образом построенного текста тем самым кардинально контрастирует с оценочными суждениями, привычными для знатоков творчества Гете и Гуно.

Резонно обратить внимание на то, что для реципиента Фауст выступает одновременно и как объект перцепции, и как объект *социальной* перцепции.⁸ Поэтому объект восприятия попере-

⁸ Социальная перцепция имеет существенные различия от перцепции, несмотря на генетическое родство соответствующих процессов. В подавляющем большинстве случаев объектом социальной перцепции являются субъекты, т. е. люди, сведения о которых подводятся под ментальные категории, непосредственно и опосредованно погруженные в

менно подводится под разные ментальные категории на основании разных признаков, которые по-разному конфигурируются. С точки зрения носителей языка и культуры, соответствующие признаки являются не только первичными для идентификации объекта восприятия в конкретной языковой культуре, но и вторичными, а также несалиентными в подавляющем большинстве случаев.

Вместе с тем следует заметить, что таким образом Лорио удастся со-активировать у реципиента значительный пласт разнородных сведений о Гете, его персонаже Фаусте, о значимости Фауста для Германии и для европейской культуры вообще как культурного героя, о статусе оперы как высоком и весьма престижном, но малопонятном для большинства искусстве, о сюжете трагедии *Фауст* и одноименной оперы и др. Без таких сведений, объективируемых и / или со-активируемых первичными либо вторичными вербальными средствами, текст не мог бы быть осмыслен так, как это, видимо, задумывал автор: как сведения, содержащиеся в людическом тексте, как сведения, необходимые при рекреативной деятельности высокообразованного интеллектуала, ценящего высокую культуру и знающего в ней толк.

Вне соответствующего когнитивного фона когнитивная фигура «die Geschichte des gealterten, wenn auch gelifteten Dr. Faust,

комплекс актуальных аксиологических связей; ср.: *Иван Иванович Иванов — профессор Иванов — академик Иванов — пенсионер Иванов — сосед Иванов — свидетель Иванов — подозреваемый Иванов — преступник Иванов — отец Иванова* и т. д. Даже если биолого-физиологические и психокогнитивные характеристики соответствующего объекта социальной перцепции останутся неизменными, соответствующий объект будет подводиться под разные ментальные категории, и конфигурация сведений о данном объекте будет всякий раз зависеть от значимости того или иного социально релевантного признака при первичной вторичной и / или аксиологической идентификации соответствующего объекта.

Аналогичным образом дело обстоит и при социальной перцепции артефактов; ср.: *стол — престижный стол — дизайнерский стол — антикварный стол — стол эпохи рококо — георгианский стол — стол из Версаля — стол Людовика XIII — стол, за которым королева Антуанетта писала свои последние строки* и пр.

der für eine zweite Jugend an der Seite eines Teenagers seine Seele dem Teufel verkauft» не была бы адекватно осмыслена. Ведь процитированная фраза и есть, собственно, содержание оперы, а дальнейшие сверхфразовые единства задают аксиологическую (в широком и узком смысле) рамку, сквозь которую селектируется со-активируемая вербальными средствами информация о трагедии *Фауст*, ее авторе Гете и его роли для немецкой культуры, о значимости этой трагедии, об отношении «обычных» людей к людям типа доктора Фауста с его эскападами («eine zweite Jugend an der Seite eines Teenagers и Ausbruch des alten erotischen Jagdfiebers») в определенный период («Eintritt in den Ruhestand») (см. пример 3).

Кроме того, еще одним объектом оценки в цитируемом тексте становятся личность Гете и его творчество, которые Лорио вписывает в контекст, кардинально отличающийся от конструируемого в научных трудах. Поэтому для реципиента фигура Гете в цитируемом тексте и этим текстом, в сущности, оценивается если не пренебрежительно, то явно непривычно. Однако именно данное обстоятельство, по всей видимости, и заставляет реципиента, знающего классические произведения и хорошо знакомого с оценками вклада Гете в культуру, вспоминать суждения малообразованной публики о всемирно известной трагедии («eine weitschweifige, selten gespielte Bearbeitung (ohne Musik)»), для которых Гете — автор, даже не имеющий никаких наград («bisher keinen Literaturpreis erhalten»), хотя и у всех на слуху («einer der wenigen bekannten Autoren»). Выражаясь иначе, Лорио, организуя таким образом текстовую ткань, по сути, высмеивает суждения необразованной публики, говорит, намекая («durch die Blume sagen»), что именно в приличном обществе неприлично не знать.

Другими словами, Лорио, вне всякого сомнения, эксплицируя и имплицитно свои намерения, сознательно сталкивает в текстовом пространстве два комплекса сведений, напрямую и опосредованно отсылающих реципиента к ценностной картине мира: принятые в культуре ценностные ориентации и оценки достижений высокой культуры, с одной стороны, и содержание стереотипов сознания как образцов для ментальной обработки

воспринимаемого для филистеров, для людей малообразованных, недалеких, с примитивными потребностями, с другой.⁹

Тем самым очевидно, что рецепция процитированного текста чревата непониманием — для определенной категории реципиентов, а именно для тех, кто не имеет сведений в своей картине мира, *необходимых и достаточных* для адекватной рецепции приведенного текста, в котором корректно интерпретируется соотношение сведений, объективируемых языковыми средствами, с одной стороны, и необъективированных, но активизируемых и со-активизируемых в тексте теми же самыми механизмами вербализации, с другой.

Пример 3 (LORIOT 2007: 24).

Charles Gounod

Faust

Diese Oper *vertont* die Geschichte *des gealterten, wenn auch gelifteten* Dr. Faust, der für *eine zweite Jugend* an der Seite eines Teenagers seine Seele dem Teufel verkauft.

Bejahrte Männer, die mit Eintritt in den Ruhestand einen erneuten Ausbruch des alten erotischen Jagdfiebers erwarten, sind, das können Sie mir glauben, auf den Pakt mit dem Teufel oder Tabletten angewiesen.

Von Goethe, einem der wenigen bekannten Autoren, die bisher keinen Literaturpreis erhalten haben, gibt es die ganze Affaire in einer weitschweifigen, seltener gespielten Bearbeitung ohne Musik.

Таким образом, сам автор конструирует такой когнитивный фон, на котором, как он прогнозирует, вероятность неопределенности при интерпретации воспринимаемого текста будет снята. Уверенность его базируется на знании, разделяемом¹⁰ все-

⁹ Ср. в романе Генриха Манна *Верноподданный* (*Der Untertan*) эпизод в театре, когда персонажи романа слушают оперу Вагнера, где описывается диаметрально противоположная реакция Дидериха и Густы на происходящее на сцене, на внешность действующих героев оперы и на сценическое действо в целом.

¹⁰ В контексте изучения того, как в коммуникации и / или тексте соотносятся объективируемые и необъективируемые сведения, интерес представляет точка зрения Ю. Райшера, который выделяет декларативные, процедуральные или ассоциативные знания, контролируемые либо неконтролируемые знания, актуальные или общие знания, индивидуальное и коллективное знание, пропозициональное и непропози-

ми носителями языка и культуры, на общности знания в ментальной структуре коллективной идентичности, а также на общности конфигурации соответствующих знаний в этой структуре.

3. Средства и способы снятия неопределенности

Вопрос о средствах и способах снятия неопределенности как параметра, значимого для постижения понимания и взаимопонимания, оказывается отнюдь не праздным любопытством, поскольку в действительности картина мира «локализуется» в *индивидуальном* сознании каждого носителя соответствующей культуры. Однако соответствующие гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о мире, будучи зафиксированы разнообразными средствами и способами, входят в ментальные структуры и *коллективной*, и *личностной* идентичности каждого единичного субъекта как носителя языка и сознания. Тем не менее важно осознавать, что знания, разделяемые всеми носителями культуры, *полиинтерпретируемы*, и соответствующие комплексы различаются не только в количественном и качественном отношении, но и также своей *конфигурацией*, причем нередко на всех уровнях иерархии в соответствующих ментальных структурах.

С принципами членения в целом совокупности гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире подавляющее большинство исследователей соглашается, вычленив при этом три сложно организованных комплекса: знания о мире (тезаурус), языковые и интеракциональные знания.¹¹ Некоторые

циональное знание (REISCHER 2002). С помощью данного категориального аппарата Райшер представляет комплексы знаний, описание которых во многом согласуется с доминирующей точкой зрения относительно членения сведений о мире: интеракциональное знание (предполагающее ментальное знание и знание моторики), контекстуальное знание (дискурсивное и ситуативное знание), рамочные сведения, знание фактов, знание, полученное через ощущения, знание о себе (эпизодическое знание, знание статус-кво), знание о партнере, энциклопедическое знание, экспертное знание, знание о мире (REISCHER 2002: 97–99). Райшер подчеркивает, что информация — это знание в действии (при интерпретации и / или порождении) [REISCHER 2002: 99].

¹¹ По понятным причинам здесь не представляется возможным упомянуть хотя бы часть соответствующих публикаций, в том числе и

исследователи считают необходимым выделить еще и ассоциативные,¹² а также текстограмматические и текстотипологические¹³ знания.

Нельзя не отметить, что соответствующие комплексы разнородных знаний имеют разную природу: это не только декларативные, но и процедуральные знания, которые поликодируемы вербальными и многочисленными невербальными средствами, выбор которых подпадает под влияние многочисленных факторов, внешних и внутренних по отношению к порождаемому и воспринимаемому тексту. Степень семиотической гетерогенности подобного выбора не обнаруживает жесткой и причинной корреляции с характером решаемой интерактантами коммуникативной и когнитивной задачи, а также с видом деятельности в актуальном акте взаимодействия.

Соответствующие средства могут быть первичными и / или вторичными, главное, чтобы они оставались *адекватными* параметрам общения, особенностям субъектов познания и коммуникации, характеру решаемой коммуникативной и когнитивной задачи.

В этом можно убедиться, сравнив первичные и вторичные номинации, конструируемые на основе разных когнитивных процессов и призванные объективировать в людической коммуникации результаты концептуализации и категоризации с помощью разных механизмов вербализации и по разным основаниям. Комментарий ко вторичным номинациям в большинстве случаев дает сам автор в своем тексте (LANGE 2000), вполне осознавая потенциальную неопределенность для реципиента при интерпретации семантики соответствующей номинации и

из-за того, что анализ этой проблемы в данной статье не является предметом исследования.

¹² Основания для выделения соответствующих сведений в отдельный сегмент в картине мира, а также детализацию внутри этого сегмента и примеры с комментарием см. в (REISCHER 2002).

¹³ Ср. решение У. Фикс выделить в специальную группу знаний — наряду с традиционно признаваемыми знаниями о мире, интеракционными знаниями, языковыми знаниями — знания об организации текстов разного типа (Textsortenwissen) (Fix 2008: 115).

содержания текста в целом. Тем самым Б.-Л. Ланге *снимает* полностью либо частично неопределенность при осмыслении содержания для реципиента или же существенно облегчает когнитивную задачу по интерпретации непривычных и / или незнакомых реципиенту номинативных единиц:¹⁴

- *der VEB Horch und Guck* — Staatssicherheit (очевидно, на основании функции);
- *Pornoshop* — Kaufhalle (Kommentar: *nackte Schaufenster und entblößte Regale*) (очевидно, на основании внешнего сходства);
- *das Land mit begrenzten Unmöglichkeiten* (Anspielung auf die in der offiziellen Kommunikation geläufigen Parolen) (очевидное пародирование);
- *Frühgurke* — Person, die besonders schnell befördert wird (очевидно, метафора);
- *die Lackschuhe* — Beamte, *der Wasserkopf* — Leitung im Betrieb (очевидно, метонимия);
- *bohnenlose Gemeinheit* — Kaffee (vgl.: *bodenlos*), *Miß Bildung* — Margot Honecker (vgl. *Mißbildung*) (очевидно, игра слов);
- *sozialistische Wartegemeinschaft* — Schlange (очевидно, квазицитация);
- *Bonbon* — SED-Abzeichen, *der Knitterfreie* — Stahlhelm (очевидно, сравнение);
- *Arbeiter-und-Bauern-Volvo* — Trabant (очевидно, ирония);
- *EDV (Ende der Versorgung)* — Grenze Ostberlins zu Westberlin (очевидно, сарказм) (LANGE 2000).¹⁵

Сделанные наблюдения над некоторыми способами снятия неопределенности позволяют выделить один из наиболее осно-

¹⁴ См., в частности, анализ различных направлений в изучении дискурса и исследование дискурса как «отражение специфической социокультурной деятельности людей» (МАНЕРКО 2024: 330) и систему соответствующих доказательств в (ibid.: 327–336). В результате исследователь может получить доступ к необъективированным в тексте сведениям: «В процессе восстановления... дискурсивных параметров и реструктуризации происходит *восстановление элементов, не наблюдаемых в текстовом пространстве*» (ibid.: 331) (курсив мой — Л. Г.).

¹⁵ См. подробнее анализ соответствующих номинативных стратегий в их корреляции с когнитивными и коммуникативными в (GRISCHAEWA 2022).

вополагающих признаков текстуальности — *целостность* и вместе с тем другие, не менее значимые, более того, интегральные для текста любого типа, характеристики текста — *линейность* и *членимость*. На последние целесообразно обратить внимание прежде всего потому, что они вступают в радикальное противоречие с фундаментальным свойством картины мира — целостностью, с одной стороны, и невозможностью объективации всей целостности в одном акте познания и коммуникации, с другой.

Именно поэтому столь важным становится изучение соотношения объективируемых и необъективируемых в интеракции сведений, а также объективируемых и активируемых и со-активируемых сведений. Как следствие, возникает необходимость проанализировать особенности перспективизации и профилирования активируемых и со-активируемых сведений, чтобы выяснить, какие именно сведения оказываются востребованными при решении интерактантами конкретной коммуникативной и когнитивной задачи. Во-вторых, необходимо понять, насколько закономерными оказываются соответствующие связи между типом решаемой задачи, параметрами ситуации общения, особенностями субъектов познания и коммуникации, природой востребованных признаков у того или иного объекта.

Подобный ракурс исследования необходим и важен, поскольку каждый объект внеязыковой действительности (в широком смысле) обладает самыми разными признаками, которые имеют, однако, разную значимость в конкретном акте познания и коммуникации:

- признаки объектов внешнего, реального, мира:
 - перцептивные признаки (через органы чувств → запах, вкус, тактильные ощущения, звук, внешний вид, форма, объем, вес...);
 - выводное знание на основании наблюдаемого:
- признаки объектов виртуального мира на основании реальных признаков и / или их инференции;
- признаки объектов фикционального мира, осмысляемые по самым разным основаниям;
- структура интеракции (видов деятельности → отсылка к содержанию социальных эталонов);

- сфера бытования объектов;
- функциональный потенциал объектов;
- значимость объекта в процессе конкретного вида деятельности;
- связь прямая и / или опосредованная с ценностной картиной мира;
- пространство, которое заполняется соответствующими объектами,¹⁶ а также иные признаки, не объективируемые при решении некоторой коммуникативной и когнитивной задачи средствами культурных кодов, но знание о которых активируется и со-активируется в процессе осуществления интеракции и / или рецепции текста того или иного типа (см. примеры выше).

Чтобы ответить на вопрос, поставленный в заглавии статьи, необходимо учитывать, что понимание — это, бесспорно, интерпретация. Однако и процессы рецепции и перцепции представляют собой, по сути, также интерпретацию, впрочем, как и выбор перспективы восприятия, определение когнитивного фона и когнитивной фигуры, а также постановка цели, подведение некоторой конфигурации сведений под ментальную категорию и т. д. Для овнешнения результатов интерпретации носители языка и культуры имеют в своем распоряжении комплекс способов и механизмов активизации сведений: вербальных и невербальных, конвенциональных и не-конвенциональных, окказиональных и узуальных, традиционных и креативных, первичных и вторичных. Перечисленные способы не только объективируют соответствующие сведения, но и активируют и со-активируют иные сведения, без которых процессы декодирования и рецепции в принципе не смогут быть успешными.

Поэтому анализ способов и средств снятия неопределенности при лингвистическом ракурсе описания соответствующих

¹⁶ Пространство — это «то, что является общим всем переживаниям, возникающим благодаря органам чувств» (ФЭС 2002: 369); «пространство как таковое никогда не дано нам <...> напротив, оно постоянно *наполняется* множеством более или менее всеобъемлющих систем отношений..., к которым принадлежат различные предметы» (ibid.: 370), «пространство может быть обозначено как совокупность систем отношений» (ibid.).

процессов не может не учитывать вклад всех механизмов вербализации в решение некоторой коммуникативной и когнитивной задачи субъектами как носителями языка и культуры с их индивидуальными и общими в силу культурной идентичности психо-социо-когнитивными особенностями. Соответствующие группы механизмов вербализации с их последующей тонкой дифференциацией по известным лингвистическим основаниям (лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, текстограмматические, формально-структурные) нельзя, однако, не изучать вне контекста их корреляции с комплексом субсистемных, системных и суперсистемных связей применительно к языку как культурному коду.

4. Выводы

Для снятия неопределенности и прогнозирования и / или «профилактики» непонимания и / или иных коммуникативных сбоев при кодировании и декодировании сведений в интеракции особую роль следует отвести текстограмматическому и текстотипологическому знанию. Это означает необходимость владеть принципами текстосемантической, текстосинтаксической, функциональной организации текстов того или иного типа, а также способами варьирования соответствующих знаний применительно к постоянно меняющимся условиям взаимодействия между носителями языка и культуры.

Не менее значимым является владение способами и средствами реализации определенной коммуникативной стратегии, находящейся в довольно устойчивой корреляции с некоторыми типами когнитивных и номинативных стратегий, варьирование средств реализации которых и позволяет носителям языка и культуры успешно решать свои когнитивные и коммуникативные задачи как при порождении, так и при рецепции текста. Это предполагает, следовательно, необходимость исчислить корреляции между когнитивными, номинативными и коммуникативными стратегиями применительно к каждой коммуникативной и когнитивной задаче.

Владение способами снятия неопределенности при решении коммуникативных и когнитивных задач средствами культурных кодов предполагает *дифференцированное* знание о прин-

циях актуального членения информационного потока. Из этого вытекает необходимость владеть такими стратегиями, благодаря которым можно конденсировать информацию, детализировать салиентную в конкретных условиях информацию, адекватно интерпретировать соотношение объективируемых и необъективируемых в интеракции сведений, адекватно оценивать соотношение «когнитивный фон ⇔ когнитивная фигура», а также определять при порождении текста соотношение объективируемой и инферируемой информации как средство ориентации на потенциального реципиента и адаптации к особенностям коммуникативной ситуации.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Блинова Ю. А. Прецедентный ономастикон и лингвокультурные концепты дискурса новейшей немецкой литературы // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 13—32. [Blinova, Yulia A. (2024) Pretsedentnyy onomastikon i lingvokul'turnyye kontsepty diskursa noveyshey nemetskoj literatury (Precedent Onomasticon and Linguocultural Concepts in Contemporary German Literature). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 13—32. (In Russian)].
- Большакова Т. М. Типология интертекстуальных отношений в немецком школьном нормативном дискурсе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 33—54. [Bolshakova, Tatiana M. (2024) Tipologiya intertekstual'nykh otnosheniy v nemetskom shkol'nom normativnom diskurse (Typology of Intertextual Relations in German School Normative Discourse). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 33—54. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. [Grishayeva, Lyudmila I. (2020) *Var'irovaniye teksta v kommunikatsii* (Text Variation in Communication). Voronezh: Nauka-Unipress. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Актуальные тенденции организации текста и плотность внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 18. Орел: Горизонт, 2021. С. 11—34. [Grishaeva, Lyudmila I.

- (2021) Aktual'nyye tendentsii organisatsii teksta i plotnost' vnitriteksovykh, mezhtekstovyykh i intertekstual'nykh svyasey (Current Trends in Text Organization and the Density of Intra-text, Intertext and Intertextual Connections). In: Alikayev, Rashid S. (ed.) *Zhanyr i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse*. Vyp. 18. (Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse. Issue 18.). Orel: Gorisont, 11—34. (In Russian)].
- Демьянков В. З. Понимание (understanding, comprehension; Verstehen, Verständigung, compréhension, entendement) // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. М.: Московский гос. ун-т, 1997. С. 124—126. [Demyankov, Valeriy S. (1997) Poni-maniye (understanding, comprehension; Verstehen, Verständigung, compréhension, entendement). In: Kubryakova, Yelena S. & al. (eds) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* (A Concise Dictionary of Cognitive Terms). Moscow: Moscow State University, 124—126. (In Russian)].
- Киосе М. И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р. Валент, 2021. [Kiose, Mariya I. (2021) *Sekrety interpretatsii teksta i isobrazheniya. Kon-struirovaniye i okulografičeskij eksperiment* (Secrets of Interpreting Text and Image. Construction and Oculographic Experiment). Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Кострова О. А. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты. М.: Флинта, 2021. [Kostrova, Olga A. (2021) *Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokul'turnyye aspekty* (German Literary Text: Cognitive and Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под ред. Б. А. Серебrenникова и др. М.: Наука, 1988. С. 141—172. [Kubryakova, Yelena S. (1988) *Rol' slovoobrasovaniya v formirovanii yazykovoy kartiny mira* (The Role of Word Formation in the Formation of the World Linguistic Picture). In: Serebrennikov, Boris A. & al. (eds) *Yazyk i kartina mira. Rol' čelovečeskogo faktora v yazyke* (The Role of the Human Factor in Language. Language and Picture of the World). Moscow: Nauka, 1988, 141—172. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Активация, активизация (activation, activization, Aktivierung) // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. М.: Московский гос. ун-т, 1997. С. 11—12. [Kubryakova, Yelena S. (1997) *Aktivatsiya, aktivisatsiya* (activation, activization,

- Aktivierung) // In: Kubryakova, Yelena S. & al. (eds) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* (A Concise Dictionary of Cognitive Terms). Moscow: Moscow State University, 11—12. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний и языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kubryakova, Yelena S. (2004) *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy i yazykovoy kartiny mira* (Language and Knowledge: On the Way to Acquiring Knowledge and a Linguistic Picture of the World). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Манерко Л. А. Когнитивная теория языка: философские основания и направления исследований. М.: Гнозис, 2024. [Manerko, Larisa A. (2024) *Kognitivnaya teoriya yazyka: filosofskiye osnovaniya i napravleniya issledovaniy* (Cognitive Theory of Language: Philosophical Foundations and Research Directions). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. [Ozhegov, Sergey I. & Švedova, Natalya Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language). Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].
- Психологический словарь — Ребер А. Большой психологический словарь. Т. 1 (А–О). М.: Вече-Аст, 2001. [Reber, Arthur. (2001) *Bol'soy psikhologicheskiy slovar'* (Big Psychological Dictionary), vol. 1 (A–O). Moscow: Veče-Ast. (In Russian)].
- ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2002. [*Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Philosophical Encyclopedic Dictionary). (2002). Moscow: INFRA-M. (In Russian)].
- Berndt, Frauke & Tonger-Erk, Lily. (2013) *Intertextualität. Eine Einführung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Bierwirth, Sabine. (2000) Karikatur. In: Schnell, Ralf. (ed.) *Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart*. Stuttgart Weimar: J. B. Metzler. 246—247.
- Fix, Ulla. (2008) *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme.
- Grishayeva, Lyudmila I. (2022) Konstruktion vom Simulakrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präcedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel (Construction of Simulacrum, Ludic Texts, Social Criticism and culturally Significant Phenomena as Secondary Nominative Means of Expression). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 120—144.

- Hofstede, Geert. (2006) *Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management*. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag.
- Reischer, Jürgen. (2002) *Die Sprache. Ein Phänomen und seine Erforschung*. Berlin; New York: Walter der Gruyter.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Lange, Bernd-Lutz. (2000) Bonzenschleuder und Rennrappe. In: *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*. Stuttgart; Leipzig: Hohenheim Verlag, 24—32.
- Loriot. (2007) Charles Gounod. Faust. In: *Loriots Kleiner Opernführer*. Zürich: Diogenes Verlag, 24.
- Steck, Klaus. (1992) *Plakate*. Göttingen: Steidl.

Lyudmila I. Grishayeva
Voronezh State University

Does the Recipient Really Understand the Perceived Text?

The macro-textual analysis of a hybrid, secondary, quasi-parodic, quasi-dialogical text, which is very rich in intertextual connections of different etiology, shows the significance of the commonality of the sociocognitive experience of culture bearers. The corresponding reasoning is based on a consistent distinction between intratextual, intertextual and intertextual links, which are present in the textual space in different proportions and depend both on the type of text and the nature of the communicative and cognitive task being solved, and on the peculiarities of the personal identity of the producer and the recipient, as well as on the parameters of the communicative situation. The basis for this distinction is also the correlation of information objectified in the textual space by means of cultural codes and activated and / or co-activated, but not objectified by one or another mechanism of verbalization. Attention is drawn to the need for a native speaker of a language and culture to have free possession of the means and ways of realizing a variety of communicative, cognitive and nominative strategies. The need for native speakers of language and culture to be able to operate the corresponding strategies and means of their realization depending on the nature of the communicative and cognitive task, as well as on the peculiarities of the communicative situation actual for interactants is revealed. The subordination of lexical-semantic, word-formation, morphological, syntactic, formal-structural mechanisms is shown. The correlation between the information about extra-linguistic reality objectified by means of cultural codes,

on the one hand, and the information not objectified in the text, but activated and co-activated during encoding and decoding of the complex perceived through and in the text, on the other hand, is emphasized. This serves as a basis both for conceptualizing the degree of understanding of the information perceived by the recipient and for the recipient's interpretation of the text of the message of the producer. An attempt is made to quantify the signs of uncertainty potentially complicating the processes of encoding and decoding of perceived and interpreted information. The connection between the choice of means and ways of realization by the producer of his intentions with the help of means of cultural codes, verbal code and the ability of native speakers of language and culture to remove uncertainty both at generation and at reception of the text is traced.

Keywords: encoding; decoding; mental processes; understanding of a text; ambiguity; densification of the information flow

Для цитирования:

Гришайева Л. И. А понимает ли реципиент воспринимаемый текст? // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 99—123.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-99-123.

To cite this Article:

Grishayeva, Lyudmila I. (2025) A ponimayet li retsipiyent vosprinimayemyy tekst? (Does the Recipient Really Understand the Perceived Text?). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 99—123. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-99-123.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; принята к публикации 28.02.2025

The article was submitted 30.01.2025; accepted for publication 28.02.2025

Б. А. Дюбо
Независимый исследователь

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ И МЕТОДЫ ГАЛЛЬСКИХ ПИЕТИСТОВ В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ

Немецкий пиетист Август Герман Франке (August Hermann Francke, *1663 — †1727) создал обязательный канон преподавания. В центре внимания педагогики Франке было практическое использование образования. Результаты исследования показали, что педагогические методы обучения Франке, которые лишь частично применялись им для преподавания языков, были подхвачены его преемником Иоганном Фридрихом Хеном (Johann Friedrich Hahn, *1710 — †1789), развиты дальше и в значительной степени использованы для изложения грамматического материала. Особое значение имеет катехизирование, практиковавшееся Франке только на уроках по изучению Библии, но использовавшееся Хеном и при обучении языку. Согласно Хену, существенная польза от катехизирования заключается в том, что благодаря ей узнаешь, «что это не просто запоминание, но в то же время упражнение в размышлении и рассуждении». В нем можно наблюдать современные теории обучения и языковые дидактические подходы, ориентированные на обучение с пониманием, т. е. распознавание и понимание факта, гармоничное сочетание форм обучения, как-то: упражнения и повторение, установление взаимосвязи между частями изученного и его практическое применение. Признание важности катехизирования не только при изучении Библии было зафиксировано в первом действительно систематически разработанном учебном пособии по педагогике директора Социальных учреждений Франке (Franckesche Anstalten) Августа Германа Нимейера (August Hermann Niemeyer, *1754 — †1828). Принцип визуализации учебного материала, за который выступал уже Ян Коменский, применялся Франке как основное положение успешного обучения. Универсальный «буквенный метод» (Literal-Methode) Хена, основной частью которого было катехизирование, привел Хена к такой форме визуализации как использование таблиц, с помощью которых можно структурировать языковые знания и наглядно их представлять. Табличная форма, рекомендованная Хеном при изучении языка, соответствовала требованию Франке сделать уроки как можно более понятными, хотя сам Франке в области грамматики еще не планировал табличную форму как вид наглядности.

Ключевые слова: пиетисты; грамматика; методы обучения; Иоганн Фридрих Хен; катехизирование

1. Введение

В статье рассматривается вопрос о том, какие педагогические методы пиетиста Августа Германа Франке (*1663 — †1727) получили дальнейшее развитие у его последователя Иоганна Фридриха Хена (*1710 — †1789) в обучении языку и при изложении правил грамматики. Материалом исследования послужили педагогические и грамматические труды немецких пиетистов.

Пиетизм как реформаторское движение в лютеранской церкви

развивает новые формы личного благочестия и общественной жизни, ведет к радикальным реформам в богословии и церкви и оставляет глубокие следы в социальной и культурной жизни стран, которые он охватывает (WALLMANN 2005: 21).

Влияние пиетизма следует охарактеризовать как чрезвычайно плодотворное для развития школьной системы. Франке был одним из главных представителей галльского пиетизма, он создал новаторскую систему школ. «Главная цель во всех этих школах состоит в том, чтобы дети прежде всего могли прийти к живому познанию Бога и Христа и к праведному христианству» (FRANKE 1702: 4). Немецкий богослов Генрих Фридрих Адольф Рогге (Heinrich Friedrich Adolf Rogge, *1827 — †1886) пишет:

Без пиетизма Пруссия была бы сегодня, пожалуй, духовным болотом и нравственно запущенной провинцией. Пиетизм создал нашу школу и только он сделал возможным появление таких мужей, как Кант, Гиппель, Гаман и Боровский (ROGGE 1878: 517).

Пиетизм и идеи Просвещения формировали культуру и менталитет в XVIII в. Хотя пиетистское движение в отличие от эпохи Просвещения заканчивается в конце XVIII в., педагогика Франке и написанные по ее методике учебники еще долгое время имели широкое распространение.

2. Отношение пиетистов А. Г. Франке и И. Ф. Хена к изучению немецкого языка

Франке «создал обязательный канон преподавания, который был образцовым для своего времени, в частности он ввел

реальные предметы» (МЕНСК 2001: 3). В центре внимания педагогики Франке было практическое использование образования: «Вообще следует изучать только то, что полезно для жизни» (VELTEN 1988: 61). Определенный вклад сделал Франке и в области изучения языка. Франке был одним из первых, кто продвигал немецкий язык в своих школах. Родной немецкий язык стал обязательным в качестве языка обучения. Среди прочего, он ввел стилистику немецкого языка (KOTSCH 2011: 232–233). Однако по сравнению с латинским языком Франке отводит немецкому языку второстепенное место. Для того чтобы усвоить «немецкий стиль» (*stilus germanicus*) воспитанники усердно занимались правописанием, письмом, произнесением кратких речей. Все должно быть устроено «так, чтобы те, кому поручено, научились произносить искусную речь, хорошо написать письмо и сочинять хорошее стихотворение» (FRANCHE 1885: 329). Это должно было подготовить детей к их дальнейшей профессиональной деятельности (KOTSCH 2011: 204).

Рекомендации Франке находили применение и получали свое развитие. Решающая роль принадлежит евангелическому богослову и педагогу Хену. В 1752 г. Хен стал школьным инспектором в реальной школе (*Realschule*), основанной в Берлине в 1747 г. пиетистом Иоганном Юлием Хеккером (Johann Julius Hecker, *1707 — †1768), учеником Франке. В деле изучения языков Хен предлагает в первую очередь сосредоточиться на немецком языке. Он полагает, что латынь следует учить поэтапно от простого к сложному:

Среди языков 1) немецкий стоит на первом месте. В начальных немецких школах молодежь учат произносить по буквам и читать по определенным правилам; а в других классах обучают написанию писем и немецкому красноречию (HÄHN 1753: 259).

3. Methodus erotematica (искусство вопрошать) — самый важный метод обучения Франке

Важнейшим методом обучения для Франке является «*methodus erotematica*», изложение материала в виде вопросов и ответов, находившее очень большое распространение в конфессиональных катехизисах. Он получил название катехизация («*catechisatio*»). Текст прочитывался и обсуждался, а затем по-

вторно рассматривался с помощью вопросов учителя; см. в (DERN 2013: 60). Формальная схема универсальна: вопрос-ответ-объяснение. В нашей работе используется термин катехизирование, чтобы подчеркнуть использование его в обучении для закрепления изложенного в виде вопросов-ответов в отличие от термина *катехизация*, понимаемого как изучение только основ христианской религии. Конфессиональному катехизису предшествовала проповедь, а уроку, проводимому катехизическим образом, предшествовал рассказ (MENCK 2001: 62).

Катехизирование — это методологический подход, который нашел свое место и утвердился в учебных пособиях и методах обучения, используемых сегодня. В катехизировании уже звучат

современные теоретические аспекты обучения, такие как обучение на практике, путем уяснения, путем действия и классификации того, что было изучено, в уже известном контексте более высокого уровня (VELTEN 1988: 50).

Франке пишет о своем методе:

Methodus erotematica (метод опроса) должен самым усердным образом использоваться на всех уроках; и поэтому то, что учитель изложил за полчаса или четверть часа, нужно немедленно повторить с помощью вопросов и ответов, затвердить и только потом продолжать (FRANCKE 1885: 365).

Метод включает следующие этапы. 1. Прочтение («recitatio»). 2. «Объяснение» («explicatio»). Учитель более подробно обсуждает отрывок. Ученики повторяют и отвечают на вопросы полными предложениями, недопустимы однословные ответы «Да» или «Нет», что вызывает недовольство детей либо приучает их выкрикивать без всякого внимания «да» и «нет». 3. «Применение» («applicatio»).

Он (учитель — Б. Д.) показывает им, как они должны использовать то, что они узнали и что им теперь было объяснено, (1) для твердых основ веры, (2) для наблюдения и улучшения своей жизни (FRANCKE 1702: 18).

Это обращение к жизни было высшим уровнем катехизации. Отказ от него означал для Франке, что изучение полностью не завершено (OSCHLIES 1969: 99, 102).

4. Развитие метода катехизации А. Г. Франке в работах И. Ф. Хена, посвященных изучению языков

Школьный инспектор Берлинской реальной школы Иоганн Фридрих Хен совершенствовал далее метод, предложенный Франке. Катехизирование

также достаточно проявило себя в том, что приносит большую и разнообразную пользу в обучении молодежи основательно, приятно и с отдачей. Потому что, неоднократно задавая вопросы, вы сделаете весь класс более внимательным и готовым ответить на то, что следует спросить (HÄHN 1777: 50).

Если Франке ограничивал применение «искусства вопрошать» только изучением Писания, то метод вопросов (катехизирование) был подробно представлен и усовершенствован далее Хеном для преподавания грамматики. «Катехизирование» — один из главных разделов в «буквенном методе» (*Literal-Methode*), разработанном Хеном. В сочинении Хена *Подробный трактат о буквенном методе* дается определение:

Буквенный метод есть такой вид обучения, посредством которого с помощью начальных букв определенных слов можно одновременно обучать всех детей класса, у которых один и тот же урок. Можно обучать Наукам и Искусствам основательно, четко, последовательно, легко и приятно с заметным выигрышем во времени и усилий и способствовать росту знаний (HÄHN 1777: 18).

Ниже приведен пример одного из многих способов катехизирования при изучении грамматики с использованием «буквенного метода» Хена, т. е. «первых букв определенных слов», и дополнительно таблицы (см. Рис. 1).

Как только были написаны только одна буква, слово, новый раздел, соответствующее объяснение, сразу же начиналось катехизирование: пример из вышеприведенной грамматической таблицы: О чем нам должны напоминать эти буквы? О слове Грамматика. Из скольких частей она состоит? Из трех частей. Какая — первая? (E) этимология. Какая другая? — (S) синтаксис. Какая третья? — (P_r) просодия. Но что стоит в первой части в этимологии перед второстепенными частями? Ответ — три [позиции]: (c. v.) *cognoscere voces*, т. е. узнать слова по их образованию из букв и слогов; (d. v) *dignoscere voces*, правильно их дифференцировать и научиться разделять их на простые и сложные,

на корневые и производные слова, на имена, глаголы и частицы. И, наконец, (fl. v) *flective voces*, чтобы научиться правильно изменять существительные и глаголы по их конечным слогам, первые при склонении, вторые при спряжении. И таким образом вы проходили часть за частью. [См. *Agenda scholastica* с. 20] (HÄHN 1777: 51–52).

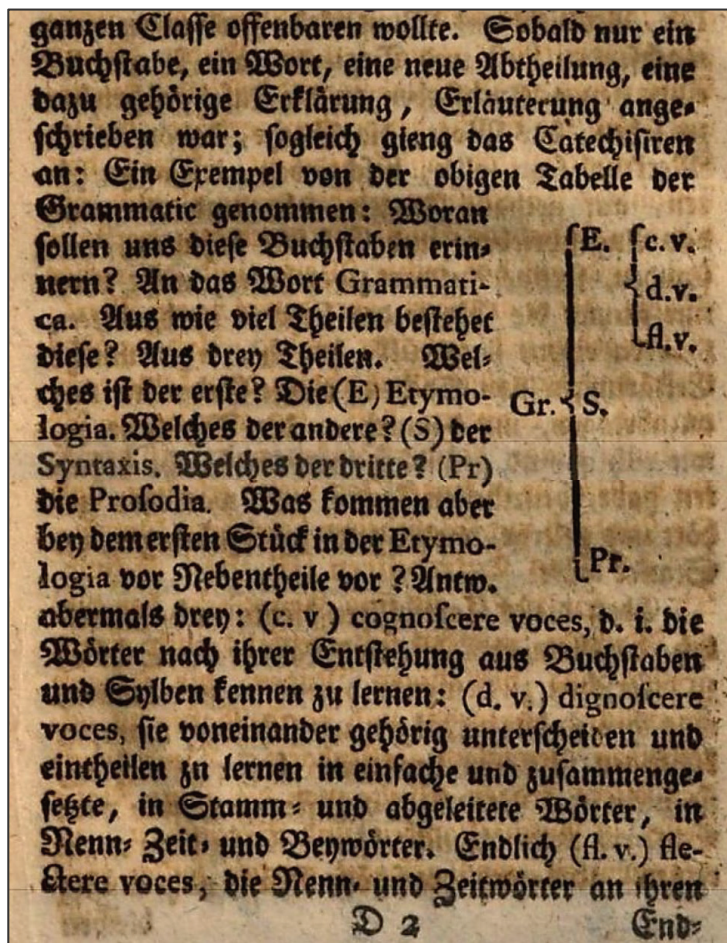

Рис. 1. Буквенный метод Хена (ibid.: 51).

Хен предупреждал об опасности попыток объяснить «главные правила, второстепенные правила, исключения, наблюдения... все сразу, одно за другим, с помощью грамматики». Опыт

учит, что «молодежь переутомлена из-за этого, а правило номинатива снова забывается, когда начинается правило аблатива. Поэтому целесообразно... *non multa; fed multum*» (HÄHN 1751: 25–26), т. е. не много, но многое (немного по количеству, но много по значению).

Хен следует практико-ориентированной форме обучения, которая была впервые широко осуществлена Франке. Будучи преподавателем Берлинской реальной школы (Realschule), Хен подчеркивает, что

Realschule вполне достойно носит свое название, и что в ней было положено начало тому, чтобы детей учили словам и вещам, а именно реальностям и милым, необходимым вещам правильным, приятным, практичным способом (HÄHN 1753: 273–274).

Хен полагал, что знание грамматики не является целью обучения языку. Лучший способ выучить грамматические правила — это практика и применение, и нужно начинать читать тексты как можно скорее:

Именно так ученики научатся письму и счету, выучат слова и с помощью таких дел овладеют грамматикой, при этом они смогут судить, где, с какой целью, каким образом и насколько полезно можно было бы применить то, чему они научились (ibid.: 255).

Хен цитирует слова немецкого ученого-энциклопедиста Иоганна Генриха Беклера (*1611 — †1672):

Когда мальчик усвоил общие правила грамматики, которые нужно выучить на ранних стадиях (*in primis rudimentis*), следует как можно скорее познакомить его с латинскими авторами (*auctores latinos*) и не делать самому из грамматики специальный предмет изучения, а усвоить те же самые правила и науку одновременно с чтением авторов (HÄHN 1752: 336–337).

5. Катехизирование — это «упражнение в умении мыслить и понимать». Использование нескольких взаимосвязанных методов в обучении языкам

В центре внимания педагогики Франке было практическое, осмысленное применение полученных знаний в повседневной жизни. Однако

в преподавании немецкого языка и математики Франке не реализовывал свое стремление самостоятельно думать и усваивать.

Здесь, как это было принято в то время, продолжало господствовать простое заучивание грамматических и математических правил (KOTSCN 2011: 226).

Согласно Хену, существенная польза от катехизирования заключается в том, что благодаря ей узнаешь,

что это не просто запоминание, но в то же время упражнение в размышлении и рассуждении, чтобы дойти до сути, почему это так, что из этого следует (HÄHN 1777: 31).

С точки зрения Хена, в размышлении и понимании большую помощь оказывает визуализация. *Принцип визуализации учебного материала*, за который выступал уже Ян Коменский, применялся и Франке как основное положение успешного обучения. Для наглядного и ориентированного на практику обучения Франке основал натуральный кабинет (Naturalienkammer) с наглядными пособиями. Для Хена также было очень важно использовать визуализацию как одну из основных особенностей «буквенного метода» в изучении языка. В качестве средства грамматико-дидактической визуализации в учебниках Хен выбрал таблицы. Если для Франке визуализация способствовала более быстрому заучиванию материала, то для Хена, согласно его методу начальных букв и использованию таблиц, важно, чтобы учащиеся не просто выучили грамматические правила наизусть, но выучили их в логичной взаимосвязи и «смогли научиться думать и понимать все более основательно».¹

В отличие от Франке Хен предлагает уже свои собственные примеры использования таблиц при изучении языка. Он показывает, как выученные формы (изъявительного и сослагательного наклонения) могут быть классифицированы с помощью таблиц в виде схемы («упорядоченного расположения») (см. Рис. 2):

Поэтому окончания глаголов должны быть характеристикой, указывающей точно и определенно, когда происходило действие. Эта характеристика (отличие сделанного от несделанного) называется у глаголов время. Следовательно, так как есть три основных времени: презенс, претерит или перфект, футу-

¹ Об иллюстративном материале и методологическом обосновании Хеном грамматических таблиц см. более подробно в (ДЮБО 2023: 381–391).

рум, и два дополнительных времени, такие как имперфект и плюсквамперфект, то для различения времен нужны пять специальных характеристик в активе, а также пять в пассиве. Из приведенной ниже таблицы можно легко показать юношеству, каковы характеристики, по крайней мере, у индикатива и конъюнктива» (HÄHN 1750: 109).

von Einrichtung guter Schulen. 109			
dere aber, plus quam perfectum. Michin muß bey der flexione verborum ein Kennzeichen da seyn, genau und gewiß anzuzeigen, wenn eine Sache geschehen. Dieses Kennzeichen (distinctio rei factae a nondum facta) nennet man bey den verbis, das <i>tempus</i> . Weil nun 3. Haupt-Zeiten, als das <i>praesens</i> , <i>praeteritum</i> oder <i>perfectum</i> , das <i>futurum</i> , und 2. Neben-Zeiten, als das <i>imperfectum</i> und <i>plus quam perfectum</i> , da sind; so brauchte man 5. besondere Kennzeichen im <i>activo</i> , so auch 5. im <i>passivo</i> , die Zeiten zu unterscheiden. Welches die Kennzeichen nun selbst sind, kan man aus beystehender Tabelle, wenigstens von <i>indicativus</i> und <i>coniunctivus</i> , der Jugend leicht zeigen.			
<i>Activum.</i>			
<i>Indicativus.</i>		<i>Coniunctivus.</i>	
<i>Praesens</i> o	-	-	em am
<i>Imperfectum</i> bam	-	-	rem
<i>Perfectum</i> i. ui. vi.	-	-	rim
<i>Plus quam perfectum</i> ram	-	-	ssam
<i>Futurum</i> bo. am.	-	-	ro.
<i>Passivum.</i>			
<i>Indicativus.</i>		<i>Coniunctivus.</i>	
<i>Praesens</i> or.	-	-	er. ar.
<i>Imperfectum</i> bar.	-	-	rer.
<i>Perfectum</i> tus sum.	-	-	tus sim.
<i>Plus quam perf.</i> tus eram	-	-	tus essem.
<i>Futurum.</i> bor. ar.	-	-	tus ero fuero.
Auf			

Рис. 2. Табличный метод Хена (ibid.: 109).

Сочетая установленные им отдельные методы, Хен рекомендовал свой буквенный метод как универсальный:

Кроме того, рассчитывайте прежде всего на то, что на протяжении всего урока постоянно сочетаются друг с другом обсуждение, комментарий, катехизирование и повторение в едином процессе (HÄHN 1777: 57).

При создании различных сочетаний методов обучения Хен следовал методам, которые уже успешно практиковал Франке. Например, Франке отводил несколько дней в неделю на повторение изученного материала, потому что «очень многое зависит от повторения того, что однажды выучено» (FRANCKE 1885: 341). Франке предложил соревнование, в котором 5 или 6 слов, уже выученных из грамматики Целлариуса, должны были быть произнесены по собственному выбору,

но таким образом, чтобы никто не мог произнести слово, которое другой уже сказал <...> благодаря таким и другим преимуществам их можно выучить из всего *Memoriali* (Cellarius 1689 — Б. Д.) как простые, так и производные, почти играючи (*ibid.*: 255).

Как и Франке, Хен указывает, что повторение важно для изучения грамматики:

Что касается повторения; то это же самое может использоваться молодежью приятным образом и с пользой частью в отношении вещей, частью в отношении слов и грамматики (HÄHN 1752: 401).

С помощью следующих упражнений повторение может помочь понять и углубить грамматический материал:

Например: Как делятся еврейские слова? Ответ: На глаголы, имена и частицы. Какие бывают глаголы? Есть *verba perfecta*, есть *verba imperfecta*. Кто назовет мне некоторые *Perfecta* из Псалма? [...] Как различаются *Verba Imperfecta*? Таким образом можно кратко или подробно пройти по грамматике и познакомить учеников с каждой ее частью (*ibid.*: 402).

6. Выводы

Педагогические методы обучения, предложенные пиетистом Франке, которые лишь частично применялись им для преподавания языков, были подхвачены его преемником Хеном, развиты дальше и в значительной степени использованы для изложения грамматического материала.

Особое значение имеет катехизирование, практиковавшееся Франке только на уроках Библии, но использовавшееся Хеном и при изучении языка. В нем можно наблюдать современные теорию обучения и языковые дидактические подходы, т. е. учить с пониманием, формировать у обучающихся умение распознавать и понимать факты, стремиться к гармоничному сочетанию форм обучения, как-то: предлагать упражнения и повторение, устанавливать взаимосвязи между частями изученного и его применением на практике. Признание важности катехизирования не только при изучении Библии было зафиксировано в первом систематически разработанном пособии по педагогике директора *Franckesche Anstalten* Августа Германа Нимейера (*1754 — †1828):

Законы катехитического способа обучения разрабатывает особая наука, которая называется катехизацией или также, однако неточно, сократикой. Хотя она обычно подразумевает только религиозное обучение, ее более общие правила применимы ко всем видам обучения (NIMMEYER 1802: 329).

Универсальный «буквенный метод» Хена, основной частью которого было катехизирование, привел Хена к мысли об использовании таблиц, с помощью которых можно структурировать языковые знания и наглядно их представлять. Табличная форма, рекомендованная Хеном при изучении языка, соответствовала требованию Франке сделать уроки как можно более понятными, хотя сам Франке еще не планировал в области грамматики табличную форму как вид наглядности.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Джубо Б. А. Развитие принципа наглядности в обучении грамматике последователями лютеранского пиетиста Августа Франке // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. XXVI (1) (чтения памяти И. М. Тронского). СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2023. С. 381—391. [Djubo, Boris A. (2023) *Razvitiye printsipa naglyadnosti v obuchenii grammatike posledovatelyami lyuteranskogo pietista Avgusta Franke* (The Development of the Visualisation Principle in Teaching Grammar by the Followers of the Lutheran Pietist August Francke). In: *Indoevropskoye yazykoznanіye i klasicheskaya filologiya* (Indo-European Language Studies and Classical Philology). Issue XXVI (1). Saint Petersburg: Institute for Linguistic Stud-

- ies, RAS, 381—391. (In Russian)].
- Cellarius, Christoph. (1689) *Latinitatis Probatae & exercitae Liber Memorialis*. Merseburgi: Forberger.
- Dern, Christian. (2013) *Dialogische Bibeldidaktik: biblische Ganzschriften des Alten und Neuen Testaments in den Sekundarstufen des Gymnasiums*. Kassel: Kassel University Press.
- Francke, August Hermann. (1702) *Ordnung und Lehr-Art / Wie selbige in denen zum Wäysen-Hause gehörigen Schulen eingeführet ist*. Halle: Gedruckt in Waysen-Hause.
- Francke, August Hermann. (1885) *A. H. Franckes Pädagogische Schriften. Nebst der Darstellung seines Lebens und seiner Stiftungen*. Langensalza: Beyer.
- Hähn, Johann Friedrich. (1750/1752) *Die agenda scholastica, wo in allen io Theilen das Vornehmste davon angeführet worden*. Berlin: Verlag Real-Schule. (1751, 2. Stück; 1750, 3. Stück; 1752, 5. u. 6. Stück)
- Hähn, Johann Friedrich. (1753) *Wie das Nothwendige und Nutzbare von Sprachen, Künften und Wissenschaften in Realschulen zu verbinden, zeigt Johann Friedrich Hähn*. In: Biedermann, Johann. (1755) *Altes und Neues von Schulfachen gesamlet*. 8. Th. Halle: Johann Justinus Gebauern, 247—287.
- Hähn, Johann Friedrich. (1777) *Ausführliche Abhandlung der Literal-Methode*. Berlin: Verlag der Buchhandlung der Real-Schule.
- Kotsch, Michael. (2011) *August Hermann Francke. Pädagoge und Reformer*. Dillenburg: Christliche Verl.-Ges.
- Menck, Peter. (2001) *Die Erziehung der Jugend zur Ehre Gottes und zum Nutzen des Nächsten: die Pädagogik August Hermann Franckes*. Tübingen: Verl. der Franckeschen Stiftungen Halle im Max-Niemeyer-Verl.
- Niemeyer, August Hermann. (1802) *Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Schulmänner*. Erster Theil. Halle: Buchh. des Waisenhauses [u. a.].
- Oschlies, Wolf. (1969) *Die Arbeits- und Berufspädagogik August Hermann Franckes: (1663—1727); Schule und Leben im Menschenbild des Hauptvertreters des halleschen Pietismus*. Wittenberg: Luther-Verl.
- Rogge, Adolf. (1878) *Schattenrisse aus dem Leben der Provinz Preussen am Anfange des philosophischen Jahrhunderts. Altpreußische Monatschrift*. Neue Folge, Bd. 15, 513—577.
- Velten, Dieter. (1988) *Schwerpunkte pietistischer Pädagogik und ihre Bedeutung für die Gegenwart*. In: Velten, Dieter. (ed.) *Glauben — Lehren — Erziehen: Pädagogen und pädagogische Konzepte im Pietismus*. Giessen: Brunnen-Verl., 38—66.
- Wallmann, Johannes. (2005) *Der Pietismus*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Boris A. Djuho
Independent researcher

The Halle Pietists' Pedagogical Ideas and Methods in Teaching Grammar

The German pietist August Hermann Francke (*1663 — †1727) created a compulsory canon of teaching. The focus of Francke's pedagogy was the practical application of education. The results of this study have shown that the pedagogical methods of teaching proposed by the pietist Francke, which were only partially applied by him to language teaching, were taken up by his successor Johann Friedrich Hähn (*1710 — †1789), developed further and used to a large extent for the presentation of grammatical material. Of particular importance is catechesis, practiced by Francke only in Bible study classes, but used by Hähn in language teaching as well. According to Hähn, the essential benefit of catechizing is that through it one learns "that it is not mere memorization, but at the same time an exercise in reflection and reasoning". Modern learning theory and language didactic approaches can be observed in it: teaching with understanding, i. e. recognizing and understanding a fact, a harmonious combination of forms of learning such as exercises and revision, making connections between parts of what has been learnt and its practical application. The recognition of the importance of catechizing beyond Bible study was recorded in the first really systematically developed pedagogical textbook by August Hermann Niemeyer (*1754 — †1828), the director of the *Franckesche Anstalten* Social Institutions. The principle of visualizing teaching material, which had already been advocated by Ioannes Amos Comenius, was applied by Francke as the basic premise of successful teaching. Hähn's universal method of initial letters (Literal-Methode), of which catechizing was a major part, led him to a visualization form such as the use of tables, with which language knowledge could be structured and visualized. The tabular form recommended by Hähn in language learning fulfilled Francke's requirement to make lessons as comprehensible as possible, although Francke himself had not yet planned tabular form as a form of visualization in the field of grammar.

Keywords: pietists; grammar; teaching methods; Johann Friedrich Hähn; catechizing

Для цитирования:

Дюбо Б. А. Педагогические идеи и методы галльских пиетистов в обучении грамматике // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 124—137.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-124-137.

To cite this Article:

Djubo, Boris A. (2025) Pedagogicheskiye idei i metody gall'skikh piyetistov v obuchenii grammatike (The Halle Pietists' Pedagogical Ideas and Methods in Teaching Grammar). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 124—137. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-124-137.

Статья поступила в редакцию 21.05.2025; принята к публикации 30.05.2025

The article was submitted 21.05.2025; accepted for publication 30.05.2025

А. В. Зайцева

Смоленский государственный университет

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ
В НЕМЕЦКОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**
(на материале романа Ф. Шетцинга *Что, если мы просто спасем мир? Действовать в условиях климатического кризиса*)

В настоящее время изучению эмоций посвятили свои труды многие отечественные и зарубежные ученые, и тем не менее эта тема до сих пор остается актуальной и привлекает внимание филологов. Предметом изучения в этом исследовании являются способы вербализации эмоций в немецком экологическом дискурсе на материале романа Ф. Шетцинга *Was, wenn wir einfach die Welt retten? Handeln in der Klimakrise*. Цель исследования состоит в выявлении ключевых лексем, вербализующих концепты КЛИМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС и ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА в немецком художественном дискурсе. В статье представлены языковые репрезентации эмоций, реализуемых в рамках концептов KLIMAKRISE и KLIMAWANDEL, а также ценностные доминанты немецкого социума, связанные с экологией и существующие в немецкой языковой картине мира. Исследование носит междисциплинарный характер, так как вербализация эмоций изучается не только с лингвистической точки зрения, но и опирается на данные психологии в этой области. Научная новизна заключается в комплексном анализе концептов КЛИМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС и ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА, позволившем сделать вывод о том, что данные концепты имеют негативную коннотацию в немецкой языковой картине мира и вызывают отрицательные эмоции у немцев, которые пытаются противопоставить климатическому кризису конкретные меры, направленные на защиту окружающей среды. Эти меры, в свою очередь, вызывают положительные эмоции у социума и помогают пережить чувство нарастающей тревоги и страха, связанного с изменением климата. К основным методам исследования относятся: концептуальный анализ, описательный метод, сопоставительный метод, контекстуальный анализ, метод лексикографического толкования, метод лингвистического наблюдения, элементы количественного анализа. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по когнитивной лингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии.

Ключевые слова: концепт; языковая репрезентация; языковая картина мира; эмотивная лингвистика; способы вербализации эмоций

1. Введение

Эмотивная лингвистика является на сегодняшний день перспективным направлением, исследованию которого посвятили свои труды как зарубежные (Б. Волек, Ф. Данеш, А. Вежбицкая, К. Изард и др.), так и отечественные филологи (Л. Г. Бабенко, З. Е. Фомина, Н. А. Красавский, В. И. Шаховский и др.). Тем не менее вопросы, связанные с эмоциями, изучены пока недостаточно и имеют междисциплинарный характер, так как являются предметом изучения различных наук, прежде всего психологии, физиологии, философии, языкознания, лингвокультурологии и других. В психологии под эмоциями понимается «переживание человеком его отношения к окружающему миру и самому себе» (РУБИНШТЕЙН 2012: 458).

По утверждению Шаховского, «эмоция — это форма оценки субъектом объекта мира» (ШАХОВСКИЙ 2010: 10). Эмоции включены в структуру сознания и мышления человека, сопряжены с когнитивными процессами и стилем мышления (*ibid.*: 13). По мнению Вежбицкой, эмоции человека в процессе общения всегда являются смысловесущими факторами (WIERZBICKA 1995: 235). Языковая личность проявляет в процессе коммуникации эмоциональное отношение к предмету речи. Язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры.

Данеш также считает, что

эмоция и когниция коррелируют друг с другом: когниция обуславливает эмоции, а эмоции воздействуют на когницию, и все это встраивается в структуры когнитивно-мыслительного процесса, выступая в качестве двух главных параметров регуляции человеческого разума, опыта с личностными и социальными аспектами; в них чувствуется тесная взаимосвязь (DANES 1987: 125).

Подобного же мнения придерживается Изард, который называет эмоцией «нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» (ИЗАРД 2000: 27).

2. Характеристика материала и методов исследования

В исследовании языковой картины мира любого социума ведущую роль играет описание концептов, составляющих в со-

вокупности систему знаний представителей этого социума о мире. Концепты КЛИМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС (KLIMAKRISE) и ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА (KLIMAWANDEL) являются эмоционально заряженными, поскольку вызывают определенные эмоции и чувства у немцев, и являются достаточно частотными для немецкой языковой картины мира, что связано, в первую очередь, с экологической доминантой, которая сформировалась в сознании немецкого народа в конце прошлого века. Это подтверждают многочисленные исследования экологического дискурса ФРГ, в том числе работы таких ученых как А. А. Лагутина (2013), Е. В. Иванова (2015), А. В. Нохрин (2019), А. И. Пичкур (2023), С. Гепферих (1995), П. Мюльхойслер (2003) и др. Примечательно, что А. А. Лагутина провела исследование доминантных экологических реалий в современном немецком газетно-публицистическом дискурсе и выявила, что доминирующим концептом в квантитативном соотношении является макроконцепт KLIMAWANDEL ‘климатический кризис’ (21,69%), который объединяет экологические микроконцепты — TREIBHAUSEFFEKT ‘парниковый эффект’, ERWÄRMUNG ‘потепление’, BIODIVERSITÄT ‘биологическое разнообразие’, ABSCHMELZEN ‘таяние’, ÜBERSCHWEMMUNG ‘наводнение’, DÜRRE ‘засуха’, OZONLOCH ‘озоновая дыра’ и др. (ЛАГУТИНА 2013: 9–10).

Для дальнейшего исследования концептов KLIMAWANDEL (ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА) и KLIMAKRISE (КЛИМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС) с точки зрения эмотивной лингвистики проведем комплексный концептуальный анализ, который будет включать лексикографический, дискурсивно-текстовый и лингвокультурный компоненты. Что касается информационного содержания концепта ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА, то в немецком толковом словаре *Duden Universalwörterbuch* понятие Klimawandel расшифровывается следующим образом: «Klimawandel — Wandel des Klimas» ‘изменение климата’.¹ Дефиниция подкрепляется следующими примерами, имеющими эмоциональную окраску: eindeutlicher, dramatischer, globaler, unaufhaltsamer, weltweiter

¹ <https://www.duden.de/rechtschreibung/Klimawandel>; <https://www.duden.de/rechtschreibung/Klimakrise>.

Klimawandel; die Gefahren des Klimawandels ‘явное, критическое, глобальное, неудержимое изменение климата в мировом масштабе; риски, связанные с изменением климата’. Данные примеры свидетельствуют о негативном эмоциональном отношении немцев к изменению климата, выражающимся с помощью таких эмоций, как нарастающая тревога, страх за свое будущее.

В немецком корпусе *DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* термину Klimawandel дается следующая дефиниция:

Änderung der klimatischen Gegebenheiten (der Erde); durch menschlichen Beitrag erfolgende zunehmende Erwärmung des Erdklimas in neuester Zeit” ‘изменение климатических условий Земли; растущее потепление климата Земли в последнее время из-за вклада человека’.²

В этом лексическом графе также прослеживается тенденция к лексемам с негативной эмоциональной оценкой: der globale, menschengemachte, anthropogene, ungebremste, fortschreitende, voranschreitende Klimawandel ‘глобальное, антропогенное, неконтролируемое, прогрессирующее, ускоряющееся изменение климата’, den Klimawandel aufhalten, stoppen, verlangsamen, bekämpfen, begrenzen; den Klimawandel leugnen ‘остановить, замедлить, ограничить, бороться с изменением климата; отрицать изменение климата’, Folgen, Auswirkungen, Gefahren, Risiken des Klimawandels ‘последствия, опасности, риски изменения климата’. Данные словосочетания также свидетельствуют о негативном отношении жителей современной Германии к концепту ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА. Чтобы справиться с нарастающей тревогой и страхом за свое будущее, люди пытаются найти выход из сложившейся ситуации, оценивают возможные риски, принимают конкретные меры, направленные на замедление и борьбу с изменением климата.

Если мы сравним концепт KLIMAWADEL (ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА) с концептом KLIMAKRISE (КЛИМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС), то увидим между ними много общего. Однако концепт KLIMAWADEL является более частотным по употребле-

² <https://www.dwds.de/?q=Klimawandel&from=wb>, <https://www.dwds.de/?q=Klimakrise&from=wb>.

нию в сравнении с концептом KLIMAKRISE, согласно DWDS и проведенному нами исследованию на примере художественного дискурса. В словаре Duden понятие Klimakrise описывается как

durch den vom Menschen durch den Ausstoß von Treibhausgasen verursachten Klimawandel ausgelöste ökologische, wirtschaftliche, soziale oder humanitäre Krise 'экологический, экономический, социальный или гуманитарный кризис, вызванный антропогенным изменением климата вследствие выбросов парниковых газов'.

Примеры также свидетельствуют о негативном эмоциональном отношении немцев к климатическому кризису: der Kampf gegen die Klimakrise; Fluchtbewegungen aufgrund von Klimakrisen 'борьба с климатическим кризисом; потоки беженцев из-за климатического кризиса'.

DWDS определяет Klimakrise как 'климатическую катастрофу; климатический коллапс' (Klimakatastrophe; Klimakollaps). Приведенные в корпусе примеры также свидетельствуют о негативном отношении жителей современной Германии к концепту КЛИМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС: die menschengemachte, fortschreitende, eskalierende, zuspitzende, verschärfende Klimakrise 'антропогенный, прогрессирующий, обостряющийся, ухудшающийся, нарастающий климатический кризис'; die Klimakrise aufhalten, bewältigen, bekämpfen, eindämmen; die Klimakrise leugnen 'остановить, контролировать, бороться, сдерживать климатический кризис; отрицать климатический кризис'; Verursacher der Klimakrise, Auswirkung der Klimakrise 'причины климатического кризиса, последствия климатического кризиса'.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Понятия Klimawandel 'изменение климата' и Klimakrise 'климатический кризис' обсуждаются в Германии повсеместно: на страницах немецких газет и журналов, на форумах в Интернете, в телевизионных выступлениях экологов и политиков, разговорах рядовых граждан Германии, а также на страницах художественных произведений.

По мнению Шаховского, художественная литература отражает жизнь социума как картину мира в субъективно-эмоциональном преломлении конкретного автора. В художественной литературе эмоции персонажей наблюдаются читате-

лем через специальные эмотивные знаки языка, т. е. языковые средства, которые выражают эмоции (лексические, грамматические, пунктуационные). При этом смыслы эмоций автора обладают как оценочной, так и побудительной функцией. По меткому выражению Шаховского,

они «разворачиваются», эмоционально заражая читателя, индуцируют аналогичные мысли в его голове, а любой читатель, если у него нормальная психика, является эмоциональной языковой личностью, способной к переводу языка мыслей на язык слов и обратно (ШАХОВСКИЙ 2010: 65–69).

Психологи подтверждают, что люди искусства — писатели, режиссеры, актеры, которые уделяют особое внимание внутреннему миру своих персонажей, имеют

не только богатый опыт рефлексии, большой активный запас эмоциональной лексики, но также аналитическое мышление, позволяющее выявить составные компоненты эмоционального опыта, структурировать эти элементы, обнаружить между ними определенные «сюжетные» взаимосвязи», что позволяет погрузиться в ситуацию и воспринять ее так, как чувствует автор (Трунов 2013: 104).

Цель нашего исследования состоит в изучении концептов KLIMAWANDEL и KLIMAKRISE с точки зрения эмотивной лингвистики и в выявлении ключевых слов и словосочетаний, вербализующих эти концепты в романе известного немецкого писателя Франца Шетцинга *Was, wenn wir einfach die Welt retten? Handeln in der Klimakrise* (SCHÄTZING 2022). Этот писатель стал всемирно известным благодаря своему роману *Poß* (*Der Schwarm*, 2004) в жанре научной фантастики, экранизированному в 2023 г. немецким каналом ZDF.

Роман Шетцинга *Что, если мы просто спасем мир? Действовать в условиях климатического кризиса* начинается, скорее, как триллер: он описывает наше настоящее и наше вероятное будущее, внушая читателю ужас.

Wir sind in einem Thriller. <...> Als Folge fühlen wir uns dauerbedroht: Klimawandel, Killerviren, Krieg, Flüchtlingsströme, künstliche Intelligenz, Jobverlust, religiöser Terror, Zusammenbruch der Demokratien, Erstarken rechter Populisten — der Thriller, in dem wir leben, löst kaum etwas davon auf, und wir können das Buch nicht

zuklappen, das Kino nicht verlassen. <...> Der Thriller, in dem wir leben, hält uns hin. Das reibt Menschen auf. Fast schlimmer als der Weltuntergang ist, wenn er sich dauerankündigt, ohne einzutreten (SCHÄTZING 2022: 23). Мы — герои триллера. В результате мы чувствуем постоянную угрозу: изменение климата, смертельно опасные вирусы, война, потоки беженцев, искусственный интеллект, потеря рабочих мест, террор на почве религии, крах демократии, активизация правого сектора — триллер, в котором мы живем, и едва ли есть решение хоть одной из этих проблем, и мы не можем просто закрыть книгу, выйти, как из кинотеатра. <...> Нас захватывает этот триллер, в котором мы живем. Это раздражает людей. Это хуже, чем конец света, который вот-вот должен случиться, но не наступает.³

Писатель сравнивает реалии нашего времени с концом света, который все мы со страхом ждем, как герои триллера, однако в жизни все намного сложнее. Целью автора в данном случае является оказание эмоционального воздействия на реципиентов, усиление у них чувства тревожного ожидания, волнения и страха за судьбу нашей планеты и человечества в целом.

Для вербализации эмоций автор использует эмотивную лексику. При описании эмотивной лексики мы будем опираться на классификацию М. А. Ульяновой и Л. Г. Васильева, которые выделяют эмотивы-номинативы, эмотивы-ассоциативы и эмотивы-экспрессивы (УЛЬЯНОВА & ВАСИЛЬЕВ 2016: 118).

Эмотивы-номинативы называют эмоцию, например, страх (Angst), ужас (Furcht), обеспокоенность, волнение (Aufregung), тревогу (Sorge), беспомощность (Hilflosigkeit) и т. п.

Unsere Ängste wachsen über die Ursachen hinaus (SCHÄTZING 2022: 23). Наши страхи выходят за рамки причин.

Nacktes Wissen macht euch eine Höllenangst (ibid.: 360). Неприкрытая правда пугает вас до чертиков.

Die Szenarien des Weltklimarats sind faktenbasiert und sehr wohl geeignet, einem Angst einzujagen (ibid.: 151). Сценарии Межправительственной группы экспертов по изменению климата основаны на фактах и, скорее всего, вас напугают.

Angst ist kein guter Ratgeber, stimmt (ibid.). Страх — плохой советчик, это правда.

³ Здесь и далее перевод автора статьи.

Sehr bald. In einer 2,5 bis 3 Grad wärmeren Welt. Mitte des Jahrhunderts, *fürchte* ich. Das wäre dann die neue Normalität (ibid.: 67). Очень скоро. В мире станет на 2,5–3 градуса теплее. Боюсь, к середине столетия. Это станет новой реальностью (нормой).

Meeresspiegel in 640 Jahren 6,4 cm höher als heute. Und dafür die ganze *Aufregung*? (ibid.: 5). Уровень моря через 640 лет будет на 6,4 см выше, чем сегодня. И поэтому весь ажиотаж?

Menschen *sorgen sich* um ihre Existenz, gerade in Zeiten des Umbruchs. Keinesfalls darf man diese *Ängste* ignorieren! (ibid.: 154).

Люди беспокоятся о своем существовании, особенно в переломные моменты. Ни при каких обстоятельствах нельзя игнорировать эти страхи!

Bedroht zu sein ist an sich kein Problem. Ohnmacht ist das Problem. Unwissenheit. *Hilflosigkeit* (ibid.: 26). Угроза сама по себе не является проблемой. Бессилие — это проблема. Невежество. Беспомощность.

Эмотивы-ассоциативы представляют собой лексику, передающую переносное значение, коннотацию, заряженную эмоционально. Например, для выражения положительных эмоций автор использует следующие словосочетания: im *Klimaschutz Vorreiter* werden ‘стать первопроходцем в области защиты климата’, die *ökologische Wende* ‘экологическая перестройка (поворот)’, den *grünen Kurs* halten ‘придерживаться зеленого курса’. Для выражения отрицательных эмоций используются словосочетания die *Welt geht den Bach runter* ‘мир катится на дно’, unter den Folgen der Erderwärmung *leiden* ‘страдать от последствий глобального потепления’, der *Klimafalle* entkommen ‘выбраться из климатической ловушки’.

Эмотивы-экспрессивы — это лексика, с помощью которой выражено эмоциональное отношение автора к предмету высказывания.

Nehmen wir an, die Natur sei eine *fürsorgliche Mama*. Über Millionen Jahre hat sie liebevoll für uns eingezahlt (ibid.: 40). Предположим, что природа — заботливая мать. Она с любовью платила за нас на протяжении миллионов лет.

В этом примере автор сравнивает природу с заботливой матерью, что позволяет нам почувствовать его трепетное отношение к природе как к родной матери.

Der menschengemachte Klimawandel ist somit Fakt, und anders als der natürliche Klimawandel, dem die Erde seit ihrer Entstehung unterworfen ist, vollzieht er sich *um ein Vielfaches schneller*. Während der letzten 10.000 Jahre war die Erdtemperatur bemerkenswert stabil. Mit Anbruch des Industriezeitalters haben wir das geändert, seit 2010 *schnellt sie in die Höhe wie nie zuvor* in der Geschichte des Homo sapiens. 40 Gigatonnen Kohlendioxid *pustet* der Mensch *Jahr für Jahr in die Luft* (51 Gigatonnen Treibhausgase insgesamt, wenn man Methan, Lachgas und andere hinzurechnet) (ibid.). Таким образом, антропогенное изменение климата является фактом, и в отличие от естественного изменения климата, которому подвергается Земля с момента ее возникновения, оно происходит во много раз быстрее. За последние 10 000 лет температура Земли была заметно более стабильной. С наступлением индустриальной эпохи мы это изменили, и с 2010 года оно резко возросло, как никогда раньше в истории человека разумного. Ежегодно человечество выбрасывает в воздух 40 гигатонн углекислого газа (всего 51 гигатонну парниковых газов, если учесть метан, закись азота и другие).

Негативное отношение автора к антропогенному изменению климата выражают существительные, обозначающие огромное количество углекислого газа — Gigatonnen Treibhausgase, именные, наречные и глагольные словосочетания, обозначающие увеличение выброса — *schnellt in die Höhe, pustet in die Luft, Jahr für Jahr*, сравнительные обороты — *um ein Vielfaches schneller, wie nie zuvor*.

Мы проанализировали арсенал средств для выражения эмоций в романе немецкого писателя Шетцинга и выделили три основные группы. К первой группе относятся лексические средства выражения эмоций, ко второй — стилистические средства выражения эмоций, к третьей — пунктуационные эмотивные знаки. Безусловно, в реальной коммуникации существует еще и четвертая группа, куда входят невербальные средства для выражения эмоций (мимика, жесты, поза коммуникантов и т. п.), которые в малой степени представлены в романе.

Самая большая группа представлена *лексическими средствами выражения эмоций*. В настоящее время доказано, что все сказанное человеком обладает потенциальной эмотивностью (МЯГКОВА 2000; ШАХОВСКИЙ 2008). Практически все части речи (существи-

тельные, прилагательные, глаголы, наречия) способны называть, выражать или описывать эмоции. Рассмотрим примеры.

Laut UN-Klimabericht muss der globale Treibhausgasausstoß bis spätestens 2015 stabilisiert sein, um katastrophale Klimafolgen noch abzuwenden. Ab 2015 dürfen die Emissionen nicht weiter ansteigen (SCHÄTZUNG 2022: 161). Согласно климатическому отчету ООН, глобальные выбросы парниковых газов должны быть стабилизированы не позднее 2015 года, чтобы предотвратить катастрофические климатические последствия. С 2015 года выбросы не должны больше увеличиваться.

В этом примере автор для выражения отрицательного отношения к загрязнению окружающей среды использует эмотивную лексику — *katastrophale Klimafolgen* ‘катастрофические климатические последствия’ — оценочное именное словосочетание), *muss stabilisiert sein* ‘должны быть стабилизированы’ — модальный глагол с семантикой необходимости совершения действия).

Um aus den Widersprüchen herauszufinden, soll nun eine landesweite Aufklärungskampagne die Bevölkerung für Klimaschutz sensibilisieren, im Nordosten Borneos plant die Regierung auf einer Fläche von der Größe Liechtensteins den weltgrößten grünen Industriepark (ibid.: 180). Чтобы разобраться с противоречиями, сейчас проводится общенациональная просветительская кампания, направленная на повышение осведомленности населения о защите климата. На северо-востоке Борнео правительство планирует построить крупнейший в мире зеленый промышленный парк на территории размером с Лихтенштейн.

В этом примере автор для выражения положительного отношения к защите окружающей среды также активно использует эмотивную лексику — *für Klimaschutz sensibilisieren* ‘заинтересовать население и повысить его осведомленность о необходимости защиты климата’ (глагольное словосочетание), *der weltgrößte grüne Industriepark* ‘крупнейший в мире зеленый промышленный парк’ (именное словосочетание прилагательных и существительного), *auf einer Fläche von der Größe Liechtensteins* ‘на территории размером с Лихтенштейн’ (сравнение парка по масштабу со страной).

К *стилистическим средствам выражения эмоций* можно отнести инверсию, риторический вопрос, парцелляцию, сравнение,

метафоризацию, гиперболу, иронию, индивидуально-авторские неологизмы и др. Приведем примеры.

Allerdings entscheiden viele selbst ernannte *Klimaskeptiker*, die Idee eines menschengemachten Klimawandels trotz aller Beweise doch lieber abzulehnen. Damit werden sie zu *Leugnern*, Argumenten nicht länger zugänglich. *Indem sie Mauern gegen alles bauen, mauern sie sich ein* (ibid.: 190). Однако многие самопровозглашенные скептики предпочитают отвергать идею антропогенного изменения климата, несмотря на все доказательства. Это превращает их в «отрицателей», которые больше не восприимчивы к аргументам. Пытаясь спрятаться за стеной, они замуровывают сами себя.

Eine andere *Klimaleugner-Front* agiert abseits klassischer Medien, sitzt nicht in Konzernetagen, Parlamenten und Instituten und ist trotzdem überaus einflussreich: Blogger und Youtuber. Auch in den sozialen Medien wird *der heilige Klimakrieg* ausgetragen (ibid.: 197). Другой фронт отрицателей изменения климата действует за пределами традиционных СМИ, не заседает в корпорациях, парламентах и институтах и, тем не менее, чрезвычайно влиятелен: это блогеры и пользователи YouTube. Священная климатическая война ведется и в социальных сетях.

В этих примерах мы видим не только иронию автора по отношению к скептикам, отказывающимся верить в антропогенное изменение климата, но и мастерское владение словом Шетцинга, который использует игру слов (*indem sie Mauern gegen alles bauen, mauern sie sich ein*) и метафоризацию (*Klimaleugner-Front, der heilige Klimakrieg*), чтобы ярко и наглядно показать читателю сущность и ошибочный, на его взгляд, образ мышления таких людей. В своей книге автор пытается сформировать у читателя экологическое мышление и дает однозначный ответ на вопрос, как спасти мир в условиях климатического кризиса, используя в том числе и пунктуационные знаки:

Ja, wir brauchen eine Revolution. Eine Revolution der Zuversicht, die uns irgendwann abhandengekommen ist, des positiven Denkens. Raus aus der Mutlosigkeit, Unwissenheit, Ungerechtigkeit, raus aus dem fatalen Immer-mehr, das für viele ein Immer-weniger bedeutet. <...> Erst müssen wir das Bestehende ändern, und das geht nur gemeinsam, ungeachtet gefühlter Verantwortung. <...> Gibt es ein Best-Case-Szenario? Ich weiß es nicht. Lohnt es, dafür zu kämpfen? Unbe-

dingt! (ibid.: 368). Да, нам нужна революция. Революция уверенности, позитивного мышления, которые мы в какой-то момент утратили. Из уныния, невежества, несправедливости, из фатального «всегда больше», которое для многих означает «всегда меньше». <...> Сначала нам нужно изменить то, что существует, и это можно сделать только сообща, независимо от воспринимаемой ответственности. <...> Существует ли наилучший сценарий? Я этого не знаю. Стоит ли за это бороться? Однозначно!

Пунктуационные знаки используются автором с целью графической интенсификации эмоциональности высказывания. Часто они употребляются вместе со стилистическими средствами. Например, для повышения эмоционального напряжения часто используются повторы, градация или климакс, а также запятые. Многоточие часто свидетельствует о взволнованности говорящего или его замешательстве. Восклицательный знак выражает возмущение, нетерпение, призыв, то есть воздействует на эмоциональное восприятие читателя. С той же целью может использоваться курсив, разрядка букв, разбивка слов на слоги. В приведенном ранее примере мы видим многоточие как показатель размышлений автора, вопросительные знаки, которые свидетельствуют, что автор задает себе и нам вопросы и пытается найти на них ответы, восклицательный знак как призыв к действиям в защиту окружающей среды.

Шетцинг в своем романе разделяет точку зрения алармистов, что мы уже не сможем обратить вспять глобальное изменение климата, вызванное антропогенным загрязнением окружающей среды. В процессе человеческой жизни мы нарушаем не только экосистему нашей планеты вследствие чрезмерного потребления ресурсов и стремления к постоянному экономическому росту, но и подрываем биологические основы собственного существования. Он знакомит читателей со всеми последствиями изменения климата, научными фактами (парниковый эффект, глобальное потепление, таяние ледников и т. д.) и предлагает конкретные меры, которые способны замедлить непоправимые последствия или уменьшить их масштаб. В целом его произведение излучает уверенность в том, что технологические изменения и переход всех стран на чистые, возобновляемые источники энергии способны решить экологические проблемы.

Приведем примеры из произведения.

So bedrohlich die Klimakrise ist, lässt sie sich mittels Technologie doch in den Griff bekommen (ibid.: 98). Каким бы угрожающим ни был климатический кризис, его все же можно взять под контроль с помощью технологий.

Die Nachhaltigkeitsrevolution werde sich unaufhaltsam vollziehen, sagt Gore (ibid.: 161). Революцию устойчивого развития не остановить, говорит Гор.

Fakt ist, um die angestrebten Ziele zu erreichen, müssten die beschlossenen Maßnahmen von Stund an umgesetzt werden, und zwar konsequent. 2050, besser vorher, müssen alle Nationen ihre Treibhausgasemissionen weltweit auf null heruntergefahren und die Atmosphäre möglichst vom bereits hineingelangten CO₂ gesäubert haben. Ganz schön anspruchsvoll, aber technologisch zu schaffen (ibid.: 47). Факт заключается в том, что для достижения желаемых целей намеченные меры должны быть реализованы немедленно и последовательно. К 2050 году, а лучше раньше, все страны должны сократить выбросы газов, вызывающих парниковый эффект, во всем мире до нуля и, если возможно, очистить атмосферу от уже попавшего в нее углекислого газа. Довольно сложно, но технологически осуществимо.

4. Заключение

Проанализировав ключевые слова и словосочетания, вербализующие концепты KLIMAKRISE и KLIMAWANDEL в немецкоязычном художественном дискурсе, мы пришли к выводу, что эти концепты имеют негативную коннотацию в немецкой языковой картине мира и вызывают отрицательные эмоции у немцев, такие как страх (Angst), ужас (Furcht), беспокойность, волнение (Aufregung), тревога (Sorge), беспомощность (Hilflosigkeit) и т. п. Жители Германии пытаются противопоставить климатическому кризису конкретные меры, направленные на защиту окружающей среды, которые, в свою очередь, вызывают у них положительные эмоции и помогают пережить чувство нарастающей тревоги и страха, связанного с изменением климата. Таким образом, ценностными доминантами немецкого социума, существующими в немецкой языковой картине мира, являются такие ценности как защита окружающей среды, бережное отношение к природе, экологически чистые технологии

и экологичный образ жизни, активные действия правительства и населения в защиту окружающей среды, экологическое сознание всех членов общества. Данные немецкого толкового словаря Duden и корпуса DWDS также подтверждают тенденцию к негативной оценке немцами концептов KLIMAWANDEL и KLIMAKRISE. В результате проведенного анализа романа Шетцинга мы выявили ключевые лексемы, вербализующие концепты КЛИМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС и ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА в немецком художественном дискурсе. Кроме того, изучив встречающиеся средства для выражения эмоций, мы выделили три основные группы — лексические средства, стилистические средства и пунктуационные эмотивные знаки, позволяющие писателю называть, выражать и описывать эмоции, связанные с глобальным изменением климата и климатическим кризисом.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бабенко А. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1989. [Babenko, Lyudmila G. (1989) *Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke* (Lexical Means of Denoting Emotions in the Russian Language). Sverdlovsk: Ural State University. (In Russian)].
- Иванова Е. В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса: монография. М.: Флинта : Наука, 2015. [Ivanova, Yelena. V. (2015) *Lingvokognitivnoye modelirovaniye ekologicheskogo diskursa* (Lingvocognitive Modeling of Ecological Discourse). Moscow: Flinta : Nauka. (In Russian)].
- Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. [Izard, Carrol E. (2000) *Psikhologiya emotsiy* (The Psychology of Emotions). Saint Petersburg: Piter, 2000. (In Russian)].
- Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. [Krasavskiy, Nikolay A. (2008) *Emotsional'nyye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* (Emotional Concepts in German and Russian Linguistic Cultures). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Лагутина А. А. Доминантные экологические реалии в современном немецком газетно-публицистическом дискурсе и средства их языковой категоризации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2013. [Lagutina, Anna A. (2013) *Dominantnyye ekologicheskiye realii v sovremennom nemetskom gazetno-*

- publitsisticheskom diskurse i sredstva ikh yazykovoy kategorizatsii* (Dominant Ecological Realities in Contemporary German Journalistic Discourse and Means of their Linguistic Categorization). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Мягкова Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19. М.: ИЯ РАН, 2000. [Myagkova, Yelena. Yu. (2000) *Emotsional'no-chuvstvennyy komponent znacheniya slova: voprosy teorii* (Emotional-sensory Component of the Word Meaning: Theoretical Issues). Advanced PhD thesis in Philology. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Нохрин А. В. Вербализация моральных ценностей в научном экологическом дискурсе: интегральный подход (на материале английского, немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск: Тюменский гос. ун-т, 2019. [Nokhrin, Andrey V. (2019) *Verbalizatsiya moral'nykh tsennostey v nauchnom ekologicheskom diskurse: integral'nyy podkhod (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov)* (Verbalization of Moral Values in Scientific Environmental Discourse: an Integrated Approach (Based on English, German and Russian)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Chelyabinsk: Tyumen State University. (In Russian)].
- Пичкур А. И. Алармизм как прагматический фокус немецкого экологического дискурса // Эволюция и трансформация дискурсов: сб. науч. ст. / ред. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко. Вып. 8. Самара: Самарский нац. исследовательский ун-т, 2023. С. 82—95. [Pichkur, Anna I. (2023) Alarmizm kak pragmaticheskiy fokus nemetskogo ekologicheskogo diskursa (Alarmism as a Pragmatic Focus of German Environmental Discourse). In: Dubinin, Sergey I. & Shevchenko, Vyacheslav D. (eds) *Evolutsiya i transformatsiya diskursov* (Evolution and Transformation of Discourses). Samara: Samara National Research University, 8, 82—95. (In Russian)].
- Рубинштейн С. А. Основы общей психологии. М.: Питер, 2012. [Rubinshteyn, Sergey L. (2012) *Osnovy obshhey psikhologii* (Fundamentals of General Psychology). Moscow: Piter. (In Russian)].
- Трунов Д. Г. Уровни вербализации эмоционального опыта // Вестник Пермского университета. 2013. Философия. Психология. Социология. Вып. 1 (13). С. 102—107. [Trunov, Dmitriy G. (2013) Urovni verbalizatsii emotsional'nogo opyta (Levels of Verbalization of Emotional Experience). *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology*.

- Sociology*, 1 (13), 102—107. (In Russian)].
- Ульянова М. А., Васильев Л. Г. Лексические средства выражения категории эмотивности в спортивном блоге и комментарии // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. № 2. С. 117—127. [Ulyanova, Mariya A. & Vasilyev, Lev G. (2016) *Leksicheskiye sredstva vyrazheniya kategorii emotivnosti v sportivnom bloge i kommentarii* (Lexical Means of Expressing the Category of Emotiveness in a Sports Blog and Comments). *Bulletin of Udmurt University*, 26, 2, 117—127. (In Russian)].
- Фомина З. Е. Немецкая эмоциональная картина мира и лексические средства ее вербализации: монография. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. [Fomina, Zinaida E. (2006) *Nemetskaya emotsionalnaya kartina mira i leksicheskiye sredstva ee verbalizatsii* (German Emotional Picture of the World and Lexical Means of its Verbalization). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: монография. М.: URSS, 2008. [Shakhovskiy, Viktor I. (2008) *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* (Categorization of Emotions in the Lexical-Semantic System of Language). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Либроком, 2010. [Shakhovskiy, Viktor I. (2010) *Emotsii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* (Emotions: Prelinguistics, Linguistics, Linguocultural Studies). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Danes, František. (1987) Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field. *Preprints of the Plenary Session Papers. 14th International Congress of linguists organized under the auspices of CIPL*. Berlin, 10–15 August 1987. Pp. 272—291.
- Göpferich, Susanne. (1995) Textsorten in Naturwissenschaften und Technik: Pragmatische Typologie — Kontrastierung — Translation. *Forum für Fachsprachen-Forschung*, 27, 117—138.
- Mühlhäusler, Peter. (2003) *Language of environment, environment of language: a course in ecolinguistics*. London: Battlebridge Publications. doi: 10.1007/s10993-005-5963-5.
- Volek, Bronislava. (1987) *Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian*. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins. doi: 10.1075/llsee.24.
- Wierzbicka, Anna. (1995) Emotion and Facial Expression: A Semantic Perspective. *Culture and Psychology*, 1, 227—258.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Schätzing, Frank. (2022) *Was, wenn wir einfach die Welt retten? Handeln in der Klimakrise*. Köln: Hardcover Verlag Kiepenheuer & Witsch.

Alla V. Zaitseva
Smolensk State University

**Verbalization of Emotions in German Environmental Discourse
(based on the Novel by F. Schätzing *What if We Just Went Ahead
and Saved the World? Taking Action in the Climate Crisis*)**

Currently, many domestic and foreign scientists have devoted their works to the study of emotions, and nevertheless, this topic still remains relevant and attracts the attention of researchers. The subject of research in this study is the methods of verbalization of emotions in German environmental discourse based on the book by F. Schätzing *Was, wenn wir einfach die Welt retten? Handeln in der Klimakrise*. The purpose of the research is to identify key lexemes verbalizing the CLIMATE CRISIS and CLIMATE CHANGE concepts in German literary-artistic discourse. The article presents linguistic representations of emotions associated with the KLIMAKRISE and KLIMAWANDEL concepts, as well as value dominants of German society associated with ecology and existing in the German linguistic view of the world. The study is interdisciplinary in nature, since the verbalization of emotions is studied not only from a linguistic point of view, but also relies on psychological data in this area. Scientific novelty lies in the comprehensive lexicographic, linguocultural and discursive-textual analysis of the CLIMATE CRISIS and CLIMATE CHANGE concepts, which allowed us to conclude that these concepts have a negative connotation in the German linguistic view of the world and cause negative emotions in Germans who are trying to counter the climate crisis with specific measures aimed at protecting the environment, which in its turn cause positive emotions in society and help to survive the feeling of increasing anxiety and fear associated with climate change. The main research methods used in this work include conceptual analysis, descriptive method, comparative method, contextual analysis, lexicographic interpretation method, linguistic observation method, elements of quantitative analysis. The results of the study can be used in courses on cognitive linguistics, ethnolinguistics, linguocultural studies.

Keywords: concept; language representation; language view of the world; emotive linguistics; ways of verbalizing emotions

Для цитирования:

Зайцева А. В. Вербализация эмоций в немецком экологическом дискурсе (на материале романа Ф. Шетцинга «Что, если мы просто спасем мир? Действовать в условиях климатического кризиса») // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 138—155.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-138-155.

To cite this Article:

Zaitseva, Alla V. (2025) Verbalizatsiya emotsiy v nemetskom ekologicheskom diskurse (na materiale romana F. Shettsinga “Chto, yesli my prosto spasem mir? Deystvovat' v usloviyakh klimaticheskogo krizisa”) (Verbalization of Emotions in German Environmental Discourse (based on the Novel by F. Schätzing “What If We Just Went Ahead and Saved the World? Taking Action in the Climate Crisis”)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 138—155. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-138-155.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; принята к публикации 28.02.2025
The article was submitted 30.01.2025; accepted for publication 28.02.2025

А. В. Зорина

Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Российской Федерации

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

В современной лингвистике в связи с усилением антропоцентрической направленности наблюдается тенденция к росту количества исследований, сосредоточенных на изучении особенностей отражения эмоций в языке и в процессе коммуникативного взаимодействия. В статье вербальный аспект эмоциональной составляющей современной коммуникации изучается на материале аутентичных политических текстов на немецком языке, опубликованных на сайтах репрезентативных СМИ ФРГ, тематика которых относится к начавшемуся в октябре 2023 г. вооруженному конфликту Израиля с палестинской исламистской группировкой ХАМАС, захватившей власть в секторе Газа. Тематическая сконцентрированность эмпирического материала вокруг конкретного отдельно взятого события обуславливает цель настоящего исследования, которая заключается в выявлении особенностей вербализации различных эмоциональных состояний представителей конфликтующих сторон, а также мирового сообщества в целом относительно вооруженного противостояния Израиля и Палестины в рамках немецкоязычного политического нарратива. Кратко рассматриваются определения терминов *политический дискурс* и *политический нарратив*, являющихся основополагающими для этой работы. Научная новизна состоит в том, что в статье впервые выделяются и анализируются следующие группы метафор, применяющихся для вербализации эмоций в рамках политического нарратива Германии: антропоморфные, природоморфные, социоморфные и артефактные метафоры. При этом все изучаемые метафорические модели содержат прямую номинацию эмоции, что позволяет избежать неоднозначности толкования выражаемого с помощью метафоры психического состояния. В результате исследования установлено, что метафоризация является продуктивным и потенцированным средством языковой репрезентации различных эмоциональных состояний в рамках политического нарратива ФРГ. В проанализированных текстах обнаруживается значительное количество случаев использования антропоморфных и природоморфных метафор (около 30% и 50% соответственно из 100 примеров, отобранных методом сплошной выборки). Наблюдает-

ся также высокая частотность реализации метафорических моделей, содержащих прямую номинацию положительной эмоции *die Hoffnung* / надежда (около 10%) и отрицательной эмоции *der Hass* / ненависть (около 50%). Однако в целом отмечается преобладание отрицательных эмоций (около 80%). Аналитические тексты, опубликованные журналистами и политологами и относящиеся к исследуемому участку политического дискурса Германии, содержат лексические повторы, которые усиливают экспрессивность высказывания и эффект эмоционального воздействия на адресата.

Ключевые слова: политический дискурс; политический нарратив; вербализация эмоций; метафора; лексический повтор; немецкий язык

1. Введение

В настоящее время наблюдается стремительное развитие научных исследований в области психических состояний человека, поскольку в науке происходит усиление антропоцентрической направленности. В. И. Шаховский отмечал, что «эмоции несут особую нагрузку в современном общении» (ШАХОВСКИЙ 2016: 7). В качестве доказательства справедливости данного аргумента он указывал на существование напряженности, например, во взаимоотношениях власти и народа или разных народов. «Различные виды этой напряженности объясняются биологической природой человеческого сознания и доминирующей ролью эмоций в нем» (*ibid.*). В связи с этим в современном мире наблюдается нарастающая тенденция к агрессивности во взаимоотношениях людей как внутри какой-либо отдельной страны, так и на межгосударственном уровне. И. Эйбл-Эйбесфельд подчеркивал, что еще не было найдено какое-либо общество или социальная группа, где бы абсолютно отсутствовала агрессия, поэтому ее можно считать явлением мирового масштаба (EIBL-EIBESFELDT 1979). Шаховский отмечал, что агрессия, эмоциональная неуравновешенность являются одной из важнейших характеристик современной политики (ШАХОВСКИЙ 2008: 261).

Актуальность исследования определяется необходимостью всестороннего изучения эмоционального аспекта политического дискурса, в рамках которого различные средства вербального выражения эмоций часто используются с целью манипуляции общественным сознанием.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения полученных результатов в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, связанной с изучением особенностей использования языковых средств для реализации эмоционального аспекта современного коммуникативного взаимодействия.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили аутентичные политические тексты на немецком языке (общим объемом более 1500 страниц), опубликованные на сайтах репрезентативных СМИ ФРГ и посвященные вооруженному конфликту Израиля с контролирующей властью в секторе Газа палестинской группировкой ХАМАС, который начался в октябре 2023 г. и стал одним из наиболее ярких и трагичных событий, отразившихся на политической жизни не только современной ФРГ, но и всего мирового сообщества в целом. Этот конфликт стал причиной многочисленных демонстраций на территории Германии в поддержку каждой из участвующих в нем сторон. Поскольку все процессы, происходящие в обществе, отражаются в языке, вооруженный конфликт Израиля и Палестины нашел отражение в том числе и в политическом дискурсе ФРГ в таких аспектах, как, например, тематика возобновления потока мигрантов из стран Ближнего Востока в Европу или дебаты политиков о позиции Германии по войне в секторе Газа.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей вербализации эмоциональных состояний представителей сторон палестино-израильского вооруженного конфликта, а также мирового сообщества в целом относительно данного противостояния в рамках немецкоязычного политического нарратива.

Методы исследования обусловлены обозначенной выше целью. В работе используется принцип моделирования метафорики, предложенный А. П. Чудиновым непосредственно для политического дискурса (ЧУДИНОВ 2023: 136–137). Для изучения специфики метафорических моделей, с помощью которых осуществляется вербальная репрезентация эмоций в рамках выбранного типа дискурса (политического), используются элементы дискурсивного анализа. Также при работе с текстами-репрезентантами

дискурса применяется компонентный анализ, позволяющий выявить смысловые составляющие исследуемых метафор.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В современной лингвистике пока не существует единого общепринятого определения понятия «политический дискурс». В некоторых исследованиях упомянутый термин рассматривается в качестве синонимичного к понятиям «политическая коммуникация», «политический язык». Е. И. Шейгал отмечает, что «в большинстве работ эти термины используются практически как взаимозаменяемые» (ШЕЙГАЛ 2004: 18). Т. Нир утверждает, что под политическим языком следует понимать не только высказывания политических деятелей, но и в целом «разговоры» о политике; при этом посредником в подобном процессе коммуникации часто выступают СМИ:

Deshalb verstehe ich ... unter politischer Sprache neben der Politiker-sprache auch das Sprechen über Politik, wie es beispielsweise täglich durch die Medien vermittelt wird. Eine trennscharfe Unterscheidung ist hier allein aus dem Grunde nicht möglich, dass ein großer Teil der von Politikern für die Öffentlichkeit bestimmten Äußerungen über die Massenmedien verbreitet wird (NIEHR: URL).

Это определение является рабочим в рамках данного исследования, так как позволяет включать в исследовательский корпус не только высказывания каких-либо политических деятелей, но и тексты, косвенно относящиеся к теме политики.

Поскольку эмпирическим материалом для статьи послужили политические тексты на немецком языке, посвященные одному отдельно взятому событию, то следует обратиться к определению понятия «политический нарратив».

В современной науке существуют различные его дефиниции. Б. Робертс отмечает, что постепенно возрастает количество контекстов употребления понятия «политический нарратив», которое может быть связано, например, с политической биографией или автобиографией, повествованием из области истории политики, политическими взглядами, политической аналитикой:

...it has been taken as synonymous with “political discourse”... Some of the uses or overlaps with other areas have included: the political autobiography; political biography as including stories; forms of tes-

timony and evidence..., historical political narratives. Further areas include: policy narratives; ...analytic narratives...; political “talk” and speeches; political beliefs as narrative; and accounts of specific political fights and personal manifestos (ROBERTS: URL).

В рамках исследования мы, опираясь на мнение Чудинова, придерживаемся широкого понимания данного понятия:

политический нарратив — это совокупность политических текстов разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события (ЧУДИНОВ 2023: 77–78).

Шейгал предлагает различать три вида политического нарратива: личностный, идеологический и событийный. Последний, в свою очередь, «нередко представляет собой определенную версию политической ситуации или события» (ШЕЙГАЛ 2007: 90) и является наиболее релевантным для нашей работы, поскольку исследовательский корпус текстов тематически относится к конкретному палестино-израильскому конфликту, начавшемуся в 2023 г. на территории сектора Газа и переросшему в полномасштабную войну.

Чудинов полагает, что к важнейшим свойствам политического нарратива относятся

многоголосие участников политической борьбы, множественность повествователей и соответственно множественность рациональных и эмоциональных оценок (ЧУДИНОВ 2023: 77–78).

По мнению Шаховского, номинация и категоризация различных эмоций в процессе коммуникации происходит преимущественно посредством языковых средств (ШАХОВСКИЙ 2008).

Основное внимание в рамках исследования уделяется одному из наиболее продуктивных средств, применяющихся для языковой репрезентации различных эмоциональных состояний, а именно метафоре, т. е. использованию образных выражений. Так, Р. В. Белютин отмечает, что «метафора является необходимым, неизбежным элементом языка и мышления, важнейшим способом познания и рубрики мира» (БЕЛЮТИН 2011: 130).

М. Шварц-Фризель также подчеркивает особую роль метафор в процессе вербализации абстрактных феноменов:

Metaphern sind die wichtigsten verbalen Mittel, um abstrakte und/oder schwer erfassbare Phänomene und Gegenstandsbereiche

(wie kognitive und soziale Prozesse, Emotionen, technische Erneuerungen, Ideologien etc.) verständlich darzustellen und damit kognitiv zugänglich(er) zu machen (SCHWARZ-FRIESEL: 2015).

Метафоризация, которая представляет собой процесс применения лексических единиц в переносных значениях с целью создания выразительного образа, часто применяется в рамках политического дискурса, поскольку представляет собой одно из ведущих средств речевого воздействия на мысли и эмоции людей, которое является одной из важнейших функций данного вида взаимодействия.

В современной лингвистике существуют различные классификации метафор, но поскольку исследование проводится на материале текстов на политическую тематику, то целесообразно воспользоваться классификацией метафорических моделей, которые наиболее характерны именно для политического дискурса. В рамках политической коммуникации Чудинов (2023: 136–137) выделил четыре основных вида метафоры.

1. Антропоморфная метафора.
2. Природоморфная метафора.
3. Социоморфная метафора.
4. Артефактная метафора.

Перейдем к рассмотрению примеров реализации данных метафорических моделей. В проанализированных в рамках исследования текстах наблюдается достаточно высокая частотность антропоморфных метафор (около 30% из 100 примеров, полученных методом сплошной выборки).

Так, заголовок статьи, касающейся надежд представителей сектора Газа на получение помощи от Европейского Союза, содержит следующую фразу:

- (1) EU-Hilfe für Gaza: *Die Hoffnung reist mit.*¹

Здесь положительная эмоция *die Hoffnung* / надежда наделяется антропоцентрическими характеристиками, а именно способностью сопровождать кого-л. на большие расстояния.

¹ <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/eu-humanitaere-hilfe-gaza-100.html>.

Подобные метафорические модели, в которых эмоции отождествляются с человеком, могут использоваться для вербализации не только положительных эмоций, но и отрицательных. Так, в статье, опубликованной на сайте популярного немецкого новостного источника *t-online.de* и посвященной освобождению заложников, захваченных представителями движения Хамас в начале конфликта, сообщается:

(2) *Die Angst fuhr bis zum letzten Moment mit.*²

В рамках этого высказывания происходит языковая репрезентация той отрицательной эмоции, которую испытывали заложники уже после того, как их отпустили из плена. Они находились в постоянном страхе за свою жизнь, не могли поверить, что опасность им уже не угрожает.

Здесь также присутствует антропоморфная метафора, отождествляющая отрицательную эмоцию *die Angst* / страх с кем-то, кто способен самостоятельно действовать, в данном случае — сопровождать кого-либо.

На сайте межрегиональной ежедневной газеты Германии «*Neues Deutschland*» размещена статья, в которой содержится авторский комментарий к книге немецкого политолога М. Людерса о глубинных причинах конфликта Израиля с сектором Газа. В качестве заголовка используется следующая фраза:

(3) *Hass prallt auf Hass.*³

Метафорические заголовки, призванные заинтриговать читателей и побудить их к прочтению основного текста статьи, характерны для современной политической публицистики. Приведенное в качестве примера название привлекает внимание, поскольку отрицательные эмоции конфликтующих сторон предстают в качестве кого-то, кто способен двигаясь, упираться во что-либо (одно из значений глагола *prallen*, которое дается в онлайн версии словаря *Duden* — [*unter lautem Geräusch*] *heftig*

² https://www.t-online.de/nachrichten/ausland/internationale-politik/id_100289726/israel-hamas-geiseln-berichten-ueber-haftbedingungen-in-gaza.html.

³ <https://www.nd-aktuell.de/artikel/1186450.nahost-krieg-hass-prallt-auf-hass.html>.

auf jemanden, etwas auftreten.⁴ Автор использует также лексический повтор, который в рамках политического дискурса

реализует ряд специфических функций, в частности является эффективным приемом выделения, усиления, уточнения, оценки информации, экспрессивного воздействия на адресата (ВЕТРОВА 2023: 8).

Следующая группа метафорических моделей представлена природоморфными метафорами (составляют около 50% из 100 примеров, полученных методом сплошной выборки). В ходе исследования в немецких текстах на политическую тематику, посвященных военному конфликту Израиля с Палестиной, была установлена высокая частотность именно фитоморфных метафор, которые относятся к понятийной сфере «Мир растений». Например, заголовок статьи, в которой раскрываются историко-политические предпосылки сложных взаимоотношений представителей израильского и палестинского народов, гласит:

(4) Die Wurzeln des Hasses.⁵

Данную метафору можно отнести к фрейму «Части растения», слоту «Корень» (КОНДРАТЬЕВА 2015: 133). Подобная фраза содержит прямую номинацию отрицательной эмоции der Hass / ненависть, которая буквально корнями уходит в историю конфликтующих сторон.

В предисловии к статье, размещенной на сайте известного немецкого журнала «Focus» в разделе «Политика», ее автор применяет сразу несколько природоморфных метафор, которые даются последовательно друг за другом:

(5) In den Ländern des Nahen Ostens und Nordafrikas *wächst* die öffentliche *Wut* über Israels anhaltende Bombardierungen im Gazastreifen. Wird *diese Wut zum Nährboden* für gewalttätigen Extremismus?⁶

В этом тексте отмечается, что в странах Ближнего Востока и Северной Африки наблюдается буквально рост ярости среди

⁴ <https://www.duden.de/rechtschreibung/prallen>.

⁵ <https://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.israel-und-die-palaestinenser-die-wurzeln-des-hasses.22899de3-3961-42d2-b8c4-2a9f5a103bdf.html>.

⁶ https://www.focus.de/politik/ausland/nahost/die-oeffentliche-wut-auf-israel-waechst-im-nahen-osten-und-nordafrika_id_259520384.html.

представителей общественности по отношению к Израилю, которая впоследствии может стать питательной средой для экстремизма. Таким образом подчеркивается разрушительная сила отрицательной эмоции *die Wut* / ярость, способной из эмоционального состояния перерасти в опасное социальное явление. С целью усиления эмоционального воздействия автор использует лексический повтор упомянутой отрицательной эмоции.

На сайте крупной немецкой газеты FAZ опубликован текст, посвященный опасениям граждан Германии по поводу того, что конфликт Израиля с сектором Газа может стать причиной роста террористической опасности внутри страны. Автор статьи утверждает:

- (6) Ziel der Terroristen war immer, *Hass zu säen*, um neuen *Hass zu ernten*, mit dem sie die Gesellschaft weiter spalten.⁷

В примере также присутствуют сразу две метафорические модели, в которых содержится прямая номинация отрицательной эмоции — «сеять ненависть» и «пожинать ненависть». Обе метафоры включены во фрейм «Выращивание растений», однако, первая относится к слоту «Посев», а вторая — к слоту «Сбор урожая и жатва» (КОНДРАТЬЕВА 2015: 139–141). Эффект эмоционального воздействия усиливается посредством использования лексического повтора прямой номинации отрицательной эмоции *Hass*.

Лидер общественно-политического движения «Anti-Defamation League» Дж. Гринблатт, комментируя в совместном докладе этого движения с Тель-Авивским университетом рост уровня негативного отношения к еврейским общинам в рамках мирового сообщества в целом, использовал следующую метафору:

- (7) Nach dem schrecklichen Angriff der Hamas auf Israel am 7. Oktober folgte ein *Tsunami des Hasses* gegen jüdische Gemeinden auf der ganzen Welt.⁸

Сферой-источником в данном случае служит «Мир неживой природы». С помощью подобной метафоры автор высказывания

⁷ <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/gaza-krieg-schub-fuer-islamistischen-terror-in-deutschland-19348449.html>.

⁸ <https://www.zeit.de/gesellschaft/2024-05/antisemitismus-anstieg-bericht-universitaet-tel-aviv-adl>.

подчеркивает огромную мощь и опасность ненависти, способной вызвать катастрофические последствия.

Еще одну разновидность метафорических моделей, часто встречающихся в рамках политического дискурса, по мнению Чудинова, представляют социоморфные метафоры. Автор статьи, размещенной на сайте известной немецкой газеты «Bild», комментирует напряженную ситуацию, сложившуюся в Германии и некоторых других странах в результате эскалации военного противостояния Израиля и Палестины, таким образом:

(8) Der Hass explodiert!⁹

Р. Д. Керимов, анализируя в своей работе милитарные метафоры в немецком политическом дискурсе, придерживается той точки зрения, что «глагол “*explodieren*” («взрывать») эксплицирует социально-политическую ситуацию, которая вышла из-под контроля» (КЕРИМОВ 2013: 61 – 62). С помощью этой социоморфной метафоры, понятийной сферой-источником которой является «Война», подчеркивается мощное и разрушительное влияние отрицательной эмоции «ненависть», способной разорваться на части, при этом резко высвободив большое количество энергии, и тем самым нанести ущерб всему, что окружает.

Рассмотрим четвертую группу метафорических моделей, определенных Чудиновым в качестве основных разрядов современной политической метафорики. Эта группа включает артефактные метафоры (ЧУДИНОВ 2023: 136 – 137). В качестве заголовка статьи, посвященной осложнению ситуации для мирных жителей сектора Газа, нашедших убежище на границе с Египтом, автор использует метафорический композит, который буквально можно перевести как «кипящий котел отчаяния»:

(9) Dampfkochtopf der Verzweiflung...¹⁰

Эту метафорическую модель можно отнести к артефактным, поскольку в ней содержится слово Dampfkochtopf (значение в онлайн-версии словаря Duden: (besonders im Haushalt verwende-

⁹ <https://www.bild.de/news/inland/news-ausland/israel-feinde-hemmungsloser-hass-auf-unseren-strassen-85748300.bild.html>.

¹⁰ <https://www.welt.de/politik/ausland/article249880108/Gaza-Krieg-Dampfkochtopf-der-Verzweiflung-Was-in-Rafah-auf-dem-Spiel-steht.html>.

ter) Kochtopf, in dem Speisen mithilfe des Überdrucks des Dampfes gegart werden¹¹), использующееся для обозначения предмета кухонной утвари, обращение с которым требует внимания и осторожности.

Таким образом, в ходе проведенного исследования становится очевидно, что метафорические модели, наиболее характерные для политического дискурса в целом, активно применяются для вербализации эмоций в рамках политического нарратива.

4. Заключение

В результате проведенного анализа особенностей вербального аспекта эмоциональной составляющей немецкоязычного политического нарратива можно сделать вывод о том, что метафоризация является продуктивным средством языковой репрезентации различных эмоциональных состояний. Для вербализации эмоций в рамках политического нарратива Германии применяются антропоморфные, природоморфные, социоморфные и артефактные метафоры. В проанализированных в ходе исследования политических текстах, размещенных в известных информационных онлайн-источниках ФРГ и касающихся вооруженного конфликта Израиля и Палестины в секторе Газа, было выявлено достаточно большое количество случаев использования антропоморфных и природоморфных метафор (30% и 50% из 100 примеров, полученных методом сплошной выборки). Наиболее частотными оказались метафорические модели, содержащие прямую номинацию положительной эмоции *die Hoffnung* / надежда (около 10%) и отрицательной эмоции *der Hass* / ненависть (около 50%), но при этом в целом можно отметить превалирование негативных эмоциональных состояний (помимо ненависти в проанализированных текстах встречается, например, прямая номинация страха (*die Angst*) и отчаяния (*die Verzweiflung*)). Выявлены лексические повторы, которые часто используются в политических текстах для усиления эмоционального воздействия на адресата, часто являющегося читателем СМИ.

Перспективным представляется дальнейшее исследование средств вербализации эмоциональных состояний в рамках поли-

¹¹ <https://www.duden.de/rechtschreibung/Dampfkochtopf>.

тического нарратива и сравнение подобных средств в разных лингвокультурах. Так, на сайте российской общественно-политической газеты «Московский комсомолец» опубликована статья по теме конфликта Израиля и Палестины в секторе Газа, заголовок которой содержит природоморфную метафору в качестве средства вербализации положительной эмоции «надежда»:

(10) Надежды на прекращение огня в Газе *растяжали*...¹²

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Белютин Р. В. Метафоры в спортивном нарративе (на материале немецкого языка) // Ученые записки ОГУ. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 129—133. [Belyutin, Roman V. (2011) Metaforы v sportivnom narrative (na materiale nemetskogo yazyka) (Metaphors in Sports Narrative (by the Example of the German Language)). *Scientific notes of Orel state university. Series: Humanities and social sciences*, 1, 129—133. (In Russian)].

Ветрова Э. С. Повтор как средство речевого воздействия на адресата в устном политическом дискурсе английского и русского языков // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 5—15. [Vetrova, Elvira S. (2023) Povtor kak sredstvo rechevogo vozdeystviya na adresata v ustnom politicheskom diskurse angliyskogo i russkogo yazykov (Repetition as a Means of Speech Influence on the Addressee in English and Russian Oral Political Discourse). *Foreign Languages in Tertiary Education*, 1 (64), 5—15. (In Russian)].

Керимов Р. Д. Когнитивные основания военной метафоры в немецком политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 57—66. [Kerimov, Ruslan D. (2013) Kognitivnyye osnovaniya militarnoy metaforы v nemetskom politicheskom diskurse (The Cognitive Foundations of the Military Metaphor in the German Political Discourse). *Issues of Cognitive Linguistics*, 3 (36), 57—66. (In Russian)].

Кондратьева О. Н. Фитоморфная метафора как средство репрезентации концепта «Душа» в русской лингвокультуре // Лингвокультурология. 2015. № 9. С. 124—142. [Kondratyeva, Olga N. (2015) Fitomorfная metafora kak sredstvo reprezentatsii kontsepta „Dusha” v russkoy lingvokul’ture (Phitomorphic Metaphor as Means of Concept “Soul” Representation in Russian Linguoculture).

¹²<https://www.mk.ru/politics/2024/02/19/nadezhdy-na-prekrashhenie-ognya-v-gaze-rastayali-netanyakhu-budet-nastupat.html>.

- Linguoculturology*, 9, 124—142. (In Russian)].
- Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. [Shahovskiy, Viktor I. (2008) *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* (Linguistic Theory of Emotions). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Либроком, 2016. [Shakhovskiy, Viktor I. (2016) *Emotsii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* (Emotions: Prelinguistics, Linguistics, Linguocultural Studies). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. [Sheygal, Yelena I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* (Semiotics of the Political Discourse). Moscow: Gnosis. (in Russian)].
- Шейгал Е. И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 86—93. [Sheygal, Yelena I. (2007) *Mnogolikiy narrativ* (The Many Faces of Narrative). *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics), 2 (22), 86—93. (In Russian)].
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2023. [Chudinov, Anatoliy P. (2023) *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Eibl-Eibesfeldt, Irenaus. (1979) *The Biology of Peace and War: Men, Animals and Aggression*. New York: The Viking Press.
- Niehr, Thomas. (2011) Politische Sprache und Sprachkritik. *Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes*, 58 (3), 278—288.
- Roberts, Brian. (2004) Political Activism and Narrative Analysis: The Biographical Template and The Meat Pot. *Forum: Qualitative Social Research*, vol. 5, no. 3. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/286706759_Political_Activism_and_Narrative_Analysis_The_Biographical_Template_and_the_Meat_Pot#pf5.
- Schwarz-Friesel, Monika. (2015) Metaphern und ihr persuasives Inferenzpotenzial. In: Spieß, Constanze & Köpcke, Klaus-Michael. (eds) *Metapher und Metonymie: Theoretische, methodische und empirische Zugänge*. Berlin: De Gruyter, 143—160.

Anastasiya V. Zorina

Russian Federation Armed Forces Army Air Defence Academy

Verbalization of Emotions in German-Language Political Narrative

In modern linguistics, because of the anthropocentric focus, there is a tendency towards an increase in the number of studies focused on the analysis

of the features of the reflection of emotions in language and in the process of communicative interaction. In this article, the verbal aspect of the emotional component of modern communication is studied using authentic political texts in German published on the websites of representative German media outlets, the topic of which relates to the armed conflict started in October 2023 between Israel and the Palestinian Islamist group Hamas, which seized power in the Gaza Strip. The thematic concentration of the empirical material around a specific individual event determines the aim of this study, which is to identify the features of the verbalization of various emotional states of representatives of the conflicting parties, as well as the world community as a whole, regarding the armed confrontation between Israel and Palestine within the framework of the German-language political narrative. The definitions of the terms *political discourse* and *political narrative*, which are fundamental to this work, are briefly considered. The scientific novelty lies in the fact that the article for the first time identifies and analyzes the following groups of metaphors used to verbalize emotions within the framework of the political narrative of Germany: anthropomorphic, nature-morphic, sociomorphic and artifact metaphors. At the same time, all the studied metaphorical models contain a direct nomination of the emotional state, which helps to avoid ambiguity in the interpretation of the mental phenomenon expressed by means of metaphor. As a result the study reveals that metaphors are productive means of linguistic representation of various emotional states within the framework of the political narrative of Germany. The analyzed texts contain a large number of cases of using anthropomorphic and nature-morphic metaphors (about 30% and 50%, respectively, from 100 samples selected by continuous sampling). There is also a high frequency of metaphorical models containing a direct nomination of the positive emotion *die Hoffnung* / *hope* (about 10%) and the negative emotion *der Hass* / *hatred* (about 50%). However, in general, a predominance of negative emotions is noted (about 80%). Analytical texts published by journalists and political scientists and related to the studied area of political discourse in Germany contain lexical repetitions that enhance the expressiveness of the statement and the effect of emotional impact on the addressee.

Keywords: political discourse; political narrative; verbalization of emotions; metaphor; lexical repetition; German language

Для цитирования:

Зорина А. В. Вербализация эмоций в немецкоязычном политическом нарративе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 156—170.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-156-170.

To cite this Article:

Zorina, Anastasiya V. (2025) Verbalizatsiya emotsiy v nemetskoyazychnom politicheskom narrative (Verbalization of Emotions in German-Language Political Narrative). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 156—170. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-156-170.

Статья поступила в редакцию 08.02.2025; принята к публикации 28.02.2025

The article was submitted 08.02.2025; accepted for publication 28.02.2025

С. Г. Катаева

Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

**ТРАНСФОРМАЦИИ НАРРАТИВОВ
В ПЕРЕЛОМНЫЕ ЭПОХИ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИИ
(на примере ключевых исторических событий)**

Трансформация нарративов в переломные времена современной немецкой истории обусловлена экстралингвистическими факторами — эпохальными историческими событиями, которые были и остаются значимыми в общественном сознании. Такими общественно значимыми ключевыми событиями в современной истории Германии, порождающими свои нарративы, соотносящимися с различными периодами общественного развития Германии, являются, с одной стороны, образование двух немецких государств и возникший параллельно с этим нарратив «объединения Германии» в начале 50-х гг. (Советская Нота от 10 марта 1952 г.) и нарратив «объединение Германии» 1989/1990 гг. под известным лозунгом «Мы — единый народ» («Wir sind ein Volk»), с другой. Именуя собой новые общественно значимые явления, эти нарративы приобретают в переломные исторические моменты Германии новые смыслы. Развернувшаяся на фоне нарратива «объединение Германии» 1952 г. языковая борьба проявляется в метафорике с преобладанием семантических сфер «борьбы», «войны», «спортивных состязаний», что соответствовало накалу дипломатической борьбы того времени. Отсутствие созидательных метафор «общего дома» и «общего пути» дает объективную характеристику попытке дипломатического урегулирования «германского вопроса» в условиях холодной войны. И наоборот, конструктивные метафоры «общего дома» и «общего пути» превалируют в нарративе «объединения Германии» 1989/1990 гг., они являются шифром нового порядка и метасимволом объединительных процессов. При всей непохожести этих двух ключевых исторических сюжетов современной Германии утраченные возможности объединения Германии 1952 г. в определенной мере трансформировались в условиях поспешного объединения при всей его изначальной позитивности в упущенные возможности объединения Германии 1990 г.

Ключевые слова: нарративы «объединение Германии» 1952/1990 гг; урегулирование «германского вопроса»; «дипломатическая борьба»; «языковая борьба»

1. Введение

Трансформация нарративов в переломные времена современной немецкой истории обусловлена экстралингвистическими факторами — эпохальными историческими событиями, которые были и остаются значимыми в общественном сознании.

К таким общественно значимым ключевым событиям, порождающим свои нарративы в современной истории Германии, относятся *раскол и объединение двух немецких государств*. После их образования в 1949 г. возникает в начале 50-х гг. нарратив «объединение Германии» в виде «Советской Ноты от 10 марта 1952 года», который через 40 лет после раскола Германии трансформировался в нарратив «объединение Германии» 1989 г. под лозунгом «Мы — единый народ» («Wir sind ein Volk»). Рассмотрение трансформации нарративов объединения 1952/1989 гг., которые соотносятся с разными событиями и периодами общественного развития в современной истории Германии, вызывают непреходящий интерес. В не прекращающихся дискуссиях они заново осмысливаются и ретроспективно оспариваются, как, например, в дискурсе о нарративе «исторический поворот 1989 г.» («Wende 1989»), которому в 2024 г. исполнилось 35 лет.

2. Нарратив «объединение Германии» 50-х годов

Обратимся к более раннему и менее известному в современной истории нарративу «объединения Германии» 50-х гг. в период так называемой «дипломатической борьбы» бывших союзников по антигитлеровской коалиции.¹ Этот период представлял собой попытку дипломатического урегулирования Советским Союзом «германского вопроса» (мирного объединения двух немецких государств) в условиях холодной войны. Этому в начале 50-х гг. предшествовал период активных дипломатических усилий и многочисленных дискуссий, направленных на его мирное решение. Советские инициативы были направлены на договоренность с Западом о «восстановлении германского единства» и предусматривали «проведение свободных общегерманских выборов, заключение послевоенного мирного договора и создание

¹ См. Катаева С. Г. Языковая борьба в период урегулирования германского вопроса (1952 год) // Вестник МГОУ, серия: лингвистика. 2009. № 2. С. 197—201.

единого демократического и миролюбивого государства в соответствии с Потсдамскими постановлениями» (ПАВЛОВ 2005: 104; ФИЛИТОВ 2004: 319). Эти и другие советские предложения вошли в историю международных отношений как «Советская Нота от 10 марта 1952 года», часто упоминаемая как «нота Сталина».

2.1. Реакция западной стороны на советские предложения

Особое место в развернувшихся ожесточенных дискуссиях по «германскому вопросу» занимали советские предложения о «послевоенном мирном договоре», который в конечном итоге должен был содействовать созданию единого, нейтрального германского государства. Советское руководство опасалось угрозы, исходящей от ремилитаризации западной Германии в форме Европейского оборонительного сообщества, стремилось к свертыванию холодной войны и компромиссному решению «германского вопроса». Запад расценивал эту политику как «агрессивную, имевшую целью захват ФРГ», и как «ориентированную на замораживание статус-кво в расколотой Германии» (ФИЛИТОВ 2004: 314–315). Но и само руководство ФРГ, как отмечает Н. В. Павлов, также «не желало обменять свое место в системе западных государств на единство нации и нейтральный статус» (ПАВЛОВ 2005: 105–106). Исходя из того, что Запад руководствовался логикой блокового противостояния, он «поспешил отклонить ноту, даже не удосужившись изучить документ должным образом» (ibid.: 105), поэтому «предпосылок для решения германского вопроса в условиях холодной войны почти не было» (РОДОВИЧ 2002: 314). Категорическое отклонение советских инициатив как со стороны бывших западных союзников, так и со стороны ФРГ, к тому времени взявшей курс на интеграцию с Западом, привело к окончательному расколу нации, начало которому было положено в 1949 г. созданием двух германских государств. Таким образом, «ценой ориентации ФРГ на Запад стал раскол нации» (ПАВЛОВ 2005 :106). Как показала современная история Германии, путь от «двугосударственности к единству нации» затянулся на 40 лет, а нарратив «объединение Германии», впервые озвученный в 1952 г., появится вновь лишь в 1989 и реализуется в 1990 г.

Противоборство по «германскому» вопросу между СССР и тремя другими державами-победительницами во Второй миро-

вой войне закончилось в середине 50-х гг. окончательным разделением Европы на два идеологически противостоящих блока и вхождением в них обоих немецких государств. Начиналась эпоха «великого противостояния» между Западом и Востоком и «время отчуждения» в отношениях двух немецких государств, положившее начало в том числе и «языковому отчуждению», именуемому «Das sprachliche Ost-West-Problem» (BAUER 1993).

2.2. Медийный нарратив СМИ 1952 года. «Языковая борьба»

Медийный нарратив этого периода был многослойным и включал как саму «советскую ноту», так и ее основные содержательные составные части. Дипломатическая борьба 1952 г. становится главным историческим сюжетом в борьбе за «единство» vs «раскол Германии» в 50-х гг. и находит свое воплощение в так называемой «языковой борьбе», которая имела поликодовый характер, выражавшийся в разных подходах и интерпретации событий, в конкуренции значений и обозначений. Дискуссии по этим узловым проблемам новейшей истории нашли свое отражение на страницах немецкого журнала «Der Spiegel» (далее — DS).

«Языковая борьба» разворачивалась на фоне «дипломатической битвы» стран-победительниц за сферы влияния в Европе, становление в побежденном немецком государстве «своего строя» и ускоренной политической, экономической и военной интеграции ФРГ с Западом. В соответствии с этим ключевыми понятиями данного нарратива стали как «единство», «объединение» (Einheit / Vereinigung), так и «раскол» (Spaltung) Германии. Они постоянно фигурируют при обсуждении и самой советской ноты, и предложений западных оккупационных властей об «Общем договоре» и «Европейском оборонительном сообществе». При этом показательна одинаковая реакция на советские предложения как западногерманской стороны, так и бывших союзников Советского Союза по антигитлеровской коалиции, которые сразу же, поспешно и безоговорочно отклонили их как «очередной пропагандистский маневр советской стороны» (ПАВЛОВ 2005: 105). Они не были заинтересованы ни в создании единого немецкого государства, ни в его нейтральном статусе, расценивая эти предложения как «пропагандистскую кампанию»:

Die Sowjets haben durch ihre SED-Marionetten eine *Propagandakampagne* zum Wiederaufbau der deutschen Einheit führen lassen (DS 9.01.1952).

Wenn es nach dem Kanzler gegangen wäre, hätte man das durch Grotewohl übertragene Anerbieten der Sowjets rundweg als „*Propaganda-Manöver*“ abgelehnt (DS 2.01.1952).

Обилие политической метафорики при описании «дипломатических переговоров» наиболее ярко и образно демонстрирует накал этой борьбы в начале 50-х гг. Анализ языка этого времени позволил выделить ряд конкретных моделей метафорического описания политической реальности ФРГ. Политическая ситуация 1952 г. моделируется в метафорах, восходящих к таким сферам как «игра», «спорт», «борьба», «война», «болезнь», которые образно передают и оценивают дух того времени.

Так, при характеристике политических событий 1952 г. широко представленной является метафорическая модель «*дипломатические переговоры — это игра*» (театральная, спортивная, шахматная). Они представлялись всего лишь как «игры» вокруг «германского вопроса», судьба которого была предreshена еще в 1949 г. созданием двух немецких государств. Все обсуждение советских предложений 1952 г. бывшими союзниками не рассматривалось западной стороной всерьез, для них это был «привычный спектакль», «тактический ход в шахматной игре», который мог бы только затормозить интеграцию Западной Германии в западную коалицию»:

Die Bevölkerung Westdeutschlands erlebt wieder einmal ein *Schauspiel* (Vertragsverhandlungen), das ihr schon lieb und vertraut geworden ist (DS 7.05.1952).

Ein Glück für den Westen, dass die *Schlüsselfigur in diesem Spiel* der 76-jährige Kanzler Adenauer — sich nicht von der Sowjetnote hinters Licht führen ließ (DS 9.04.1952).

In Washington ist man sich darüber klar, dass der russische *Schachzug* <...> ein Propaganda-Manöver ist (DS 12.03.1952).

Im State Department neigt man zu der Auffassung, dass es sich um einen *taktischen Zug* der Sowjets handelt, der Westdeutschlands Integration in die westliche Koalition bremsen soll (DS 12.03.1952).

Сюда относятся и метафорические сравнения со спортивными играми. Многочисленные затяжные переговоры о после-

военном германском урегулировании между западными союзниками и Советским Союзом характеризуются как «игра в мяч, в теннис, в пинг-понг», как «спортивная борьба»:

Vierzehn Tage lang hatten die Westmächte den *Ball* untereinander hin und her gespielt (DS 9.04.1952).

Die Westdiplomaten in Moskau schlugen mit gleichlautenden Texten eine harte *Backhand* im westöstlichen *Noten-Pingpong* (DS 4.01.1952).

Das *Ring*en um die deutsche Einheit (DS 16.01.1952).

Match um die deutsche Einheit (DS 2.01.1952).

Сюда также относится метафорическая модель «*дипломатические переговоры — это спортивные состязания*», которая позволяет сравнивать внешнеполитические переговоры с «перетягиванием каната», «марафоном». Сам процесс решения о существовании другого немецкого государства ГДР сравнивается бывшими союзниками с «неравным, ужасным перетягиванием каната», при котором 18-миллионное население ГДР «пало жертвой разбойников»:

...das grausige, ungleiche *Tauziehen* um 18 Millionen, die unter die Räuber gefallen sind (DS 9. 01.1952).

Das *Tauziehen* hinter den Kulissen der westlichen Diplomatie wurde nach Überreichung der Antwort-Note an die Sowjets durch verschiedene weitere offizielle Verlautbarungen deutlich (DS 9.04.1952).

Das außenpolitische *Tauziehen* um die europäische Verteidigungsgemeinschaft hat mit einer vorläufigen Niederlage der Russen geendet (DS 18.06. 1952).

Konrad Adenauer startete in Bonn zur zweiten und letzten Tagesetappe der siebzehnständigen *Marathondebatte* über Westverträge (DS 4.06.1952).

Но самой доминантной и наиболее характерной для политической ситуации 1952 г. метафорической моделью является «*дипломатические переговоры — это война*». Метафорическое употребление военной терминологии уподобляет мирные переговоры «сражениям», «битвам», «войнам», что вполне оправдано в данной политической ситуации. На закономерность активного употребления «военной метафорики» в политическом языке, при которой происходит так называемое «вооружение понятий», указывали в свое время немецкие политолингвисты Ф. Пасиербский и А. Буркхардт (PASIERBSKY 1983; BURKHARDT 1989). Не случайно

имеющиеся противоречия и проблемы при урегулировании «германского вопроса» решаются с помощью «милитаризированной лексики»: на «полях битвы», на «фронтах с нападениями, победами и поражениями», «капитуляцией», со «взрывчаткой». Интеграция ФРГ с Западом характеризуется как «марш-бросок на Запад»:

In der letzten Woche vor Pfingsten zogen die beiden Weltmächte USA und UdSSR in dem französischen *Schlachtfeld* ihre Figuren (DS 18.06.1952).

Deutschlands *West-Marsch* (DS 7.05.1952).

Сама «советская нота 1952 года» приравнивается к «коммунистическому нападению» («kommunistischer Angriff») (DS 9.01.1952) и рассматривается как «поражение русских» («Niederlage der Russen») (DS 18.06.1952) в борьбе за единую Германию. В этом русле обсуждается и «план Шумана», принятие которого расценивалось как «добровольная капитуляция ФРГ» и «харакيري умеренного правительства»:

Erst wenn wir den Schuman-Plan, diesen Akt der Politik gegen die nationale Existenz, unterzeichnen, haben wir den Krieg vollständig verloren. Diese *freiwillige Kapitulation* des Jahres 1952 bedeutet aber nicht nur ein Lebewohl den Brüdern im Osten, sondern gleichzeitig das Ende der gemäßigten Regierung, die frohgemut *Harakiri* begeht (DS 2.01.1952).

Другой, менее представленной метафорической моделью, характерной для политической коммуникации 1952 г., является модель «*раскол Германии — это болезнь*», указывающая на неразрешенность крайне болезненного для Германии вопроса о национальном единстве двух немецких государств, отсюда — сравнение с «хронической болезнью». Разделенная Германия предстает как «незаживающая рана», на которую необходимо «наложить лейкопластырь» и которая «требует неотложной скорой помощи». А безоговорочная приверженность правительства ФРГ Западу объясняется ее опасениями «коммунистической инфекции», идущей с востока:

Die *Krankheit* Deutschlands wurde zur *chronischen* (DS 7.05.1952).

Jede „Westlösung“ für das halbe Deutschland kann nur ein schmerzhafter *Notbehelf* sein (DS 21.05.1952).

Die Spaltung Deutschlands ist eine *Wunde*, unter deren Oberfläche noch mancherlei schmerzt (DS 9.01.1952).

Die Regierung musste *Leukoplast* für deutsche *Wunde* finden (DS 16.06.1952).

Die Regierung befürchtete eine kommunistische *Infektion* (DS 21.05.1952).

Однако на фоне страстной приверженности правительства Аденауэра к интеграции с Западом, его «интеграционного и европейского энтузиазма» («Integrations-Leidenschaft») (DS 9.04.1952), («Europa-Enthusiasmus») (DS 23. 04. 1952) существовал и альтернативный взгляд на советское предложение «объединения Германии» 1952 г. Высказываются отдельные сомнения «о правомочности поспешного отказа Западной Германии от рассмотрения советских предложений о проведении свободных общегерманских выборов» только как «отвлекающего маневра от интеграции», а участие ФРГ в создании Единой европейской армии (в рамках «Европейского оборонительного сообщества») сравнивается с «взрывчаткой» для будущей Европы:

Sind Deutsche berechtigt, das nachdrücklich gebrachte UdSSR-Angebot freier Wahlen als „*Stör-Manöver*“ zu weisen? (DS 2.01.1952).

Diese Europa-Armee ist *Sprengstoff* für den Europa-Gedanken (DS 12.03.1952).

Выражение сомнения в правильности выбранного пути проявляется также в следующем примере, в котором вина консерваторов ФРГ за раскол Германии (преждевременную ратификацию договоров с западноевропейскими странами) приравнивается к их «грехопадению»:

Der *Sündenfall* der Rechten war die vorzeitige Ratifizierung des Schuman-Plans. Alle drei Verträge garantierten die Spaltung Deutschlands (DS 21.05.1952).

2.3. Метафоры «общего пути» и «общего дома» в нарративе «объединение Германии» 1952 года

Не удивительно, что на фоне «воинствующей метафорики» в политическом языке СМИ 1952 г. отсутствуют политические метафоры «общего пути» или «общего дома», весьма характерные для нарратива «объединение Германии» в 1989/1990 гг. Лишь однажды встречается метафора «железнодорожного пути

в направлении Запада», на котором после отказа от советских предложений об объединении с Восточной Германией, уже не существовало никаких препятствий на пути европейской интеграции. Поэтому происходит «прощание с братьями с востока Германии»:

Kanzler Adenauer hat seinen außenpolitischen Kurs erfolgreich verteidigt. Er kann nun *fortfahren*, Westdeutschland europäisch zu integrieren. Die Signale an der Gleisstrecke in Richtung Westen stehen wieder auf „*freie Fahrt*“ (DS 9.04.1952).

Другая метафора «дома», но не общего, а лишь «раздельных помещений», присутствует только в одном случае, где образно описывается окончательный раскол Германии после неудачных дипломатических попыток в 1952 г. объединить два немецких государства. С этих пор немецкий народ стал жить в «разных, отдельных, строго разграниченных помещениях», а наступившее охлаждение в отношениях двух немецких государств стало «затянувшимся перерывом на обед»:

Das deutsche Volk wird in *verschiedene, scharfgetrennte Räume* eingeschlossen (DS 16.01.1952).

Die *Mittagspause* in den deutsch-deutschen Beziehungen ist zu *lang* geworden (DS 7.05.952).

Как видно из приведенных примеров, проблемы объединения Германии остались на уровне дипломатических «схваток», «борьбы», «войны» за установление границ своего влияния, которые разделили немецкую нацию на два государства. В объединении Германии в 1952 г. не были заинтересованы ни бывшие союзники, ни сама Западная Германия, поскольку западно-европейская интеграция была главной целью тогдашнего правительства ФРГ во главе с канцлером Аденауэром.

Метафорика политических дискуссий 50-х гг., в которой объективно отражалось негативное отношение западной стороны к объединению Германии, в полной мере подтверждает тезис о «неразрешимости германского вопроса» в условиях идеологического противоборства между бывшими союзниками. Преобладание семантических сфер «игры», «борьбы», «войны» свидетельствуют о направленности не на лечение «болезни» (раскола нации), а лишь на достижение своих политических ин-

тересов в русле «холодной войны». На этом фоне не случаен факт отсутствия в политическом языке того времени созидательных метафор «общего дома» или конструктивного поиска «общегерманского пути», характерных для нарратива «объединение Германии» 1989 г.

3. Нарратив «объединение Германии» 1989/1990 годов. Метафоры «общего пути» и «общего дома»

Примером трансформации «нарратива объединения» 50-х гг. может служить типичная для политического дискурса второй половины 80-х гг. и ставшая популярной ведущая метафора «общего дома» («das gemeinsame Haus»), впервые озвученная М. Горбачевым и подхваченная всеми западными политиками и СМИ, которые адаптировали ее в метафору «общего европейского дома» («das gemeinsame europäische Haus»). Метафора «дома» стала своего рода «европейской парадигмой», «политическим символом», или, как пишет в 1992 г. Д. Ширмер в своей статье «На строительной площадке общего дома», «метасимволом» объединительных процессов, «шифром нового порядка старого континента» и в тоже время «предвестником будущей блоковой конфронтации»:

Das gemeinsame Haus Europa“ wurde rasch zur *Chiffre* einer Neuordnung des alten Kontinents unter anderen als den Vorzeichen der Blockkonfrontation“... Man könnte sogar das Europahaus ein *Metasymbol* nennen (SCHIRMER 1992: 211, 212).

Эта новая созидательная политическая символика «строительства нового здания» («das gemeinsame Haus Europa», «Baustelle des gemeinsamen Hauses», «das gemeinsame Staatshaus» и др.), которая превалирует в объединительных процессах 1989/1990 гг., но могла иметь разные интерпретации, в том числе, относительно «распределения квартир в будущем доме» («Zimmeraufteilung im künftigen Haus») (ibid.: 224). Высказываются опасения, западноевропейцы могут воспринимать свое место этом доме как «в бельэтаже общего дома и, как и раньше, продолжать в нем жить беззаботно, ничего не меняя, в то время как восточным европейцам были бы уготовлены полуподвальные этажи, подвалы и задворки»:

Die Westeuropäer könnten es benutzen im Bewusstsein, dass sie die *Beletage des gemeinsamen Hauses* unbekümmert unverändert weiterbe-

wohnen, darin leben wie bisher, aber dass sie noch Osteuropa für das *Souterrain*, den *Keller* und den *Hinterhof* brauchen (BACHEM & BATCKE 1991: 298).

Продолжая исследовать так называемую «жилищную и строительную метафорику» («Bau- und Gebäudemetaphorik»), Ширмер в 1992 г. предсказывает будущие проблемы «общего европейского дома», который в реальности может превратиться в «крепость». Он приводит новую производную метафорическую номинацию «крепость Европа» («Festung Europa»),² которая, по мнению Ширмера, в реальной жизни войдет в противоречие с бытующей на Западе лирической установкой на «Европу без границ», что потребует ее радикальной перекодировки в свете ожидаемой миграции бедноты с Востока и Юга («Armutswanderung aus dem Osten und Süden»), в результате которой произойдет штурм крепости благополучия Европы («Ansturm auf die Wohlstands-Festung»), эгоистично и ревниво оберегающей свои привилегии внутри своих границ, готовой, однако, за ее пределами воинственно их защищать:

Die Festungsmetapher konfrontiert die politische Lyrik eines *grenzlosen Gesamteuropa* mit der heraufziehenden Realität eines eifersüchtig und egoistisch die eigenen Privilegien hütenden Westeuropa – grenzenlos zwar im Inneren, nach außen aber abweisend und wehrhaft (SCHIRMER 1992: 229).

Ширмер приходит к выводу, как бы предвосхищая будущее «общеевропейского дома», что он станет «эксклюзивным проектом политического класса, чьи члены, как представители жильцов этого дома, будут действовать единолично от имени этого своеобразного коллектива»:

Dadurch bleibt das „europäische Haus“ exklusiv ein Projekt jener politischen Klasse, deren Mitglieder als Repräsentanten dieser im Kollektivsingular eingesperrten „Hausbewohner“ fungieren (SCHIRMER 1992: 227–228).

Другой распространенной символической метафорой 1989/1990 гг. стала «метафора общего пути»:

² См. также «Festung Europa?», тематический выпуск журнала „APuZ“ (2022), содержание статей которого 20 лет спустя полностью подтверждают опасения Ширмера, высказанные в 1992 г.

In den deutschen Texten zur deutschen Einigung fand sich relativ oft der Bezug auf die Metapher „der *Weg zur deutschen Einheit*“, „*Schritte auf dem Weg zur Einheit*“ (SCHÄFFNER 1992: 146).

Буркхардт дает подробный анализ этой актуальной для 1989/1990 гг. позитивной метафоры «поезд немецкого единства» («*Zug der deutschen Einheit*»). Он подчеркивает, что эта символическая метафора объединительных процессов в Германии показывает, с одной стороны, неотвратимость действия — объединение двух немецких государств как бы согласно составленному железнодорожному расписанию, — но, с другой стороны, не дает никакой информации об альтернативных возможностях проезда и пересадки на другие поезда, о типе поезда и классе вагона, о предоставляемых услугах в пути и попутчиках; она умалчивает об ожидаемой плате за проезд, а также об условиях, ожидающих пассажиров в конечном пункте их следования, что как раз и удерживало некоторых критиков объединения Германии от поспешной посадки на этот поезд (буквально: впрыгнуть в последний момент на подножку вагона уходящего поезда):

So betont die für das Jahr 1990 charakteristische Metapher „Zug der deutschen Einheit“ zwar die Unausweichlichkeit und Fahrplanmäßigkeit der staatlichen Vereinigung von DDR und (alter) Bundesrepublik und ist insofern integrativ ausgerichtet, doch schweigt sie sich über alternative Bahnverbindungen, etwaige Anschlusszüge, über den Zugtyp, die Beförderungsklasse, die Mitreisenden oder die am Zielort anzutreffenden Bedingungen ebenso die zu erwartende Höhe des Fahrpreises, die damals manche Kritiker davon abgehalten haben, voreilig auf den Zug aufzuspringen (BURKHARDT 2001: 12).

Вся эта недосказанность объединительных процессов 1989/1990 гг., а также неучтенные и нереализованные альтернативные варианты объединения, поспешность объединения 1990 г. при всей своей первоначальной позитивности нарратива «объединения» с его созидательными метафорами «общего дома» и «общего пути» негативно проявились в последующие годы после объединения Германии и привели к появлению новых оппозиционных правопопулистских сил, таких как АДГ, Пегида и др.

4. «Упущенные возможности» объединения 1990 года

Примечательно, что впервые появившийся тезис П. Зете об «утраченных возможностях» объединения Германии 1952 г. (SETHE 1956) повторяется в работе Р. Штайнингера в 1985 г. «Нота Сталина от 10 марта 1952 года. «Утраченная возможность объединения»³ и перекликается с «Упущенными возможностями на 41 году существования ГДР»⁴ в статье эксперта по изучению трансформационных процессов в Восточной Европе Д. Зегерта в 2019 г. В ней, а также в ряде других статей современных исследователей дается подробный анализ нарратива «объединение Германии» 1990 г. и его современная оценка, в которых спустя 30 лет присутствуют реминисценции запущенного тезиса об «утраченной возможности» 1952 г., который в объединенной Германии трансформировался в «упущенную возможность» равноправного, справедливого «объединения Германии» в 1990 г.

«Упущенные возможности объединения 1990 г.» Зегерт рассматривает через 30 лет после объединения Германии как «нереализованные альтернативные возможности 1989 г.» для позитивного развития Восточной и Западной Германии. Эти «упущенные возможности объединения», по его мнению, заключались в тогда еще возможном более осмотрительном, осторожном и неторопливом объединении и развитии двух немецких государств, двух различных обществ, культур и экономических систем, если бы гражданам ГДР дали время заявить о своих интересах:

Die nicht realisierte Alternative im 41. Jahr der DDR meint nicht etwa die Verewigung der deutschen Zweistaatlichkeit, sondern eine langsamere Entwicklung des Vereinigungsprozesses <...> eine mögliche behutsamere Vereinigung zweier unterschiedlichen Gesellschaften, Kulturen, und Wirtschaftssysteme. Hätte den DDR-Bürgerinnen und -Bürgern Zeit gegeben, ihre Interessen zu artikulieren (SEGERT 2019: 12).

Решением данной проблемы могли бы быть, по Зегерту, «два возможных сценария, исключающие последующие ошибки развития объединенной Германии: это объединение, согласно

³ Steininger, R. (1985) *Die Stalin-Note vom 10. März 1952: „Eine vertane Chance zur Wiedervereinigung“*.

⁴ Segert, D. (2019) *Verpasste Chancen im 41. Jahr*.

ст. 23 «Основного закона» — *присоединение ГДР*, или объединение, согласно с. 146 — *замена «Основного закона» на общегерманскую конституцию*»:

Ab Frühjahr 1990 schien es nur zwei Szenarien für die Zukunft zu geben: Eine Vereinigung beider deutscher Staaten nach Art. 23 GG (*Beitrittsartikel*) und eine Vereinigung nach Art. 146 GG (*Ablösung* des Grundgesetzes durch eine gesamtdeutsche Verfassung). <...> Die zweite Option wurde bekanntlich ausgeschlagen (ibid.: 12).

Но, как с сожалением констатирует автор, «вторая опция объединения двух немецких государств была исключена», и эта «нереализованная, забытая альтернатива на 41 году существования ГДР явила собой «упущенную возможность» этого времени не только для восточной, но и для всей Германии»:

Es geht um *vergessene Alternativen* deutscher Entwicklung. Dabei handelt es sich nicht allein um *verpasste Gelegenheiten* für die DDR oder Ostdeutschland. Auch für das ganze Deutschland boten sich in jenem Jahr Chancen (ibid.: 12).

Подытоживая пройденный путь и анализируя причины «поспешности объединения Германии», Зегерт ретроспективно считает ложным утверждение, что оно якобы было вызвано тем, что в то время для него оставалось лишь маленькое временное окно, и единство могло либо состояться в ближайшее время, либо вообще не состояться:

Es ist rückblickend auch abwegig, zu behaupten, dass es nur ein kleines Zeitfenster für die Wiedervereinigung gegeben hätte und die Einheit entweder zeitnah oder gar nicht hätte stattfinden können (ibid.: 13).

По утверждению Зегерта, появление и успех на выборах партии АДГ нужно рассматривать не только как проявления укоренившихся расистских и антидемократических позиций, но и как протест против пренебрежения восточно-немецким опытом. Он резюмирует, что наступившее отчуждение в восточной части Германии от политической системы Западной Германии зависит не только от приписываемого ей «наследия диктатуры ГДР», это также был протест против недостаточно открытого и публичного признания, а также «пренебрежения восточногерманским опытом и достижениями после 1990 года»:

...wenn man in den Wahlergebnissen der AfD nicht allein verfestigte rassistische und antidemokratische Haltungen, sondern ebenso den *Protest* gegen die Vernachlässigung ostdeutscher Erfahrungen erkennt (ibid.: 17).

Die in Ostdeutschland entstandene Entfremdung vom politischen System hängt nicht allein mit dem Diktatur-Erbe zusammen. Entscheidend ist auch die *unzureichende* öffentliche *Anerkennung* ostdeutscher Lebensleistungen nach 1990 (ibid.: 17).

В связи с возникшим «дефицитом трансформации в восточной части Германии, обусловленным доминированием в ней во всех сферах западногерманских элит», Зегерт призывает к «окончательному решению этого вопроса, которым не занимались долгое время после 1989 года»:

Für eine solche Aufarbeitung der *Defizite der Transformation* nach 1989 fehlte es lange Zeit in der ostdeutschen Gesellschaft, in der fast überall westdeutsche Eliten dominieren (ibid.: 17).

При всей своей первоначальной позитивности нарратива «объединение Германии» 1989/1990 гг. эйфория первых лет объединения, увенчанная слоганом «Мы — единый народ» с его созидательными метафорами «общего дома» и «общего пути», сменилась в последующие годы («in der Nach-Wende-Zeit») постобъединительным разочарованием, скепсисом, не всегда положительной оценкой этих событий. Наряду с позитивной составляющей нарратива «объединения» «Wir sind ein Volk» после объединения появляются и другие характеристики с негативной коннотацией: «Deutschland — eilig Vaterland», «BRDigung der DDR», «Einigungsschock», «Korsett der Revolution», «Ostalgie» и др.

4.1. Постобъединительный дискурс «объединение Германии» 1990 года

В делящемся более 30 лет постобъединительном дискурсе «объединение Германии» 1989/1990 гг. все ярче проявляется амбивалентное отношение как к самой бывшей ГДР и «мирной революции 1989 г.», так и к последующим трансформационным процессам в восточной части Германии. Ведущие специалисты по новейшей истории объединенной Германии ретроспективно открывают новые грани прошедших событий. Меняются традиционные подходы к оценке событий 30-летней давности. Напри-

мер, подвергается сомнению сложившееся мнение о том, что осенью 1989 г. восток Германии безоговорочно шел прямым курсом на объединение, тогда как в то время в бывшей ГДР существовали и другие представления о будущем страны, которые, как и наступившие экономические и социальные проблемы, сопровождавшие объединительный процесс, не укладывались в созданный так называемый «нарратив успеха объединения»:

Nicht wenige — vor allem in Westdeutschland — meinen, im Herbst 1989 sei der Osten geradlinig auf die deutsche Vereinigung zugesteuert. In den Hintergrund tritt oft, dass in der verschiedenen DDR *unterschiedliche Positionen* um die Zukunft des Landes konkurrierten. Ebenso war im *Erfolgsnarrativ* wenig Platz für die erheblichen wirtschaftlichen und sozialen Umwälzungen, die mit dem Vereinigungsprozess einhergingen. Das hat sich in der letzten Zeit verändert (AYYASH 2019: 3).

Несмотря на «эпохальное» значение 1989 года для истории Германии» («ein Epochenjahr»; «Das Datum „1989“ ist eine Chiffre»; «ein historisches Schlüsseljahr»; «Wendepunkt einer geschichtlichen Epoche») со временем он теряет свои четкие контуры и становится все «более многозначным», его значение «все более расплывчатым в современной памяти», а часто упоминаемая в разных конstellациях номинация «революция» воспринимается уже как «искусственное слово»:

Doch so epochal die Bedeutung ist, die diesem Jahr zukommt, so *diffus* ist sein Platz im Gedächtnis unserer Zeit. „1989“ wird im Rückblick durch unterschiedlichste Begriffe erfüllt, die (...) von der protestantischen, nachholenden, friedlichen Revolution oder auch Kerzenrevolution über das *Kunstwort* Revolution und unpathetische Kennzeichnung wie *Wende* oder *Systemwechsel* zu Termini wie *Implosion*, *Umbruch* und *Zusammenbruch* sowie im regimeverbundenen Diskurs auch *Konterrevolution* reichen (SABROW 2019: 25).

Эти изменения в оценке значения 1989 г. М. Забров объясняет реакцией на современную поляризацию полученного постобъединительного опыта восточных и западных немцев, а также тем, что социальная и политическая маргинализация восточной части Германии после ее объединения привели к созданию собственных каналов коммуникации для выражения своего недовольства и гражданского неповиновения:

Nicht nur, aber besonders in Ostdeutschland haben sich soziale und politische *Marginalisierung der Nachwendezeit* ihre eigenen Kommunikationskanäle geschaffen, und sie geben der Unzufriedenheit mit den Verhältnissen durch einen wutbürgerlichen Habitus Ausdruck (ibid.: 30).

Всё это и несбывшиеся надежды на самостоятельное начало новой жизни в восточной части Германии,⁵ способствовали тому, что история 1989 г. стала все более многозначной:

Die *gebrochenen Hoffnungen* auf einen selbstbestimmten Neuanfang haben dazu beigetragen, dass „1989“ immer eine *mehrdeutige Erzählung* blieb (ibid.: 32).

Этот факт отмечают также авторы статьи «Завоеванное наследство. Актуальность 1989 г. как повествование сопротивления»⁶ Г. Хартманн и А. Лейстнер. Они характеризуют современный политический дискурс как «конкуренцию толкований ветеранами революции» («Diskurs als Deutungskonkurrenz der Revolutionsveteranen») (HARTMANN & LEISTNER 2019: 23), констатируют появление «новых интерпретаций» в оценке завоеванного наследия 1989 г. и проводят определенные параллели между общественной ситуацией в то время и современными событиями:

Damit einher gingen *Neuinterpretierungen* des Erbes 1989 und teilweise auch *Parallelisierungen* zwischen der gesellschaftlichen Situation damals und heute (ibid.: 23).

Авторы анализируют призывы партии «Альтернатива для Германии» к «новой, обновленной революции» в период предвыборной борьбы в земельные парламенты Саксонии, Тюрингии и Бранденбурга, которые семантически выражались в «нарративе сопротивления» 1989-му году:

Die Landtagswahlkämpfe der AfD in Sachsen, Thüringen und Brandenburg sind semantisch vom *Widerstandsnarrativ* von 1989 geprägt. Sie stehen unter dem Motto „*Wende 2.0*“ beziehungsweise „*Wende voll-*

⁵ См. «Aufbau Ost ade»: «Die vom Bund geplanten Mittelkürzungen seien ein Schlag ins Gesicht insbesondere der Länder in Ostdeutschland, ein Angriff auf Ostdeutschland. Bestehende Ungleichheiten würden größer, die Spaltung nehmen zu» (Das Parlament 26–27. Juni 2023).

⁶ См. Hartmann, G. & Leistner, A. (2019) *Umkämpftes Erbe. Zur Aktualität von „1989“ als Widerstandserzählung*.

enden“, „Der Osten steht auf!“, „Holen wir unser Land zurück (ibid.: 23).

Подводя итог дискурсу о «завоеванном наследии» 1989 г., авторы приходят к выводу о «тенденциозно одностороннем подходе к освещению демократических процессов», относящихся к тому времени, поскольку внутри восточногерманского населения существовали иные представления о демократии, базирующиеся на опыте, приобретенном в ГДР, и событиях 1989 г.:

Innerhalb der ostdeutschen Bevölkerung gibt es *konkurrierende Vorstellungen* von Demokratie, die auf die Erfahrungen in der DDR und auf die Ereignisse von 1989 bezogen sind (ibid.: 24).

В 30-летнем дискурсе о значении 1989 г. анализу с современных позиций также подвергается другой известный лозунг 1989 г. «Wir sind das Volk», который в 1989 г. был «сносящим границы» («Grenzzäune niederreißende Parole»), а 30 лет спустя приобретает в современной объединенной Германии другие смыслы, как «слова, возводящие новые границы» («Grenzzäune errichtende Parole») в употреблении правых популистов (SABROW 1919: 33).

Выявленные в постобъединительном дискурсе новые подходы к оценке «нарратива объединения Германии», к объединительным процессам 1989/1990 гг. в современной Германии, появление амбивалентной многозначности и другой оценочности у ключевых понятий этого периода, свидетельствуют о продолжающемся всестороннем критическом осмыслении, в котором, по словам Заброва, должны быть отражены «светлые и темные стороны» этой исторической даты — объединения современной Германии:

In dieser neuen Erzählung des Umbruchs von 1989 werden *Licht und Schatten* zugleich sichtbar (ibid.: 33).

Актуальность этого дискурса вызвана также тем, что до сих пор не произошло органичное срастание двух частей немецкого государства. Это побуждает исследователей вновь и вновь (с каждым юбилеем) возвращаться к этой теме, анализировать причины и спустя 30 лет все еще искать ответ на вопрос, почему до сих пор, говоря словами Вилли Брандта, «все еще срастается то, что является одним целым» («Es wächst immer noch zusammen, was zusammen gehört»).

5. Заключение. От «утраченных возможностей» 1952 года к «упущенным возможностям» 1990 года

Сравнительный анализ нарративов «объединения Германии» 1952/1990 гг. и их исторических предпосылок показывает, что при всей непохожести этих исторических сюжетов современной Германии «утраченные возможности» объединения Германии 1952 г. (при превалирующем негативном отношении и полном его неприятии западной стороной во времена холодной войны) трансформировались в условиях поспешного объединения в «упущенные возможности» «объединения Германии» 1990 г. при его изначальной позитивности и массовой поддержке всех ранее идеологически противоборствующих сторон.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Катаева С. Г. Языковая борьба в период урегулирования германского вопроса (1952 год) // Вестник МГОУ, Серия: лингвистика. 2009. № 2 С. 197—201. [Katayeva, Stalina G. (2009) Yazykovaya bor'ba v period uregulirovaniya germanskogo voprosa (1952) („Language Struggle” at the Time of German Question Solution 1952). *Vestnik MGOU*. 2009, 2, 197—201. (In Russian)].
- Павлов Н. В. Современная Германия. М.: Высшая школа, 2005. [Pavlov, Nikolay V. (2005) *Sovremennaya Germania (Modern Germany)*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Родович Ю. В. О «ноте Сталина» от 10 марта 1952 года по германскому вопросу // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 63—79. [Rodovich, Yuriy V. (2002) О „Note Stalina ot 10 marta 1952 goda po germanskomu voprosu (On the “Note of Stalin” of March 10, 1952 on the German Question. *Novaya i noveyshaya istoriya (New and Contemporary History*, 5, 63—79. (In Russian)].
- Филитов А. М. Нота 10 марта 1952 года: продолжающаяся дискуссия // Россия и Германия. М.: Наука, 2004. С. 311—330. [Filitov, Aleksey M. (2004) Nota Stalina ot 10 marta 1952 goda: prodolzhayushchayasya diskussiya (Note of March 10, 1952: Continuing Discussion). In: *Rossiya i Germaniya (Russia and Germany)*. Moscow: Nauka, 311—330. (In Russian)].
- Ayyash, Lorenz Abu. (2019) Editorial. *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung „Das Parlament“*, 69. Jg., 35/37, 3.
- Bachem, Rolf & Battke, Kathleen. (1991) Struktur und Funktionen der Metapher „Unser gemeinsames Haus Europa“ im aktuellen politi-

- schen Diskurs. In: Liedtke, Frank; Wengeler, Martin & Böke, Karin. (eds) *Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauches in der Politik*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 293—307.
- Bauer, Dirk. (1993) *Das sprachliche Ost-West-Problem. Untersuchungen zur Sprache und Sprachwissenschaft in Deutschland seit 1945*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Burkhardt, Armin. (2001) Politische Sprache. Grundbegriffe und Analysemethoden. In: Gesellschaft für Germanistik der Katsai-Universität-Osaka. (ed.) *Die deutsche Literatur*. Osaka: Kansai-Universität, 1—32.
- Burkhardt, Armin; Hebel, Franz & Hoberg, Rudolf. (1989) *Sprache zwischen Militär und Frieden: Aufrüstung der Begriffe?* Tübingen: Narr.
- Der Spiegel: 2.01.1952, 4.01.1952, 9.01.1952, 16.01.1952, 12.03.1952, 9.04.1952, 7.05.1952, 21.05.1952, 4.06.1952, 16.06.1952, 18.06.1952.
- Hartmann, Greta & Leistner, Alexander. (2019) Umkämpftes Erbe. Zur Aktualität von „1989“ als Widerstandserzählung. *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung „Das Parlament“*, 69. Jg., 35/37, 18—24.
- Pasiersbky, Fritz. (1983) *Krieg und Frieden in der Sprache. Eine sprachwissenschaftliche Textanalyse*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuchverlag.
- Saborow, Martin. (2019) „1989“ als Erzählung. Jahr. *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung „Das Parlament“*, 69. Jg., 35/37, 25—33.
- Schäffner, Christina. (1992) Sprache des Umbruchs und ihre Übersetzung. In: Burkhardt, Armin & Fritzsche, Peter. (eds) *Sprache im Umbruch. Politischer Sprachwandel im Zeichen von „Wende“ und „Vereinigung“*. Berlin: Walter de Gruyter, 135—148.
- Schirmer, Dietmar. (1992) Auf der Baustelle des gemeinsamen Hauses. Zur Struktur eines politischen Symbols. In: Burkhardt, Armin & Fritzsche, Peter. (eds) *Sprache im Umbruch. Politischer Sprachwandel im Zeichen von „Wende“ und „Vereinigung“*. Berlin: Walter de Gruyter, 211—229.
- Segert, Dieter. (2019) Verpasste Chancen im 41. Jahr. *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung „Das Parlament“*, 69. Jg., 35/37, 12—17.
- Sethe, Paul. (1956) *Zwischen Bonn und Moskau*. Frankfurt am Main: Scheffler.
- Steininger, Rolf. (1985) *Eine vertane Chance: Die Stalin-Note vom 10. März und die Wiedervereinigung*. Berlin; Bonn: J. H. W. Dietz Taschenbücherei.

Stalina G. Kataeva

P. P. Semenov-Tyan-Shanskiy Lipetsk State Pedagogical University

**Transformation of Narratives in Turning Points of German History
(exemplified by Key Historical Events)**

The transformation of narratives in the critical times of modern German history is due to extralinguistic factors — epochal historical events that have been and remain significant in the public consciousness. Such socially significant key events in the modern history of Germany, which give rise to their own narratives and correlate with different periods of social development in Germany, are, on the one hand, the formation of two German states and the parallel narrative of “German Unification” in the early 1950s (Soviet Note of March 10, 1952) and the narrative of “German Unification” of 1989/1990 under the well-known slogan “We are one people” (“Wir sind ein Volk”), on the other hand. Conversely, the constructive metaphors of the “common home” and the “common path” prevail in the narrative of the “unification of Germany” of 1989/1990, they are “the cipher of the new order and the metasymbol of the unification processes” of that time. For all the dissimilarity of these two key historical plots of modern Germany, the “lost opportunities for German unification” of 1952 were to a certain extent transformed in the conditions of hasty unification, with all its initial positivity, into the “missed opportunities for German unification” of 1990.

Keywords: narratives of the “unification of Germany” of 1952/1990; solution of the “German question”; “diplomatic struggle”; “language struggle”

Для цитирования:

Катаева С. Г. Трансформации нарративов в переломные эпохи немецкой истории (на примере ключевых исторических событий) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 171—191. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-171-191.

To cite this Article:

Kataeva, Stalina G. (2025) Transformatsii narrativov v perelomnyye epokhi nemetskoy istorii (na primere klyuchevykh istoricheskikh sobytiy) (Transformation of Narratives in Turning Points of German History (exemplified by Key Historical Events)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 171—191. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-171-191.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; принята к публикации 10.04.2025
The article was submitted 11.03.2025; accepted for publication 10.04.2025

О. А. Кострова

Самарский государственный
социально-педагогический университет

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ НАРРАТИВЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья продолжает исследование проблематики пассивизации ситуаций на материале нарративных текстов на немецком языке. Рассматриваются событийные ситуации, прототипическим средством репрезентации которых в немецком нарративе признается пассивный залог. Представлен новый взгляд на репрезентацию события в тексте, реализуемый сквозь призму его концептуальных связей внутреннего и внешнего характера. Тем самым решается спорная до сих пор проблема унификации подходов к интерпретации события. Материалом исследования служат оригинальные нарративные тексты Ф. Шиллера, Г. фон Клейста, К. Брентано и данные Немецкого цифрового словаря периода 1760/1860 гг. (первый синхронный срез) и текстовые фрагменты из произведений современных авторов Б. Шлинка, М. Вальзера, У. Тимма, Г. де Бройна в совокупности с корпусными данными того же словаря с 1956 г. по настоящее время (второй синхронный срез). Концептуальные связи события, репрезентируемого пассивными структурами, выявляются методом сравнения элементарных структур безличного, двучленного и трехчленного пассива с их распространителями, специфицирующими отношение события и вовлеченных в него объектов, а также отношение к нему субъекта речи: автора, нарратора или персонажа. Указанные отношения анализируются в каждом синхронном срезе, затем проводится их сравнительно-сопоставительный анализ с целью выявления диахронических различий в репрезентации событийных ситуаций. Установлено, что внутренние связи события репрезентированы имманентно через грамматические отношения между пассивным субъектом и предикатом в двучленных пассивных структурах, между пассивным субъектом, предикатом и предложным дополнением в функции инициатора вовлеченности субъекта в событие в трехчленных пассивных структурах. Внешние связи события с субъектом речи — нарратором — варьируют в тексте через специфицирующие распространители в составе пассивных структур и соотношение последних с контекстом. Указанные концептуальные связи проявляются в обоих синхронных срезах. Диахронические изменения обусловлены развитием грамма-

тического строя немецкого языка, изменениями в литературном процессе и появлением новых технических возможностей.

Ключевые слова: репрезентация события; пассивные структуры; связь как свойство события; нарратор; спецификаторы; синхронный срез

1. К постановке проблемы

Событийность рассматривается как центральный признак нарративного текста, в котором событие лежит в основе некоторой фиктивной истории (*eine Geschichte*) и подразумевает изменение исходной ситуации (ШМИД 2003: 14). При описании в нарративном тексте событие или цепочка событий локализуются в пространстве и времени как основных параметрах, характеризующих событийность (*ibid.*). Если в признании пространственно-временных характеристиках события лингвисты единодушны, то лингвистическая репрезентация события до сих пор не получила единой трактовки. В. И. Заботкина пишет по этому поводу: «идея репрезентации не получила адекватного освещения из-за того, что рассмотрению подвергались изолированные аспекты этого феномена» (ЗАБОТКИНА 2016: 27). Так, в концепции В. Шмида основное внимание уделяется темпоральной структуре нарратива, в котором фиктивное событие описывается автором, нарратором или персонажем (ШМИД 2003: 14–16). Процесс наблюдения за развитием события, которое должно быть описано, не может длиться бесконечно, он осуществляется в рамках темпорально ограниченного «окна», через которое происходит его восприятие и которое, будучи локализовано в определенном времени, накладывает отпечаток на его описание (EVANS & GREEN 2006: 80–81). Перцептуальный аспект С. Боде противопоставляет концептуальной трактовке события в виде пространственно-временной ментальной модели и, соответственно, когнитивную репрезентацию события и семантическую репрезентацию его предикации (БОДЕ 2004: 11). Для Боде важно разграничение репрезентации действия и события, которое он проводит на основе критерия вмешательства или невмешательства одушевленного агенса. Основными чертами события автор считает его изменение и отсутствие агенса: «Событие традиционно определяется как системно описанное изменение со-

стояния микромира. Изменение — это процесс, в ходе которого микромир переходит от исходного состояния к конечному» (ibid.). Однако, по мнению К. Вельке, процесс не всегда противопоставлен действию: процессами можно назвать как явления природы, так и деятельность человека и его действия, если они имеют протяженность во времени (WELKE 2002: 169). Поскольку процессуальность — основная характеристика события, утверждение Вельке можно отнести и к событию.

В более поздних работах в анализ вовлекаются когнитивно-прагматические и диахронические аспекты. В средствах массовой информации репрезентация событийности связывается с проблемой концептуализации информации, оценкой ее общественной значимости (ЛЕВИЦКИЙ 2016). На материале анализа блогов выявляется этноспецифичность событий, вызывающих читательский интерес (РОГОЗИНА 2015). Исторический аспект репрезентации события исследован в англоязычном медийном дискурсе, в котором в настоящее время по сравнению с более ранними периодами обнаруживается количественное увеличение терминологичности и изменение стратегий репрезентации происшествий с целью воздействия на реципиента (ИЛЬИНОВА & ВОЛКОВА 2016).

В русле интегративного подхода репрезентации событийности в СМИ В. З. Демьянков развивает концепцию триады, рассматривая событие, во-первых, как идею, репрезентируемую высказыванием о нем, во-вторых, как прообраз событий-идей, т. е. как референциальное событие и, в-третьих, как текстовое событие, имеющее определенную упорядоченность в тексте (ДЕМЬЯНКОВ 2017: 25–26). Интерпретируя текст, можно только догадываться об истинном ходе событий, используя свои знания о языковых, психологических и культурологических аспектах его структурирования (ibid.). Тем самым при интерпретации события, включенного в текст, в русле когнитивной лингвистики выявляется специфика его репрезентации языковыми средствами, его этноспецифичность и обусловленность культурными традициями.

С когнитивных позиций исследуется репрезентация научных событий (ЗАБОТКИНА & ПОЗДНЯКОВА 2017: 8). Вместе с тем те же авторы отмечают необходимость последовательного раз-

граничения ментальных и языковых репрезентаций событий (ibid.). В соответствии с заявленной темой в статье рассматривается языковая репрезентация событийных ситуаций в немецкой лингвокультуре. Ранее мы установили, что этот процесс осуществляется под влиянием культурогенных факторов, побуждающих языковую личность выбирать средство обозначения события, исключающее собственное активное участие в нем (КОСТРОВА 2024). Таким средством является пассив с семантикой процессуальности (Vorgangspassiv). Процессуальный пассив — прототипическое средство репрезентации событийности (ENGEL 1996: 461). Непрототипическими средствами можно считать активные формы, которые У. Энгель называет параллельными формами пассива, например, активные формы с некоторыми рефлексивными глаголами: *Der Erfolg hat sich erst später eingestellt* (ibid.). Непрототипические средства в статье не рассматриваются.

В связи с изложенным возникает вопрос о наличии понятия, объединяющего приведенные трактовки события и возможностей его интерпретации. На наш взгляд, таким понятием может быть фундаментальное понятие связи, которое разрозненно, а порой в имплицитной форме представлено у перечисленных авторов, и авторов, описывающих пассивные структуры. Отсутствие каких-либо связей процесса, лежащего в основе события, имплицитно констатируется при характеристике одноклещенного или безличного пассива как ориентированного на сам процесс (ADMONI 1986: 185; РЕВЗИН 2009: 235 и др.). Связь между событием и вовлеченным в него лицом репрезентирована как частный случай отношения субъекта и предиката и осуществляется на грамматическом уровне как внутренняя, предикативная, выражаемая согласованием субъекта и предиката в лице и числе. Связь между событием и его инициатором реализуется в трехчленной структуре пассивного предложения через предложное дополнение или инструментальное обстоятельство. Вельке рассматривает такие случаи как *«verursachte Vorgänge»* (WELKE 2002: 170). О. И. Москальская, характеризуя трехчленную пассивную структуру, пишет: *«Eine dreigliedrige passivische Satzstruktur entsteht bei der Nennung von zwei am Geschehen beteiligten Aktanten»* (MOSKALSKAJA 1983: 132). В приведенной ци-

тате имплицитруется тройная связь: между событием, вовлеченным в него лицом или предметом и связь, возможно, того и другого с «агентивным объектом» (термин Москальской). Связь между двумя или несколькими событиями реализуется в тексте (ДЕМЬЯНКОВ 2017). Связь между событием и субъектом речи констатируется Демьянковым, отмечая, что эмоциональность подачи информации о событии в СМИ, чем подвергается сомнению ее объективность (ibid: 25–26). Эта связь является внешней по отношению к субъектно-предикатной структуре пассивного предложения.

Таким образом, с помощью понятия связи реализуются следующие типы отношений: между событием и вовлеченным в него объектом (ADMONI 1986: 181; MOSKALSKAJA 1983: 126; ШУБИК 1989: 7); между событием и его инициатором или — в пограничном случае с действием — агенсом (MOSKALSKAJA 1983: 132; WELKE 2002: 170); между двумя или несколькими событиями в тексте или дискурсе (ЗАБОТКИНА 2016; ДЕМЬЯНКОВ 2017; ИЛЬИНОВА & ВОЛКОВА 2016); между событием и субъектом речи (ШМИД 2003; БОДЕ 2004 и др.); между репрезентируемым событием его референтом (ДЕМЬЯНКОВ 2017); между событием и репрезентирующей его языковой личностью (ДЕМЬЯНКОВ 2017; ЗАБОТКИНА & ПОЗДНЯКОВА 2017; КОСТРОВА 2024). Степень выраженности связи в нарративе варьирует в зависимости от распространенности пассивной конструкции. В грамматике (ZIFONUN & al. 1997: 602) конструкции, содержащие только облигаторные члены, называются *элементарными*, а конструкции, распространенные факультативными членами, *специфицирующими* то или иное отношение. Далее в статье используются эти термины.

Варьирование степени выраженности связи происходит от ее полного отсутствия в безличном пассиве элементарной структуры до экспликации в специфицирующей трехчленной пассивной конструкции. Между этими полярными случаями располагается целая цепочка переходов от экспликации лиц или предметов, охваченных событием в двучленном пассиве, до импликации авторской оценки за счет распространения пассивных конструкций.

Множественность связей, реализуемых в событийном концепте, не позволяет описать все их виды в одной статье, *цель которой* состоит в экспликации некоторых из перечисленных связей в репрезентантах событийности и выявлении диахронических изменений в них на материале немецкой лингвокультуры. Анализируются виды связей между нарратором и событием; событием и вовлеченным в него объектом; нарратором, событием и его инициатором; нарратором, событием и вовлеченным в него объектом.

2. Материал и методология исследования

Материал исследования охватывает нарративные тексты двух временных периодов: первый синхронный срез 1760/1860 гг., второй — современный период — 1955/2025 гг. Выборка составлялась дифференцированно сплошным и направленным методом. Методом сплошной выборки составлен корпус исследуемых единиц из произведений более раннего периода: новелл Ф. Шиллера, Г. фон Клейста, К. Брентано (96 пассивных ситуаций). Небольшая выборка из текстов позволяла проследить особенности включения событийной ситуации в текст. Материал дополнен направленной выборкой из исторического корпуса DWDS указанного периода, что позволило выявить особенности не столь частотных форм безличного пассива. Функционирование пассива в современных художественных текстах (около 200 ситуаций) проанализировано ранее (КОСТРОВА 2024). Этот корпус дополнен направленной выборкой из произведений современных авторов Б. Шлинка, М. Вальзера, Г. де Бройна, У. Тимма и корпуса с открытым доступом DWDS. Цель направленной выборки — показать особенности репрезентации событийных ситуаций в современном мире и выявляемую при этом систему связей, что позволило сопоставить полученные данные с данными более раннего периода и проследить диахронические формальные и лингвокультурные изменения.

Синтаксические, и, при необходимости, текстовые репрезентанты событийных ситуаций анализировались с целью выявления языковых средств, подтверждающих или опровергающих наличие связи события с субъектом речи и вовлеченным в событие объектом. Затем проводился анализ средств объективации

и персонализации репрезентантов событий, создающих переходы между полярными репрезентантами в синхронных срезах. После этого срезы сопоставлялись в диахроническом аспекте.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Связи в репрезентации событий первого синхронного среза

Начнем анализ с безличного пассива, репрезентированного элементарной структурой, без распространяющих членов предложения, который представляет крайнюю степень обезличенности, означающую отсутствие связи между событием и конкретным вовлеченным в него объектом: лицом или предметом в широком смысле слова. Н. С. Бабенко справедливо констатирует, что безличность в самом общем смысле «представляет собой категорию, которая указывает на то, что действие, выраженное глаголом, носит отвлеченный характер, то есть не соотносено непосредственно с самим субъектом действия» (БАБЕНКО 2022: 30). Заметим, что под субъектом действия здесь будем понимать субъект речи. Отсутствие эксплицитной связи с субъектом речи, как замечает Энгель, проявляется грамматически: финитный глагол в этой структуре всегда стоит в 3-м лице ед. ч. (ENGEL 1996: 454). Отсутствие эксплицитной связи с говорящим служит для Энгеля основанием называть этот тип пассива нейтральным (ibid.). Однако, как будет показано ниже, нейтральность его сохраняется не всегда.

Нам не удалось обнаружить безличный пассив в проанализированных художественных текстах; в историческом корпусе DWDS эта структура встречается. В элементарном виде она используется нечасто, например, при перечислении каких-то событий, следующих одно за другим, как в романтической истории К. Вульпиуса (1). Гораздо чаще в высказывании появляются специфицирующие наречия или предложные группы существительного, локализирующие события во времени или пространстве и эксплицирующие тем самым связь с автором или с наблюдающими события персонажами. Например, Г. Гейне описывает праздничное гуляние на Рыночной площади во Франкфурте-на-Майне, приводящее в изумление, выраженное восклицательным предложением, как персонажей, так и, возможно, самого автора; событие локализуется наречием *hier* (2). В городской исто-

рии М. Натузиус гуляющие по городу девочки проходят мимо садов, в которых не только работают, но и болтают, и поют; локализация события представлена предложной группой *in den Nachbarsgärten* (3). Нередко концептуализация событий представлена в письмах, книгах для чтения при описании каких-то обычаев. Так, Людвиг Бёрне в письме из Парижа от 1883 г. отстраненно сообщает об увиденном (4).

- (1) Sein Becher wurde gefüllt.
Es wurde gesprochen.
- (2) Welche Menge Müßiggänger von jedem Stande und Alter drängte sich hier, um ihre Schaulust zu befriedigen! Hier *wurde gelacht, gegreint, gestohlen in die Lenden gekniffen, gejubelt* (Historische Korpora).
- (3) ...in den Nachbarsgärten *ward gearbeitet, geplaudert und gesungen* (ibid.).
- (4) Dabei war Alles Lust und Freude, nur stiller.
Es wurde getanzt, Musik gemacht, gesungen; man spielte Quartetts von Haydn (ibid.).

В примерах (2–4) обобщенно концептуализируется цепочка взаимосвязанных событий; связь с автором или персонажами проявляется в предшествующем контексте.

Концептуализация ментальных событий может получать имплицитную оценку, которая специфицируется за счет употребления темпоральных обстоятельств, как это происходит в примере (5), извлеченном из учебника истории. В соответствии с нашим социокультурным опытом подобные обстоятельства получают амбивалентную оценку, которая транслируется школьникам. Прямая оценка содержится в наречиях *fleißig*, *gastlos* и др., входящих в высказывания с безличным пассивом. Наречие *wenig* в составе высказывания из дневника Беттины фон Арним, содержащего безличную пассивную конструкцию, дает событию авторскую оценку (6). Ср.:

- (5) Tag und Nacht *ward gearbeitet* (Historische Korpora).
- (6) Da kamen die Wetter von Osten und Westen, *wenig wurde geredet* (Arnim B. Tagebuch. Berlin, 1835).

Наконец, в газетных, исторических и др. нехудожественных нарративах представлены структуры формально безличного пассива, содержащие предложное дополнение при непере-

ходном глаголе. При трансформации замены этого глагола на переходный предложное дополнение изменяет не только свой грамматический статус, но и статус безличной структуры, которая получает личную форму. Ср.:

- (7) Alle die Mannen Etzels dienten ihr, und weit und breit *ward geredet von der guten und gewaltigen Königin* (ibid.). — (5a) ...weit und breit wurde die gute und gewaltige Königin besprochen.

Трансформация эксплицирует вовлечение в репрезентацию события обсуждаемого персонажа и показывает переходный характер формально безличной пассивной структуры.

Грамматическим средством, с помощью которого создается отстранение субъекта речи от концептуализируемой событийной ситуации, служит грамматическое время. В большинстве проанализированных примеров это — претерит, как в (1–7), свидетельствующий о том, что субъект речи повествует о состоявшемся событии, к которому он уже не может иметь отношения, что не исключает, однако, частичного эксплицирования этого отношения перечисленными выше средствами. Грамматическая форма презенс используется, например, при создании стилистического эффекта осовременивания происходящего, как в следующем примере, в котором нарратор проявляет эмпатию к персонажу, что выражается определением *wehrlos* к пассивному субъекту (8). Презенс используется также при создании связи автора с потенциальным читателем (9). Ср.:

- (8) Die Pistole fällt, der wehrlose Mann *wird* vom Pferde *herabgerissen* und im Triumphe nach dem Amthaus *zurückgeschleppt* (F. Schiller).
 (9) Zwischen der heftigen Gemütsbewegung des handelnden Menschen und der ruhigen Stimmung des Lesers, welchem diese Handlung *vorgelegt wird*, herrscht ein so widriger Kontrast, liegt ein so breiter Zwischenraum, dass es dem letztern schwer, ja unmöglich wird, einen Zusammenhang nur zu ahnden (ibid.).

Особый случай представляет собой употребление безличного пассива в повелительном наклонении, как в примере из критических заметок Гердера, ср.:

- (10) Kaum ist das Thema in alle seinem *Werde gesprochen*: so wird nichts (Historische Korpora: Herder, J. G. Kritische Wälder. Bd. 3. Riga, 1769.) 'Едва ли эта тема присутствует во всех его «Будь сказано»:

так ничего и не происходит' (перевод мой — О. К.).

В данном примере чувствуется критическое отношение субъекта речи к событию, репрезентированному повелительным наклонением. Знаками критики выступают наречие *kaum* и отрицание постулируемого во второй части высказывания.

Таким образом, грамматический, контекстуальный анализ и анализ лексического наполнения высказываний с безличным пассивом показывает, что степень отстраненности субъекта речи от описываемого события варьирует, а событийность в «чистом» виде представлена редко.

В нарративных текстах в качестве репрезентанта событийных ситуаций доминирует *двучленный пассив*. По нашим наблюдениям, в двучленных структурах художественного нарратива проявляются три типа связей: 1) связь события с вовлеченным в него персонажем, 2) связь автора / нарратора с описываемым событием, 3) связь автора / нарратора с персонажем и событием.

1. Связь события с вовлеченным в него персонажем репрезентируется элементарными двучленными структурами, выражающими событие, которое влечет за собой другое событие. Связь с персонажем проявляется либо прямо, либо косвенно. В первом случае номинация персонажа выступает в функции пассивного субъекта (11); во втором случае персонаж может быть имплицитно представлен в контексте, например, личным местоимением в косвенном падеже (12). Ср.:

(11) *Wolf wurde eingezogen*, und nur mit Aufopferung seines ganzen kleinen Vermögens brachte er es mühsam dahin, die zuerkannte Strafe durch eine Geldbuße abzuwenden (F. Schiller).

(12) Der Ruf *wurde wiederholt*, und ein kräftiger Arm hielt mich fest (ibid.).

Спецификация двучленных структур происходит благодаря темпоральным или локальным обстоятельствам, уточняющим событие. В (13) обстоятельство направления *ins Gefängnis* необходимо в структуре предложения в связи с управлением глагола *setzen*. Три смысловых глагола в пассивной форме репрезентируют цепочку взаимосвязанных событий, происходящих с персонажем, выраженным местоимением *er*. Ср.:

(13) Dies abgemacht, stand er, indem er alle seine Waffen abgab, auf; *ward ins Gefängnis gesetzt, verhört und verurteilt* (H. Kleist).

Примеры показывают, что связь события с вовлеченным в него персонажем репрезентируется, как правило прошедшими временами, в (9–13) это — претерит, но встречается и плюсквам-перфект, дополнительно указывающий на связь предшествующего и последующего событий в истории персонажа. Ср.:

- (14) *Er ward eingelassen und machte seine Anzeige und gab alles an, was ihm geraubt worden war* (C. Brentano).

2. Связь автора / нарратора с описываемым событием репрезентируется специфицирующими двучленными структурами. Типичными распространителями выступают предложные группы существительного с пространственно-временным значением. В таком случае автор / нарратор объективирует свою речь, вводя читателя в событийный фон. Ср.:

- (15) *Der Befehl des Kriegsministers wurde zu Straßburg bei einer großen Parade bekanntgemacht* (C. Brentano).

В (15) нарратор говорит о приказе военного министра о введении во французской армии телесных наказаний, объективируя сообщение указанием места и времени оглашения приказа.

3. Связь автора / нарратора с событием и вовлеченным в него персонажем проявляется через спецификацию определениями или обстоятельствами оценочного характера, с помощью которых он выражает свое отношение к персонажу и к самому событию. Связь имплицуруется также в контекстном окружении. Ср.:

- (16) *Es wurde ihm mit Strenge befohlen, und er musste es tun. Als er aber fertig war, nahm er das Gewehr des Mannes, den er geschlagen hatte, stellte es vor sich an die Erde und drückte mit dem Fuße los, dass ihm die Kugel durch den Kopf fuhr und er tot niedersank* (C. Brentano).

Пример (16) продолжает описание ситуации, изложенной в (15): тот же нарратор сочувствует исполнителю приказа о телесном наказании, который был отдан ему со всей строгостью (mit Strenge) и должен был быть выполнен (er musste es tun). Вынужденный истязатель, у которого, как читатель узнает из предтекста, было высоко развито чувство чести, после исполнения приказа лишает себя жизни. Сочувствие к персонажу проявляется как в пассивном репрезентанте события, так и в импликациях пред- и послетекста.

Ограничения в объеме статьи не позволяют показать другие средства объективации авторской позиции и импликаций связи автора с событиями и вовлеченными в них персонажами в первом синхронном срезе. Переходим к анализу варьированной репрезентации событий в современных нарративах.

3.1.1. Связи в репрезентации событий второго синхронного среза

В современных нарративных текстах события репрезентируется, как и в первом синхронном срезе, всеми пассивными структурами: от безличного до трехчленного пассива.

Элементарный безличный пассив репрезентирует событийные процессы в обобщенной форме, без соотнесения с конкретными вовлеченными в них объектами. В век информации типичными становятся события, связанные с ее трансляцией. Так, в открытом доступе DWDS (1955/2025 гг.) элементарная безличная структура (es) wird / wurde erzählt встречается 1350 раз, особенно часто в форме es wird / wurde erzählt, dass..., где es не субъект, а так называемый Platzhalter, т. е. эксплетивный элемент, обеспечивающий возможность постановки глагола на второе место (ZIFONUN & al. 1997: 38). Спецификация конструкции происходит за счет упоминания тем, обсуждаемых в событийной ситуации (17), а также включения оценочных лексем или выражений (18). И в том, и в другом случае имплицитруется авторская оценка события. Ср.:

(17) Über seelische und sinnliche Liebe *wird* ausdauernd *geredet* (G. de Bruyn).

(18) Es *wurde geklatscht* und beifällig *gemurmelt* (U. Timm).

В качестве репрезентанта событийности, как и в нарративах более раннего периода, доминируют двучленные структуры. В элементарном виде они встречаются редко. Имплицитный субъект может репрезентировать артефакт, связанный с деятельностью персонажа, которая, следуя Вельке (ср. выше), воспринимается как событие (19). В художественных нарративах много внимания уделяется событиям во внутренней жизни персонажей, репрезентация которых происходит с использованием конъюнктива в двучленных структурах пассива, например, в придаточных предложениях. Приведем пример включения пассива в придаточное нереального сравнения (20). Ср.:

(19) Ein Wörterbuch *wird erstellt* (U. Timm).

(20) Im Weggehen hatte sie sich wieder umgedreht und ihm gewunken. Ihm war, als *würde* sie von ihm *weggezogen* (ibid.).

В примере (20) использование пассива в придаточном предложении, контаминирующем синтаксическую функцию предикатива с семантикой нереального сравнения, прочитывается внутренней связью персонажа-нарратора с уходящей женщиной — событие представляется ему в нереальном свете как нечто, отнимаемое у него. Так, происходит насыщение связи «событие — вовлеченное в него лицо» оценочным отношением нарратора.

В современных нарративах проявляется тенденция к изменению содержания событий, которые репрезентируются двучленными пассивными структурами с вспомогательными глаголами *bekommen* / *erhalten* / *kriegen* и глаголом *gehören*. Глагол *bekommen* в стилистическом отношении нейтрален, *erhalten* имеет возвышенную окраску и употребляется редко, а *kriegen* употребляется в обыденной речи (ENGEL 1996: 454). Структуры с *bekommen* употребляются со смысловыми глаголами, которые в активной форме управляют дательным падежом, который при пассивизации становится субъектом (ibid.: 457). В следующем примере (21) это глагол *erzählen*, предполагающий дополнения в дательном и винительном падежах: *jemandem etwas erzählen*. Пассив с *bekommen* подчеркивает процессуальность события и его ориентацию на грамматический субъект (ibid.). Ср.:

(21) Ihren Erzählungen fehlten zwar Chronologie und Zusammenhang, doch da ihre Erinnerungsbilder detailreich und farbig waren und wir sie wieder und wieder *erzählt bekamen*, stellte sich doch eine Familiengeschichte in Umrissen her (G. de Bruyn).

Дигитальный корпус содержит примеры, в которых с помощью пассива с *bekommen* репрезентируются событийные ситуации, связанные с компьютером или индивидуальным использованием гаджетов, с одной стороны (22), и с техническими новинками, с другой, (23). Ср.:

(22) Neulich hab ich von jemand ein Screenshot vom Terminal in ein PDF *eingebettet bekommen* (DWDS).

(23) Als Besonderheit sollte das Körting-Luftschiff für Testzwecke eine Funkstation von Siemens & Halske *eingebaut bekommen* (ibid.).

В обоих случаях подчеркнуто реализуется связь события с пассивным субъектом, при этом в (22) событие ориентировано на лицо, а в (23) на технический артефакт. Технические артефакты становятся объектом ориентации событий при описании технических новинок.

Глагол *gehören* в качестве вспомогательного используется в пассивных конструкциях гораздо реже. В DWDS он представлен только в политических речах, не относящихся к наррации.

В трехчленных пассивных структурах репрезентация событийности усложняется за счет введения агенса или инструментальных обстоятельств. Агенса, который может быть представлен во множественном числе, эксплицирует вовлеченность в событие его инициаторов. Элементарная трехчленная структура представлена в (24). Инструментальные обстоятельства эксплицируют, каким образом развивается событие; дополнительно может происходить его спецификация факультативными распространителями (25). Ср.:

(24) *Eschenbach und Selma waren von Ewald und Anna eingeladen worden* (U. Timm).

(25) *Später wurde mit einem Schon gut ihr Zornausbruch beiseitegeschoben. Allerdings wurde dadurch auch nie länger über die Gründe ihrer Empörung geredet* (ibid.).

В (25) событие «отодвигание на задний план вспышки гнева героини» с помощью примиряющего выражения *schon gut* возвращает к предшествующему событию — вспышке гнева — которое репрезентировано сложным существительным в функции пассивного субъекта, проявляя тем самым межсобытийные связи. Наречие *später* специфицирует наличие связи с предшествующим событием. Инструментальность обобщается в следующем предложении местоименным наречием *dadurch*.

3.2. Сопоставление синхронных срезов

Проведенный анализ выявил формальные и содержательные изменения в репрезентации событий, которые произошли в течение столетия. Формальные изменения касаются унификации формы вспомогательного глагола *werden*. В первом синхронном срезе наряду с формой претерита *wurde*, происходящей от множественного числа, употребляется форма единственного числа

ward, которая в современном языке вышла из употребления, ср. (3, 5, 7, 11, 12). Другой особенностью репрезентации события в этом синхронном срезе является опущение финитного глагола в аналитической форме пассивного предиката, ср.:

- (26) ... jetzt wurde er mit Schrecken gewahr, wie abscheulich er *hintergangen worden* (F. Schiller).

Проанализированные тексты раннего периода свидетельствуют о том, что в них еще наблюдаются колебания в порядке слов в аналитических конструкциях пассивного предиката в придаточном предложении. В (27) финитная форма *war* стоит не в абсолютном конце предложения, как это принято в современном языке. Аналогичное нарушение происходит при употреблении в составе сказуемого модального глагола *sollen* (28). Ср.:

- (27) Er eilte, so sehr er konnte, ohne seinem Pferde wehe zu tun, welches er besser pflegte als jemals, weil es ihm *war anvertraut worden* (C. Brentano).
 (28) Es ist ein Befehl an alle Gerichte ergangen, dass nur die Selbstmörder aus Melancholie ehrlich *sollen begraben werden* (ibid.).

В отдельных случаях в религиозных текстах встречается стилистически окрашенное употребление причастия смыслового глагола с гласным -е в суффиксе в позициях, не обусловленных фонетическими закономерностями. Ср.:

- (29) Es *wird erzählt*, von diesem Berge sei unser Herr Jesus gen Himmel gefahren in einer Wolke, die ihm unser Herrgott geschickt hätte (Historische Korpora).

В современном синхронном срезе сохранились те же виды связей, которые были отмечены в раннем периоде. При их репрезентации заметны прежде всего формальные изменения: произошла унификация формы вспомогательного глагола и порядка слов в аналитических пассивных предикатах. В содержательном плане наблюдается концептуализация событий, происходящих во внутренней жизни человека. В репрезентации событий, ориентированных на пассивный субъект, по нашим наблюдениям, произошло изменение лексического состава смысловых глаголов, обусловленное социокультурно развитием технических возможностей, ср. (22, 23).

4. Заключение

Проведенное исследование показало, что при репрезентации события в нарративных текстах или их фрагментах реализуются концептуальные связи внутреннего и внешнего типа: первые проявляются в форме предикативного отношения, вторые эксплицируются в специфицирующих распространителях элементарных пассивных структур, соотносящих их с субъектом речи. Эти связи имеют устойчивый характер, они проявляются в обоих синхронных срезах. Выявленные диахронические изменения обусловлены тремя факторами: 1) развитием грамматического строя немецкого языка, 2) изменениями в литературном процессе в сторону смещения акцента наррации на внутреннюю жизнь человека и 3) появлением новых технических возможностей, которые повлекли за собой включение новых лексических единиц в качестве репрезентантов самого события и вовлеченных в него объектов.

В перспективе могут быть выявлены и описаны репрезентанты других видов концептуальных событийных связей и их спецификаций, а также проведено исследование функционирования событийных концептов в разных видах нарративного дискурса.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бабенко Н. С. Феноменология безличности и ее синтаксические проекции в немецком языке // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № 19. С. 29—49. [Babenko, Nataliya S. (2022) Fenomenologiya bezlichnosti i ee sintaksicheskiye proyeksitsii v nemetskom yazyke (Phenomenology of Impersonality and its Syntactic Projections in the German Language). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 29—49. (In Russian)].
- Бодэ С. Репрезентация состояния, события, каузальности и действия // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 6—19. [Bode, Serge. (2004) Repräsentationszustand, Ereignis, Kausalität und Handlung (Representation of State, Event, Causality and Action). *Journal of Psycholinguistics*, 2, 6—19]. (In Russian)].
- Демьянков В. З. Событие как предмет гуманитарных наук // Репрезентация событий: интегративный подход с позиции когнитивных наук / ред. В. И. Заботкина. М.: ЯСК, 2017. С. 21—27.

- [Dem'yankov, Valeriy Z. (2017) Sobytiye kak predmet gumanitarnykh nauk (Event as a Subject of Humanities). In: Zabotkina, Vera I. (ed.) *Reprezentatsiya sobytiy: integrativnyy podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk* (Event Representation: An Integrative Approach from the Cognitive Sciences). Moscow: LRC Publishers, 21—27. (In Russian)].
- Заботкина В. И. Интегративный подход к репрезентации событий в контексте когнитивной истории // Диалог со временем. 2016. Вып. 57. С. 154—160. [Zabotkina, Vera I. (2016) Integrativnyy podkhod k reprezentatsii sobytiy v kontekste kognitivnoy istorii (An Integrative Approach to Event Representation in the Context of Cognitive History). *Dialog so vremenem* (Dialogue with Time), 57, 154—160. (In Russian)].
- Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Предисловие // Репрезентация событий: интегративный подход с позиции когнитивных наук / ред. В. И. Заботкина. М.: Языки славянских культур, 2017. С. 8—20. [Zabotkina, Vera I. & Pozdnyakova, Yelena M. (2017) Predisloviye (Preface). In: Zabotkina Vera I. (ed.). *Reprezentatsiya sobytiy: integrativnyy podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk* (Event Representation: An Integrative Approach from the Cognitive Sciences). Moscow: LRC Publishers, 8—20. (In Russian)].
- Ильинова Е. Ю., Волгина О. С. Когнитивно-дискурсивный аспект медиарепрезентации события // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 7 (746). С. 87—95. [Il'inova, Yelena Yu. & Volgina, Olga S. (2016) Kognitivno-diskursivnyy aspekt mediareprezentatsii sobytiya (Cognitive-discursive Aspect of Media Event Representation). *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7 (746), 87—95. (In Russian)].
- Кострова О. А. Концептуальная пассивизация ситуаций в немецкой лингвокультуре // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 249—266. [Kostrova, Olga A. (2024) Kontseptual'naya passivizatsiya situatsiy v nemetskoj lingvokul'ture (Conceptual Passivization of Situations in German Linguistic Culture). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 249—266. (In Russian)].
- Левицкий А. Э. Репрезентация события и проблема концептуализации информации // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 7 (746). С. 141—155. [Levitskiy, Andrey E. (2016) Reprezentatsiya sobytiya i problema kontseptualizatsii informatsii (Event Representation and the Problem of Conceptualization of Information). *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7 (746), 141—155. (In Russian)].

- Ревзин И. И. Структура немецкого языка. Москва: О.Г.И., 2009. [Revzin, Isaak I. (2009) *Struktura nemetskogo yazyka* (Structure of the German Language). Moscow: O.G.I. (In Russian)].
- Рогозина И. В. Репрезентация категории событийности в англоязычном новостном блоге // Филология и человек. 2015. № 3. С. 17—28. [Rogozina, Irina V. (2015) *Reprezentatsiya kategorii sobytiynosti v angloyazychnom novostnom bloge* (Representation of the Eventfulness Category in English News Blog. *Filologiya i chelovek* (Philology and Human), 3, 17—28). (In Russian)].
- Шмид В. Нарратология. М.: ЯСК, 2003. [Schmid, Wolf. (2003) *Narratologiya* (Narratology). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Шубик С. А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке. Л.: Наука, 1989. [Shubik, Sad'e A. (1989) *Kategoriya zaloga i pole zalogovosti v nemetskom yazyke* (The Category of Voice and the Field of Voice in German). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Admoni, Wladimir G. (1986) *Der deutsche Sprachbau*. Moskau: Prosvesheniye.
- Engel, Ulrich. (1996). *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Julius Groos.
- Evans, Vyvyan & Green, Melanie. (2006) *Cognitive Linguistics. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Moskalskaja, Olga I. (1983) *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Moskau: Vysšaja škola.
- Schmid, Wolf. (2008) *Elemente der Narratologie*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Welke, Klaus. (2002) *Deutsche Syntax funktional: Perspektiviertheit syntaktischer Strukturen*. Tübingen: Stauffenburg.
- Zifonun, Gisela; Hoffmann, Ludger & Strecker, Bruno. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. Bd. 1. Berlin: Walter de Gruyter.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Brentano, Clemens. Geschichte vom braven Kasperl und dem Schönen Annerl. In: Brentano, Clemens. *Sämtliche Erzählungen*. München: Wilhelm Goldman Verlag, 189—219.
- Bryun, Günter de. (1997) *Zwischenbilanz: Eine Jugend in Berlin*. Frankfurt am Main: Fischer.
- DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Korpusbelege Gegenwartskorpora mit freiem Zugang. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Historische Korpora. Retrieved from <https://www.dwds.de/d/korpora/dtaxl>.
- Kleist, Heinrich von. Der Findling. In: Kleist, Heinrich von. *Sämtliche Erzählungen*. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 229—248.
- Schiller, Friedrich. (2005) Der Verbrecher aus verlorener Ehre. In: Schiller, Friedrich. *Sämtliche Erzählungen*. Frankfurt am Main; Leipzig: Insel

Verlag, 29—56.

Schlink, Bernhard. (2019) *Olga*: Roman. Zürich: Diogenes Verlag.

Timm, Uwe. (2013) *Vogelweide*: Roman. Köln: Kiepenheuer & Witsch [4. Aufl.].

Olga A. Kostrova

Samara State University of Social Sciences and Education

**Event Representation in German-Language Narrative:
the Diachronic Aspect**

The article continues the author's study of the passivization of situations based on narrative texts in German. The article examines event situations whose prototypical representation means in German narrative is recognized as the passive voice. A new view of the event representation in a text is presented, realized through the prism of its conceptual connections of an internal and external nature. Thus, the controversial problem of unifying approaches to interpreting an event is solved. The material for the study are the original narrative texts of F. Schiller, H. von Kleist and C. Brentano and the data of the German Digital Dictionary of the period 1760/860 (the first synchronic cut) and text fragments from the works of modern authors U. Timm, G. de Bruijn and others, together with the corpus data of the same dictionary from 1956 to the present (the second synchronic cut). Conceptual connections of the event represented by passive structures are revealed by the method of comparing the elementary structures of the impersonal, two-member and three-member passive structures with their qualifiers specifying the relationship of the event and the objects involved in it, as well as the attitude to it from the subject of speech: the author, narrator or character. The specified relations are analyzed in each synchronic section, then their comparative-contrastive analysis is carried out in order to identify diachronic differences in the representation of event situations. It has been established that the internal connections of the event are represented immanently through grammatical relations between the passive subject and the predicate in two-member passive structures, between the passive subject, the predicate and the prepositional complement in the function of the initiator of the subject's involvement in the event in three-member passive structures. External connections of the event with the subject of speech — the narrator — vary in the text through the specifying qualifiers in the passive structures and the relationship of the latter with the context. The specified conceptual connections are manifested in both synchronic sections. Diachronic changes are caused by the development of the grammatical struc-

ture of the German language, changes in the literary process and the emergence of new technical possibilities.

Keywords: event representation; passive structures; connection as a property of event; narrator; specifiers; synchronous cut

Для цитирования:

Кострова О. А. Репрезентация события в немецкоязычном нарративе: диахронический аспект // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 191—211.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-192-211.

To cite this Article:

Kostrova, Olga A. (2025) *Reprezentatsiya sobytiya v nemetskoyazychnom narrative: diakhronicheskiy aspekt* (Event Representation in German-Language Narrative: the Diachronic Aspect). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 192—211. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-192-211.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; принята к публикации 10.04.2025

The article was submitted 11.03.2025; accepted for publication 10.04.2025

B. Lachhein

Gesellschaft für Deutsch-Russische Begegnung Essen

L. Averkina

Staatliche Linguistische Dobroljubow-Universität Nishnij Nowgorod

SPRACHLICHE VIELFALT DES DEUTSCHEN NARRATIVS IN LEICHTER SPRACHE UND EINFACHER SPRACHE

Laut aktueller Studien fällt etwa 17 Millionen Erwachsenen im Alter zwischen 18 und 64 Jahren in Deutschland das Lesen von Texten und Erfassen komplexer Inhalte schwer. Die Ursachen liegen in geringen Bildungschancen, Hör-, Lese-, Lernschwächen oder krankheitsbedingten kognitiven Einschränkungen. Folglich erlebt die Verbreitung der Konzepte der Leichten und Einfachen Sprachen in jüngster Vergangenheit einen umfassenden Aufschwung in der Gesellschaft. Obwohl beide Sprachvarietäten ihre Spezifika aufweisen, werden sie im Alltag oft gleichbedeutend verwendet. Ihre Unterschiede sind jedoch, wegen der dadurch hinzukommenden sprachlichen Vielfalt des Deutschen, zu beachten. *Leichte Sprache* wurde in Deutschland infolge der UN-Behindertenrechtskonvention (Artikel 9) für und mit Menschen mit geistiger Behinderung beziehungsweise Lernschwierigkeiten entwickelt. Sie entspricht dem Sprachniveau A1, unter Beachtung von Sprach- und Rechtschreibregeln sowie Empfehlungen zu Typografie und Mediengebrauch. *Einfache Sprache* hat ihren Ursprung in einer auf internationaler Ebene verabschiedeten Leser-Charta mit dem Recht auf Lesen als Voraussetzung zur gesellschaftlichen Teilhabe, woraus Absprachen für leicht lesbare Texte folgten. Ein in Deutschland ernst zu nehmender Analphabetismus gilt als Impuls für eine wissenschaftliche Hinwendung. Den Zielgruppen der gering literalisierten Erwachsenen, Älteren und Migranten wird ein Sprachniveau A2 bis B1 angeboten. Beide Konzepte haben durch Theorie und Praxis eine Weiterentwicklung, Standardisierung, Digitalisierung und Diversifizierung in Politik, Kirche, Medien und Wirtschaft erfahren. Während Texte in *Leichter Sprache* durch aus der Zielgruppe kommende Prüfer auf ihre Verständlichkeit diskutiert werden, scheint mit dem Übersetzer in *Einfache Sprache* eine neue Berufsgruppe zu entstehen. Der Beitrag basiert auf der Auswertung von Literaturquellen und veranschaulicht diese neue sprachliche Vielfalt des deutschen Narrativs anhand von Beispielen aus verschiedenen Bereichen hinsichtlich Struktur, Morphologie, Syntax und Stilistik.

Schlüsselwörter: Leichte Sprache; Einfache Sprache; Forschungsstelle Leichte Sprache; DIN SPEC 33429; KI-Übersetzer; Nachrichten

1. Einleitung

Der Beitrag ist eine Fortschreibung aus dem Jahr 2019 unter dem Titel „Leichte Sprache und Einfache Sprache im Deutschen der Gegenwart“ (LACHHEIN & AVERKINA 2020) und basiert auf einer Auswertung relevanter Literaturquellen.

Die beiden Konzepte *Leichte Sprache* und *Einfache Sprache* haben in den letzten Jahren durch wissenschaftliche Forschung und praktische Erfahrungen einen Aufschwung erfahren. Ebenso ergeht es dem „Narrativ“, ein Begriff, der in aller Munde liegt und einführend näher beleuchtet werden soll.

Im deutschen Sprachgebrauch bedeutet das Wort „narrativ“ einfach „erzählend“. Entsprechend erfährt der Leser in der Neuen Züricher Zeitung im Mai 2017 (SCHNEIDER 2017):

Das Wort „Narrativ“ unterscheidet sich in seiner Bedeutung nicht im Geringsten vom deutschen Wort „Erzählung“, aber es besitzt exotischen Neuheitswert und dient der Unterhaltung.

Inzwischen wird dem Begriff umfassende Aufmerksamkeit zuteil. Das Narrativ steht nicht mehr nur dafür, WAS erzählt, sondern WIE etwas erzählt wird und beim Empfänger wirkt.

Wolfgang Seibel, Universität Konstanz, charakterisiert das Narrativ aus der politikwissenschaftlichen Perspektive (SEIBEL 2009). Ihm zufolge handele es sich um eine sinnstiftende Erzählung, die Werte und Emotionen, vorrangig eines definierten Kulturkreises vermittelt und von der Mehrheit legitimiert, allerdings auch nicht statisch sind. In der Soziologie zeichnet ein Narrativ mit seinem Einfluss auf das Weltbild einer Gruppe oder Kultur eine noch deutlichere Kontur (SCHROEDER 2016).

Der amerikanische Traum „Vom Tellerwäscher zum Millionär“ zählt inzwischen zum klassischen Narrativ. So leicht wie dieser amerikanische Traum seinen Zug um die Welt genommen hat, können Erzählungen die faktische Verarbeitung von Informationen und einen Gruppenzusammenhalt unterstützen. Menschen mit geistiger Behinderung, Lernschwierigkeiten oder Analphabetismus haben ein Recht auf gesellschaftliche Teilhabe.

2. Geringe Literalität in Deutschland und Österreich

Welches Narrativ macht sie zu gleichwertigen Mitgliedern der Gesellschaft?

Seit fast zwei Jahrzehnten widmen sich Forscher an der Universität Hamburg dem „Leben mit geringer Literalität“. Fortschreibend offenbaren zwei Studien aus den Jahren 2011 und 2018 eine nicht zu ignorierende Anzahl von Erwachsenen mit geringen Lese- und Schreibfähigkeiten.

Im Rahmen der zweiten Studie „Leo 2018 — Leben mit geringer Literalität“ der Universität Hamburg (DUTZ & al. 2020: 28) wurden 7200 Interviews ausgewertet. Das Ergebnis: 6,2 Millionen Menschen oder 12,1% der erwerbsfähigen Bevölkerung im Alter von 18 bis 64 Jahren können in Deutschland nicht oder nur unzureichend lesen und schreiben. Hinzukommen 10,6 Millionen bzw. 20,5% der Erwachsenen, die selbst bei gebräuchlichen Wörtern Fehler machen. Die Studie führte auch im Sprachgebrauch zu einer Präzisierung: Seit 2018 verwenden die Autoren der Studie den Begriff „funktionaler Analphabetismus“ wegen einer Gleichsetzung mit „totalem Analphabetismus“ nicht mehr.

Ebenso widmet sich Österreich (BÖNISCH & REIF 2014) dem Thema. Dort verfügen circa eine Million Menschen der 16- bis 65-jährigen nur über eine geringe Lesekompetenz. Um das Problem zu verdeutlichen und zu bewältigen, wird nach Gruppen mit differenziertem Alphabetisierungsbedarf unterschieden:

1) (primäre) Analphabeten. Diese Menschen können keine bis geringe Lese- und Schreibfähigkeiten in der Muttersprache vorweisen;

2) Zweitschriftlernende. Diese Menschen verfügen über Kenntnisse in einem anderen als dem lateinischen Schriftsystem, z. B. dem arabischen. Betroffen sind besonders Flüchtlinge, die infolge der Veränderung ihres Kulturkreises einen Alphabetisierungsbedarf haben, jedoch nicht als Menschen mit totalem Analphabetismus klassifiziert werden können.

Ebenfalls wird in Deutschland hinsichtlich eines zu bewältigenden Alphabetisierungsbedarfs gruppenspezifisch differenziert (BAMF 2015):

1) primäre Analphabeten. Menschen ohne jegliche Lese- und Schreibfähigkeiten;

2) funktionale bzw. sekundäre Analphabeten. Menschen mit geringen bzw. verlernten Schreibfähigkeiten;

3) Zweitschriftlernende. Lese- und Schreibfähigkeiten wurden in einer Erstsprache erworben und dienen als Erfahrungsbasis für das Erlernen der lateinischen Schrift.

Welches Narrativ begleitet den Übergang vom „funktionalen Analphabetismus“ zur „geringen Literalität“?

Der Begriffsdiskurs, insbesondere um die Begriffe *funktionaler Analphabetismus*, *Grundbildung* und *Literalität*,¹ ist nicht neu. Alle Begriffe haben ihre Bedeutung und Entstehungsgeschichte. So definieren die Autoren der LEO-Studie in ihrer ersten Fassung LEO-ONE, 2011 (GROTLÜSCHEN & RIECKMANN 2012) *Funktionalen Analphabetismus* als *Mangel schriftsprachlicher Kompetenzen von Erwachsenen bezogen auf Minimalanforderungen, die selbstverständlich sind, um gesellschaftlichen Anforderungen gerecht zu werden. Sie sind notwendige Voraussetzung für gesellschaftliche Teilhabe und Selbstverwirklichung*, um im Ergebnis der zweiten Studie (DUTZ & al. 2019) festzustellen, dass der Begriff „funktionaler Analphabetismus“ einerseits stigmatisierend und ungeeignet für die Praxis der Erwachsenenbildung sei und andererseits stark erklärungsbedürftig, missverständlich und für die internationale wissenschaftliche Verständigung ungeeignet.² Folglich wurde in der LEO 2018-Studie der Begriff „geringe Literalität / *low literacy* / *low levels of literacy*“ bzw. „gering literalisierte Erwachsene“ verwendet.

Im konstruktiven Umgang mit der Thematik ist die Ursachenforschung relevant. Als gesellschaftlich anerkannt gelten folgende (BMBF 2016):

— *ein familiäres Umfeld*, in dem Lernunterstützung, familiäre Geborgenheit, Lese- und Schreibvorbilder sowie ruhige Lernorte fehlen;

— *im schulischen Bereich* wirken besonders Mobbing und Ausgrenzung, negative Erfahrungen, unzureichende Förderung, überfordertes und häufig wechselndes Lehrpersonal destruktiv;

— *persönliche, gesundheitliche oder situative Faktoren* wie verspätet festgestellte Seh- oder Hörschwierigkeiten, Legasthenie oder Krank-

¹ Lat. littera ‘Buchstabe’.

² „Der Begriff „funktionaler Analphabetismus“ gilt als stigmatisierend und als ungeeignet für die erwachsenbildnerische Praxis. Zudem hat die Erfahrung seit der LEO — Level-One Studie gezeigt, dass der Begriff... sehr stark erklärungsbedürftig und zudem in der internationalen Diskussion schwer anschlussfähig ist. Um diesem Umstand gerecht zu werden, verwendet LEO 2018 den Begriff „geringe Literalität“ bzw. „gering literalisierte Erwachsene“ (GROTLÜSCHEN & al. 2019: 4).

heit, häufiger Schulwechsel, geringes Selbstvertrauen, verlernte Lese- und Schreibkenntnisse müssen ebenso in Betracht gezogen werden.

Nicht zuletzt spielen *kulturelle Faktoren*, die sich in geringen Deutschkenntnissen widerspiegeln, eine zu beachtende Rolle, da sie bereits in der Schulzeit als Folge von Migration und meist mit Schwierigkeiten beim Erlernen der Schrift in der Zweitsprache einhergehen.

Als Reaktion auf Erkenntnisse aus der Forschung und praktische Erfahrungen wurden die beiden Konzepte *Leichte Sprache* und *Einfache Sprache* beflügelt. Gesellschaftlich relevant wurden damit zwei Gruppen: Menschen mit Behinderung und gering literalisierte *Leichte Sprache* basiert auf der Behindertenrechtskonvention der Vereinten Nationen und wird in Deutschland für und mit Menschen mit Lernschwierigkeiten auf dem Sprachniveau A1 entwickelt.

Einfache Sprache hat ihren Ursprung im Ausmaß des dargelegten Analphabetismus in Deutschland und findet zunehmend Resonanz bei gering literalisierten Erwachsenen ebenso wie Älteren und Migranten. Sie dient der Informationsvermittlung der deutschen Sprache auf dem Sprachniveau A2 bis B1.

Beide Konzepte haben in den letzten Jahren weitere Verbreitung, Standardisierung, Digitalisierung und thematische Diversifizierung im öffentlichen Raum erfahren.

3. Die sinnstiftende Erzählung: Leichte Sprache für Menschen mit Behinderung

Die Grundlage für das Konzept der *Leichten Sprache* bildet das 2006 getroffene UNO-Übereinkommen über die Rechte von Menschen mit Behinderungen, welches 2008 in Kraft getreten, 2009 in Deutschland ratifiziert worden ist. Das Novum widerspiegelt sich in einem Paradigmenwechsel vom medizinischen Modell, in dem behinderte Menschen als Kranke angenommen werden, hin zum menschenrechtlichen Modell, dem die Annahme behinderter Menschen als gleichberechtigter Mitglieder einer Gesellschaft zugrunde liegt. Demzufolge entsteht Behinderung durch die äußere Umwelt und Strukturen. Der aufmerksame Beobachter entdeckt im öffentlichen Straßenbild den Wandel in Form abgesenkter Bordsteinkanten oder barrierefreier Zugänge zu Gebäuden weltweit. Der aufmerksame Leser entdeckt in diesem Abschnitt zwei verschiedene Bezeichnungen

für die im Mittelpunkt der Betrachtung stehenden Gruppe, was zum klärenden Verständnis die Frage aufwirft: Ist das Konzept der Leichten Sprache an *behinderte Menschen* oder an *Menschen mit Behinderung gerichtet*? Gibt es überhaupt einen Unterschied oder gar ein Narrativ?

Ob Menschen „behindert sind“ oder „eine Behinderung haben“ wird in der Gruppe unterschiedlich gesehen. Manche entscheiden sich bewusst für die Selbstbezeichnung „behindert sein“, weil sie sich im Wesentlichen als Mensch mit Behinderung verstehen. Andere betrachten ihre Behinderung als ein Merkmal ihrer Persönlichkeit neben zahlreichen anderen und bevorzugen die Bezeichnung „eine Behinderung haben“. Das Beispiel zeigt, wie der Sprachgebrauch zunehmend nach Sensibilität verlangt. Was früher sorglos, unbedacht zum Ausdruck gebracht wurde, ruft heute ablehnende Emotionen hervor.

Oft umschreibt man Anforderungen durch eine Behinderung mit besonderen Bedürfnissen, wodurch ein unerwünschter Unterschied zwischen Menschen mit und ohne Behinderungen in ihren unterschiedlichen Bedürfnissen besonders betont wird. Das Bedürfnis nach Teilhabe an der Gesellschaft ist jedoch nach aktueller Auffassung unterschiedslos.

Auch bei der Bewertung „krank oder gesund“ sind die Ansichten in der Gesellschaft different und gemäß dem UNO-Übereinkommen, demzufolge Behinderung keine Krankheit ist, kontrovers. Das Gegenteil von „behindert“ ist deshalb nicht „gesund“, sondern „nicht behindert“. Manche Behinderungen werden zwar durch Erkrankungen ausgelöst, doch entsteht die Beeinträchtigung hauptsächlich durch das Umfeld, wenn zum Beispiel Gebärdensprachdolmetscher, Audio-Deskriptionen in Videos oder barrierefreie Zugänge zu Gebäuden fehlen.

Im sozialen Kontext von Behinderung spielt die sprachliche Verständigung eine wichtige Rolle. Einer OECD-Studie zufolge können 15,3 Prozent der erwachsenen Österreicher, circa eine Million Bürger, keine komplexen Sachverhalte in Texten verstehen, was den Schluss nahelegt, dass eine komplizierte Sprache diese Menschen ausschließt (BÖSCH & al. 2014).

Unter dem Motto „Normal sind wir alle“ sind Menschen mit Behinderungen selbstverständlicher Teil der Gesellschaft. Auch hier würde die Antonymbildung „Behinderung“ als Gegenteil von „nor-

mal“ einen unsensiblen Sprachgebrauch offenbaren.

Und ganz selbstverständlich sind auch die technischen Errungenschaften der Entwicklung, Verbreitung und Nutzung der *Leichten Sprache* dienlich. Dies soll an zwei Beispielen, dem Netzwerk „People First — Mensch zuerst“ (Netzwerk People First Deutschland e. V.) und dem Online-Wörterbuch für Leichte Sprache „Hurraki“³ dargestellt werden.

Auf der Seite des Netzwerks *People First Deutschland*, Rubrik *Leichte Sprache* (www.menschzuerst.de), wird die Frage beantwortet:⁴ „Für wen ist leichte Sprache?

Jeder Mensch kann Texte in Leichter Sprache besser verstehen.

Leichte Sprache ist aber besonders wichtig für Menschen mit Lernschwierigkeiten.

Leichte Sprache ist auch gut für alle anderen Menschen.

Zum Beispiel:

- Menschen, die nicht so gut lesen können;
- Menschen, die nicht so gut Deutsch können;
- Menschen mit einer Seh-Behinderung.

Folgendes Narrativ lässt sich zusammenfassend ableiten: Jeder versteht leichte Sprache besser. Sie ist gut für alle Menschen.

Die Geschichte des Konzeptes der Leichten Sprache bietet ein noch umfassenderes Narrativ: *Die Geschichte der Leichten Sprache*.

So fing es an:

In den 70er Jahren in Amerika:

Menschen mit Lern-Schwierigkeiten haben sich zusammen getan.

(1) Damit sie ihre Rechte besser vertreten können.

Damit sie in ihrem Leben mehr selbst bestimmen können.

In den 90er Jahren kam die Idee auch nach Deutschland.

Im Jahr 2001 wurde unser Verein gegründet.

Das war von Anfang an wichtig für uns:

(2) Schwere Sprache grenzt Menschen mit Lern-Schwierigkeiten aus.

Darum soll es Leichte Sprache geben.

Damit Menschen mit Lern-Schwierigkeiten mitreden können.

³ www.hurraki.de.

⁴ Die folgende Darstellung der Zeilenaufteilung entspricht der der Seite.

Damit Menschen mit Lern-Schwierigkeiten alles verstehen können.

Wir arbeiten seit mehr als 30 Jahren an der Leichten Sprache.

(3) Wir haben das erste Wörterbuch für Leichte Sprache gemacht.

Seit 2000 gibt es das 1. Wörterbuch für Leichte Sprache.

Das 2. Wörterbuch gibt es seit 2008.

(4) 2009 haben wir einen Preis für unsere Arbeit bekommen.

Der Preis ist vom Verein Deutsche Sprache.

Und von der Eberhard-Schöck-Stiftung.

Wir sind sehr stolz darauf, dass wir diesen Preis bekommen haben.

Der Preis zeigt:

(5) Wir kämpfen für eine gute Sache.

(4) Und wir haben Erfolg damit.

Seitdem ist viel passiert.

(6) Viele Büros und Vereine arbeiten mit der Leichten Sprache.

Viele Übersetzer und Übersetzerinnen und Prüfer und Prüferinnen machen Leichte Sprache nach unseren Ideen.

Wir übersetzen und prüfen Texte in Leichte Sprache.

Wenn Sie Texte in Leichter Sprache übersetzt haben wollen:

Dann schreiben Sie uns eine Nachricht.“

Die Geschichte der *Leichten Sprache* impliziert folgendes Narrativ:

(1) Es geht um Gerechtigkeit, Selbstbestimmung und Teilhabe;

(2) Schwere — regelgerechte — Sprache grenzt aus;

(3) Menschen mit Lernschwierigkeiten können etwas tun;

(4) Leichte Sprache ist erfolgreich;

(5) Dafür muss man kämpfen;

(6) Damit kann man Geld verdienen.

Dieses Narrativ weist entsprechende Merkmale einer sinnstiftenden Erzählung, die Werte und Emotionen eines definierten Kulturkreises vermitteln und von der Mehrheit legitimiert sind, auf.

Sprache entwickelt sich von unten — einen deutlichen Nachweis dieses Prozesses liefert das Online-Wörterbuch für Leichte Sprache *Hurraki*.⁵ Hierbei handelt es sich um ein offenes Projekt, welches in

⁵ www.hephephurra.de.

den Ländern der Europäischen Union Deutschland, Italien, Ungarn, Spanien sowie Großbritannien als Mitmachangebot eine Plattform für einen konstruktiven und kreativen Umgang mit verständlicher Sprache zur Verfügung stellt.

Hurraki ist ein Wörterbuch für *Leichte Sprache* und berichtet über sich:⁶

„Viele Menschen reden umständlich.

Nicht jeder versteht das.

Die Wörter bei Hurraki soll jeder verstehen können.

Niemand soll ausgegrenzt werden.

Alle haben ein Recht auf Information.

Hurraki ist kostenlos.

Hurrki ist für alle.

Jeder darf die Wörter lesen.

Jeder kann mitmachen.

Aktuell arbeiten 1.046 Leute mit.

Sie haben 4.416 Artikel geschrieben.“

Dem technisch interessierten Besucher der Webseite werden die Entwicklungsschritte dargelegt. Dort ist zu lesen:

„Viele Sachen sind dazu gekommen wie zum Beispiel, Systemtexte in Leichter Sprache, ein Suchplugin für Browser, eine Buchdruckfunktion, ein Blog, ein Leichte Sprache Plugin für Blogger, eine Leichte Sprache Bilderdatenbank, Leichte Sprache Apps, ein Leichte Sprache Spickzettel und vieles mehr.“⁷

Neben dem Wörterbuch gibt es Rubriken wie

- Der Bilderserver
- Das Tagebuch
- Werkzeuge
- Erwähnungen
- Mitmachen.

Da ein wesentliches Merkmal die Prüfung der Texte durch die Betroffenen selbst ist, Texte aber aus allen gesellschaftlichen Bereichen erstellt werden, dient die Rubrik „Werkzeuge“ unter anderem im „Language-Tool“ als Hilfs- beziehungsweise Lernmittel für rele-

⁶ Die folgende Darstellung der Zeilenaufteilung entspricht der der Seite.

⁷ www.hephephurra.de.

vante Studiengänge wie zum Beispiel der Heilpädagogik.

Im Bemühen um Akzeptanz und sichere Anwendung stellt sich die Frage, ob das Konzept der *Leichten Sprache* Pflicht oder Kür ist. Auf der Ebene der Europäischen Union wird seit dem 23.9.2020 per Verordnung⁸ vorgegeben, dass Internetseiten von Verwaltungen, auf allen Ebenen barrierefrei zugänglich sein müssen, darin eingeschlossen die Bereitstellung von Informationen in Leichter Sprache. Für den Leser stehen seine Bedürfnisse zur Verständlichkeit im Vordergrund. Dabei ist jedoch zu beachten, dass die Texte im behördlichen Kontext rechtsverbindlich sind.

In Deutschland liegen im Deutschen Institut für Normung e.V. — DIN⁹ (Deutsches Institut für Normung 2016) Empfehlungen für eine Norm für Leichte Sprache — die DIN SPEC¹⁰ 33429 vor.

Die Besonderheit einer DIN Spec liegt darin, dass sie als Vorstufe mit empfehlendem Charakter zu einer DIN-Norm fungiert, um schnell einen Standard zu schaffen, wo es noch keinen gibt und die SPEC perspektivisch in eine Norm umzuwandeln.

DIN SPEC Leichte Sprache stellt damit einen ersten Versuch dar, diverse Regeln für Leichte Sprache zu vereinheitlichen und ihre Anwendung verbindlicher zu machen unter Berücksichtigung sprachlicher Regeln, der Textgestaltung, der Wahl des Mediums — online oder Print, des Erstellungsprozesses von Leichte-Sprache-Texten, der Anforderungen an Textschaffende, Prüfer und Gestalter. Auf der Basis von Schwarmwissen vollzieht sich ein Einigungsprozess gemäß den Regeln der Rechtschreibung, Zeichensetzung und Grammatik der deutschen Sprache.

Was bedeutet diese Einigung?

Bisher enthalten Texte in Leichter Sprache wegen des Ausschlusses von Kommata oft einen Satzpunkt dort, wo eigentlich ein Komma stehen müsste, sodass alternativ die Punktsetzung erfolgte:

⁸ www.bundesfachstelle-barrierefreiheit.de. *EU-Verordnungen* gelten als Gesetz direkt in allen Mitglieds-Staaten.

⁹ DIN — Deutsches Institut für Normung e. V. (DIN), gegründet 1917, ist die unabhängige Plattform für Normung und Standardisierung in Deutschland; DIN arbeitet in den internationalen und europäischen Normengremien *ISO* mit.

¹⁰ SPEC — engl. ‘specification’.

Sie müssen zum Arzt. Weil Sie krank sind. Als einfache Lösung wird nun eine den Regeln entsprechende Satzbildung empfohlen, zum Beispiel: *Sie sind krank. Deshalb müssen Sie zum Arzt.*

Auch ein einfacher Genitiv mit einem -s am Ende des Nomens soll entgegen bisheriger Vorgaben erlaubt sein:¹¹ So darf nun *das Auto von Anna* auch als *Annas Auto* beschrieben werden; adäquat: *Kölns historische Straßen, Omas Katze*. Von anderen — umfangreichen — Genitivformulierungen wie *das Auto des Lehrers* wird weiterhin abgeraten.

Mit der *DIN SPEC Leichte Sprache* sind die Vorgaben nicht zwingend, sondern lassen Spielraum für individuelle Lösungen und sollen durch einen prozesshaften Ansatz zu einer höheren Qualität führen.¹²

Zusammenfassend bleibt festzustellen, dass das Konzept der *Leichten Sprache* infolge der Behindertenkonvention, der Vorgabe der Europäischen Union und den Empfehlungen für *Leichte Sprache* — mittels der DIN SPEC in Deutschland gemäß den Regeln der Rechtschreibung, Zeichensetzung und Grammatik der deutschen Sprache für die Zielgruppe der Menschen mit geistiger Behinderung beziehungsweise Lernschwierigkeiten eine systematische Entwicklung und Verbreitung erfährt.

International hat das Motto *Verständliche Texte für alle* durch die Internationale Organisation für Normung (ISO) zur Verabschiedung des ersten *Standards für Einfache Sprache* geführt, der vorrangig an Redakteure, Behördenmitarbeiter und Kommunikationsfachleute gerichtet ist. Damit folgt auch die Einfache Sprache — plain language — international abgestimmten Empfehlungen.

4. Werte und Emotionen: Das Recht auf Lesen und gesellschaftliche Teilhabe durch Einfache Sprache

Aber, der Reihe nach: Für die *Einfache Sprache* haben sich besonders gesetzgebende Institutionen sowie Verbände aus dem Bibliotheks- und Verlagswesen stark gemacht.

Auf der Grundlage des Rechts auf Lesen und gesellschaftlicher Teilhabe (Europäische Charta der Regional- oder Minderheitensprachen 1992) präsentierte die internationale Vereinigung bibliothe-

¹¹ www.leicht-ist-gut.de.

¹² *ibid.*

karischer Verbände und Einrichtungen (TRONBACKE 1999) Richtlinien für Easy-Reader-Material — einfach zu lesendes Material im Jahr 1999.

Die Internationale Organisation für Normung folgte 2024 mit der Ausarbeitung eines ersten Standards für Einfache Sprache mit Grundsätzen bezüglich

- *Relevanz*: Die Leser haben Zugang zu den erwünschten Informationen;
- *Auffindbarkeit*: Die Leser können die Informationen leicht finden;
- *Verständlichkeit*: Die Leser können die gefundenen Informationen leicht verstehen;
- *Anwendbarkeit*: Die Leser können die Informationen verarbeiten und einfach nutzen.

Des Weiteren sind im Standard Hinweise zur Textgestaltung auf verschiedenen Ebenen enthalten:

- *Textebene*: Empfehlungen zu Inhalt, Stil und Textstruktur;
- *Satzebene*: Regeln zur Satzlänge, Satzstruktur und Verwendung von Zeitformen;
- *Wortebene*: Hinweise zur Wortlänge und Verständlichkeit;
- *Gestaltung*: Typografische Hervorhebungen und Silbentrennung, Schriftart DIN.

Den Rahmen der Norm zeichnen:

- Grundprinzipien für die Einfache Sprache;
- Methoden und Techniken für ihre Anwendung;
- Eine Checkliste für den praktischen Einsatz.

Einfache Sprache richtet sich nicht nur an Menschen mit speziellen Bedürfnissen und findet Anwendung in den Bereichen Recht, Gesundheit, öffentliche Ordnung sowie in der Regierungs- und Unternehmenskommunikation. Auf diese Weise sollen wichtige Informationen und Entscheidungen effizienter vermittelt und breiter verstanden werden.¹³ Durch die breit gefasste Zielgruppe entwickelt sich ein neuer Markt mit spezifischen Angeboten auf modernem Niveau.

¹³ www.din-und-seine-partner/presse/mitteilungen.

Die Internetplattform WORTLIGA¹⁴ — Der KI-Text-Umschreiber mit menschlichem Stil bietet an, „auf den aktuellsten und schnellsten KI- und AI-¹⁵ Entwicklungen“, Texte verschiedener Richtungen, Sprachen oder Stilarten zielgruppenspezifisch umzuschreiben oder hinsichtlich der Verständlichkeit zu verbessern, darunter das Umformulieren in „*Einfache Sprache*“ oder „*Leichte Sprache*“. KI-Werkzeuge analysieren Texte im Ampelmodus — die Lesbarkeit, gekennzeichnet im Spektrum zwischen roter, gelber, grüner Farbe, also schwer bis leicht lesbar — und unterbreiten entsprechende Vorschläge zur Umschreibung.¹⁶

Auch im digitalen wie gedruckten Büchermarkt hat sich die *Einfache Sprache* inzwischen etabliert. Dem *Spaß-am-Lesen-Verlag*, Münster, sind Bücher in verständlicher Sprache für Erwachsene ein besonderes Anliegen. Internationale Verzweigungen des Verlages über Niederlassungen, Büros oder Kooperationsvereinbarungen existieren in den Niederlanden, Belgien, England und Spanien. Auf der Webseite www.einfachebuecher.de wird weiter ausgeführt:

Mit unseren einfachen Ausgaben möchten wir Menschen helfen, denen das Lesen schwerfällt. Gerade ihnen möchten wir Lesestoff an die Hand geben, der sie ermuntert das Lesen neu zu entdecken und dranzubleiben. Dazu wählen wir Bücher auf dem Buchmarkt aus, die bereits einen Namen haben: Bestseller, Literaturklassiker, preisgekrönte Romane und Bücher vielversprechender junger Autorinnen und Autoren. Unsere verlagseigenen Übersetzerinnen und Übersetzer schreiben die Bücher in *Einfache Sprache* um. Außerdem entstehen Eigenproduktionen in *Leichter oder Einfacher Sprache*. Das vielseitige Angebot eignet sich für privaten Gebrauch genauso zum Deutsch- und Lesenlernen in der Erwachsenenbildung oder das Lesen in der Gruppe.

Die das Geschäft mit dem Buchverkauf einrahmende Erzählung offeriert Hilfe: „*möchten wir Menschen helfen*“, Motivation: „*ermuntert das Lesen neu zu entdecken*“, Teilhabe auf hohem Niveau: „*Bücher... die bereits einen Namen haben*“ oder die Zugehörigkeit zu einem breiten Leserkreis:

¹⁴ www.wortliga.de.

¹⁵ KI — Künstliche Intelligenz (deutsch), AI — Artificial Intelligence (englisch), inhaltlich kein Unterschied.

¹⁶ www.wortliga.de/glossar/sprachniveau.

„im privaten Gebrauch ... in der Erwachsenenbildung oder... in der Gruppe“.

Medial zogen inzwischen auch Rundfunk und Fernsehen nach.

Infolge der Level-One-Studie und unter Bezug auf die UN-Behindertenrechtskonvention, Menschen ohne Unterschied eine unabhängige Lebensführung und Teilhabe in allen Lebensbereichen zu ermöglichen, startete der öffentlich-rechtliche Radiosender Deutschlandfunk zunächst im Jahr 2013 für *Menschen mit Demenz und Schlaganfallpatienten ein Nachrichtenprogramm mit überraschendem Zuspruch durch die Zielgruppe und Angehörigen*. Seit 2017 geht jeweils freitags einen Wochenrückblick unter dem Titel „nachrichtenleicht“ das Wichtigste in „Einfacher Sprache“ auf Sendung. Zuhörer sind nunmehr Menschen mit geringen Deutsch-Kenntnissen, mit Leseschwäche, mit Verständnisschwierigkeiten und geringem Wortschatz, Menschen mit Demenz, Patienten, die einen Schlaganfall erlitten hatten, aber auch Kinder und Jugendliche sowie Lehrer, zur Verwendung als Unterrichtsmaterial.

Das Konzept wurde als „Inbegriff von Herablassung“ kritisiert, da „komplizierte Dinge nicht einfach, sondern dumm“ seien, wo sich die Akteure jedoch deutlich missverstanden fühlen.¹⁷

Infolge der LEO-Studie 2018 (s. o.) und des Auftrages des öffentlich-rechtlichen Rundfunks, allen Menschen ein Informationsangebot zu unterbreiten, startete die Nachrichtensendung „Die Tagesschau“ im Sommer 2024 ihr deutschlandweites Angebot. Nachrichten in *Einfacher Sprache* richten sich vor allem an Menschen, für die komplexere Sachverhalte eine Herausforderung sind, zum Beispiel, weil sie Schwierigkeiten beim Lernen oder eine schwere Krankheit hinter sich haben. Die Sendung ist auch da für Menschen mit geringen Deutschkenntnissen „aber auch für die, die sich zum Beispiel nach einem anstrengenden Arbeitstag kurz und einfach informieren wollen“, so der erste Chefredakteur, Marcus Bornheim.¹⁸ Wegen der stark vereinfachten Sprache in einem Zeitrahmen von ca. zehn Minuten wurde zunächst viel Kritik geübt, die jedoch dem Anliegen keinen Abbruch tat. Damit schließt sich die Lücke in der medialen Informationsbereitstellung.

¹⁷ www.deutschlandfunk.de.

¹⁸ www.tagesschau.de.

5. Schlussbetrachtung

Das analysierte Material erlaubt zusammenfassend, dass die Konzepte der Leichten und Einfachen Sprache auf der Grundlage internationaler und nationaler Konsensfindungen, Standardisierungen analog und digital etabliert sind, begleitet von gesellschaftlich erwünschten Narrativen.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- BAMF. (2015) *Konzept für einen bundesweiten Alphabetisierungskurs*, Kapitel III, Überarbeitete Neuauflage, Mai 2015, Herausgeber Bundesamt für Migration und Flüchtlinge (BAMF), Referat Fragen der sprachlichen und politischen Bildung.
- BMBF. (2016) *Grundsatzpapier zur Nationalen Dekade für Alphabetisierung und Grundbildung 2016-2026. Den funktionalen Analphabetismus in Deutschland verringern und das Grundbildungsniveau erhöhen*. Bundesministerium für Bildung und Forschung (BMBF), Kultusministerkonferenz (Herausgeber). Stand: 11/2016. <https://www.bmbf.de/files/16-09-07%20Dekadepapier.pdf>.
- Bösch, Valerie; Jellasitz, Robert & Schweighofer, Johannes. (2014) Ein unerhörter Weckruf für Österreich! *Wirtschaft und Gesellschaft*, 40. Jahrgang, Heft 1, 83—120.
- DIN — Deutsches Institut für Normung e. V. (2016) Was ist eine DIN SPEC. *DIN kurz erklärt*, Heft 94622.
- Dutz, Gregor; Heilmann, Lisanne & Stammer, Christopher. (2019) *LEO 2018 — Leben mit geringer Literalität*. Pressebroschüre, Hamburg.
- Dutz, Gregor; Heilmann Lisanne & Stammer, Christopher. (2020) *LEO 2018 — Leben mit geringer Literalität*. wbv Media GmbH & Co. KG, Bielefeld S. 28 ISBN (Print): 978-3-7639-6071-2. doi: 10.3278/6004740w
- Grotluschen, Anke & Riekman, Wibke. (2012) *Funktionaler Analphabetismus in Deutschland*. Ergebnisse der ersten leo.-Level-One-Studie, Münster.
- Grotluschen, Anke & Buddeberg, Klaus. (2019) *LEO 2018 — Leben mit geringer Literalität*. Pressebroschüre, Hamburg, 4 f.
- Lachhein, Barbara & Averkina, Larisa. (2020) *Leichte Sprache und Einfache Sprache im Deutschen der Gegenwart*. In: Ivanov, Andrey V. (ed.) Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов (= Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 17. Moscow: Flinta, 70—80.
- Schneider, Manfred. (2017) Gedankenlos und antiintellektuell. Das närrische Narrativ. *Neue Zürcher Zeitung*, 08.5.2017.

- Schroeder, Wolfgang. (2016) Für aufgeklärten Fortschritt — gegen pessimistische Niedergangsszenarien. *Berliner Republik — Das Debattenmagazin*. Verlag Berliner vorwärts. Verlagsgesellschaft mbH 2/2016.
- Seibel, Wolfgang. (2009) *Hegemoniale Semantiken und radikale Gegenarrative*. Exzellenzcluster. Universität Konstanz, Beitrag zum Arbeitsgespräch des Kulturwissenschaftlichen Kollegs. Retrieved from <https://www.exc16.uni-konstanz.de/fileadmin/all/downloads/veranstaltungen2009/Seibel-Heg-Semantiken-090122.pdf>.

Интернет-источники / Internet-Quellen / Online-References

- ARD-Mediathek Tagesschau in einfacher Sprache. Retrieved from <https://www.tagesschau.de/inland/tagesschau-start-in-einfacher-sprache-100.html> (30.10.2024).
- Bönisch, Markus & Reif, Manuel. (2014) Niedrige Lesekompetenz in Österreich. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/338711387_Niedrige_Lesekompetenz_in_Osterreich (30.09.2024).
- Bundesfachstelle Barrierefreiheit. Retrieved from <https://www.bundesfachstelle-barrierefreiheit.de/DE/Presse-und-Service/Newsletter/Ausgabe-1-18/leichte-sprache-eu-website-richtlinie.html> (08.07.2024).
- Deutschlandfunk Nachrichten in einfacher Sprache. Retrieved from <https://www.deutschlandfunk.de/gesellschaft-nachrichten-in-einfacher-sprache-sind-ein-100.html> and http://www.deutschlandfunk.de/neues-nachrichten-angebot-im-deutschlandfunk-niemanden-von.694.de.html?dram:article_id=372921 (30.10.2024).
- DIN und seine Partner. Retrieved from <https://www.din.de/de/din-und-seine-partner/presse/mitteilungen/verstaendliche-texte-fuer-alle-isoveroeffentlicht-erste-norm-fuer-einfache-sprache-919328> (26.10.2024).
- DIN-SPEC Leichte Sprache. Retrieved from <https://leicht-ist-gut.de/die-din-spec-leichte-sprache-33429> (26.10.2024).
- Einfache Sprache KI-Übersetzer — Plain. Retrieved from <https://wortliga.de/plain> (24.10.2024).
- Europäische Charta der Regional- oder Minderheiten-Sprachen, 25. Juni 1992. Retrieved from <https://www.ifla.org/history> (30.09.2024).
- Hep Hep Hurra. Retrieved from <https://hephephurra.de/card/projekte/leichte-sprache> (15.09.2024).
- Hurraki. Retrieved from <https://hurraki.de/wiki/Hauptseite> (11.09.2024).
- Mensch zuerst. Retrieved from <https://www.menschzuerst.de/leichte-sprache> (10.09.2024).
- Netzwerk People First Deutschland e.V. Retrieved from <https://www.menschzuerst.de> (10.09.2024).

Tronbacke, Bror. (1999) Richtlinien für Easy-Reader Material. Retrieved from <http://archive.ifa.org/VII/s9/nd1/iflapr-57g.pdf> (08.07.2024).
Wortliga Glossar. Retrieved from <https://wortliga.de/glossar/sprachniveau> (24.10.2024).
Wortliga. Retrieved from <https://wortliga.de> (24.10.2024).

Barbara Lachhein
Society for German-Russian Dialogue

Larisa A. Averkina
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Linguistic Diversity of the German Narrative in Easy Language and Plain Language

According to recent studies, around 17 million people between the ages of 18 and 64 in Germany may struggle to read texts and understand complex content. The reasons for this include insufficient educational opportunities, problems with hearing, reading and learning or cognitive impairments due to illness. As a result, the use of the concepts of *Easy* and *Plain languages* has recently experienced a significant increase in public awareness. Although both language varieties have their specific characteristics, they are often used synonymously in everyday speech. However, their differences must be taken into account due to the added linguistic diversity of German. *Easy Language* was developed in Germany as a result of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities (Article 9) for and with people with intellectual disabilities or learning difficulties. It corresponds to language level A1, taking into account language and orthographic rules as well as recommendations on typography and media use. *Plain language* has its origins in a readers' charter adopted at international level with the right to read as a prerequisite for participation in society, which resulted in agreements on easy-to-read content. Illiteracy, which must be recognised seriously in Germany, is seen as the impetus for the scientific focus. The target groups of less literate adults, older people and migrants are offered language levels A2 to B1. Both concepts have undergone further development, standardisation, digitalisation and diversification in politics, the church, media and business through theory and practice. While *Easy Language content* is discussed in terms of its comprehensibility by reviewers from the target group, a new professional group appears in the category of translators into *Plain language*. This paper is based on an analysis of literary sources and illustrates this new linguistic diversity of the

German narrative using examples from different areas in terms of structure, morphology, syntax and stylistics.

Keywords: Easy language; Plain language; Easy Language Research Centre; DIN SPEC 33429; AI translator; News

Б. Лаххайн

Общество германо-российских встреч Эссен

Л. А. Аверкина

Нижегородский государственный лингвистический университет

Языковая полифония немецкоязычного нарратива в Легком языке и Простом языке

Согласно современным исследованиям, в Германии около 17 млн человек в возрасте от 18 до 64 лет имеют проблемы с чтением текстов и пониманием их содержания. Причинами являются низкие шансы получения образования, проблемы со слухом, зрением, способностью обучаться или умственные заболевания, связанные с когнитивным развитием. В связи с этим концепты *Легкий язык* и *Простой язык* в последнее время находят в обществе все более широкое распространение и применение. И хотя каждый из вариантов языка имеет свою специфику, в повседневной жизни они зачастую используются в одинаковом значении. Их разграничение, однако, заслуживает отдельного внимания, так как речь идет об языковом многообразии современного немецкого языка. *Легкий немецкий* был создан для людей с ограниченными возможностями и при их непосредственном участии на основе решения конвенции Генеральной Ассамблеи ООН о правах инвалидов. Он соответствует языковому уровню A1, учитывая правила устной и письменной речи, а также оформление текстов с возможностью использования их в коммуникации. *Простой немецкий* основан на международной Хартии Читателей, определяющей право на чтение как предпосылку для участия в общественной жизни, из чего следует умение пользоваться простыми, легко читаемыми текстами. Большие масштабы безграмотности, имеющие место в современной Германии, требуют научного исследования этого вопроса. Целевая группа, использующая *Простой немецкий* (взрослые с ограниченным уровнем образованности, пожилые люди и эмигранты), должна получить знания на языковом уровне A2 — B1. Оба концепта требуют дальнейшего теоретического и практического исследования, стандартизации, цифровизации, разграничения в использовании их во всех сферах

общественной жизни — в политике, религии, СМИ, экономике. В то время как тестирование на предмет того, насколько понятны адаптированные тексты на *Легком немецком*, определяется представителями самой целевой группы, для перевода текстов на *Простой немецкий* потребуются специалисты; в результате возникает новая профессия специального переводчика. В докладе рассматривается новое языковое многообразие немецких нарративов на конкретных примерах из различных областей и сфер общественной жизни, с точки зрения структуры предложения, морфологии, синтаксиса, стилистики.

Ключевые слова: легкий язык; простой язык; центр исследования легкого языка; трудно обучаемые люди; взрослые с ограниченным уровнем образованности; стандарт DIN SPEC 33429; переводчик-искусственный интеллект; новости

Для цитирования:

Lachhein B., Averkina L. A. Sprachliche Vielfalt des Deutschen Narrativs in Leichter Sprache und Einfacher Sprache (Языковая полифония немецкоязычного нарратива в Легком языке и Простом языке) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 212—230.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-212-230.

To cite this Article:

Lachhein, Barbara & Averkina, Larisa A. (2025) Sprachliche Vielfalt des Deutschen Narrativs in Leichter Sprache und Einfacher Sprache (Linguistic Diversity of the German Narrative in Easy Language and Plain Language). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 212—230. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-212-230.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025; принята к публикации 10.05.2025

The article was submitted 09.04.2025; accepted for publication 10.05.2025

Н. Д. Матарыкина

Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ
МОЛОДЕЖНОМ МЕДИЙНОМ НАРРАТИВЕ**
(на материале заголовков статей проекта «Jugend schreibt»
газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung»)

Нарратив как некое множество высказываний на определенную тему, содержащее мировоззренческую установку, является средством осмысления действительности и подразумевает ее субъективную интерпретацию. В медийном нарративе позиция автора отражает взгляды той или иной социальной группы, систему координат издания и реализуется с помощью оценочных маркеров, которые заложены в художественных приемах, используемых в процессе языкового оформления текста. Благодаря этим приемам медийные тексты способны приобретать свойство литературности, а с ним — эстетический потенциал, и воздействовать на аудиторию. Зачастую та или иная мировоззренческая установка в сжатом виде присутствует в заголовке, что делает их изучение актуальным. В статье представлены результаты анализа заголовков статей проекта «Jugend schreibt» газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Авторы статей, являясь представителями социальной группы «молодежь (ученики гимназий)», пишут статьи о значимых для них событиях общественной жизни (напр., посещение национального парка). При этом они транслируют ценности своей социальной группы (напр., природа и экология), которые декларируются в лаконичной форме заголовка («Wo Buchen ihresgleichen suchen»). Заложенный в нем художественный прием (персонификация), содержит маркер оценки (в данном случае, положительной, так как персонификация возвышает природу, подчеркивает ее взаимосвязь с человеком). Предпочтение, отдаваемое образной фразеологической лексике, ремотивация и модификация фразеологизмов, использование крылатых выражений, актуализирующих интертекстуальные связи, являются средствами приращения смысла, где часто повторяющимися мотивами подтекста выступают, с одной стороны, непохожесть на других, уникальность, необычность, своеобразие, а с другой — ощущение причастности к той или иной социальной группе, профессии, культуре, и обогащающими прочитанное дополнительными коннотациями.

Ключевые слова: медийный нарратив; художественный прием; оценочный маркер; заголовок

Введение

Сопоставляя различные определения нарратива, можно обратить внимание на такую его важную функцию, как осмысление действительности: люди прибегают к нарративу как средству «придания смысла или осмысления действительности» (ШЕЙГАЛ 2007: 87), «представления действительности в речи» (КИРИЛЛОВ 2007: 8), когда осуществляется ее субъективная интерпретация.

А. Г. Кириллов отмечает, что важную роль в построении текстов политического нарратива, который он исследует на материале современной англоязычной прессы, играет их композиция, имеющая четырехчастную структуру и включающая заголовок, вводную часть, основную часть и заключение. Заголовок, наряду с другими сильными позициями текста, несет на себе «основную коммуникативную нагрузку, концентрируя смысловые акценты статьи, а также привлекая внимание читателей» (ibid.: 11).

В статье рассматривается молодежный медийный нарратив о значимых для молодежи событиях общественной жизни. Материалом исследования послужили заголовки статей проекта «Jugend schreibt» газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (FAZ) (раздел «Gesellschaft»).

Оценочные маркеры, заложенные в используемых в заголовках художественных приемах, отражают позицию не только авторов статей, но и социальной группы «молодежь — ученики гимназии», раскрывают их мировоззренческие установки.

1. Субъективная «опосредованность» нарратива и оценочность

Осмысление действительности осуществляется «сквозь призму мировидения» «некой повествовательной инстанции», через которую преломляются все изображаемые события. Это качество нарратива А. И. Милостивая называет «опосредованностью» (МИЛОСТИВАЯ 2015: 147). По словам Шейгал, нарратив — это своеобразное окно в индивидуальный человеческий опыт,

взгляд на мир глазами автора-рассказчика (ШЕЙГАЛ 2007: 87). При этом роль рассказчика, транслятора, «человека у микрофона», возрастает в современном информационном обществе («обществе знания»), где властвуют медиакommunikации. «Говорящий субъект» выступает «держателем нарративных кодов, тематизирует и упаковывает события, тем самым финализируя их» (КАСАВИН 2009: 554). Соответственно, анализ позиции говорящего / пишущего важен для интерпретации смысла текста (ПОПОВА 2019: 46).

И. С. Алексеева, характеризуя многообразие газетно-журнальных текстов, выделяет среди них аналитическую публицистику (эссе), где основную роль играют не сами сведения, а суждения о них и форма их подачи (АЛЕКСЕЕВА 2006: 275). Это замечание созвучно с качеством опосредованности нарратива, упомянутым выше. В аналитической публицистике позиция автора является отражением взглядов более широкой социальной или политической группы, которые автором разделяются («Parteilichkeit der Presse»). Формально авторство таких текстов указано, но, как правило, автор представляет позицию редакции, которая может совпадать с позицией какой-либо политической партии или быть достаточно независимой. При этом, в силу «клишированности средств языкового выражения», «читатель находит в тексте комбинацию заранее известных оценок», что «облегчает понимание суммарной оценки события, которую дает корреспондент» (АЛЕКСЕЕВА 2006: 276–277).

Думается, что именно суммарная оценка личности, идеологии либо события¹ является одной из важных задач медийного нарратива.

2. Роль заголовков в медийном нарративе

Обладая свойством объяснительности, нарратив в какой-то степени упрощает реальность, «укладывая» факты в краткие емкие формулировки, что позволяет ему быть «инструментом воздействия» (ШЕЙГАЛ 2007: 87–91). Шейгал определяет нарратив, в отличие от повествования, как текст лозунгового типа. «Нар-

¹ Ср. личностный, идеологический, событийный нарратив (ШЕЙГАЛ 2007).

ратив объединяет с лозунгом лапидарность: это не полноценный развернутый текст, а такой же мини-текст, как лозунг, как правило, заключенный в рамки одного предложения, максимум, абзаца». Это может быть заголовок, содержащий сжатую формулировку сюжета, со структурой полного предложения, или с номинативной структурой (ibid.: 88). Есть и другое понимание нарратива как некоего множества высказываний на определенную тему, содержащего мировоззренческую установку.

Следовательно, в заголовках находит отражение оценочный (аспект интерпретации с определенной точки зрения) и художественно-эстетический потенциал медийного нарратива.

Как известно, заголовки относятся к так называемым «семантическим доминантам» (или «содержательным доминантам»²) текста, т. е. важные для смысла компоненты помещаются «на такое место в тексте, где они психологически особенно заметны» (ГОНЧАРОВА & ШИШКИНА 2005: 90–91). Н. А. Богатырева и Л. А. Ноздрина пишут о заголовке: «Er ist der Inhalt des Textes, in zwei-drei Wörtern zusammengefasst» (БОГАТЫРЕВА & НОЗДРИНА 2005: 193).

При выборе заголовка взаимодействуют различные аспекты — семиотический, семантический, прагматический, синтаксический и стилистический: «Bei der Titelgebung wirken semiotische, semantische und pragmatische, dazu noch syntaktische und stilistische Aspekte zusammen» (ibid.).

К средствам, которые часто используются в художественной и публицистической литературе, чтобы придать заголовкам действенную силу, можно отнести употребление многозначного слова, нарушение семантической конгруэнтности, использование эмоционально-окрашенных элементов, использование синсемантических слов, вызывающих ощущение незаконченности мысли и ожидание ее продолжения, включение иностранного слова, использование авторского окказионализма (ibid.: 196).

Газетные заголовки могут иметь сложную структуру и состоять из собственно заголовка, который вызывает интерес читательской аудитории, и подзаголовка, выполняющего инфор-

²«die inhaltliche Dominante» (БОГАТЫРЕВА & НОЗДРИНА 2005).

мативную функцию: «In der Zeitung erscheinen dabei auch Mehrfachtitel, von denen die Schlagzeile (oder *head-line*) oft das Publikumsinteresse weckt, während der Vortitel und Untertitel differenzierter informieren» (ibid.: 197).

Шейгал, ссылаясь на И. И. Сандомирскую, упоминает о нарративном ожидании или «предчувствии сюжета», заложенном в имени (номинации) (ШЕЙГАЛ 2007: 89).

Материалом исследования, результаты которого нашли отражение в данной статье, послужили около 230 заголовков, размещенных за последние два года на десяти страницах сайта FAZ в разделе «Gesellschaft. Jugend schreibt». Межрегиональный образовательный проект для учащихся старших классов гимназии существует с середины 1980-х гг. В рамках проекта участники осваивают основы журналистики, а лучшие статьи еженедельно публикуются.

На сайте каждый заголовок, выделенный жирным шрифтом и написанный более крупным кеглем, сопровождается располагающимся выше подзаголовком с указанием общей темы, краткой аннотацией статьи и, в большинстве случаев, графической или фотографической иллюстрацией, отражающей тему и помогающей понять смысл заголовка, если в нем содержится языковая игра. Если читатель проявит интерес, он может ознакомиться с полным текстом статьи, перейдя по ссылке и оформив доступ на платной основе, в связи с чем можно заметить, что заголовки выполняют также рекламную функцию.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Ценностные ориентиры современных немецких старшеклассников и тематика статей раздела «Jugend schreibt»

Как отмечает Т. И. Попова, нарративный анализ предполагает включение в исследование параметра точки зрения — героя, повествователя, автора, проявляющейся в словах, которые становятся маркером ценностных координат и приобретают оценочные коннотации (ПОПОВА 2019: 48).

Если предположить, что ученики старших классов гимназии, публикующие статьи, являются выразителями взглядов своего поколения, то необходимо выяснить, какие ценности имеет немецкая молодежь. Статистика за 2023 г. приводит сле-

дующие данные для группы молодежи в возрасте 16–23 лет.

Наибольшую значимость имеет дружба, тесные взаимоотношения с другими людьми (90% опрошенных). Приятное времяпровождение, наслаждение жизнью важны для 80,3% опрошенных. Третье место отводится семейным ценностям (71,4%). Далее следуют в порядке убывания: независимость (70,8%), счастливые партнерские отношения (63,4%), профессиональный успех (62%), сильные впечатления, приключения (61,3%), разнообразие в жизни, новый опыт (58,3%), получение новых знаний (55,7%), социальная справедливость (54,6%), возможность увидеть мир, знакомство с другими странами и культурами (53,1%), высокий доход, материальное благополучие (49,4%), помощь другим людям (48,6%), продвижение по социальной лестнице (38,7%), возможность иметь детей (35,3%), большие достижения (31,9%), близость к природе (31%), поиск смысла жизни (20,9%), религия (15,1%). На последнем месте по значимости оказалось активное участие в политической жизни (10,6%).³

Судя по тематике публикуемых молодежью статей, чаще всего в фокусе внимания оказываются вопросы, соответствующие среднему сегменту этой статистики (то, что получило от 30% до 70% голосов): профессии, достижения в профессиональной сфере; школьная жизнь, продолжение обучения; научные открытия; охрана окружающей среды; экологические проблемы; животные; экологичное сельское хозяйство; здоровье, здоровый образ жизни; культура Германии внутри страны и за ее пределами; мировая художественная культура и литература; популярная культура; путешествия и туризм; спорт, необычные виды спорта; инклюзия; социальная адаптация и интеграция мигрантов; взаимоотношения в семье; связь поколений; социальная справедливость (поддержка социально незащищенных лиц, волонтерство, взаимопомощь в обществе); философия и религия.

При этом можно заметить, что данные статистики и тематическая наполненность раздела совпадают лишь частично.

³ По данным статистики «Was halten die 16- bis 26-Jährigen persönlich im Leben für besonders wichtig und erstrebenswert?», опубликованной на сайте www.statista.com.

3.2. Художественные приемы в заголовках как средство экспликации маркеров оценки

Что же оказывается в заголовках данного раздела газеты «FAZ», по словам Поповой, «основой приращения коннотативных смыслов» (ПОПОВА 2019: 49)?

Обращает на себя внимание то, что в них активно используются средства языковой выразительности. Одним из излюбленных художественных приемов является *ремотивация фразеологизмов*. Фразеологические единства, значение которых мотивировано метафорическим переносом, используются в буквальном смысле. Причем, если фразеологизм содержится в заголовке, то его расшифровка — в подзаголовке и аннотации статьи. Так, в статье «Alle tanzen aus der Reihe» (16.06.2024) речь идет о карнавальной процессии в Сан Паоло, во время которой соревнуются разные школы самбы. Внутренняя форма фразеологизма *aus der Reihe tanzen* (разг.) ‘не идти в ногу, идти вразрез с мнением большинства, идти собственным путем’ подвергается ремотивации, при этом сохраняется семантика своеобразия, необычности, уникальности.

Подобным образом используется фразеологизм в заголовке «Es ist nicht immer dieselbe Leier» (20.05.2024) о международном празднике шарманщиков в Берлине. Переносное значение фразеологизма *dieselbe Leier* (фам.) ‘вечно одно и то же, старая песня’, будучи наложенным на его буквальный смысл, в сочетании с отрицанием выражает идею разнообразия, которое привносит в жизнь города данное событие.

Некоторые фразеологизмы в заголовках подвергаются *модификации*, когда за счет использования омонимов возникает двойной смысл. В статье о молодой швабской женщине-пекаре «Mit Laib und Seele» (19.11.2023) обыгрываются фразеологизм *mit Leib und Seele* ‘всей душой’ и созвучное *Laib* ‘буханка, каравай’, что указывает на род занятий девушки и на то, что она предана своей профессии.

Среди фразеологизмов в заголовках встречаются *крылатые слова*.

Фраза *Ich bin ein Berliner* принадлежит Джону Кеннеди, посетившему в 1963 г. разделенный Берлин после возведения Берлинской стены:

Der stolzeste Satz, den man heute in der freien Welt sagen kann, heißt: „Ich bin ein Berliner“... Deshalb bin ich als freier Mensch stolz darauf, sagen zu dürfen: „Ich bin ein Berliner“ (DUDEN 2008: 257).

В словаре *Duden. Zitate und Aussprüche* (2008) можно прочитать, что данную фразу цитируют те, кто, не будучи уроженцами Берлина, чувствуют свою связь с городом и его судьбой. Читатель статьи с данным крылатым выражением в заголовке «Ich bin ein Berliner» (03.09.2024) с удивлением узнает, что речь идет о выпечке с соответствующим названием, которая продается на пляжах Португалии. Представляется, что в данном случае заголовок, обыгрывая омонимию, выполняет интригующую, в известной мере провоцирующую функцию, обращен к фоновым знаниям и не оправдывает ожиданий читателя. Вместе с тем аллюзия на первоисточник позволяет актуализировать семантику причастности иностранцев к немецкой культуре.

Другой заголовок статьи о выращивающем пионы (Pfingstrosen) садовом «Eine Rose ist keine Rose ist keine Rose» (22.09.2024) модифицирует крылатое выражение, автором которого является американская писательница Гертруда Стайн: «Rose is a rose is a rose is a rose». Эта фраза показательна для авторского индивидуального стиля прозы Стайн, где

интерес к технике потока сознания сочетается со структурной фрагментарностью, повторами одних и тех же фраз с небольшими изменениями в стремлении передать непрерывность длящегося времени (ОСОВСКИЙ: URL).

В *Duden. Zitate und Aussprüche* по поводу употребления вышеупомянутого выражения отмечено, что существительное «роза» может заменяться любым другим, чтобы подчеркнуть, что что-то является полной копией самого себя. В рассматриваемом заголовке сохраняется принцип повтора и само повторяемое слово Rose, что позволяет узнать исходный фразеологизм, однако отрицание keine передает идею непохожести и уникальности.

В некоторых примерах имеет место *персонификация*.

В заголовке статьи «Die Berge kriegen jeden klein» (21.01.2024) о горных походах в швейцарском кантоне Валис выражение jmdn. kleinkriegen (разг.) ‘одерживать верх над кем-л., одолеть кого-л., сломить чье-л. сопротивление’, подкрепляемое

фразой «Dort ist alles knapp — nur nicht Zeit und Himmel» из аннотации, создает впечатление захватывающей дух красоты природы, высоты и величия гор.

Подобное единение с природой передает и заголовок с персонификацией «Wo Buchen ihresgleichen suchen» (21.01.2024) о национальном парке Ясмунд на северо-востоке острова Рюген, подкрепляемое словами «Romantik pur» из аннотации статьи.

В заголовках можно также обнаружить оценочные или эмоционально-окрашенные *эпитеты*.

Эпитеты в заголовке статьи «Einzigartig, weil andersartig» (08.09.2024) коррелируют со словами internationaler Erfolg, autistischer Hauptdarsteller в аннотации статьи «Der Spielfilm... hat internationalen Erfolg — auch wegen des autistischen Hauptdarstellers», а положительная оценочность слова einzigartig распространяется на изначально нейтральное andersartig, передавая в совокупности идею успешной инклюзии, когда непохожесть на других становится залогом уникальности и, как следствие, международного признания.

Заголовок «Secondhand ist dufte» (12.03.2023) о сети комиссионных магазинов одежды в Португалии содержит прилагательное dufte ‘замечательный, исключительный, отличный’ из берлинского диалекта. Словарь DWDS относит его к устаревающей лексике. Выбор данного диалектизма среди прилагательных, выражающих положительную оценку, поначалу кажется странным по отношению к реалиям другой страны. Впрочем, в аннотации статьи можно прочесть: «Die Kunden der Humana-Läden in Portugal lieben Recycling und überraschende Funde. ... allerdings stört manche der Geruch der Kleider». Отсюда можно предположить, что автор статьи прибегает к игре слов (dufte — duften — Duft), убеждая читателя в том, что несмотря на некоторые минусы, такие как неприятный запах, польза вторичного использования ресурсов для окружающей среды делает данное начинание замечательным (dufte).

4. Заключение

Таким образом, ученики гимназий, публикующие статьи о событиях общественной жизни, как представители своего поколения в целом являются выразителями его идей и ценностей, ес-

ли сравнивать данные социологических опросов и тематику, вызывающую интерес авторов, поскольку нарратив является формой познания и репрезентации реальности. Стремясь к индивидуальности, молодые люди ищут способы самовыражения в языке, используя различные художественные приемы, среди которых наиболее выделяется предпочтение, отдаваемое образной фразеологической лексикой, подвергающейся ремотивации и модификации, использование крылатых выражений, формирующих интертекстуальные связи в сознании реципиентов. Все это обогащает смысл прочитанного дополнительными оценочными коннотациями. Медийный нарратив социальной тематики раскрывает склонность начинающих журналистов к интеллектуальной образности, подразумевающей наличие достаточно широкого общего и лингвистического кругозора. Часто повторяющимися мотивами возникающих подтекстов в молодежном медийном нарративе является непохожесть на других, уникальность, необычность, своеобразие, а также причастность к той или иной социальной группе, профессии, культуре, ощущение себя частью природы, за состояние которой люди несут ответственность. Следует также учитывать, что, давая оценку тем или иным событиям и явлениям общественной жизни, будущие журналисты выражают не только свою собственную точку зрения, но и позицию газеты, в которой они публикуются. FAZ — немецкая либерально-консервативная межрегиональная газета. В системе координат либерально-консервативной идеологии личность, обладая собственными правами и свободами, рассматривается как часть общества, интересы которого являются для нее приоритетом, что соответствует двум вышеупомянутым мотивам уникальности и причастности. В связи с этим можно также вспомнить о двух основных функциях молодежного словоупотребления, которыми являются обособление от посторонних и идентификация со своей социально-возрастной группой единомышленников.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Алексеева И.С. Письменный перевод. Немецкий язык. СПб.: Союз, 2006. [Alekseyeva, Irina S. (2006) *Pis'mennyy perevod: Nemetskiy yazyk* (Written Translation. German Language). Saint Petersburg: Soyuz. (In Russian)].

- Богатырева Н. А., Ноздрина Л. А. Стилистика современного немецкого языка. М.: Академия, 2005. [Bogatyreva, Nina A. & Nozdrina, Lyudmila A. (2005) *Stilistika sovremennogo nemetskogo yazyka* (Stylistics of the Modern German Language). Moscow: Academiya. (In German)].
- Гончарова Е. А., Шишкина И. П. Интерпретация текста. Немецкий язык. М.: Высшая школа, 2005. [Goncharova, Yevgeniya A. & Shishkina, Inna P. (2005) *Interpretatsiya teksta. Nemetskiy yazyk* (Interpretation of the Text. German). Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russian)].
- Касавин И. Т. Нарратив // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / ред. И. Т. Касавин. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. С. 554. [Kasavin, Ilya T. (2009) *Narrativ* (Narrative). In: Kasavin, Ilya T. (ed.) *Entsyklopediya epistemologii i filosofii nauki* (Encyclopaedia of Epistemology and Philosophy of Science). Moscow: Canon+: ROOI «Rehabilitation», 554. (In Russian)].
- Кириллов А. Г. Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2007. [Kirillov, Andrey G. (2007) *Politicheskiy narrativ: struktura i pragmatika (na materiale sovremennoy angloyazychnoy pressy)* (Political Narrative: Structure and Pragmatics (based on the Modern English-Language Press)). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Samara: Samara State Pedagogical University. (In Russian)].
- Милостивая А. И. К вопросу о делимитации понятий «текст», «дискурс» и «нарратив» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 146—149. [Milostivaya, Aleksandra I. (2015) *K voprosu o delimitatsii ponyatiy "tekst", "diskurs" i "narrativ"* (On the Issue of Delimitation of the Notions "Text", "Discourse" and "Narrative"). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Questions of Theory and Practice), 5 (47), vol. 1, 146—149. (In Russian)].
- Осовский О. Е. Стайн Гертруда [Электронный ресурс] // Большая Российская Энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4162370>. [Osovskiy, Oleg E. Stain Gertruda (Stein Gertrude). In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* (The Big Russian Encyclopedia). Retrieved from <https://old.bigenc.ru/literature/text/4162370>. (In Russian)].
- Попова Т. И. Нарратив и повествование: соотношение понятий // Вестник Бурятского гос. ун-та. Серия: язык. Литература. Куль-

- тура. 2019. № 2. С. 46—50. [Popova, Tatyana I. (2019) Narrativ i povestvovaniye: sootnosheniye ponyatiy (Narrative and Recital: the Relationship between the Concepts). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*. (Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture), 2, 46—50. (In Russian)].
- Шейгал Е. И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 86—93. [Sheigal, Yelena I. (2007) Mnogolikiy narrativ (The Multifaceted Narrative). *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics), 2 (22), 86—93. (In Russian)].
- Duden. Zitate und Aussprüche. Mannheim: Dudenverlag, 2008.
- DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from <https://www.dwds.de>.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- FAZ — Frankfurter Allgemeine Zeitung. Retrieved from <https://www.faz.net/aktuell/gesellschaft/jugend-schreibt/jugend-schreibt>.

Natalia D. Matarykina

P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy Lipetsk State Pedagogical University

**Artistic Techniques in the German-Speaking Youth Media Narrative
(based on the Headlines of the “Jugend Schreibt” Project Articles
of the “Frankfurter Allgemeine Zeitung”)**

A narrative as a set of statements on a certain topic, containing a worldview, is a means of understanding reality and implies its subjective interpretation. In the media narrative, the author's position reflects the views of a particular social group, the coordinate system of the publication, and is implemented using evaluative markers embedded in the artistic techniques used in the process of linguistic formatting of the text. Thanks to these techniques, media texts are able to acquire the property of literature, and with it — aesthetic potential and influence the audience. Often, one or another worldview is presented in a concise form in the title, which makes their study relevant. The article presents the results of the analysis of the headlines of the articles of the project “Jugend schreibt” of the newspaper “Frankfurter Allgemeine Zeitung”. The authors of the articles, being representatives of the social group “youth (gymnasium students)”, write articles about significant events in their social life (for example, a visit to a national park). At the same time, they broadcast the values of their social group (e. g. nature and ecology), which are declared in the concise form of the title (“Wo Buchen ihresgleichen suchen”). The artistic device embedded in it (personification)

contains a marker of evaluation (in this case, positive, since personification elevates nature, emphasizes its relationship with humans). The preference for figurative phraseological vocabulary, the remotivation and modification of phraseological units, the use of catch expressions that actualize intertextual connections are means of increasing meaning, where the often recurring motives of the subtext are, on the one hand, dissimilarity from others, uniqueness, strangeness, originality, and on the other hand — a sense of belonging to a particular social group, profession, culture, and enriching the read text with additional connotations.

Keywords: media narrative; artistic technique; evaluative marker; headline

Для цитирования:

Матарыкина Н. Д. Художественные приемы в немецкоязычном молодежном медийном нарративе (на материале заголовков статей проекта «Jugend schreibt» газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung») // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 231—243. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-231-243.

To cite this Article:

Matarykina, Natalia D. (2025) Khudozhestvennyye priemy v nemetskoyazychnom molodezhnom mediynom narrative (na materiale zagolovkov statey proyekta “Jugend schreibt” gazety “Frankfurter Allgemeine Zeitung”) (Artistic Techniques in the German-Speaking Youth Media Narrative (based on the Headlines of the “Jugend schreibt” Project Articles of the “Frankfurter Allgemeine Zeitung”)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 231—243. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-231-243.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; принята к публикации 10.04.2025
The article was submitted 11.03.2025; accepted for publication 10.04.2025

Л. А. Нефедова

Московский педагогический государственный университет

АКТУАЛЬНЫЙ МЕДИАДИСКУРС О ВОССОЕДИНЕНИИ ГЕРМАНИИ: НАРРАТИВНЫЙ ФУНКЦИОНАЛ ЛЕКСИКИ

Статья подготовлена в русле лингвистической нарратологии как новой, формирующейся научной дисциплины, которая направлена на изучение нарративного функционала языка. В статье представлена модель нарративного анализа политического медиадискурса, служащая основой для описания нарративного функционала лексики в актуальном, обладающем большой культурной значимостью медиадискурсе о воссоединении Германии. В качестве предмета исследования рассматривается лексическое наполнение доминирующего нарратива об объединении Германии и контрнарратива об аннексии ГДР, негативно оценивающего процесс объединения страны как процесс поглощения восточных земель Федеративной Республикой Германии. Отмечается, что эти нарративы различаются хронотопными характеристиками (дискурс западных и восточных немцев). На основе анализа мейнстримных и альтернативных СМИ Германии была выявлена лексика, с помощью которой находит выражение позиция нарратора как участника политического дискурса. В результате проведенного исследования были сделаны выводы о том, что цели доминирующего нарратива и контрнарратива амбивалентны и конфликтны. Анализируемые нарративы представляют собой вербальный обмен противоположными смыслами, позициями, взглядами (объединение страны vs аннексия / колонизация ГДР). Особая роль в вербализации позиций нарраторов принадлежит controверсным ключевым словам, словам-знаменам и словам-стигмам, с помощью которых в нарративах реализуются интенции противоположных сторон. В доминирующем нарративе об объединении Германии функционально значимы эонимы *deutsche Wiedervereinigung*, *die Einheit Deutschlands*, выражающие позитивную коннотацию; в контрнарративе основная функция стигматических лексических единиц *Annexion / Kolonialisierung der DDR*, *zweiter Anschluss* заключается в привлечении внимания к проблеме социальной несправедливости в обществе. Сделан вывод о том, что нарративный анализ актуального медиадискурса о воссоединении Германии показывает сохранившийся до нашего времени раскол между двумя регионами страны в отношении оценки прошлого и его влияния на настоящее. Воспоминания нарраторов, живших в ГДР, не совпадают с воспоми-

нениями, представленными официальной «политикой памяти».

Ключевые слова: дискурс о воссоединении Германии; медийный нарратив; нарративный функционал лексики; ключевое слово; эоним

1. Введение

Понятие «нарратив» представляет интерес ученых как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности, оно распространено в различных гуманитарных дисциплинах, прочно утвердив свои позиции в философии, истории, социологии, психологии, литературоведении (ОБДАЛОВА & ЛЕВАШКИНА 2019). При этом нарративность не изучена как самостоятельный объект лингвистического исследования, лингвокультурные аспекты художественного нарратива только начинают разрабатываться современными учеными (КАРАСИК 2023). Лингвистическая нарратология не оформилась как научная дисциплина, которая изучает нарративный функционал языка (прежде всего, культурно-маркированная лексика, фразеология), реализуемый не только в художественном, но и в дискурсе СМИ, выявляет их общие черты и различия между ними.

Цель работы — выявить нарративный функционал лексики, конституирующей актуальный дискурс о воссоединении Германии и способствующей осмыслению современной реальности.

Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие *задачи*:

- раскрыть содержание понятий «нарратив», «медийный нарратив», «нарративный функционал языка»;
- описать модель нарративного анализа политического медиадискурса;
- изучить нарративный функционал лексики современного дискурса о воссоединении Германии: а) в доминирующем нарративе об объединении Германии; б) в контрнарративе об аннексии Германской Демократической Республики Федеративной Республикой Германии.

В работе обращается внимание на актуальность изучения нарративного подхода к анализу медиатекстов, исследования специфики использования политического нарратива в современной медиакommunikации (ЧАНЫШЕВА 2024). Как отмечает

научный сотрудник Общества немецкого языка Ф. Рюдебуш, с одной стороны, нарративы используются в политике и обществе для того, чтобы придать собственным (манипулятивным) аргументам большую убедительную силу, с другой стороны, чтобы релятивизировать репрезентации других или даже разоблачить их как ложь (RÜDEBUSCH 2023).

Объектом исследования послужил актуальный дискурс о воссоединении Германии. В качестве предмета изучения рассматривается лексическое наполнение доминирующего нарратива и контрнарратива.

Актуальность исследования обоснована объективной необходимостью изучения лексических единиц, выражающих противоположные ключевые понятия нарративов современного политического дискурса об объединении Германии, продуцируемого властями и оппозицией.

В исследовании тема воссоединения Германии 3 октября 1990 г. рассматривается в новом лингвистическом ракурсе с учетом все активнее наполняющих современную информационную медиасреду нарративов, негативно оценивающих процесс объединения страны. На протяжении многих лет в Германии настойчиво внедрялись в информационную среду нарративы о ГДР как о диктатуре. Однако в современных медиа транслируется также положительное отношение восточных немцев к социальной политике ГДР. Восточногерманское общество описывается как альтернативная социальная модель, у которой были достоинства. Появляются работы, предлагающие более нюансированный взгляд на сорок лет жизни ГДР, ставящие вопрос о том, что из восточногерманского опыта может быть востребовано сегодня, в эпоху пересмотра многих ориентиров и ценностных установок рыночных демократий.

Научная новизна исследования заключается в нарративном анализе функциональных возможностей культурно-маркированной лексики политического медиадискурса о воссоединении Германии.

2. Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили актуальные мейнстримные и альтернативные дискурсивные практики совре-

менных СМИ Германии на тему воссоединения страны.

Для выявления и описания лексической составляющей нарративов применялись следующие основные методы, позволившие определить общие функциональные характеристики лексики в нарративах власти и оппозиции Германии: метод лингвистического наблюдения, метод лингвистического описания, метод анализа словарных дефиниций, метод контекстуального анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Понятие нарратива

Слово немецкого языка *Narrativ*, *das / der* определяется как установленная или сконструированная *значимая связь* между последовательностью событий или фактов (обычно *распространяющаяся с определенной целью*, например, интеграция группы, легитимация определенного поведения, создание определенного образа себя и т. д.).¹

Частотность употребления слова *Narrativ* в немецком языке резко возросла за последние три года (см. Рис. 1).

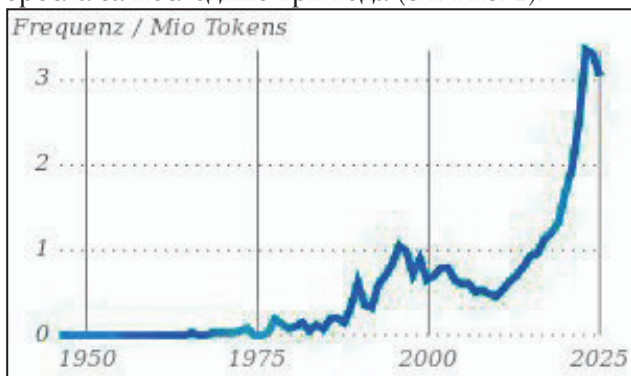

Рис. 1. Частотность употребления слова *Narrativ* в немецком языке²

Нарратив понимается как повествовательная структура, повествовательная основа рассказа или последовательности событий. Для осмысления поступков людей рассказчик обращается к традиционным сюжетам, характерным для его культуры, с

¹ <https://www.dwds.de>.

² *ibid.*

помощью которых можно объединить события жизни в единое целое. Эти сюжеты могут быть переданы в любой вербальной или невербальной форме.

В монографии *Языковое преобразование реальности* В. И. Карасик представляет точку зрения, что «язык не только отражает реальность, но и творит ее». Монография состоит из трех глав, посвященных характеристикам концептуального, нарративного и дискурсивного функционалов языка. Вторая глава «Нарративный функционал языка», посвящена лингвокультурному описанию авторских и фольклорных нарративов. Центральное понятие — лингвокультурные сюжеты, под которыми автор понимает нарративные авторские изложения событий в виде последовательности сюжетных мотивов, раскрывающие идейное содержание текста и представляющие собой намеренно преобразованные фабулы (КАРАСИК 2023: 130).

Объектом анализа Карасика является смысловой и лингвокультурный потенциал сюжетов, реализуемых преимущественно в художественных текстах — авторских и фольклорных. Изучение сюжетов художественных текстов традиционно относится к сфере литературоведения.

Но поскольку сюжет представляет собой нарративное изложение событий, которые представляются важными для участников общения, можно выделить ценностное и, следовательно, лингвокультурное измерение тематических сюжетных линий и соотносить их с авторской, групповой или национальной аксиологической картиной мира в разных типах дискурса (ibid.: 164).

В настоящее время нарратология выходит за границы литературоведения и становится самостоятельной наукой. Как междисциплинарный конструкт нарратив имеет отношение ко всем гуманитарным наукам. В рамках нарративной парадигмы любой коммуникационный процесс интерпретируется как форма повествования, а человек — как рассказчик историй. Структуры и элементы нарратива присутствуют в различных дискурсах, они проникают и в политический медиадискурс.

Термин *нарратив* может быть рассмотрен в аспекте политической медиалингвистики, так как объектом анализа может быть смысловой и лингвокультурный потенциал сюжетов, реа-

лизуемых в медиатекстах.

Медийный нарратив не ориентирован на мир литературного воображения. Он рассматривается как сложное семиотическое целое, в котором повествовательная интенция автора реализуется с помощью вербальных и невербальных средств (видео-, фото-, аудиосредства) (АНИСИМОВА 2023: 25).

Наличие противоположных позиций и взглядов нарраторов позволяет нам применить такие термины как *доминирующий нарратив* (англ. dominant narrative) и *контрнарратив* (англ. counter-narrative). Доминирующие нарративы, называемые также доминирующими культурными нарративами, представляют собой часто повторяющиеся истории, которые распространяются в обществе через различные социальные и культурные институты.

Термин *контрнарратив* был предложен британским ученым, профессором политической психологии М. Эндрюс (Molly Andrews). Контрнарративы, по ее мнению, показывают, как доминирующее повествование можно рассказать по-другому, что главный сюжет может быть не единственным способом рассказать историю. Отдельные лица или группы могут использовать контрнарративы, например, осмыслить свою собственную жизнь или опыт, которые, казалось бы, не соответствуют доминирующей сюжетной линии (ANDREWS 2004). Контрнарративы имеют смысл только по отношению к нарративам, которым они противостоят.

3.1.1. Нарративный функционал лексики политического медиадискурса

Неотъемлемая часть исследований авторских произведений, циклов текстов или дискурсивных практик в лингвистике — ключевые слова. Они создают ведущую тему произведения, «пронижают всю речевую ткань повествования и, проходя в ней лейтмотивом, определяют общую тональность произведения, служат раскрытию основной идеи и приобретают обобщенно-символическое значение в общей философско-эстетической концепции произведения (СИРОТИНА 1971: 21–22).

Ключевые слова (нем. Schlagwörter ‘лозунговые слова’) определяются как слова и выражения, особенно актуальные в определенный период времени, способствующие распростране-

нию в обществе программ и целевых установок определенных политических сил (NIENR 2007: 496). Это особо важные, емкие и показательные для определенного нарратива слова в дискурсе, совокупность которых позволяет описать основное содержание нарратива, обеспечивая компактное представление и хранение его смысла в памяти. Очевидными характеристиками ключевых слов являются их прагматический потенциал и дискурсивный характер (КОВТУНОВА & ЕЗАН 2018: 100). Ключевые слова, в которых отражаются значимые для жизни общества события, именуются эонимами (ТУМАНОВА 2023: 80).

Одни ключевые слова в медийном нарративе представляют собой «слова-знамена» (нем. *Fahnenwörter*), описывающие идею, программу и т. д. определенной группы людей. Это лексические единицы, обладающие высокой символической силой, под которыми люди объединяются в политической борьбе и которые, таким образом, создают идентичность социальной или политической группы. Другие уничижительные ключевые слова являются словами-стигмами (нем. *Stigmawörter*), отражая в политических дебатах негативное отношение к оппонентам. С их помощью в отличие от позитивных слов-знамен, «противоположная партия, ее члены, цели, ценности и т. д. описываются негативно...» (HERMANN 1982: 92) и которые служат для отрицания противостоящей партии, ее членов, целей и ценностей.

Ключевые слова данных двух видов в качестве ключевых слов немецкой культуры, встроенных в культурную память народа, определяют в значительной степени нарративы о воссоединении Германии в зависимости от позиций нарраторов.

3.1.2. Модель нарративного анализа политического медиадискурса

Д. Г. Качанов представил модель нарративного анализа медиадискурса, которая базируется на теории нарратива (СЕРГЕЕВА & ТЕРЕЩЕНКО 2016) и восходит к классическим концепциям повествования, применяемым в разных гуманитарных науках. Основные элементы этой модели:

- рассказчик (точка повествования);
- предмет (тема);
- сюжет;

- время, пространство;
- персонажи (характеристика);
- конфликт (КАЧАНОВ 2019: 63).

Основываясь на данной модели, представим модель нарративного анализа политического медиадискурса. Основные составляющие модели:

- нарратор (= рассказчик, автор; лицо, от имени которого ведется повествование);
- тематическая доминанта, или медиатопик (наиболее значимые для общества и обсуждаемые в СМИ темы);
- сюжет (= смысловая парадигма, вокруг которой разворачиваются основные события);
- хронотоп (связь пространственно-временных координат);
- участники событий (характеристика);
- идеологический конфликт (противоречие идеологий в своих ценностях, целях и методах достижения этих целей).

Процесс воссоединения Германии может быть представлен как последовательность событий, реализованная посредством определенной повествовательной структуры:

- экспозиция: разделение Германии на западную и восточную зоны, создание ФРГ и ГДР, раскол единого немецкого государства, потеря национальной идентичности;
- завязка: сооружение Берлинской стены (13 августа 1961 г.), демонстрации протеста (массовые протесты) в ГДР в 1989 г.;
- развитие действия, кульминация: падение Берлинской стены (9 ноября 1989 г.), перемены, распад ГДР;
- развязка: договор «Два плюс четыре», восстановление единства Германии (3 октября 1990 г.);
- эпилог: раскол общества в Германии после выборов в Европарламент (июнь 2024 г.); приход республиканцев к власти в США, распад немецкой правящей коалиции (6 ноября 2024 г.), досрочные выборы в бундестаг 23 февраля 2025 г.

3.2. Нарративный функционал лексики современного дискурса о воссоединении Германии

События (последовательность событий) находят отражение в дискурсе о воссоединении страны с опорой на следующие культурно-коннотированные ключевые слова и словосочетания

немецкого языка, выступающие наименованиями фактов и явлений и формирующие его нарративный функционал:

- разделение Германии (BRD — DDR, Osis — Wesis); потеря национальной идентичности (Verlust der nationalen Identität);
- сооружение Берлинской стены (13.08. 1961 г.) (Mauerbau), демонстрации протеста в ГДР (Montagsdemonstrationen in der DDR);
- падение Берлинской стены (9.11.1989 г.) (Mauerfall), перемены (Wende), распад ГДР (demokratischer Umbruch 1989, Zusammenbruch der DDR, Rücktritt des Zentralkomitees der SED / Zusammenbruch des SED-Regimes);
- договор «Два плюс четыре» (Zwei-plus-Vier-Vertrag), восстановление единства Германии — аннексия ГДР (Herstellung der Einheit Deutschlands — Annexion der DDR);
- раскол в Германии после выборов в Европарламент (CDU/CSU — AfD); смена власти в США, правительственный кризис в Германии, распад немецкой правящей коалиции (6.11.2024 г.) (Bruch der Ampelkoalition, Ampel-Aus).

Высокая номинативная плотность концепта ВОССОЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ наблюдается при языковой объективации момента наивысшего напряжения, кульминации события. Падение Берлинской стены стало одним из важнейших этапов восстановления единства Германии, центральной темой дискурса о воссоединении Германии, включающего два вида резко противоположных нарративов (версий событий): доминирующий нарратив об объединении Германии и контрнарратив об аннексии ГДР (АХТАМЗЯН 1994) (нем. dominante und marginalisierte Narrative).

3.2.1. Доминирующий нарратив об объединении Германии в мейнстримных СМИ

В доминирующем нарративе об объединении Германии основная роль принадлежит эонимам Deutsche Wiedervereinigung и die Einheit Deutschlands и лексике, выражающей позитивную коннотацию, положительные эмоции. Объединить значит «образовать нечто целое, соединить воедино, сплотить, установить тесную связь»:

- «немецкое воссоединение» (Deutsche Wiedervereinigung), «восстановление единства Германии» (Herstellung der Einheit

Deutschlands);

• 3 октября 1990 г. — День германского единства (Tag der deutschen Einheit) — отмечается ежегодно как национальный праздник.

Немецкий социолог и журналист Т. Абе (Thomas Ahbe) отмечает, что использование топоса «воссоединение» сигнализирует одобрение и принадлежность: к ходу истории и к тем, кто победил или освободился:

Die Verwendung des Topos „Wiedervereinigung“ signalisiert Zustimmung und Zugehörigkeit: Zum Gang der Geschichte und zu denen, die gesiegt haben oder befreit wurden.³

Но в данном дискурсе особую значимость имеет государственный нарратив о ГДР, который определяют такие стигматичные лексические единицы как ein totalitärer Staat, ein Unrechtsstaat, eine Diktatur, ein Terrorregime:

• ГДР находилась в тисках репрессивного тоталитарного государственного аппарата (ein totalitärer Staat);

• «общество несвободы», «неправовое государство» (ein Unrechtsstaat, kein Rechtsstaat):

(1) Dabei war in der DDR von Rechtsstaatsprinzipien nichts übrig;⁴

• «жестокая диктатура, бывшая ничем не лучше гитлеровской», уподобление социалистической диктатуры диктатуре национал-социалистов:

(2) Die DDR war von ihrer Geburtsstunde im Jahr 1949 bis zum „deutschen Herbst“ 1989 ununterbrochen eine Diktatur;⁵

• „DDR = Stasi“ (нем. Staatssicherheit — госбезопасность).

Нарратор Кристиан Неф (Christian Neef), немецкий журналист, репортер журнала «Der Spiegel», 1956-го года рождения, получивший образование в ГДР, в книге *Das Schattenregime* пишет о периоде террора в Восточной Германии, последовавшим сразу за зверствами нацистов, называя его теньевым режимом:

³<http://lernen-aus-der-geschichte.de/Lernen-und-Lehren/content/15497>.

⁴ <https://www.bpb.de/themen/deutsche-einheit/langewege-der-deutschen-einheit/47560/die-ddr-ein-unrechtsstaat>.

⁵ <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/archiv/537085/war-die-ddr-totalitaer>.

- (3) 1945 befreiten die Alliierten Deutschland vom Nationalsozialismus. Doch im Osten des bald geteilten Landes begann gleichzeitig der sowjetische Geheimdienst *ein Terrorregime* zu errichten, dem Tausende Menschen zum Opfer fielen.⁶

Нарратив не вызывает недоумения, если принять во внимание, кем финансируется «независимый» «Der Spiegel».

В конце ноября 2024 г. в Германии вышла автобиографическая книга бывшего канцлера Ангелы Меркель *Freiheit: Erinnerungen 1954 — 2021*, история ее двух жизней, «первой до 1990 г. *при диктатуре*, и второй с 1990 г. при демократии».⁷

Восточный немец, осси, изображается СМИ Германии как вечно жалующийся, глупый, враждебно относящийся к иностранцам, симпатизирующий правопопулистской партии АдГ и даже нацист: Jammerossi; doofer, ausländerfeindlicher, ewig schlecht gelaunter, AfD-affiner Mensch; Nazi-Ossi.

От ярлыка Ossi восточные немцы не могут избавиться всю жизнь (immer Ossi bleiben). О стигматизации граждан ГДР пишет восточная немка в газете «Die Welt» в 2018 г., спустя почти 30 лет после объединения страны:

- (4) Ich bin... nicht nur Frau, ich bin auch Ossi. Okay, ich lebe im Westen, ich arbeite im Westen, meine Kinder gehen im Westen zur Schule. Aber ich wurde im Osten geboren, darum werde ich immer Ossi bleiben, ob ich will oder nicht.⁸

Лексика доминирующего нарратива широко распространена в обществе, это лексика нормативного нарратива в отличие от представленного далее контрнарратива, лексика которого может рассматриваться с точки зрения ее отклонения от нормы коммуникации (НЕФЕДОВА 2003).

3.2.2. Контрнарратив об аннексии Германской Демократической Республики Федеративной Республикой Германии в альтернативных СМИ

Контрнарратив — альтернативный нарратив, негативно оценивающий процесс объединения страны как процесс погло-

⁶ <https://tlgrm.ru/channels/@kanzlerdaddy>.

⁷ Merkel, A. & Baumann, B. (2024) *Freiheit: Erinnerungen 1954 — 2021*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.

⁸ Die Welt, 17.03.2018.

щения ГДР ФРГ. Основные понятия контрнарратива ярко выражены словами-стигмами *Annexion*, *Kolonialisierung*, *Anschluss*: *Annexion der DDR* ‘аннексия ГДР’, *Kolonialisierung der DDR* ‘колонизация ГДР’, *zweiter Anschluss* ‘второй аншлюс’.

Мейнстримные немецкие СМИ подвергают критике новые российские учебники, в которых авторы называют воссоединение Германии «аннексией ГДР». Однако отметим, что такой взгляд на воссоединение Германии представлен и зарубежными учеными. Так, итальянский философ, экономист и эссеист В. Джакке (*Vladimiro Giacché*) является автором книги *Le second Anschluss — L'annexion de la RDA — l'unification de l'Allemagne et l'avenir de l'Europe* (ГИАССНÉ 2015), которая на русский язык может быть переведена как ‘Второй аншлюс — аннексия ГДР — объединение Германии и будущее Европы’.

Французские историки А. Арп (*Agnès Arp*) и Э. Гуден-Штайнман (*Élisa Goudin-Steinmann*) издадут в 2020 г. в Париже книгу *La RDA après la RDA. Des Allemands de l'Est racontent* (ARP & GOUDIN-STEINMANN 2020). Ее немецкоязычное издание *Die DDR nach der DDR: Ostdeutsche Lebenserzählungen* выходит в 2022 г. (ARP & GOUDIN-STEINMANN 2022). Авторы исследуют вопрос о том, как ГДР все еще влияет на жизнь восточных немцев сегодня. В биографических интервью бывшие граждане ГДР делятся своими взглядами на жизнь в ГДР, которые отличаются от одностороннего общественного представления «жизнь при диктатуре».

После того, как описания переоценки восточногерманского образа жизни уже встретили положительный отклик во Франции, альтернативный взгляд на образовательные возможности, гендерные отношения, искусство, культуру, политику и их интерпретация в объединенной Германии, стали доступны немецким читателям. Восточногерманское общество описывается как альтернативная социальная модель, у которой были достоинства. Авторы ставят вопрос: что из восточногерманского опыта может быть востребовано сегодня в эпоху пересмотра многих ориентиров и ценностных установок рыночных демократий?

О том, что на западе Германии сформировалась определенная зависимость от США, которая не исчезла и по сей день, и ФРГ отождествляет себя с американскими ценностями, говорит

Г. Бауэр (Hans Bauer), бывший заместитель генерального прокурора ГДР. По его мнению, для многих жителей восточной Германии 3 октября 1990 г. на самом деле символизирует разрушение, аннексию ГДР, начало ее колонизации:

- (5) Ostdeutschland wurde wie eine Kolonie behandelt; der 3. Oktober symbolisiert für viele Menschen *die Annexion der DDR*.⁹

Восточные немцы характеризуются в этом дискурсе с положительной стороны. Восточногерманский писатель Михаэль Шнайдер (Michael Schneider) говорит о том, что восточные немцы все еще помнят, какое зло причинил вермахт Советскому Союзу и миру в целом, на них все еще лежит груз вины за те преступления. При этом многие западные немцы не осознают военные преступления Германии во время Второй мировой войны и не имеют достаточной информации об этом:

- (6) Die Verbrechen der Deutschen an der sowjetischen Zivilbevölkerung und generell während des Zweiten Weltkriegs an der Sowjetunion sind nicht wirklich in das Bewusstsein der westdeutschen Bevölkerung eingedrungen.¹⁰

Значительная часть восточных немцев отвергает участие Германии в военных действиях, в то время как многие западные немцы выступают за войну.

Если в дискурсе власти идет речь о массовых протестах в ГДР накануне падения стены, другую точку зрения озвучивает современный немецкий писатель Марко Мартин (Marko Martin) в своей речи по случаю 35-летия падения Берлинской стены (kontroverse Rede) 7 ноября 2024 г. на церемонии «35 лет мирной революции» во дворце Бельвю в Берлине. Родившийся в ГДР и покинувший ее летом 1989 г. писатель отмечает, что миллионы граждан ГДР не выходили на демонстрации:

- (7) *Millionen von DDR-Bürgern waren jedenfalls damals nicht auf der Straße gewesen, sondern hatten quasi hinter den Wohnzimmgardinen abgewartet.*¹¹

⁹ <https://tlgrm.ru/channels/@kanzlerdaddy>.

¹⁰ *ibid.*

¹¹ <https://x.com> status (компания Meta признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ).

Таким образом, ключевые слова доминирующего нарратива и контрнарратива дискурса о воссоединении Германии представляют контroversные понятия (*kontroverse Begriffe*) «объединение Германии» и «аннексия ГДР». Основанные на реальных событиях нарративы различаются типами нарраторов (с одной стороны, западные немцы, представители молодого и среднего поколения восточных немцев, с другой — восточные немцы старшего поколения), а также хромотопными характеристиками (дискурс на Западе и Востоке Германии).

4. Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что понятие «нарратив» может быть рассмотрено в новом ракурсе, а именно как политический медийный нарратив.

Дискурс о воссоединении Германии обладает большой культурной значимостью: в нем представлены нарративы, выражающие альтернативные точки зрения на процесс объединения страны и его последствия. Этот дискурс представляет собой два основных вида нарративов: доминирующий нарратив и контрнарратив, их цели изначально амбивалентны и конфликтны. В рассматриваемых нарративах выражается вербальный обмен противоположными смыслами, позициями, взглядами (объединение vs аннексия / колонизация ГДР). Особая роль принадлежит контroversным ключевым словам, словам-знаменам и словам-стигмам, с помощью которых в нарративах реализуются конфликтные интенции противоположных сторон. В контрнарративе это привлечение внимания к проблеме социальной несправедливости.

Нарративный анализ значимого фрагмента медиадискурса Германии показывает сохранившийся раскол между двумя регионами страны в отношении оценки прошлого и его влияния на настоящее. Воспоминания нарраторов, живших в ГДР, не совпадают с воспоминаниями, представленными официальной «политикой памяти». От того, передают ли нарраторы факты или искажают их, зависит оценка истинности / ложности нарративов, выражаемых различными лексическими средствами.

Перспективы дальнейшего изучения нарративного функционала лексики мы видим в продолжении исследований на примере других актуальных культурно значимых дискурсов.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Анисимова Е. Е. Медийный нарратив конвертита как социокультурный и лингвопрагматический феномен // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 25—32. [Anisimova, Yelena E. (2023) *Mediynnyy narrativ konvertita kak sotsiokul'turnyy i lingvo-pragmatischenkiy fenomen* (Media Narrative of Convertit as a Sociocultural and Linguopragmatic Phenomenon). *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (874), 25—32. (In Russian)].
- Ахтамзян А. А. Объединение Германии, или аншлюс ГДР к ФРГ. В 2 т. Т. 1. М.: МГИМО(У) МИД РФ, 1994. [Ahtamzyan, Abdulhan A. (1994) *Obyedineniye Germanii, ili anshlyus GDR k FRG* (Unification of Germany, or Anschluss of the GDR to the Federal Republic of Germany). In 2 vols. Vol. 1. Moscow: MGIMO(U) MID RF. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковое преобразование реальности. М.: Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. [Karasik, Vladimir I. (2023) *Yazykovoye preobrazovaniye real'nosti* (Linguistic Transformation of Reality). Moscow: A. S. Pushkin State Institute of Russian Language. (In Russian)].
- Качанов Д. Г. Нарратив в мультимедийных журналистских проектах: от вербальной к поликодовой технике // Медиаальманах. 2019. № 1. С. 59—69. [Kachanov, Denis G. (2019) *Narrativ v mul'timediynykh zhurnalistskikh proektakh: ot verbal'noy k polikodovoy tekhnike* (Narrative in Multimedia Journalistic Projects: from Verbal to Polycode Technology). *Media Almanac*, 1, 59—69. (In Russian)].
- Ковтунова Е. А., Езан И. Е. Дискурс-анализ немецких ключевых слов // Филологические науки. Теория и практика. 2018. № 4 (82). Ч. 1. С. 99—105. [Kovtunova, Yelena A. & Ezan, Irina E. (2018) *Diskurs-analiz nemetskiikh klyuchevykh slov* (Discourse Analysis of German Keywords). *Philological sciences. Theory and practice*, 4 (82), 99—105. (In Russian)].
- Нефедова Л. А. Явление девиации в лексике современного немецкого языка: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М.: МПГУ, 2003. [Nefedova, Lyubov' A. (2003) *Yavleniye deviatsii v leksike sovremennogo nemetskogo yazyka* (The Phenomenon of Deviation in the Vocabulary of Modern German). Extended abstract of the advanced PhD Thesis. Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian)].
- Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. № 48. С. 332—348. [Obdalova, Olga A. & Levashkina, Zoya N.

- (2019) Ponyatiye “narrativ” kak fenomen kul’tury i obyekт diskursivnoy deyatelnosti (The Concept of “Narrative” as a Cultural Phenomenon and an Object of Discursive Activity). *Language and culture*, 48, 332—348. (In Russian)].
- Сергеева О. В., Терещенко О. В. Новые медиа: социальная теория и методология исследований: словарь-справочник. СПб: Алетейя, 2016. [Sergeeva, Olga V. & Tereshchenko, Olga V. (2016) *Novyye media: social’naya teoriya i metodologiya issledovaniy: slovar’-spravochnik* (New Media: Social Theory and Research Methodology: Dictionary-Reference Book). Saint Petersburg: Aletheia. (In Russian)].
- Сиротина В. А. Море — смеялось // Русская речь. 1971. № 1. С. 19—26. [Sirotnina, Valentina A. (1971) More — smeyalos’ (The Sea laughed). *Russkaya rech’* (Russian speech), 1, 19—26. (In Russian)].
- Туманова Е. О. Колористические эонимы как результат языковой рефлексии политической системы Германии с 1978 по 2021 годы // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 79—90. [Tumanova, Ekaterina O. (2023) Koloristicheskiye eonimy kak rezul’tat yazykovoy refleksii politicheskoy sistemy Germanii s 1978 po 2021 gody (Coloristic Aeonims as a Result of Linguistic Reflection of the German Political System from 1978 to 2021). *Political linguistics*, 2 (98), 79—90. (In Russian)].
- Чанышева, З. З. Нарратив в медийной коммуникации. Уфа: УУНиТ, 2024. [Chanysheva, Zul’fira Z. (2024) *Narrativ v mediynoy kommunikatsii* (Narrative in Media Communication), Ufa: RIC UUNiT. (In Russian)].
- Ahbe, Thomas. Zwischen „Wiedervereinigung“ und „Kolonialisierung der DDR“. Was Fahnenwörter über den Umbruch in Ostdeutschland erzählen — und was nicht. Retrieved from <http://lernen-aus-der-geschichte.de/Lernen-und-Lehren/content/15497>.
- Andrews, Molly. (2004) Opening to the original contributions: counter-narratives and the power to oppose. In: Bamberg, Michael G. W. & Andrews, Molly. (eds) *Considering Counter-narratives: Narrating, Resisting, Making Sense*. Amsterdam: John Benjamins, 1—6.
- Arp, Agnès & Goudin-Steinmann, Élisabeth. (2020) *La RDA après la RDA. Des Allemands de l’Est racontent*. Paris: Nouveau Monde Éditions.
- Arp, Agnès & Goudin-Steinmann, Élisabeth. (2022) *Die DDR nach der DDR: Ost-deutsche Lebenserzählungen*. Gießen: Psychosozial-Verlag.
- DWDS — Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Giacché, Vladimiro. (2015) *Le second Anschluss — L’annexion de la RDA — l’unification de l’Allemagne et l’avenir de l’Europe*. Paris: Editions Delg.

- Hermanns, Fritz. (1982) *Brisante Wörter. Zur lexikographischen Behandlung parteisprachlicher Wörter und Wendungen in Wörterbüchern der deutschen Gegenwartssprache*. In: Wiegand, Herbert E. (ed.) *Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie II* (= Germanistische Linguistik 3–6/80), 87—108.
- Niehr, Thomas. (2007) Schlagwort. In: Ueding, Gert. (ed.) *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*. Bd. 8: Rhet — St. Tübingen: Niemeyer, 496—502.
- Rüdebusch, Frauke. (2023) Zeit-Wort: Narrativ. *Der Sprachdienst*, 3. Retrieved from <https://gfds.de/narrativ>.

Lyubov' A. Nefedova
Moscow Pedagogical State University

**Current Media Discourse about the Reunification of Germany:
Narratory Functionality of Vocabulary**

This article is written in the context of linguistic narratology as a new, emerging scientific discipline which is aimed at studying the narrative functionality of language. This article presents a model of narrative analysis of political media discourse which serves as the basis for describing the narrative functionality of vocabulary in the current, culturally significant media discourse about the reunification of Germany. The subject of the study is the lexical content of the dominant narrative about the unification of Germany and the counternarrative about the annexation of the GDR, which negatively evaluates the process of unification of the country as a process of absorption of the eastern lands by the Federal Republic of Germany. It is noted that these narratives differ in chronotopic characteristics (discourse of West and East Germans). Based on the analysis of mainstream and alternative media in Germany, vocabulary was identified with the help of which the narrator's position as a participant in political discourse is expressed. As a result of the study, it was concluded that the goals of the dominant narrative and the counternarrative are ambivalent and conflicting. These narratives represent a verbal exchange of opposing meanings, positions, and views (unification of the country vs annexation/colonization of the GDR). A special role in the verbalization of narrators' positions belongs to controversial keywords, banner words and stigma words, with the help of which the intentions of opposing sides are realized in narratives. In the dominant narrative of German reunification, the anonyms *deutsche Wiedervereinigung*, *die Einheit Deutschlands* are functionally significant, expressing a positive connotation; in the counternarrative, the

main function of stigmatic lexical units *Annexion / Kolonialisierung der DDR, zweiter Anschluss* is to draw attention to the problem of social injustice in society. We conclude that the narrative analysis of the media discourse about German reunification shows a remaining split between the two regions of the country regarding the assessment of the past and its impact on the present. The memories of narrators who lived in the GDR do not coincide with the memories presented by the official “memory policy”.

Keywords: discourse on German reunification; media narrative; narrative functionality of vocabulary; keyword; aeonim

Для цитирования:

Неведова Л. А. Актуальный медиадискурс о воссоединении Германии: нарративный функционал лексики // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 244—261.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-244-261.

To cite this Article:

Nefedova, Lyubov' A. (2025) Aktual'nyy mediadiskurs o vossoyedenenii Germanii: narrativnyy funktsional leksiki (Current Media Discourse about the Reunification of Germany: Narratory Functionality of Vocabulary). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 244—261. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-244-261.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; принята к публикации 04.04.2025

The article was submitted 03.03.2025; accepted for publication 04.04.2025

А. А. Попов

Воронежский государственный университет

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОБЫТИЯ
«ПРОДАЖА» В СЕМАНТИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА**

(на материале романа Йенса Шпаршу *Der Zimmerspringbrunnen*)

Статья посвящена выявлению функций события «продажа» в организации повествования о переломной эпохе в Германии в романе Йенса Шпаршу. Главным содержательным и структурным стержнем текста-нарратива является событие, представляющее собой минимальную повествовательную единицу, выполняющую важную роль в организации фабулы и тем самым — в текстосемантической и текстосинтаксической организации на микро- и макротекстовом уровне. Один из главных признаков нарратива — наличие причинно-следственной связи между единицами повествования. Поэтому смещение акцентов повествования на отдельные фазы описываемых в романе событий оказывает существенное влияние на интерпретацию смысла, переключая коммуникативный фокус повествования в романе с одного элемента события на другой. В анализируемом тексте описание бизнес-деятельности и детальный рассказ о ее фазах интерпретируются в контексте трансформации личностной и коллективной идентичности разных единичных субъектов как носителей языковой культуры. Поэтому тема, раскрываемая в романе, понимается как осмысление процессов, сопровождающих адаптацию субъекта к иной социальной среде, то есть аккультурацию, которую главный герой проживает весьма тяжело. Психоэмоциональная сложность вторичной социализации раскрывается через описание отдельных фаз аккультурации у персонажей романа в разных ситуациях. Это позволяет выявить несколько категорий носителей культуры, для каждой из которых процесс аккультурации в ситуации слома привычных социокультурных связей в период объединения Германии в 1990-х гг. реализуется по-разному. В силу особенностей содержательной, формальной и функциональной организации нарратива внимания заслуживают определенные признаки культурной идентичности коллективного субъекта. В таком контексте событие «продажа» выполняет функцию маркирования того, как развивается сюжет, что становится основным конфликтом в произведении, как изменяется личность главного героя. Последний раскрывает в себе новые качества, адаптируясь к новым реалиям объединенной Германии, глубоко рефлектируя по

разным поводам, осознавая происходящие на его глазах крупные и незначительные социокультурно, психологически, эмоционально, экономически, политически значимые преобразования. Соответствующие описания, сопровождающие рефлексии и активные действия (опыт осуществления успешной и неуспешной бизнес-деятельности) главного героя на каждой фазе вторичной социализации, становятся основанием для осмысления того, как трансформируется личностная идентичность не только самого героя, но и реципиентов анализируемого романа. Макротекстовый содержательный, формальный и функциональный анализ романа под охарактеризованным углом зрения позволяет выявить довольно обширный функциональный потенциал события «продажа» в организации повествования.

Ключевые слова: нарратив; функциональная, текстосемантическая и текстосинтаксическая организация текста; бизнес-коммуникация; событие «продажа»; культурная идентичность; аккультурация как вторичная социализация; трансформация личностной идентичности

1. Введение

Каждый тип текста обладает определенным функциональным потенциалом, который тесно связан с характером решаемой носителями языка и культуры коммуникативной и когнитивной задачи.¹ От выбора продуцентом текста способа и средств решения соответствующей задачи зависит его текстосемантическая, текстосинтаксическая, функциональная организация на микро- и макроуровне. Поэтому анализ текстов, играющих важную роль в социализации личности в том или ином культурном пространстве,² представляет интерес для понима-

¹ См. подробнее обоснование данного тезиса в [Гришаева 2020].

² К таким текстам следует причислить сказки, сказания, мифы, легенды, фильмы о культурных героях и пр., с которыми носители культуры постепенно знакомятся по мере их «врастания» в культуру и из которых они в том числе черпают свое знание о ценностных ориентациях, доминирующих в социуме, о способах взаимодействия между разными категориями людей, которые признаются в культуре в качестве приемлемых или неприемлемых, поддерживаемых в обществе или порицаемых и т. д. Такие тексты помогают носителям культуры в процессе своей социализации наряду с иными социальными практиками (см. подробнее в [Гришаева 2020]).

ния не только принципов организации текста как феномена, как коммуникативного продукта речемыслительной деятельности носителей языка и культуры, но и для осмысления способов структурирования информационного потока, а также для выявления приемов оптимизации взаимодействия разных категорий субъектов познания и коммуникации.

В языковой культуре, естественно, имеются типы текстов, с помощью которых носитель языковой культуры активно осваивает разнообразные способы и средства взаимодействия с другими носителями культуры, т. е. данные тексты активно «участвуют» в социализации каждого носителя культуры. Особую роль такие тексты играют при инкультурации, иначе говоря, при первичной социализации носителей языка и культуры; они бытуют в различных коммуникативных средах, фиксируя результаты взаимодействия коммуникантов с помощью языковых средств в разнообразных форматах общения как в официальной, так и в неофициальной коммуникации, как в бытийной, так и в бытовой коммуникации.

Таковыми текстами являются сказки, мифы, сказания, бытовые анекдоты, новеллы и др., которые описываются в теории и типологии текста как нарративы. В трактовке Д. Веллемана нарративом является серия интересных событий, при этом упоминание одного события в их серии ретроспективно раскрывает значение предыдущего. Кроме того, все события связаны причинно-следственной связью, иначе они бы считались просто совпадениями, а не повествованием, т. е. нарративом (VELLEMAN 2003: 3).

Лингвотекстологи, классифицирующие на основании различных критериев типы текста (см., например, труды [ГАЛЬПЕРИН 2007; МОСКАЛЬСКАЯ 1981; BRINKER 2005]), отмечают значительную мощностъ практически в каждой языковой культуре такого класса текстов как нарративы (ШЕЙГАЛ 2007: 87).

1.1. Нарратив как повествование и его вклад в социализацию субъекта

Под нарративом подразумевается некая история о связанных и не противоречащих друг другу событиях, связь между которыми мотивирована причинно-следственными отношениями (BRANIGAN 1992: 3). Нарративные структуры (лат. *narrare* 'рас-

сказывать, повествовать') являются составляющими повествования; в отличие от иных структур текста они состоят из описания действий и событий, которые в свою очередь, расположены в тексте во временной и причинно-следственной последовательности (BUSSMANN 1990: 512).

Аналогичным образом — как рассказывание истории, пересказ, несобственно-прямая речь — интерпретируют термин *нарратив* и многие другие исследователи (ОБДАЛОВА & ЛЕВАШКИНА 2019: 333).

Сегодня к классу нарративов причисляют не только «традиционные» тексты, т. е. тексты, порождаемые с помощью языковых средств, но и креолизованные, мультимодальные, семиотически гетерогенные, например, фильм, телерепортаж, реклама, комикс и др. Так, М. Баль считает, что нарративы представляют собой повествование с применением таких средств как язык, изображение, звук, конструкции и их сочетания (BAL 2017: 5).

Важную характеристику нарратива отмечает Дж. Брунер; таковой является культурная специфичность нарратива (BRUNER 1987). Впрочем, данную характеристику, в принципе, можно отнести к любому типу текста, что предлагает делать У. Фикс, постулируя наличие текстовой категории «Kulturalität» 'культуральность, культурная специфика' (FIX 2008). Фикс подчеркивает, что существование различных типов текста само по себе является феноменом культуры (FIX 2006: 260).³

В своих исследованиях лингвотекстологи называют ряд основополагающих принципов организации нарратива, многие из которых правомерно относить к интегральным для текста как такового.

Сфера функционирования нарративов в языковой культуре весьма обширна и разнообразна. К такому способу организации высказывания как нарратив носители культуры прибегают при осуществлении разных видов деятельности, в том числе и в биз-

³ Основа концепции культуры как лингвистического понятия, согласно Фикс, заключается в том, что язык и коммуникация не существуют отдельно от человека, поскольку участники языкового и культурного сообщества изменяют свой язык в процессе его использования и тем самым оказывают воздействие друг на друга (FIX 2006: 260).

нес-коммуникации, основной целью которой является формирование корпоративного имиджа и достижение определенных интересов сторон (РОМАНОВА & al. 2017: 78). Анализ специальной литературы по бизнес-коммуникации позволяет прийти к выводу, что одной из коммуникативных сред, где вполне ожидаем и даже закономерен нарратив, является сфера продаж, когда имеет место общение продавца с покупателем как основными участниками названной интеракции. И от того, как именно строится общение продавца с покупателем, зависит результат делового взаимодействия. Кроме того, в настоящее время глобальная жизнедеятельность человека подвергается маркетизации, вследствие чего развиваются новые форматы общения, а также новая сфера функционирования языка (АНТОНОВА 2023: 42).

В обозначенном контексте лингвистический интерес представляют способы включения в повествование, в частности, в роман, элементов бизнес-коммуникации, поскольку последняя становится все более заметной в жизнедеятельности носителей культуры (см. соответствующие соображения в [АНТОНОВА 2023]). Одним из наиболее частотных видов бизнес-деятельности является событие «продажа», поэтому правомерно ожидать, что и при конструировании фикциональной реальности данное событие может стать частью повествования. С лингвистической точки зрения подобное обстоятельство весьма интересно, поскольку такой ракурс изучения нарратива позволяет обратить внимание, в частности, на то, как соотносятся в текстовом пространстве сведения о двух типах действительности: реальной и фикциональной.

1.2. Анализ повествования о бизнес-коммуникации в художественном тексте как лингвистическая задача

Анализируемая проблема понимается в статье как выявление и описание способов текстосемантической, текстосинтаксической, функциональной организации текстов разного типа, входящих в определенный класс текстов-«нарративов»⁴ с интегральными и дифференциальными признаками, позволяющими

⁴ Нарративом Х. Буссман признает, например, такие типы текста как сказка, роман, история (BUBMANN 2002: 457).

лингвотекстологам отделять этот класс текстов от иных. Содержательные структуры нарратива связаны со способом организации тематических структур в соответствующих текстах и отличаются от других способов развития названных структур, в частности, от дескриптивных, экспликативных, аргументативных, аксиологических (см. подробнее в [BUBMANN 2002: 457]). Сказанное предполагает выявление и верификацию потенциальных корреляций между выбором средств и способов реализации коммуникативных стратегий и типом конструирования текстовой ткани,⁵ как соответствующая лингвистическая задача трактуется в (Гришаева 2020: 204–256).

Цель исследования — изучение функционального потенциала события «продажа» в романе, относящемся к классу текстов-нарративов.

Для решения поставленной цели необходимо выполнить ряд *задач* — выявить функциональный потенциал события «продажа» в отдельных эпизодах-нарративах, описать вклад соответствующих нарративов в развитие сюжетной линии, в характеристику персонажей, в маркирование основного конфликта, а также их вклад в послание писателя как продуцента⁶ текста, адресуемое читателю как реципиенту романа.

⁵ Текстовая ткань понимается, вслед за Л. И. Гришаевой, как совокупность в тексте определенного типа, являющимся продуктом дискурсивной, речемыслительной, деятельности, содержательных, формальных и функциональных связей, выявляемых на поверхностном и глубинном уровне, выражаемых вербально и / или невербально, имеющих особую структуру, которая специализируется на решении конкретной коммуникативной и когнитивной задачи и реализуется по принципу «инвариант — варианты» в определенной языковой культуре; см. подробнее анализ текстовой ткани как таковой, например, в (Гришаева 2020).

⁶ Термины *продуцент* и *реципиент* используются для обозначения обоих участников коммуникации — адресанта и адресата, или говорящего и слушающегося, или субъекта, кодирующего сведения, подлежащие сообщению в определенных условиях, и транслирующего их известными обоим участникам взаимодействия способами своему партнеру по коммуникации, с одной стороны, и субъекта, воспринимающего сообщаемые ему сведения и декодирующего их, — с другой.

Объектом исследования является событие «продажа», изучаемое как нарратив через последовательное, хронологическое, детальное описание в нарративном тексте «роман» отдельных фаз соответствующего события.

Предмет исследования — функциональный потенциал события «продажа» в нарративном тексте, а также средства и способы его реализации в тексте.

Материал лингвистического исследования — это эпизоды романа, содержащие детальное повествование о купле-продаже комнатных фонтанов для граждан экс-ГДР, живущих в квартирах, с трудом вмещающих соответствующие агрегаты типа продаваемых комнатных фонтанов, авторское описание продавца и покупателей, авторские комментарии действий персонажа, их реакций на действия других субъектов и на иные события, а также описание их внутренней речи и самой внутренней речи.

Эти эпизоды анализируются как мини-нарративы на фоне текстового целого под текстограмматическим углом зрения с применением традиционных приемов анализа языкового материала: лексико-семантического, словообразовательного, стилистического, функционального, грамматического и др.

При осмыслении функционального потенциала события «продажа» учитываются особенности его функционирования в текстовом целом. Посредством контекстуального анализа выявляется специфика средств вербализации сведений о событии «продажа».

1.3. Критерии выбора материала исследования и ракурса анализа

В качестве *источника* материала для исследования по ряду соображений выбран роман немецкого писателя Йенса Шпаршу *Der Zimmerspringbrunnen* («Комнатный фонтан») (SPARSCHUN 1995).

Во-первых, в анализируемом произведении основной персонаж — Хинрих Лобек; в романе предельно детально описывается процесс адаптации бывшего гражданина ГДР к новым для него условиям — к изменениям, вызванным объединением ФРГ и ГДР. Другими словами, в фокусе повествования находятся процесс аккультурации, т. е. вторичной социализации, субъекта с уже сложившейся идентичностью, и процесс трансформации

его личностной идентичности под давлением не зависящих от него всеобъемлющих социокультурных, экономических, политических, психоэмоциональных обстоятельств.

Под идентичностью понимается «процесс идентификации субъекта с неким набором социально релевантных качеств»⁷ (Гришаева 2022: 667).

Под аккультурацией, или вторичной социализацией личности, понимается «процесс освоения «чужой» культуры, вхождение в «чужую» культуру; процесс присвоения инокультурным субъектом новой для себя системы релевантных сведений» (Гришаева 2022: 664). В специальных трудах присутствует также иное, близкое форме, но содержательно принципиально не тождественное процитированному понимание аккультурации: «процесс взаимовлияния культур, в результате чего культура одного народа полностью или частично воспринимает культуру другого народа» (КОНОНЕНКО 2003).

В данном исследовании целесообразно придерживаться первой точки зрения, поскольку культурные пространства «старой» ФРГ и экс-ГДР имели серьезные различия в структуре ценностных ориентаций в частностях и картине мира в целом, в экономической и политической сферах, в организации образа жизни, в социальной структуре общества и др.

Во-вторых, для исследования был выбран именно литературный жанр «роман», поскольку хронологическая последовательность в нем выступает как основной принцип организации текстовой ткани. Так, согласно литературоведческому словарю, роман интерпретируется как литературный жанр художественного произведения, главными чертами которого являются большой объем, многообразие действующих лиц, наличие нескольких сюжетных линий и временная протяженность (ЖЕРЕБИЛО 2005: 237).

⁷ Более подробно точка зрения раскрывается в (Гришаева 2007; Гришаева 2022: 180–229), где также описывается ментальная структура личностной и коллективной идентичности, процессы их трансформации, соотношения таких структур знания как картина мира, Я-концепция, личностная и коллективная идентичность единичного субъекта и коллективная идентичность коллективного субъекта.

В-третьих, выбор материала для анализа продиктован временем написания романа и эпохой, отображаемой художественными средствами при конструировании фикциональной реальности — спустя некоторое время после объединения двух немецких государств. Поэтому в романе представлена в разных перспективах (с точки зрения разных субъектов) переломная для немцев эпоха, а именно воспоминания о периоде существования двух немецких государств и их объединение в конце XX в. Важно учитывать тот факт, что в середине XX в. в одном культурном пространстве существовали две абсолютно разные экономические системы, а после их объединения в рамках одного государства проводились сложнейшие преобразования социальной и экономической ткани (БЕТМАКАЕВ 2012: 36). Подобные преобразования не могли не затронуть процессы социализации носителей культуры, а также не могли не повлиять на формирование и трансформацию личностной идентичности у граждан как в «старой» ФРГ, так и в новых немецких землях.

Насколько сложной и неоднозначной была для носителей немецкого языка и культуры ситуации разделения на два государства, можно судить, например, по рассуждениям М. Франка, который в свое время высказывал суждение о том, что возведение стены в Берлине было целесообразным для развития экономики в ГДР, поскольку после этого события жители восточной части должны были улучшать ситуацию в ГДР, а не сбегать в ФРГ (FRANK 2001: 351). О сложностях в изучении идентичности носителей немецкой культуры рассуждает и О. А. Степаненко, обращая внимание на то, что проблема немецкой культурной идентичности до сих пор остается актуальной, поскольку разделение Германии на два государства (ГДР и ФРГ) наложило весьма заметный отпечаток на ее жителей (СТЕПАНЕНКО 2011: 196).

В-четвертых, согласно мнению М. С. Потеминной, исследовавшей художественное осмысление процесса объединения Германии на примере романа Шпаршу *Der Zimmerspringbrunnen*, заслуживает внимания то, какие средства используются в вербальной коммуникации главного героя с покупателями, то, как главный герой романа прибегает к риторике, *ориентированной на сферу продаж* с целью повышения показателей своей деятель-

ности (ПОТЕМИНА 2008: 104) (выделено мною — А. П.).

В-пятых, интерес к поставленной проблеме обусловлен тем, что отдельные фазы события «продажа», а также и событие в целом в исследуемом романе тесно связываются с описанием трансформации личностной идентичности основных персонажей романа. Поэтому события «продажа», происходящие в разное художественное время, правомерно интерпретировать как своего рода движитель сюжетной линии: они становятся также для реципиентов — читателей романа — довольно надежным способом маркирования отдельных фаз аккультурации граждан экс-ГДР, показывают степень успешности адаптации к новой для них социальной среде этих субъектов познания и коммуникации.

Наконец, особого упоминания заслуживает автор романа; можно сказать, что биография главного героя романа и биография писателя схожи. Йенс Шпаршу родился в 1955 г. в городе Карл-Маркс-Штадт (ныне Хемниц), вырос в Восточном Берлине, столице ГДР. С этим городом связана его писательская деятельность. Он является довольно успешным и известным в Европе писателем.⁸

Так, относительно творчества Шпаршу некоторые критики высказывались следующим образом:

Sparschuhs Forschungsinteresse richtet sich auf die historisch-sozialen Kontexte, in welchen die Vernunft ihren Platz zu finden sucht. Sein Anliegen ist es, die Mechanismen aufzudecken, durch welche bestimmte Elemente im Rahmen dieses Prozesses gar ausgeschlossen werden. Darüber hinaus bemüht er sich um eine tiefgehende Analyse der Verformungen, die infolge dieser Aushandlungsprozesse auftreten. Шпаршу интересуют исторические и социальные условия, в которых пытается утвердиться разум, он упорствует в том, чтобы выяснить, что при этом вытесняется, и пытается проникнуть в суть происходящих деформаций (ARNOLD 1992: 98).

В романе *Der Zimmerspringbrunnen* Шпаршу раскрывает для читателя серьезность общественных проблем, характеризует человеческие отношения через мысли главного героя, который, в свою очередь, описывает происходящее вокруг сквозь призму своего мировоззрения в процессе трансформации своей лич-

⁸ <https://www.klangkontext.de/boltenhagen/buecher2001/spar-inf.htm>.

ностной идентичности (ПОЛИКАРПОВ 2015: 170).

Поэтому проблематику романа целесообразно анализировать через изучение функционального потенциала прежде всего события «продажа», а также через сопоставление результатов взаимодействия в разных коммуникативных ситуациях главного действующего лица романа с потенциальными покупателями как носителями одной культурной идентичности, а именно носители немецкой культуры, одной коллективной идентичности (граждане экс-ГДР), но обладающими различной личностной идентичностью в силу того, что они являются единичными субъектами.

Именно кризис и поиск себя, т. е. трансформация идентичности, в том числе через освоение новой для персонажа профессии «коммивояжер», является одним из основных звеньев в сюжетной линии и акцентируют проблематику анализируемого романа.

Роман Шпаршу уже становился объектом исследовательского интереса под различным углом зрения (см. работы [ГРИШАЕВА 2006; ПОТЕМИНА 2008; ПОЛИКАРПОВ 2015]). Однако предлагаемый в статье ракурс исследования (см. выше) еще не был предметом изучения. Анализируемый текст становится здесь исследовательским объектом, поскольку он значим как результат осмысления особенностей культурной идентичности Германии эпохи объединения «старой» ФРГ и экс-ГДР носителями соответствующей языковой культуры. При этом подобное осмысление позволяет проникнуть в те фазы, которые, как правило, не доступны исследователю для непосредственного наблюдения. Однако Шпаршу открывает завесу над тайной формирования и трансформации личностной идентичности субъекта через описание отдельных фаз процесса аккультурации главного героя в изменяющейся социокультурной и психосоциальной реальности.

Тем самым вынужденное в силу объективных обстоятельств изменение профессии — основной персонаж должен стать коммивояжером, то есть продавцом, что он не умел и никогда не стремился делать, будучи гражданином ГДР — воспринимается маркером трансформации идентичности единичного субъекта. Следовательно, понятно, почему весь процесс трансформации идентичности конкретного человека показывается сквозь призму события «продажа».

2. Результаты исследования

Главный герой романа – Хинрих Лобек (Hinrich Lobek), житель ГДР, испытавший шок после объединения Германии, потерявший интерес к жизни и погружившийся в рутину будней. По его мнению, он потерял связь со своей страной: «hatte ich mein altes Heimatland verlassen (bzw. es mich)» (SPARSCUH: 36). Вынужденный осваивать новую профессию «коммивояжер», поскольку иного способа приложения своих сил он не смог найти, он все чаще сталкивается со сферой продаж и, как следствие, с новыми социальными отношениями, ориентироваться в которых ему крайне затруднительно.

2.1. Трансформация идентичности как условие и результат личностного роста

По ходу развития сюжета можно проследить, каким образом событие «продажа» влияет на состояние героя и на его реакции на знакомое и незнакомое окружение. Как и большинство жителей экс-ГДР, Хинрих Лобек, ставший безработным после падения Берлинской стены, т. е. после объединения «старой» ФРГ и экс-ГДР, сидит три года без работы, абсолютно ничем не занимаясь и ничем не интересуясь (см. пример 1). Характерно, что писатель довольно детально описывает отдельные фазы состояния человека, который не может адаптироваться к изменившимся социальным условиям и социальной атмосфере, в которой он испытывает психологический дискомфорт, выражающийся и через телесное недомогание:

- (1) Eigentlich bewegte ich mich gar nicht mehr, sondern saß, seit meiner Abwicklung, nur noch in der Wohnung herum. Oder: ich lag einfach auf dem Sofa und starrte zum Fenster, ganze Nachmittage <...> (SPARSCUH: 10).

В подобных случаях писатель преимущественно использует глагольные сложноподчиненные предложения в форме Präteritum, функции которых вполне вписываются в общие тенденции, не раз описанные в грамматиках.

Главный герой все больше теряет связь с реальным миром, все чаще и все глубже погружаясь в собственные мысли и рассуждения (пример 2):

- (2) Einziger Erfolg: ich wurde immer schweigsamer... (ibid.: 14).

(3) Sicherlich eine der Spätfolgen meiner erfolglosen Telefonbewerbungen... (ibid.: 15).

Обращение писателя к эллиптическим предложениям при описании соответствующего состояния главного персонажа представляется весьма удачным и адекватным способом выражения сложного психоэмоционального состояния и безысходности. К тому же состояние погруженности героя в себя выражается при помощи сравнительной степени прилагательного *schweigsam*,⁹ что дает представление о закрытом образе жизни главного героя и о траектории размышлений об окружающей его действительности.

Полная изоляция приводит к сужению его активного словарного репертуара в общении со своим ближайшим окружением: *ja, nein, hallo, vielleicht, wahrscheinlich*, и в какой-то чрезвычайной ситуации *Mal sehen*. Так, Потемина констатирует, что, как и большинству граждан ГДР, Лобеку было очень сложно адаптироваться в новом мире (ПОТЕМИНА 2008: 102). Процесс аккультурации оказывается для него весьма трудным и сопровождается многочисленными сложностями прежде всего психологического свойства. В качестве подтверждения правомерности изложенной интерпретации хотелось бы обратиться к мыслям П. Н. Донца, который в своем исследовании германо-германского диалога говорит о том, что во времена «Берлинской стены» Германия и ее культура были разорваны на части, жители страны отдалялись друг от друга в результате ориентации на «разные модели социально-экономического развития» (ДОНЕЦ 2004: 230).

Опираясь на результаты исследования Гришаевой романа *Der Zimmerspringbrunnen* через фокусирование внимания на трансформации идентичности и диалектике личностной и коллективной идентичности, следует отметить тот факт, что Лобек не чувствует себя частью общества, в котором он физически живет, так как оно ему чуждо и непонятно (ГРИШАЕВА 2006: 326). Это проявляется даже в том, что он не приемлет, отрицает и осуждает западное влияние на тот немецкий язык, на котором он до сих пор общался. Так, узнав о приглашении на работу, его

⁹ Schweigsam — nicht gesprächig; wortkarg (DUDEN: URL).

жена Юлия произносит: «aber, Mensch, das ist ja toll!», на что получает ответ Лобека: «Da war es wieder — das Hugelmannvokabular» (SPARSHUN: 23). Дело в том, что начальник супруги Лобека Hugelmann является жителем западной части Берлина, а Юлия, по мнению ее супруга, проявляет чрезмерно острый интерес к жизни жителей Западной Германии; это не нравится Хинриху: его недовольство и негодование выражается высказыванием с наречием wieder ‘снова’. В отличие от своей жены, которая спокойно приняла кардинальные перемены в обществе, вполне успешно и довольно быстро адаптировалась к изменившейся действительности, Лобеку очень тяжело это сделать и смириться с новой реальностью.

Несмотря на то, что со временем Лобек начинает чаще использовать способы выражения мыслей, не употреблявшиеся им ранее, он все еще привязан к своей родине — ГДР. Даже во время пробуждения главный герой неосознанно вспоминает строки из песенного репертуара времен ГДР, в частности несколько модифицированное начало гимна коммунистов «Интернационал», соотнося соответствующий призыв не к коллективному субъекту, как в оригинале, а к единичному субъекту, т. е. к себе: «Wach auf, Verdammter dieser Erde!» (SPARSHUN: 67). Следует заметить, что в немецком языке вскоре после объединения Германии появилось весьма подходящее слово для описания состояния жителей восточной части — Ostalgie.¹⁰ Герой находится, по сути, на границе двух культур, если использовать обозначение Потеминной для состояния некоторых жителей экс-ГДР (ПОТЕМИНА 2008: 104).

Однако, получив место в компании, занимающейся продажами бытовых товаров, Лобек открывает в себе новые качества, которые помогают ему добиться успеха в новой профессии. Став коммивояжером, к каждому своему покупателю он научился находить подход, тем самым завоевывая доверие людей, что напрямую влияет на количество продаж. В связи с этим хотелось бы привести высказывание А. М. Поликарпова (ср.: пример 4):

¹⁰ Ostalgie — Sehnsucht nach [bestimmten Lebensformen] der DDR (DUDEN: URL).

устроившись агентом фирмы по продаже комнатных фонтанов, он использует свой творческий потенциал и разрабатывает собственными руками новую модель комнатного фонтана, в которой Берлинская телевизионная башня, бывший символ столицы ГДР, располагается на фоне контура территории уже не существующей страны. Эта модель поступает в продажу и пользуется успехом у клиентов-берлинцев, бывших жителей ГДР, что позволяет улучшить маркетинговую стратегию фирмы (ПОЛИКАРПОВ 2015: 169).

- (4) Mir dämmerte allmählich, dass die Intuition (oder was immer es sonst gewesen sein mag) mich damals, an jenem traurigen Abend mit dem defekten JONA, durchaus auf den richtigen Weg geleitet hatte, als sie mich in mühseliger Nacharbeit ausgerechnet die Umrisse der DDR, meines untergegangenen Landes, aus der Kupferplatte heraussägen ließ.) (SPARSCHUH: 103).

При каждом посещении новой квартиры, чтобы продать очередной комнатный фонтан, он действует ситуативно, не следуя рекомендациям своего коуча и напарника Уве Штрювера, поскольку рекомендации последнего нерезультативны в Восточном Берлине (пример 5):

- (5) Etwas weniger abrupt, aber ebenso erfolglos, endete unser Versuch Parterre Nebenhaus... Herbert also winkte zwar ab, schloß aber sofort leise die Tür) (ibid.: 74–75).

2.2. Вариативность трансформации личностной идентичности субъекта в новой социокультурной среде

В данном контексте любопытным и не менее важным оказывается в романе эксплицитное и имплицитное сравнение жителей Западной и Восточной Германии.¹¹ Осознав, что он отлично

¹¹ В качестве доказательства сказанному можно привести данные анализа, проделанного Обществом немецкого языка Gesellschaft für deutsche Sprache (GfdS). Согласно данным GfdS, наиболее значимыми словами для немцев в 1990-е гг. были такие как die neuen Bundesländer, vereintes Deutschland, Besserwessi (<https://gfdS.de/aktionen/wort-des-jahres>). Особенно интересно последнее (Besserwessi), которое, несомненно, подтверждает мнение, что жители Западной Германии действительно считали себя более компетентными во многих вопросах, что, по всей видимости, и пытается донести до читателя Шпаршу. В свою очередь, жители восточной части страны именовались словом с

чувствует и понимает желания восточного потребителя, Лобек осмысляет основания своей культурной идентичности, а также идентичности своих бывших и нынешних сограждан и добивается успеха в работе большего, чем его западногерманский коллега, становится в фирме, где он ранее работал коммивояжером, начальником отдела снабжения по восточному сектору.

Писатель достоверно показывает доминирующие типы людей, которые вынуждены были трансформировать свою идентичность в обстоятельствах, не зависящих от их субъективных желаний и представлений. Это типаж западного немца (Уве Штрювер), разные психологические и социальные типы восточных немцев (Юлия — жена, а также покупатели фонтана Габи Виндиш, Вернер Яновски), с трудом адаптирующихся к меняющейся социальной реальности (Хинрих Лобек). Типажи, описанные Шпаршу, вполне вписываются в классификацию И. В. Поляковой, изучающей психологические механизмы социального конструирования и особо акцентирующей внимание на следующих категориях: «человек... рассматривается как успешно или неуспешно адаптирующийся субъект к внешним условиям социального окружения» (ПОЛЯКОВА 2017: 688).

Например, супруга главного героя романа Юлия, несомненно, относится к успешно адаптирующемуся типу, так как она смогла быстро привыкнуть к новой реальности, наладить общение со старыми школьными друзьями и найти подходящую для себя работу. Она периодически убеждала Хинриха, чтобы он тоже старался поддерживать социальные контакты, а не сидел все время дома (пример 6):

- (6) Sogar Julia — obwohl das nichts zu sagen hatte — sagte damals: „Du mußt einfach wieder raus, du mußt unter Menschen“ (SPARSCHUH: 11).

Одна из ее подруг, Конни, переехавшая из ГДР, ставшая жительницей «старой» ФРГ, с которой Юлия по понятным причинам долгое время не общалась, также относится к лицам, ко-

негативной коннотацией Jammerossi. Именно так изображается Лобек в начале повествования. Ср. также соответствующие наблюдения о представлениях западных и восточных немцев друг о друге и рассуждения в связи с этим в (ДОНЕЦ 2004).

которые довольно легко проходят процесс аккультурации. Но после падения стены Юлия смогла принять перемены в обществе и внутри себя, сумев наладить отношения в том числе и со школьной подружкой (пример 7):

- (7) Conny war Julias alte Schulfreundin. Sie hatten sich nach der Wende wiederentdeckt» (ibid.: 78).

Противоположностью Юлии является Хинрих, которому тяжело далась адаптация в новом для него мире. Ему было трудно социализироваться в новое общество, поэтому его круг общения сужался (пример 8):

- (8) Die Kreise, in denen ich mich bewegte, waren in den letzten Jahren immer kleiner, immer enger geworden (ibid.: 10).

Характерно, что постепенное исчезновение социальных контактов из жизни Лобека выражается использованием прилагательных соответствующей семантики *eng*, *klein* в сравнительной степени применительно к действиям людей или даже насекомых. Сам герой понимает, что он становится затворником, который не выходит в свет. Любопытно, что подобное описание конструируется с помощью презентных глагольных форм, маркируя новую, предельно актуальную для него, фазу аккультурации главного героя. В своих мыслях герой сравнивает себя с мухой, которая, однако, в отличие от него может вылететь в окно и быть свободной (*ich kann dich nicht begleiten, weil ich hier bleiben muß*). Прием сравнения иллюстрирует отнюдь не позитивные мысли Лобека и его неготовность открыться новому миру (пример 9):

- (9) Nach mehreren Anflügen schaffte es die Fliege, endlich — hinaus, in die Freiheit! Gute Reise, kleine Fliege — ich kann dich nicht begleiten, weil ich hier bleiben muß... (ibid.: 11).

2.3. Функциональный потенциал события / интеракции «продажа» и его влияние на трансформацию личностной идентичности субъекта

Проведенный анализ показывает, насколько значимым для развития сюжета в романе является событие «продажа». Эта интеракция, очевидно, имеет существенный функциональный потенциал и в бизнес-коммуникации, поскольку маркетинг является одной из ведущих отраслей бизнес-деятельности, которая

приносит прибыль. В данном контексте важно учитывать, что общепризнанным в бизнес-среде является суждение относительно конечной цели бизнеса — максимально удачной продажи товаров и услуг, а результатом бизнес-деятельности признается потребитель, готовый к покупке (КОТЛЕР 2006: 22).

Событие «продажа» в романе, как уже было сказано, маркирует поворотные моменты сюжета, повествование последовательно показывает, как это событие влияет на завершение одной фазы трансформации идентичности главного героя и на начало другой (см. примеры выше). Кроме того, повествование о событии «продажа» маркирует кризис идентичности не только у единичных субъектов, но и у коллективного субъекта. В романе продажа как один из основных видов деятельности в рыночном обществе показывает переход к абсолютно новому этапу развития не только целой страны, но и отдельного человека, поскольку до 1990-х гг. в экс-ГДР не был распространен такой вид деятельности как коммивояжерство.

В относительно небольшом по объему романе было выявлено 8 эпизодов, напрямую связанных с ситуацией купли-продажи. Для повествования о них писатель использует вариативные средства вербализации соответствующих сведений. В четырех эпизодах описаны попытки продаж на территории новых немецких земель, осуществленные напарником главного героя Штрювером, который является жителем западной части страны. Штрювер использовал шаблонные фразы¹² для представления продаваемого товара (пример 10):

- (10) Gestatten Sie — ich bin Uwe Strüver von der Firma PANTA RHEIN, und das hier ist mein Mitarbeiter, der Herr Lobek. Wenn Sie einen Augenblick Zeit haben — wir möchten Sie für ein Angebot interessieren... (SPARSHUN: 72).

Он всегда неизменно использует формальный стиль общения, всегда обращается к любому потенциальному покупателю на *Вы*, стереотипно использует вводные для начала общения фразы (Ge-

¹² Шаблонными фразами для делового взаимодействия являются фразы такого рода: «Позвольте представиться...», «Я буду очень признателен, если Вы...», «Позвольте представить вашему вниманию...» и т. д. (РАЙГОРОДСКИЙ 2006: 155).

statten Sie, Wenn Sie einen Augenblick Zeit haben). Однако такой способ реализации коммуникативной стратегии не приносит ему успеха, поскольку «западник» Штрювер использует способы и средства реализации коммуникативных стратегий, конвенциональных для ФРГ.¹³ Поэтому граждане экс-ГДР, имеющие иную коллективную идентичность и владеющие иными средствами и способами решения коммуникативных и когнитивных задач, не заинтересованы в общении с ним в своем доме и в покупке предлагаемого им товара. Доказательством их недовольства являются описание реакций жителей Восточного Берлина на попытки со стороны Штрювера завязать контакт. Но тот не может адекватно декодировать вербальные и невербальные знаки, которые западник Штрювер не способен «считывать» и корректно интерпретировать в разных коммуникативных ситуациях. Крайнее недовольство потенциального покупателя в данном примере выражена наречием с экспрессивной окраской («basta»¹⁴) (пример 11).

(11) Gar nischt unterschreib ick, basta... (SPARSCHUH: 74).

Полное отсутствие интереса жителя одной из квартир в покупке предложенного Уве Штрювером товара представлено через описание с помощью различных языковых средств обозначения невербальных знаков выражения недовольства и иных негативных чувств со стороны потенциальных покупателей. Так, они выражены сложным отглагольным существительным Augenverdrehen и словосочетанием прилагательного с существительным sonderbare Grimassen ‘странные гримасы’ (пример 12).

¹³ По словам А. Людке, более успешным, в принципе, был подход к работе в восточногерманском обществе, поскольку именно они сочетали в себе профессиональные качества и умение творчески справляться с проблемами. Это было эффективнее передовых методов индустриального общества западной Германии (Людтке 2010: 264). Поскольку Лобек — житель восточной части, в дальнейшем он использовал именно такой творческий подход в работе, который привел его к успеху.

¹⁴ Basta — Ausdruck, mit dem jemand kundtut, dass er über etwas nicht mehr weiter zu sprechen wünscht; Schluss damit!, genug jetzt! (DUDEN: URL).

- (12) ...kommentierte er entweder mit einem entschuldigenden Blick oder auch mit Augenverdrehen und ganz sonderbaren Grimassen (ibid.: 75).

Дела у фирмы, на которую работает главный герой романа, идут лучше, когда Лобек осознает, что способ взаимодействия с гражданами экс-ГДР, согласно которому действует его западно-германский коллега, не работает, после чего он решается принимать самостоятельные решения. Лобек начинает анализировать действия и реакции каждого покупателя и находит подход к каждому из них, так как он учитывает особенности культурной идентичности жителей восточной Германии, в частности, их ностальгические чувства.

Одним из примеров успешной коммуникации с покупателями является то, что для жителей Восточного Берлина Лобек изменил форму товара так, чтобы ее вид напоминал им о временах ГДР. И после этого они воспринимали товар не как увлажнитель воздуха, а как реликвию, которая вызывает ностальгию и добрые воспоминания о жизни в ГДР (пример 13):

- (13) Aber die Mehrheit behandelte ATLANTIS wie ein *Kultobjekt*. Wie oft sah ich sie mit Ehren in der roten Ecke stehen. Manchmal hatte ich das Gefühl, in einem *Gedenkmuseum* zu sein. Wenn ich auf Empfehlung irgendwo hinging, wurde ich als *Gleichgesinnter* empfangen... (SPAR-SCHUH: 104).

Такое действие главного героя принесло ему успех. В первом предложении в примере 11 используется сравнение (wie) продаваемого предмета с объектом культа (ein Kultobjekt). Лобек больше не считал себя отчужденным, отторгнутым, ненужным, поскольку в каждой квартире, куда он приходил с модифицированным комнатным фонтаном, его принимали как единомышленника (Gleichgesinnter). Характерно, что соответствующее высказывание выражается двучленным пассивом, в котором не требуется обозначать актора (деятеля); тем самым, по всей видимости, акцентируется типичность, повторяемость восприятия основного персонажа как нужного, как желательной персоны, как «своего».

Кроме того, в романе упоминаются реалии, которые напоминают герою о временах ГДР; с их помощью он устанавливает связь с покупателями, в которых просыпается чувство солидарности, сопричастности, тождества культурной идентичности

(примеры 14, 15, 16):

- (14) Die ältere Dame jedenfalls *hatte feuchte Augen*, als sie mir zum Abschied stumm die Hand drückte (ibid.: 103).
 (15) ...so *kratzte ich* etwa bei dem einen Modell Städtenamen in die Kupferplatte, zum Beispiel „*Karl-Marx-Stadt*“ dort, wo sich heute Chemnitz befand (ibid.: 104).
 (16) Ich wurde, wenn ich auf Empfehlungen kam, als *Gesinnungsgenosse* begrüßt... (ibid.: 105).

Именно учет особенностей культурной идентичности потенциальных покупателей позволяет ему выявить максимально продуктивные способы реализации коммуникативных стратегий при взаимодействии с покупателями.¹⁵

В ходе анализа было отмечено, что известные по специальной бизнес-литературе фазы делового общения — подготовительная фаза, начало беседы, передача информации, основная часть, аргументирование и заключительная фаза, покупка предлагаемого товара (СМИРНОВ 2014: 78) — представлены в романе через высокую содержательную и формальную вариативность способов их реализации. Варианты вербализации каждой фазы представлены в Табл. 1.

Таблица 1. Вариативность средств решения одной коммуникативной задачи (выборочно)

Параметры ситуации	Фазы события «продажа»		
	Коммуниканты: торговец — потенциальный покупатель		
	Приветствие	Представление продавца и товара	Завершение коммуникации
Примеры	Guten Tag	1) Ich bin von der Firma PANTA RHEIN; 2) Wenn Sie einen Augenblick Zeit haben —	1) Vereinbarung eines neuen Treffens; 2) Unterzeichnung des Vertrags, Kauf

¹⁵ См. подробнее вывод Гришаевой о том, что для выбора коммуникантом стратегии взаимодействия с носителем другой культуры, а также для выбора способов реализации соответствующей стратегии необходимо умение адекватно идентифицировать маркеры культурной идентичности субъекта (ГРИШАЕВА 2022: 263).

		wir möchten Sie für ein Angebot interessieren...; 3) Kurzes Vorstellen, selbstbewusstes Betreten der Wohnung ohne Einladung	von Zimmerbrunnen; 3) Ablehnung von Angeboten zum Kauf eines Zimmerbrunnens
Характер действий	Постоянные	Ситуативно обусловленные	Ситуативно обусловленные
Место	Восточная Германия (Восточный Берлин)		
Время / эпоха	Объединение Германии, падение Берлинской стены		

Таким образом, событие «продажа» имеет в текстовом целом довольно обширный и дифференцированный функционал:

— маркировать фазы аккультурации единичного субъекта в новом для него социокультурном окружении и результат трансформации личностной идентичности как по завершении отдельной фазы трансформации идентичности субъекта, так и по завершении трансформации в целом;

— служить маркером успешной / неуспешной аккультурации в новой для субъекта социальной среде;

— быть маркером «своего» и «чужого» культурного пространства при рефлексии и при осуществлении того или иного вида деятельности;

— быть показателем успешной / неуспешной коммуникации носителей культуры, а также конвенциональной / неконвенциональной коммуникативной стратегии;

— служить движителем сюжетной линии;

— маркировать кульминацию в развитии действия;

— служить средством доступа к осмыслению послания автора.

Соотношение мини-нарративов, т. е. эпизодов, в которых повествуется о событии «купля-продажа», с одной стороны, и макронарратива, т. е. текстового целого — с другой, можно обобщенно представить следующим образом (см. Табл. 2).

Таблица 2. Функциональный потенциал события «продажа» в текстовом целом

Структура сюжета	Эпизод-нарратив	Основное содержание эпизода	Функция	Связь с посланием автора
Зачин	1, стр. 7-20	Неприятие перемен, дезориентация	Маркирует кризис культурной идентичности героя	Показывает значимость психоэмоциональных и психосоциальных преобразований в личности, необходимость активной рефлексии, необходимость опоры на собственный социокогнитивный опыт (стремление отразить трансформацию идентичности, переконфигурирование сведений в ментальной структуре идентичности)
	2, стр. 20-49	Первые попытки за долгое время найти работу и пройти собеседование	Определяет начало трансформации личности	
	3, стр. 50 -92	Разочарование в методах продажи своего коуча. Первые попытки реализации собственного нового социального опыта	Маркирует внутренний конфликт героя, готовность к трансформации личностной идентичности	
Кульминация	4, стр. 93 - 103	Признание значимости собственного социального опыта	Маркирует начало трансформации личностной идентичности главного героя	
	5, стр. 103-104	Первый самостоятельный успех	Акцентирование внимания на прохождении успешной трансформации личностной идентичности	

	6, стр. 104-120	Увеличение количества продаж, повышение популярности товара среди жителей бывшей ГДР, благодаря измененной форме	Фокус на процессе трансформации личностной идентичности и постепенная вера в себя	
Финал	7, 8 стр. 120-158	Признание успеха, адаптация в социуме. Получение должности начальника отдела в восточном секторе	Маркирует окончание трансформации личностной идентичности и полную адаптацию героя в новом для него социуме	

3. Выводы

Роман *Der Zimmerspringbrunnen* представляет собой повествование о трансформации личностной и коллективной идентичности человека в переломную эпоху — эпоху объединения Германии.

Маркером кризиса идентичности личности (на начальном этапе развития сюжета) и завершения трансформации личностной идентичности субъекта (завершающая часть повествования) становится детальный рассказ о том, как осуществляется интеракция «купля-продажа», через подробное описание действий субъекта в каждой фазе соответствующего процесса. Подобный способ повествования позволяет смещать фокус с одной детали на другую: с ситуации на внешность субъекта, с его мыслей на стремление освоить новую профессию, со своих переживаний неудач на поиски стратегий, позволяющих добиться успеха в профессиональной деятельности.

Тем самым событие «продажа» становится содержательным стержнем сюжета и выполняет многочисленные текстограмматические функции, прежде всего структурируя повествование, объединяя и одновременно разделяя два несовместимых друг с

другом пласта сведений: прошлое и настоящее человека, находящегося в ситуации неопределенности, порой даже в пограничной ситуации, в кризисе идентичности.

В результате исследования был выявлен функциональный потенциал события «продажа» в текстовом целом. Через мини-нарративы, эпизоды, описывающие продажу бытового товара, которые тесно «вплетены» в сюжет романа, развиваются практически все сюжетные линии и демонстрируется значимость трансформации личностной идентичности единичного субъекта.

Через анализ характеристик основных персонажей как носителей определенной личностной идентичности выявлен конфликт личности главного героя с новой для его социальной средой и с коллективной идентичностью коллективного субъекта, предъясняются признаки личности, образующие ментальную структуру личностной и коллективной идентичности субъекта.

Установлено, что развитое умение организовать взаимодействие в интеракции / событии «продажа» и умение творчески переносить свой прежний социокогнитивный опыт в новую социокультурную реальность становится маркером успешности жизнедеятельности персонажей романа, прежде всего, главного героя романа. Его умение выбирать средства и способы реализации актуальных для него коммуникативных стратегий благоприятствует его адекватному восприятию новой для него социальной реальности, его адаптации к новой реальности и осмыслению всех фаз процесса аккультурации. Западная культура, в которую он ранее не был погружен, начинает позитивно восприниматься главным героем, поскольку его умение организовать свою работу связано с коммуникацией с жителями западной части Германии. Герой проходит адаптацию к другой культуре болезненно, однако получает новые сведения, ассоциируя их в уже сформировавшуюся ранее картину мира.

Анализ текстосемантической и текстосинтаксической организации художественного повествования, на первый взгляд, прозрачной и понятной для исследования, позволяет выявить закономерности, от которых зависит структура самого повествования, в частности, необходимость соотносить структуру повествования со структурой деятельности персонажей, а также сте-

пень детализации повествования о событии с характером погружения последнего в конструируемый фикциональный пространственно-временной континуум.

Анализ и обобщение наблюдений показывает, что культурная идентичность — весьма сложный феномен, который способен тем или иным образом влиять на степень успешности коммуникации субъектов в культурном пространстве.

Многоаспектный анализ функционального потенциала события «продажа» в художественном нарративе позволяет осознать значимость роли нарратива в процессе первичной и вторичной социализации личности в некотором культурном пространстве. Повествуя о тех или иных действиях персонажа в конструируемой фикциональной реальности, писатель показывает читателю ряд возможностей успешного или неуспешного взаимодействия человека, обладающего определенными личностными качествами (т. е. личностной идентичностью), с социальной средой, имеющей свои конкретные характеристики, с реакцией социума на те или иные действия субъекта, поощряемые или порицаемые в соответствующем обществе, а также со средствами и способами решения типичных и / или нетипичных в некоторых ситуациях коммуникативных и когнитивных задач.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Антонова Л. Г. Основы маркетинговой лингвистики / ред. Л. Г. Викулова. М: Языки народов мира, 2023. [Antonova, Lubov' G.; Biryukova, Evgeniya V. & Borisova, Yelena G. (2023) *Osnovy marketingovoy lingvistiki* (Fundamentals of Marketing Linguistics). In: Vikulova, Larisa G. (ed.) Moscow: Yazyki narodov mira. (In Russian)].
- Бетмакаев А. М. Вальтер Ульбрихт и экономическое соревнование между ГДР и ФРГ в 1960-е гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. С. 36—39. [Betmakayev, Aleksey M. (2012) *Val'ter Ul'brikht i ekonomicheskoye sorevnovaniye mezhdu GDR i FRG v 1960-e gg* (Walter Ulbricht and the Economic Competition between the GDR and the FRG in the 1960s). *Bulletin of Altay State University*, 36—39. (In Russian)].
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. [Galperin, Ilya R. (2007) *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* (Text as an Object of Linguistic Research). Moscow: KomKniga. (In Russian)].

- Гришаева Л. И. Эпоха социальных поворотов в литературном зеркале: Универсальное и специфическое в поиске личностной и коллективной идентичности // Человек как субъект коммуникации: универсальное и специфическое. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. С. 312—332. [Grishaeva, Lyudmila I. (2006) *Epokha sotsial'nykh povorotov v literaturnom zerkale: Universal'noye i spetsificheskoye v poiske lichnostnoy i kollektivnoy identichnosti* (The Age of Social Turns in the Literary Mirror: The Universal and the Specific in the Search for Personal and Collective Identity). In: Grishaeva, Lyudmila I. (ed.) *Chelovek kak sub'ekt kommunikatsii: universal'noe i spetsificheskoye* (Human as a Subject of Communication: Universal and Specific). Voronezh: Voronezh State University, 312—332. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. [Grishaeva, Lyudmila I. (2007) *Osobennosti ispol'zovaniya yazyka i kul'turnaya identichnost' kommunikantov* (Peculiarities of Language Use and Cultural Identity of Communicators). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Вариативность текста в коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. [Grishaeva, Lyudmila I. (2020) *Variativnost' teksta v kommunikatsii* (Text Variability in Communication). Voronezh: NAUKA-UNIPRESS. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. [Grishaeva, Lyudmila I. (2022) *Dialogi o mezhkulturnoy kommunikatsii* (Dialogues about Intercultural Communication). Voronezh: NAUKA-UNIPRESS. (In Russian)].
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2005. [Zherebilo, Tatyana V. (2005) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms). Nazran: Piligrim. (In Russian)].
- Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече 2000: АСТ, 2003. [Kononenko, Boris I. (2000) *Bol'shoj tolkovyy slovar' po kul'turologii* (The Big Dictionary of Cultural Studies). Moscow: Veche, AST. (In Russian)].
- Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс / ред. С. Г. Божук. СПб.: Питер, 2006. [Kotler, Phillip. (2006) *Marketing menedzhment* (Marketing Management). Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический ин-т в

- Москве, 2010. [Lüdtke, Alf. (2010) *Istoriya povesednevnosti v Germanii: Novyye podkhody k izucheniyu truda, vojny i vlasti* (History of Everyday Life in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War, and Power). Moscow: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya, German Historical Institute in Moscow. (In Russian)].
- Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. [Moskal'skaya, Olga I. (1981) *Grammatika teksta* (Grammar of the Text). Moscow: High School. (In Russian)].
- Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. С. 332—348. [Obdalova, Olga A. & Levashkina, Zoya N. (2019) *Ponyatiye «narrativ» kak fenomen kul'tury i obyekt diskursivnoy deyatel'nosti* (The Concept of “Narrative” as a Cultural Phenomenon and an Object of Discursive Activity). *Yazyk i kultura* (Language and Culture), 332—348. (In Russian)].
- Поликарпов А. М. Отражение особенностей немецкой национальной культуры в романе Йенса Шпаршу «Комнатный фонтан» («Der Zimmerspringbrunnen») и преодоление лакунарности концептосфер при переводе на русский язык // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 168—174. [Polikarpov, Aleksandr M. (2015) *Otrazheniye osobennostey nemetskoй natsional'noy kul'tury v romane Jensa Shparshu “Komnatnyy fontan” (“Der Zimmerspringbrunnen”) i preodoleniye lakunarnosti kontseptosfer pri perevode na russkiy yazyk* (On Certain Features of German National Culture as Reflected in Jens Sparschuh's Novel “Der Zimmerspringbrunnen” and Attempts at Bridging Concept Sphere Lacunarity in a Russian Translation). *Bulletin of N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University*, 2 (2), 168—174. (In Russian)].
- Полякова И. В. Психологические механизмы социального конструирования // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2017. С. 688—693. [Polyakova, Irina V. & Mazur, Lyudmila N. (2017) *Psihologicheskiye mekhanizmy sotsial'nogo konstruirovaniya* (Psychological Mechanisms of Social Construction). In: *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* (The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programs of Social Transformation). Collected Papers. Yekaterinburg: Ural State University, 688—693. (In Russian)].
- Потемина М. С. Проблемы процесса объединения Германии как проблема языка и коммуникации в романе Й. Шпаршу «Комнатный

- фонтан» // Вестник БГУ им. И. Канта. 2008. Вып. 2. Филологические науки. С. 101—107. [Potemina, Marina S. (2008) Problemy protsessa obyedineniya Germanii kak problema yazyka i kommunikatsii v romane J. Shparshu “Komnatnyy fontan” (Problems of the German Unification Process as a Problem of Language and Communication in J. Sparschuh’s Novel “Der Zimmerspringbrunnen”). *Bulletin of I. Kant Baltic State University*, 2, 101—107. (In Russian)].
- Райгородский Д. Я. Психология делового общения. Самара: Бахрах-М, 2006. [Raygorodskiy, Dmitriy Ya. (2006) *Psikhologiya delovogo obshcheniya* (Psychology of Business Communication). Samara: Bakhrakh-M. (In Russian)].
- Романова Т. В. и др. Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса). Нижний Новгород: Деком, 2017. [Romanova, Tatyana. V. & al. (2017) *Tolerantnost' kak kul'turnaya, politicheskaya, lingvisticheskaya problema (analiz materialov SMI i politicheskogo diskursa)* (Tolerance as a Cultural, Political, Linguistic Problem (Analysis of Media Materials and Political Discourse). Nizhny Novgorod: Dekom. (In Russian)].
- Смирнов Г. Н. Этика деловых отношений. М.: Проспект, 2014. [Smirnov, Gennadiy N. (2014) *Etika delovyykh otnosheniy* (Business Ethics). Moscow: Prospekt. (In Russian)].
- Степаненко О. А. Национальная идентичность как сюжет немецкой художественной литературы // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. С. 193—201. [Stepanenko, Olga A. (2011) *Natsional'naya identichnost' kak syuzhet nemetskoj khudozhestvennoy literatury* (National Identity as a Subject in German Fiction). *Bulletin of A. S. Pushkin Saint Petersburg State University*, 1, 193—201. (In Russian)].
- Шейгал Е. И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 86—93. [Sheygal, Yelena I. (2007) *Mnogolikiy narrativ* (The Many Faces of Narrative). *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics), 2 (22), 86—93. (In Russian)].
- Arnold, Heinz Ludwig. (1992) *Kritisches Lexikon zur deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. München: Edition Text und Kritik.
- Bal, Mieke. (2017) *Narratology: Introduction to the Theory of Narrative*. Toronto: University of Toronto Press.
- Branigan, Edward. (1992) *Narrative Comprehension and Film*. London; New York: Routledge.
- Brinker, Klaus. (2005) *Linguistische Textanalyse*. Berlin: Schmidt Erich.

- Bruner, Jerome. (1987) Life as Narrative. *Social Research*, 54 (1), 691—710.
- Bussmann, Hadumod. (1990) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
- Bußmann, Hadumod. (2002) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
- Duden. Retrieved from <https://www.duden.de/woerterbuch>.
- Frank, Mario. (2001). *Walter Ulbricht. Eine Deutsche Biographie*. Berlin: Siedler Verlag.
- Fix, Ulla. (2006) Was heißt Texte kulturell verstehen? Ein- und Zuordnungsprozesse beim Verstehen von Texten als kulturellen Entitäten. In: Blühdorn, Hardarik & al. (eds) *Text-Verstehen. Grammatik darüber hinaus*. Berlin; New York: de Gruyter, 254—276.
- Fix, Ulla. (2008) Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme.
- Velleman, J. David. (2003) Narrative Explanation. *Philosophical Review*, 112 (1), 1—25.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Sparschuh, Jens. (1995) *Der Zimmerspringbrunnen*. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch.

Anton A. Popov
Voronezh State University

**Functional Potential of “Sale” Event in Semantic
and Syntactic Organization of Fictional Text**

(exemplified by Jens Sparschuh’s Novel *Der Zimmerspringbrunnen*)

The article is devoted to the identification of the functions of the “sale” event in the organization of the narrative about the turning point in Germany in the novel by Jens Sparschuh. The main content and structural core of the text-narrative is the event, which is a minimal narrative unit that plays an important role in the organization of the fabula and thus in the textual-semantic and textual-syntactic organization at the micro- and macro-text level. One of the main features of a narrative is the presence of a causal relationship between narrative units. Therefore, the shift of narrative emphasis to separate phases of the events described in the novel has a significant impact on the interpretation of the meaning of the narrative, switching the communicative focus of the narrative in the novel from one element of the event to another. In the analyzed text, the description of business activities and the detailed account of the phases of business activi-

ties are interpreted in the context of the transformation of personal and collective identity of different single subjects as carriers of linguistic culture. Therefore, the theme revealed in the novel is understood as a comprehension of the processes accompanying the subject's adaptation to a different social environment, i. e. acculturation, which the protagonist lives through very hard. The psycho-emotional complexity of secondary socialization is revealed through the description of individual phases of acculturation in the characters of the novel in different situations. This allows us to identify several categories of culture bearers, for each of which the process of acculturation in the situation of breaking the usual socio-cultural ties in the period of German unification in the 1990s is realized in different ways. Due to the peculiarities of the content, formal and functional organization of the narrative, certain signs of the cultural identity of the collective subject deserve attention. In such a context, the "sale" event performs the function of marking how the plot as such develops, what becomes the main conflict in the work, and how the personality of the protagonist changes. The latter reveals new qualities in himself, adapting to the new realities of united Germany, deeply reflecting on various occasions, realizing the major and minor sociocultural, psychological, emotional, economic, and politically significant transformations taking place before his eyes. The corresponding descriptions accompanying the reflection and active actions (experience of successful and unsuccessful business activities) of the protagonist at each phase of secondary socialization become the basis for understanding how personal identity is transformed, not only for the protagonist himself, but also for the recipients of the novel studied. The macrotextual substantive, formal and functional analysis of the novel under the described angle of view allows us to reveal a rather extensive functional potential of the "sale" event in the organization of the narrative in the novel under study.

Keywords: narrative; functional, textual-semantic and textual-syntactic organization of text; business communication; "sale" event; cultural identity; acculturation as secondary socialization; transformation of personal identity

Для цитирования:

Попов А. А. Функциональный потенциал события «продажа» в семантической и синтаксической организации текста (на материале романа Йенса Шпаршу «Der Zimmerspringbrunnen») // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 262—293.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-262-293.

To cite this Article:

Popov, Anton A. (2025) Funktsional'nyy potentsial sobytiya "prodazha" v semanticheskoy i sintaksicheskoy organizatsii teksta (na materiale romana Yyensa Shparshu "Der Zimmerspringbrunnen") (Functional Potential of "Sale" Event in Semantic and Syntactic Organization of Fictional Text (exemplified by Jens Sparschuh's Novel "Zimmerspringbrunnen")). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 262—293. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-262-293.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; принята к публикации 04.03.2025

The article was submitted 04.02.2025; accepted for publication 04.03.2025

Е. О. Туманова

Московский городской университет управления
Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова

ЭОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛЬНОГО КОДИРОВА- НИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ ГЕРМАНИИ

Одной из самых острых проблем XXI в. является глобальное ухудшение экологической ситуации. Поиск новых аксиологических установок в обществе по формированию бережного отношения к природе находит свое отражение в политическом нарративе Германии как одной из ведущих стран мира по защите окружающей среды и развитию технологий расширенного применения возобновляемых источников энергии, что обуславливает актуальность статьи. Объектом исследования стало коллективное экологическое сознание немцев как совокупное представление о взаимосвязях человеческой жизнедеятельности и окружающей среды. Предметом исследования послужили эонимы как языковые единицы, несущие в себе вербальный код коллективного экологического сознания в Германии, отобранные методом сплошной выборки из социолингвистического рейтинга «Слово года» в период с 1971 по 2024 гг. Основными методами исследования стали также метод эмпирического анализа, метод лингвистического анализа, типологический метод, семантико-стилистический анализ, метод анализа репрезентативных корпусов немецкого языка. Анализ вербального кода коллективного экологического сознания сквозь призму эонимов представляет собой новый подход в исследовании политического нарратива, что определяет теоретическую значимость настоящей статьи. Практическая значимость проведенного исследования заключается в формировании структурированного представления о ключевых векторах деятельности в Германии по сохранению природных ресурсов и защите окружающей среды, вербализуемого посредством эонимов в политическом нарративе. В результате проведенного анализа были выявлены временные периоды наиболее активного обсуждения экологических проблем. В 1980-х и начале 2000-х гг. количество экологических терминов особенно увеличилось, свидетельствуя о возрастающем значении экологической политики и образования, а также о страхе перед природными и техногенными катастрофами. Несмотря на определенную насыщенность экологической информацией сохраняется необходимость в постоянном стрем-

лении к защите окружающей среды. Лингвокультурологический анализ позволил определить четыре ключевых направления в формировании коллективного экологического сознания: активная внутренняя политика ФРГ по защите окружающей среды, экологическое образование и воспитание, страх перед экологическими катастрофами природного генезиса, мероприятия по предотвращению экологических катастроф антропогенного генезиса.

Ключевые слова: политический нарратив; эоним; экологический эоним; архетип; концепт; лингвокультурология, коллективное экологическое сознание

1. Введение

В научных исследованиях в рамках гуманитарных и социальных дисциплин все чаще фигурирует понятие «нарратив», что обусловлено изменением в трактовке особенностей мыслительного процесса человека и признания его нарративного характера, т. е. заложенной в подсознании привычки хранить и передавать опыт человечества в форме повествования. Согласно определению У. Лабова, одного из основателей социолингвистики, посредством нарратива происходит сопоставление вербальной последовательности предложений с хронологией реальных событий (LABOV 1972: 359). «Нарративное воображение» позволяет с легкостью описать «тяжеловесную действительность», трансформируя ее в понятные и доступные истории (БРОКМЕЙЕР & ХАРРЕ 2000: 39). Благодаря своей функции упрощения сложных повествований нарратив используется во многих сферах, но особое место он занимает в медиадискурсе для описания событий из мира политики.

Классифицировать нарративы можно различными способами. Одним из критериев типологии служат социальная функция и политическое наполнение повествования. Согласно классификации М. Бейкер, в основу которой положена типология нарративов М. Сомерса и Г. Гибсона, существуют четыре типа нарративов: онтологические (индивидуальные личные истории), общественные (публичные истории, порожденные различными социальными институтами), дисциплинарные (научные концептуальные объяснения и пояснения) и мета-нарративы (нарративы как часть нашей современной реальности) (BAKER 2006: 28).

Отличительной особенностью общественных нарративов выступает их тенденция к постоянной модификации и трансформациям, способность подстраиваться под изменения в политической и социальной жизни. В соответствии с данной характеристикой исследуемый нами в статье политический нарратив описывается как общественный нарратив и является вербальным отражением изменений на политической арене страны.

В политическом нарративе Германии особое место занимают значимые для немецкого коллективного сознания языковые единицы, представляющие собой результат рефлексии изменения массового сознания. Термин *эоним* является сравнительно новым и был образован нами от древнегреческих основ *αιών* 'эпоха, век' и *ὄνομα* 'название' (Туманова 2024: 371). Это лингвистическое понятие служит универсальным обозначением языковых символов эпохи, или ключевых слов, в которых запечатлены значимые события в культурной, общественно-политической, экономической, спортивной сферах жизни социума. В эонимах эксплицируются ключевые лингвокультурные коды языковой общности. Представляется целесообразным охарактеризовать эонимы как единицы массовой культуры. Согласно определению В. И. Карасика, массовая культура представляет собой «совокупность ценностей, присущих обществу с его древнейшего состояния до современности», которые проявляются как в семейных отношениях, так и на политическом, научном и религиозном уровнях (КАРАСИК 2012: 46–47).

Ухудшение экологической ситуации во всем мире выступает одной из самых острых проблем XXI в. Термин *экология* восходит к древнегреческим корням — *οἶκος* 'дом, жилище, родина' и *λόγος* 'наука' — и дословно может трактоваться как «наука о местообитании». Таким образом, экология являет собой науку, изучающую взаимодействие во всем его многообразии живых организмов со средой их обитания (ИВАНОВА 2015: 67).

Становление экологии как обособленной науки в XX в. было обусловлено наличием достаточного количества сведений о многообразии организмов в природе и особенностях их взаимодействия с окружающей средой. Исследование этих закономерностей стало объектом изучения ученых-экологов. Первона-

чально экология представляла собой раздел биологии, однако с течением времени это понятие претерпело значительные трансформации. С одной стороны, у него появились дополнительные значения, а, с другой — за счет расширения границ денотата оно стало менее определенным и четким. За столетие своего существования понятие «экология» преобразовалось из науки «об отношениях организмов с окружающей средой», изучающей «распространение генотипических вариаций и популяций», «поведение организмов, роль естественного отбора и различных форм борьбы за существование в процессе видообразования» (Грицанов 2003: 1217), в интегративную науку, которая освещает широкий круг вопросов. Одним из свидетельств расширения понятия «экология» выступает становление такого научного направления в лингвистике как лингвоэкология, или эколлингвистика. Центральным постулатом такого подхода в языкознании является утверждение о том, что «язык представляет собой естественную среду, на которую воздействует человек» (Шаховский & Штеба 2013: 8). Современная экология исследует такие отношения между социумом и природой, которые детерминированы не только силами естественных процессов, но и воздействиями антропогенных факторов, так как изменение равновесия в окружающем мире, нарушение природной гармонии вызваны изменениями общественных взаимоотношений и социальных установок.

Поиск новых аксиологических установок в обществе по отношению к природе находит свое отражение в политическом нарративе Германии, признанной одной из передовых стран мира по мероприятиям по защите окружающей среды и развитию технологий расширенного применения возобновляемых источников энергии. Накопленные знания о законах природной целостности лежит в основе формирования экологического сознания. Экологическое сознание трактуется, в свою очередь, как совокупность представлений о взаимосвязях человеческой жизнедеятельности и окружающей среды, ключевой функцией формирования которых в обществе выступает регулирование взаимоотношений социума и природы и поиск эффективных решений стабилизации окружающей среды с возможностью ее даль-

нейшего восстановления (ГИМАЗЕТДИНОВА & СОЛОДУХО 2008: 21). Схожим термином выступает понятие экологического мировоззрения, которое описывается как система знаний и представлений об окружающем мире и методах его познания, способных к преобразованию в дальнейшем в экологические взгляды, убеждения, установки и активные действия по сохранению природы (ГАЛЬКИЕВА 2008: 7). Таким образом, основу экологического мировоззрения формирует экологическое сознание.

Человеку как биосоциальному существу свойственно проявлять себя в обществе, «подсознательно и сознательно адаптируя свое поведение» в соответствии с общими требованиями цивилизации и этнокультурными традициями той или иной социальной группы (КАРАСИК 2017: 208). Большинство проблем человечества кроется в его собственном поведении, его моральных и аксиологических установках, которые определяются его сознанием. Под сознанием понимается «способ отношения к действительности, к внутреннему и внешнему миру человека» (ИВАНОВА 2015: 42). Именно сознание координирует человеческую деятельность, поэтому решение большинства проблем требует изменений самого человека и его сознания. Изучить сущность и содержание сознания, по мнению К. Г. Юнга, возможно только при определении влияния бессознательного на духовную жизнь общества, потому что «одна пятая или одна третья, возможно даже одна вторая, часть нашей жизни протекает в бессознательном состоянии» (ЮНГ 1994: 13). В классической глубинной психологии предлагается различать коллективное и индивидуальное бессознательное. Обращение к коллективному бессознательному обусловлено тем фактом, что каждый отдельный человек воспринимает окружающий мир сквозь призму своего индивидуального опыта (своей картины мира), поэтому картин мир существует ровно столько, сколько и самих наблюдателей (ПОСТОВАЛОВА 1988: 10). В коллективном бессознательном содержится вся накопленная человечеством информация, весь цивилизационный опыт, который передается из поколения в поколение. Коллективное бессознательное выступает фундаментом индивидуального бессознательного. В связи с этим политический нарратив Германии представляет собой резуль-

тат вербальной экспликации единиц коллективного сознания.

Порождаемые в коллективном сознании первичные образы (праформы) принято обозначать термином *архетип*. Под архетипами понимаются древнейшие, универсальные и общечеловеческие идеи и установки, в которых в форме символов и знаков хранится накопленный опыт человечества. С древних времен архетипичные образы были частью мифов, легенд, сказок, позднее они нашли свое отражение в религиозных текстах и художественных произведениях. Однако современное общество все менее тяготеет к изучению древнейших ценностных установок. Стремительные темпы развития технологий и средств коммуникации привели к столь же быстрой трансформации ценностных ориентиров. В древние века природа обожествлялась, человек преклонялся и испытывал страх перед неизвестными ему явлениями и естественными процессами. Технический прогресс позволил человечеству почувствовать свою власть над природой, когда цивилизованный мир еще не представлял себе того вреда, который могут нанести вырубки лесов, бесконтрольная добыча полезных ископаемых, изобретение автомобиля и многое другое. Лишь в XX в. человечество стало задумываться о возможной природной и климатической угрозе, что отразилось в появлении новых архетипов в коллективном сознании немцев и формировании коллективного экологического сознания в Германии в целом. Архетип занимает центральное положение в ценностно-иерархической системе мира как отдельного индивидуума, так и нации и всего человечества в целом. При принятии решений и урегулировании различных вопросов, в том числе политической направленности, архетип выступает доминантой, которая на бессознательном уровне определяет цели, устанавливает ориентиры, формирует желания и стремления.

Вопросы изменения климата и защиты окружающей среды выступают доминантой во внутренней политике Германии, без обсуждения возникающих в природе проблем не обходится ни одна политическая дискуссия, дебаты, предвыборные кампании и партийные программы, что подчеркивает актуальность исследования. Изучение эонимов, отражающих особенности коллективного отношения немцев к проблемам экологии в политиче-

ском нарративе, позволяет сформировать представление о коллективном экологическом сознании в Германии и охарактеризовать основные этапы его формирования и развития, что обусловило практическую значимость работы. Теоретическая ее значимость состоит в определении и изучении эонимов в сфере экологии, которые представляют собой архетипы в коллективном экологическом сознании немцев. Целью работы выступает изучение вербального кодирования коллективного экологического сознания в политическом нарративе Германии в русле лингвокультурологического подхода. Объектом исследования послужил собственно политический нарратив, посвященный вопросам экологии. Предметом изучения стало выявление и описание эонимов в сфере экологии, которые представляют собой архетипы в коллективном экологическом сознании немцев.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования выступает эонимическая лексика, используемая в нарративах, связанных с освещением проблем загрязнения окружающей среды и деятельности правительства по ее защите в Германии в период с 1971 по 2024 гг. Основными источниками анализируемых нарративов стали такие издания как «Der Spiegel», «Die Zeit», «Focus», «Süddeutsche Zeitung», FAZ, «Mannheimer Morgen», «Frankfurter Rundschau», «Kurier», «Hamburger Abendblatt», «Rheinische Post», в которых освещались значимые события по вопросам экологии.

Основную базу исследования составили итоги социолингвистического рейтинга «Слово года» («Wort des Jahres»), ежегодно публикуемые на сайте Общества немецкого языка в г. Висбаден, с 1971 по 2024 гг.¹

Объем эмпирической базы исследования составили 296 публикаций в наиболее авторитетных новостных изданиях ФРГ. Методом сплошной выборки были отобраны 29 эонимов из списков «Слово года», в которых закодированы важнейшие события в экологической сфере Германии. Из отобранных 29 эонимов 15 были отмечены как наиболее значимые и широко распространенные в политическом нарративе. Эти 15 эонимов были под-

¹ <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres>.

вергнуты тщательному анализу и рассматривались как ключевые, остальные 14 эонимов представляют собой тесно связанные с ними понятия.

Для реализации поставленной цели использовались следующие методы научного исследования: эмпирический анализ, метод лингвокультурологического декодирования и интерпретации, типологический метод, анализ репрезентативного корпуса немецкого языка *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS). Анализ и описание отобранного эмпирического материала осуществлялась с учетом надежности новостных изданий, степени распространенности эонимов в политическом нарративе и их влияния на формирование и изменение коллективного экологического сознания немцев.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Проблемы защиты окружающей среды и формирования экологического сознания в немецком обществе отражены в следующих 15 ключевых эонимах Umweltschutz (слово на 3 строчке рейтинга 1971 г.), die Grünen (слово на 2 строчке рейтинга 1978 г.), Waldsterben (слово на 4 строчке рейтинга 1983 г.), Umweltauto (главное слово 1984 г.), Ozonloch (слово на 4 строчке рейтинга 1987 г.), Kälbermastskandal, Atommüllskandal (слова на 3 строчке рейтинга 1988 г.), Ökosteuer (слово на 9 строчке рейтинга 1998 г.), nachhaltig (слово на 11 строчке рейтинга 1998 г.), Jahrhundertglut (слово на 8 строчке рейтинга 2003 г.), Klimakatastrophe (главное слово 2007 г.), Umweltzone (слово на 5 строчке рейтинга 2008 г.), Abwrackprämie (главное слово 2009 г.), Klimaschönfärberei (слово на 3 строчке рейтинга 2024 г.), Deckelwahnsinn (слово на 10 строчке рейтинга 2024 г.).

Отобранные эонимы были проанализированы и описаны нами в ретроспективе их появления в немецком политическом нарративе. Мы распределили их по периодам возникновения: 1970-е гг., 1980-е гг., 1990-е гг., начало 2000-х гг., 2020-е гг.

3.1. Экологические эонимы 1970-х гг. в ФРГ

Эоним Umweltschutz ‘защита окружающей среды’ стал символом новой эпохи в Германии — бережного и осознанного отношения к окружающему миру. Именно поэтому мы можем рассматривать этот эоним как концептообразующий в политиче-

ском нарративе, посвященном защите окружающей среды, так как он в 1971 г. дал старт новым политическим дискуссиям, стал причиной появления общественных движений и организаций по защите окружающей среды, не утратив свою актуальность и в настоящее время. Именно в 1971 г. в Канаде была создана организация «Гринпис» (Greenpeace), участники которой первоначально выступали с протестами против испытаний ядерного оружия и охоты на китов, призывая мировое сообщество обратить внимание на глобальные экологические проблемы.

Понятие *Umweltschutz* считается символом эпохи бережного и осознанного отношения к окружающему миру. По данным репрезентативного корпуса немецкого языка DWDS, начиная с 1971 г., возрастает количество упоминаний эонима в немецкоязычном политическом нарративе (DWDS: URL). Лексема *Umwelt* была заимствована из датского языка в период второй половины XIX — начала XX в. и вошла в широкое употребление благодаря трудам немецкого биолога Я. Иксюля в значении 'Umgebung eines Lebewesens, die auf es einwirkt und seine Lebensbedingungen beeinflusst' ('среда, окружающая живой организм, которая воздействует на него и влияет на условия его жизни'). Первые дериваты *Umweltbelastung*, *Umweltschutz*, *umweltfreundlich* появляются, однако, лишь спустя век, то есть во второй половине XX в. (DUDEN 2001: 880).

Эоним *Umweltschutz* может быть рассмотрен как отражающий коллективное бессознательное современных немцев архетип, отвечающий всем свойствам архетипа как архаического феномена в модели восприятия окружающего мира и в своей вербальной форме кодирующего непосредственную связь с природой, которая в древности персонифицировалась и обожествлялась. Этому эониму присущи следующие свойства архетипа: первичность (изначальность), инвариативность (устойчивость, неизменность структуры, формы), вариативность образа, универсальность, образцовость, доминантность.

Архетип *Umweltschutz* образует фундаментальную основу политического развития Германии и формирования коллективного экологического сознания немцев. Опираясь на представление о том, что концепт является «сгустком культуры в созна-

нии человека» (СТЕПАНОВ 2001: 40), который способен замечать в мыслительном процессе несколько предметов одного и того же ряда (АСКОЛЬДОВ 1997: 269), мы рассматриваем архетип как лингвокультурный концепт. Концепт может обладать архетипическим статусом, если он соотносится с метаконцептами, лежащими в основе национального менталитета (БОЛЬШАКОВА 2012). Архетипический концепт выступает неким результатом восприятия окружающего мира индивидуумом сквозь призму коллективной картины мира (САВЕЛЬЕВА 2008). Таким образом, эоним *Umweltschutz* представляет собой архетипичный концепт, отражающий социальные, политические, ценностные и духовные установки в коллективном экологическом сознании.

Изменение аксиологических установок в обществе и смещение политических взглядов к парадигме борьбы за экологию привело к образованию новой партии *Die Grünen* («Зеленые») на политической арене Германии. Ее символическим цветом стал зеленый, что разнообразило традиционный цветовой спектр (черный, красный и желтый) партий ФРГ. Эоним *Die Grünen* представляет собой колористическую метафору (ТУМАНОВА 2023: 83). С одной стороны, речь идет об ониме для обозначения политической партии. С другой стороны, зеленый цвет символически связан в памяти с цветом растений, означает надежду и бодрость, исходящие от пробуждающейся природы, а также рост и незрелость. Обозначив себя именно этим цветовым прилагательным, партия «Зеленые» указывает на свою главную программную установку — защиту окружающей среды. Она возникла из различных региональных групп в 1980 г. и, согласно манифесту в Саарбрюккене, устанавливала «экологические социальные базовые демократические ненасильственные» (*ökologisch-sozial-basisdemokratisch-gewaltfrei*) ценности как основной приоритет своей деятельности, призывая в вопросах внешней политики к «активной политике мира» (*aktive Friedenspolitik*).

Г. Груль, автор книги *Ein Planet wird geblindert* и член бундестага от ХДС, в июне 1978 г. покинул свою партию и основал движение «*Grüne Aktion Zukunft*» (GAZ), слоганом которого стал афоризм «*Wir sind weder links noch rechts; wir sind vorne*». В 1978 г. местные экологические группы выдвинули списки кандидатов

(Grüne Listen) в землях Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия и Шлезвиг-Гольштейн, но не смогли набрать пяти процентов голосов, необходимых для прохождения в бундестаг.

В марте 1979 г. различные группы объединились под названием «Sonstige politische Vereinigungen» (SPV) — die Grünen, а в январе 1980 г. в Карлсруэ состоялась учредительная конференция партии «Зеленые». На выборах в бундестаг в 1980 г. новая партия снова не смогла преодолеть пятипроцентный барьер, но в 1983 г. ей впервые удалось провести в немецкий бундестаг 27 депутатов, набрав 5,6 % голосов избирателей. Однако первые региональные коалиции с СДПГ в Гессене (1985/1987) и Западном Берлине (1989/1990) потерпели крах. В марте 1990 г. партия «Зеленые» объединилась с партией «Союз 90» (Bündnis 90) и образовала партию «Союз 90/Зеленые» (Bündnis 90/Die Grünen). Только в 1998 г. на федеральном уровне была создана красно-зеленая коалиция (Rot-Grün) с Г. Шредером в качестве федерального канцлера от СДПГ и Й. Фишером из партии «Зеленые» в качестве министра иностранных дел и вице-канцлера.

3.2. Экологические эонимы 1980-х гг. в ФРГ

В своем выступлении от 27 сентября 2012 г. бывший канцлер ФРГ А. Меркель отметила, что основными темами 1980-х гг. были гибель лесов, загрязнение воздуха и Чернобыль: «Waldsterben, Luftverschmutzung und Tschernobyl — das waren in den 1980er Jahren beherrschende Themen» (Rede von A. Merkel, 27.09.2012).

Обследование лесов в 1983 г., второе в истории Германии, показало, что треть немецкой популяции деревьев сильно повреждена — в четыре раза больше, чем в предыдущем году, что обусловило возникновение эонима Waldsterben ('гибель лесов'). Вниманию общества была представлена тревожная картина заболеваний лесных массивов, что порождало опасения, что в будущем людям не только придется обходиться без рождественских елок, но и без лесов в целом. О вреде выхлопных газов промышленных предприятий для лесов было известно еще в XIX в. Основными причинами стремительного сокращения продолжительности жизни деревьев, особенно сосен, буков и

дубов, были кислотные дожди, увеличение количества загрязняющих веществ в воздухе. Вместо лексемы *Waldsterben* молодые люди также использовали понятие *Waldkillen*, подразумевая, что речь идет о насильственной смерти.

Экологи обвиняли промышленность и электростанции. Ф. Й. Штраус утверждал, что партия «Зеленые», которая впервые была представлена в бундестаге, тоже была в этом виновата, так как они выступали против атомной энергии. В политическом нарративе незамедлительно появилась критика подобных заявлений: «*Panikmacher und Hysteriker machten die Umweltverschmutzung auch für das Waldsterben verantwortlich*» (*Die Zeit*, 27.09.1996). Министр сельского хозяйства И. Кихле призвал к частным инициативам, так как государство не могло справляться самостоятельно. В 1975 г. вступил в силу закон о защите лесов (*Waldschutzgesetz*). С 1983 г. при значительном участии Федерального ведомства по охране окружающей среды действовало 13-е постановление о реализации Федерального закона о контроле за выбросами (13. *Durchführungsverordnung zum Bundesimmissionsschutzgesetz*). Требование было услышано немцами, которые теперь хотели сохранить свой «сказочный» лес для своих детей с помощью многочисленных инициатив и кампаний. Несмотря на то, что масштабной гибели лесов не произошло, в 2009 г. лишь немногим более трети немецких деревьев можно было назвать здоровыми.

В 1980-х гг. эоним *Waldsterben* приобрел глобальный характер, что нашло отражение в его дословном калькировании во французский язык *le Waldsterben* и английский — *the Waldsterben*.

Исчезновение отдельных видов флоры и фауны, как особая проблема в сфере защиты природы, требующая пристального внимания и решительных действий, было вербализовано в эонимах *Robbensterben* ‘гибель тюленей’ (слово на 2 строчке рейтинга 1988 г.) и *Bienensterben* ‘гибель пчел’ (слово на 8 строчке рейтинга 2019 г.). В политическом нарративе были также распространены и другие композиты с основой *-sterben*: *Möwensterben* ‘гибель чаек’, *Fischsterben* ‘гибель рыбы’, *Schilfsteben* ‘исчезновение камыша’, *Nordseesterben* ‘гибель Северного моря’,

Meersterben 'гибель моря' (DWDS: URL).

Помимо прогрессирующего вымирания лесов беспокойство вызывал высокий уровень загрязнения воздуха, зафиксированный в 1984 г., что было обусловлено работой двух угольных электростанций в районе Оффлебена в Нижней Саксонии. Отопление сернистым бурым углем создавало смог (Smog), который загрязнял воздух. В том же году произошла утечка диоксинов с мусорной свалки под Гамбургом, а на дне Балтийского моря в Дании были обнаружены тысячи тонн опасного иприта времен Второй мировой войны. Кроме того, протараненное в результате аварии французское грузовое судно «Мон Луи» затонуло с 30 бочками высокотоксичного и слаборадиоактивного ядерного топлива на борту. Все перечисленные экологические катастрофы привели к бурным дебатам, итогом которых стало обсуждение производства экомобилей (Umweltauto). Эоним Umweltauto использовался для обозначения автомобилей, оснащенных катализаторами для очистки выхлопных газов. Для этой категории автомобилей были предусмотрены налоговые льготы, и с 1989 г. с конвейера стали сходить только машины с катализаторами. Поскольку выхлопные газы могут быть отфильтрованы, но не полностью устранены, нельзя говорить о производстве экологически чистых автомобилей, речь идет скорее об эвфемизме.

Разработка экологически чистого автомобиля привела к появлению трехлитрового автомобиля, автомобиля с электромотором, а также автомобиля, работающего на солнечных батареях, но они еще долгое время не были запущены в массовое производство. Поэтому в 1994 г. организация «Гринпис» призвала к немедленному выпуску экономичных автомобилей под лозунгом IQ statt PS.²

Популярность эонима Umweltauto предшествовала возникновению и других понятий, формирующих концептуальное поле ЭКОМОБИЛЬ в политическом нарративе ФРГ. К этой группе эонимов относятся лексемы Autodiät (слово на 11 строчке рейтинга 1991 г.), Diesel-Gipfel (слово на 7 строчке рейтинга

² <https://www.greenpeace.de/ueber-uns/greenpeace-deutschland>.

2017 г.), Diesel-Fahrverbot (слово на 7 строчке рейтинга 2018 г.), а также описанный нами в аспекте прецедентного феномена СКАНДАЛ неологизм Mogel-Motog на 5 строчке рейтинга 2015 г. (ТУМАНОВА 2024: 382–383).

Зимой 1985 г. интерес телезрителей вызвали необычные зелено-голубые изображения. Они свидетельствовали об истончении стратосферного озонового слоя над Антарктикой. Ученые знали об этом явлении с 1970-х гг., однако термин *Ozonloch* ‘озоновая дыра’ был введен только после того, как в 1985 г. концентрация озона упала на 40 % по сравнению с 1977 г. В 1987 г., через два года после обнаружения озоновой дыры, ООН приняла Монреальский протокол, который предусматривал к 2000 г. сокращение на 50% производства хлорфторуглеродных газов (ХФУ). ХФУ в основном использовались в аэрозольных баллончиках, холодильниках и автомобильных системах кондиционирования. Проникнув в стратосферу, хлор, содержащийся в молекулах ХФУ, высвобождается под действием ультрафиолетового излучения и расщепляет озон на кислород. В 1991 г. необходимость постепенного отказа от ХФУ была признана во всем мире после того, как в начале 1990-х гг. в Арктике начал разрушаться озоновый слой.

1988 г. стал «скандальным» годом в истории Германии, что отразилось в появлении эонимов *Kälbermastskandal* ‘скандал с откормом телят’ и *Atom Müllskandal* ‘скандал с ядерными отходами’. Компонент *-skandal* в обоих композитах имеет греческое происхождение и означает ‘обида, (негативное) сенсационное событие’.

В 1985 г. пресса сообщила о новом скандале под заголовком *Hormon-Mafia im Kälberstall* (Die Zeit, 15.11.1985). Телятам для откорма вводили гормоны-ускорители роста, которые могли оказывать вредное воздействие на здоровье человека. В 1988 г. скандал с откормом телят разгорелся с новой силой. У населения Германии гормоны вызывали опасения, телят с гормонами пришлось забивать под официальным надзором, чтобы не допустить попадания на рынок «гормональных» стейков. Доверие потребителей пошатнулось: по данным Федерального статистического управления в Висбадене, в сентябре 1988 г. было продано на 24,2% меньше телятины, чем в том же месяце предыду-

щего года (WALTHER 1995: 67).

Европейское сообщество ужесточило «гормональные» нормы, в связи с чем с 1 января 1989 г. оно запретило импорт говядины, обработанной гормонами. Однако это привело к «говяжьему» спору (Rindfleischstreit), «гормональной войне» с США (Hormonkrieg mit den USA), которые в ответ на запрет импорта ввели штрафные тарифы на европейскую говядину и распорядились, чтобы в столовых и буфетах американских военных баз в Европе подавали только американскую говядину. Данные действия были отражены в заголовке «Gls dürfen nur noch amerikanische Rindviecher essen» (Mannheimer Morgen, 04.08.1989).

Массовая потребность населения в поиске органического и безопасного для здоровья мяса была вербализована в последующие годы в эонимах: *genmanipuliert* 'генетически модифицированный' (слово на 7 строке рейтинга 1996 г.), *Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz* 'Закон об обязательном контроле маркировки говядины' (слово на 10 строке рейтинга 1999 г.), *Gammelfleisch* 'тухлое мясо' (слово на 5 строке рейтинга 2005 г.), *Flexitarier* 'флекситарианец', т. е. человек, который редко ест мясо (слово на 9 строке рейтинга 2015 г.).

Второй крупный скандал с ядерными отходами, вербализованный в эониме *Atommüllskandal* 1988 г., был связан с катастрофой на Чернобыльской АЭС в 1986 г., которая пошатнула доверие к безопасности атомной энергетики. Катастрофа в районе города Припять была зафиксирована в топониме *Tschernobyl*, ставшим главным словом 1986 г., и эониме *Navarie* на втором месте рейтинга. Большинство немецких политиков (за исключением канцлера Г. Коля) начали сомневаться в том, что XXI в. действительно станет «веком атомной энергетики» (*Jahrhundert der Kernkraft*). На рождественской неделе 1987 г. ядерная компания «Transnuklear» из города Ханау, которая до этого момента отвечала за 80% всего экспорта радиоактивных материалов из ФРГ, призналась в «неточностях при утилизации немецких атомных электростанций» (*Unkorrektheiten bei der Entsorgung deutscher Kernkraftwerke*), что обернулось крупнейшим скандалом в истории немецкой атомной промышленности. Компания «Transnuklear» организовала незаконный цикл утили-

зации с бельгийским центром ядерных исследований в городе Мол: ядерные отходы, гораздо более загрязненные, чем было указано в документах, перевозились в Бельгию. Поскольку бельгийцы не могли перерабатывать высокорadioактивные вещества, менее загрязненные ядерные отходы из Бельгии маркировались как переработанные отходы из Германии и отправлялись обратно. Однако обе стороны также иногда добавляли в бочки такие вещества, как плутоний, и таким образом переправляли данное высокотоксичное вещество, являющееся важным компонентом ядерных бомб, другой стороне. В результате подобной «практики утилизации» (Entsorgungspraxis) по всей Германии было распространено около 2500 бочек с радиоактивным содержимым, поиски которых продолжались месяцами. К концу 1988 г. скандал с ядерными отходами прояснил две вещи: нерешенность проблемы утилизации ядерных отходов и угроза экологической безопасности, вызванная «человеческим фактором».

Тема ядерной энергетики раскрывается также в эониме Fukushima, связанном с аварией на АЭС в японском городе Фукусима и занявшем 5 строчку в социолингвистическом рейтинге «Слово 2011 года». Стоит отметить, что топоним Fukushima в политическом нарративе ФРГ приобрел метафорическое значение, символизируя полный крах и глобальную катастрофу: «In der Flüchtlingspolitik blüht der Kanzlerin Angela Merkel ein zweites Fukushima. Sie wird eine politische Kehrtwende vollziehen müssen» (Rheinische Post, 17.01.2016).

3.3. Экологические эонимы 1990-х гг. в ФРГ

Экологический налог (Ökosteuer) стал одной из главных тем 1998 г. Наряду с отказом от ядерного оружия он был главным идеологическим постулатом партии «Зеленые», которую высмеивали как «партию пяти марок» («Fünf-Mark-Partei»). Зеленые публично рассматривали возможность повышения цены на бензин до пяти марок за литр, и готовы были придерживаться своего плана реформы экологических налогов и сборов, в случае избрания в бундестаг.

Основная идея заключалась в том, чтобы обложить энергоемкие отрасли экономики более высокими налогами, чтобы

стимулировать использование энергосберегающих технологий. Поскольку деньги, полученные от экологического налога, должны были использоваться для снижения расходов на оплату труда, не связанных с заработной платой, предполагалось, что данный налог будет стимулировать рынок труда и в то же время снизит загрязнение окружающей среды.

Однако представленный план налоговой реформы подвергся резкой критике со стороны многих лоббистских групп. Ассоциация фермеров (Bauernverband) выразила серьезную обеспокоенность тем, что экологический налог совершенно не учитывает особенности лесного и сельского хозяйства. Ассоциация налогоплательщиков (Bund der Steuerzahler) также опасалась, что для многих работников бремя энергетических налогов превысит снижение взносов на социальное страхование:

Bei jeweils gleichen Verbrauchswerten für Strom, Heizöl und Benzin nehme die Entlastung mit sinkenden Einkommen ab. Bei hohem Verbrauch wird die aufkommensneutrale Reform nach den Berechnungen der Organisation unter dem Strich zur Mehrbelastung (Frankfurter Rundschau, 23.10.1998.).

Критике подвергся и несбалансированный характер нового налога, который в значительной степени пощадил обрабатывающую промышленность. Однако во избежание негативных последствий для бизнеса Германии к началу 2003 г. льготы, предоставленные промышленности, были постепенно сокращены.

В 1998 г. эоним *nachhaltig* стал одним из наиболее значимых слов, используемых как политиками, так и представителями бизнеса.

Понятие *nachhaltig* задолго до этого существовало в языке, но в 1998 г. оно получило широкое распространение в политическом нарративе и было включено в список «Слово года» в новом значении «устойчивый, долговечный или экологичный». Появились такие словосочетания как *nachhaltige Produktion*, *nachhaltige Nutzung*, *nachhaltige Entwicklung*, *nachhaltiger Tourismus* (Frankfurter Rundschau, 07.01.1998).

Новая «устойчивая» модель развития понималась как концепция, ориентированная на будущее. «Устойчивость» в данной модели во многом понимается как «профилактика» за исключе-

нием той особенности, что превентивные действия, скорее, направлены на предотвращение ущерба, а мероприятия в рамках устойчивого развития служат для того, чтобы позволить природным и социальным процессам существовать и развиваться, максимально бережно используя природные ресурсы (KAUFMANN 2004: 180). Устойчивость (Nachhaltigkeit) стала основным принципом политики ФРГ, который оправдывает все политические действия. Например, во имя будущих поколений государство сокращает свои расходы, инвестирует средства на исследования в генную инженерию и биотехнологии, принимает меры по сокращению сроков обучения или увеличению продолжительности трудовой жизни. В рамках этого принципа устойчивость воспринимается как призыв к реформам в финансовой, образовательной, здравоохранительной, пенсионной или всей социальной системе. Принятая федеральным правительством Германии стратегия устойчивого развития установила целью внутренней политики «переход от преимущественно пассивного государства всеобщего благосостояния к активизирующемуся государству всеобщего благосостояния» (DIE BUNDESREGIERUNG 2002).

Начиная с экологической конференции 1992 г. в Рио-де-Жанейро, об устойчивом развитии, ориентированном на будущее и долгосрочное становление, заговорили во всем мире. Однако отмечалось частое использование эонима и в других контекстах, например, жениху и невесте по случаю их свадьбы желали «устойчивой» совместной жизни (nachhaltige Lebensgemeinschaft), а юбиляру — «устойчивой» вечеринки по случаю дня рождения (nachhaltiges Geburtstagsfest). Такие тенденции в употреблении эонима позволяют характеризовать его как «пластиковое» слово (Plastikwort) в современном немецком языке.

Термин У. Перксена «пластиковые слова» можно определить как понятия со стертым или расплывчатым смыслом. «Пластиковые слова» считаются аморфными из-за отсутствия возможности провести четкие границы их значения ввиду стереотипности и некоторой абстрактности. Они служат некими конструктами моделируемой реальности и объединяют в своем содержании разнообразные значения под общим знаменателем, тщетно пре-

тендую при этом на универсальность (PÖRKSEN 1988: 119). Таковыми понятиями в политическом нарративе являются Planung, Entwicklung, Modell, Information, Fortschritt, Produktion, System, Zentrum.

3.4. Экологические эонимы начала 2000-х гг. в ФРГ

Лето 2003 г. стало самым жарким в Германии с начала метеорологических наблюдений, что было вербализовано в эониме Jahrhundertglut ‘жара столетия’. В то время, как продавцы мороженого, владельцы плавательных бассейнов, производители солнцезащитных кремов и дезодорантов, поставщики напитков и туристические агентства процветали на фоне аномальной жары, сельское хозяйство понесло огромные потери, железнодорожные пути прогнулись, асфальт стал мягким под палящим солнцем, по всей стране гибла рыба из-за слишком теплой и недостаточно кислородной среды обитания (Spiegel online, 05.08.2003).

Однако сам термин Jahrhundertglut не был распространен в разговорной речи, чаще говорили о «лете века» (Jahrhundert-sommer) (FAZ, 28.08.2003; Focus.de, 15.12.2003) или «рекордном лете» (Rekordsommer) (Spiegel online, 13.10.2003).

Выбор жюри конкурса «Слово года», предположительно, был обусловлен тем, что эоним является апелляцией к «наводнению века», которое было обозначено лексемами Jahrhundertflut (слово на 3 строчке рейтинга 2003 г.) или Jahrtausendflut (слово на 7 строчке рейтинга 1997 г.) (GfdS: URL). Обращение к компонентам Jahrhundert / Jahrtausend при образовании композита позволяет подчеркнуть трагический и сенсационный характер событий. В политическом дискурсе встречаются также композиты Jahrhundertreform ‘реформа века’, Jahrhundertlüge ‘ложь века’, Jahrhundertwein ‘вино века’.

Самое жаркое лето продемонстрировало, что изменение климата представляет собой важнейшую проблему для человечества. Любой, кто искал в поисковом сервисе Google эоним Klimakatastrophe ‘климатическая катастрофа’ в декабре 2007 г., получал около 395 000 запросов, при этом доминировали такие заголовки как «Klimakatastrophe rückt näher» (Kurier, 06.10.2007) и «Klimakatastrophe — der Mensch hat nur noch 13 Jahre zur Umkehr» (Hamburger Abendblatt, 23.02.2007).

Хотя композит с элементом *Katastrophe* менее популярен по сравнению со сравнительно «безобидной» лексемой *Klimawandel* ‘изменение климата’, эоним гораздо лучше передает страхи и тревоги социума, которые стали все более очевидными в общественных дебатах в 2007 г. по сравнению с предыдущими годами. Тот факт, что парниковые газы, особенно ХФУ, метан и углекислый газ, разрушают атмосферу и способствуют всемирному потеплению с глобальными последствиями, вряд ли сегодня можно оспаривать. За исключением США, все ведущие промышленные страны подписали Киотский протокол, в котором они обязуются сократить выбросы загрязняющих веществ. В Германии борьба с изменением климата стала главным приоритетом в 2005 г. после избрания федеральным канцлером бывшего министра окружающей среды А. Меркель.

К данной группе эонимов принадлежат также понятия *Tsunami* (слово на 3 строчке рейтинга 2005 г.), *Weltklimagipfel* (слово на 5 строчке рейтинга 2009 г.), *Aschewolke* (слово на 7 строчке рейтинга 2010 г.).

В 2008 г. в список «Слово года» был включен композит *Umweltzone* ‘зона с пониженным уровнем выбросов’, образованный от лексем *Umwelt* ‘окружающая среда’ и *Zone* ‘зона, место’. В Германии зона с пониженным уровнем выбросов представляет собой район в центре города, в который можно въехать на автомобиле, соответствующем определенным нормам выхлопных газов и твердых частиц. Таким образом, лексема *Umweltzone* означает экологическую зону, выделенную для защиты окружающей среды.

По данным Всемирной организации здравоохранения (*Weltgesundheitsorganisation*), 370000 преждевременных смертей ежегодно происходят из-за твердых частиц. Наряду с другими европейскими странами Германия также отреагировала на тревожные цифры. В начале 2007 г. вступил в силу указ «О введении в действие и изменении правил маркировки автотранспортных средств с низким уровнем выбросов» (*Verordnung zum Erlass und zur Änderung von Vorschriften über die Kennzeichnung emissionsarmer Kraftfahrzeuge*). В результате несколько городов сразу же заявили о своем намерении создать экологическую зону. Однако, ввиду отсутствия конкретных требований относи-

тельно того, кому и когда разрешено въезжать в такую зону, некоторые города отложили свои планы на неопределенный срок. В последующие годы большинство экологических зон появилось на юге страны, что свидетельствует об отсутствии последовательности в реализации этой экологической меры. После того как в январе 2007 г. объем поисковых запросов, согласно данным сервиса Google, по слову Umweltzone достиг максимума, интерес общественности к проблематике постепенно стал снижаться, как и частота использования эонима.

В январе 2009 г. правительство Германии приняло решение о введении так называемой «экологической премии» (Umweltprämie). Автовладельцы, сдававшие в утиль автомобиль, впервые зарегистрированный не менее девяти лет, для приобретения взамен новой или годовалой машины с более низким уровнем выбросов выхлопных газов, получали государственную поддержку в размере 2 500 евро. Первоначально в бюджете было заложено 1,5 миллиарда евро, но в апреле «большая коалиция» (GroKo) увеличила объем финансирования до пяти миллиардов евро. При этом мера государственной поддержки вызвала общественную дискуссию: говорили об «автомобильном популизме» (Auto-Populismus) (Die Zeit, 08.04.2009). Хотя «экологическая премия» пользовалась большой популярностью, уже 2 сентября заявки больше не принимались, так как средства были израсходованы. Однако, так как лексема Umweltprämie не пользовалась популярностью в узусе, вместо нее в разговорной речи чаще использовался термин Abwrackprämie ('утилизационная премия'), ставший главным словом 2009 г. В ноябре 2009 г. в Интернете насчитывалось около 250000 квитанций на оплату премии за утиль (Belege für Umweltprämie), в то время как квитанций на оплату премии за утиль (Nachweise für Abwrackprämie) было примерно в пять раз больше. Эоним не является неологизмом. Так, в репрезентативном корпусе немецкого языка DWDS есть несколько примеров его употребления, датируемых 1994 г. (DWDS: URL). В политическом нарративе мнения о премии разошлись. В одном случае ажиотаж вокруг «экологической премии» характеризовали как Abwrack-Boom (Der Spiegel, 04.08.2009), в других — как Abwrack-Wahn

(Süddeutsche Zeitung, 01.04.2009).

3.5. Экологические зонимы 2020-х гг. в ФРГ

По сегодняшний день защита окружающей среды остается одной из ключевых и приоритетных тенденций внутренней политики Германии, что отразилось в двух эонимах, хотя и наблюдаются изменения в коллективном экологическом сознании. Если раньше любые понятия, требующие более тщательно и осознанного отношения к природным ресурсам и климатическим изменениям, воспринимались позитивно, то в настоящее время появляется все больше критики к необоснованным реформам. Апеллирование в политическом нарративе к экологическому сознанию стало считаться манипулятивной стратегией в виду отсутствия кардинальных изменений и реальных действий со стороны властей.

Композит Klimaschönfärberei ‘обеление климата’ представляет собой критику чрезмерного обращения к защите климата: многие немецкие компании и организации стремились представить себя более экологичными, чем в реальности, обращаясь к так называемой практике «зеленого промывания» (Greenwashing). Под «обелением» климата понимается распространенная практика замалчивания и преуменьшения последствий изменения климата или срочности мер по защите климата. Разработанная исследователями Университета Цюриха под руководством профессора М. Лейппольда программа искусственного интеллекта «Climinator» стала прорывом в дискуссии о мерах по защите климата. Своим названием программа обязана известному американскому фильму о киборге «Терминатор», указывая на свою цель — активную борьбу с глобальным потеплением (EVERHARD 2024). Новый инструмент способен предоставлять многостраничную аргументацию со всеми источниками за несколько минут. В качестве источников программа использует исследовательские работы, отражающие научный консенсус, прежде всего отчеты о последствиях изменения климата, что развенчивает любые ложные утверждения о мерах по защите климата. Так, представляемые программой фактические сведения указывают на злоупотребление со стороны предприятий высказываниями о своем экологически чистом производстве и продукции.

Вступившее с 3 июля 2024 г. на территории ЕС постановление о запрете снимать крышки с пластиковых бутылок (Einwegkunststoffkennzeichnungsverordnung) стало главной мотивацией появления в немецком языке эонима *Deckelwahnsinn* ‘безумие по поводу крышек’. Согласно исследованиям ЕС, пластиковые крышки являются одним из самых распространенных видов пластиковых отходов, обнаруженных на пляжах Европы. Одноразовые упаковки для напитков объемом до трех литров должны отныне иметь плотно прикрепленную крышку (der fest mit der Flasche verbundene Deckel). По данным Федерального министерства охраны окружающей среды, стеклянная или металлическая, а также многоразовая тара для напитков освобождается от обязанности иметь герметичную крышку (гбб 24, 18.12.2024). Общие дебаты о законе касались вопросов реальной экологической пользы и удобства нового порядка для потребителей. Критика обосновывалась также увеличением затрат и проблем компаний при переходе на новые технологии изготовления пробок.

4. Заключение

Анализ эмпирического материала наглядно демонстрирует изменения коллективного экологического сознания в Германии. С одной стороны, защита окружающей среды не является центральной темой политического нарратива в ФРГ: экологические эонимы были отобраны в качестве главных слов года четырежды за период с 1971 по 2024 гг. (Umweltauto, 1984; Tschernobyl, 1986; Klimakatastrophe, 2007; Abwrackprämie, 2009). С другой стороны, наблюдается неизменное внимание к проблемам защиты климата и окружающей среды. Ниже представлены сводные статистические данные о частотности экологических эонимов (см. Табл. 1).

Таблица 1. Экологические эонимы в рейтинге «Слово года»

Строка в рейтинге	Количество эонимов	Годы проведения акции «Слово года»
1	4	1984, 1986, 2007, 2009
2	3	1986 (2), 1988
3	6	1971, 1988 (2), 2003, 2005, 2024
4	2	1983, 1987
5	4	2008, 2009, 2011, 2015

6	0	–
7	4	1987, 1997, 2017, 2018
8	2	2003, 2019
9	1	1998
10-11	3	1991, 1998, 2024

В ходе анализа с учетом 5 хронологических периодов пик популярности экологических эонимов в социолингвистическом рейтинге «Слово года» приходится на начало 2000-х гг., что связано с ростом экологических движений, усилением позиции партии «Зеленые» на политической арене, а также с общими тенденциями к ухудшению экологической обстановки в мире. Визуализировать данное сопоставление можно следующим образом (см. Табл. 2).

Таблица 2. Экологические эонимы по хронологическим периодам

Период	Количество эонимов
1970-е годы	2
1980-е годы	8
1990-е годы	4
начало 2000-х годов	13
2020-е годы	2

При сопоставлении данных, представленных в таблицах, наблюдается увеличение количества экологических эонимов в 1980-е гг. и в начале 2000-х гг. Однако в 1980-е гг., как и в более ранние периоды, экологические эонимы занимают в рейтинге «Слово года» места с первой по четвертую строку. Начиная с 2000-х гг., экологические эонимы находятся на более низких позициях — с пятой по одиннадцатую. Эта тенденция указывает на перенасыщение экологической информацией. Произошедшие в коллективном экологическом сознании изменения требуют постоянного обращения к архетипу *Umweltschutz*, ставшему частью как политической культуры, так и коллективного сознания жителей ФРГ.

Лингвокультурологический анализ 29 эонимов из списка «Слово года» позволяет сделать вывод о том, что коллективное экологическое сознание немцев зиждется на следующих ключевых аспектах:

1) экологическая политика, указывающая на необходимость ведения активной внутренней политики ФРГ по защите окружающей среды, что вербализовано в эонимах *die Grünen*, *Ökosteuer*, *Abwrackprämie*, *Klimaschönfärberei*;

2) экологическое образование и воспитание как неотъемлемая часть формирования коллективного экологического сознания, что закодировано в эонимах *Umweltschutz*, *nachhaltig*, *Umweltauto*, *Umweltzone*, *Autodiät*, *Deckelwahnsinn*;

3) экологические катастрофы природного генезиса (как косвенные последствия антропогенного воздействия), которые диктуют современному обществу необходимость глобального решения экологических проблем на международном уровне, что нашло отражение в эонимах *Klimakatastrophe*, *Weltklimagipfel*, *Aschewolke*, *Jahrhundertglut*, *Jahrhundertflut*, *Jahrtausendflut*, *Ozonloch*, *Tsunami*;

4) экологические катастрофы антропогенного генезиса, которые требуют более тщательного анализа и соблюдения мер по их предотвращению, что эксплицировано в эонимах *Kälbermastskandal*, *Atommüllskandal*, *Gammelfleisch*, *genmanipuliert*, *Tschernobyl*, *Navarie*, *Fukushima*, *Robbensterben*, *Bienensterben*, *Ölschock*, *Diesel-Gipfel*, *Diesel-Fahrverbot*, *Mogel-Motor*.

Таким образом, экологические эонимы позволяют сформировать не только общее представление о процессе формирования и развития коллективного экологического сознания в Германии, но и проследить особенности его трансформации на протяжении полувековой истории с 1971 по 2024 гг. Рост информированности населения по вопросам экологии и его осознанного отношения к природе и окружающему миру свидетельствуют о верном векторе внутренней политике ФРГ. Заложенное в архетипе *Umweltschutz* требование к бережному обращению с любыми ресурсами стало ключевым направлением и одновременно двигателем развития партии «Зеленые», которая за анализируемый период набрала достаточный вес на политической арене страны. Дальнейшей перспективой исследования может стать более подробное исследование всех отобранных 29 эонимов, а также их сопоставление с эонимами, включенными в социолингвистический рейтинг «Антислово года», что позволит

сформировать представление о существующей критике экологической политики и выявить основные причины недовольства населения страны реализуемой политикой и проводимыми в стране мероприятиями по защите окружающей среды.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология. М.: Academia, 1997. С. 267—280. [Askol'dov, Sergey A. (1997) Kontsept i slovo (Concept and Word). In: *Russkaya slovesnost': Antologiya* (Russian Literature: an Anthology). Moscow: Academia, 267—280. (In Russian)].
- Большакова А. Ю. Теория архетипа и концептология // Культурологический журнал. 2012. № 1 (7). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9. [Bol'shakova, Alla Yu. (2012) Teoriya arkhetipa i kontseptologiya (Archetype Theory and Conceptology). *Kul'turologicheskii zhurnal* (Cultural Journal), 1 (7). Retrieved from http://www.cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9. (In Russian)].
- Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. 29—42. [Brokmejer, Jens & Harre, Rom. (2000) Narrativ: problemy i obeshhaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy (Narrative: the Problems and Promises of one Alternative Paradigm). *Voprosy filosofii* (Issues of Philosophy), 3, 29—42. (In Russian)].
- Галькиева З. Х. Формирование экологического мировоззрения студента в воспитательной среде вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. 2008. [Gal'kiyeva, Zimfira H. (2008) *Formirovaniye ekologicheskogo mirovozzreniya studenta v vospitatel'noy srede vuza* (Formation of Student's Ecological Worldview in the Educational Environment of University). PhD thesis in Pedagogy. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University. (In Russian)].
- Гимазетдинова А. Х., Солодухо Н. В. Экологическое сознание и экологический архетип. Казань: Казанский гос. технический ун-т, 2008. [Gimazetdinova, Aliya H. & Soloduhu, Natan V. (2008) *Ekologicheskoye soznaniye i ekologicheskii arkhetip* (Ecological Consciousness and Ecological Archetype) Kazan': Kazan State Technical University. (In Russian)].
- Грицанов А. А. Новейший философский словарь. М.: Книжный дом. 2003. [Gritsanov, Aleksandr A. (2003) *Noveyshiy filosofskiy slovar'* (The Newest Philosophical Dictionary) Moscow: Knizhnyy dom. (In Russian)].
- Иванова Е. В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса. М.: Флинта, 2015. [Ivanova, Yelena V. (2015) *Lingvokogni-*

- tivnoye modelirovaniye ekologicheskogo diskursa*. (Linguocognitive Modeling of Ecological Discourse) Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковая матрица культуры. Волгоград: Парадигма. 2012. [Karasik, Vladimir I. (2012) *Yazykovaya matritsa kul'tury* (Linguistic Matrix of Culture). Volgograd: Paradigma. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковая пластика общения. Волгоград: Парадигма. 2017. [Karasik, Vladimir I. (2017) *Yazykovaya plastika obshheniya* (Language Plasticity of Communication). Volgograd: Paradigma. (In Russian)].
- Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8—69. [Postovalova, Valentina I. (1988) *Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka* (A Picture of the World in Human Life). In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* (The Role of the Human Factor in Language: Language and the Worldview). Moscow: Nauka, 8—69. (In Russian)].
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. [Stepanov, Yuriy S. (2001) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* (Constants: Dictionary of Russian Culture). Moscow: Akademicheskiiy proyekt. (In Russian)].
- Туманова Е. О. Колористические эонимы как результат языковой рефлексии политической системы Германии с 1978 по 2021 год. // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 79—90. [Tumanova, Ekaterina O. (2023) *Koloristicheskiye eonimy kak rezul'tat yazykovoy refleksii politicheskoy sistemy Germanii s 1978 po 2021 god* (Colour Eonyms as a Result of the Linguistic Reflection of the German Political System from 1978 to 2021). *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics), 2 (98), 79—90. (In Russian)].
- Туманова Е. О. Эонимы как репрезентанты прецедентного феномена «скандал» в политическом дискурсе германии: лингвокультурологический анализ. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 369—395. [Tumanova, Yekaterina O. (2024) *Eonimy kak reprezentanty pretsedentnogo fenomena "skandal" v politicheskom diskurse Germanii: lingvokul'turologicheskiiy analiz* (Eonyms as Representatives of the Precedent Phenomenon "Scandal" in German Political Discourse: Linguocultural Analysis). *Russkaya germanistika. Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov*, 21, 369—395. (In Russian)].
- Шаховский В. И., Штеба А. А. Экология, валеология, лингвистика — три источника лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград: Пе-

- ремена. С. 8—23. [Shakhovskiy, Viktor I. & Shteba, Aleksey A. (2013) *Ekologiya, valeologiya, lingvistika — tri istochnika lingvoekologii* (Ecology, Valeology, Linguistics as Three Sources of Linguoecology). In: *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve* (Emotive Linguoecology in the Modern Communicative Space). Volgograd: Peremena, 8—23. (In Russian)].
- Юнг К. Г. Аналитическая психология. СПб.: Кентавр, 1994. [Jung, Karl G. (1994) *Analiticheskaya psihologiya* (Analytical Psychology). Saint Petersburg: Kentavr. (In Russian)].
- Baker, Mona. (2006) *Translation and Conflict: A Narrative Account*. London; New York: Routledge.
- Bundesregierung — Die Bundesregierung. (2002) Perspektiven für Deutschland. Unsere Strategie für eine nachhaltige Entwicklung, o. O.
- DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Duden. (2001) Der Duden. *Herkunftswörterbuch*, Bd. 7. Mannheim: Dudenverlag.
- Eberhard, Andres. (2024) „Climinator“ gegen Greenwasher. *UZH Magazin „Kostbare Vielfalt“*. Retrieved from <https://www.news.uzh.ch/de/articles/news/2024/Climinator.html>.
- Kaufmann, Stefan. (2004) Nachhaltigkeit. In: *Glossar der Gegenwart*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 174—181.
- Labov, William. (1972) The transformation of experience in narrative syntax. In: *Language in the Inner City*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 354—397.
- Pörksen, Uwe. (1988) *Plastikwörter. Die Sprache einer internationalen Diktatur*. Stuttgart: Klett-Gotta, 1988.
- Walther, Helmut. (1995) Wörter des Jahres 1994. *Der Sprachdienst*, 40, 23—43.

Yekaterina O. Tumanova
Moscow Metropolitan Governance University

Eonyms as a Means of Verbal Encoding of Collective Ecological Consciousness in German Political Narrative

One of the most acute problems of the 21st century is the deterioration of the environmental situation worldwide. The search for new axiological attitudes in society towards nature is reflected in the narrative of the political discourse of Germany, as one of the leading countries in the world in environmental protection and development of technologies for the expanded use of renewable energy sources. It determines the relevance of

the study. The object of the research was the collective ecological consciousness of Germans as a cumulative perception of the relationship between human life and the environment. The subject of the study was eonyms as linguistic units carrying the verbal code of the collective ecological consciousness in Germany, selected by the method of continuous sampling from the sociolinguistic rating “Wort des Jahres” (‘Word of the Year’). The method of empirical analysis, typological method, semantic-stylistic analysis, method of German representative corpora analysis, method of linguistic analysis, comparative-historical method were also the main ones. The analysis of the verbal code of collective ecological consciousness through the prism of eonyms represents a new approach to the study of political narrative, which determines the theoretical significance of this article. The practical significance of this study lies in the formation of a structured representation of the key vectors of activity in Germany for the conservation of natural resources and environmental protection, verbalised through eonyms. The analysis revealed the most active time periods in the discussion of environmental issues, when the number of environmental homonyms particularly increased in the 1980s and early 2000s, indicating the growing importance of environmental policy and education, as well as natural and man-made disasters. Despite a certain saturation of environmental information, there remains a need for a constant endeavour to protect the environment. The linguocultural analysis allowed us to identify four key directions in the formation of collective environmental consciousness: active domestic policy of the Federal Republic of Germany on environmental protection, environmental education and upbringing, fear of environmental disasters of natural genesis, measures to prevent environmental disasters of anthropogenic genesis.

Keywords: political narrative; eonym; ecological eonym; archetype; concept; linguoculturology; collective ecological consciousness

Для цитирования:

Туманова Е. О. Эонимы как средство вербального кодирования коллективного экологического сознания в политическом нарративе Германии // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 294—323.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-294-323.

To cite this Article:

Tumanova, Yekaterina O. (2025) Eonimy kak sredstvo verbal'nogo kodirovaniya kollektivnogo ekologicheskogo soznaniya v politicheskom narrative Germanii (Eonyms as a Means of Verbal Encoding of Collective Ecological Consciousness in

German Political Narrative). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 294—323. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-294-323.

Статья поступила в редакцию 08.02.2025; принята к публикации 04.03.2025

The article was submitted 08.02.2025; accepted for publication 04.03.2025

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY STUDIES

Г. Г. Ишимбаева

Уфимский университет науки и технологий

**ВАЛЬТЕРСКОТТОВСКИЙ ДИСКУРС
РОМАНА М. ПАЙНКОФЕРА *БРАТСТВО РУН***

Цель статьи — изучение, во-первых, художественной рефлексии прошлого и перевода прошлого в нарративные тексты Вальтера Скотта и Михаэля Пайнкофера; во-вторых, формальных, содержательных, поэтологических особенностей вальтерскоттовского дискурса, которые структурируют романа Пайнкофера *Братство рун*. Актуальность и научная новизна статьи обусловлены тем, что дискурс-анализ как целостный комплекс аналитических методов интерпретации текстов является одним из универсальных и перспективных в современной гуманитаристике, а также тем, что дискурсивная методология, на которой основана рецепция романа Пайнкофера, пока не получившего внимания в отечественной филологии, позволила сделать существенные выводы о природе и глубинных базовых структурах романа. Семиотические основания и жанрово-стилистические особенности исторического романа были разработаны Скоттом, ставшим родоначальником современного исторического романа и создавшим собственный дискурс, отличающийся рядом специфических черт. Его ситуативный аспект всегда определяется эпохой глобальных потрясений, в результате которых начинается новый этап истории, реконструирующий миропорядок. Важное значение при этом уделяется детальному воспроизведению подробного исторического колорита, а также фольклорных, мифологических, культурных и национальных представлений народа. Ключевые концепты раскрываются в ходе развертывания дискурса исторического, авантюрного, воспитательного романа, главным сюжетным героем которого является ничем не примечательный молодой человек, переживающий в контексте большой истории личностную эволюцию. Художественно моделирующий историческое прошлое, Пайнкофер в романе *Братство рун* (2005) воспринял и переосмыслил вальтерскоттовскую матрицу исторического романа, вальтерскоттовский дискурс исторического романа и в своем *Братстве рун* продемонстрировал возможности использования традиции Скотта в XXI в. Гибридизация «по Вальтеру Скотту» вымысла и факта, следование вальтерскоттовской историософской и философской парадигме, включение прямых и опосредованных отсылок к романам Скотта, цитат и аллюзий порождают определенную метатекстовость, задавая

программу чтения романа и осмысления как его литературно-культурного кода, так и его дискурсивной природы.

Ключевые слова: Михаэль Пайнкофер; «Братство рун»; Вальтер Скотт; дискурс; вальтерскоттовский дискурс; исторический роман

1. Введение

Дискурс, многозначное понятие, универсальное для гуманитарных наук, и дискурс-анализ в последние десятилетия стали предметом комплексного междисциплинарного осмысления и научных дискуссий (Гийому & Мальдидье 1999; Тюпа 2001; ЙОРГЕНСЕН & ФИЛЛИПС 2008; РУСАКОВА & РУСАКОВ 2008; ТИЧЕР & al. 2009; Тюпа 2010; ПЛЕХАНОВА 2011; СОЛГАНИК & al. 2014; ПЛЕХОВА 2016; РОДИНА 2018; ЗОЛЯН 2020; СТАРОДУБОВА 2021; НИКОНЕНКО 2022; МАСЛОВ 2023; АНИСИМОВА & МИЛЕЕВА 2024; СНОУЛИАРАКИ 2005; GLYNOS & al. 2009). Процесс активизировался после лингвистического поворота в философии и историографии XX в., когда язык стал восприниматься как онтологическая и гносеологическая категория.

Не ставя своей целью обзор всех научных школ, занимающихся дискурсологией, выделим трех крупнейших специалистов в области нарратологии: Ролана Барта, Хейдена Уайта, Франклина Анкерсмита, которые многое сделали для исследования дискурса исторических повествований.

Барт интересовался конкретным произведением как воплощением универсальных повествовательных законов в рамках структурной поэтики сюжетостроения и признавал право на существование интерпретирующего литературоведения, которое генерирует определенные смыслы произведений и исследует законы построения литературной формы (БАРТ 1987; 2003; 2009). Уайт деконструировал традиционные подходы к историописаниям, утверждая, что способы построения нарративов о прошлом ничем не отличаются от приемов, которыми пользуются авторы художественных произведений о прошлом, выделяя четыре тропа, которые лежат в основе исторических сочинений (метафору, метонимию, синекдоху и иронию), и рассматривая архетипы, определяющие основу стратегий сюжетостроения (УАЙТ 2002). Анкерсмит связывал нарратив с интерпрета-

цией и нарративизм с конструированием нарративных интерпретаций прошлого, уточняя: «Нарративные интерпретации являются не знанием, но организацией знания» (АНКЕРСМИТ 2003: 123).

Барт, Уайт и Анкерсмит во многом определили вектор анализа типов построения сюжета в историческом нарративе, в том числе в нарративе исторического романа. При его анализе первостепенное значение начинает играть концептуальная схема, конструкция сюжета, интерпретация истории, организация художественного мира произведения — то, что структурирует способ презентации прошлого. Иначе говоря, тот дискурс, который оказывается интерпретативным инструментом для понимания прошлого.

Цель статьи — исследование, во-первых, художественной рефлексии прошлого и перевода прошлого в нарративные тексты Скотта и Пайнкофера; во-вторых, изучение формальных, содержательных, поэтологических особенностей вальтерскоттовского дискурса, которые структурируют роман Пайнкофера *Братство руи*. Актуальность и научная новизна статьи обусловлены тем, что дискурс-анализ как целостный комплекс аналитических методов интерпретации текстов является одним из универсальных и перспективных в современной гуманитаристике, а также тем, что дискурсивная методология, на которой основана рецепция романа Пайнкофера, пока не получившего внимания отечественной филологии, позволила сделать существенные выводы о его природе и глубинных базовых структурах.

2. Характеристика материала и методов исследования

Методологической основой исследования являются компаративистский, нарративный, дискурсивно-аналитический методы.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Корпус художественного текста системно структурирован многочисленными дискурсами — философскими, историческими, социальными, политическими, национальными, культурологическими, символическими, мифологическими, религиозными, литературными, авторскими. Они репрезентируют культурные коды писателя и общества в конкретном пространственно-временном континууме.

Полиморфность и многомерность дискурсивного пространства художественного текста предполагает исследование его глубинных базовых структур. В случае, когда речь идет об историческом романе, его семиотические основания и жанрово-стилистические особенности были разработаны Скоттом, творчество которого основательно изучено. Среди работ последних лет выделим статьи Т. Г. Лазаревой (ЛАЗАРЕВА 2009) и Б. М. Проксурнина (ПРОСКУРНИН 2012), коллективную монографию *Творчество Вальтера Скотта в пространстве мировой культуры* (ВОЛКОВ 2023), а также изданный в Тамбове библиографический указатель «Скотт В.» (ТУЕВА & al. 2021). Исследователи, анализирующие художественную историческую прозу, не могли и не могут игнорировать наследие Скотта, опыт его историко-философского мышления и новый тип его литературного творчества. Осмысление роли и значения Скотта в пространстве мировой культуры зачастую происходило и происходит в контексте анализа традиций «шотландского чародея» в творчестве отдельных писателей, представляющих разные национальные литературы. В свое время этому была посвящена и наша диссертация *Исторические романы В. Алексиса 30-50-х годов XIX века* (ИШИМБАЕВА 1989).

В настоящей работе мы пытаемся найти новые возможности анализа исторического романа и используем помимо общепотребимого понятия «традиция» понятие «вальтерскоттовский дискурс». Именно он обеспечил уникальную неповторимость исторических романов Скотта, оказал влияние на развитие и становление жанра исторического романа и определил его каноны. Вальтерскоттовский дискурс характеризуется рядом специфических черт. Его ситуативный аспект всегда определяется эпохой глобальных потрясений, в результате которых начинается новый этап истории, реконструирующий миропорядок. Важное значение при этом уделяется детальному воспроизведению подробного исторического колорита, а также фольклорных, мифологических, культурных и национальных представлений народа — движущей силы истории, что позволяет обозначить концептуальные особенности его ментальности, мировидения и мировоззрения. Ключевые концепты (жизнь, смерть, добро, зло, любовь, дружба, долг, счастье и т. д.) рас-

крываются в ходе развертывания дискурса исторического, авантюрного, воспитательного романа, главным сюжетным героем которого, как правило, является ничем не примечательный молодой человек, переживающий в контексте большой истории личностную эволюцию.

Художественно моделирующий историческое прошлое, Пайнкофер в романе *Братство рун* (2005) следует традиции Скотта и использует вальтерскоттовский дискурс. Об этом свидетельствует сама содержательность художественной формы произведения, одним из героев которого является сэр Вальтер Скотт, вместе со своим племянником в 1822 г. вынужденный расследовать преступления членов таинственного общества. Художественный вымысел в сочетании с документальными данными о шотландском писателе порождает определенную метатекстовость, задавая программу чтения романа и осмысления его литературно-культурного кода. С другой стороны, текст *Братства рун* сплетен из вальтерскоттовских явных и скрытых цитат, аллюзий, парафраз, что обретают в рамках дискурсивной практики Пайнкофера новые смыслы.

Традиции Вальтера Скотта представлены в романе прежде всего на уровне конфликтологии и поэтологии. Они обозначены уже в Прологе, действие которого строго хронологизировано: «Бэннокберн, 1314 год от Рождества Христова» (ПАЙНКОФЕР 2006: 3) и посвящено завершению одного из важнейших сражений англо-шотландских войн XIII — XIV столетий. Победа короля Роберта I Брюса над английскими отрядами Эдуарда II в битве при Бэннокберне обеспечила восстановление независимости Шотландии.

Крупным планом выписана в прологе древняя старуха, белая колдунья Кала, которая помнит, «как ее родина была завоевана англичанами и жестоко обращена в рабство» (ibid.: 5). Она осматривает поле, усеянное трупами погибших, видит монахов и мародеров, находит волшебный меч Роберта I Брюса, который, согласно повелению рун, был оставлен на поле боя, думает о великой победе и провидит в этой победе «зерна поражения» (ibid.: 7). Пятистраничный пролог очень важен, потому что здесь в концентрированном виде 1) определяются главные конфликты ро-

мана Пайнкофера — между Англией и Шотландией, между христианской церковью и древними верованиями; между шотландскими кланами; 2) раскрывается фольклорная основа произведения как принципиальная его сюжетообразующая составляющая.

Пайнкофер следует историзму Скотта, который проникает в прошлое и художественно осмысляет былое как особый мир, обуславливающий настоящее, показывает всю сложность и запутанность межнациональных и внутринациональных конфликтов, рисует амбивалентность результатов борьбы старого и нового, сопротивления тенденциям времени, стремится постичь народную жизнь и народный характер и через них общие закономерности в движении времени и изменениях нравов.

В шотландских сочинениях Скотта, как известно, раскрывается история многовековой борьбы Шотландии за независимость, ее вождей и героев, ее народа — в духе провиденциализма, с точки зрения проявляющегося в них высшего Промысла, Божьей воли. Скотт воспроизводит народное бытование и народное мировидение на широком историческом фоне, опираясь на достижения исторической науки своего времени и на фольклор, профессиональным знатоком которого был.

В отличающихся новизной стиля вальтерскоттовских поэмах *Мармион*, *Властитель островов*, *Рокби*, *Дева озера* даются живописные описания шотландских обычаев, романы *Уэверли*, *Гай Мэннеринг*, *Антиквар*, *Пуритане*, *Эдинбургская темница*, *Роб Рой*, *Легенда о Монтрозе*, *Пертская красавица*, *Дедушкина книга*, *История Шотландии* посвящены шотландской истории и повествуют о героической борьбе шотландцев против англичан. Шотландский патриот, Скотт, однако, считал себя британцем, поэтому в его творчестве ощутимо стремление к всестороннему показу шотландских и английских концептов, их правды и ошибок, их достоинств и недостатков. Он выступал за национальную идентичность и самобытность как англичан, так и шотландцев, и за их государственное единство.

Эти идеи находят выражение и в романе *Братство рун*, где Скотт объявляет свое credo, говоря о Шотландии:

Я слишком сильно люблю эту страну <...> Я и дальше буду делать все необходимое, чтобы она засияла по-новому, но не

вражду с англичанами, а идя рядом рука об руку (ПАЙНКОФЕР 2006: 570).

Это положительная программа романа *Братство рун*, раскрываемая на фоне проблем внутриклановых войн, а также столкновения местного и общегосударственного, что скрепляют все повествование Пайнкофера, который рассматривает их в контексте древних языческих верований, бытовавших в Лоулэнде и Хайленде на протяжении тысячелетий.

Ядро сюжета романа составляют предания о руническом мече, черных и белых друидах, ритуалах в круге камней, борьбе за власть. Пайнкофер выделяет в этой борьбе несколько знаковых имен и событий: Уильям Уоллес в битве при Стерлинге (1297) и при Фолкерке (1298), Роберт Брюс в битве при Бэннокберне (1314), резня в Гленкое (1692) как кровавый бой между кланами, якобитское восстание (1745). И всякий раз немецкий писатель следует вальтерскоттовскому принципу синтеза документа и вымысла, его пониманию истории как процесса необоримого движения вперед. Это обуславливает тональность изображения артионима «братство рун» и попыток его возрождения, предпринятых последователями черных друидов, которые в борьбе за власть стремятся повернуть колесо истории вспять, покончить с христианской церковью и вернуть веру в старых богов и демонов. Это определяет трактовку образов монахов во главе с аббатом Эндрю, которые выполняют принятый столетия тому назад их премонстратенским орденом обет: охранять тайны руны меча и противодействовать членам братства рун, которые «предались демоническим силам» (ibid.: 295) и служат злу. Это, наконец, раскрывает авторскую трактовку конфликта между христианской церковью и языческим братством, подчиняющимся черной магии, как «эпической битвы между светом и тьмой, бушующей с возникновения времен» (ibid.: 299). Важную роль в этой битве играет основатель тайного рунического союза Милленкорт, «демон» и «посланец тьмы» (ibid.: 440), который на протяжении столетий остается в живых и пытается подчинить шотландских вождей своей воле. Бой между светом и тьмой, противостояние христианского и демонического — эти сюжетные компоненты позволяют вписать роман Пайнкофера в си-

стему координат теомехии с ее конфликтом вселенского, библейского масштаба.

В своем теомехическом (авантюрном, детективном, готическом, мистическом, историческом) романе Пайнкофер использовал вальтерскоттовские приемы повествования. Это касается, в частности, фигуры безликого нарратора и героя-англичанина, которому доверяется основная повествовательная точка зрения. В *Уэверли* Скотта Шотландия представлена, например, глазами англичанина Эдуарда Уэверли, прибывшего в горную страну на военную службу, как поразительная неведомая земля, где ему доведется пережить головокружительные приключения. В соответствии с установкой государственника Скотта, роман венчает символический брак представителей двух старинных родов — дочь шотландского барона Роза Бредуордн выходит замуж за Эдуарда Уэверли.

В *Братстве рун* такой же исходный посыл, хотя и происходит гендерная замена: транслируется взгляд на Шотландию чужака, не англичанина, но англичанки. Мэри Эгтон едет к своему жениху шотландскому лэндлорду Малькольму Ратвену и в ходе долгого путешествия проверяет слухи о «невероятных вещах» в «дикой и холодной стране гор» (ПАЙНКОФЕР 2006: 40), о которых рассказывали у нее на родине, сталкивается с простыми крестьянами и высокородными лэрдами и эрдами. Перед ней открывается дикая красота горной страны и ее живописные пейзажи, она постигает неоднозначность характеров и поведения ее новых знакомых. Особенно подчеркнем «робройевское» начало в изображении шотландских горцев, одного из которых Мэри Эгтон спасает от расправы англичан. В них сильна клановость, развито чувство национальной гордости, живо сопротивление британскому насилию, они вызывают в героине чувство уважения и способствуют тому, чтобы она полюбила Шотландию. И нарратор подчеркивает, что эта любовь носит литературные корни: «По романам Вальтера Скотта, которые она прочитала», она еще прежде составила мнение «о стране по ту сторону границы» (ibid.: 61).

В дороге Мэри Эгтон читает роман Скотта *Айвенго* и, отвечая на вопрос своей камеристки Китти о его содержании, гово-

рит: «О любви <...>, о чести и о верности» (ПАЙНКОФЕР 2006: 45). Примечательно, что далее безликий нарратор впервые в пространстве романа Пайнкофера разражается эмоцией:

Скотт писал о времени, когда любовь и честь были больше, чем просто высокопарные слова. Его роман, действие которого разыгрывалось в средневековой Англии, повествовал о гордых рыцарях и благородных дамах, о героях, изнывающих от страсти к своим возлюбленным в рыцарской любви и защищающих их честь острым клинком... Об эпохе, которая была потеряна и, пожалуй, никогда больше не вернется вновь, унесенная ветром времени в небытие (ibid.: 46).

Автор-повествователь оставляет за кадром историко-философскую проблематику романа *Айвенго*, связанную с формированием единого народа, и концентрируется на теме рыцарской любви. Это представляется неслучайным: сюжетная линия Мэри Эгтон до известной степени аллюзивна по отношению к истории леди Ровены. Если Седрик Ротервудский мечтает выдать свою воспитанницу за потомка королевского рода Ательстана Конингсбургского (во имя возрождения былого могущества саксов), принц Джон обещает ее норманнскому рыцарю Морису де Браси (чтобы заручиться верностью наемника в борьбе против короля Ричарда I), то родители Мэри Эгтон дали согласие на свадьбу дочери с богатым шотландским лэндлэрдом Малькольмом Ратвеном ради «материального <...> и общественного подъема» (ibid.: 41). Причины манипулирования судьбой женщины в романе Пайнкофера обмельчали и обуржуазились, неизменной, однако, осталась тенденция, которую заметил Скотт, — использование женщины во имя неких целей.

Между тем женские нарративы Скотта и Пайнкофера визуализируют жизненные пути сильных, незаурядных личностей. Мэри Эгтон обладает паранормальными способностями и постигает пятисотлетнее прошлое через странные пророческие сны, где переживает трагическую судьбу Гвеннет Ратвен как свою собственную и, таким образом, интерпретирует реальные события своего времени, переживая настоящую реинкарнацию (и об этом на страницах романа размышляет Скотт). Мэри Эгтон чувствует внутреннюю связь с героиней романа Скотта: в

одном из эпизодов, когда ей грозит опасность и она вынуждена скрывать свое имя, она называет себя «Леди Ровена из Айвенго» (Пайнкофер 2006: 476), ассоциируя себя с литературным персонажем, проецируя личность леди Ровены на себя, что раскрывает читателю ее самопонимание и самоидентификацию, вводит в панораму ее самопрезентации вальтерскоттовский элемент.

Любопытно, что в образе жениха Мэри Эгтон также ощутимы аллюзии на персонажей романа *Айвенго*, на отрицательных персонажей — командира отряда наемников Мориса де Браси, норманского рыцаря храмовника Бриана де Буагильбера, барона Реджинальда Фрон де Бефа. В этой связи неслучайна в повествовании Пайнкофера реплика на описание замка Фрон де Бефа Торкильстон и его сюжетные функции в изображении замка Малькольма Ратвена. В портрет замка Фрон де Бефа внесены элементы сюжета и драматизма исторического времени, исторического комментария к событиям и героям — тот же принцип описания замка Малькольма Ратвена характерен для романа Пайнкофера.

Вальтерскоттовским мыслится и финал сюжетной линии Мэри Эгтон: она, как и леди Ровена, отстаивает свою независимость и выходит замуж за того, кого любит. В духе романтической традиции Мэри Эгтон сбегает от своего жениха, недостойного Ратвена (мотив недостойного жениха присутствует и в романе *Роб Рой*), конфликт с семьей которого носит показательно литературный характер (несостоявшаяся свекровь приказывает сжечь все книги Скотта, привезенные Мэри), и обретает счастье с другим представителем шотландского народа — благородным племянником Скотта Квентином Хеем.

Зерно концепции образа Квентина Хей также очевидно вальтерскоттовское. Он напоминает Скотту «персонажей» из его романов — «рыцарей и благородных джентльменов» (ibid.: 141). Как и англичанин Фрэнсис Осбалдистон из романа *Роб Рой*, Квентин Хей простодушен, наивен, ничем не примечателен поначалу, но честен, прямодушен, самоотвержен и постепенно взрослеет, обретая убеждения в соприкосновении с тайной. Оба героя отличаются великим благородством души и поэтому награждены личным счастьем и благополучием. В связи с этим

глубоко символичен финал романа Пайнкофера: Скотт провожает своего племянника и его жену, которые отправляются в Америку, где хотят начать «все заново» (ПАЙНКОФЕР 2006: 570). Вальтер Скотт в момент прощания грустит и вместе с тем понимает, что его племянник повзрослел, пройдя через испытания, и что его ждет «новое большое приключение» (ibid.: 523).

Осознание этого приводит его к решению назвать героя того романа, над которым он работает, именем племянника — *Квентин Дорвард*, один из знаковых романов Скотта, был издан в 1823 г., спустя год после описанных в романе Пайнкофера событий. Немецкий писатель, как видим, искусно сочетает историческую реальность с художественным вымыслом и в этом также следует традициям шотландского писателя.

Скотт создавал образы знаменитых деятелей истории, реальных исторических личностей, королей, вождей, полководцев и героев, согласно художественной теории вероятности и демонстрировал нерасторжимое единство правды и домысла. Тот же принцип использует Пайнкофер при сочинении образа Скотта как героя романа *Братство рун*. Реконструируя его характер, мысли и чувства, мировоззренческие установки, вписывая его в эпоху, Пайнкофер изображает Скотта в трех планах — бытовом, творческом, сущностном. В результате немецкий писатель создает своего рода «текст личности» (ЕРОХИНА 2009) Скотта, размывая границы между беллетризованной биографией и квазибиографией и обусловливая тем самым как свою мистификацию (Вальтер Скотт в ситуационной роли Шерлока Холмса 20-х гг. XIX в.), так и литературный диалог с вальтерскоттовскими текстами, которые задают программу чтения текста романа Пайнкофера и его код, декодируют содержание и обусловливают информационно-смысловое углубление текста романа, его сущностные формально-содержательные основы, его глубинные базовые структуры и раскрывают механизмы смыслопорождения и смыслопонимания.

4. Заключение

Лингвистический поворот в философии и историографии XX в. определяет тот факт, что методы науки о языке стали применяться к исследованиям разных историописаний. В настоящем компаративистском исследовании, основанном на концептуаль-

ных идеях Барта, Уайта и Анкерсмита и посвященном историческому роману, была сделана попытка двойной дешифровки текстов о прошлом — Скотта и Пайнкофера. Это позволило понять, как современный немецкий писатель, используя вальтерскоттовский дискурс, воссоздал художественный мир прошлого в романе *Братство фун.*

Анализ способов структурирования художественного исторического текста и презентации прошлого в историческом романе не просто методологическая новация частного порядка, но перспективное направление в изучении поэтики жанра исторического романа и исторической дискурсологии.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Анисимова Е. Е., Милеева О. А. Религиозный дискурс: антропологический и лингвокультурологический аспекты. М.: Триумф, 2024. [Anisimova, Yelena E. & Mileeva, Olga A. (2024) *Religioznyy diskurs: antropologicheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* (Religious Discourse: Anthropological and Linguocultural Aspects). Moscow: Triumf. (In Russian)].
- Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. [Ankersmith, Frank Rudolf. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory* (History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor). Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian)].
- Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. / ред. К. Г. Косиков. М.: Московский гос. ун-т, 1987. С. 387—433. [Barthes, Roland. (1987) *Vvedeniye v strukturnyy analiz povestvoatel'nykh tekstov* (Introduction to the Structural Analysis of Narrative Texts). In: Kosikov, Georgiy K. (ed.) *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX—XX vv.* (Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the 19th — 20th centuries). Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russian)].
- Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 427—441. [Barthes, Roland. (2003) *Diskurs istorii* (Discourse of History). In: Barthes, Roland. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* (Fashion System. Articles on Semiotics of Culture). Moscow: Sabashnikovs Publishing House. (In Russian)].

- Барт Р. S/Z . М.: Академический проект, 2009. [Barthes, Roland. (2009) S/Z (S/Z). Moscow: Akademicheskiiy proyekt. (In Russian)].
- Волков И. О. (ред.) Творчество Вальтера Скотта в пространстве мировой культуры. Томск: Томский гос. ун-т, 2023. [Volkov, Ivan O. (ed.) (2023) *Tvorchestvo Val'tera Skotta v prostranstve mirovoy kul'tury* (The Work of Walter Scott in the Space of World Culture) Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 124—136. [Guillaume, Jean & Maldidier, Didier. (1999) O novykh priemakh interpretatsii, ili problema smysla s tochki zreniya analiza diskursa (On New Methods of Interpretation, Or the Problem of Meaning from the Viewpoint of Discourse Analysis). In: *Kvadratura smysla: Francuzskaya shkola analiza diskursa* (The Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты / ред. Г. Я. Солганик и др. М.: Флинта: Наука, 2014. [Solganik, Grigoriy Ya. & al. (eds) (2014) *Diskurs i stil': teoreticheskiye i prikladnyye aspekty* (Discourse and Style: Theoretical and Applied Aspects). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Ерохина Т. И. Личность и текст в культуре русского символизма. Ярославль: Ярославский гос. педагогический ун-т им. К.Д. Ушинского, 2009. [Erokhina, Tatyana I. (2009) *Lichnost' i tekst v kul'ture russkogo simvolizma* (Personality and Text in the Culture of Russian Symbolism). Yaroslavl': Yaroslavl' State Pedagogical University. (In Russian)].
- Золян С. Т. Дискурс: объект или конструкт? // Иностранные языки в высшей школе. 2020. № 2 (53). С. 7—17. [Zolyan, Suren T. (2020) Diskurs: obyekt ili konstrukt? (Discourse: Object or Construct?). In: *ostrannye yazyki v vysshey shkole* (Foreign Languages in Higher Education), 2, 7—17. (In Russian)].
- Ишимбаева Г. Г. Исторические романы В. Алексиса 30—50-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. М.: Московский гос. ун-т, 1989. [Ishimbaeva, Galina G. (1989) *Istoricheskiye romany V. Aleksisa 30—50-kh godov XIX veka* (Historical Novels by V. Alexis of the 30—50s of the 19th Century). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].

- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. [Jorgensen, Marianne V. & Fillips, Louise. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* (The Discourse Analysis. The Theory and Method). Khar'kov: Gumanitarnyy Tsent. (In Russian)].
- Лазарева Т. Г. Возвращение к роману о средневековье: Умберто Эко и Вальтер Скотт // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 87. С. 115—122. [Lazareva, Tatyana G. (2009) *Vozvrashcheniye k romanu o srednevekovye: Umberto Eko i Val'ter Skott* (Return to the Novel About the Middle Ages: Umberto Eco and Walter Scott). *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena: Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki* (Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities & Sciences), 87, 115—122. (In Russian)].
- Маслов Е. С. Время в нарративе: «фабула — сюжет» и «история — дискурс» vs семиотический треугольник // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 3. С. 10—27. [Maslov, Yevgeniy S. (2023) *Vremya v narrative: "fabula — syuzhet" i "istoriya — diskurs" vs semioticheskiy treugol'nik* (Time in Narrative: "Story — Plot" and "History — Discourse" vs Semiotic Triangle). *Studia Litterarum*, 3, 10—27. (In Russian)].
- Никоненко С. В. К вопросу о дискурсивном характере исторического языка: Исследование оснований релятивизма в аналитической философии истории // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 35—44. [Nikonenko, Sergey V. (2022) *K voprosu o diskursivnom kharaktere istoricheskogo yazyka: Issledovaniye osnovaniy relyativizma v analiticheskoy filosofii istorii* (On the Issue of the Discursive Nature of Historical Language: A Study of the Foundations of Relativism in the Analytical Philosophy of History). *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 68, 35—44. (In Russian)].
- Пайнкофер М. Братство рун. М.: АСТ; Хранитель, 2006. [Peinkofer, Michael. (2006) *Bratstvo run* (Brotherhood of Runes). Moscow: AST; Khranitel'. (In Russian)].
- Плеханова Т. Ф. Дискурс-анализ текста. Минск: Тетра-системс, 2011. [Plekhanova, Tatyana F. (2011) *Diskurs-analiz teksta* (Discourse Analysis of Text). Minsk: Tetra-sistems. (In Russian)].
- Плехова О. Г. Исторический дискурс: институциональные характеристики // Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. 2016. № 2 (106). С. 99—105. [Plekhoa, Olga G. (2016) *Istoricheskiy diskurs: institutsional'nyye kharakteristiki*

- (Historical Discourse: Institutional Characteristics). *News of the Volgograd State Pedagogical University*, 2, 99—105. (In Russian)].
- Проскурнин Б. М. Актуален ли Вальтер Скотт сегодня? // Вестник Пермского университета, 2012. № 3. С. 196—201. [Proskurnin, Boris M. (2012) Aktualen li Val'ter Skott segodnya? (Is Walter Scott still relevant today?). *Bulletin of Perm University*, 3, 196—201. (In Russian)].
- Родина В. В. Дискурс: генезис, природа и содержание: обзор научных школ // Проблемы языкознания и теории коммуникации. 2018. С. 101—111. [Rodina, Valeriya V. (2018) Diskurs: genezis, priroda i soderzhaniye: obzor nauchnykh shkol (Discourse: Genesis, Nature and Content: Review of Scientific Schools). In: *Problemy yazykoznaniiya i teorii kommunikatsii* (Problems of Linguistics and Communication Theory). (In Russian)].
- Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2008. [Rusakova, Olga F. & Rusakov, Vasilii M. (2008) *PR-Diskurs: Teoretiko-Metodologicheskii Analiz* (PR Discourse: Theoretical and Methodological Analysis). Yekaterinburg: The Institute of Philosophy and Justice. (In Russian)].
- СКОТТ В.: библиографический указатель / ред. О. А. Суслова. Тамбов: Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина, 2021. [Suslova, Olga A. (2021) *Skott W.: bibliograficheskii ukazatel'* (Scott W.: Bibliographic Index) Tambov: Tambov Regional Library. (In Russian)].
- Стародубова О. Ю. Анатомия текста и дискурса. Ч. 1: Художественный дискурс и механизмы конструирования модели действительности. Чебоксары: Среда, 2021. [Starodubova, Olga Yu. (2021) *Anatomiya teksta i diskursa. 1: Khudozhestvennyy diskurs i mekhanizmy konstruirovaniya modeli deystvitel'nosti* (Anatomy of Text and Discourse. Part 1: Artistic Discourse and Mechanisms for Constructing a Model of Reality). Cheboksary: Sreda. (In Russian)].
- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. [Titscher, Stephen; Meyer, Michael; Vodak, Ruth & Vetter, Eve. (2009) *Metody analiza teksta i diskursa* (Methods of Text and Discourse Analysis) Khar'kov: Gumanitarnyy Tsentr. (In Russian)].
- Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. [Tyupa, Valeriy I. (2001) *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa* ("Arhierey" A. P. Chekhova) (Narratology as an Analytics of

- Narrative Discourse ("The Bishop" by A. P. Chekhov). Tver': Tver' State University. (In Russian)].
- Тюна В. И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. [Tyuna, Valeriy I. (2010) *Diskursnyye formatsii: Ocherki po komparativnoy ritorike* (Discourse Formations: Essays on Comparative Rhetoric) Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе девятнадцатого столетия / ред. Е. Г. Трубина, В. В. Харитонов. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2002. [White, Hayden. (2002) *Metaistoriya. Istoricheskoye voobrazheniye v Evrope devyatnadsatogo stoletiya* (Metahistory: the Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe). Yekaterinburg: Ural State University. (In Russian)].
- Chouliaraki, Lilie & Fairclough, Norman. (2005) *Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Glynos, Jason; Howarth, David & Norval, Aletta. (2009) *Discourse Analysis: Varieties and Methods*. Colchester: University of Essex.

Galina G. Ishimbaeva
Ufa University of Science and Technology

**The Walter Scott Discourse
of M. Peinkofer's Novel *The Brotherhood of Runes***

The purpose of the article is to study, firstly, the artistic reflection of the past and the embodiment of the past into narrative texts of Walter Scott and Michael Peinkofer; secondly, the formal, substantive, and poetical features of Scott's discourse which structure Peinkofer's novel *The Brotherhood of the Runes*. The relevance and scientific novelty of the article are due to the fact that discourse analysis as an integral set of analytical methods for interpreting texts is one of the universal and promising in modern humanities, as well as the fact that the discursive methodology on which the reception of Peinkofer's novel is based and which has not yet received attention in Russian philology, allowed us to draw significant conclusions about its nature and deep basic structures. The semiotic basis and genre-stylistic features of the historical novel were developed by Walter Scott who became the founder of the modern historical novel and created his own discourse characterized by a number of peculiarities. Its situational aspect is always determined by the era of global upheavals, as a result of which a new stage of history reconstructing the world order begins. Great importance is attached to the detailed reproduction of the comprehensive

historical flavor, as well as folklore, mythological, cultural and national representations of the people. The key concepts are revealed during the unfolding of the discourse of the historical, adventurous, educational novel, the main plot character of which is an unremarkable young man experiencing personal evolution in the context of a great story. Artistically modeling the historical past, Peinkofer in his novel *The Brotherhood of Runes* (2005) perceived and reinterpreted the Scott's matrix of the historical novel, the Scott's discourse of the historical novel, and in his *The Brotherhood of the Runes* demonstrated the possibilities of using the tradition of Walter Scott in the 21st century. The hybridization of fiction and fact "according to Walter Scott", following the Walter Scott historiosophical and philosophical paradigm, the inclusion of direct and indirect references to Scott's novels, quotations and allusions generate a certain metatextuality, setting a program for reading the novel and understanding both its literary and cultural code and its discursive nature.

Keywords: Michael Peinkofer; "The Brotherhood of Runes"; discourse; the Walter Scott discourse; historical novel

Для цитирования:

Ишимбаева Г. Г. Вальтерскоттовский дискурс романа М. Пайнкофера «Братство Рун» // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 325—341.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-325-341.

To cite this Article:

Ishimbaeva, Galina G. (2025) Val'terskottovskiy diskurs romana M. Paynkofera "Bratstvo Run" (The Walter Scott Discourse of M. Peinkofer's Novel "The Brotherhood of Runes"). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 325—341. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-325-341.

Статья поступила в редакцию 09.02.2025; принята к публикации 09.03.2025

The article was submitted 09.02.2025; accepted for publication 09.03.2025

Л. Ю. Коршунова

Ивановский государственный энергетический
университет им. В. И. Ленина

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ АРТУРА ШНИЦЛЕРА: ПОЭТИКА ЖАНРА

В статье исследуется жанровое своеобразие исторических пьес австрийского писателя рубежа XIX—XX вв. Артура Шницлера. Несмотря на собственное признание автора, что в театре его привлекала прежде всего притягательная атмосфера переодеваний, веселья и печали, словом, сам мир игры, выбор им определенной исторической эпохи для того или иного произведения нельзя считать абсолютно факultatивным. Становление истории как эмпирической науки и быстрый прирост знаний в этой области в XIX в., публичные лекции ученых вызвали интерес к истории в образованных кругах. Внимание мыслителей к определенным эпохам и событиям — Ренессансу с его свободомыслием, Французской революции — побудило Шницлера совершить экскурс в историю (*Покрывало Беатриче, Зеленый какаду, Парцельс*) и даже посвятить одну из пьес столетней годовщине Асперн-Эслингской битвы (*Молодой Медард*). Однако тематическая направленность не укладывается гармонично в рамки традиционной многоактной исторической драмы, исходящей преимущественно из специфики трагического конфликта. Смещение драматического конфликта с собственно действия в сферу внутреннего мира персонажей закономерно приводит автора к созданию одноактных пьес на исторические сюжеты, а конфликт оказывается по преимуществу трагикомическим. В основе лежит мотив игры, грань между реальностью и иллюзией, правдой и ложью намеренно стирается. Специфика исторических пьес Шницлера может быть рассмотрена и с позиции споров о месте истории в сфере гуманитарного знания. Французская революция, наполеоновские войны и другие значительные события, потрясшие европейский мир в XIX в., жестокие как по отношению к обществу, так и к отдельному индивиду, привели к относительности моральных норм и ценностей. Человек оказался «перегруженным» историческими фактами, не дающими ему точки опоры для жизни. Относительность этических феноменов и необычный ракурс их репрезентации нашли яркое выражение в исторических пьесах Шницлера.

Ключевые слова: историзм; историческая драма; одноактная пьеса; конфликт; трагическое; трагикомическое

1. Введение

Австрийский писатель рубежа веков Артур Шницлер (*1862 —† 1931), врач по образованию, участник кружка «Молодая Вена», является, на наш взгляд, одним из самых созвучных своему времени писателей. В эстетике группы младовенцев, идейным вдохновителем которой был Герман Бар, во главу угла был положен принцип творения новой художественной реальности через призму своих ощущений (ЖЕРЕБИН 2009: 12). Наиболее выразительным примером воплощения этой эстетической концепции можно считать дебютную книгу участника группы Петера Альтенберга *Как я это вижу* («Wie ich es sehe», 1896) (АЛЬТЕНБЕРГ 1908). В большей или меньшей степени к подобному «образцу» тяготели все младовенцы. Их занимал чувственный и ментальный мир их современников, людей действительно богатой как на исторические коллизии, так и на смену культурных парадигм эпохи.

Шницлер — писатель достаточно плодовитый, проявивший свое мастерство преимущественно в создании малых форм — новеллы и одноактной пьесы. Тем не менее лишь несколько его произведений написаны на исторический сюжет или воспроизводят определенную историческую эпоху. Это пьесы *Парацельс* («Paracelsus», 1898), *Зеленый попугай* («Der grüne Kakadu», 1899), *Покрывало Беатриче* («Der Schleier der Beatrice», 1900), *Крик жизни* («Der Ruf des Lebens», 1906), *Молодой Медард* («Der junge Medardus», 1910), *Сестры или Казанова в Сна* («Die Schwestern oder Casanova in Spa», 1919); новелла *Возвращение Казановы* («Casanovas Heimfahrt», 1918); кукольный спектакль *Бравый Кассиан* («Der tapfere Cassian», 1904) и никогда не инсценировавшаяся миниатюра *Песнь Алканди* («Alkandis Lied», 1890). В набросках дошла до нас также пьеса *Ландскнехт* («Landsknecht», 1904—1930), опубликованная в 1977 г.

Как видно из перечня, в большинстве своем это произведения драматические. Это кажется закономерным следствием, с одной стороны, преобладания литературных традиций в жанре исторической драмы в европейской литературе. С другой стороны, изживание традиционных форм драмы, построенной по определенным жанровым канонам, зарождение и развитие новой драмы привели к существенным изменениям и сдвигам, касающимся фундаментальных категорий поэтики драматического

произведения (РЫМАРЬ 2019: 150). Жанровый канон исторической драмы меняется. Мы попытаемся проследить, как эволюционировал жанр исторической драмы в творчестве писателя, и как исторические драмы укладываются в наследие Шницлера.

2. Характеристика материала и методов исследования

Осознание истории как непрерывного и поступательного движения цивилизации зародилось в конце XVIII в. и получило развитие в философско-эстетической концепции романтизма. Однако события европейской истории в XIX в. привели к переоценке данного подхода. В последней трети XIX — начале XX в. развернулись масштабные дискуссии о том, что есть история, для чего она нужна и где границы ее познания. Феномен историзма стал предметом рефлексии историков и философов — Я. Буркхардта, Ф. Ницше, В. Дильтея, М. Вебера (АРНАУТОВА 2019: 88–89). Популяризация исторической науки, публичные лекции философов и историков способствовали интересу к истории в образованных кругах европейского общества. На рубеже XIX—XX вв. процветает культ Ренессанса, растет интерес к Французской революции, а история формируется как научная дисциплина (*ibid.*: 90–93). Неудивительно поэтому, что и представители новой драмы несмотря на их укорененность в современности или, напротив, вневременности, условности не раз обращались к древней и новой истории. Пьесы на исторические сюжеты представляются важной вехой в становлении творческого метода писателей и глубоко укоренены в проблематике новой драматургии; см., напр. в (ЮРЬЕВ 2011; НЕКРАСОВА 2014).

В то же время специфика «новой драмы» заключалась в обращении, прежде всего, к современному контексту; драматурги порубежной эпохи ставили проблемы духовного и социального самоопределения современной личности. Девальвация традиционных ценностей, крушение гуманистических идеалов, трагическое в обыденном течении жизни, критика языка, переставшего быть средством передачи информации о мире и индивиде — эта проблематика образует сущностную основу новой драматургии.

Так, Шницлер, впитывая и осваивая принципы новой драмы, в творчестве был прежде всего исследователем своего времени, диагностом мельчайших движений человеческих душ со-

временников. В драмах на исторические сюжеты перед нами все тот же современный писателю человек. Как писали многие исследователи, применительно к историческим драмам Шницлера допустимо говорить скорее о костюмах нежели о точном воспроизведении исторических реалий (OFFERMANN 1983: 49; PERLMANN 1987: 75). Очевидно, в той или иной исторической эпохе австрийский писатель усматривал параллели с современностью или же стремился более выпукло представить современные коллизии.

Исследовательская литература по творчеству Шницлера обширна, и, разумеется, исторические пьесы также не обделены вниманием отечественных и зарубежных ученых: это и главы в монографиях (PERLMANN 1987; LE RIDER 2007), и материалы историко-критических изданий (SCHNITZLER 2020; 2021) и статьи (NEHRING 1992: 7–94; SABLER 2013: 53–65; LINDNER 2019: 149–162; ГОРБАТЕНКО 2014: 72–81; и др.). Нельзя, однако, утверждать, что исторические пьесы Шницлера получили в работах полное и всестороннее освещение с точки зрения поэтики произведений.

Отказ от масштабных исторических полотен, стремление представить общее через частное, индивидуальное закономерно повлияло на поэтику шницлеровской драмы. Исторический материал вступает в определенные отношения корреляции и конфронтации с выбранной писателем формой его репрезентации. В центре исследования поэтика жанра исторической драмы Шницлера. В работе над материалом использовался биографический метод в сочетании со структурным и стилистическим анализом с привлечением исследований по теории и истории драмы и ее жанровой специфики.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Шницлеровские драмы на исторический сюжет во временном отношении приходится в основном на рубеж XIX—XX вв., маркируя расцвет Шницлера-драматурга. Поэтому нам показалось логичным остановиться на шести пьесах, созданных в период с 1898 по 1910 гг. Пьесы создавались Шницлером в первую очередь для сцены, а не для чтения и, как правило, высоко оценивались публикой и критиками. За пьесу *Молодой Медард*, с успехом шедшую в венском Бургтеатре вплоть до 1932 г., писа-

тель был награжден премией Раймунда. (Raimund-Preis).¹ Оглушительный успех имела премьера пьесы *Крик жизни* — один из редких случаев, когда зарубежная постановка предшествовала премьере на родине. Пьеса впервые была поставлена в Санкт-Петербурге 20 февраля 1906 г. в театре В. Ф. Комиссаржевской с ее участием в роли Марии. Пьеса *Зеленый попугай* несмотря на явный иронический подтекст показалась российскому обществу настолько злободневной, что во время революции 1905—1907 гг. в России буквально не сходила с подмостков.²

Конечно, подобное прочтение шницлеровских пьес (и сам Шницлер, скорее, не радовался, а досадовал на успех *Зеленого попугая* в России³) не следует принимать всерьез. В основе драматического творчества писателя лежит мотив игры. Исследователь венского модерна Ю. Л. Цветков считает игру одним из основополагающих принципов эстетики рубежа XIX—XX вв., проявившемся в чрезвычайно плодотворных экспериментах с формой и стилем в театре, как-то: переигрывание известных сюжетов, игровое манипулирование словами и звуковыми эффектами, нарушение сценической иллюзии, создание «театра в театре», смешение стилей различных писателей и разных эпох, повышенный интерес к жизни актера (ЦВЕТКОВ 2003: 366).

Архитектоника игры в пьесах Шницлера весьма разнообразна. Игровую позицию занимают персонажи по отношению друг к другу. Действие драмы *Парацельс* разворачивается в Базеле начала XVI в. Знаменитый врач-гипнотизер, вернувшийся после долгих странствий в родной город, оказывается в гостях у старого друга Киприана. Киприан не верит в способности Парацельса и в шутку провоцирует гипнотизера, понуждая его применить свое мастерство. Оскорбленный Парацельс загипнотизировал супругу Киприана Жюстину и внушил ей, что она изменила мужу с молодым юнкером Ансельмом. Отчаявшегося Киприана он успокаивает заявлением, что «...ведь это все одной игрой было» (ШНИЦЛЕР 1908b: 123). Парацельс представляет

¹ <https://schnitzler-tagebuch.acdh.oeaw.ac.at/pmb30615.html>. Запись от 27.03.1914.

² Ibid. Запись от 13.01.1906.

³ Ibid.

собой яркий тип «человека играющего».

В пьесе *Зеленый попугай*, организованной по принципу «театр в театре», мы сталкиваемся со сложной структурой, проявляющейся и на уровне сюжета, и в системе персонажей: кабачок «Зеленый попугай» — ночное заведение со спектаклем в виде интермедий из жизни криминального мира — это и место приема пищи, и мини-театр. Очевидна двойственная роль актеров — работников сцены в амплуа преступников. Не менее сложна репрезентация посетителей кабачка: аристократы и есть подлинные преступники, если учесть, что действие разворачивается в Париже, 14 июля 1789 г., в день взятия Бастилии. Кроме того, в кабачке оказывается настоящий преступник — Грэн, решивший податься в актеры. Иллюзия и действительность многократно преломляются в восприятии актеров и зрителей.

В кукольном спектакле *Храбрый Касьян*, который был положен на музыку Р. Штраусом, отразилось стремление писателя к экспериментированию с формой. Историзм тут, конечно, крайне условен: конец XVII в., небольшой немецкий город (Шницлер 1904: 14). При обработке этой «шутки в одном действии» (ibid.) для переложения на музыку Шницлер усилил бурлескную направленность пьесы, назвав ее, согласно традициям венского народного театра, «зингшпиль» («Singspiel»).⁴

Благодаря постоянной игре в подмену реального иллюзорным и наоборот отчетливо видится антииллюзионистская составляющая произведений. Так, отчаяние Жюстины от внушенного ей эпизода измены настолько достоверно, что вводит в заблуждение даже Парацельса:

Меж видимым и кажущимся грани
Не различаю сам... (Шницлер 1908b: 150).

В пьесе *Зеленый попугай* события революционного Парижа не показываются. Мы можем судить о них только по репликам действующих лиц. Особенно ярко необычность репрезентации исторических событий проявляется в кульминации пьесы. Премьер труппы Анри совершает убийство из ревности. Ввалившаяся в кабачок толпа простолюдинов провозгласила актера —

⁴ Ibid. Запись от 1.01.1909.

убийцу герцога — «другом народа». Зрители-аристократы не сразу разобрались в ситуации, посчитав убийство частью представления, но даже когда истинный смысл ситуации стал очевиден, им не так просто расстаться с иллюзиями. Реплика маркизы Северины: «Es trifft sich wunderbar. Man sieht nicht alle Tage einen wirklichen Herzog wirklich ermordet» (SCHNITZLER 1912a: 126) — «Все это так странно сошлось одно к одному. Не каждый день можно видеть, как действительно убивают настоящего герцога» (ШНИЦЛЕР 1908a: 90). В оригинальном тексте дважды повторяется слово *wirklich* ‘настоящий, действительно, в самом деле’, что, казалось бы, дает надежду, что герои выйдут из мира иллюзий, созданных театральным представлением. Однако этого не происходит. Смерть герцога остается частью эстетического конструкта, усиливает чувство наслаждения от представления и служит пикантной приправой к последующей любовной авантюре. Покидая кабачок, Северина уславливается о свидании с любовником — она сегодня «в хорошем настроении» (*ibid.*: 91).

Таким образом, мотив игры у драматурга включает в себе негативную коннотацию. По верному замечанию Х. Байердерфера относительно *Зеленого попугая*, в «сбивающем с толку спектакле» Шницлер критикует готовность зрителя к заблуждению, иллюзии, самообману (BAYERDÖRFER 1972: 555). Принцип «вся наша жизнь — игра», который драматург вкладывает в уста героя другой пьесы — Парацельса — Шницлером не подтверждается, но оспаривается: «Играют все, и — мудр, кто это знает (пер. О. Н. Чюминой), — говорит Парацельс, но не я» (цит. по: [SCHNITZLER 2021: 6]). В одноактных исторических пьесах, которые писались параллельно с драмами на современные сюжеты и развивали те же проблемы, Шницлер высвечивает опасность отношения к жизни как к игре с помощью особых игровых приемов. Драматург делает ставку на восприятие реципиента: с одной стороны, по видимости заботится об однозначном «прочтении» того или иного эпизода с тем, чтобы в любой момент выбить почву из-под ног зрителя / читателя. Игровые приемы закономерным образом влияют на жанровую специфику шницлеровских одноактных пьес. Как и у других представителей новой драмы, обнаруживших трагизм в обычном повседневном тече-

нии жизни, соединение бытового и курьезного с трагической стороной бытия рождает внутреннее напряжение шницлеровских пьес, исходящее из специфики трагикомического конфликта. Таким образом, создается особый трагикомический эффект: отсутствие подлинного трагического пафоса, «страдания, или хотя бы угрозы страдания» (ГАСПАРОВ 1979: 128) снижает его трагическую направленность. С другой стороны, снижается комический эффект, так как комизм ощущается только автором и зрителями, но не персонажами. Игра как драматургический прием имеет как идейно-содержательную, так и жанрообразующую функцию. Стоит ли говорить, что бурные события Французской революции или полулегендарная личность средневекового врача, чья роль в развитии медицины до сих пор является предметом споров среди ученых, заставляло зрителя острее воспринимать спектакль, чем если бы материалом для пьесы служила современность! Актуализация исторической памяти (СОКОЛОВА 2007: 317) превращала зрителя в одного из создателей спектакля, побуждало к сотворчеству в соответствии с собственным горизонтом ожидания.

Следует отметить и такую особенность шницлеровских пьес, характерную для всех представителей новой драмы, как примат речи над действием. Смещение акцента с собственно событий на диалог, который раскручивает пружину драматического действия и в то же время скепсис писателя по отношению к слову, выхолощенность и смысловая «ненагруженность» языка создают трагикомические обертоны. Для актеров *Зеленого попу-га* слово является предметом не столько обыденного, сколько театрального дискурса, и в эту эстетическую игру с удовольствием вовлекаются и аристократы. В пьесе *Парацельс* движущей силой конфликта является проблема гипноза. Использование языка ради своей личной выгоды или из мести, или как средства эстетического наслаждения без четкой уверенности в том, что все это лишь игра и сон, подчеркивает амбивалентность языка и его несостоятельность в применении к этическим вопросам. Утрата моральных норм и ценностей, вызванных не в последнюю очередь историческими потрясениями в Европе в XIX столетии, отражаются в языке и им определяются.

Несколько иным образом обстоит дело с многоактными пьесами, которые во многом наследуют традиции классической исторической драмы. Если одноактные исторические пьесы в общем и целом укладываются в эстетику младовенцев, многоактные драмы представляют собой попытку (и не всегда успешную) создания эпических полотен в стремлении представить историю как процесс:

В них [пьесах] постоянно выискиваются возможности вновь осмыслить историю как целостный и непрерывный процесс. Однако в стремлении сохранить традиционную форму и включить себя в литературно-исторический континуум кроется опасность эпигонства. Из этой дилеммы и проистекает их эстетическое несовершенство. Вместе с тем, исторические драмы можно рассматривать как драматургический эксперимент: не статичное театрализованное представление истории, а ее репрезентация в качестве объекта и причины исторической памяти (SABLER 2013: 53).

Покрывало Беатриче — первая законченная многоактная драма Шницлера со сложной сценической судьбой. Ее премьера состоялась в 1900 г. в Бреслау, через 3 года пьеса впервые была представлена в Берлине, тогда как в венском Бургтеатре премьера состоялась лишь в 1925 г.⁵ Действие разыгрывается в эпоху Возрождения в Болонье начала XVI в. во время осады города войсками Чезаре Борджиа. Действие второй многоактной пьесы — *Крик жизни* — происходит в середине XIX в., во время военного конфликта австрийского правительства и венгерской знати, поднявшей восстание.

Протагонистом третьей многоактной пьесы, в отличие от предыдущих, является мужчина — молодой Медард, который тернистым путем идет к подвигу и погибает. Пьеса посвящена столетней годовщине Асперн-Эсслингской битвы, освещаая время наполеоновских войн, а именно, взятие Вены 13 мая 1809 г. и неудавшееся покушение немца Фридриха Штапса на французского императора. Премьера с успехом прошла в венском Бургтеатре 24 ноября 1910 г.

Тематически многоактные пьесы Шницлера разрабатывают те же мотивы, которые были апробированы в одноактных пье-

⁵ Ibid. Записи от 1.12.1900; 7.03.1903; 23.05.1925.

сах. Они отличаются количеством действующих лиц и большей разветвленностью конфликта, большей «эпичностью». Тем не менее уже сама масштабность материала создает предпосылки к новому повороту в поэтологической специфике, отличной от пьес малого объема. Первое, что явственно видно при чтении произведений, — богатство исторических данных и фактов. В отличие от одноактных пьес, в которых исторические события «рассказываются», многоактные пьесы развертывают действие перед глазами зрителя / читателя. Это, однако, не означает, что Шницлер скрупулезно придерживался данным исторических документов. Тщательно отбирая и видоизменяя материал, драматург подчас приносит точность исторических фактов в жертву художественной выразительности. Подобный прием, разумеется, не нов, и обусловлен, по мысли П. Пави, жанрообразующими, структурными особенностями драматической формы. (ПАВИ 1991: 133). Существенное же отличие многоактной драмы, на наш взгляд, в развитии конфликта, его смещении от трагикомического в сторону мелодраматического или даже трагического.

Все три пьесы завершаются смертью протагонистов (*Покрывало Беатриче*, *Молодой Медард*) или других персонажей. Смерть в различных ее проявлениях буквально пронизывает пьесу *Крик жизни*: главная героиня Мария отравляет прикованного к постели и требующего постоянного ухода отца, чтобы провести ночь с любовником. Умирает ее возлюбленный Макс, посланный на фронт; попутно сообщается, что весь батальон пал на поле боя. Командир батальона из ревности застрелил свою жену, бывшую любовницу Макса. Завершается пьеса смертью Катерины, кузины Марии, возвратившейся из любовной эскапады (она уезжает на фронт с любовником, а когда он погибает, проводит с первым встречным мужчиной несколько дней и ночей). Разумеется, смерть в пьесе следует трактовать не буквально (хотя сам поступок — убийство отца) совершается. Смерть метафорически противопоставляется «не-жизни» Марии, вынужденной проводить все время у постели больного. Отравление отца представляет собой «крик жизни» молодой девушки, имеющей право на личное счастье, и стремящейся духовно освободиться от гнета обстоятельств.

Второй план, связанный с репрезентацией смерти в пьесе, более глобальный: бессмысленность смерти на поле боя ради сомнительных идеалов определенной группы людей. Прием ретроспекции, использованный Шницлером, отсылает нас к событиям тридцатилетней давности, когда была проиграна битва при Линдахе. Отец Марии признается, что именно был причиной массового бегства с поля боя, дезертировав первым. Однако он ни о чем не жалеет, и геройская смерть определенно не привлекает его:

все, кто заставлял нас переживать сотни вечностей, неподвижно стоя на одном месте, лгали нам... и лгали об отечестве и чести, чтобы крепче держать нас!.. Кто наградит меня за это? Кто поблагодарит?.. С тысячами других бросили бы меня в могилу, закидали землей, и конец! А я не хотел этого! Я хотел жить, жить, как все другие... иметь жену и ребенка и жить!.. (ШНИЦЛЕР 1910b: 111–112).

Смерть, таким образом, детерминирует развитие драматического конфликта. Она не является, как в *Зеленом попугае* или *Храбром Касьяне*, частью эстетической конструкции, гротеска, но явно усиливает трагическую тональность многоактных пьес. Особенно это заметно, на наш взгляд, в драме *Молодой Медард*, протагониста которой немецкий театральный критик рубежа веков Альфред Керр иронически назвал «господином Гамлетиком» (цит. по: [PERLMANN 1987: 81]). Но насколько бы иронично это не звучало, метания и поиски Медарда, потерявшего ясный жизненный путь из-за самоубийства сестры, хотя бы отдаленно напоминают гамлетовские. Разумеется, о чистой трагедии здесь не может быть речи, так как зритель, да и сам Медард — а это главное — осознают комизм положения. Нарушение сценической иллюзии, как бы «выход актера из роли» составляет сущностную характеристику новой драмы. Рефлексирующий, иронизирующий над собой Медард неуклонно через во многом им же создаваемые препоны идет к трагическому концу. Н. И. Ищук-Фадеева считала иронию фундаментальной категорией драмы, исконно присущей этому роду литературы (ИЩУК-ФАДЕЕВА 2002: 21).

Ирония, понимаемая как структурообразующий принцип, может не включать иронию лексическую, однако у Шницлера с

его скепсисом по отношению к слову эти два плана иронической репрезентации следует рассматривать во взаимосвязи. Исследовательница Б. Матиас полагает, что

смерть для Шницлера предпочтительна в любом из многих литературных экспериментов, в которых возникает неразрешимое напряжение между значением и обозначаемым, между понятием и событием (MATIAS 1999: 171).

Дисбаланс между словом и делом или делом и «ситуацией молчания» характерен для пьес *Молодой Медард* и *Покрывало Беатриче*.

Особенность подвига Медарда в том, что он осуществляется только вербально: Медард утверждал, что намеревался убить Наполеона, и был казнен именно за намерение. Парадокс и комизм ситуации в том, что на деле он явился как раз избавителем императора, так как, убив свою бывшую возлюбленную, принцессу Валуа, предотвратил ее покушение на Наполеона. Медард, таким образом, оказывается во власти слепых высших сил, судьбы, что как раз характерно для трагического модуса художественности. «Вы являетесь орудием высшей силы. Как и все мы», — говорит Медарду генерал императора (ШНИЦЛЕР 1911: 258). Однако отсутствие поступка снимает трагический пафос и позволяет отнести эту «драматическую историю» (SCHNITZLER 1910) к жанру мелодрамы с ее непрямым «этическим заданием» в виде торжества добродетели. Так, и героиня пьесы *Крик жизни* Мария после всего пережитого решает пойти на фронт сестрой милосердия, а эпизод отравления отца в завязке пьесы предстает как восстановление status quo: Мария является орудием судьбы.

В пьесе *Покрывало Беатриче* Шницлер в очередной раз разрабатывает проблему сна и действительности в их различных корреляциях. Показательно, что сон Беатриче по ходу действия проецируется на все пространство пьесы, отсылая нас к драме *Сон — жизнь* (1834) Ф. Грильпарцера, которого Шницлер очень ценил.⁶ Странность, гротесковость события, когда герцог берет в законные жены первую встреченную им на улице девушку по ее требованию, снятие всех запретов в четвертом акте в дозво-

⁶ Ibid. Запись от 27.02.1896.

ленной герцогом любовной оргии во время свадебного пира создает ощущение, что все это происходит во сне. Дурман рассеивается лишь после убийства Беатриче ее братом. Завершается пьеса словами герцога Болоньи, готового к битве с войском Борджиа, осознающего скорую гибель, но радующегося новому дню, настоящему делу:

Я снова свежий воздух жадно пью
И радуюсь, как дару, свету солнца!
Бессильно время! Безгранична жизнь —
И каждая минута — бесконечность!.. (ШНИЦЛЕР 1910а: 343).

М. Перльманн полагает, что лишь мысль о невозможности подлинной трагедии в эстетической парадигме модерна не позволила Шницлеру назвать *Покрывало Беатриче* трагедией, ограничившись скромным «пьеса» (PERLMANN 1987: 79). Причину следует искать в многоплановом образе главной героини. Уже прижизненная критика обратила внимание на то, что образ Беатриче символичен. А. Керр назвал его «случаем», «праобразом», «олицетворением великой вселенной инстинктов», недалеко ушедшим от первобытного состояния по сравнению с резонерствующим, рассудочным мужским «я» (цит. по: [PERLMANN 1987: 78]). В этом аспекте героиня является самой судьбой, высшим, надындивидуальным началом, вокруг которого строится конфликт пьесы. Все ведущие мужские персонажи — герцог, возлюбленный Беатриче поэт Филиппо Лоски и ее брат Франческо — должны так или иначе занять определенную позицию по отношению к главной героине. Эти взаимоотношения заканчиваются конфронтацией: поэт кончает жизнь самоубийством, совершив таким образом бегство от своей возлюбленной, Франческо убивает сестру, так как она опозорила свое честное имя, герцог отказывается от скомпрометировавшей себя невесты.

С другой стороны, Беатриче — совсем еще юная девушка 16-ти лет. Тот факт, что она рассказывает поэту сон, в котором становится женой герцога, что является завязкой конфликта, свидетельствует о душевной чистоте героини. Ее дальнейшие поступки вызваны стремлением оправдаться перед возлюбленным. Беатриче, таким образом, становится жертвой своей наивности и неопытности; она не пытается бороться с обстоятель-

ствами, но подстраивается под них. В этом смысле она — не трагическая героиня.

Девальвация этических ценностей в порубежную эпоху заставляла Шницлера уходить вглубь веков, когда понятия любви, верности, патриотизма не были набором шаблонных фраз. Непременная этическая составляющая, присущая жанру мелодрамы, гармонирует именно с пьесами на исторические сюжеты, заставляя по-новому взглянуть на современность.

4. Заключение

Историческая драматургия Шницлера сюжетно развивалась в русле общих тенденций его драматургии. Основой эстетической парадигмы писателя является осознание им кризиса языка, что обуславливает обращение к одноактным пьесам в жанре трагикомедии. Драматический конфликт смещается с собственно действия в сферу внутреннего мира персонажей. Этические понятия теряют свою определенность и становятся элементами эстетического конструкта; авторская позиция неясна и может быть выявлена лишь опосредованно. В многоактных драмах Шницлера происходит сдвиг драматического конфликта в сторону мелодрамы. Однако и здесь зачастую прослеживается трагикомический эффект, корреспондирующий с понятием иронии. Ирония создает совершенно особую структуру новой драмы, отличную от классического театра (ПАВИ 1991: 128), характеризующуюся множественностью смыслов и интерпретаций.

Специфика исторических пьес Шницлера может быть рассмотрена и с позиции споров о месте истории в сфере гуманитарного знания. Исторические события, потрясшие европейский мир в XIX в., привели к дискредитации исторического прогресса, основанного в том числе на нравственно-этических достижениях. Человек оказался «перегруженным» историческими фактами, не дающими ему точки опоры для жизни. Относительность этических феноменов и необычный ракурс их репрезентации нашли яркое выражение в исторических пьесах Шницлера.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Альтенберг П. Как я это вижу. СПб.: EOS, 1908. [Altenberg, Peter. (1908) *Kak ya eto vizhu* (As I see it). Saint Petersburg: EOS. (In Russian)].

- Арнаутова Ю. Е. «Историзм», «проблема историзма», «кризис историзма»: феномен историзма и понятие историзм в немецких науках о духе XIX — начала XX в. // *Новое прошлое*. 2019. № 4. С. 86—110. [Arnautova, Yulia E. (2019) “Istorizm”, “problema istorizma”, “krizis istorizma”: fenomen istorizma i ponyatie istorizm v nemetskikh naukakh o dukhe XIX — nachala XX v. (“Historism”, “the Problem of Historism”, “the Crisis of Historism”: the Concept of Historism in German “Moral Sciences” (Geisteswissenschaften) in the 19th — 20th Centuries). *Novoye proshloye* (The New Past). 4, 86—110. (In Russian)]. doi 10.23683/2500-3224-20194-86-110
- Гаспаров М. Л. Сюжетосложение греческой трагедии // Новое в современной классической филологии. М.: Наука, 1979. С. 126—166. [Gasparov, Mikhail L. (1979) Syuzhetoslozheniye grecheskoy tragedii (The Plot Composition of Greek Tragedy). In: *Novoye v sovremennoy klassicheskoy filologii* (New in the Modern Classical Philology). Moscow: Nauka, 126—166. (In Russian)].
- Горбатенко М. Б. Одноактные пьесы Артура Шницлера: проблематика, поэтика, провокация // Новая драма рубежа XIX—XX веков: проблематика, поэтика, пути сценического воплощения. СПб.: Санкт-Петербургская гос. академия театрального искусства, 2014. С. 72—81. [Gorbatenko, Marina B. (2014) Odnooktnye pyesy Artura Shnitslera: problematika, poetika, provokatsiia (Arthur Schnitzler’s One-acter: Problematics, Poetic Manner, Provocation). In: *Novaya drama rubezha XIX—XX vekov: problematika, poetika, puti stsenicheskogo voploshcheniya* (The New Drama on the Cusp of the 19th and 20th Centuries: Problematics, Poetic Manner, Ways of Staging). Saint Petersburg: Russian State Institute of Performing Arts, 72—81. (In Russian)].
- Жеребин А. И. Абсолютная реальность: «Молодая Вена» и русская литература. М.: Языки славянских культур, 2009. [Zherebin, Aleksey I. (2009) *Absolyutnaya real’nost’: “Molodaya Vena” i russkaya literatura* (Absolute Reality “The Young Vienna” and Russian Literature). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Ишук-Фадеева Н. И. Ирония как фундаментальная категория драмы // Драма и театр. Сб. науч. тр. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. С. 10—21. [Ishchuk-Fadeeva, Nina I. (2002) Ironiya kak fundamentalnaya kategoriya dramy (Irony as a Fundamental Category of Drama). In: *Drama i teatr* (Drama and Theatre). Tver’: Tver’ State University, 10—21. (In Russian)].
- Некрасова И. А. Образы Средневековья в новой драме конца XIX — начала XX вв. // Новая драма рубежа XIX—XX веков: проблема-

- тика, поэтика, пути сценического воплощения. СПб.: Санкт-Петербургская гос. академия театрального искусства, 2014. С. 55—64. [Nekrasova, Inna A. (2014) *Obrazy Srednevekovyaya v novoy drame kontsa XIX — nachala XX vv. (The Characters of the Middle Ages in New Drama at the Turn of the 19th — 20th Centuries)*. In: *Novaya drama rubezha XIX—XX vekov: problematika, poetika, puti stslenicheskogo voploshcheniya (New Drama at the Turn of the 19th — 20th Centuries)*. Saint Petersburg: Russian State Institute of Performing Arts, 55—64. (In Russian)].
- Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. [Pavis, Patrice. (1991) *Slovar' teatra (Dictionary of Theatre)*. Moscow: Progress. (In Russian)].
- Рымарь Н. Т. О кризисе новой драмы рубежа XIX—XX веков и его преодолении в драме 20—30-х годов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2019. № 2 (26). С. 149—165. [Rymar', Nikolay T. (2019) *O krizise novoy dramy rubezha XIX—XX vekov i ego preodolenii v drame 20—30-kh godov (On the Crisis of the “New Drama” of the Turn of the 19th — 20th Centuries and Overcoming it in the Drama of the 20—30s)*. *Vestnik Samar-skoy gumanitarnoy akademii (Bulletin of the Samara Academy for the Humanities)*, 2 (26), 149—165. (In Russian)].
- Соколова Е. В. Театральная саморефлексия в драматургии эпохи модернизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. Ч. 1. С. 316—319. [Sokolova, Yelena V. (2007) *Teatralnaya samorefleksiya v dramaturgii epokhi modernizma (Theatric Self-Analysis in Modernism Dramatic Art)*. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Aspirantskie tetradi (Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. PhD Candidate Papers)*, 1, 316—319. (In Russian)].
- Цветков Ю. Л. Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал. М.; Иваново: МИК, 2003. [Tsvetkov, Yuriy L. (2003) *Literatura venskogo moderna. Postmodernistskiy potentsial (The Literature of Viennese Modernism. The Postmodern Potential)*. Moscow; Ivanovo: MIK. (In Russian)].
- Шницлер А. Храбрый Касьян // Вестник знания. 1904. № 11. С. 14—25. [Schnitzler, Arthur. (1904) *Khrabryy Kasyan (The Gallant Cassian)*. *Vestnik znaniya (Bulletin of Knowledge)*, 11, 14—25. (In Russian)].
- Шницлер А. Зеленый попугай // Трилогия. Подруга жизни. Зеленый попугай. Парацельзий. СПб.: Электронпечатня Я. Левенштейн,

1908. С. 29—92. [Schnitzler, Arthur. (1908a) *Zelenyi popugay* (The Green Cockatoo). In: *Trilogiya. Podruga zhizni. Zelenyi popugay. Paratselziy* (Trilogy. Die Gefährtin. The Green Cockatoo. Paracelsus). Saint Petersburg: Elektropечатnya Ya. Levenshtein, 29—92. (In Russian)].
- Шницлер А. Парацельзий // Трилогия. Подруга жизни. Зеленый попугай. Парацельзий. СПб.: Электрoпечaтня Я. Левенштейн, 1908. С. 93—167. [Schnitzler, Arthur. (1908b) *Paracelsus*. In: *Trilogiya. Podruga zhizni. Zelenyi popugay. Paratselziy* (Trilogy. Die Gefährtin. The Green Cockatoo. Paracelsus). Saint Petersburg: Elektropечатnya Ya. Levenshtein, 93—167. (In Russian)].
- Шницлер А. Покрывало Беатриче // Полное собрание сочинений. Т. 3. М.: В. М. Саблин, 1910. С. 129—343. [Schnitzler, Arthur. (1910a) *Pokryvalo Beatriche* (The Shawl of Beatrix). In: *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Works). Vol. 3. Moscow: V. M. Sablin, 129—343. (In Russian)].
- Шницлер А. Крик жизни // Полное собрание сочинений. Т. 6. М.: В. М. Саблин, 1910. С. 69—154. [Schnitzler, Arthur. (1910b) *Krik zhizni* (The Call of Life). In: *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Works). Vol. 6. Moscow: V. M. Sablin, 69—154. (In Russian)].
- Шницлер А. Молодой Медард // Полное собрание сочинений. Т. 9. М.: изд. В. Саблина, 1911. [Schnitzler, Arthur. (1911) *Molodoy Medard* (Young Medardus). In: *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Works). Vol. 9. Moscow: V. Sablin. (In Russian)].
- Юрьев А. А. Жанр исторической трагедии в раннем творчестве Хенрика Ибсена // Скандинавская филология, 2011. С. 160—168. [Yuriev, Andrey A. (2011) *Istoricheskaya tragediya v rannem tvorchestve Khenrika Ibsena* (Historical Tragedy in Henrik Ibsen's Early Works). *Scandinavskaya filologiya* (Scandinavian Philology), 11, 160—168. (In Russian)].
- Bayerdörfer, Hans-Peter. (1972) Vom Konversationsstück zur Wurstelkomödie. Zu Arthur Schnitzlers Einaktern. *Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft*, 16, 516—575.
- Le Rider, Jacques. (2007) *Arthur Schnitzler oder Die Wiener Belle Époque*. Wien: Passagen Verlag.
- Lindner, Anna. (2019) “...die uns nehmen, was uns gehört”: On Gender and Economics in Schnitzler's “Der grüne Kakadu”. *Austrian Studies*, 27, 149—162.
- Mathias, Bettina. (1999) *Masken des Lebens — Gesichter des Todes: zum Verhältnis von Tod und Darstellung im erzählerischen Werk Arthur Schnitzlers*. Würzburg: Königshausen und Neumann.

- Nehring, Wolfgang. (1992) Arthur Schnitzler and the French Revolution. *Modern Austrian Literature*, 25 (3/4), 75—94.
- Offermanns, Ernst L. (1981) Geschichte und Drama bei Arthur Schnitzler. In: Scheible H. (ed.). *Arthur Schnitzler in neuer Sicht*. München: Wilhelm Fink Verlag, 34—53.
- Perlmann, Michaela L. (1987) *Arthur Schnitzler*. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung.
- Sabler, Wolfgang. (2013) *Der Schleier der Beatrice* und das historische Drama. *Germanica*, 52, 53—65.
- Schnitzler, Arthur. (1910) *Der junge Medardus. Dramatische Historie in einem Vorspiel und fünf Aufzügen*. Berlin: Fischer.
- Schnitzler, Arthur. (1912a) Der grüne Kakadu. In: Schnitzler, Arthur. *Gesammelte Werke. Die Theater-Stücke*. Berlin: Fischer. Bd. 1—4. B. 2, 81—127.
- Schnitzler, Arthur. (1912b) Der Schleier der Beatrice. In: Schnitzler, Arthur. *Gesammelte Werke. Die Theater-Stücke*. Berlin: Fischer. Bd. 1—4. Bd. 2, 131—323.
- Schnitzler, Arthur. (2020) *Der grüne Kakadu: historisch-kritische Ausgabe* / hrsg. von Isabella Schwentner und Konstanze Fliedl. Berlin: De Gruyter.
- Schnitzler, Arthur. (2021) *Paracelsus: historisch-kritische Ausgabe* / hrsg. von Isabella Schwentner und Konstanze Fliedl. Berlin: De Gruyter.

Lyudmila Yu. Korshunova
Ivanovo State Power University

Arthur Schnitzler's Historical Drama: Poetics of Genre

The article deals with the genre originality of costume plays by Arthur Schnitzler, the Austrian writer at the turn of the 19th — 20th centuries. In spite of the own Schnitzler's declaration that in theatre he was inspired for the first by the attractive atmosphere of costume, joy and sorrow, in other words, the world of play, the choice of the specific historic time for Schnitzler's plays isn't considered to be absolutely occasional. The formation of history as a scientific discipline and the rapid growth of historical knowledge in the 19th century, public lectures of scientists excited the clergy's interest to history. The thinker's attention to definite periods and events — the Renaissance with its free thinking, the French Revolution — forced Schnitzler to the insight into history (*The Veil of the Beatrice*, *The green cockatoo*, *Paracelsus*) and, moreover, to devote one of the plays to the centenary of the Battle of Aspern-Essling (*The Young Medardus*). However, the

genre features of the traditional multiple-act chronicle aren't a nice complement to Schnitzler's thematic scope. While the traditional chronicle proceeds mainly from the tragic conflict, the conflict translocation from action to the characters' inner world led Schnitzler to creation of one-act historical plays with tragicomic conflict on the whole. Motive of play formed the plot basis; the frontier between the reality and illusion, truth and lie are eliminated on purpose. The originality of Schnitzler's works can also be considered from the point of debates about history and its place in humanities knowledge system. The French Revolution, Napoleonic wars and other significant events in Europe in the 19th century while being crucial both for individuality and for society led to the relativity of moral norms and values. The individual turned out to be «overloaded» by historic evidence but wasn't provided with support for living by such manner. The relativity of ethical principles and their unusual representation way found their vivid expression in Schnitzler's costume plays.

Keywords: historicism; historical drama; one-act play; agon; tragic; tragicomic

Для цитирования:

Коршунова Л. Ю. Историческая драматургия Артура Шницлера: поэтика жанра // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 342—360.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-342-360.

To cite this Article:

Korshunova, Lyudmila Yu. (2025) Istoricheskaya dramaturgiya Artura Shnitslera: poetika zhanra (Arthur Schnitzler's Historical Drama: Poetics of Genre). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 342—360. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-342-360.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; принята к публикации 03.03.2025

The article was submitted 04.02.2025; accepted for publication 03.03.2025

Н. Е. Никонова, О. Ю. Славина
Национальный исследовательский Томский
государственный университет

**В. А. ЖУКОВСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ МИР:
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ ГОРОДСКОГО
МУЗЕЯ-АРХИВА БАДЕН-БАДЕНА**

В статье вводятся в научный оборот материалы городского архива Баден-Бадена (Stadtmuseum-Archiv Baden-Baden), связанные с наследием и биографией В. А. Жуковского. В Баден-Бадене Жуковский с семьей провел последние годы своей жизни; с этим городом связаны биографии его детей. Хотя тема неразрывной его связи с Германией развивалась не только русскими, но и немецкими исследователями, баденский период по-прежнему остается наименее изученным. Впервые публикуются и документы, присланные Антонией Швигер (Antonia Schwieger, *1918 — †?), которая позиционирует себя как праправнучка русского поэта, переводит его письма на немецкий язык и сообщает в своих посланиях новые сведения о его предполагаемых потомках основательнице и директору архивного собрания города Марго Фусс (Margot Fuss, *1919 — †1995). Архивные фонды хранят переписку Фусс и Швигер, аудиозапись их разговора в стенах архива, фотографии Швигер и ее матери, а также 29 писем Жуковского к разным лицам в переводе Швигер с русского языка на немецкий. В статье публикуется переписка Фусс и Швигер в оригинале, которая снабжена переводом на русский язык и комментариями, а также описание содержания аудиозаписи и анализ переводческой стратегии Швигер в отношении писем Жуковского. К сокровищам музея-архива Баден-Бадена, связанным с потомками русского поэта и государственного деятеля Жуковского, принадлежат и две акварели его супруги Элизабет, на которых изображены интерьеры двух гостиных комнат семейства, находящихся в одном баден-баденском доме, но в разных квартирах. На одной из них мы видим и детей Жуковских — Павла и Александру, которые уже после смерти родителей встречались в Баден-Бадене, где некоторое время проживал и сын Александры Алексей. Исследование имеет источниковедческую, теоретическую и практическую ценность, новизну, открывая новые грани в изучении биографии и наследия классика.

Ключевые слова: биография классиков; потомки В. А. Жуковского; переписка; научное издание; перевод; русско-немецкие культурные связи в XIX—XXI вв.

1. Введение

О связях России и Германии многое написано, однако эта тема вызывает живой интерес до сегодняшнего дня в силу своей многогранности: помещаясь в ранее не известные контексты и в меняющуюся современность, она получает свое развитие. Настоящая публикация призвана проиллюстрировать один из вариантов такого неожиданного продолжения, инициированного открытием, совершенным благодаря людям, не равнодушным к русскому и немецкому, к своему и чужому, а точнее к тому, что их связывает, к общему в истории, литературе, искусстве. Хорошо известно о важнейшей посреднической, культуртрегерской роли В. А. Жуковского в установлении этих связей на разных уровнях его деятельности как педагога и поэта, переводчика и издателя, друга и семьянина, придворного. Богатую историю вопроса мы находим и в описании локальных текстов Германии в творческой биографии русских литераторов, художников, «русских европейцев»: подробно изучены дрезденский, веймарский и даже баденский «след» в жизни, творчестве поэта и его окружения.

Только в ХХI в. увлеченные исследователи неоднократно специально обращались к теме. Так, в вышедшей в 2000 г. монографии главных редакторов Полного собрания сочинений и писем Жуковского А. С. Янушкевича и О. Б. Лебедевой была озвучена ныне очевидная мысль о том, что «в истории русской литературы имя В. А. Жуковского неразрывно связано с Германией» (ЛЕБЕДЕВА & ЯНУШКЕВИЧ 2000: 13–56), немецкая культура «интересует русского романтика во всех своих вариантах», а знакомство Жуковского с немецкой эстетикой и критикой «не носило лабораторного характера», поскольку он «открывал ее достижения». В то же время баденскому периоду в силу объективных задач не могло быть уделено должного внимания в начале 2000-х гг., и наблюдения коллег ограничивались словами о том, что

обстоятельства жизни Жуковского сложились так, что ее последние годы (1841—1852) он жил постоянно в Германии <...> после женитьбы на дочери художника Г. Рейтерна Елизавете он поселяется в Дюссельдорфе. Рождение детей: дочери Александры и

сына Павла, тяжелая болезнь жены, а позднее и собственные недуги не позволили ему возвратиться в Россию (ibid.: 56).

2. Материал и методы исследования

Заинтересованные исследователи истории Баден-Бадена, конечно, не остались в стороне от жизни, творчества Жуковского и его семьи в поздний период творческой биографии поэта.

Особенную ценность имеют разыскания Д. Шлегеля *Поэт Василий Андреевич фон Жуковский: его семья и погребение в Баден-Бадене* (SCHLEGEL 2009). В начале 1950-х гг. он переехал в Баден-Баден вместе с родителями, учился в гимназии, служил в армии и по возвращении начал заниматься журналистикой, в конце 1990-х гг., будучи уже опытным специалистом в сфере межкультурной коммуникации и PR в пресс-службах, он стал организатором «Международного сообщества города Баден-Бадена» (International Baden-Baden Foundation), радевшего за «культуру мира, толерантность и диалог в области международного сотрудничества». Авторизованная справка об авторе к изданию его книги о Жуковском гласит также, что его «особенный интерес составляет присутствие русских в прошлом города («Sein besonderes Interesse gilt der russischen Präsenz in der Vergangenheit») (ibid.).

На основании множества документов и архивных материалов немецкий репортер составил и донес до читателя не только подробную летопись жизни и творчества русского поэта-романтика и государственного деятеля, но попытался также изложить и связать ее с доступными материалами о биографии его детей, Александры и Павла (в главах с соответствующими заглавиями: «Alexandra Vasiljevna von Joukovsky», «Graf Aleksej Alekseevich Belevskij», «Paul von Joukovsky»), описал погребение и памятник в Баден-Бадене и места проживания Жуковского и его семьи в городе. Разделы монографии Шлегеля, посвященные детям поэта, были на момент выхода этой книги новыми в отношении данных о них. И все же Александре несмотря на лаконичность ее творческого наследия посвящена более широкая подборка исторического экскурса Шлегеля. Это связано, скорее всего, с концентрацией внимания на скрывавшемся при ее жизни, но быстро ставшем известным факте рождения ею потомственного представителя династии Романовых от сына Алек-

сандра III. Ту же тенденцию наблюдаем и в других обстоятельных исследованиях жуковсковедов (КИСЕЛЕВА 2010: 137–150).

О сыне Жуковского, Павле, в работах Шлегеля каких-то новых фактов не сообщается, за исключением, пожалуй, интересной выдержки из некролога, напечатанного на его кончину сначала в «Мюнхенских новейших известиях», а затем в «Веймарской газете» в 1912 г.:

Sein lebenswürdiges, aristokratisches Wesen, das in der hohen, rit-
terlichen Gestalt und den gewinnenden, freundlichen Mienen zum
sichtbaren Ausdruck kam, fesselte seine neuen Freunde ebenso an
ihn wie die vielen alten, die er auf seinem reichen Lebenswege in al-
len Kulturländern Europas um sich gesammelt hatte. Ihnen allen trat
er mit der vornehmen Bescheidenheit einer in sich gefestigten, edlen
Natur gegenüber, mit der seinen, weltmännischen Zuvorkommen-
heit, die sich selbst niemals in den Vordergrund stellt (Münchener
Neueste Nachrichten, 30.08.1912; Weimarische Zeitung, 01.09.1912).
Его благородная аристократическая сущность, которая очевидно
выражалась в высоком, рыцарском облике и располагающем,
вежливом выражении лица, приковывала к нему как его новых,
так и многих давних друзей, которых он собрал возле себя на
своем богатом жизненном пути, пройденном по всем культурам
и странам Европы. Он относился к ним с беспримерной скром-
ностью заключенной в нем аристократичной природы, со своей
светской предупредительностью, которую никогда ни от кого не
скрыть (перевод наш — Н. Н. & О. С.).

Материалы научных изысканий отчасти стали известны в России благодаря участию Шлегеля в томских изданиях исследований и материалов (ШЛЕГЕЛЬ 2010; ШЛЕГЕЛЬ 2013), посвященных актуальным находкам жуковсковедов. В этих сборниках трудов, «спутниках» 20-томного полного собрания сочинений и писем поэта, опубликованы важнейшие фрагменты и из других немецких трудов (SCHLEGEL 2012) исследователя в переводе на русский язык.

Не менее значимое место в изучении русского следа в культурном наследии Баден-Бадена принадлежит Ренате Эфферн (Renate Effern, *1945 — †2014), председателю Тургеневского общества в Баден-Бадене, награжденной в 2006 г. медалью Пушкина. Ее главные работы вышли в начале 2000-х гг. и были

неоднократно переизданы в 2010-х гг.; см., например, *Russische Wege in Baden-Baden* («Русские судьбы в Баден-Бадене») (EFFERN 2016). В интервью 1999 г. автор говорит о двух очевидных задачах в начале ее деятельности: «написать книгу о русской истории Баден-Бадена» и «показать город русским гостям».

В свою очередь, в нашей монографии (НИКОНОВА 2015) мы обратились специально еще к нескольким локальным текстам наследия Жуковского, связанным с немецким миром, веймарскому, швейцарскому и другим, полагая, что баденский период его житнетворчества, в целом, известен, поэтому находки из городского архива Баден-Бадена стали для нас открытием новых нюансов в представлении о поэте и его русско-немецком наследии. В частности, встал вопрос об изучении роли потомков и наследников русских классиков, литераторов, художников, музыкантов, о продолжении и сохранении культурного достояния, полученного от своих предков, т. е. о продолжении культуртрегерской миссии прародителей. Учитывая чрезвычайную насыщенность мировой истории XX—XXI вв. событиями, можно уверенно согласиться с предположением о том, что идеи и мысли, произведения и коллекции переходили из поколения в поколение, сопровождаясь интереснейшими историями, загадками и тайнами, выяснение даже малого объема которых прояснит многие мифологизированные сюжеты из биографии классиков, из истории и современности русской и мировой культуры.

Особенную актуальность эта тема обретает в отношении житнетворческого наследия Жуковского, потому что, с одной стороны, в настоящее время еще не окончена работа над изданием первого полного комментированного издания его сочинений и писем, т. е. представление о нем еще не является чем-то застывшим и завершенным, и любые новые сведения об этом оперативно вводятся в научный оборот. С другой стороны, до сих пор так и не написана полная биография Жуковского, знания и работы о ней являются отрывочными или же субъективными слепками в духе фикшн-литературы. По замечанию Е. Е. Анисимовой, хотя «вся жуковсковедческая традиция до работы Веселовского складывалась из попыток подобрать ключ к биографии поэта» и «еще в 1880-е гг. широко распространилось мнение о том, что творчество

Жуковского было полностью определено его жизнетекстом», все же самая полная на сегодня биографическая

монография Веселовского была написана «в скрытой полемике с работой Зейдлица, то есть к ключевым эпизодам жизни поэта ученый подбирал другие документальные свидетельства, которые освещали события и основной вектор движения жизни Жуковского в ином свете» намеренно. Так, последовательно опровергалась идея «обусловленности жизни и поэзии Жуковского исключительно рыцарским служением Маше Протасовой (АНИСИМОВА 2016).

Наконец, лишь несколько лет тому назад возник оживленный интерес к биографии, творчеству, наследию сына Жуковского: выставка полотен Павла Васильевича Жуковского в России прошла с успехом в Русском музее в 2021 г. В сопроводительной статье к каталогу выставки замечается, что

его заслуги перед Россией, творчество и удивительная судьба, переплетенная с судьбами великих людей его эпохи, заслуживают, чтобы о них помнили (КЛИМОВ 2021: 5).

И все же этот художник, близкий друг Рихарда Вагнера и Александра III остается донныне не открытой для русской культуры фигурой, которая достойна более пристального внимания.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Итак, речь идет о материалах переписки двух дам, сохранившихся в городском архиве Баден-Бадена.

Рис. 1. Марго Фусс
(Margot Fuss)
1919 — †1995

Материалы папки Ordner E7/Shukowskij, Stadtmuseum-Archiv Baden-Baden дошли до нас благодаря Марго Фусс (Margot Fuss), которая собирала и сохраняла культурное наследие города и региона. Она стояла у основания архива с начала 1970-х гг.: в 1973 г. Фусс приняла на себя руководство городским архивом и музеем, выступила автором многих публикаций об архитектуре города. В 1985 г. ее деятельность была отмечена премией города, в год своего 65-летия Фусс вышла на заслуженный отдых, посвятила себя общественной деятельности (см. Рис. 1).

Самая известная из изданных ею работ в серии «Сообщения об истории города Баден-Бадена» посвящена истории знаковых локаций: улицы Софиенштрассе (где жила среди других и семья Жуковского), Бэдераллее, площади Леопольденплатц и других (FUSS 1979). Эти тетради не были предназначены для продажи; их можно было запросить в городской библиотеке Баден-Бадена или в архивных собраниях Баден-Бадена.

Адресатом писем Марго Фусс, сохранившихся в одной из папок в ее фондах, выступает некая Антония Швигер (Antonia Schwieger, *1918 — †?). Она называет себя праправнучкой (!) Жуковского. Выяснению оснований для такого утверждения главным образом и посвящен диалог двух дам. Архивные фонды хранят и уникальную аудиозапись разговора Марго и Антонии, а также несколько фотографий и объемистое дело, содержащее 29 писем Жуковского к разным лицам в переводе Антонии с русского на немецкий язык (далее см. подробнее). Публикуем ниже переписку Марго Фусс и Антонии Швигер с нашим переводом на русский язык и комментариями, а также описание содержания аудиозаписи и ее переводческой стратегии в отношении писем Жуковского.

Рис. 2. Юлия
Албиновна
Жуковски

3.1. Переписка М. Фусс и А. Швигер: диалог о потомках Жуковского

Антония Швигер — Марго Фусс (Бирлингхофен, 29 марта 1984 г.).

Sehr von mir verehrte Frau Fuss!

Nachdem ich von meiner Kur aus Baden-Baden zurück bin, hatte mich die Hausarbeit, der Garten und die Wäsche voll in Anspruch genommen. Die Sonne und der beginnende Frühling waren schuld an der vollkommenen Überholung des Hauses. Alle angefallenen Termine mussten auch noch wahrgenommen werden, so dass ich mich nun doch ernstlich an die Arbeit der Übersetzungen machen konnte.

Die Hände müssen sich auch für die Schreibarbeit erst wieder umstellen und der Kopf und Geist muss sich einer Denkarbeit unterzie-

hen, die ich Ihnen zur Begutachtung schon einmal 2 Briefe von Schukowskij an Gogol¹ schicken. Ich möchte wissen, ob mein Stil Ihnen zusagt, zumal ich mir die größte Mühe gegeben habe die Originalität so zu erhalten, wie sie dargestellt ist.

Auf Ihre Meinung und Ihr Urteil lege ich den größten Wert. Zunächst schicke ich Ihnen die Durchschläge, Später werde ich alles dann sehr ordentlich, wenn meine Hände und Finger wieder etwas geübt sind, schreiben.

Ich habe deshalb mit der Geburt der beiden Kinder Schukowskij begonnen. Nun folgen die Badener Briefe, von denen ich einen bereits übersetzt habe.

Die ganze Welt hat nicht so viel Dank, wie ich Ihnen schulden muss für Ihre hervorragenden Arbeiten und Mühen um Schukowskij.²

Ich würde mich freuen, wenn Sie mir die versprochenen Kopien zusenden und ein von den gemachten Fotos beifügen könnten.

Mit vorzüglicher Hochachtung und herzlichem Gruß

Antonia Schwieger-Brinkmann

Глубоко уважаемая мною г-жа Фусс!

После возвращения с лечения в Баден-Бадене меня полностью занимали домашние хлопоты, сад и уборка. Солнце и начавшаяся весна повинны в решительной необходимости ремонта в доме. Все накопившиеся встречи также нужно было принять во внимание, поэтому я пока не могла серьезно приняться за работу над переводами.

Руки должны были вновь настроиться на письменные работы, а дух и разум — на мыслительные, коими я пренебрегала в последнее время.

Чтобы Вы не подумали обо мне того, что я скрылась с глаз долой и с сердца вон, я хочу послать Вам для одобрения 2 письма Жуковского к Гоголю.¹ Я бы хотела узнать, как Вы находите мой стиль; по крайней мере, я прилагаю большие усилия, чтобы сохранить оригинал в том виде, в котором он представлен.

Вашему мнению и оценке я придаю большое значение.

Сперва я отправляю Вам черновики. Позже я напишу все очень аккуратно, когда мои руки и пальцы немного разомнутся.

По этой же причине я начала с двух писем о рождении детей Жуковских.

Теперь последуют письма из Бадена, одно из которых я уже также перевела.

Во всем свете не найдется большей благодарности, чем та, кото-

рую я испытываю к Вам за Вашу выдающуюся работу и разыскания о Жуковском.²

Была бы рада, если бы Вы могли прислать мне обещанные копии и приложить наши фотографии.

С глубоким уважением и сердечным приветом Антония Швигер

¹ 2 Briefe von Schukowskij an Gogol / 2 письма Жуковского к Гоголю. Речь идет о письмах, датированных 2 (14) ноября 1842 г. и 4 (16) января 1845 г. и посвященных рождению дочери и сына в семье Жуковского. В папке с перебеленными переводами, хранящимися в архиве Баден-Бадена, они идут под номерами 1 и 44 соответственно и имеют свои заглавия, данные автором переводов: «Geburt der Tochter» и «Geburt des Sohnes»; все другие послания не озаглавлены.

² Ihre hervorragenden Arbeiten und Mühen um Schukowskij / за Вашу выдающуюся работу и разыскания о Жуковском. Речь идет о не обнаруженной в настоящий момент статье Фусс, посвященной истории семьи Жуковских; подробнее см. письмо 3.

Автограф: Stadtmuseum-Archiv Baden-Baden, Ordner E7/Shukowskij. Публикуется впервые. Датируется: 5 апреля 1826 г.

Адрес отправителя: Rautenstrauchstrasse, 58; 5205 St. Augustin 1 Birlinghoven, Tel. 02241/33 16 14 (Раутенштраухштрассе, 58, 5205 Св. Августин 1 Бирлингхофен, Тел.: 02241/33 16 14).

Судя по указанию адреса отправителя, Антония Швигер проживала в небольшой деревне Святой Августин в земле Северная Рейн-Вестфалия, по близости от нее находится известный замок Бирлингхофен, в котором с 1959 г. располагается Институт фундаментальных исследований.

Марго Фусс — Антонии Швигер (Баден-Баден, 7 июня 1984 г.)

Sehr geehrte Frau Schwieger,

Immer habe ich die Beantwortung Ihres freundlichen Briefes zurückgeschoben in der Hoffnung, Ihnen dann gleich einen Termin für die Anbringung der Gedenktafel¹ Shukovsky nennen zu können. Aber da hat sich bis jetzt noch nichts getan.

Ich weiß nicht, woran es hakt.

Für die Übersetzungen der Briefe herzlichen Dank. Ich finde sie vom Stil her ganz großartig und sicher den Originalen adäquat. Ich freue mich schon auf die Badener Briefe. Wenn Ihnen das Abschreiben Mühe macht, können wir das gerne übernehmen und Ihnen auch gleich Kopien davon machen.

Was mich interessieren würde und Sie mir sicher einfach erklären können ist der Stammbaum, d. h. die Linie zu Shukovsky, Ihre Frau Mutter, deren Foto² Sie mir gaben, hieß Julia Albinowna, das bedeutet wohl, dass Ihr Vater Albin hieß. War dieser nun ein Sohn von Pavel, geboren 1845 (Ihr übersetzter Brief)? Oder sind Sie Nachkommen der Tochter Alexandra, die einen Sohn von Großfürst Alexei hatte, der als Graf Belefsky hier das Schlösschen Seelach besaß, war dann verheiratet mit Heinrich Baron von Woehrmann, Gutsbesitzer in Wendischbora bei Nossen / Sachsen.³

Zurzeit habe ich wieder so sehr viel zu tun, dass mir dieses und jenes entfällt. So weiß ich nicht mehr, wovon ich Ihnen Kopien versprach und bitte Sie deshalb, mir das zu schreiben. Ich werde es schnell erledigen.

Mit vielen freundlichen Grüßen Ihre Margot Fuss

Уважаемая г-жа Швигер,

Я все откладывала ответ на Ваше дружеское письмо в надежде на то, что смогу назвать Вам дату открытия памятной доски¹ Жуковскому. Однако до нынешнего момента так ничего и не выяснилось. Я не знаю, в чем загвоздка.

За переводы писем сердечное спасибо. Я нахожу их стиль великолепным и совершенно точно соответствующим оригиналу. И я уже жду баденских писем. Если перепечатывание для Вас затруднительно, мы могли бы взять его на себя и сразу прислать Вам копии. То, что меня сейчас интересует и что Вы, определенно, могли бы мне легко объяснить, это родовое древо по линии Жуковских. Вашу мать, фотографию которой Вы мне дали,² звали Юлия Альбиновна, это значит таким образом, что ее отца звали Альбин. Он был сыном Павла, родившегося в 1845 г. (о котором переведенное Вами письмо)? Или Вы из потомков дочери, Александры? Я, между тем, отыскала данные о том, что она умерла здесь 26 сентября 1899 г., в возрасте 57 лет. Александра, имевшая сына от великого князя Алексея, имевшего в своем владении имение Зеелах здесь, и бывшая затем замужем за бароном Генрихом фон Верманом, владевшим имением в Вендишборе при Носсене в Саксонии.³

Сейчас у меня снова столько хлопот, что из поля зрения уходит то одно, то другое. Поэтому я не припомню, какие копии я Вам обещала, и поэтому прошу Вас написать мне об этом. Я постараюсь быстро это сделать.

С большим дружеским приветом Ваша Марго Фусс

¹ Gedenktafel / памятная доска. Проект по установке памятной доски осуществился. Надпись содержит высказывание самого Жуковского в переводе на немецкий: «Baden-Baden ist ein paradiesisches Eckchen». Комментарий к нему гласит: «Der große russische Dichter und Übersetzer von Goethe, Schiller, Uhland und Hebel Василий А. Жуковский / Vasilij A. Shukovskij lebte von 1848—1852 in diesem Haus. Hier übersetzte er Homers “Odyssee” aus dem Deutschen ins Russische». В 2012 г. восстановлено семейное захоронение Жуковских в Баден-Бадене (ШЛЕГЕЛЬ & НАЗИМОВА 2006: 688–695).

² Ihre Frau Mutter, deren Foto... / Вашу матушку, фотографию которой... Фото Юлии Альбиновны Жуковски (см. выше Рис. 2).

³ Oder sind Sie Nachkommen der Tochter Alexandra / Или Вы из потомков дочери Александры. Авторы переписки приводят верные сведения о биографии дочери Жуковского и ее потомках (см. письмо Антонии ниже).

Автограф: Stadtmuseum/-Archiv Baden-Baden, Ordner E7/Shukowskij. Публикуется впервые. Датируется: 7 июня 1984 г.

Адрес получателя: Rautenstrauchstrasse, 58; 5205 St. Augustin 1 Birlinghoven, Tel. 02241/33 16 14 (Паутенштраухштрассе, 58, 5205 Св. Августин 1 Бирлингхофен, Тел.: 02241/33 16 14).

Адрес отправителя: Stadtmuseum in Baldreit, Küferstrasse, 3 7570, Baden-Baden (Городской музей в Бальдрейте, Кюферштрассе, 3 7570 Баден-Баден).

Антония Швигер — Марго Фусс (Бирлингхофен, 21 июня 1984 г.)

Sehr verehrte Frau Fuss!

Wenn ich erst heute zur Beantwortung Ihres Briefes vom 7.6.84 komme, so bitte ich dieses zu entschuldigen. Ich hatte Besuch aus der Ostzone, aus Dresden, die wir auch zur Fahrt nach Oberammergau, zu den 350. Jubiläumsfestspielen eingeladen hatten, weshalb sich dadurch meine Antwort verzögert hat.

Ich danke Ihnen für Ihre Zeilen, die mich sehr gefreut haben und durch die ich mich sehr geehrt fühlte. Nun, wenn die Gedenktafel nun noch nicht aktuell ist, so liegt es daran, dass die Persönlichkeit, die dieses in die Wege geleitet hat, nicht zu ersetzen ist. Aber das Werk stirbt nicht mit der Persönlichkeit, es braucht Zeit und Mut zur Weiterführung. Und alles, was russisch ist, ist ein wenig kompliziert gewesen und wird es bleiben. Die „Badener Briefe“ habe ich alle

übersetzt. Nun beginne ich, diese ins Reine zu schreiben, wobei ich mir dieses nicht nehmen lassen, es würde mich beschämen.

Zu Ihren Fragen über den Stammbaum möchte ich annehmen, dass die Nachkommen dann wohl von dem Sohn Pawel sein müssen und weil er viel in Deutschland war, wohl Albin als Namen für den Sohn gab, ich weiß es nicht. Er ist früh gestorben. Darüber habe ich auch viel nachgedacht. Aber von dem Schukowskij ist der Stamm auf jeden Fall. Der Bruder meiner Mutter hieß Alexander Albinowitsch, seine Tochter Galina Alexandrowna, mit denen meine Mutter bis 1933 korrespondierte. Diese hatten Güter und Zuckerfabriken in der Ukraine. Aber wer kann nach dieser revolutionären Zeit noch wissen. Es ist nichts zu finden und zu haben.

Worum ich Sie bat, ist der Artikel in der Zeitung, den Sie über den Grafen Belewskij-Schukowskij veröffentlicht haben; und zwar insbesondere deshalb, weil es mir beim Nachdenken wie Schuppen von den Augen fiel, als ich sein Gesicht vor mir sah im Zusammenhang mit dem Foto, das mir meine Mutter zeigte und sagte, das sei Ihr Cousin. Beiden standen in Zobelkragen mit Zobelmützen, meine Mutter als junges Mädchen mit einem riesengroßen Zobelmuff zusammen auf einer Aufnahme noch aus Russland. Und das Bild in Ihrem Artikel¹ ließ mich nicht mehr los, weil ich es vom Foto nicht vergessen habe. Leider habe ich nichts mehr von Fotos aus Russland.

Der Großvater meiner Mutter mütterlicherseits war Medinskij, Prior und rechte Hand vom Bischof, so meine Mutter, und von dem Oberst v. Reutern hat sie auch erzählt. Und der Adoptivvater vom Schukowskij war General. Hat wohl in den Kriegen alles verloren. Meine Großmutter war eine geb. Medinskij. Sie erzählte auch, dass es nur zwei Geschwister vom Schukowskij waren. Ein Bruder und eine Schwester. Also Alexandra und Pawel. So meine Mutter.

Wenn Sie mir noch eine Kopie des alten Hauses, in dem Schukowskij wohnte,² schicken würden und ein Foto von mir,³ welches Sie im Museum gemacht haben, wäre ich Ihnen sehr dankbar.

Von den Übersetzungen, weiß ich, werden Sie sehr erfreut sein. Ich habe diese nach meinem russischen Gefühl, dass sich nicht leugnen lässt, in der Sprache gelesen, die meine Mutter persönlich mich streng lehrte und in der Sprache mehr gefühlsmäßig als wörtlich übersetzt, die ich in Deutschland gelernt habe.

Und alles, was meine Mutter erzählte, hing irgendwie mit dem Dichter zusammen. Sicher hätte sie vielmehr erzählt, wenn nicht alles durch Krieg, Revolution, Inflation, Nazizeit, Krieg und Flucht Ihre

Angst immer wieder hervorgerufen hätte. Sie starb genau so einsam, ohne ihre Heimat wiederzusehen, mit 71 Jahren in Deutschland.

Somit schließe ich meinen Brief, verspreche Ihnen, die Übersetzungsarbeiten⁴ ins Reine zu bringen und sie Ihnen dann persönlich zu überbringen, wenn mein Sohn nach Tübingen fährt. Er fährt jede Woche hin und her.

Mit freundlichen Grüßen und vorzüglicher Hochachtung

Ihre Antonia Schwieger

Глубокоуважаемая г-жа Фусс!

Прошу прощения за то, что я только сейчас отвечаю на Ваше письмо от 7 июня 1984 г. У меня были гости из восточной Германии, из Дрездена, которых мы пригласили в поездку в Обераммергау на юбилейный фестиваль в честь 350-летия, что и задержало мой ответ.

Благодарю Вас за Ваши строки, которые меня очень порадовали и которыми я очень польщена. Теперь, когда памятная доска еще не актуальна, дело в том, что личность, которая инициировала это, незаменима. Однако творчество не умирает вместе с автором. Требуется время и силы для продолжения. Все русское всегда было немного сложным и таковым останется. «Баденские письма» я перевела все. Теперь начинаю переписывать их в чистовом варианте, при этом благодарю Вас за предложение помочь мне в этом; и все же я не позволю себе принять его, мне было бы стыдно за это.

В ответ на Ваши вопросы о родовом древе я бы предположила, что потомки Жуковского по нашей линии происходят от его сына Павла, который дал своему сыну имя Альбин. Я не знаю точно. Он рано умер. Но то, что это род Жуковского, совершенно точно. Брата моей матери звали Александр Альбинович, его дочь была Галина Александровна, с ними моя мать переписывалась до 1933 г. у них были владения и свое производство сахара на Украине. Однако кто же еще может знать об этом точно после этого времени революций. Теперь ничего не найти и не обрести.

О чем бы я Вас еще попросила, так это о газетной статье¹ о графе Белевском-Жуковском, которую Вы опубликовали; в частности, потому, что когда я увидела его лицо, у меня как будто упала пелена с глаз, поскольку я вспомнила фото, которое показывала мне моя мать и говорила, что это ее двоюродный брат. Оба они стояли рядом на снимке, еще из России, в соболиных шапках и воротниках, моя мать, еще юная девушка, с огромной муфтой. И

изображение из Вашей статьи не оставляет меня в покое, так как я не забыла этого фото. К сожалению, у меня нет других фотографий из России. Дед моей матери по материнской линии был Мединский, по словам моей матери, он был приором и правой рукой епископа, и о полковнике фон Рейтерне она также рассказывала. А отчим Жуковских также был генералом. Однако на войнах все потерял. Моя бабушка была урожденной Мединской. Она тоже рассказывала, что были лишь двое Жуковских, брат и сестра. То есть Александра и Павел. По словам моей матери.

Если бы Вы прислали мне копию изображения старого дома, в котором жил Жуковский,² а также мое фото,³ которое Вы сделали в Музее, я была бы Вам глубоко признательна.

Переводам, я точно знаю, Вы будете очень рады.

Я читала, следуя моему чувству русского, которое не обманешь, на языке, которому меня строго учила моя мать, и переводила сообразно не дословности, но скорее чувству языка, который я выучила в Германии.

И все, что рассказывала моя мать, было так или иначе связано с поэтом. Уверена, что она рассказала бы намного больше, если бы не испытывала этого страха из-за войны, революции, нацистов, еще одной войны и бегства. Она умерла в одиночестве в Германии в возрасте 71 года, так и не увидев вновь своей Родины.

На этом я завершаю свое письмо, обещаю Вам переписать начисто переводы и передать их Вам лично, когда мой сын поедет в Тюбинген. Он каждую неделю ездит туда.

С дружеским приветом и глубоким уважением

Ваша Антония Швигер

¹ in Ihrem Artikel / о газетной статье. Источник газетной публикации установить не удалось.

² des alten Hauses, in dem Schukowskij wohnte / старого дома, в котором жил Жуковский. Речь идет о доме по адресу Софиенштрассе, 5.

³ ein Foto von mir / а также мое фото. Фото, на котором запечатлены Фусс и Швигер вместе (см. Рис. 3).

⁴ die Übersetzungsarbeiten / переводы. Речь идет о переводах писем к Гоголю и другим лицам, описанным в настоящей статье.

Автограф: Stadtmuseum-Archiv Baden-Baden, Ordner E7/Shukowskij. Публикуется впервые. Датируется: 21 июня 1984 г.

Адреса отправителя и получателя те же (см. предыдущее письмо). Письмо содержит помету, сделанную рукой Фусс: «Ве-

such am 27.7.1984» («Визит 27.7.1984»), которая позволяет датировать и магнитофонную запись разговора.

3.2. Аудиозапись разговора Антонии Швигер и Марго Фусс

Очевидно, что первый разговор двух собеседниц состоялся во время визита Антонии в Музей города Баден-Бадена.

Прежде всего собеседницы обсудили переписку Жуковского, изданную в 4 томе его нового советского собрания сочинений (ЖУКОВСКИЙ 1960), по которому Швигер переводила его письма, при этом особенно их интересовали письма из Баден-Бадена как источники информации не только о биографии поэта и его окружения, но и о жизни города. С рассуждают о теплых чувствах Жуковского к Гоголю, о *Мертвых душах* и о рождении дочери и сына поэта, причем некоторое разъяснение получает в свете работы над немецкими переводами переписки выражение о том, что маленький Павел «попросил переименовать его в бычки». Переводя с русского на немецкий язык, Швигер предполагает, что имеется в виду плотное телосложение младенца, в то время как в русском издании, к примеру, этот странный лингвистический момент не комментируется.

Предполагаемая праправнучка рассказывает о многих, теперь уже широко известных фактах из биографии Жуковского, как она сама говорит, «со слов ее матери», т. е. правнучки русского поэта: упоминает многие на данный момент хрестоматийные события, от призыва в ополчение 1812 г. до участия в судьбе Пушкина и несостоявшегося морганатического брака его дочери Александры и т. п., таким образом демонстрируя достаточно широкую осведомленность о жизни предполагаемого прапрадеда, учитывая время и место состоявшего и записанного разговора.

Из не известных нам фактов Антония повествует, в частности, о том, что ее отец приехал из Польши в Россию и познако-

Рис. 3. Марго Фусс и Антония Фишер

мился с ее матерью в Москве, где руководил училищем, а затем во время трагических событий в стране был репрессирован, но вернулся и вместе с уцелевшей семьей был сослан на Волгу, откуда вместе с родными переехал в Германию при первой же возможности, при этом маленькой Антонии было всего несколько лет (она родилась в 1918 г.). «Мой отец, — говорит она, — не хотел воевать с Россией, но все же некоторых из его родственников постигла такая участь, и они погибли...» (Ordner E7/Shukowskij).

Наконец, собеседницы подробно обсуждают очевидную для многих проблему орфографического написания фамилии Жуковского на латинице; этот вопрос неоднократно затрагивался его биографами и современниками, и неоднократно ставил перед выбором его адресатов и адресантов. Как верно замечают участницы диалога, начальное русское «Ж» могло и при жизни поэта в обращениях к нему выглядеть по-разному: как «Sch», «Sh», «Zh» и «Z»; а окончание «-ий» — как «ij», «iy», «y». Фамилия же матери Антонии имело написание «Zukowska», т. е. скорее на польский манер. Она рассказывала, что окончание было отсечено в связи, якобы, с принятым в СССР свободным отношением к транскрипции или транслитерации личных данных в документах. Тут же рассказчица подчеркивает, что она и ее предки все же точно восходят к наследственной ветви русского поэта, поскольку они обсуждали факт наличия нескольких семей потомков Жуковского в России, и все же ее собственная родовая линия, по утверждениям Антонии, возводится к Василию Андреевичу, к его сыну Павлу Васильевичу и т. д.

3.3. Антония Швигер — переводчица писем Жуковского

Из писем к Гоголю, вошедших в последний том русского издания, Антония не перевела всего 4 письма. Письмо, обозначенное № 8, от 9/21 августа 1845 г., по своей сути, дублирует предыдущее, поскольку Жуковский пишет: «Что с Вами делается, любезнейший Гоголек? Грешно Вам оставлять нас без известий о себе» (ЖУКОВСКИЙ 1960: 532). Второе из пропущенных переводчицей посланий касается одолженных Гоголю денег (№ 20, от 8/20 февраля 1847 г.). Третье послание пропущено, очевидно, по той причине, что потребовало бы распространенных пояснений лич-

ного характера, поскольку оно рассказывает о смерти свояченицы Жуковского и сестры Елизаветы, Мии, которая умерла от тифа. Последнее из непереуведенных писем также повествует о прозаической стороне жизни Жуковского, о его болезни, и датируется 4/16 января 1852 г. Речь в нем идет и о *Мертвых душах* Гоголя, но завершает подборку Антонии логичным образом послание, предшествующее по дате и выражающее надежду поэта на возвращение в Россию (от 1/13 февраля 1851 г.). Оно содержит новогоднее поздравление: «болезнь остановила мою поездку в Россию, к которой все было приготовлено в прошедшем июле» (ibid.: 555).

Из 27 писем к Гоголю 1842—1852 гг. Швигер не перевела послания, которые имеют скорее поясняющее, но не определяющее значение в диалоге двух классиков. Кроме этого, она выбирает из той же книги самые репрезентативные в плане отражения программной жизнетворческой позиции Жуковского письма, обращенные к А. С. Стурдзе, П. А. Плетневу и А. И. Смирновой. Эти 4 поздних письма 1845, 1850 и 1852 гг. посвящены размышлениям о семье, о самых близких и творчестве, которые главным образом и интересовали правнучку поэта. К Смирновой 4/16 января 1845 г. поэт пишет в связи со смертью Гоголя, искренне выражая свои чувства и мысли по этому поводу. Знатоку классической словесности Стурдзе отправлено письмо о важнейшем творении Жуковского-переводчика, об *Одиссее*, которую он считал «своей гиперборейской дочкой». И, наконец, к Плетневу обращено важнейшее прижизненное завещательное послание Жуковского «касательно издания и распродажи сочинений» в России. Этими невыдуманными сюжетами, очевидно, обусловлен выбор Швигер. Таким образом, из имеющегося в распоряжении интересующихся круга материалов ею выбраны наиболее содержательные тексты поэта с точки зрения его последних лет, собравшие информацию о его вкладе в российско-европейские культурные связи на исходе жизненного пути.

О стиле и стратегиях Швигер как переводчицы мы можем судить, во-первых, из ее собственных рассуждений, обозначенных в письме к Марго Фусс (см. раздел 3.1). Из ее высказывания мы вполне можем сделать вывод о том, что перевод был осуществлен напрямую с русского на немецкий язык, как и о том,

что немецкий язык освоен в связи с переездом в Германию в юном возрасте. Во-вторых, о манере перевода Швигер мы можем судить из сравнительного сопоставления ее работ с материалами единственного имеющегося собрания сочинений и писем Жуковского, вышедшего в Германии в XX в. под красноречивым заглавием *Парус мечты* («Traumsegel») (SHUKOWSKI 1988). Данный сборник примечателен тем, что помимо поэзии Жуковского он включает его литературоведческие статьи и многочисленные письма (47), среди них и те, которые выбрала для перевода Швигер. Таким образом, мы имеем для сравнения переводы-дублеты некоторых посланий на немецкий язык.

Во-первых, переводы Швигер более эмфатически заряжены с точки зрения стилистики. Так, в первых же двух заглавных текстах, которые посвящены рождению детей в семье Жуковских, она использует скорее форенизирующую для немецкого читателя стратегию, дословно передавая уменьшительно-ласкательную и возвышенную лексику. Русскому обращению Жуковского к Смирновой по поводу рождения Павла от 4/16 января 1845 г. («протяните Ваши милые ручки и примите с тем моего новорожденного сыночка Павла Васильевича Жуковского, которого передаю в Вашу любовь и благоволение») соответствуют дословные эквиваленты в ее передаче («Strecken Sie Ihre lieben Händchen aus und nehmen Sie mit diesen mein neugeborenes Söhnchen, Pavel Vassiljewitsch Schukowskij, entgegen, welchen ich Ihrer Liebe und Güte empfehle») и гораздо более лаконичные в немецком собрании 1984 г. (Sohn, in Ihre Arme, Gnade соответственно).

Русская поговорка, упоминаемая Жуковским в связи с проживанием в Германии и тоской по Родине («Но живи, как велят, а не так, как хочешь») в письме к Гоголю от 5/17 ноября 1845 г., обретает в переводе Швигер лично окрашенный, близкий оригиналу синтаксис («Aber lebe wie es erlaubt wird und nicht wie du willst») в отличие от варианта в *Паусе мечты*, звучащего вполне по-немецки в безличных конструкциях: «Aber man hat zu leben, wie es einem beschieden ist» (SHUKOWSKI 1988: 535–536).

Наконец, заслуживает внимания программное утверждение Жуковского о «характере своего авторского творчества»: «у меня все чужое — или по поводу чужого, и все, однако, мое» (ЖУКОВ-

ский 1960: 544) в двух переводах. Вариант, предложенный Швигер, вновь более близок оригиналу, хотя мог показаться не совсем органичным принимающей языковой культуре: «Bei mir ist alles — ob eigen — oder dem Schein nach eigen — überhaupt alles — einerlei — mein» (Ordner E7/Shukowskij). В современном переводе читаем: «mein Schaffen gibt fast ausschließlich Fremdes wieder oder beruht auf Fremdem — gleichvoll aber ist alles mein Werk».

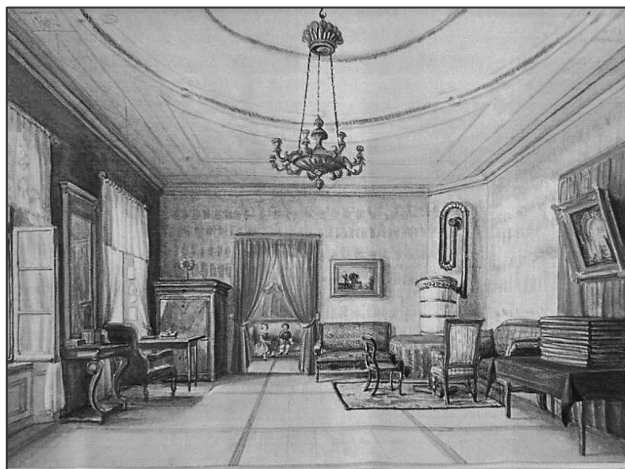

Рис. 4. «Notre Salon à Bade-Bade. Maison Kleinmann». Aquarell, 11,5x16 cm, Elisabeth von Joukovsky. 28.4.1849, Inv.-Nr.: 93/12–17, Stadtmuseum-Archiv Baden-Baden

Письма к Плетневу и другим персонам, переведенные Швигер, посвящены переводам *Одиссеи* и *Илиады*, которые занимали Жуковского в последние годы его жизни, вопросам издания *Рустема и Зораба*, *Сказок и повестей*, *Нового Завета* и педагогических опытов (письма в 4 томе под №№ 52–54). Таким образом, стратегия выбора предполагаемой правнучки Жуковского основывается на ориентации на его позднее житнетворчество и семейную бытность в Германии, на отражение его взглядов, отношений и ощущений во время освоения немецкого мира. Ведь *Илиада* и *Одиссея* Жуковского, его *Рустем и Зораб* и *Странствующий жид* были переведены с немецкого, не только и не столько в плане лингвистическом, но и в плане идейном, со всеми своими особенностями и различиями, донные доступными заинтересованному читателю.

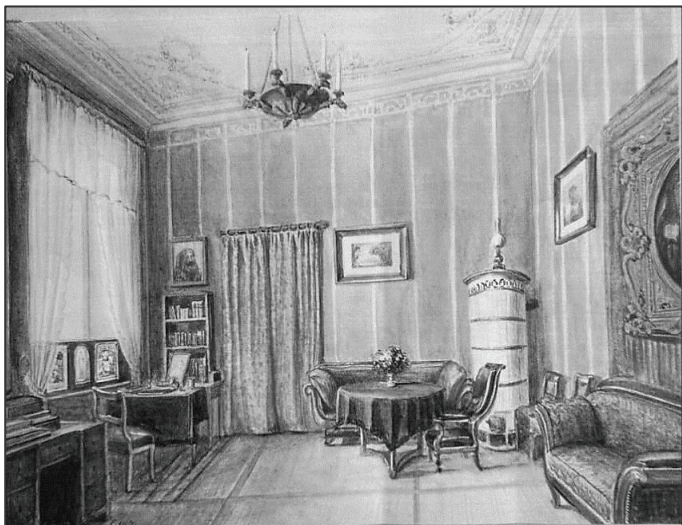

Рис. 5. «Notre Salon à la fleur Baden-Baden 1851». Aquarell, 13,2x18,7 cm, Elisabeth von Joukovsky. 28.4.1849, Inv.-Nr.: 93/12-18, Stadtmuseum-Archiv Baden-Baden

4. Заключение

Резюмируя изложенное выше и осмысляя приведенные архивные материалы в контексте современного гуманитарного знания о русской литературе, культуре и ее взаимных связях с мировой культурой, отметим следующее:

— переписка Антонии Швигер и Марго Фусс показывает вероятность того, что у сына Жуковского, Павла Васильевича, мог быть сын Альбин, который прожил недолго, но имел сына Михаила Альбиновича и дочь Юлию Альбиновну Жуковски (*1894 — †1969), которая встретила своего супруга в России и переехала с ним и своей дочерью Антонией в Германию, на родину своего отца и деда;

— Швигер, очевидно, ознакомившись с некоторыми разысканиями Фусс, ставшими широко известными, решила обратиться к ней, чтобы заявить о себе как о представительнице рода Жуковского и продолжить свои разыскания о своем родовом древе и эпистолярном наследии прапрадедушки, связанном с Германией и поздним периодом в жизни его семьи 1840—1850-х гг.;

— Швигер выполняет перевод писем своего предполагаемого прапрадеда, написанных в Германии в период проживания в Баден-Бадене, включая их в копилку архивных материалов по истории города.

Таким образом, благодаря ее усилиям и равнодушию участию Фусс Жуковский и его наследие вновь вошли в диалог с немецким миром спустя более 130 лет после его ухода из жизни, захоронения в Баден-Бадене, переноса тела в Петербург и спустя более полутора веков после завершения не менее извилистого биографического пути его сына Павла и дочери Александры, похороненных ныне на кладбище города Баден-Бадена в могиле своего отца. Однако наследие их прадеда многократно обрело жизнь благодаря им и участию их потомков и иных деятелей в сфере русско-немецких межкультурных взаимосвязей.

К сокровищам Музея-архива города Баден-Бадена, связанным с потомками русского поэта и государственного деятеля Жуковского, принадлежат и 2 акварели его супруги Элизабет, на которых изображены интерьеры двух гостиных комнат семейства в разных квартирах Баден-Бадена, на одной из них мы видим и детей Жуковских — Павла и Александру; см. Рис. 4 и Рис. 5 (впервые опубликовано в [SCHLEGEL 2012: 104–105]).

Комплексное изучение прошлого и настоящего мирового культурного наследия, как и культурного наследия любой страны, нации, государства в лицах, т. е. открытие ее в историях потомков, продолжателей, хранителей наследия Жуковского и других классиков является насущной и актуальной задачей современной социогуманитарной науки в целом и, конечно, важнейшей задачей филологии в частности.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Анисимова Е. Е. Творчество В. А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2016. [Anisimova, Evgeniya E. (2016) *Tvorchestvo V. A. Zhukovskogo v retseptivnom soznanii russkoy literatury pervoy poloviny XX veka* (The Works of V. A. Zhukovskiy in the Receptive Consciousness of Russian Literature of the First Half of the Twentieth Cen-

- ture). Krasnoyarsk: Siberian Federal University. (In Russian)].
- Киселева Л. Н. Породнившиеся в потомстве (Жуковский и царский дом) // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 1. Томск: Томский гос. ун-т, 2010. С. 137—150. [Kiseleva, Lyubov' N. (2010) Porodnivshiesya v potomstve (Zhukovskiy i tsarskii dom) (Related in Offspring (Zhukovsky and the Royal House)). In: *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* (Zhukovskiy: Research and Materials). Issue 1. Tomsk: Tomsk State University, 137—150. (In Russian)].
- Климов П. Ю. «...оставался лишь выдающимся, блестящим дилетантом» // Павел Жуковский. Каталог выставки, посвященной 175-летию со дня рождения, 2021 [Klimov, Pavel Yu. (2021) "...ostavalsja lish' vydayushhimsya, blestyashhim diletantom" ("...remained only an Outstanding, Brilliant Amateur"). In: *Pavel Zhukovskiy. Katalog vystavki, posvyashhennoy 175-letiyu so dnya rozhdeniya* (Catalogue of the Exhibition Dedicated to the 175th Anniversary). (In Russian)].
- Назимова В. Ш., Шлегель Д. В. А. Жуковский и его семья в Баден-Бадене // Жуковский: Исследования и материалы. Томск: Томский гос. ун-т, 2013. С. 688—695. [Nazimova, Valeriya Sh. & Schlegel, Diethard. (2013) V. A. Zhukovskiy i ego semya v Baden-Badene (V. A. Zhukovskiy and his Family in Baden-Baden). In: *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* (Zhukovskiy: Research and Materials). Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и немецкий мир. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. [Nikonova, Natalya E. (2015) *V. A. Zhukovskiy i nemetskiy mir* (V. A. Zhukovskiy and the German World.). Moscow; Saint Petersburg: Alyans-Arkheo. (In Russian)].
- Шлегель Д. Память и памятник: К открытию бюста В. А. Жуковского в Баден-Бадене // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 1. Томск: Томский гос. ун-т, 2010. С. 516—521. [Schlegel, Diethard. (2010) Pamyat' i pamyatnik: K otkrytiyu byusta V. A. Zhukovskogo v Baden-Badene (Memory and Monument: On the Unveiling of the Bust of V. A. Zhukovskiy in Baden-Baden). In: *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* (Zhukovsky: Research and Materials). Issue 1. Tomsk: Tomsk State University, 516—521. (In Russian)].
- Fuss, Margot. (1979) Aus der Chronik der Sophienstrasse. *Beiträge zur Geschichte der Stadt und des Kurortes Baden-Baden*. Heft 17.
- Lebedeva, Olga B. & Januskevič, Aleksandr S. (2000) *Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts*. Köln; Weimar; Wien: Boehlau Verlag.

- Schlegel, Diethard. (2009) *Der Dichter Vasilij Andrejevich von Shukovskij: Seine Familie und die Grabstätte in Baden-Baden*. Baden-Baden: Selbstverl.
- Schlegel Diethard. (2012) *Russische Vergangenheit und Gegenwart in der Stadt Baden-Baden*. Baden-Baden: Selbstverl.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 4: Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. М.; Л.: Художественная литература, 1960. [Zhukovskiy, Vasilij A. (1960) *Sobranie sochineniy v 4-kh tomakh* (Collected Works in 4 vols.). Vol. 4: *Odisseya. Khudozhestvennaya proza. Kriticheskiye stat'i. Pis'ma* (Odyssey. Literary Prose. Critical Articles. Letters). Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Münchener Neueste Nachrichten. (1912) Ausgabe von 30.08.1912.
- Ordner E7/Shukowskij. Stadtmuseum-Archiv Baden-Baden.
- Schukowskij, Wassilij A. (1960) Baden-Badener Briefe an Gogol und verschiedene Persönlichkeiten. In: *Gesammelte Werke*. Moskau; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
- Shukowski, Wassilij A. (1988) Traumsege. In: *Ausgewählte Werke*. Leipzig: Insel Verlag.
- Weimarische Zeitung. (1912) Ausgabe von 01.09.1912.

Natalya E. Nikonova, Olga Yu. Slavina
National Research Tomsk State University

**V. A. Zhukovskiy and the German World:
Unpublished Materials of the Baden-Baden City Archive**

The article introduces into scientific circulation the materials of the Baden-Baden City Archive (Stadtmuseum-Archiv Baden-Baden) related to the legacy and biography of V. A. Zhukovskiy. Zhukovskiy and his family spent the last years of his life in Baden-Baden, and the biographies of his children are connected with this city. The theme of his inseparable connection with Germany has been developed not only by Russian but also by German researchers, but the Baden period remains the least studied. The documents sent by Antonia Schwieger (*1918 — †?), who poses as the great-granddaughter of the Russian poet, translates his letters into German and provides new information about his alleged descendants to Margot Fuss (*1919 — †1995), the founder and director of the archival collection of the city. The archival holdings contain correspondence between Fuss and Schwieger, audio recordings of their conversation in the archives, photo-

graphs of Schwieger and her mother, as well as 29 letters from Zhukovskiy to various individuals translated by Antonia from Russian into German. The article publishes the correspondence between Fuss and Schwieger in the original, which is provided with a Russian translation and commentary, as well as a description of the content of the audio recording and an analysis of Schwieger's translation strategy in relation to Zhukovskiy's letters. Among the treasures of the Baden-Baden Museum-Archives related to the descendants of the Russian poet and statesman Zhukovskiy are two watercolours by his wife Elisabeth, which depict the interiors of two living rooms of the family, which are in the same Baden-Baden house, but in different flats. On one of them we see the Zhukovskiy children Paul and Aleksandra, who after the death of their parents met regularly in Baden-Baden, where Aleksandra's son Alexey lived for some time. The research has a source-based, theoretical and practical value and novelty, opening up new facets in the study of the biography and heritage of the classic.

Keywords: biography of classics; descendants of V. A. Zhukovskiy; correspondence; scientific publication; translation; Russian-German cultural ties in the 19th — 20th centuries

Для цитирования:

Никонова Н. Е., Славина О. Ю. В. А. Жуковский и немецкий мир: из неопубликованных материалов городского музея-архива Баден-Бадена // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 361—384.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-361-384.

To cite this Article:

Nikonova, Natalya E. & Slavina, Olga Yu. (2025) V. A. Zhukovskiy i nemetskiy mir: iz neopublikovannykh materialov gorodskogo muzeya-arkhiva Baden-Badena (V. A. Zhukovskiy and the German World: Unpublished Materials of the Baden-Baden City Archive). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 361—384. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-361-384.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; принята к публикации 08.02.2025

The article was submitted 09.01.2025; accepted for publication 08.02.2025

О. В. Пахомова, В. Г. Сибирцева
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ДВА ЭТЮДА О ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ. КЛОПШТОК И ТАВАДА

В статье рассматривается понятие литературной репутации и процесс его формирования в историко-культурном контексте. Литературная репутация или, в терминологии немецких исследователей, «Reputationscode» складывается из многих факторов и как результат имеет разные составляющие «успеха» литературной традиции. Как показывает историко-литературный процесс, литературная репутация оказывается очень важной для писателей и поэтов, поскольку отражает их влияние в обществе, демонстрирует степень популярности текста и свидетельствует об эволюции или инволюции в «большом времени». Вопрос формирования Reputationscode у исследователей в XXI в. также вызывает интерес, поскольку актуализируется этическая сторона процесса обретения популярности. Теоретические и практические аспекты литературной репутации разрабатывались отечественными исследователями И. Н. Розановым и А. И. Рейтблатом, а выделенные ими составляющие актуальны не только для XVIII в., но и для XXI в. В фокусе внимания статьи яркие представители литературного мира — немецкий поэт XVIII в. Фридрих Готтлиб Клопшток и немецкоязычная писательница японского происхождения XXI в. Ёко Тавада. Временная дистанция между этими двумя авторами наглядно показывает разное отношение к каждому из авторов в свое время. Литературная репутация немецкого поэта формировалась как бы «внутри» немецкоязычного пространства под влиянием авторитетных имен современников Клопштока. В то же время репутация Ёко Тавады как писателя-экзофона складывается не только в немецкоязычном пространстве, но и извне, благодаря сохранению автором двуязычия и созданию произведений на двух языках. Примечательно, что литературные произведения и Клопштока, и Тавады становятся предметом изучения совре-

менной германистики, поскольку Тавада находится в первой четверти XXI в. на пике популярности, и в это же время возрождается интерес к творчеству немецкого поэта.

Ключевые слова: Клопшток, Ёко Тавада, Гете, литературная репутация, Reputationscode

1. Введение

Литературная репутация является одним из важных факторов, которые формируют восприятие автора в своей и принимающей культурах, а также определяют историческую значимость писателя или поэта. Сложившийся статус автора в литературе значим не только для читателей, но и для исследователей: «величайшим», «прославленным» авторам уделяется больше внимания, чем «незаслуженно забытым» писателям и поэтам «второго ряда». В статье рассматриваются авторы, связанные с немецкой литературой и представляющие собой два случая культурного трансфера в исторической перспективе: автор XVIII в. и автор XXI в. В связи с этим необходимо прояснить, как понимается литературная репутация и, соответственно, *Reputationscode* в русской и немецкой литературоведческой традиции.

В российском литературоведении исследования, посвященные природе успеха авторов и смене литературных поколений, опираются в основном на труд библиографа и историка поэзии И. Н. Розанова *Литературные репутации* (1990), и на теорию социолога литературы А. И. Рейтблата, которую он развивает в монографиях *Как Пушкин вышел в гении* (2001) и *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы* (2009). Несмотря на то, что в поле зрения Розанова и Рейтблата попадают только отечественные авторы, их рассуждения остаются релевантными для исследования популярности того или иного автора и литературных репутаций в общем филологическом контексте. Писатели и поэты, прославившиеся в родном отечестве, в принимающей культуре не появляются внезапно, их вхождение или отторжение обусловлено различными факторами, описание которых мы находим у Розанова и Рейтблата.

Уникальная книга Розанова, в которой он прослеживает литературную судьбу русских и советских поэтов, состоит из не-

скольких глав-очерков и собственно вопросу литературной репутации посвящены лишь две из них: «Литературные репутации» и «Канонизация классиков». Не углубляясь в теоретическую разработку понятий, Розанов тем не менее высказывает ряд замечаний, которые до настоящего времени не утратили актуальности. Так, он рассуждает об относительности эстетических оценок и замечает, что «непрочность всякого догматизма в этом отношении все более и более проникает во всеобщее сознание» (РОЗАНОВ 1990: 19). Кроме того, исследователь лирики пишет о движении в литературе, складывающемся из притяжения, отталкивания и инерции, которые своим «чередованием образуют ритм... эпох» (*ibid.*: 23), характерный и для поэзии, и для прозы. Не менее важным представляются постановка Розановым вопроса о том, «как вообще происходит производство в образцовые писатели, т. е. в классики» (*ibid.*: 94). Интересны и исключительно актуальны размышления о авторе о проблеме «канона» и канонизации в литературе.

Идеи Розанова развивает Рейтблат, который предпринимает попытку дать «целостное описание институциональных аспектов русской литературы» (Рейтблат 2001: 7) и впервые отчетливо формулирует определение литературной репутации. В статье под литературной репутацией, вслед за Рейтблатом, будут пониматься

те представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книгопродавцы, педагоги, читатели) (*ibid.*: 51).

Кроме того, Рейтблат выделяет «инстанции, определяющие литературную репутацию», влияющие на судьбу писателя и связанные прежде всего с тем или иным типом литературной системы. Так, начиная с конца XVIII до середины XIX в. мнение о значимости творчества того или иного автора формировалось самими литераторами либо авторитетными знатоками, которые «в своем кругу, в рамках литературного кружка, салона или общества выносят приговор писателю» (*ibid.*: 53). Суждениями признанных литераторов и критиков следует прежде всего руководствоваться при рассмотрении вопроса о популярности

творчества Ф. Г. Клопштока в Германии.

В современной культуре, российской и зарубежной, репутация определяется рекламой и рыночным успехом книг: «книгоиздательские» показатели популярности представляются более весомыми. Среди них Рейтблат называет «премии, экранизации, инсценировки, включение в школьные программы, государственные награды, <...> число и тираж изданий, включение в серии и рекомендательную библиографию» (РЕЙТБЛАТ 2001: 53). Чем ближе автор находится к современности, тем большее воздействие на его «репутационный код» (BERLEMANN 2014: 149) оказывают упомянутые выше внешние факторы. Вполне понятно поэтому, что путь к признанию современной двуязычной писательницы Ёко Тавады идет через издания и переиздания, премии, географию выступлений с лекциями и чтениями собственных текстов. В немецкоязычных странах подобные встречи с писателями называются «Lesung».

При этом для авторов ушедших эпох такой путь невозможен, и покровители или авторитетные современники (а также ближайшие потомки) становятся своеобразными ориентирами (Wegweiser) для включения автора в образовательные программы или список обязательного чтения. Социокультурные и «книгоиздательские» показатели литературной репутации, выражающиеся в тиражах или частоте публикаций писателя, важны не для признания автора XVIII или XIX в., а для сохранения его имени от забвения.

2. Характеристика материала и методов исследования

Понятно, что полного совпадения между понятиями «литературная репутация», «популярность» и «репутационный код» (или «параметры литературной репутации»¹ не существует. Хотя эти термины часто употребляются через запятую, в одном и том же ряду, они «подсвечивают» разные аспекты прижизненной или посмертной известности того или иного автора.

Несмотря на то, что понятия «литературная репутация», «популярность» и «репутационный код» используются в рамках

¹ Термин *Reputationscode* пришел в германистику из социологии и все более активно используется немецкими литературоведами (BERLEMANN 2014; SCHULZ-SCHAEFFER 2002).

одного исследования, данные понятия не тождественны как в семантическом, так и в историко-культурном смысле. Литературная репутация, например, включает такой признак «литературного кода» как «популярность». Статичным аспектом репутации представляется «реноме». Однако этим структура понятия «репутация», по-видимому, не исчерпывается.

Для выявления значимости литературной репутации важна существенная временная дистанция, позволяющая ретроспективно рассмотреть творчество писателя. Неотъемлемый этап становления литературной репутации — ситуация, когда через «культурные коды эпохи» (ЛОТМАН 1986: 108) пропускаются не только факты творчества, но и творческая биография. У современных авторов, путь которых в литературе пока только намечается, возникает литературное реноме. Актуальные отклики читателей, критиков или Искусственного интеллекта далеко не всегда вводят модного автора в контекст «большого времени» (БАХТИН 1979).

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Литературная репутация Ф. Г. Клопштока

Важной вехой формирования литературной репутации Фридриха Готтлиба Клопштока (*1724 — †1803) оказалась встреча в Цюрихе с писателем и литературным критиком И. Я. Бодмером в начале творческого пути. Известный швейцарский филолог и переводчик стал покровителем молодого таланта. И хотя устоявшееся мнение биографов XIX—XX вв. приписывает эту встречу воле случая (MUNCKER 1888; LÜDTKE 1928), новейшие исследования (KONL 2000) показывают, что Клопшток сам искал знакомства: два года между начинающим лириком и известным литератором продолжалась активная переписка и Бодмер был даже посвящен в сердечные дела молодого автора. Именно ему Клопшток отправил свои первые сентиментальные оды, объединенные фигурой Фанни — кузины и возлюбленной, не ответившей будущему прославленному поэту взаимностью. Влиятельный патрон скоро разочаровался в Клопштоке, для которого неустанный труд и истовая набожность не стали жизненными идеалами. По мнению Бодмера, молодой автор должен был целиком и полностью посвятить себя написанию *Мессиады*, религиозной эпопеи в стихах. Жизнелюбие Клопштока и его нежная

привязанность в дружбе выразились в оде *Цюрихское озеро* («Der Zürichersee»), до настоящего времени остающейся одним из наиболее значимых произведений. Если к середине 50-х гг. XVIII в. *Цюрихское озеро* и оды к Фанни были известны в основном по рукописным спискам и не предназначались для публикации, то к этому моменту первые песни *Мессиады* уже вышли из печати. Хвалебные отзывы Бодмера о *Мессиаде* уже были подхвачены современниками и многократно повторены, Клопштока знали все — и он запомнился «всем» лишь как автор религиозной эпопеи. Но одновременно с ростом популярности чувствительных гимнов Клопштока (часто без указания авторства) интерес к чтению *Мессиады* угасал. Имя Клопштока было на устах у публики, однако его религиозную эпопею дальше первых трех песен (в итоге *Мессиада* включала двадцать песен и была закончена спустя почти четверть века после начала написания) никто не читал, что точно подметил Лессинг в известной эпиграмме:

Хвалить Клопштока люди рады. / Читают ли его? - Увы! / И нас превозносить не надо, / Прилежней нас читайте вы! (пер. Я. Матиса). Wer wird nicht einen Klopstock loben? / Doch wird ihn jeder lesen? Nein. / Wir wollen weniger erhoben / und fleißiger gelesen sein (LANGSJOEN 1960).

До 70-х гг. XVIII в. многие оды Клопштока были известны лишь благодаря рукописным спискам да его друзьям, которые читали вслух Клопштока в различных литературных кружках, самым известным из которых был «Союз роши» («Der Göttinger Hain») (PETERS 2025). Эстетика декламации, распространенного в ту эпоху особого музыкального способа произнесения поэтических строк, устный характер «исполнения», оказались созвучны поэзии Клопштока.

Имя поэта становится «нарицательным». Для немецкой культуры последней трети XVIII в. Клопшток — великий автор, стоящий на пьедестале. Пройдет совсем немного времени, и читатели перестанут понимать, откуда взялся высокий пьедестал. Наступало другое время — эпоха И. В. Гете, требовавшая других эмоций и других тем в литературе.

О том, что влияние Клопштока отразилось на самом творчестве Гете, мы можем прочесть в *Поэзии и правде*: «мы тща-

тельно переписывали его оды...» Переводчик и литературовед Н. Н. Вильмонт в русском послесловии к *Поэзии и правде* Гете замечает, что в данном случае речь идет о неточной, так называемой гессенской публикации од Клопштока, основанной на рукописных неавторизованных записях. Гете испытывает большое влияние старшего, очень популярного поэта, и приближается к поэтике Клопштоковых од в своих «больших гимнах» (1772/1775) — *Весенний праздник, Песнь странника в бурю, Бравому Хроносу, Ганимед, Прометей* (ГЕТЕ 1969: 435). В *Страданиях молодого Вертера* об искренней увлеченности Клопштоком свидетельствуют слова Вертера в разговоре с Лоттой у окна. Отсылка к оде *Весенний праздник*, которую не надо было цитировать, чтобы понять чувства героев, — достаточно было лишь назвать имя «Клопшток!», наглядно показывает, насколько хорошо современники знали произведения Клопштока. Сегодня эту оду назвали бы «прецедентным текстом» (КАРАУЛОВ 1987). Немецкие исследователи, в частности, К. Коль, указывают и на прозаические отрывки из писем Вертера, в которых прослеживается влияние Клопштока. Так, в немецком издании, в письме Вертера от 10 мая первой книги романа (ГОЕТНЕ 1999) нагромождение синтаксических конструкций с «когда» получает разрешение напряжения с наречием «тогда», что отсылает читателя к ранним одам Клопштока, в частности, *Фанни* (КОНЛ 2000). Вместе с тем картина, разворачивающаяся перед Вертером, во многих чертах является приношением к *Весеннему празднику*: мы видим размышления о близости к Всемогущему всех существ, от мошек до самого Вертера.

Исследователи XX в. обращают внимание на двойственное отношение Гете к величию старшего современника. Гете признает в частном порядке влияние Клопштока на его творчество. Размышляя об истории немецкой литературы, о «большом времени», автор *Фауста* умалчивает о Клопштоке или говорит о нем снисходительно (HURLEBUSCH 2003). Пример тому — отрывок из *Разговоров с Гете*, в котором зафиксировано отношение к Клопштоку в 1824 г. И. П. Эккерман отмечает гетевскую инерцию уважения к Клопштоку:

Я его почитал с присущим мне уважением к старшим, вроде как пожилого дядюшку. Благоговел перед всем, что бы он ни делал,

и мне даже в голову не приходило размышлять об этом и отыскивать в его творениях какие-либо недостатки. Я принимал все хорошее, что в них было, а в общем, шел своим собственным путем (ЭККЕРМАН 1934: 131).

Автобиография Гете — это масштабная инсценировка собственной жизни. Главный герой *Поэзии и правды* — гениальный автор, прокладывающий в литературе и жизни новые пути. Коль размышляет о главной цели гетевской автобиографии:

В отличие от Клопштока, с самого начала считавшего себя продолжателем античной традиции, Гете сосредоточился на создании литературной истории собственного дизайна: он был истинным началом и воплощал собственный поэтический стиль, свободный от ролевых моделей и непревзойденный в своей оригинальности (KONL 2000: 421).²

Но взгляд исследователя XX в. кардинально отличается от позиции первых биографов Клопштока: К. Крамера и Ф. Мункера. Для них Клопшток был прежде всего создателем религиозного эпоса, бессмертным автором священной *Мессиады*.

В 1888 г., почти через 100 лет после появления прижизненной биографии Клопштока, созданной Крамером (KRAMER 1792), немецкий историк литературы Мункер напишет новую биографию прославленного поэта (MUNCKER 1888). Современные немецкие исследователи подчеркивают значимость труда Мункера для анализа творчества Клопштока с конца XIX до конца XX в., замечая при этом, что в книге отразились позитивистская позиция автора и преклонение перед авторитетом Гете. Интересно, что в данном издании Клопшток рассматривается только как лирик, чьи оды и гимны не потеряли значения для потомков. Однако в отношении *Мессиады* и драматических произведений Клопштока Мункер замечает, что эти произведения «давно уже чужды нам, отчасти непонятны и не доставляют удовольствия» («sind uns längst fremd, zum Teil sogar ungenießbar und unverständlich geworden») (ibid.: 17). Новая эпоха выдвинула на первый план лирику автора *Мессиады*. К концу XIX столетия религиозная эпопея утратила актуальность. В глазах тогдашних читателей и критиков жанр этот безнадежно устарел. Произо-

² Здесь и далее перевод авторов статьи, если не указано иное.

шел тот самый литературный сдвиг, о котором писал Розанов в статье о литературных репутациях (РОЗАНОВ 1990). Схожие наблюдения о смене литературных предпочтений высказываются Ю. Н. Тыняновым в статье «Литературный факт»:

В эпоху разложения какого-нибудь жанра — он из центра перемещается на периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин всплывает в центр новое явление (Тынянов 1977).

По словам Мункера, Клопштока можно понять только исторически:

Сегодня мы, как правило, все еще повторяем похвалы, которые воздавали ему прежние поклонники, но мы больше не наслаждаемся его произведениями напрямую. («Wir sprechen heutzutage im allgemeinen oft noch das Lob nach, das frühere Bewunderer ihm gezollt haben, aber wir freuen uns seiner Werke nicht mehr unmittelbar») (MUNCKER 1888).

Опосредованное восприятие немецкого поэта в итоге приводит к тому, что образ Клопштока начинает зависеть от пересказов пересказов. Эстетическая оценка творчества Клопштока дается Мункером с точки зрения, присущей эпохе Гете, и под влиянием авторитетного мнения «величайшего творца среди лириков» («der größte Künstler unter den Lyrikern») (BERNAYS 1879): новое время создает новых кумиров, а старые при этом оттесняются с пьедестала, который отныне принадлежит новым гениям.

Оценка Бодмером *Мессиады* Клопштока во многом повлияла на восприятие творчества немецкого поэта и в России. В конце XVIII в. Клопштока в России почти не знают. Его литературная репутация находится в становлении, «Русский Клопшток» существенно отличается от немецкого. В статьях Н. М. Карамзина, российского популяризатора творчества Клопштока, издателя «Московского журнала» и «Вестника Европы», прочитывается почтительное преклонение перед поэтом. Он называет Клопштока «несравненным», «бессмертным», «славным пиитом» (ср. напр. в [КАРАМЗИН 1792]). Однако переводят Клопштока мало — новаторский язык и сложный синтаксис немецкого поэта с трудом воспринимался даже соотечественниками. Клопшток остается доступен узкому кругу читающих на немецком языке и

в основном его литературное имя складывается из пересказов пересказов. А уже в 30-х гг. XIX в. на русском языке появляются немецкие переводные истории всемирной литературы, авторы которых транслируют отношение Гете к Клопштоку. Биография Клопштока, написанная Мункером, не переводилась на русский язык, однако отсылки к ней встречаются неоднократно в русских литературоведческих работах рубежа XIX-XX вв. (ВЕБЕР 1891; КОЖЕВНИКОВ 1897; РОЗАНОВ 1901).

Сакрализации образа Клопштока как поэта и творца бессмертной религиозной эпопеи способствовали Бодмер и Гете, одновременно отдаляя его от живых читателей. А биография Мункера, несмотря на очевидные недостатки, до сегодняшнего дня остается незаменимой (ПЛАСНТА 2005). Критическое рассмотрение биографии выдающегося немецкого поэта, написанной Мункером, начинается только в начале XXI в., когда литературная репутация Клопштока предстает уже сформировавшейся, «застывшей», казалось бы, навсегда.

На контрасте с литературной репутацией XVIII в., формирующейся, как видим, нередко по пересказам авторитетных деятелей эпохи, выступает динамичное, вибрирующее и «быстрое» современное литературное реноме XXI в., действующее «от первого лица». Между этими временными промежутками «ди-станция огромного размера».

3.2. Популярность Ёко Тавады

Можно говорить о том, что понятие «репутации» в XXI в. скорее не эстетическое, а этическое (БЫКОВ 2019). Современная репутация в литературе рассматривается как принятие во внимание всех нравственных норм поведения человека на этой литературной арене и обозначает взаимодействие целого ряда литературных реалий и различных литературных процессов. Впервые интерес к внелитературной жизни писателя обозначился в эпоху романтизма, однако произведения оставались более «самостоятельными» и самодостаточными. Отметим, что в XX—XXI вв. процесс глобализации и популяризации достигает пика и становится переизбыточным. По мысли Л. П. Быкова, «мир тонет в океане слов, захлестывающих нас со страниц газет, журналов, книг, из наушников, с экрана телевизора, а с недав-

них пор — еще и компьютера» (БЫКОВ 2019). Важно, что с течением времени произошли резкие перемены восприятия литературы и автора в целом: если в XVIII в. произведение как бы существовало отдельно от автора, то в XXI в. все аспекты жизни писателя становятся значимыми в рамках литературной репутации. Получается, что в XX—XXI вв. ключевым аспектом является так называемое имиджмейкерство (БЫКОВ 2019), а литературная репутация определяется количеством просмотров в Интернете, купленных экземпляров в книжном магазине, выступлений на радио и телевидении, интервью в газетах, т. е. спросом на литературу. В начале XXI в. все ориентируются на показатели и цифры, иначе говоря, на внешнее, считая это аксиоматически релевантным, приравнивая успех к прибыли, а писателя — к артисту цирка, выступающего перед публикой со своими произведениями (ТАВАДА 2021).

При этом литературная репутация может быть заслуженной, а не нарочито «раскрученной». Писательница Ёко Тавада (*1960), создающая произведения на японском и немецком языках, подтверждает свой высокий литературный статус не только многочисленными наградами, но и качеством своих текстов, признанных критиками. Переводчик и литературовед-германист А. В. Белобратов называет ее писателем-экзофоном (БЕЛОБРАТОВ 2012).

Термин *экзофония* (“exophony”), обозначающий литературное письмо на неродном языке, впервые был введен в 2007 г. Сюзан Арндт, Дикром Нагушевски и Робертом Стокхаммером (ARNDT 2007).

Тавада начала публиковаться в 1987 г. Она дебютировала с двуязычным сборником стихов и прозы *Где бы ты ни был, везде пустота* («あなたのいるところだけ何もない» — «Nur da wo du bist da ist nichts»). Знание японского и немецкого языков позволило писательнице проникнуть в новые языковые пространства, что, в свою очередь, стало предпосылкой литературного двуязычия. Именно по этой причине в ее текстах исследователи усматривают гибридные структуры. Двуязычные произведения Тавады созданы на границах разных культур. Вот что говорит она о самой себе как писательнице: «У меня много языков и много душ»

(«Ich habe viele Zungen und viele Seelen») (ZIMMER 2002).

Белобратов отмечает, что

смешанная форма, микст, — то есть немецкие тексты с японскими иероглифами и элементами письма, — это скорее искусство, чем литература, по мнению самой Тавады (БЕЛОБРАТОВ 2015).

Таваду можно смело назвать японско-немецкой писательницей, поскольку она пишет на двух языках. Выбор немецкого языка в качестве языка «письма» Тавада осуществляет добровольно. В этом, пожалуй, ее отличие от русского и американского писателя В. В. Набокова. Литературная репутация Тавады не связана с нарративом «утраченной родины» или «изгнания».

После переезда в Германию в 1980-х гг. Тавада оказалась в культурно благоприятной среде, где существует большой интерес к иностранцам, пишущим на немецком языке. Следует отметить, что в Германии с 1985 г. учреждена специальная премия Адальберта фон Шамиссо (Adelbert-von-Chamisso-Preis der Robert Bosch Stiftung),³ которая присуждается особо одаренным иностранным писателям за необычное использование языка и обогащение немецкой литературы. Тавада была награждена премией в 1996 г. Еще до получения этой престижной премии, она была отмечена литературными премиями в Германии и Японии: Гамбургская городская премия (1990), японская награда начинающим литераторам под названием «Gunzo-Shinjin-Bungaku-Sho» (1991), Литературная премия Акутагавы (1993), Гамбургская премия Лессинга (1994). Таким образом, можно видеть, что литературными премиями отмечено литературное «двуязычие» Тавады.

Являясь знаками мирового признания, многочисленные международные награды, титулы и стипендии, укрепляют литературное реноме Тавады. Перечислим некоторые из них: Villa Аугога в Лос-Анджелесе (1997), преподаватель поэтики в Тюбингене (1998), Высокопоставленный гость Макса Када Массачусетского технологического института (1999), Стипендия Роберта Боша, Стипендия Немецкого литературного фонда, Ли-

³ <https://www.bosch-stiftung.de/de/projekt/adelbert-von-chamisso-preis-der-robert-bosch-stiftung>.

тературная премия Узуми Кеки (2000), Литературная премия Ито-Сей (2003), Литературная премия Дзюнъитиро Танидзаки (2003), Медаль Гете (2005), приглашенный писатель в Университете Вашингтона в Сент-Луисе (март-апрель 2008), приглашенный писатель в Стэнфордском университете (февраль 2009), приглашенный профессор межкультурной поэтики (Гамбург, 2011) и т. д. Получив премию Генриха Клейста в 2016 г. и Американскую книжную премию 2018 г., Тавада обрела едва ли не мировую известность.⁴

Об этом свидетельствует и полученная ею в 2016 г. премия Генриха Клейста. Эта премия — одна из самых престижных литературных наград Германии, обладателями которой являются очень известные писатели. Премия вручается только за книги, написанные на немецком языке, и Тавада стала первым ее японским лауреатом. В комментариях к награде было отмечено, что книга Тавады открывает новые возможности языковой экспрессии в немецком языке (Kleist-Preis Verleihungen).⁵

Расписание писательницы, согласно ее официальному сайту, насыщено лекциями, выступлениями и семинарами в США и Европе.⁶ Журнал «Schwäbisches Tagblatt», отмечает, что на некоторые ее лекции «собирается около пятисот человек, а ее поэтическая речь конкретна, наглядна и одновременно «аллегорична» («Zu ihren Vorlesungen waren mehr als 500 Zuhörer gekommen... sie hielt eine poetische Rede voll Anschaulichkeit und Gleichnishaftigkeit») (HERMANN 2016). Известный германист и специалист по компаративистике Юрген Вертхаймер называет Таваду «сдержанной постмодернистской шаманкой поэтического языка и проницательным филологом (в романтическом смысле)» (WERTHEIMER 1998). Комментируя *Сборник Тюбингенских лекций*, исследователь отмечает:

Будь то банка тунца или вход в туннель, кусок мыла или экран компьютера, каждый, казалось бы, банальный предмет становится под одновременно этнологическим и поэтическим взглядом Ёко Тавады носителем или средством передачи скрытого сообщ-

⁴ <https://yokotawada.de>.

⁵ <https://heinrich-von-kleist-gesellschaft.de/kleist-preis>.

⁶ <https://yokotawada.de>.

щения, которое необходимо расшифровать. Учимся заново читать знаки мира... (ibid.).

Такой комментарий четко отражает суть произведений Тавады: писательница из Японии смотрит на предметный мир глазами поэта, наделенного особым художественным мировосприятием. Можно говорить о том, что с 2020 г. Тавада находится на пике популярности. Ее стиль и язык стали предметом профессионального филологического анализа.

Особый интерес вызывает заявленная трилогия антиутопий, первая книга которой вышла в 2018 г. под названием *Scattered all over the Earth* («Рассеяны по всей земле») и была переведена М. Митсутани в 2022 г. с японского на английский (TAWADA 2022). Книга стала очень популярной. Роману были посвящены, ревью и рецензии в «The New York Times»,⁷ «The Baffler»,⁸ «The Wall Street Journal».⁹

На русский язык переведены только несколько произведений Тавады: романы *Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов* («容疑者の夜行列車») (ТАВАДА 2011) и *Мемуары белого медведя*. Второй роман написан на немецком языке и называется в оригинале *Etüden im Schnee* («Этюды в снегу») (ТАВАДА 2021). Стоит отметить, что с немецкого на английский *Мемуары белого медведя* перевела талантливая переводчица Сюзан Берновски (Susan Bernofsky), которая известна в англоязычном мире как переводчица и популяризатор Томаса Манна и Роберта Вальзера. Ее трактовку названия романа Тавады («Мемуары белого медведя», а не *Etüden im Schnee* («Этюды в снегу»)) перенимает Екатерина Даровская, переводчица на русский, а также многие переводчики из Европы. Так, на португальском *Memórias de um urso-polar*, на румынском *Memoriile unui urs polar*, на испанском *Memorias de una osa polar* и т. д. Тиражируется не только название книги, зачастую одинаковы и обложки, вне зависимости от выбора языка. Не случайно романы Тавада легко узнаются читателями и расходятся

⁷ <https://www.nytimes.com/2022/03/01/books/review/yoko-tawada-scattered-all-over-the-earth.html>.

⁸ <https://thebaffler.com/latest/yoko-tawadas-enchanted-world>.

⁹ <https://www.wsj.com/articles/fiction-book-reviews-scattered-all-over-the-earth-yoko-tawada-11648216711>.

большими тиражами. Большие тиражи и высокий спрос на книги писательницы укрепляют позиции автора в вопросе литературной репутации. Интерес читателя и раскупаемость тиражей — это показатели стабильно-высокой категории «успеха» и прибыли, которая напрямую зависит от литературной репутации.

Тавада — феномен конца XX — начала XXI в. Она внесла большой вклад в развитие литературы Японии и Германии. Писательница сочетает в себе Восток, и Запад, разные культуры и языки. Ее писательская уникальность, стиль, особое чувственное отношение к языку и тексту способствуют популяризации ее произведений и росту интереса читателей. Безупречное литературное реноме и сложившийся имидж на литературной арене укрепляют позиции популярного автора и приводят его к получению престижных литературных наград.

4. Заключение

Понятие литературной репутация раскрывается с двух сторон: как результат влияния авторитетных мнений и как отражение популярности в медийном и литературном пространстве. Подводя итог, важно отметить, что литературная репутация в целом представляет собой очень долгий историко-культурный процесс «большого времени» (БАХТИН 1979). Объективная оценка положения автора и его произведений в культурном наследии отдельной страны или в пространстве принимающей культуры требует значительной временной дистанции и паузы для осмысления каждого отдельного феномена литературы.

Понимание литературной репутации базируется на исследованиях Розанова и Рейблата, подчеркивавших неоднородность явления. Личность самого автора зачастую оказывает значительное влияние на успех его творчества, но не менее важными составляющими репутационного кода XVIII—XIX вв. являются наличие авторитетных современников и патронов для писателей, равно как и рычагов продвижения произведений в XX и XXI вв. — премий, титулов, создания определенного имиджа автора.

Можно сделать вывод, что литературная репутация в XVIII в. играет большую роль прежде всего в формировании образа автора, как это случилось с сакрализированным образом Клопштока. Авторитетное слово Бодмера и Гете лишь отдалило ав-

тора от читателей, в то время как стихи поэта стали обращать на себя внимание исследователей лишь на рубеже XIX—XX вв. Образ автора в итоге был отделен от произведений, значимым осталось только само имя, а творчество пребывало в забвении.

Диаметрально противоположная картина предстает в XX—XXI вв., когда в поле зрения исследователей, критиков и читателей попадают и произведения, и личность автора. Пример тому — японско-немецкая писательница Ёко Тавада. В центре интереса исследователей были не только ее произведения, написанные на неродном для нее языке, но и биографические факты, связанные с передвижениями и путешествиями Тавады. Немаловажную роль сыграли полученные награды, а также многочисленные участия в лекциях, выступлениях, семинарах и фестивалях. Можно говорить, что значимым для дальнейшей карьеры писательницы является и ее научная жизнь: написание докторской диссертации под руководством Зигрид Вайгель, а также отзыв Вертхаймера о теоретических работах Тавады.

Таким образом, «литературная репутация» XVIII и XXI вв. — два явления, сформировавшихся под влиянием различных факторов, но имеющих одну основу: место автора в культурно-историческом развитии. Для XVIII в. «частное» влияло на «общественное», а в XXI в. «общественное» всегда влияет на «частное». Немецкий поэт Клопшток и немецкая писательница японского происхождения Тавада — два ярких примера, между которыми «дистанция огромного размера». Клопшток был популярным в свое время, но пребывал на периферии литературоведческого интереса до конца XX в., и лишь сейчас начинается новый виток исследования его творчества и репутационного кода. У Тавады, которая с начала XXI в. находится на пике популярности, литературная репутация пребывает в состоянии формирования и еще не прошла испытания временем. Но уже сейчас можно утверждать, что литературное реноме Тавады вполне сложилось.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
[Bakhtin, Mikhail. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* (Aesthetics of Verbal Creativity). Moscow: Iskustvo. (In Russian)].

- Белобратов А. В. Немецкоязычная литература мигрантов: к проблематике гибридной идентичности // «XX Банные чтения», ежегодная научная конференция журнала «Новое литературное обозрение». 2012. URL: https://www.youtube.com/watch?v=q-QZPC3_HYs. [Belobratov, Aleksandr V. (2012) Nemetskoazychnaya literatura migrantov: k problematike gibridnoy identichnosti (German-Language Literature of Migrants: On the Problematics of Hybrid Identity). In: „XX Bannnye chteniya”, *ezhegodnaya nauchnaya konferentsiya zhurnala «Novoye literaturnoye obozreniye»* (“20th Bath Readings,” Annual Scientific Conference of the Magazine “New Literary Review”). Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=q-QZPC3_HYs. (In Russian)].
- Быков Л. П. Репутация в литературе. Заметки к теме // Филологический класс. 2019. № 2. [Bykov, Leonid P. (2019) Reputatsiya v literature. Zametki k teme (Reputation in Literature. Notes on the Topic). *Filologicheskiiy klass* (Philological Class), 2. (In Russian)].
- Вебер Г. Всеобщая история. Т. 13. М.: Издание Солдатенкова, 1891. [Veber, Georg. (1891) *Vseobshchaya istoriya. T. 13* (General History. Vol. 13). Moscow: Soldatenkov's Publishing House. (In Russian)].
- Гете И. В. Из моей жизни. Поэзия и Правда. М.: Художественная литература, 1969. [Goethe, Johann W. (1969) *Iz moyey zhizni. Poeziya i Pravda* (From My Life. Poetry and Truth). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russian)].
- Карамзин Н. М. Жизнь Клопштока // Московский журнал. 1792. Т. 6. С. 74—98. [Karamzin, Nikolay M. (1792) Zhizn' Klopshtoka (The Life of Klopstock). *Moscow Journal*, 6. 74—98. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 1987. [Karaulov, Yuriy N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: LKI Publishing House. (In Russian)].
- Кожевников В. А. Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии. М.: тип. Г. Лисснер и А. Гешель, 1897. [Kozhevnikov, Vladimir A. (1897) *Filosofiya chuvstva i very v eyo otnosheniyakh k literature i ratsionalizmu XVIII veka i k kriticheskoy filosofii* (Philosophy of Feeling and Faith in Its Relation to Literature and Rationalism of the 18th Century and Critical Philosophy). Moscow: G. Lissner and A. Göschel's Printing House. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) /

- Ученые записки Тартуского ун-та. 1986. Вып. 683. С. 106—121. [Lotman, Yuriy M. (1986) *Literaturnaya biografiya v istoriko-kul'turnom kontekste (k tipologicheskomu sootnosheniyu teksta i lichnosti avtora)* (Literary Biography in Historical-Cultural Context (on Typological Correlation between Text and Author's Personality)). *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta* (Scholars' Notes of Tartu University), 683, 106—121. (In Russian)].
- Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. [Reitblat, Abram I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskiye ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi* (How Pushkin Became a Genius. Historical-Sociological Essays on Book Culture of Pushkin's Era). Moscow: New Literary Review. (In Russian)].
- Розанов И. Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. [Rozanov, Ivan N. (1990) *Literaturnyye reputatsii* (Literary Reputations). Moscow: Soviet Writer. (In Russian)].
- Розанов М. Н. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц; его жизнь и произведения. М.: Университетская типография, 1901. [Rozanov, Mikhail N. (1901) *Poet perioda "burnykh stremleniy" Yakob Lents; ego zhizn' i proizvedeniya* (The Poet of the Period of "Stormy Aspirations" Jacob Lenz; His Life and Works). Moscow: University Press. (In Russian)].
- Тавада Ё. Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. [Tavada, Eko. (2011) *Podozritel'nyye passazhiry tvoikh nochnykh poezdov* (Suspicious Passengers of Your Night Trains). Saint Petersburg: Azbuka-Atticus. (In Russian)].
- Тавада Ё. Мемуары белого медведя. СПб.: Polyandria NoAge, 2021. [Tavada, Eko. (2021) *Memuary belogo medvedya* (Memoirs of the Polar Bear). Saint Petersburg: Polyandria NoAge. (In Russian)].
- Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255—269. [Tynyanov, Yuriy N. (1977) *Literaturnyy fakt* (The Literary Fact). In: *Poetika. Istoriya literatury. Kino* (Poetics. History of Literature. Cinema). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.; Л.: Academia, 1934. [Eckermann, Johann P. (1934) *Razgovory s Gete v posledniye gody ego zhizni* (Conversations with Goethe in the Last Years of His Life). Moscow; Leningrad: Academia. (In Russian)].
- Arndt, Susan; Naguschewski, Dirk & Stockhammer, Robert. (2007) Exophonie. Anders-Sprachigkeit (in) der Literatur. In: *LiteraturForschung*,

3. Berlin: Kulturverlag Kadmos.
- Berlemann, Dominic. (2011) *Wertvolle Werke: Reputation im Literatursystem*. Bielefeld: transcript Verlag.
- Cramer, Carl F. (1790) *Klopstock. Er und über ihn*. Retrieved from <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/K4U7DAAGON4HQQN-M3SQVYHWOQKYMKP3K>.
- Goethe, Johann W. (1999) Leiden des jungen Werthers. In: Luserke, Matthias. (ed.) *Edition der Handschrift von 1786*. Weimar: Hermann Böhlau.
- Hermann, Dorotee. (2016) *Eine Zauberin der Sprache*. Retrieved from <https://www.swp.de/lokales/tuebingen/kultur-tuebingen/kleistpreis-eine-zauberin-der-sprache-310910.html>.
- Hurlebusch, Klaus. (2003) *Friedrich Gottlieb Klopstock*. Hamburg: Ellert u. Richter.
- Kohl Katrin. (2000) *Friedrich Gottlieb Klopstock*. Stuttgart: Metzler.
- Langsjoen, Sven V. (1960) Moral Purpose in Klopstock. *Monatshefte*, 52, no. 4, 158—162.
- Lüdtke, Heinrich. (1928) Klopstock und unsere niederelbische Heimat: zum 125. Todestage des Messias-Sängers. *Altonaische Heimatbücher*, 2.
- Muncker, Franz. (1888) *Klopstock, Geschichte seines Lebens und seiner Schriften*. Stuttgart : G.J. Göschen.
- Osterkamp, Ernst. (1997) Muncker, Franz. *Neue Deutsche Biographie*, 18, 585—587.
- Plachta, Bodo. (2005) *Editionen zu deutschsprachigen Autoren als Spiegel der Editionsgeschichte*. Berlin, Boston: Max Niemeyer Verlag, 2005.
- Peters, Patrick. (2025) *Der Göttinger Hain. Wirken, Werk und Wirkung*. Retrieved from <http://www.goethezeitportal.de/wissen/projektepool/goettinger-hain.html>.
- Schulz-Schaeffer, Ingo. (2002) Publikationen zählen — empirische Anmerkungen zum Publikations-Ranking und zur Reputationswelten-Lehre. *Soziologie*, 4 (202), 42—55.
- Tawada, Yoko // Электронный ресурс. Retrieved from <http://yokotawada.de>.
- Tawada, Yoko. (1998) *Verwandlungen. Tübinger Poetik — Vorlesung*. Tübingen: Konkursbuchverlag.
- Tawada Yoko. (2011) *Sprachpolizei und Spielpolyglotte*. Tübingen: Konkursbuchverlag, 2011.
- Tawada, Yoko. (2022) *Scattered All Over the Earth*. New York: New Directions.
- Wertheimer, Jürgen. (2001) Jürgen Wertheimer über Yoko Tawada. In: Y. Tawada. *Verwandlungen. Tübinger Poetik-Vorlesung*. Tübingen: Kon-

kursbuchverlag.

Zimmer, Jörg. (2002) *Gedankenrad der Sprache - mit viel Witz*. Retrieved from https://rp-online.de/nrw/staedte/rhein-kreis/gedankenrad-der-sprache-mit-viel-witz_aid-8662867.

Olga V. Pakhomova, Vera G. Sibirtseva
National Research University Higher School of Economics

Two Sketches on Literary Reputation. Klopstock and Tawada

The article explores the concept of literary reputation and its formation within a historical and cultural context. According to German researchers, this phenomenon, referred to as *Reputationscode*, is shaped by multiple factors and ultimately reflects various components of a literary tradition's "success". The historical-literary process highlights the significance of literary reputation for writers and poets, as it reflects their societal influence, demonstrates the popularity of their texts, and testifies to the evolution or involution of their work in a Bigtime. The development of *Reputationscode* remains a topic of interest for 21st century researchers. Russian scholars I. N. Rozanov and A. I. Reitblat have contributed to the theoretical and practical understanding of literary reputation, and their insights remain relevant not only for the 18th but also for the 21st century. The article examines two figures: Friedrich Gottlieb Klopstock, a German poet of the 18th century, and Yoko Tawada, a 21st-century German-language writer of Japanese origin. The temporal distance between these authors illustrates the varying attitudes toward them during their respective eras. Klopstock's literary reputation was largely shaped within the German-speaking sphere, influenced by the authority of his contemporaries. In contrast, Tawada's reputation as an exophone writer is formed both within the German-speaking world and externally, aided by her bilingualism and the creation of works in two languages. Notably, both Klopstock and Tawada are positively received by Russian Germanists, with Tawada currently at the peak of her popularity and Klopstock experiencing a rebirth of scholarly interest in the 21st century.

Keywords: Klopstock; Yoko Tawada; Goethe; literary reputation; *Reputationscode*

Для цитирования:

Пахомова О. В., Сибирцева В. Г. Два этюда о литературной репутации. Клопшток и Тавада // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 385—405.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-385-405.

To cite this Article:

Pakhomova Olga V., Sibirtseva, Vera G. (2025) Dva etyuda o literaturnoy reputatsii. Klopshtok i Tavada (Two Sketches on Literary Reputation. Klopstock and Tawada). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 385—405. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-385-405.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; принята к публикации 28.04.2025

The article was submitted 28.03.2025; accepted for publication 28.04.2025

М. В. Петрова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

ОТ СТРАНИЦЫ К СЦЕНЕ: ПОЭТРИ-СЛЭМ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Цифровые технологии обеспечивают широкий доступ к поэзии, позволяют проследить ее эволюцию, а также трансформацию традиционных форм нарратива под влиянием новых социальных и культурных практик. Исследование фокусируется на теоретических аспектах поэтри-слэм, рассматривая его как перформативную и интерактивную форму словесного искусства, распространенную в немецкоязычном регионе. Интерактивность в поэтри-слэм становится неотъемлемой частью художественного высказывания: аудитория не просто наблюдает за выступлением поэта, но активно взаимодействует с ним, выражая свои эмоции через аплодисменты, возгласы и смех. Исследование, во-первых, впервые обобщает основные этапы истории развития поэтри-слэм во всем немецкоязычном регионе, включая Швейцарию и Австрию. Во-вторых, оно выявляет отличительные черты литературного перформанса поэтри-слэм как уникальной формы художественного нарратива в немецкоязычном пространстве. В-третьих, осуществляется анализ формальной двойственности и поливариантного характера произведений поэтри-слэм. Для анализа устных текстов с учетом их перформативной природы используется перформативная транскрипция. Данный метод позволяет проводить многомерный анализ выступления, включая языковые, паралингвистические и невербальные аспекты. Поэтри-слэм как форма нарратива демонстрирует двойственность формы: текст, первоначально созданный в письменном виде, предназначен для устного исполнения. Устный и интерактивный характер перформанса обуславливает поливариантность слэм-поэзии, делая каждое выступление уникальным событием, в котором создается новая версия произведения с изменением смысловых и интонационных акцентов. Поэтри-слэм отличается также свободой творческого самовыражения: авторы вольны в выборе темы, формы подачи текста и жанра.

Ключевые слова: поэтри-слэм; слэм-поэзия; поэтический перформанс; современная немецкоязычная поэзия; художественный нарратив; литературный перформанс

1. Введение

Поэтри-слэм (англ. poetry slam) — это формат поэтического состязания, который возник в 1980-х гг. в США, был успешно заимствован и по сей день динамично развивается во многих странах мира. Слэм-турниры как вид поэтического перформанса вновь возвращают поэзию к ее первоначальной устности, к живому общению поэта с аудиторией.

Как писал Ю. М. Лотман, искусство, синтезирующее разные виды художественного выражения (слово, музыка, движение, ритуал), существует уже давно. Классическими примерами могут служить литургическое действо или карнавал (ЛОТМАН 1992: 97). История поэтических турниров и поэтических перформансов уходит корнями в глубокую древность, начиная с эпохи античности и Средневековья вплоть до Новейшего времени. Еще в VIII—VII вв. до н. э. в Древней Греции проводились состязания рапсодов, исполнителей гомеровского эпоса, на Панафинейских играх в Афинах, а также в Халкиде и на Делосе (ГВОЗДЕВА 2021: 274). В средневековой Европе музыкально-поэтические турниры трубадуров и труверов стали неотъемлемой частью дворцовой культуры при дворах королей и знати (ГЕРАСИМОВА 2021: 179–182). В эпоху Возрождения в Италии процветали литературные академии, где, среди прочего, проводились состязания в стихосложении и декламации.¹

Немецкий исследователь Т. Кейс указывает на то, что, активность художественных авангардов в первые десятилетия XX в. была панъевропейским феноменом — не только в плане взаимного транснационального влияния и сотрудничества, но также и в схожести выступлений. В частности, он отмечает

родство между немецким дадаизмом и русскоязычными кубофутуристическими группами Гилея и 41°, вытекающее в первую очередь из звукопоэзии, развиваемой обоими литературными авангардами (КЕЙС 2004: 41).

¹ К самым известным академиям Италии XVII—XVIII вв. можно отнести Академию юмористов (Accademia degli Umoristi, основана в Риме в 1600 г.), Академию Аркадия (Accademia degli Arcadi, основана в Риме в 1690 г.) и Академию делла Круска (Accademia della Crusca, основана во Флоренции в 1583 г.).

Публичные выступления поэтов-футуристов в России в начале XX в. (Василиск Гнедов, Велимир Хлебников, Владимир Маяковский, Алексей Кружков и другие), как и перформансы немецкоязычных дадаистов (Хуго Балль, Курт Швиттерс, Рихард Хюльзенбек, Рауль Хаусман) стали новой вехой в истории поэтического перформанса. Их эмоциональные экспериментальные выступления, стремление к «разорванной речи», к звукописи, к смешению стилей и жанров, представляли собой яркий пример поэзии как действия. Футуристы и дадаисты вновь вывели поэзию на улицы, в мир публики, в сферу прямого общения с человеком, как это сделали позднее в конце XX и начале XXI в. и слэм-поэты.

Исследование посвящено отдельным теоретическим аспектам поэтри-слэм как перформативной и интерактивной формы искусства в немецкоязычном пространстве. В центре внимания — анализ специфики слэм-поэзии как формы устного нарратива, который представляет собой взаимодействие текста, аудиального и перформативного, что формирует уникальную эстетику поэтри-слэм. Включение в исследование немецкоязычной Швейцарии и Австрии позволяет проследить путь развития слэм-поэзии во всем немецкоязычном регионе.

Исследование стремится ответить на следующие вопросы.

1. Каковы основные этапы развития поэтри-слэм в немецкоязычном пространстве?
2. Каковы отличительные черты литературного перформанса поэтри-слэм как особой формы устного нарратива в немецкоязычном пространстве?

Ответы на эти вопросы позволяют глубже понять феномен немецкоязычной слэм-поэзии как современной формы устного нарратива.

2. Материалы и методы исследования

Методология исследования представляет собой комплексный подход, сочетающий элементы исторического, культурологического, описательного и лингвостилистического анализа. Исторический метод позволяет проследить ключевые этапы и тенденции развития поэтри-слэм в Германии и Швейцарии, выявив его генезис и эволюцию. Культурологический метод направлен

на анализ поэтри-слэм как поэтического феномена, занимающего свое место на литературной сцене, а также как развлекательного продукта, востребованного молодой аудиторией и интегрированного в молодежную культурную индустрию. Описательный метод применяется для характеристики нарратива, формата и организационной структуры поэтри-слэм. Лингвостилистический метод предполагает проведение качественного языкового и стилистического анализа текстов и поэтических перформансов немецких, швейцарских и австрийских слэмеров. Для анализа устных текстов с учетом их перформативной природы используется перформативная транскрипция. Этот метод позволяет проводить многомерный анализ выступления, включая языковые, паралингвистические и невербальные аспекты.

Теоретическая основа исследования опирается на анализ научных источников, публикаций немецкоязычных СМИ, специализированных порталов по поэтри-слэм Германии, Швейцарии и Австрии² и авторских сайтов исполнителей. Эмпирическую базу исследования составила разработанная и составленная автором мультимедийная база данных, охватывающая временной период с 2000 по 2024 гг. Выбор широкого временного диапазона обусловлен необходимостью проследить динамику развития феномена, его эволюцию за значительный период времени. База данных структурирована по трем основным разделам (в виде папок): «Германия», «Швейцария», «Австрия». В каждой папке представлен каталог материалов, сгруппированных по годам, который содержит информацию об авторе произведения (исполнителе), названии произведения, месте выступления (название мероприятия), категории выступления (одиночное, командное, «U20» для молодых поэтов до 20 лет), ключевых темах, выделенных тегами, а также ссылку на видеозапись выступления (см. Табл.).

² Примеры порталов по поэтри-слэм Германии (<https://www.poetryslamtv.de>, <https://kiezpoeten.com>, <https://www.kampf-der-kuenste.de>), Швейцарии (<https://poetryslam.ch>, <https://www.slamzuerich.ch>, <https://silbenschied.ch>), Австрии (<https://u20poetryslam.at>, <http://poetryslam.at/poetinnen>).

Таблица. Фрагмент мультимедийного каталога за 2019 г.
Папка «Слэм-поэзия Германии»

Год	Автор	Название и ссылка	Место выступления	Кате- гория	Темы
2019	Diane	Die Hose oder 5 Euro 99 https://www.youtube.com/watch?v=0APZEPegCrs	Berlin, Invaliden- park	До 20 лет	Konsum, Fridays for Future, Umwelt, Ausbeutung
2019	Aidin Halimi	Der Binde- strich https://www.youtube.com/watch?v=ksGsvQgIsy8	Meisterschaft Berlin / Brandenburg	Соло	Deutsche Sprache, Ausländer, Gesell- schaft, Identität
2019	Veronika Rieger	Die gute Tat und ich https://www.youtube.com/watch?v=jXbk5pQkaS0	KörperFo- rum, Hamburg	Соло	Kleine Welt, Ein- samkeit, Ängste, Mensch- lichkeit, Gott
2019	Paulina Behrendt	Der Stre- bertext https://youtu.be/u86INVwVs9w?si=MInr2A6J8WYGpxTE	Elbphilarmo- nie Hamburg	Соло	Selbstbe- trachtung, Selbsfin- dung, Selbstwert- gefühl, zu sich selbst ste- hen, uncool

Такая структура позволяет удобно искать и просматривать материалы, а также фиксировать возможные закономерности. Важно отметить, что эта база данных не претендует на полноту и охват всех слэм-турниров или солистов немецкоязычного про-

странства в связи с обширностью данной задачи. Кроме того, в каталог включены только те произведения, которые на момент исследования были доступны в перформативном видеоформате.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. История развития поэтри-слэм в немецкоязычном пространстве

Поэтические соревнования, схожие по формату с поэтри-слэм, проводились во Франкфурте с 1986 г. под названием «Каждый может выступить» («Jeder darf mal statt») и в Кельне с 1993 г. под названием «Поэты на ринг» («Dichter in den Ring»). В 1993 г. Берлинская литературная мастерская (Berliner Literaturwerkstatt) устроила в пабах Берлина чтения американских поэтов-слэмеров Лана Кауфмана, Пола Битти, Доминика Лоуэлла, Нили Черковски. В 1995 г. она же организовала первый поэтический турнир в Берлине. В 1995 г. в Мюнхене радиожурналист Карл Брукмайе, вдохновленный опытом поэтического турнира, который он получил во время поездки в США, проводит первый мюнхенский поэтри-слэм в клубе «Substanz».³ В 1996 г. в Гамбурге появился первый поэтический слэм-клуб «Kampf der Künste», который вскоре завоевал репутацию одного из самых известных и влиятельных в Германии. В начале 2000-х гг. поэтический слэм стал популярным литературным мероприятием во многих крупных городах Германии. Первый общегерманский чемпионат по слэм-поэзии с индивидуальными и командными соревнованиями был организован Вольфгангом Хогекампом в 1997 г. Будучи профессиональным кинематографистом, Хогекамп сыграл важную роль в развитии жанра поэтического видеоклипа и продвижения поэзии среди широкой аудитории с помощью видеотехнологий. Тем не менее долгое время поэтический слэм оставался очень небольшим, второстепенным явлением в культурном ландшафте, будучи известным, в первую очередь, в литературных кругах. Немалый вклад в популяризацию явления внесли СМИ, в частности, телевизионное шоу «Slam Tour mit Kuttner» — еженедельное воскресное вечернее

³ Babl, Marina. (2019) Die Anfangszeit des Poetry Slams in München. In: *Literaturportal Bayern*. Retrieved from <https://www.literaturportal-bayern.de/themen?task=lpbtheme.default&id=1354>.

шоу на канале Sat.1 Comedy, которое выходило с февраля 2008 г. «Вирусное» распространение видео выступления Юлии Энгельманн «Однажды» («One day / Eines Tages, Baby, werden wir alt sein»)⁴ в Билефельдском лекционном зале, стало катализатором роста популярности поэтического слэма. Запись ее выступления набрала миллионы просмотров за очень короткий срок, что вызвало всплеск интереса к этому формату и повлекло за собой значительное увеличение количества мероприятий с участием слэм-поэтов, а также возникновение новых поэтических курсов. Гамбургский «Best of Poetry Slam — Open Air» в 2015 г. собрал более 5000 человек, установив мировой рекорд по посещаемости поэтических мероприятий под открытым небом.⁵

Первое знакомство швейцарской публики со слэм-поэзией случилось в 1995 г., когда швейцарский поэт Кристиан Уэц принял участие в США в «Немецко-Нью-Йоркском фестивале поэзии». В 1998 г. Бенджамин Доделл организовал камерный турнир «Барак Слэм» в Берн-Либефельде, в котором приняли участие Матто Кемпф, Лукас Берфус, Юрг Хальтер и Рафаэль Урвайдер, широко известные сегодня за свои достижения как в литературе, так и в театральном искусстве. В 1999 г. после визита в Германию и знакомства с местной слэм-сценой швейцарские издатели Маттиас Бурки и Ив Томи решили организовать слэм-выступления в Швейцарии. Первый слэм-тур по городам Швейцарии (Poetry Slam CH-Tour) состоялся в июне 1999 г. Швейцарские авторы, принявшие участие в первом слэм-туре в 1999 г., уже имели свою аудиторию и находились в поиске новых форм: артист кабаре Ральф Шлаттер, хореограф Филипп Эгли, певец и автор песен Том Комбо, радиоведущая и музыкант Сюзанна Занд, поэт и певец Юрчок 1001, режиссер Рафаэль Урвайдер, писатель Мелинда Надж Абонджи, журналист Макс Кюнг, журналист Константин Зайбт, актер Доминик Бурки и учитель Рафаэль Мейер в качестве дуэта «Die Eistorte».

⁴ Engelmann, Julia. (2013) *One day*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=RmGHW4b2OVY>.

⁵ Leisker, Elisabeth. (2019) *Poetry-Slam: Dichterschlachten auf offener Bühne*. Retrieved from <https://www.goethe.de/ins/bg/de/kul/mag/21581941.html>.

Участники из Германии — известные слэм-поэты Бастиан Бетчер, Тиль Мюллер-Клюг и Хадаятулла Хюбш.

Второй тур в 2000 г. не только собрал на своей площадке именитых немецких поэтов-слэмеров, таких как Михаэль Ленц, Тиль Мюллер-Клуг и Верена Карл, но и стал трамплином для молодых талантов: Этрит Хаслер, Клавдий Вебер, Сандра Кюнзи, Михаэль Штауффер получили первый шанс заявить о себе.

История поэтри-слэма в Швейцарии неразрывно связана с городами Винтертур, Базель, Ольтен, Санкт-Галлен, Берн, Цюрих. В 2002 г. в Берне впервые в Швейцарии прошел финальный чемпионат немецкоязычных стран с участием авторов из Германии, Австрии и Швейцарии (German International Poetry Slam). Национальные состязания по слэм-поэзии проводятся в Швейцарии ежегодно с 2010 г., определяя чемпионов в категориях «Одиночное выступление», «Команды» и «До 20 лет».

Молодые поэты-слэмеры в Швейцарии часто начинают свой творческий путь с литературного немецкого языка, но в процессе развития своего творчества переходят на диалекты, близкие их региональной идентичности. «В начале немецкоязычные швейцарцы выступали с текстами на литературном немецком, чтобы их понимали в Германии», — рассказывает Этрит Хаслер, одна из ключевых фигуры швейцарского слэм-движения в интервью швейцарскому телеканалу SRF.⁶ Однако с ростом популярности слэм-поэзии в Швейцарии все больше исполнителей начали использовать диалекты в своих выступлениях: «Писать на диалекте гораздо естественнее», подчеркивает победитель слэм-турнира 2018 г. в категории «До 20 лет» Макс Кауфманн.⁷

На сегодняшний день благодаря талантам Ренато Кайзера, Лары Штоль, Габриэля Веттера, Ричи Кюттеля широко представлены и востребованы швейцарские восточные диалекты.

Именно постепенная смена языка выступления с литературного немецкого на швейцарский диалект немецкого языка

⁶ Schmutz, Christian. (2018) *20 Jahre Schweizer Poetry Slam. „Damals war Zürich Slam-Provinz“*. Retrieved from <https://www.srf.ch/kultur/literatur/20-jahre-schweizer-poetry-slam-damals-war-zuerich-slam-provinz>.

⁷ Ibid.

начиная с 2010-х гг. помогла швейцарской слэм-сцене выделить-ся как самостоятельному явлению и сформировать уникальный национальный колорит. Дополнительный импульс развитию языкового разнообразия слэм-сцены Швейцарии дала возможность выступать за пределами крупных городов в связи с открытием новых локальных площадок поэтри-слэм.

История поэтри-слэма в Австрии берет начало в 2004 г. в Вене, в кафе «Европа», где стартовал слэм-турнир «Textstrom», проходящий ежемесячно в последнюю среду месяца. В 2013 г. к этому турниру присоединились дополнительные площадки для поэтических и литературных перформансов, такие как «Stille Post Slam» и «TAGebuch Slam» в Вене.⁸

В июле 2016 г. в рамках Фестиваля народных культур Зальцбурга (Fest der Salzburger Volkskulturen) в аудитории Зальцбургского университета состоялся первый австрийский слэм-турнир на диалекте. Победителем стала Катрин Грубер из Мариинфарр (Лунгау). Инициатором проекта выступил зальцбургский писатель и карикатурист Манфред Бауманн. Цель мероприятия — вдохновить молодежь на изучение диалекта своего региона, языка, который они используют в повседневной жизни. В сотрудничестве с Лукасом Вагнером из проекта «Slamlabor» был организован «Heast! Dialekt Poetry Slam».⁹ Этот слэм-турнир отличается от других наличием денежного вознаграждения для победителя (от 500 до 1000 евро).

В ноябре 2022 г. впервые в Австрии в Вене прошел двадцать шестой немецкоязычный чемпионат поэтри-слэм. В 2023 г. австрийцы Лиза Ротхардт и Кристоф Штайнер одержали победу на чемпионате Германии по поэтическому слэму в Бохуме, став лучшим немецкоязычным слэм-дуэтом. Эта победа стала исторической для Австрии, так как до этого ни одна австрий-

⁸ Cicona, Julia. (2014) *10 Jahre Poetry Slam in Österreich*. Retrieved from <http://www.m-media.or.at/kultur/10-jahre-poetry-slam-in-osterreich/2014/05/30/index.html>.

⁹ Posch, Michaela. (2016) *Salzburgs erster Dialekt Poetry Slam ein voller Erfolg*. Retrieved from <https://www.salzburg24.at/news/salzburg/flachgau/salzburgs-erster-dialekt-poetry-slam-ein-voller-erfolg-52910>.

ская команда не выигрывала этот престижный турнир.

3.2. Поэтри-слэм как перформативное искусство: особенности нарратива

Поэтри-слэм — это литературное состязание, состоящее из двух раундов, в котором солисты представляют авторские тексты в течение 2-6 минут. Окончательный вердикт выносится либо всей аудиторией, либо выбранным ведущим жюри, которое определяет победителя. С ростом популярности поэтических перформансов форма соревнований стандартизировалась, приобретая схожие черты в разных регионах немецкоязычного пространства. Среди устоявшихся правил поэтри-слэм можно выделить: представление собственных текстов, ограничение по времени, отсутствие реквизита и пения, а также уважение к поэту. В отличие от литературного истеблишмента, слэм-сообщество позиционирует себя открытым для всех: любой может судить о поэзии, а формат «Открытый список» («Open List») позволяет каждому желающему прочитать свои стихи на сцене без предварительной регистрации.

Поэтри-слэм не является литературным жанром, а представляет собой формат литературного перформанса. Разнообразие представленных в состязании жанров, от лирики и речитативного исполнения до коротких рассказов, диалогов и стендап-комедии, свидетельствует о широте формата. Несмотря на разнообразие жанровых форм, анализ источников показывает преобладание ритмической структуры в немецкоязычных слэм-текстах. Большинство произведений написаны свободным стихом (верлибром), тогда как лишь небольшая часть демонстрирует четкий метрический рисунок и классическую рифму.¹⁰ Хотя свободный стих не придерживается традиционных правил рифмы и метрики, ему присуща своя внутренняя упорядоченность. Единый синтаксический порядок фраз создает узнаваемый интонационный рисунок, придавая тексту ритм и структуру. Как средство организации текста активно использо-

¹⁰ Классическая рифма обращает «исключительное внимание на тождество или сходство ударных гласных в двух словах и тех звуков, которые за этими звуками следуют вправо, то есть на конец слова» (Брюсов 2022).

ваться повторы:

Die meisten Menschen, die in
Hannover waren
sind da am Bahnhof mit dem Zug
durchgefahren
und sahen drumherum Industrie
und graue Fassade
doch sahen sie nie die Maschsee-
Promenade
So ist es kein Wunder, wenn man
sagt, Hannover sei schön
dass die meisten Menschen nur
Bahnhof verstehen.
Doch berichten die eingeweihten
Gelehrten
von Parks und berühmten Gärten
die jährlich Touristen in Klassen
anziehen
daran könne man sehen: Hannover
sei grün
eine grüne Oase trotz aller Kritik
vielleicht nicht so sehr in der Poli-
tik.
Denn von dort kommen — kaum
zu verzeihen
Schröder und Wulff und von der
Leyen
und so manch anderer richtig Doo-
fer
Man findet ganz schnell das Haar
in Hannover...
Torsten Wolff. *Das Haar in Hanno-
ver* (2013).¹¹

Большинство тех, кто побывал в
Ганновере,
Проезжали мимо вокзала на по-
езде,
Видели вокруг промышленность
и серые фасады,
Но не видели набережную
Машзе.
Поэтому неудивительно, что,
услышав, что Ганновер красив,
большинство ничего не понимает.
Но знающие ученые рассказыва-
ют
О парках и знаменитых садах,
Которые ежегодно привлекают
туристов классами,
В этом можно увидеть: Ганновер
— зеленый город.
Зеленый оазис несмотря на всю
критику,
Наверное, не в такой степени в
политике.
Так как оттуда вышли — не про-
шу,
Шредер и Вульф и фон дер Лай-
ен,
И еще некоторые дураки,
Быстро можно найти волос в
Ганновере...¹²
Торстен Вольф. *Волос в Ганновере*

¹¹ Wolff, Torsten. (2013) *Das Haar in Hannover*. Retrieved from https://youtu.be/72HMNep1GkU?si=g_MiPL5mG2LQU9n2.

¹² «Das Haar in Hannover finden» 'найти волос в Ганновере' — это игра слов, основанная на немецком фразеологизме *das Haar in der Suppe finden* 'найти волос в супе'. Этот фразеологизм означает 'найти повод для недовольства, придираться к мелочам'.

Это стихотворение состоит из шестистиший, в которых являются парные рифмы (waren — durchgefahren, Fassade — Promenade), придавая тексту динамику и ритм. Строки имеют разное количество слогов, создавая свободный ритм, близкий к разговорной речи. Стих написан свободным стихом с нерегулярной метрикой, что придает тексту естественность. Повторы (und sahen — doch sahen; grün — grüne Oase; und Wulff und von der Leyen und so manch anderer richtig Doofer) усиливают структуру стихотворения, придавая тексту целостность.

Перформансы поэтри-слэм демонстрируют значительную структурную схожесть. Анализ отобранных архивных материалов показал, что для большинства выступлений характерно короткое вступление, которое часто представляет собой забавную историю, недавний эпизод из жизни автора или его наблюдение. Вступительная часть, как правило, подается с юмором или самоиронией и направлена на то, чтобы быстро завладеть вниманием аудитории. Выступающий создает эмоциональную связь с публикой, заинтриговывает ее и плавно подводит к основному тексту своего выступления. Приведем в качестве примера отрывок из перформанса швейцарского автора Хейзел Брюггер *Советы по отношениям* 2017 г.:¹³

Hallo, ich finde es immer so
schlimm,
Wenn man so lange gehen muss
Und die Leute gucken mir so beim
Gehen zu,
Weil das kann ich immer nicht so.
Also ich kann mich so bewegen,
dass ich nicht umfalle, aber für eine
Frau reicht es nicht...
Ich komme aus der Schweiz, wir ha-
ben keine Emotionen, wir haben
Geld, aber reichlich davon. Also in
der Schweiz sind auch Veranstaltun-

Меня всегда так бесит, когда
приходится долго идти, а люди
смотрят на меня. Потому что я
не умею красиво ходить. То
есть, я могу передвигаться так,
чтобы не упасть, но для жен-
щины этого недостаточно...
Я родом из Швейцарии, у нас
нет эмоций, у нас есть деньги, и
много. Поэтому в Швейцарии
даже мероприятия проходят
по-другому. Там люди аплоди-
руют письменно, а потом через

¹³ Brugger, Hazel. (2017) *Beziehungstipps*. Retrieved from <https://youtu.be/YlBNvG2ppv8?si=8PmiF0mwKI3HY59k>.

gen anders, da klatschen die Leute
schriftlich, kriegt dann immer nach
drei Monaten Bescheid: „Ah, es hat
ihnen gefallen!“

Hazel Brugger. *Beziehungstipps*

три месяца становится понятно:
«Ах, им понравилось!»

Хейзел Брюггер. *Советы по от-
ношениям*

Брюггер начинает свое выступление «Советы по отношениям» с обыгрывания гендерных (стереотип о женской грациозности) и национальных стереотипов (стереотип о благосостоянии, эмоциональной холодности и прагматичности швейцарцев). Этот юмористический «мостик» позволяет ей быстро завладеть вниманием аудитории. Таким образом, вступление выполняет несколько функций: захватывает внимание, создает контекст и устанавливает эмоциональную связь с аудиторией, делая выступление более привлекательным и запоминающимся.

В связи с этим интересно проследить, как письменный текст трансформируется при живом исполнении (или в записи) и как взаимодействуют средства художественной выразительности с элементами невербальной коммуникации в контексте «вторичной устности» (BENTHIEN 2020).

Американский ученый, основатель Центра изучения устной традиции в Университете Миссури Джон Майлз Фоли определяет поэтри-слэм как сочиненную в текстовом виде, распространяемую в устной форме и воспринимаемую на слух поэзию (FOLEY 2002: 39). В такой поэзии важную роль играют не только литературные качества текста и вкладываемые автором смыслы, но и перформативная сторона выступления, включающая интонацию, жесты и движения выступающего.

О. В. Саханчук отмечает еще одну значимую характеристику перформанса, его темпоральность:

перформанс сообщает пространственным координатам произведения искусства темпоральные характеристики, переводит текст или отсутствие текста... в процесс его протекания, проживания перед публикой» (САХАНЧУК 2012: 134).

В отличие от традиционных форм искусства, таких как живопись или скульптура, которые существуют в статическом состоянии, перформативные практики акцентируют внимание на времени как важном измерении восприятия. Здесь произведение искусства

становится не просто объектом для созерцания, но динамичным процессом, который разворачивается в конкретном пространстве и времени. Это создает уникальный опыт для зрителей, позволяя им стать не просто наблюдателями, но активными участниками события. В этом контексте временные характеристики перформанса — его продолжительность, ритм и последовательность действий — становятся важными элементами, которые формируют восприятие и интерпретацию произведения. Зрители могут ощущать напряжение момента, его кульминацию и развязку, что добавляет глубину и многослойность к художественному высказыванию. Таким образом, перформанс становится не просто актом творчества, но и пространством для диалога между артистом и аудиторией, где время и пространство переплетаются в единый и неповторимый в своей уникальности художественный опыт. В арсенале поэта-слэмера целый набор коммуникативных стратегий, направленных на установление живого контакта с аудиторией. Это и прямое обращение к слушателям, и риторические вопросы, и игра интонациями, и использование юмора, иронии, сарказма. Особенностью структуры нарратива поэтри-слэм является его потенциальная открытость к импровизации. Зачастую поэт-слэмер не просто следует заранее написанному тексту, а выстраивает свой рассказ, реагируя на реакцию публики, на внутренние импульсы, на атмосферу в зале. В этом отношении поэтри-слэм близок к театру или искусству эстрады, где актеры тоже следуют заранее прописанному сценарию, но при этом создают эффект жизни, импровизации. Значение текста также раскрывается через реакцию публики. Аудитория эмоционально отзывается на выступление поэта аплодисментами, возгласами, смехом.

Перформанс поэтри-слэм отличается динамикой выступления, а также сочетанием юмора и азарта соревнования. Эти элементы способствуют популяризации формата. При этом перформанс может выходить за рамки развлекательного формата, обретая концептуальность и превращаясь в полноценное художественное высказывание, способное затронуть глубокие темы и вызвать размышления у зрителей.

Художественная природа слэм-текстов проявляется в обращенности не к внешним событиям, а к внутреннему миру лири-

ческого героя, его переживаниям и субъективной оценке происходящих событий. По словам И. П. Зайцевой, «в таких поэтических произведениях мы наблюдаем художественно запечатленный акт прямого самовыражения поэта» (ЗАЙЦЕВА 2018: 74). Автор-поэт выбирает из доступного языкового материала только те элементы, которые наилучшим образом отражают его индивидуальность и авторский замысел. В зависимости от выбранных средств художественной выразительности текст может быть охарактеризован как лирический, драматический, комический или трагический. Отличительной чертой немецкоязычной слэм-поэзии является отсутствие требований к метрической структуре текстов. Метрическая структура текстов поэтри-слэм весьма разнообразна, лишь немногие тексты придерживаются строгой метрики и рифмы, большинство же написаны свободным от жесткой рифмометрической композиции верлибром.

Значимой особенностью устного нарратива в контексте поэтри-слэм Кара Лозье Чанойн называет «бимодальность» произведений поэтри-слэм. Под бимодальностью автор понимает формальную двойственность, когда текст первично возникает в письменной форме, но предназначен для исполнения (CHANOINE 2023: 123–124). Двойственная природа литературного произведения проявляется в возможном сосуществовании нескольких текстовых и исполнительских версий одного стихотворения. Изменения, которые происходят в результате последующих исполнений, обусловлены реконтекстуализацией произведения в различных временных моментах, ситуативных или культурных контекстах. Таким образом, можно говорить о «парадоксе немедленного изменения без окончательного изменения» (NAGY 1996: 25). Сложность научного изучения данной проблематики состоит прежде всего в отсутствии доступного архива материалов, в котором были бы собраны как тексты, так и записи слэм-поэзии в разных версиях. В сети Интернет, как правило, доступна лишь одна видеоверсия выступления солиста слэм-поэзии с определенным произведением, поскольку по правилам турнира автор не может повторять выступление на разных соревнованиях. Повторные прочтения слэм-текстов происходят уже в ином формате: на литературных чтениях, поэтических

концертах, в поэтических фильмах. При этом за редким исключением текст произведения в письменной форме в сети Интернет не представлен.

Исследование Чанойн представляет собой уникальный опыт транскрипции текстов англоязычного поэтри-слэм с применением стилей форматирования и добавлением текстовых подсказок как средств представления акустических и кинетических особенностей перформативной версии (или версий) текста (CHANOINE 2023: 130). Автор называет этот способ транскрибирования «этнопоэтической транскрипцией», что применительно к конкретному исследованию вызывает вопросы. Название не соответствует сути метода, поскольку «этнопоэтический» подразумевает учет этнических особенностей языка и культуры. Однако в данном случае транскрипция сосредоточена на акустических и кинетических аспектах текста без учета этнических особенностей. Поэтому нам представляется более удачным термин «перформативная транскрипция», которого мы будем придерживаться в нашем исследовании.

Чанойн исследует и фиксирует в виде транскрипции лингвистические и паралингвистические «рекомпозиции» произведений, включающие акустические изменения посредством вокальной динамики, темпа, громкости, акцента, а также элементы физической вариативности через мимику, жесты и позы. Чанойн приходит к выводу, что кинетические рекомпозиции не менее важны для понимания авторской интенции, чем звуковое акцентирование, и, возможно, более значимы:

В то время как лингвистические рекомпозиции можно понимать как обычные изменения существующего текста, рекомпозиции, ориентированные на исполнение, добавляют измерение содержания, отсутствующее в тексте (ibid.: 137).

Рассмотрим поливариантную природу поэтри-слэм на примере разбора отрывков выступлений уже упоминавшейся в данной работе Энгельманн. Для этого были составлены перформативные транскрипции ее выступлений с текстом «One day / Eines Tages, Baby, werden wir alt sein», одного из немногих произведений поэтри-слэм, доступных в сети Интернет в нескольких перформативных версиях. При создании перформативной

транскрипции были использованы условные обозначения, предложенные Чанойн, с внесением некоторых модификаций и добавлением элементов разметки текста:

- пауза: * (более длинные паузы = больше звездочек);
- невербальные физические характеристики и реакция аудитории: (описано непосредственно в скобках за соответствующими словами);
- увеличение или уменьшение громкости: <или> и выделение соответствующего отрезка курсивом;
- увеличение или уменьшение скорости: <или> и выделение соответствующего отрезка жирным шрифтом;
- тональные сдвиги/акценты: все заглавные буквы;
- произносимые дополнения к тексту произведения: подчеркнутые слова;
- вычитания из текста: зачеркивание слов или звуков»;
- перформативное действие:¹⁴ / /.

Перформативная версия 1 (2013 г.):¹⁵

(Подходит и держится за стойку микрофона)

Hallo! ** Ich bin allerdings keine Tänzerin** Oh, ja (смеется), sondern Studentin* Ah** (аудитория смеется) *Ich / sage / nur das Fach, ich studiere < Psychologie** (публика аплодирует и проявляет восторг) Ok! (нервно смеется) keiner: „Hee?!“, Ok, mein Text heißt „One day slash Reckoning text“ und orientiert sich an einem Pop-song, mm** an einem Remix*, den ihr vielleicht kennt. Für alle, die ihn nicht kennen, und auch so /sing/ ich die Zeile, auf die ich mich beziehen werde noch mal vor* JETZT * (короткий смешок публики, отпускает стойку микрофона, руки по швам) One day baby, we'll be old Oh baby, we'll be old And think of all the stories that we could have TOLD ** (смеется, одобрительный гул публики, громкие аплодисменты) Aj (короткий смешок) *nein, nein, nein, nein, (машет рукой) so war das alles nicht geplant < * Eines Tages,** BABY,* werden wir alt sein*, Oh, * baby, werden wir alt sein Und an all die Geschichten denken, die wir hätten erzählen können < (отбивает ритмическую структуру трех последних слов пальцем по воздуху). ICH? ** Ich bin**

¹⁴ Перформативное действие — это действие, которое совершается с помощью слова (Ильин 2016: 262).

¹⁵ Engelmann, Julia. (2013) *One day*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=RmGHW4b2OVY>.

der Meister der Streiche, wenn's um *Selbstbetrug geht* > , bin* ein Kleinkind vom Feinsten, wenn ich vor Aufgaben steh'. Bin* ein entschleunigtes Teilchen, kann auf Kleinstem was reißen, lass' mich begeistern für LEICHTSINN, wenn* ein anderer ihn lebt...

Перформативная версия 2 (2014 г.):¹⁶

(Выходит со стойкой микрофона)

Hallo!** (аплодисменты, свист). Ich heiße Julia und das Gedicht, das ich euch /vortrage/ heißt (жест кистью левой руки, согнутой в локте в сторону) „One day slash Reckoning text“ und das habe ich geschrieben für oder also < *, inspiriert von einem POP-Song, der letztes Jahr sehr sehr viel* im Radio lief beziehungsweise dessen Remix < *, „One day“ beziehungsweise Reckoning song“ heißt das, manche von euch kennen es vielleicht ich war neulich auf (смеется) einer Veranstaltung, wo ich das Gedicht vortragen < * wollte und vorher war die Idee des Veranstalters das Lied noch einzuspielen und (смеется) und es gibt noch was anderes, auch „One day“ heißt (смеется) und da lief ein FALSCHES Lied (публика смеется) und er hat mich ganz stolz und glücklich angegrinst, dass er so, den Ipod extra mitgebracht hat und *wollte, dass ich drei Minuten ausharre bis das Lied zu Ende gespielt hat< und das war immer so: de-de-de-ONE DAY! (синхронное движение кулаками, имитирующее удары по невидимой поверхности) und das war * (моргает головой) nicht das LIED* und das gibt mir noch viel bessere Rechtfertigung, es jetzt anzusingen*. Normalerweise mache ich das bloß zur eigenen Freude, aber jetzt, ab jetzt wird's eeeh so eine Sicherheitssache (смеется, публика смеется) *. Das geht so>: One day baby, we'll be old Oh baby, we'll be old And think of all the stories that we could have told** Eines Tages,* BABY,* werden wir alt sein*, Oh, baby, werden wir alt sein Und an all die Geschichten denken, die wir hätten erzählen können< *. ICH? ** Ich bin** DER MEISTER < der Streiche (руки отпускают стойку микрофона, делаю движение руками как для демонстрации мускулов, типичное для атлетов) wenn's um Selbstbetrug geht, bin ein Kleinkind vom Feinsten, wenn ich vor Aufgaben steh'. Bin ein entschleunigtes Teilchen (произвольно машет руками), kann auf Kleinstem was reißen, lass' mich begeistern für LEICHTSINN, wenn* ein anderer ihn lebt (активные произвольные движения руками, расставляющие акценты)...

¹⁶ Engelmann, Julia. (2014) *One day*. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=ti_iSp9zYHY.

Сравнение двух перформативных версий показывает различные стилистические и структурные подходы к исполнению текста. Первая перформативная версия отличается сдержанным стилем исполнения. В кратком, скорее робко звучащем вступлении автор представляет себя как студентку факультета психологии, называет песню, по мотивам которой было создано стихотворение, после чего сразу же переходит к тексту. Смех, который присутствует в начале выступления, скорее нервный, чем искренний и уверенный. Во время декламации жестикуляция сдержанная, руки длительное время расположены по швам. Сдержанный стиль жестикуляции не мешает автору установить контакт с публикой. Ее прямые обращения и эмоциональный отклик на реакции зала свидетельствуют о ее стремлении создать контакт с аудиторией. Вторая перформативная версия характеризуется энергичным началом: автор, используя прием сторителлинга и юмор, овладевает вниманием аудитории. Достаточно подробное вступление, содержащее избыточные детали («Он ухмыльнулся мне так гордо и счастливо, что специально прихватил с собой айпод»). Оговорки, паузы, повторы союзов (*beziehungsweise*) и наречий (*sehr sehr viel*) создают ощущение спонтанности речи и эмоциональности. Активная жестикуляция подчеркивает открытость и раскованность автора. Вторая версия включает больше физических жестов и движений, а также более активное изменение скорости речитатива, что способствует динамике выступления. Интонационные и смысловые акценты в самом тексте стихотворения расставлены не идентично, однако не зафиксировано значимых вычитаний их текста, кроме одного момента во втором выступлении, обусловленного быстрым произнесением и ассимиляцией звуков в потоке речи (*Keinstem* вместо *Kleinstem*). Оба исполнения включают музыкальные элементы, но во второй версии они более явно интегрированы в исполнение, что создает дополнительный ритмический эффект. Перформативные глаголы (*sage, singe, vortrage*) делают выступление более структурированным, убедительным и вовлекают аудиторию в активное слушание.

Таким образом, важно отметить, что перформативная транскрипция, хотя и не передает полной картины выступления (видеоверсия за счет качества съемки и звука, монтажа, не

всегда в полной мере может передать некоторые значимые моменты, например, мимику выступающего), тем не менее является ценным инструментом для исследователя. Во-первых, она позволяет систематизировать и анализировать вербальные аспекты выступления. Транскрипция фиксирует речь, ее структуру, особенности лексики, синтаксиса, интонации, что позволяет провести лингвистический, стилистический и содержательный анализ выступления. Во-вторых, она выявляет нюансы, обусловленные перформативной природой живого выступления: паузы, интонационные изменения, дискурсивы, которые могут быть не очевидны при простом просмотре видео. Кроме того, транскрипция позволяет сравнивать перформативные версии одного произведения, выявляя общие и уникальные черты.

4. Заключение

Поэтри-слэм — это популярный в немецкоязычных странах литературный перформанс, где авторы соревнуются, представляя свои произведения публике в формате ограниченного по времени выступления. Формат турнира в значительной степени унифицирован: солисты выступают по очереди, каждый имеет ограниченное время для выступления, а победителя определяет жюри, составленное из представителей аудитории. Однако эта кажущаяся простота скрывает многообразие подходов и стилей. Во-первых, если тема поэтического турнира не задана организаторами изначально, автор свободен выбирать любую тематику, что открывает широкие творческие возможности. Поэты могут затрагивать личные переживания, социальные проблемы, философские вопросы — все, что их волнует. Во-вторых, форма подачи текста также может быть очень разнообразной. Автор может читать текст с листа, декламировать его наизусть, использовать театральные элементы, инсценировать сцены. В-третьих, литературный перформанс не ограничен одним жанром. В нем могут быть представлены лирика, речитатив, рассказ, диалог. В отличие от классической поэзии, поэтри-слэм не скован строгими канонами формы. Поэт волен выбирать любые выразительные средства, которые считает наиболее подходящими для своего поэтического высказывания. Преобладающей художественной формой слэм-поэзии является верлибр, свободный от жесткой

рифмометрической композиции. Цельность стиха создается за счет метрико-синтаксического параллелизма, повторов, инверсии, нерегулярной рифмы. В письменной форме строчный перенос также служит средством синтаксической организации текста.

Слэм-поэзия как форма нарратива обладает формальной двойственностью, когда текст первично возникает в письменной форме, но предназначен для устного живого исполнения. При этом каждый последующий перформанс создает новую версию произведения, иначе расставляя смысловые и интонационные акценты. Анализ перформативных представлений поэтри-слэм текстов возможен с помощью создания перформативных транскрипций.

Перформативные транскрипции, включающие не только текст, но и интонацию, жесты, мимику, паузы, движения, взаимодействие с аудиторией, позволяют исследовать не только литературные качества текста, но и его живое проявление на сцене. Такой анализ может раскрыть новые аспекты поэтического высказывания, определить ключевые элементы перформативного стиля поэта, проследить динамику взаимодействия между артистом и аудиторией, влияния аудитории на перформанс, а также изучить интерактивный потенциал конкретного жанра.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Брюсов В. Левизна Пушкина в рифмах. М.: Litres, 2022. [Bryusov, Valeriy. (2022) *Levizna Pushkina v rifmah* (Pushkin's Leftism in Rhymes). Moscow: Litres. (In Russian)].
- Гвоздева Т. Б. Право участия в Великих Панафинеях // Экономика, право, власть в древнем мире. М.: МГУ, 2021. С. 258—300. [Gvozdeva, Tat'yana B. (2021) *Pravo uchastiya v Velikikh Panfineyakh* (The Right to participate in the Great Panathenaea). In: *Ekonomika, pravo, vlast' v drevnem mire* (Economy, Law, Power in the Ancient World). Moscow: Moscow State University, 258—300. (In Russian)].
- Герасимова С. Н. Конкурсы исполнительского мастерства в системе предпрофессионального образования // Культурные и научно-образовательные стратегии по реализации национальных проектов — 2030 / ред. С. С. Зенгин и др. Краснодар: Краснодарский гос. ин-т культуры, 2021. С. 179—182. [Gerasimova, Sofya N. (2021) *Konkursy ispolnitel'skogo masterstva v sisteme predprofes-*

- sional'nogo obrazovaniya (Competitions of Performing Skills in the System of Pre-professional Education). In: Zengin, Sergey S. & al. (eds) *Kul'turnyye i nauchno-obrazovatel'nyye strategii po realizatsii natsional'nykh proektov — 2030* (Cultural and Scientific-Educational Strategies for the Implementation of National Projects — 2030). Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture, 179—182. (In Russian)].
- Зайцева И. П. Лирический текст в аспекте коммуникативной стилистики: возможности и перспективы // Ученые записки Витебского гос. ун-та им. П. М. Машерова. 2018. № 27. С. 72—77.
- [Zaytseva, Irina P. (2018) *Liricheskiy tekst v aspekte kommunikatsionnoy stilistiki: vozmozhnosti i perspektivy* (Lyric Text in Terms of Communicative Stylistics: Possibilities and Perspectives). *Uchenyye zapiski Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta* (Scientific Notes of Vitebsk State University), 27, 72—77. (In Russian)].
- Ильин М. В. Что может дать анализ перформативов? // Политическая наука. 2016. №. 4. С. 262—270. [Ilyin, Mikhail V. (2016) *Chto mozhet dat' analiz performativov?* (What can the analysis of performatives give?). *Politicheskaya nauka* (Political Science), 4, 262—270. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Текст и полиглотизм культуры // Ю. М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 140—144. [Lotman, Yuriy M. (1992) *Tekst i poliglottizm kul'tury* (Text and Polyglottism of Culture). In: Lotman, Yuriy M. *Izbrannyye statyi* (Selected works). Vol. 1. Tallinn: Aleksandra, 140—144. (In Russian)].
- Саханчук О. В. Элементы перформанса в визуальной поэзии 1910-х гг. // Дергачевские чтения. 2012. Т. 1 (10). С. 132—137. [Sakhanchuk, Olga V. (2012) *Elementy performans v vizual'noy poezii 1910-kh gg.* (Elements of Performance in Visual Poetry of the 1910s). *Dergachevskiye chteniya* (Dergachev Readings), 1 (10), 132—137. (In Russian)].
- Benthien, Claudia. (2020) *Poetry in the digital age*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Chanoine, Cara Losier. (2023) *Ethnopoetic Transcription and Multimodal Archives: Toward a More Comprehensive Approach to Slam Poetry Scholarship*. *Oral Tradition*, 36 (1), 123—148.
- Foley, John Miles. (2002) *How to read an oral poem*. Chicago: University of Illinois Press.
- Keith, Thomas. (2004) *Deutsche und russische historische poetische Avantgarde im Vergleich. Komparatistik: Jahrbuch der Deutschen Gesellschaft für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft*, 41—54.
- Nagy, Gregory. (1996) *Poetry as Performance: Homer and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.

Maria V. Petrova
Lomonosov Moscow State University

**From Page to Stage: Poetry-Slam as a Special Form
of Artistic Narrative in the German-Speaking Space**

Digital technologies provide wide access to poetry, allowing for the tracking of its evolution and the transformation of traditional narrative forms under the influence of new social and cultural practices. This study focuses on the theoretical aspects of poetry slam, considering it as a performative and interactive form of verbal art prevalent in the German-speaking region. Interactivity in poetry slam becomes an integral part of artistic expression: the audience does not merely observe the poet's performance but actively engages with it, expressing their emotions through applause, cheers, and laughter. This research, firstly, summarizes for the first time the main stages in the development of poetry slam throughout the German-speaking region, including Switzerland and Austria. Secondly, it identifies the distinctive features of literary performance in poetry slam as a unique form of artistic narrative in the German-speaking space. Thirdly, it analyzes the formal duality and multivariance of poetry slam works. For the analysis of oral texts, taking into account their performative nature, performative transcription is used. This method enables a multidimensional analysis of the performance, including linguistic, paralinguistic, and non-verbal aspects. Poetry slam, as a narrative form, demonstrates the duality of form: a text originally created in written form is intended for oral performance. The oral and interactive nature of the performance determines the multivariance of slam poetry, making each performance a unique event where a new version of the work is created with changes in meaning and intonational emphasis. Poetry slam is also characterized by the freedom of creative expression: authors are free in their choice of topic, text presentation form, and genre.

Keywords: poetry slam; slam poetry; poetic performance; modern German-language poetry; artistic narrative; literary performance

Для цитирования:

Петрова М. В. От страницы к сцене: поэтри-слэм как особая форма художественного нарратива в немецкоязычном пространстве // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 406—429. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-406-429.

To cite this Article:

Petrova, Maria V. (2025) Ot stranitsy k stsene: poetri-slem kak osobaya forma khudozhestvennogo narrativu v nemetskoyazychnom prostranstve (From Page to

Stage: Poetry-Slam as a Special Form of Artistic Narrative in the German-Speaking Space). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 406—429. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-406-429.

Статья поступила в редакцию 28.12.2024; принята к публикации 28.01.2025

The article was submitted 28.12.2024; accepted for publication 28.01.2025

М. С. Потемина, В. А. Волошина*

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

АВТОФИКШН И ИНТЕРДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена интердискурсивной концептуализации документального и фикционального в современной немецкоязычной литературе. С помощью метода дискурс-анализа художественные и полижанровые тексты (*Империя* и *Европфрэн* Кристиана Крахта, *Оденвальд* Томаса Майнеке, *Нет причин сразу так кричать* Мартина Зутера и Бенямина фон Штукрад-Барре и др.) рассматриваются как социокультурная практика. Отмечается, что литература не только реагирует на социальные дискурсы, но и активно формирует их. В рамках теорий «автофикшн» Сержа Дубровского и Венсана Колонны рассмотрены нарративные стратегии, которые способствуют стиранию границ между документальным и фикциональным в романе, а также внелитературные факторы, оказавшие влияние на художественный дискурс XX—XXI вв. Немецкие исследователи (Ансгар Нюннинг, Мария Вагнер-Эгельхааф и др.) отмечают, что автофикшен не ограничивается первичным текстом, а дополняется самопрезентацией писателей во время публичных выступлений. Тем самым медийные формы самовыражения (микродискурсы) могут рассматриваться как «тексты» и интегрироваться в макродискурс автофикциональной самоинсценировки автора. В условиях современного медиапространства вопрос о стирании границ между публичной и частной жизнью, реальными фактами и художественным вымыслом становится предметом обсуждения в литературном поле. Дискуссии, возникшие вокруг художественных произведений (*Эсра* Максима Биллера, *Моря* Албана Николаи Хербста, *Стелла* Такиса Вюргера и др.), дают импульс не только к пересмотру актуальных теоретически-значимых вопросов (в рамках оппозиций интертекст vs плагиат, автофикшн vs художественный текст, поп-литература vs литература пост-постмодерна), но и становятся поводом для обсуждения психологических, социальных и общественно-политических обстоятельств жизни современного человека.

* Потемина М. С. — концепция исследования, сбор и анализ практического, а также систематизация теоретического материала по темам автофикшн и интердискурс (п. 1, п. 2, п. 4, п. 5), написание текста; Волошина В. А. — сбор теоретического материала по теме автофикшн (п. 3).

В немецкоязычных романах XX—XXI вв. поднимаются вопросы поиска собственной идентичности, личного и коллективного опыта, исторической и индивидуальной памяти, рассматриваются общественно-политические аспекты (де)конструкции художественного текста, фиксируется воспроизводство неявно высказанных предубеждений в литературе, СМИ и институциональных дискурсах. В связи с этим можно предположить, что интердискурсивный характер современного литературного ландшафта позволяет рассмотреть литературные произведения в более широком контексте изменений, происходящих в структуре не только художественного, но и социокультурного и историко-политических дискурсов.

Ключевые слова: автофикшн; современная немецкоязычная литература; роман; Кристиан Крахт; Томас Майнеке; Б. фон Штукрад-Барре; Такис Вюргер; поп-литература; художественный дискурс; дискурс-анализ

1. Введение

Современная немецкоязычная литература становится все более разноплановой, не вписывающейся в привычные рамки литературной традиции. На это указывают как гибридные полижанровые тексты (книга-манифест поп-культурного квинтета И. Бессинга *Королевская грусть* («Tristesse Royale», 2002); автофиктивные беседы М. Зутера, Б. фон Штукрад-Барре *Все стали такими серьезными* («Alle sind so ernst geworden», 2021) и *Нет причин сразу так кричать* («Kein Grund, gleich so rumzuschreien», 2024), так и многочисленные окололитературные метадискурсы (немецко-немецкий литературный спор, литературные скандалы и писательские медиапровокации).

В одном из своих интервью, отвечая на вопрос, как можно было создать почти философскую историю из фрагментов поверхностной болтовни о косилках-роботах (см. книгу М. Зутера и Б. фон Штукрад-Барре *Нет причин сразу так кричать*), Беньямин Штукрад-Барре так сформулировал основной принцип своего художественного метода:

Unser erstes Buch erschien vor vier Jahren, und auch dessen Titel war ein Zeitbefund: „Alle sind so ernst geworden“. Kriege, Krisen, die Pandemie, es stellten sich permanent große und allzu große Fragen. Auch in der Kunst wurden viele immer ernster, eindeutiger, fast staatstragend, und das ist natürlich ganz falsch. Und furchtbare

Kunst, immer. Also haben wir gesagt: „Lass uns über Badehosen reden“. Die ästhetische Idee war Eskapismus. Das neue Buch jetzt ist die gegenteilige Setzung: live aus der Katastrophe. Denn natürlich haben sich die Weltereignisse unterdessen nicht beruhigt, ganz im Gegenteil. Auch in unseren eigenen kleinen Leben passierten große, umfassende Erschütterungen (MAUS 2024: 44). Наша первая книга вышла четыре года назад, и ее название тоже было отражением времени — *Все стали такими серьезными*. Постоянно возникают войны, кризисы, пандемии, серьезные и даже слишком глобальные вопросы. В искусстве также многие люди становились все более серьезными, более откровенными, несущими на себе ответственность вселенского масштаба и это, конечно, совершенно неправильно. И ужасное притворство, всегда. Итак, мы сказали: «Давайте поговорим о чемоданах». Эстетической идеей был эскапизм. Новая книга совсем другая: live из катастрофы. Конечно, события в мире за это время не утихли, скорее наоборот. Даже в нашей маленькой жизни случались большие, всеобъемлющие потрясения... (здесь и далее перевод М. С. Потеминной — М. П.).

Эстетической стратегией современных авторов становится, как отмечает Штукрад-Барре, «рефлекторное дурачество»:

STUCKRAD-BARRE: Ich habe eine Art Reflexalbernheit. Ich muss die Künstlichkeit jeder sozialen Situation, das Heilige, das Gestellte erst einmal anerkennen und dann durchbrechen. Dafür muss ich genau den Satz sagen, den man eigentlich gerade nicht sagen sollte. Der Satz kommt einfach. Natürlich konnte ich ihn verhindern. Aber ich habe damit in meinem Leben die besten Erfahrungen gemacht: Raus mit der Peinlichkeit, einer muss den Fehler machen. Ist gut für den Teint (ibid.: 46). ШТУКРАД-БАРРЕ: Я должен сначала признать искусственность каждой социальной ситуации, ее священность, постановочность, а затем прорваться сквозь нее. Для этого мне нужно произнести именно то предложение, которое на самом деле говорить не следует. Предложение вырывается само. Конечно, я мог это предотвратить. Но у меня эта стратегия — лучший опыт в моей жизни: не смущайтесь, кто-то должен совершить ошибку. Это хорошо влияет на цвет лица.

И далее:

STUCKRAD-BARRE: ...Wer es ernst meint mit dem Humor, lacht auch in der Katastrophe. Man muss den Uernnst verteidigen bis zuletzt. Das ist eben nicht mehr Eskapismus, sondern eine Strategie. SU-

TER: Eine Strategie, um die Normalität am Leben zu erhalten (ibid.: 44). ШТУКРАД-БАРРЕ: ...Любой, кто серьезно относится к юмору, будет смеяться даже находясь в центре катастрофы. Вам придется до конца отстаивать несерьезность. Это уже не эскапизм, а стратегия. Зутер: Стратегия сохранения нормальности.

Пост-ироническое восприятие писателями действительности подчеркивает ее абсурдность, а упоминание предыдущих поведенческих стратегий автора и его текстов, вынуждает читателя включиться в интер- и интрадискурсивный диалог.

Интердискурсивная концептуализация исторического, документального и вымышленного открывает множество перспектив для конструирования новой реальности в литературе. Автор может сочетать элементы научного, публицистического, художественного, документального и других жанров, создавая гибридную форму. Такой подход позволяет тексту выходить за рамки традиционных жанровых ограничений и приобретать новые смыслы и формы.

2. Характеристика материала и методов исследования

Литературные тексты автофикциональной направленности становятся в последние годы предметом пристального внимания литературоведов (WAGNER-EGELHAAF 2013; ZIPFEL 2009; NÜNNING 2007; KRUMREY 2015). Художественный текст как социальная практика все еще малоизучен (AMLINGER 2021). Автофикшн как жанр также требует дополнительного рассмотрения с точки зрения его поликодовой «постфактуальности» (WEIXLER & al. 2021; MEIER 2002).

В этом контексте представляется интересным рассмотреть художественные тексты таких пост-постмодернистских формаций как автофикшн (WAGNER-EGELHAAF 2013), «фиктивная метабиография» (NÜNNING 2007) и «эго-литература» (HAMEN 2017; BILLER 2011), представляющих собой, по сути, одно и то же явление современной европейской литературы. Автофикшн сочетает в себе элементы реального жизненного опыта автора с фиктивной художественной реальностью, за счет чего создается текст, который одновременно является и правдой, и вымыслом.

Дискурсивно-аналитический подход (LINK 2004), который воспринимает любые тексты как «живые документы» (JØRGEN-

SEN & PHILIPS 2002: 15), позволяет предположить, что литература не только реагирует на социальные дискурсы, но и активно формирует их (ПОТЕМИНА 2022).

3. Автофикшн как объект исследования

Термин *автофикшн* появился в 1970-х гг. на фоне проблематизации жанра автобиографии. Французский писатель и литературный критик Серж Дубровский (DUBROVSKY 2004: 117) использовал данный неологизм, чтобы обозначить основной принцип своего творческого подхода. Дубровский осознает «фикцию» не как отношения между сюжетом книги и внесюжетным миром, а лишь как структуру и процесс написания текста. Автор считает, что автофикциональный роман возникает тогда, когда появляется необходимость компенсировать недостаток накопленных социальных капиталов или известности. Если человек не особо интересен, можно сделать его интересным при помощи литературных приемов и сюжета, как писатель-романист делает интересными своих героев. Автофикшн требует обнажения самых сокровенных тайн личной жизни, все должно быть на виду. Этот базовый принцип автофикшн наглядно продемонстрирован в романе Дубровского *Рассытавшаяся книга* («Le Livre Brisé», 1989), где автор рассказывает о своей супружеской жизни, депрессии, алкоголизме второй жены и даже включает в текст ее комментарии. Она умерла еще до завершения работы над романом в 1987 г. при неизвестных обстоятельствах, что сделало роман скандально успешным. Нельзя с полной уверенностью заявить, что Дубровский довел жену до самоубийства, обнажив все тайны личной жизни на страницах романа. В любом случае, фраза автора «чем больше я пишу, тем быстрее (с каждой новой книгой) я приближаю смерть своей жены» приобретает характер сбывшегося пророчества, «автофантастика стала автобиографией», как пишет Дубровский (ibid.: 117). Тезис Де Мана о том, что автобиография может оказывать такое же влияние на жизнь, какое жизнь оказывает на автобиографию (DE MAN 1979: 922), находит подтверждение в работах Дубровского, который использует личный опыт утраты в качестве основного источника вдохновения, что вызвало общественный резонанс. Однако новизна автофантастики заклю-

чается не столько в самом художественном методе, сколько во взаимодействии с внелитературной реальностью. Работа Дубровского становится понятной в контексте современного

медиального эксгибиционизма (со стороны автора) и вуайеризма (со стороны аудитории), который с конца XX в. подпитывается форматами реалити-шоу, многочисленными ток-шоу и сценарными реалити (WAGNER-EGELHAAF 2013: 12).

Жажда славы и обещание, что каждый может стать звездой, иронично эстетизируются в автофикшн.

В то время как концепция автофикшн Дубровского по-прежнему тесно связана с традициями автобиографического романа, Венсан Колонна (COLONNA 1989: 260) отстаивает более широкое определение, которое фокусируется на сознательной фикционализации собственного «я». Согласно этому определению, тождество имен автора, рассказчика и главного героя может встречаться как литературное явление практически в любом типе текста, независимо от дискурсивной традиции и эпохи. В своем исследовании *Автофикшн и другие литературные мифы* («Autofiction & Autres Mythomanies Littéraires», 2004) Венсан Колонна проводит различие между четырьмя различными традиционными линиями автофантастического романа. В «фантастическом автофикшн» («autofiction phantastique») (ibid.: 75) писатель позиционируется как протагонист в очевидно несуществующем мире, находящимся за пределами всякой реальности. В «биографическом автофикшене» (autofiction biographique) (Colonna 2004: 93) история жизни писателя излагается на основе реальных событий. В «зеркальном автофикшн» («autofiction spéculaire») (ibid.: 105) «литературный двойник автора» не столько находится в центре событий, сколько отражает процесс написания книги. Наконец, в «аукториальном автофикшн» («autofiction intrusive (autoriale)») (ibid.: 135) «писатель» выступает в роли рассказчика или комментатора, но не играет никакой роли в сюжете романа. Во всех случаях, при этом, автор создает в художественном произведении образ самого себя.

Тот факт, что попытка Колонны типологизировать автофикшн включает широкий спектр писательских стратегий, также свидетельствует о его отказе от жанрового или родового по-

нимания автофикшн и общей тенденции «интерпретировать автонарратив как перманентное искушение для всей художественной литературы», как пишет Питер Гассер (GASSER 2012: 25). Если в основной части научно-исследовательской литературы автофикшн рассматривается как разновидность автобиографии (DE MAN 1979), то с точки зрения аргументации Колонны эти понятия могут быть противопоставлены. По мнению ученого, автофикшн — это литературный феномен, который гораздо старше неологизма Дубровского и может быть обнаружен в художественных текстах разного плана, а автобиография — это лишь частный случай проявления автофикшн с заявкой на достоверность. Жерар Женетт также относит автофикшн к сфере художественной литературы и выводит следующие уравнения, иллюстрирующие данный термин: «автор $\neq$ рассказчик = персонаж» и «автор = персонаж»: «Эта формула, конечно, противоречива, но не более и не менее, чем сам термин или принцип, который она описывает: «Я есть и меня нет»» (GENETTE 1992: 87). Если утверждаемая нетождественность автора и повествователя обусловлена категоризацией автофикшн в области художественной литературы, то уравнение «автор = персонаж», по мнению Женетта, лишь обозначает тождественность имени, но не утверждает реальную идентичность, иначе речь идет о «нераспознанных автобиографиях» (ibid.: 87). Подобно определению Колонны, автофикшн, таким образом, дистанцируется от автобиографической традиции и трактуется как более широкое понятие: идентичность имени у автора и персонажа в художественном мире является вполне допустимым.

В немецкоговорящих странах феномен автофикшн стал предметом изучения только в 2000-х гг. и в основном вне связи с его создателем Сержем Дубровским, отчасти потому, что на немецкий и английский языки были переведены лишь отдельные отрывки из его романов. Одним из немногих исследователей этого феномена, наряду с Клаудией Гронеманн (GRONEMANN 1999), является Франк Ципфель (ZIPFEL 2009), который знакомит немецкоязычный мир с различными определениями термина *автофикшн* во французском литературоведении и подвергает критике концепцию Дубровского за ее излишнюю психоанали-

тичность. Ципфель понимает использование Дубровским терминов *фикция* и *роман* как стратегию, направленную лишь на то, чтобы сделать тексты интересными для широкой публики и вписать их в рамки художественной литературы. Однако стратегия мнимой беллетризации полезна и по другим причинам: под грифом вымысла автор может не только избежать обвинений в нарушении авторских прав упомянутых в тексте людей, но и не беспокоиться о возможных последствиях, вызванных компрометирующими признаниями (ibid.: 299). Ципфель делает вывод, что использование Дубровским терминов *фикция* и *роман* — это всего лишь уловка и что его концепция автофантастического романа опирается на автобиографию так же сильно, как и на сомнительные автобиографические источники (ibid.: 301). Сам Ципфель отдает предпочтение третьей возможной интерпретации автофикшн, согласно которой классификация всего текста как фактического или вымышленного становится невозможной, и читатель в процессе чтения переключается между референциальным и фикциональным пактами (ibid.: 306).

В отличие от Ципфеля Ансгара Нюннинга в меньшей степени волнуют отношения между художественным вымыслом и реальностью и в большей степени — саморефлексивность автофикциональных текстов, которые он предпочитает называть «вымышленными метаавтобиографиями» (NÜNNING 2007), фокусируясь таким образом на «метаизации» писательского процесса. Автофикциональные тексты функционируют, согласно одному из центральных тезисов, в равной степени «как жанровая память и жанровая критика автобиографии» (ibid.: 280), поскольку они имеют дело с пределами памяти, конвенциями жанра и условиями его производства и рецепции. Подобно тому, как персонаж в тексте похож на эмпирического автора, последний изображает на публике своего собственного персонажа. Эта автофиктивная самоинсценировка должна рассматриваться как ответная реакция на концепцию «смерти автора» Р. Барта и возвращает автору право интерпретировать собственную биографию и произведение так, как он считает нужным.

Однако продуктивное исследование автофикшн должно изучать не только возвращение автора в литературу, но и свя-

занный с этим уход его литературной авторской фигуры во вне-литературную реальность, который становится заметным на основе паратекстов. В рамках самопрезентации высказывания эмпирического автора, выражение его намерений, а также демонстрируемый им габитус становятся объектом исследования в автофикшн и предлагают конструктивное дополнение к рецепции первичных текстов. В то же время включение паратекстов является необходимым условием для понимания биографических аллюзий и явно оспаривается в автофикциональных текстах. Для литературоведения это означает, что необходимо мыслить нестандартно, поскольку автофикшн не ограничивается первичным текстом, а дополняется самопрезентацией во время публичных выступлений. В самом широком смысле все медийные формы самовыражения могут быть поняты как «тексты» и интегрированы в макродискурс автофикциональной самоинсценировки автора. С этой точки зрения, автофикшн — это способ письма, в котором литературное авторство потенциально может стать авторством трансцендентных (поскольку граница между повседневной реальностью и литературой стирается) и повседневнореализуемых референтных субъектных фигур, которые могут восприниматься как личности.

По мнению Уте Шнайдер (SCHNEIDER 2022), начиная с конца XX в. можно наблюдать процесс непрерывного расширения и одновременной дифференциации медиапредложений. Газеты, журналы, телеканалы и радиостанции конкурируют за ограниченное свободное время пользователей СМИ и поэтому находятся под постоянным давлением инноваций. Эта дифференциация затрагивает и книжный рынок, на котором из-за «постоянного роста ежегодного выпуска книг» при относительно неизменном количестве читателей предложение значительно превышает спрос. Растущее конкурентное давление означает, что издательства, «большинство из которых сейчас объединились в холдинги», выпускают всё меньшие тиражи и в основном ограничивают свой сбыт «несколькими лучшими заголовками с потенциалом бестселлера» (ibid.: 431). Чтобы заявить о себе как об авторе в такой конкурентной ситуации и привлечь внимание, необходима паратекстовая и кроссмедийная самопрезентация, в которой

провокация является наиболее эффективным средством привлечения внимания публики. Достаточно вспомнить К. Крахта, чья публикация романа *Империя* в 2012 г. и обмен электронными письмами с американским писателем Д. Вудардом под названием *Пять лет: переписка 2004–2009* («Five Years: Briefwechsel 2004–2009», 2011) вызвали дискуссию о расистских идеях и свободе слова на страницах журналов об искусстве. Особенность автофантастических романов заключается в том, что они адаптируют описанное стремление к паратекстуальной инсценировке в самом тексте, рефлексиируют над ним и возводят эту рефлекссию в ранг литературного процесса. Эмпирический автор оставляет свои следы в тексте, а в паратексте обретает черты своей вымышленной авторской фигуры. Таким образом, и без того хрупкая граница между реальностью и вымыслом не только трансгрессирует, но и упраздняется с обеих сторон. Автофикшн явно связан с маркетинговыми и медийными условиями искусства в целом и механизмами литературной индустрии в частности, что фактически исключает идеал автономного искусства.

4. Результаты исследования и их обсуждение

В условиях современного медиапространства вопрос о стирании границ между публичной и частной жизнью, реальными фактами и художественным вымыслом становится предметом обсуждения в литературном поле. Обращение к реальным персонажам в рамках литературного произведения может привести к юридическим последствиям, как например, в случае с судебными процессами вокруг романов Максима Биллера *Эсра* («Esra», 2003) и романа *Моя* («Meere», 2003) Альбана Николая Хербста.

Напомним, что роман Биллера был запрещен к распространению практически сразу после его выхода из типографии, поскольку некоторые детали любовной истории еврея Адама и турчанки Эсры содержали так много реальных деталей, что в главных героинях можно было узнать реальных людей (бывшую подругу писателя и ее мать). После многочисленных судебных заседаний и судебного запрета более ста писателей и представителей культурного сообщества (в том числе Г. Грасс, Э. Елинек, Ф. Займоглу и др.) подписали петицию в поддержку Биллера и против литературной цензуры.

Следует отметить, что Биллер присутствует в большинстве своих прозаических текстов тем или иным образом: через автобиографические аллюзии, интертекстуальные ссылки на другие произведения его же авторства, комментарии текущих событий или исторических дебатов, вложенные в уста рассказчиков-протагонистов. Он разрушает разделение между реальной биографией (реальным Биллером) и вымыслом (литературной версией Биллера), например, помещая реальных людей, дебаты и события в тексты, помеченные как вымышленные. Таким образом, Биллер создает определенный образ самого себя как аутсайдера, что позволяет ему критиковать окружающее его общество.

Роман Хербста был запрещен в 2003 г. по схожей со случаем Биллера причине: судебный иск был подан бывшей возлюбленной писателя. Литературный критик Кристоф Юргенсен ретьюмировал публичные дебаты в 2004 г. следующим образом:

Вопрос о взаимосвязи между поэзией и правдой в тексте примерно так же стар, как сама литература... Фактически, несмотря на все оговорки литературоведов относительно пересечения границы текст-контекст, прообразы литературных персонажей всегда можно определить настолько легко (и, вероятно, это было сделано намеренно), что суды решают запретить эти тексты, в то время как в романах Клауса Манна *Мефистофель. история одной карьеры* или Томаса Бернхарда *Рубка леса*, расшифровываемость аллюзий представляют собой важнейший элемент их повествовательной стратегии (JÜRGENSEN 2004).

В случае с романом *Моря*, по мнению Юргенсена, этот вопрос о соотношении реальности и вымысла решить невозможно, поскольку бывшая девушка Хербста не является значимой личностью современной истории и поэтому о ней ничего не известно читателю. Тем не менее, Юргенсен возражает против обвинений судей в цензурировании литературы, поскольку цензура — это

вмешательство государства, против которого невозможна никакая юридическая защита. В случае с запретами романов *Эсра* и *Моря* вместо этого сталкиваются два фундаментальных права, а именно свобода искусства и защита личности (ibid.).

И в обоих случаях суды отдали приоритет защите личности.

Такого рода околотекстуальные скандалы — не исключение в современном художественном дискурсе: писатель Такис

Вюргер после выхода романа *Стелла* («Stella», 2019) был вынужден отбиваться от адвокатов потомков реальной Стеллы Гольдшлаг. Отзывы на книгу также неоднозначны, критики считают: а) книга увлекательная, но нарушает некоторые общественные табу, связанные с темой Холокоста, б) роман поверхностен, его красота заключается исключительно в «эстетике шока» (JANDL 2019; OTTE 2019; SÜSELBECK 2019; WOLFF 2019). Книготорговцы, напротив, опубликовали открытое письмо в защиту Вюргера. Писательница и журналистка Ханна Люмани, например, осуждает критиков за неправомерное сравнение писателя с немецким журналистом Клаасом Релотиусом, которого обвинили в мистификации репортажей.

Скандал, развернувшийся вокруг романа *Стелла* Вюргера затрагивает сразу несколько важных для художественного процесса вопросов. Он, с одной стороны, напоминает о противостоянии Г. Грасса и М. Райх-Райницкого, связанном с якобы неполиткорректным представлением истории в романе Грасса *Широкое поле* («Ein weites Feld», 1995). Результатом многоуровневого диспута стало общественное обсуждение вопросов о месте писателя, критиков и СМИ в современном литературном поле (ПОТЕМИНА 2014) а также возможностях «выживаемости» искусства в декорациях более широкого историко-политического контекста. С другой стороны, критикой романа Вюргера поднимается важный вопрос о допустимом уровне заимствований в художественном тексте.

В этом контексте любопытными представляются последствия обвинения молодой писательницы Х. Хегеманн *Аксолотль сбит на дороге* («Axolotl Roadkill», 2010) в плагиате, выдвинутого блогером Дифом Примазенсом. Большая часть романа Хегеманн представляет собой переписанный текст *Стробоскоп* («Strobo», 2009) берлинского блогера, писателя и журналиста Айрена (псевдоним: Airen). Его роман был опубликован в небольшом издательстве за год до выхода в свет дебютного романа Хегеманн. Скандал стал поводом к размышлениям литературоведческого сообщества над термином «интертекстуальность», поскольку в попытке оправдать плагиат «Frankfurter Allgemeine Zeitung» предложила ввести новое понятие «сетевая интертек-

стуальность» («webbasierte Intertextualität», FAZ 2010), а в издательстве с прессой поделились следующими доводами:

Dieser Roman folgt in Passagen dem ästhetischen Prinzip der Intertextualität und kann daher weitere Zitate enthalten (SCHUCHTER 2010). Этот роман в отрывках следует эстетическому принципу интертекстуальности и, следовательно, может содержать дополнительные цитаты.

Вторая волна скандала была связана с номинированием романа Хегеманн на Лейпцигскую книжную премию, в то время как претекст (вне дискуссии о правообладателе идеи) остался в литературном сообществе практически без внимания.

Интердискурсивное взаимодействие документального и фикционального проявляется не только на уровне медиадискурсивных социальных практик, но и на уровне основного сюжета романа. В *Империи* («Imperium», 2012) Крахт рассказывает подлинную историю немецкого эмигранта Августа Энгельхардта (1875—1919), который поселился на острове на территории нынешней Папуа-Новой Гвинеи, где содержал кокосовую плантацию и основал кокосовую общину «Орден Солнца». Крахт берет исторические документы, однако отчуждает их различными языковыми приемами. Так, например, в романе говорится о встречах главного героя с Францом Кафкой, Германом Гессе или Альбертом Эйнштейном, которые при небольшом исследовательском усилии оказываются вымышленными персонажами в романе. Кроме этого в романе Крахта игнорируется настоящая дата смерти Энгельхардта (1919 год), главного героя забрали ВМС США в конце Второй мировой войны.

Крахт включает в вымышленную «реальность» романа отсылки к комиксу Франка Ле Галля *Мари Верите* («Mari Vèritè», 1988), не только используя имя одного из его персонажей, но и помещая изображение заключительного эпизода комикса (разумеется, в измененной форме) в качестве иллюстрации на обложку своего романа.

Включение интердискурсов в общее полотно текста, таким образом, может быть обеспечено различными способами. Автор может использовать цитаты, парафразы, пародии или реминисценции, чтобы включить в текст элементы других дискурсов,

например, элементы политической пропаганды, исторических хроник. Набирает популярность и включение визуальных и медийных элементов, например, фотографий, иллюстраций, графики или даже QR-кодов, отсылающих к определенному элементу или ресурсу, что позволяет автору расширить границы текста и включить в него элементы визуального или цифрового дискурса.

Многочисленные цитаты и пастиши, на первый взгляд, соответствуют структурным признакам постмодернистского романа. Однако серьезные темы, поднимаемые писателем (тоталитаризм нацистской эпохи или влияние «американского образа жизни» на протагонистов), и пафосное название романа *Империия* (которое, к слову, упоминается в тексте лишь дважды), позволяют рассматривать этот роман как образец «пост-постмодернистской» литературы.

Одной из ключевых особенностей автофикшна является стирание границ между автором и главным героем. В романах Крахта это проявляется через использование первого лица и создание персонажа, который во многом напоминает самого автора. В романе *Еврофрэш* («Eurotrash», 2021) Крахт смешивает автобиографические элементы с художественным вымыслом, использует реальные исторические и культурные контексты, но при этом создает фикциональный нарратив, который ставит под сомнение саму природу реальности. Крахт не стремится к полной автобиографичности, оставляя место для вымысла и художественного преувеличения.

В контексте современной теории пост-постмодерна в поисках новой комплексной пост-иронической формы автофикшна Крахт в *Еврофрэш* ретроспективно архивирует более ранние поп-романы (свой *Faserland* (1995) и роман Штукрада-Барре *Солоальбом* («Soloalbum», 1998)).

В романе *Солоальбом* другого представителя «поп-литературы» Бенджамина фон Штукрад-Барре автодиегический рассказчик в своей самопрезентации использует формы перформативности, которые были характерны для публичных выступлений его любимой группы «Оазис». Второй роман писателя *Живой альбом* («Livealbum», 1999) представляет собой в большей или меньшей степени вымышленный отчет о саморефлективном

путешествии по страницам первого текста; *Ремикс* («Remix», 1999) собирает воедино авторские рассказы, уже опубликованные ранее в других контекстах и эссе, чтобы их переработать и создать новое произведение.

Автобиографический роман Беньямина Штукрад-Барре *Сердце паники* («Panikherz», 2016), как и *Еврофрэнш* Крахта рассматривает актуальные вопросы действительности в рамках постпостмодернистской концепции «новой серьезности». Исследователь Симон Хансен отмечает: «В этом автобиографическом обзоре Штукрад-Барре проблематизирует свою устаревшую поп-идентичность, но не отказывается полностью от эстетических приемов поп-музыки» (HANSEN 2022: 129). При этом в процессе автобиографического анализа, как само собой разумеющееся, протагонистом применяются литературные методы, которые, в свою очередь, в ходе действия романа саморефлексивно проверяются на предмет их дальнейшей пригодности (ibid.).

В романе Томаса Майнеке *Оденвальд* («Odenwald», 2024) затрагиваются практически все актуальные темы общественно-культурного дискурса: подсвеченные в новом свете исторические анекдоты, классические и новейшие теории социальной, психологической и гендерно-телесной идентичности, интеллектуальные дебаты современности. Автор включает в художественное произведение длинные цитаты из философских (Теодор Адорно), литературных («теория художественной литературы как сумки» Урсулы ле Гуин, фигура Зигфрида из *Песни о Нибелунгах*) и исторических текстов (граф цу Лейнингена), фрагменты разнообразных эссе о моде и поп-культуре, научных исследований, заметки о современной музыке, разговоры и переписку с возлюбленными, друзьями и экспертами, собственные авторские тексты. В новый роман включаются ссылки на объявления о реально прошедших авторских чтениях Майнеке в Нью-Йорке и Париже, пассажи из предыдущих романов писателя *Томбой* («Tomboy», 1998) и *Светло-синий* («Hellblau», 2001). Критик М. Басслер в своей заметке, подготовленной для «Frankfurter Allgemeine Zeitung», справедливо отмечает, что весь этот материал представляет собой не просто элемент авторского идиостиля: «из этих разрезанных, тщательно смонтированных и

заново подогаанных друг к другу фрагментов можно составить новый роман» (BASSLER 2024: 62).

В *Оденвальде*, по мнению Басслера, Майнеке

остается верен своей теме, своему литературному подходу и теории постмодерна. Вы по-прежнему наслаждаетесь чтением и возвращаетесь после прочтения обогащенным. И все же что-то изменилось: можно сказать, что весь процесс оказался под необычным давлением из-за изменившихся обстоятельств, и вы это знаете, но не хотите защищаться. Цифровые архивы, интенсивные дискуссии об идентичности, гендере и культурном присвоении, угроза западным демократиям, не говоря уже о климатической катастрофе (неужели никто еще не замечает этого в Оденвальде?): все это, похоже, подталкивает к позициям, от которых Майнеке сознательно отказывается (ibid.: 62).

В тексте очевидно присутствуют элементы постпостмодернистского видения действительности, автором также предпринимается попытка художественного освоения критического дискурса-анализа несмотря на то, что Майнеке в своем романе показывает, что критическое мышление заключается не в собственной оценке событий, а в отказе от любой оценки, а все выводы персонажей и самого автора строятся на фрагментах и цитатах чужих мнений и поэтому должны рассматриваться как ситуативные тексты, помещенные в определенные исторические и субъективные контексты.

5. Заключение

Как показывают примеры современной немецкоязычной литературы, интердискурсивность делает художественный текст более объемным, позволяет создать иерархию контекстов посредством включения культурных кодов из различных сфер культуры. Смена точки зрения, нелинейное или фрагментарное повествование, включение в текст вымышленных или исторических документов, писем, дневников и других форм письма, рефлексия и самореференция позволяют современному писателю напрямую обратиться к читателю, комментировать процесс создания текста или включать в текст элементы его критического осмысления.

Дискуссии, возникшие вокруг художественных произведений (*Эсра* Биллера, *Моря* Хербста, *Стелла* Вюргера и др.), дают импульс не только к пересмотру актуальных теоретически-

значимых вопросов (в рамках оппозиций интертекст vs плагиат, автофикшн vs художественный текст, поп-литература vs литература пост-постмодерна), но и становятся поводом для обсуждения психологических, социальных и общественно-политических обстоятельств жизни современного человека.

В немецкоязычных романах XX—XXI вв. поднимаются вопросы поиска собственной идентичности, личного и коллективного опыта, исторической и индивидуальной памяти, рассматриваются общественно-политические аспекты (де)конструкции художественного текста, фиксируется воспроизводство неявно высказанных предубеждений в литературе, СМИ и институциональных дискурсах. В связи с этим можно предположить, что интердискурсивный характер современного литературного ландшафта позволяет рассмотреть литературные произведения в более широком контексте изменений, происходящих в структуре не только художественного, но и социокультурного и историко-политических дискурсов.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М: Прогресс, 1989. [Bart, Roland. (1989) *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* (Selected Works. Semiotics. Poetics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Потемина М. С. Литературное поле Германии после Объединения // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2014. № 2 С. 74—81. [Potyomina, Marina S. (2014) *Literaturnoye pole Germanii posle Obyedineniya* (The Literary Domain of Germany after the Reunification). *Vestnik of I. Kant Baltic Federal University*, 2, 74—81. (In Russian)].
- Потемина М. С. Что осталось от Берлинской стены? Литература Германии после Объединения. Калининград: Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, 2022. [Potyomina, Marina S. (2022) *Chto ostalos' ot Berlinskoy steny? Literatura Germanii posle Obyedineniya* (What is left of the Berlin Wall? Literature of Germany after the Reunification). Kaliningrad: I. Kant Baltic Federal State University. (In Russian)].
- Amlinger, Carolin. (2021) *Schreiben. Eine Soziologie literarischer Arbeit*. Berlin: Suhrkamp-Taschenbuch.
- Bassler, Moritz. (2024, October 13) In den Beuteln des Textes. *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung*, Nr. 41, 62.

- Colonna, Vincent. (1989) *L'autofiction, essai sur la fictionalisation de soi en littérature*. The unpublished thesis. EHESS. Retrieved from <https://theses.hal.science/tel-00006609/document>.
- Colonna, Vincent. (2004) *Autofiction & Autres Mythomanies Littéraires*. Paris: Tristram.
- De Man, Paul. (1979) Autobiography as De-facement. *Modern Language Notes*, vol. 94. no. 5, 919—930.
- Doubrovsky, Serge. (2004) Nah am Text. In: Gronemann, Claudia. (ed.) *Autobiographie revisited. Theorie und Praxis neuer autobiographischer Diskurse in der französischen, spanischen und lateinamerikanischen Literatur*. Hildesheim: Georg Olms.
- Gasser, Peter. (2012) Autobiographie und Autofiktion. Einige begriffskritische Bemerkungen. In: Pellin, Elio & Weber, Ulrich. (eds): „all diese fingierten, notierten, in meinem Kopf ungefähr wieder zusammengesetzten Ichs.“ *Autobiographie und Autofiktion*. Göttingen: Wallstein, 13—27.
- Genette, Gérard. (1982) *Palimpsestes: La littérature au second degré* (Palimpsests: Literature in the Second Degree). Paris: Département des littératures de l'Université Laval.
- Genette, Gérard. (1992) *Fiktion und Diktion*. Übersetzt von Heinz Jatho. München: Fink.
- Gronemann, Claudia. (1999) ‚Autofiction‘ und das Ich in der Signifikantenkette: Zur literarischen Konstitution des autobiographischen Subjekts bei Serge Doubrovsky. *Poetica. Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft*, 237—262.
- Hansen, Simon. (2022) Altern im Pop. Benjamin von Stuckrad-Barres Panikherz. In: Schloon, Jutta; PäpLOW, Torsten; Schmidt, Maike; Illgner Julia & Grote, Michael. (eds) *Alter & Ego. (Auto)fiktionale Altersfigurationen in deutschsprachiger und nordischer Literatur*. München: IUDICIUM Verlag, 125—136.
- Joch, Markus. (2013) Geschmacksterrorismen. Eine Möglichkeit, deutsche Pop-Literatur zu beschreiben. In: Gansel, Carsten & Herrmann, Elisabeth. (eds) *Entwicklungen in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur nach 1989*. Göttingen: V&R unipress, 91—140.
- Jørgensen, Marianne & Phillips, Luis. (2002) *Discourse Analysis as Theory and Method*. London: Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications.
- Jürgensen, Christoph. (2004) Ich ist ein anderer. Alban Nikolai Herbst erzählt in „Meere“ nah an der Wirklichkeit entlang. *literaturkritik.de*, 7.
- Krumrey, Birgitta. (2015) *Der Autor in seinem Text. Autofiktion in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur als (post-)postmodernes Phänomen*. Göttingen: V&R unipress.

- Link, Jürgen. (2008) Sprache, Diskurs, Interdiskurs und Literatur (mit einem Blick auf Kafkas Schloß). In: Kämper, Heidrun & Eichinger, Ludwig. (eds) *Sprache — Kognition — Kultur: Sprache zwischen mentaler Struktur und kultureller Prägung*. Berlin; Boston: De Gruyter, 115—134.
- Link, Jürgen. (1988) Literaturanalyse als Interdiskursanalyse. Am Beispiel des Ursprungs literarischer Symbolik in der Kollektivsymbolik. In: Fohrmann, Jürgen & Müller, Harro. (eds) *Diskurstheorien und Literaturwissenschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 284—307.
- Lühmann, Hannah. (2019) „Stella“-Debatte: Ist so kurzweilig auch noch wahrhaftig? Retrieved from <https://www.welt.de/kultur/literarische-welt/plus186949096/Stella-Debatte-Ist-so-kurzweilig-auch-noch-wahrhaftig.html>.
- Maus, Stephan. (2024, November 28) „Gibt es den Tod im Plural?“ — „Leider ja.“ Interview mit M. Suter und B. von Stuckrad-Barre. *Stern*, 42—47.
- Meier, Albert. (2002) Irony is Over: Der Verzicht auf Selbstreferenzialität in der neuesten Prosa. In: Detering, Heinrich. (ed.). *Autorschaft. Positionen und Revisionen*. Stuttgart: Metzler, 570—581.
- Otte, Carsten. (2019) Ein Fall von literarischer Hochstapelei. *die tageszeitung*. 14.01.2019. Retrieved from <https://taz.de/Takis-Wuergers-Stella/!5563177>.
- Nünning, Ansgar. (2007) Metaautobiographien: Gattungsgedächtnis, Gattungskritik und Funktionen selbstreflexiver fiktionaler Autofiktionen. In: Parry, Christoph & Platen, Edgar. (eds) *Autobiographisches Schreiben in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. Bd. 2: Grenzen der Fiktionalität und der Erinnerung. München: Iudicium, 269—292.
- Schneider, Ute. (2022) Autorschaft und literarischer Markt. In: Wetzel, Michael. (ed.) *Grundthemen der Literaturwissenschaft: Autorschaft*. Berlin; Boston: De Gruyter. 429—447.
- Schuchter, Veronika. (2010) Der Fall Hegemann. Analyse einer Debatte. *literaturkritik.de*. Retrieved from <https://www.uibk.ac.at/literaturkritik/zeitschrift/769111.html>.
- Süselbeck, Jan. (2019) Schuldig, jeder auf seine Art. *Zeit Online*. Retrieved from <https://www.zeit.de/kultur/literatur/2019-01/takis-wuerger-stella-roman-kritik>.
- Wagner-Egelhaaf, Martina. (ed.) (2013) *Auto(r)fiktion. Literarische Verfahren der Selbstkonstruktionen*. Bielefeld: Aisthesis Verlag.
- Weixler, Antonius; Chihaia, Matei; Martínez, Matias; Rennhak, Katharina; Scheffel, Michael & Sommer, Roy. (eds) (2021) *Postfaktisches Erzählen?: Post-Truth — Fake News — Narration*. Berlin; Boston: De Gruyter, 1—10.

- Wolff, Fabian. (2019) Ein Ärgernis, eine Beleidigung, ein Vergehen. *Süddeutsche Zeitung*. 11.01.2019. Retrieved from <https://www.sueddeutsche.de/kultur/takis-wuerger-stella-goldschlag-rezension-buchkritik-1.4282968>.
- Zipfel, Frank. (2009) Autofiktion: Zwischen den Grenzen von Faktualität, Fiktionalität und Literarität? In: Winko, Simone; Jannidis, Fotis & Lauer, Gerhard. (eds) *Grenzen der Literatur: Zu Begriff und Phänomen des Literarischen*. Berlin; New York: De Gruyter, 285—314.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Billr, Maxim. (2003) *Esra*. Köln: Kiepenheuer & Witsch Verlag.
- Herbst, Alban Nikolai. (2009) *Meere*. Hamburg: Mare Buchverlag.
- Kracht, Kristian. (2012) *Imperium*. Köln: Kiepenheuer & Witsch Verlag.
- Kracht, Kristian. (2021) *Eurotrash*. Köln: Kiepenheuer & Witsch Verlag.
- Meineke, Thomas. (2024) *Odenwald*. Berlin: Suhrkamp Verlag.
- Suter, Martin & von Stuckrad-Barre, Benjamin. (2020) *Alle sind so ernst geworden*. Zürich: Diogenes Verlag.
- Suter, Martin & von Stuckrad-Barre, Benjamin. (2024) *Kein Grund, gleich so rumzuschreiben* Zürich: Diogenes Verlag.
- Würger, Takis. (2019) *Stella*. München: Carl Hanser Verlag.

Marina S. Potyomina, Varvara A. Voloshina
Immanuel Kant Baltic Federal University

Autofiction and Interdiscourse in Contemporary German-Language Literature

The article is devoted to the interdiscursive conceptualization of the documentary and fictional in modern German-language literature. Using the method of discourse analysis, artistic and multigenre texts (*Empire* and *Eurotrash* by Christian Kracht, *Odenwald* by Thomas Meinecke, *There's No Reason to Shout like That* by Martin Suter and Benjamin von Stuckrad-Barre, etc.) are considered as a socio-cultural practice. It is noted that literature not only reacts to social discourses, but also actively forms them. Within the framework of the theories of *autofiction* by Serge Dubrovsky and Vincent Colonna, narrative strategies that contribute to blurring the boundaries between the documentary and the fictional in the novel, as well as extra-literary factors that influenced the artistic discourse of the 20th — 21st centuries, are considered. German researchers (Ansgar Nünning, Maria Wagner-Egelhaaf, and others) note that autofiction is not limited to the primary text, but is complemented by writers' self-presentation during public appearances. Thus, media forms of

self-expression (microdiscourses) can be considered as *texts* and integrated into the macrodiscourse of the autofictional self-staging of the author. In the context of the modern media space, the issue of blurring the boundaries between public and private life, real facts and fiction is becoming the subject of discussion in the literary field. The discussions that have arisen around works of art (*Esra* by Maxim Biller, *Meere* by Alban Nikolai Herbst, *Stella* by Takis Würger, and others) give an impetus not only to the revision of current theoretically significant issues (within the framework of the oppositions intertext vs plagiarism, autofiction vs artistic text, pop literature vs post-postmodern literature), but they also become an occasion for discussing the psychological, social, and socio-political circumstances of modern human life. The German-language novels of the 20th — 21st centuries raise questions of the search for one's own identity, personal and collective experience, historical and individual memory, consider the socio-political aspects of the (de)construction of a literary text, and record the reproduction of implicit biases in literature, the media, and institutional discourses. In this regard, it can be assumed that the interdiscursive nature of the modern literary landscape allows us to consider literary works in the broader context of changes taking place in the structure of not only artistic, but also socio-cultural and historical-political discourses.

Keywords: autofiction; modern German-language literature; novel; Kristian Kracht; Tomas Meinecke; Benjamin von Stukrad-Barre; Takis Würger; pop literature; artistic discourse; discourse analysis

Для цитирования:

Потемина М. С., Волошина В. А. Автофикшн и интердискурс в современной немецкоязычной литературе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 430—450.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-430-450.

To cite this Article:

Potjomina, Marina S. & Voloshina, Varvara A. (2025) Avtofikshn i interdiskurs v sovremennoy nemetskoazychnoy literature (Autofiction and Interdiscourse in Contemporary German-Language Literature). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 430—450. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-430-450.

Статья поступила в редакцию 02.04.2025; принята к публикации 03.05.2025
The article was submitted 02.04.2025; accepted for publication 03.05.2025

Н. Т. Рымарь

Национальный исследовательский университет
им. акад. С. П. Королева

НА ПОРОГЕ ЭПОХ КУЛЬТУРЫ: РОМАННЫЙ ГЕРОЙ XIX ВЕКА

Герой классического романа XIX в. появляется в ситуации конфликта ценностных систем традиционной культуры и культуры модерна, формировавшейся с середины XVIII в. — начиная с «Бури и натиска», романтизма, а затем и эпохи реализма, — художественными движениями, утверждавшими ценности самостоятельности и духовной независимости личности. Столкновение и сосуществование различных по морально-психологическим установкам культур драматично переживается романским героем, противопоставляющим себя то традиционному укладу, то ценностям эпохи модерна. Гегель как философ «эпохи классики» иронически-снисходительно оценивал роман, видя источник романского конфликта в духовной незрелости героя, обусловленной его отчуждением от субстанциального единства и неспособностью осмыслить мир как целое. Эта несостоятельность героя может, по мнению философа, преодолеваться им лишь в иллюзорной форме по сути филистерского примирения «поэзии сердца» с «прозой жизни», которая, по мнению Гегеля диалектически, есть инобытие (*Erscheinungsform*) «поэтического состояния мира». Не принимая представления о личности как самоценного основания новой культуры, философ не мог учитывать глубины конфликта между новыми ценностями и ценностями еще живой традиционной морали, который лежал в основании новой эпохи культуры и раскалывал внутренний мир отдельной личности и общество как целое. Переживание невозможности разрешения конфликта культуры порождало поиски компромисса, что приводило к состоянию, отражавшемуся в понятиях *Zerrissenheit* и *Weltschmerz* (разорванность и мировая скорбь), — больших словах первой трети XIX в. Проблематика несогласуемости ценностных систем в культуре эпохи модерна отражается в романтической литературе и получает основательное развертывание в романном творчестве эпохи реализма. Юмор Жан-Поля, проявившийся в игровых гротескных соединениях противоположных риторических систем эпохи, в романе *Зибенкез* позволил его автору, углубляясь в мелочи быта личной семейной жизни героя и вводя мотив двойника, дать детальную разработку проблемы внутренних противоречий героя. Утверждение и отрицание, осуждение и снова прощение, любовь и

вражда, а также чувство вины перед близким человеком, анализируемые на уровне глубоко личных отношений, схватывают существенные особенности психологии личности эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн; традиционализм; конфликт ценностных установок, проблема личности; Жан Поль; юмор; «Зибенкез»; двойничество

1. Введение

Роман XIX в. — центральное явление «модерна» как эпохи культуры, начало которой, с точки зрения исторической поэтики, — «крушение нормативной эстетики в середине XVIII века» (HILDEBRAND 1993: 9; КЕМПЕР 2009; КЕМПЕР 2021: 18–22) — вторая половина XVIII в. и начало XIX в. Становление классической формы романа приходится на эти годы, а затем еще на два-три десятилетия XIX в. и происходит в атмосфере кризиса традиционной культуры, сталкивающейся с ценностями нового типа культуры.

Соответственно, романский герой классического реалистического романа XIX в. появляется в ситуации конфликта ценностных ориентаций двух культур — традиционалистской культуры и культуры модерна, т. е. эпохи чувствительности и «Бури и натиска», а затем и романтизма. Как известно, традиционалистская культура интегрирует личность в систему традиционных религиозных, моральных и социальных ценностей, так что личность мыслит себя в этих координатах, освященных авторитетом религии и церкви, сословной и семейной морали, авторитетом мира отцов и миропорядка в целом. Эти ценности не остаются в прошлом, они имеют глубокие психологические корни и идеологию, которую много веков поддерживали религия и церковь. Эти нарративы культуры в целом владеют сознанием человека, ведь они связаны с ценностям жизненной органики, предполагают самоотречение и могут быть чужды тому, что требует сознающая себя субъективность, личностная самостоятельность и гордость, личное достоинство, практический интерес и т. д.

Тем труднее приходится личности XIX в. в этой драматической ситуации следовать или соответствовать новым, также уже более или менее близким и часто с энтузиазмом принимаемым ею ценностям культуры модерна, которая в пределе осмыс-

ляет личность в категориях *ineffabile*, не позволяющих определять ее в старых координатах (КЕМПЕР 2009). Идеология Просвещения и уже «эпоха чувствительности» и «Бури и натиска» восстают против границ сословий и сословной морали. Новый тип культуры требует от личности быть самостоятельной, свободной, уверенной в себе...

В личности теперь ценится не то, что приближает ее к отвлеченной идее человека, а ее отличие от других людей при автономной причастности к ним, ее уникальность, «единственная единственность» (М. М. Бахтин),

читаем в *Исторической поэтике* С. Бройтмана (БРОЙТМАН 2004: 222).

XIX век — не одна, а две культуры, образующие в сознании личности внутренне конфликтное единство. Они и конфликтуют друг с другом, и заключают какие-то компромиссы: моральные ценности традиции и ценности современной культуры живы в сознании человека XIX столетия; нарративы столь разных культур оказывают влияние на духовно-нравственный мир личности, внутренне причастной обеим ценностным системам. Проблема сознания личности и героя романа этой эпохи — в целом проблема возможности или невозможности их согласования, в том числе это проблема и тяжести конфликта, и нелегкого компромисса (TITZMANN 1990: 55–62).

Поэтому важнейшей чертой поэтики романа XIX в. оказывается углубление во внутреннюю, психологическую жизнь героя, так или иначе связанную с этической проблематикой — проблематикой нравственного выбора и поступка. Художественная практика романа идет отсюда, с истории индивидуальной жизни, что четко обнаружило себя в английском романе XVIII в., а в теоретическом смысле эта мысль была сформулирована в Германии в теории романа Фридриха Бланкенбурга и романтиков — Ф. Шлегеля и в эстетическом труде Ф. Аста — в сравнении с эпосом роман представляет собой изображение гениальной и необычной индивидуальности, однако классическая эстетика, например, Гегеля, была ориентирована в первую очередь на то, что роман — форма современного эпоса, изображения состояния мира.

2. Характеристика материала и методов исследования

В своей *Эстетике* Гегель, указав, что роман «восстанавливает» утраченную с гибелью эпоса поэзию целостности видения мира во всем его богатстве, обращается к конфликту романа, представляя его как конфликт глубоко субъективной «поэзии сердца» героя и противостоящей ей прозой житейских отношений (ГЕГЕЛЬ 1971: 474–475). По Гегелю эта проза, при всей своей ограниченности все же заключает в себе подлинное и субстанциональное начало, в конечном итоге восходящее к поэзии эпоса. Логично, что в таком случае разрешение этого конфликта незрелой и, по Гете, даже болезненной субъективности, с точки зрения Гегеля и классической традиции, разрешается комически или трагически. О трагическом варианте Гегель, естественно, не говорит, ведь для него роман — все еще несерьезный жанр. Комическое разрешение конфликта, это когда субъективность «ставится на место», которого она «заслуживает» («эти юноши считают несчастьем, что существует вообще семья, гражданское общество, государство...») и т. д. (ГЕГЕЛЬ 1969: 304), и этот носитель поэзии сердца, как пишет в другом месте Гегель, «обломав себе рога», образумится, примирится с прозаическим миропорядком и станет обыкновенным филистером (*ibid.*: 305). Другой же выход для героя — приписать действительности, торжествующей над его субъективностью, ценности, «родственные красоте и искусству» (ГЕГЕЛЬ 1971: 474). Заметим, что красота и искусство для Гегеля — ценности эпохи классического типа культуры, и с этих позиций он трактует сюжет романа как попытку восстановить истинную поэзию из прозаического миропорядка: социальная незрелость героя противостоит зрелой, пусть и филистерской мудрости.

Но герой, о котором с иронией пишет Гегель, наивен не только в силу своей незрелости, но и в силу того, что он уже принадлежит другой эпохе, в которой личность замкнутого на себе, на своих чисто субъективных стремлениях человека становилась важной ценностью культуры модерна. Одним из первых сильных проявлений культуры модерна в Германии было штирмерство. Пантеизм бурных гениев, который они сближали с руссоизмом, позволял доверяться своей страсти и удовлетворению жажды личного счастья, а это ценности, которые не со-

гласовывались с моральными заповедями культуры отцов. Но, давая «огненному сердцу» (SCHILLER 1979: 15) благородного гения чувство личной свободы и дистанции к окружающему, эти ценности заводили его, как случилось с героем шиллеровских *Разбойников*, в тупик преступлений и отчаяния («Abscheulichkeit und Schande») (ibid.: 141). На этом фоне возникновение эстетики веймарского классицизма было попыткой создания идеала, соединяющего противоположные ценностные системы: у Гете сначала на уровне поиска равновесия античных, т. е. тогда универсальных форм, парящих над конкретной реальностью в мире поэтического языка высокого искусства. Здесь конфликт культурных нарративов *снимался*, но не преодолевался в изображении любовных отношений, в которых чувственность и духовность образуют единство, восходящее к целостности по античной модели, по модели элегического дистиха римских любовных элегий.

А между тем реальные немцы, жившие на рубеже эпох и во времена послевоенной реставрации в Германии, остро переживали ситуацию кризиса и конфликта ценностных систем, и внутренне, психологически, и в социальной практике. Это проявлялось, в частности, в широком хождении слов «Zerrissenheit» и «Weltschmerz» (SENGLE 1971), которые претендовали на ключевые слова целой эпохи, аккумулируя настроения то неуверенности и беспокойства, то тоски, раздвоенности и чувства неразрешимости социально-нравственных конфликтов. Конечно, социальная ситуация эпохи реставрации провоцировала духовное возбуждение, порождавшее и социальные активности, бурно проявившие себя в предмартовской журналистике, художественной критике и лирике, в прогрессистских романах, но представляется, что это возбуждение имело своим истоком ситуацию в культуре, потерявшей уверенность в своих ценностных основаниях.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Формой и исходным пунктом романа Ф. Шлегеля *Люцинда* (1799) является хаос чувств художника, лишенного внутренней целостности, он ищет, но не знает что, любит, но еще не знает, кого. Юлиус, не находя опоры ни в чем, живет в вечном возбуж-

дении, проходит через разные любовные увлечения, которые рождают лишь тоску; его жизнь превращается «в груды бессвязных обломков», пока он не находит единственную ценность — свою единственную истинную любовь, в которой духовное и чувственное начала преодолеют свою автономию и он почувствует себя всечеловеком, способным понимать себя и принимать мир в целом. Это «апология единства духовного и чувственного» (ХАНМУРЗАЕВ 1998: 178). Но идея бескомпромиссного преодоления противоположностей, характеризующихся как противоположности «самой распушенной чувственности и самой одухотворенной духовности» (SCHLEGEL 1999: 21) недвусмысленно отражает рефлексию героев над глубоким конфликтом ценностей традиционной морали и ценностей восходящей новой культуры. Романтическая концепция *Люцинды*, в которой целостность бытия человека обретается за пределами заданных традицией моральных норм в новой этике и «религии любви» на фоне многочисленных персонажей брентановского *Годви*, в которых неустойчивость чувств и путаница желаний, свободная любовь и высокая духовность, радость и боль не образуют внутреннего единства, кажется утопичной. Этой перспективы лишен герой *Ночных бдений Бонавентуры*, для которого все ценности культуры и искусства иллюзорны: все есть лишь личины каких-то смыслов, вертящихся в безумном танце вокруг человеческого Я и не отвечающих на его призывы помочь понять, что есть он сам, в чем суть этого безумного театра.

Тогда же Новалис в *Христианстве или Европе* романтически формулирует ценностный конфликт «неистребимых сил», борющихся в «грудях человека»: с одной стороны, это уважение и любовь к памятникам старых отцов и «радость послушания», с другой — «восхитительное чувство свободы», «желание нового и юного», радость личного права и сильное бюргерское чувство (*das kraftvolle Bürgergefühl*). Ни то, ни другое не могут уничтожить друг друга, но по Новалису, «глубинный центр каждого царства находится не за земными валами и не может быть завоеван» (NOVALIS 1989: 362). Мысль в том, что спасение Европы — в преодолении конфликтов в культуре в целом и в конфликте церковью — возможно только в новой единой христианской

церкви, которая должна стать «посредницей между старым и новым мирами» (ibid.: 362) и одна способна вернуть душе человека и Европе мир: спасение в возвращении целостности человеческого мира, преодолевающей разорванность души, церкви и культуры.

Однако развитие романтической мысли, как известно, шло по двум разным направлениям. В центре сознания йенской школы стояла фихтеанская идея творческого субъекта, личности художника, позволяющая субъекту сотворить целостный мир, гейдельбержцы опирались на мир народной культуры и народной морали, обладавших устойчивостью в себе. Как говорит рассказчик в повести Брентано *История бравого Касперля и прекрасной Аннерль*, прилагавший все усилия, чтобы спасти отстаивавшую свою личную честь благородную личность, открывает для себя субстанциальную мощь старой морали:

Я был потрясен поведением старой крестьянки, ее твердым, серьезным тоном, ее уверенностью в жизни, за которую она 86 раз видела, как сменяются времена года, и которая представлялась ей всего лишь преддверием божьего храма. Какое значение имеют все муки, все желания моего сердца? Звезды равнодушно свершают свой вечный путь — зачем же я ищу утех и усад? О, для кого я их жду? Даст ли мне все, что я здесь ищу, что люблю, чего добиваюсь, ту спокойную уверенность, с которой эта добрая набожная женщина собирается проспать до утра на пороге дома, и найду ли я потом, как она, своего друга? (БРЕНТАНО 1979: 192).

Необходимо осознать эту глубину конфликта ценностных систем, лежащего в подоснове сознания романного героя XIX в. Это более тяжелый внутренний конфликт, чем раньше: например, средневековый диспут души и тела, который христианская культура могла разрешить путем выстраивания жесткой иерархии ценностей, и поэтому здесь не было проблемы выбора, точно так же, как и в случаях, связанных с сословным достоинством.

В XIX в. это конфликт в сознании личности двух культур — культуры модерна как культуры личностной автономии и культуры, ориентированной на ценности традиционного морального сознания, глубоко связанного с религией и церковью. Такого рода конфликты в ситуации культуры XIX в. могут казаться неразрешимыми в силу нового содержания конфликтующих

начал, постепенно утрачивающих связь с абсолютом и с сословной иерархией, ориентированным теперь на ситуативно обусловленные отношения между конкретными субъектами, каждый из которых для другого «другой».

Это делает центральной проблематикой романа проблему внутреннего мира личности как проблему субъекта, способного к самостоятельному нравственному выбору. Новая эпоха требовала выработки нового морально-этического сознания, основанного не на абсолютах и общих для культуры максимах-нарративах «морального законодательства», готовых моральных истин, но восходящих к моральным ценностям, между собой конфликтующим, к ценностям традиционализма и к ценностям нового времени, т. е. эпохи личности, мыслящей себя автономной. Для сознания романного героя это исторически иная ситуация «ответственного участия» личности в бытии, уже иначе чем раньше причастного миру культуры, который дан ему с его «действительно единственного места» в нем. Проблематика нравственной философии Бахтина, как она представлена в *Философии поступка*, предполагает отношения трех эмоционально-волевых моментов, определяющихся им как «архитектонические точки действительного мира поступка»: «я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого» (БАХТИН 2003: 49). Для романного героя XIX в. эти отношения переживаются в мире конфликтующих ценностных ориентиров культуры.

Соответственно роман как жанр, в проблемно-содержательном плане становившийся в контакте с незавершенной действительностью (БАХТИН 1975: 474–483), т. е. в ценностных своих основаниях заключающей нерешаемость основных вопросов бытия человека, проблемность всех аспектов личностного бытия, не способного «раз и навсегда» определиться со своими ценностями. Таким образом, природу романа эпохи модерна следует определить посредством понятия «эпистемологическая неуверенность». В данном случае это сознание трудности или невозможности найти убедительную перспективу и позицию для понимания и решения проблемы личности.

Формирование нового романного понимания этической проблематики в Германии можно увидеть на примере романов

Жана Поля Рихтера, строящихся в основном по принципу противопоставления гениального и ограниченного, бесконечного и конечного, фантазии и практичности, свободы и зависимости. Это в первую очередь *Зибенкез* — первый семейный роман в немецкой литературе. Мы понимаем, почему семья только теперь стала предметом романа: это момент, когда конфликт между супругами может стать интересным в силу его принципиальной неразрешимости. Ценностный конфликт культуры получает детальную разработку уже как катастрофы в системе интимно-личностных отношений самых близких людей.

Герой романа *Зибенкез* — Фирмиан Зибенкез, адвокат для бедных, чудака, *Sonderling*, все существование которого — та же «поэзия сердца», но как современная субъективность, проявляющая себя в форме артистически-иронических или сатирических эскапад по поводу традиционных устоев, как фейерверки юмористически-фантастических образов. Это действительно, как сказал Ф. Шаль, «карнавал мыслей и языка» (цит. по [БАЛАШОВ 1966]), в котором все может получить обратный смысл. Зибенкез почти не признает ценности «прозы жизни», во многом замещая ее своим неумным воображением. Свою совсем еще юную жену Ленетту, простую девушку из среды культурного бюргерства, он видит в жанре мечтательно-идиллических образов, его трогает ее наивность и ограниченность.

Единственный друг Фирмиана Генрих Ляйбгебер — сильный характер, представляющий собой тип личности, обладающий важнейшими чертами уже настоящего романтика, и он оказывается романским двойником Фирмиана. Понятие двойника впервые и неслучайно появляется тоже здесь: друзья похожи друг на друга и в знак дружбы обменялись своими именами. Они представлены как копии и одновременно пародии друг на друга. На уровне общей конструкции романа *Зибенкез* как бы передал наиболее сильную и жестко-последовательную, современную часть своей личности другу, который явился для Фирмиана тем, кто смог воплотить ее в себе, в своем образе жизни, дать тело (*Leib*) твердой, уверенной в себе части души героя, а себе Фирмиан оставил более мягкую, более сентиментальную и сердечную, более близкую не только духу, но и чувственной,

эмоциональной жизни в отношениях с людьми. Фирмиан склонен прощать, скептик Ляйбгебер — наказывать: эта игровая конструкция чрезвычайно серьезна (DURZAK 1970: 124–138). Именно в ней актуализируется собственно этическая, не моральная, а практически-жизненная структура нового типа нравственного отношения к другой личности. Важно видеть в каждом из этих двойников, как будто воплощающих противоположности, их внутреннюю двойственность, поскольку в них проявляются черты, как будто отличающие их друг от друга: нежная душа Зибенкеза одновременно обнаруживает непреклонную самостоятельность, а жесткий и решительный «радикальный отрицатель» (АДМОНИ 1936: 578). Ляйбгебер также способен к самоотверженной любви к другу и самопожертвованию: «Ляйбгебер — радикализированный Зибенкез» (TSUNEYOSHI 2013: 9). Каждый видит и любит в другом вторую половину своего же я (ANDERLE 1976: 16). Эта раздвоенность связана с центральным ценностным конфликтом романа, определяющим его сюжетную структуру и проблематику, которую мы рассматриваем в плане общего конфликта культуры на рубеже двух эпох.

Теория романа классически мыслящего философа строится на учете морального нарратива или «морального законодательства» и не берет в расчет противоположности ценностных аспектов психологии эпохи культуры, когда главным становится новая субъективность нравственной оценки, если учитывать структуру нравственного отношения, которое базируется на ценностно различных «единственных» формах опыта культуры, как это делается Бахтиным в его «архитонических точках» психологии поступка.

По сюжету адвокат для бедных — та же «незрелая» «поэзия сердца» — не справляется как раз с «прозаическим миропорядком», не принимает его, поэтому Ленетта предполагает, что он вообще атеист, т. е. человек из другого мира. Семейная жизнь Фирмиана несмотря на его сентиментальность и восторженность из-за его «непрактичности» и бедности не получается: денег у него нет и он вынужден постепенно закладывать дорогие сердцу Ленетты домашние вещи, но она живет традиционными бюргерскими ценностями и не способна его понять. В результа-

те начинается отчуждение их друг от друга, быстро перерастающее в мелочную бытовую войну. Она чуть ли не непрерывно подметает дом, защищая свои ценности, а он в это время, отстаивая свои ценности, пишет роман *Из бумаг дьявола*, отстаивая свои ценности. Стиль романа Жан Поля — постоянное, часто неожиданное, хаотическое переключение его регистров, за которыми стоят конфликты культуры, воспроизводящиеся, как пишет А. В. Михайлов, как конфликты «стилистических эпох, отложившихся как слои литературного и культурного сознания и теперь пришедших в столкновение» (МИХАЙЛОВ 1981: 33). Отчасти на этом основана жан-полеванская теория юмора. Это теория игры языков и стилей как не согласуемых друг с другом систем сознаний и событий, схватывающих картину мира как внутренне конфликтный образ целого, поглощающего бытие конкретного человеческого существа, «по определению» противоречивого в себе. Юмор Жан-Поля, проявившийся в игровых гротескных соединениях противоположных риторических систем, позволил писателю, углубляясь в мелочи повседневного быта личной семейной жизни героя, глубоко разработать проблему внутренних противоречий в сознании героя.

Проблема в том, что герои романа не вольны распоряжаться собой, они живут включенностью в конфликтный по своей сути космос, сотканный из ценностно противоположных и конфликтных внутри себя миров. Фирмиан продолжает любить Ленетту, но он страдает, понимая, что не может дать ей счастья. Эта война истощает его силы, он заболевает; понимая ее ограниченность, он ищет ей оправдания, снова и снова «прощает» жену, сознавая свою беспомощность и вину перед ней; предчувствуя близкую смерть, он говорит себе: «Ich gönne ihr's gern, daß meine Arme vermodernd von ihr fallen, und daß ihr Freund sie in die seinen nimmt» (JEAN PAUL 1848: 41). В гротескной сцене прощания «умирающего» Зибенкез, слыша, как плачет Ленетта, «почувствовал в переполненном жалостью сердце широкую смертельную рану». Его обращенные к ней слова не только притворны, но и исполнены чувства вины: «Моя покорная, моя верная, моя бедная! Как часто я причинял тебе боль! О боже, как часто! Простишь ли ты мне? (ЖАН-ПОЛЬ 1937: 474). Созна-

ние вины, возникающее у Зибенкеза, оживляет его любовь к ней, и это умножает страдания. Поэтому в сцене прощания с другом и Ленеттой читаем: «Ах, разве каждое из этих притворных прощаний не было действительным...» (ibid.: 474)

Ляйбгебер возвращает Фирмиану его имя, уступает ему свое место в бюргерском мире, а сам самоотверженно исчезает: он делает это, спасая друга от смерти, не из моральных соображений, а из чувства любви, он устраивает ситуацию ложной смерти. В данном случае получается, что этический поступок одной половины души Фирмиана как человека духа может потребовать смерти, но реальность другой половины — доброго человека — хочет быть половинчатой, ищет компромисса. Зибенкез трагически-гротескно (GESCHICHTE DER DEUTSCHEN LITERATUR 1978: 358) исчезает из жизни Ленетты, принимая дар Ляйбгебера и занимая его место в жизни. Ляйбгебер же, непримиримый и последовательный, сознательно жертвует собой ради друга.

Твердость и мягкость, уступчивость и последовательность, жесткость и компромиссность — составные части этого двойничества и вместе с тем этической программы писателя, чутко воспринимавшего положение личности в новой духовной ситуации культуры. К. Бартч указывает на «дуализм» героя, антиномичность его сознания и структурный принцип строения произведений писателя. Обращаясь к *Приготовительной школе эстетики*, он цитирует место, в котором Жан Поль говорит о романном герое: «Герой в романе немецкой школы стоит между двумя сословиями и состояниями» (BARTSCH 1996: 86–91), он — «посредник между ними, между языками и событиями». Зибенкез именно такой романтный герой, живущий между миром традиции и миром ценностей просвещения, в нем «друг другу противоречат две вещи»: «Если ему случалось сказать резкое слово, то он сразу же начинал испытывать жалость» (ЖАН-ПОЛЬ 1937: 313). В отличие от своего двойника Генриха Ляйбгебера, он не категоричен, его путь — дистанцироваться и прощать, иронизируя над традиционным сознанием, своим существованием невольно утверждая возможность противоположных отношений к другим способам жизни.

4. Заключение

Эстетика середины, компромисса, эстетика терпимости к слабостям человека как поэтика гуманной середины, равновесия противоположных начал в жизни человека в целом становилась чертой немецкой романной этики на протяжении почти до самого конца XIX в. Особое место, которое Жан Поль занимает в разработке этой проблематики, обусловлено впервые понятным им не как «программным», идеологически «принципиальным», а глубоко интимным, разыгрывающимся лишь на бытовом уровне, но тем не менее непреодолимым конфликтом в душе человека, не лишенным подлинной трагики.

Это не только эстетика нравственного воспитания и созревания личности бюргера в честном труде и уважения к ценностям, создающим культуру нации, в противостоянии соблазнам индивидуалистического авантюризма. И это не только ценности поэтического реализма как просветляющей поэтической рефлексии над разными путями личности, позволяющей создавать перспективу на идеал человеческой целостности и гармоничных человеческих отношений (Густав Фрайтаг, Отто Людвиг). Это и суровая эстетика таких художников как Готфрид Келлер, Вильгельм Раабе с его идеалом осторожного и бережного отношения к человеку — носителю «поэзии сердца», но особенно этика Теодора Фонтане, обнаруживавшего в обычном человеческом укладе культуры убийственную силу власти традиционных моральных форм жизни вполне порядочных людей, строгого морализма, которая, фактически обесчеловечивая сознание личности, ее ломает.

Но чтобы поставить определенную точку в очерчивании специфики решения проблемы личности романного героя и в связи с этим нравственной проблематики романа XIX в., нужно обратиться к французским и английским романам этой эпохи. Наиболее сознательно и остро эту проблематику разрабатывал Бальзак: например, во всех аспектах романа *Отец Горфио* видно, что главная проблема романа не в создании «картины действительности» и социальных конфликтов во Франции 30—40-х гг., а проблематика нравственной позиции личности. Это основательно разработанная во многих произведениях писателя проблема столкновения морально-нравственных полюсов во внут-

ренне конфликтном сознании личности эпохи модерна.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Адмони В. Г. Жан Поль Рихтер // Ранний буржуазный реализм / ред. Н. Берковский. Л.: Художественная литература, 1936. С. 543—586. [Admoni, Vladimir G. (1936) Zhan Pol' Rikhter (Jean Paul Richter). In: Berkovskiy, Naum. (ed.) *Ranniy burzhuaznyy realizm* (Early Bourgeois Realism). Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 543—586. (In Russian)].
- Балашов Н. И. Жан-Поль Рихтер // История немецкой литературы / ред. Б. И. Пуришев. М.: Наука, 1966. Т. 3. С. 80—96. [Balashov, Nikita I. (1966) Zhan-Pol' Rikhter (Jean-Paul Richter). In: Purishev, Boris I., (ed.) *Istoriya nemetskoj literatury* (History of German Literature). Vol. 3. Moscow: Nauka, 80—96. (In Russian)].
- Бахтин М. М. К философии поступка // Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 7—68. [Bakhtin, Mikhail M. (2003) K filosofii postupka (To a Philosophy of Action). In: Bakhtin, Mikhail M. *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Collected Works), vol. 1. Moscow: LRC Publishers, 7—68. (In Russian)].
- Бахтин М. М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 474—483. [Bakhtin, Mikhail M. (1975) Epos i roman (Epic and Novel). In: Bakhtin, Mikhail M. *Voprosy literatury i estetiki* (Problems of Literature and Aesthetics). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 474—483. (In Russian)].
- Брентано К. Повесть о славном Касперле и пригожей Аннерль // Избранная проза немецких романтиков. Т. 2 / ред. А. С. Дмитриев. М.: Художественная литература, 1979. С. 190—220. [Brentano, Clemens. (1979) Povest' o slavnom Kasperle i prigozhey Annerl' (The Tale of the Glorious Kasperl and the Handsome Annearl). In: Dmitriyev, Aleksandr S. (ed.) *Izbrannaya proza nemetskih romantikov* (Selected Prose of German Romanticists), vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 190—220. (In Russian)].
- Бройтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы. Т. 2 / ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Academia, 2004. [Broitman, Samson N. (2004) Istoricheskaya poetika (Historical Poetics). In: Tamarchenko, Natan D. (ed.) *Teoriya literatury* (Literary Theory), vol. 2. Moscow: Academia. (In Russian)].
- Гегель Г. Эстетика. Т. 2, 3. М.: Искусство, 1969/1971. [Hegel, Georg. (1969/1971) *Estetika* (Aesthetics). Vols. 2, 3. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].

- Жан Поль. Зибенкес. Л.: Художественная литература, 1937. [Jean Paul. (1937) *Siebenkäs*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Кемпер Д. Гете и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна. М.: Языки славянских культур, 2009. [Kemper, Dirk. (2009) *Goethe i problema individual'nosti v kul'ture epokhi moderna* (Goethe and the Problem of Individuality in the Culture of the Modern Age). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Кемпер Д. Эстетический модерн как макроэпоха. Ч. 1 // Новый филологический вестник. 2021. № 4 (59). С. 18—22. [Kemper, Dirk. (2021) *Esteticheskiy modern kak makroepokha*. Ch. 1 (Aesthetic Modernity as a Macro-Epoch. Part 1). *Novyy filologicheskii vestnik* (New Philological Bulletin), 4 (59), 18—22. (In Russian)].
- Михайлов А. В. «Приготовительная школа эстетики» Жан Поля — теория и роман // Жан Поль. Приготовительная школа эстетики. М.: Искусство, 1981. [Mikhailov, Aleksandr V. (1981) „Prigotovitel'naya shkola estetiki“ Zhana Polya — teoriya i roman („Preparatory School of Aesthetics“ by Jean-Paul — Theory and Novel). In: Mikhailov, Aleksandr V. (ed.) *Zhan Pol'. Prigotovitel'naya shkola estetiki*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Ханмурзаев К. Г. Немецкий романтический роман. Махачкала, 1998. [Khanmurzayev, Kamil G. (1998) *Nemetskiy romanticheskii roman* (German Romantic Novel). Makhachkala. (In Russian)].
- Anderle, Martin. (1976) Jean Pauls „Leibgeber“ zwischen Doppelgängertum und Ich-Verlust. *The German Quarterly*, 49 (1), 13—24.
- Bartsch, Kurt. (1996) Tradition der Empfindsamkeit und Zeitkritik: Jean Paul. In: Žmegač Viktor. (ed.) *Geschichte der deutschen Literatur vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart*, Bd 1/2. Weinheim: Beltz Athenäum Verlag, 86—91.
- Durzak, Manfred. (1970) Siebenkäs und Leibgeber. Die Personenkonstellation als Gestaltungsprinzip in Jean Pauls Roman „Siebenkäs.“ *Jean Paul Jahrbuch*, 5, 124—138.
- Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart. 7. Bd. (1978) Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag.
- Hildebrand, Bruno. (1993) *Theorie des Romans. Erzählstrategien der Neuzeit*. Stuttgart; Weimar: Metzler.
- Jean Paul. (1848) Siebenkäs. In Jean Paul. *Jean Pauls ausgewählte Werke*. 9. Bd. Berlin: G. Reimer.
- Novalis. (1989) Die Christenheit oder Europa. In: Novalis. *Dichtungen und Fragmente*. Leipzig: Philipp Reclam jun., 345—364.

- Schiller, Friedrich. (1979) *Die Räuber*. In: Schiller, Friedrich. *Gesammelte Werke in 8 Bdn.* Bd. 2. Berlin: Aufbauverlag, 7—161.
- Schlegel, Friedrich. (1999) *Lucinde*. Stuttgart: Philipp Reclam jun.
- Sengle, Friedrich. (1971) *Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815—1848*. Bd 1. Stuttgart: J. B. Metzler.
- Titzmann, Michael. (1990) Krise und Experiment in der deutschen Literatur des Biedermeier. In: *Realismus und Frühe Moderne. Interpretationen und Systematisierungsversuche*. München: belleville Verlag, 55—62.
- Tsuneyoshi, Norimi. (2013) Über Jean Pauls Roman Siebenkäs. *Kyushu University Institutional Repository*, 51, 1—17.

Nikolay T. Rymar'

S. P. Korolyov Samara National Research University

**On the Threshold of Cultural Epochs:
the Novel Hero of the 19th Century**

The hero of the classic 19th century novel finds himself in a situation of conflict between the value systems of traditional culture and the culture of modernity, which since the middle of the 18th century beginning with the Sturm und Drang, Romanticism and then the era of Realism, was characterised by artistic movements that advocated the values of autonomy and the spiritual independence of the individual. The clash and coexistence of different cultures in terms of moral and psychological attitudes is dramatically experienced by the hero of the novel, who sometimes resists the traditional way of life, sometimes the values of modernity. Hegel, as a philosopher of the tradition of the 'classical age', judged the novel ironically and condescendingly and saw the source of the novel's conflict in the hero's spiritual immaturity caused by his alienation from substantial unity and consequently his inability to see the world as a whole. According to Hegel, the hero can only overcome this inadequacy in the illusory form of an essentially philistine reconciliation of the 'poetry of the heart' with the 'prose of life', which, understood dialectically by Hegel, is a manifestation of the 'poetic state of the world'. By not accepting a private person as the self-valid foundation of culture, the philosopher was unable to recognise the depth of the conflict between the new values and the still living values of traditional morality, which, however, formed the foundation of the new cultural age and divided the inner world of the individual and society. The experience of the impossibility of resolving the conflict led to the search for a compromise, which resulted in the state reflected in the terms *Zerrissenheit* und *Weltschmerz* — the

great words of the first third of the 19th century. The problem of the contradictory nature of value systems in the culture of modernity was reflected in Romantic literature and in the novels of the period. Jean-Paul's humour, which manifested itself in the playful, grotesque combinations of the era's opposing rhetorical systems, consciously made the problem of the inner contradictions of the novel's hero possible in the novel *Siebenkäs* by delving into the everyday details of the new personality's private family life and by introducing the doppelgänger motif. It was probably the first artistic project of the era that consistently worked out the problem of the irresolvability of the conflict of values in the inner world of the modernist personality. Affirmation and denial, love and enmity as well as feelings of guilt towards a close person, developed at the level of deep personal relationships, captured the essential features of modernist personality psychology.

Keywords: modernism; traditionalism; conflict of values, personality problem; Jean Paul; humour; "Siebenkäs"; Doppelgänger

Nikolaj T. Rymar'

Nationale Forschungsuniversität Samara

Auf der Schwelle der Kulturepochen: Der Romanheld des 19. Jahrhunderts

Der Held des klassischen Romans des 19. Jahrhunderts erscheint in einer Situation des Konflikts zwischen den Wertesystemen der traditionellen Kultur und der Kultur der Moderne, die seit Mitte des 18. Jahrhunderts, beginnend mit dem Sturm und Drang, der Romantik und dann der Epoche des Realismus, von künstlerischen Bewegungen geprägt wurde, die die Werte der Autonomie und der geistigen Unabhängigkeit des Individuums geltend machten. Das Aufeinanderprallen und die Koexistenz verschiedener moralisch und psychologisch orientierten Kulturen wird auf dramatische Weise vom Romanhelden erlebt, der sich entweder der traditionellen Lebensweise oder den Werten der Moderne widersetzt. Die Versuche, mit beiden einen Kompromiss zu schließen, führen zu Zuständen, die sich insbesondere in den Gefühlen von Zerrissenheit und Weltschmerz, den großen Worten der Epoche, widerspiegeln. Jean-Pauls Doppelgänger, groteske Darstellungen des Familienlebens und sein universeller „Humorismus“ sind die ersten künstlerischen Projekte einer ganzheitlichen Darstellung der zutiefst widersprüchlichen Persönlichkeit der Epoche der Moderne.

Schlüsselwörter: die Moderne; der Traditionalismus; Konflikt der Wertvorstellungen, Persönlichkeitsproblem; Jean Paul; Humor; „Siebenkäs“; Doppelgänger

Для цитирования:

Рымарь Н. Т. На пороге эпох культуры: романый герой XIX века // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 451—468.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-451-468.

To cite this Article:

Rymar', Nikolay T. (2025) Na poroge epokh kul'tury: romanny geroy XIX veka (On the Threshold of Cultural Epochs: the Novel Hero of the 19th Century). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 451—468. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-451-468.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; принята к публикации 30.05.2025

The article was submitted 30.04.2025; accepted for publication 30.05.2025

А. С. Сафина

Санкт-Петербургский государственный университет

**ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ В «ВЕНСКОМ ТЕКСТЕ»
(на материале романов П. Розая и Э. Менассе)**

В статье представлены результаты анализа особого способа конструирования «венского текста» в романах современных австрийских писателей. Вопрос взаимодействия истории и памяти в изображении городского пространства является актуальным в контексте современного гуманитарного знания. Целью исследования является детальный анализ взаимодействия исторических процессов и механизмов формирования коллективной и индивидуальной памяти в контексте конкретной городской среды, а именно в столице Австрии. Особенно ярко это можно проследить в произведениях авторов, работающих на стыке различных исторических и культурных контекстов. В исследовании «венский текст» представлен в романах Петера Розая *Vena. Metropolis* (2005) и Эвы Менассе *Vienna* (2005), видных представителей австрийской литературы, чье творчество глубоко связано с исторической памятью, культурной идентичностью и трагической проблематикой XX в. Методологическая основа настоящего исследования базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем методы литературоведческого анализа и культурологии. Основное внимание в работе уделено детальному изучению конкретных литературных текстов с акцентом на их корреляцию с городской памятью и городской идентичностью. Вена как городское пространство — это культурный и исторический контекст, представляющий собой специфическую текстовую конструкцию, в которой переплетаются различные нарративы и временные пласты. В произведениях Розая и Менассе австрийская столица выступает не только как географическое пространство, но и как пространство памяти, сохраняющей историю прошлого. Исследование городского текста через призму индивидуальной и коллективной памяти открывает новые перспективы для понимания личной идентичности персонажей романа, их «венскости». Исследование феномена истории и памяти в контексте «венского текста» современных австрийских романов имеет значение для литературоведения и культурологии. Оно позволяет верифицировать теоретические положения М. Хальбвакса о соотношении различных типов памяти и их влиянии на формирование коллективной идентичности, демонстрируя процесс интеграции личных воспоминаний в

коллективную память. Исследование акцентирует внимание на роли литературы в переосмыслении исторических нарративов и подтверждает взаимосвязь индивидуального и коллективного опыта в рамках теории социокультурной динамики. Результаты анализа могут быть использованы для интерпретации современных литературных произведений, изучения механизмов индивидуальной и коллективной памяти и проведения междисциплинарных исследований в области гуманитарных наук.

Ключевые слова: австрийская литература; «венский текст»; городское пространство; П. Розай; Э. Менассе; индивидуальная и коллективная память

1. Введение

Роль истории и памяти в изображении городского пространства в современной литературе привлекает внимание исследователей. В «венских» романах современных австрийских авторов Петера Розая *Vena. Metropolis* (2005) и Эвы Менассе *Vien-na* (2005) обращение к истории и памяти связано с особыми способами конструирования «венского текста», внесения своих составляющих в корпус литературных произведений австрийских писателей, создающих совокупность образов, мотивов и сюжетов, которые формируют «венский текст».

В контексте рассматриваемой темы возникает вопрос о том, что следует понимать под памятью и историей в рамках современного «венского текста» в произведениях Розая и Менассе. Действие в романах развивается в столице Австрии и ее окрестностях на протяжении 1930-х — начала 2000 гг. Перед читателями возникает панорама Вены, складывающаяся из многочисленных временных рамок, разнообразных историй и воспоминаний протагонистов, благодаря которым город как будто выступает из текстового пространства и становится уникальным участником повествования. Новизна исследования заключается в том, что оно фокусируется на уникальных механизмах передачи исторической памяти в творчестве австрийских писателей, рассматривая как «индивидуальную», так и «коллективную» память персонажей. Исследование подчеркивает важность материальных объектов, таких как городские улицы, здания и сооружения, которые не только служат фоном, но и становятся

активными носителями исторической информации, углубляя понимание взаимосвязи между городским пространством и его историческим контекстом. Через призму воспоминаний и персональных переживаний персонажей город обретает уникальную динамику и специфическую идентичность. Австрийские писатели виртуозно исследуют сложные взаимоотношения между индивидуальным и коллективным опытом, акцентируя внимание на том, как личные нарративы интегрируются в исторический контекст, формируя идентичность города.

2. Характеристика материала и методов исследования

История и память в городском пространстве являются ключевыми понятиями, которые не только формируют основу культурной идентичности, но и оказывают значительное влияние на литературный дискурс. В этом контексте целесообразно обратиться к художественной литературе, которая отображает реальность и, как утверждает немецкий антрополог и культуролог А. Ассман в своей работе *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*, выступает в качестве «медиальной репрезентации» общей истории, воспоминаний и пережитых потрясений, существующих в форме «культурных конструкторов внутри определенных социальных рамок» (АССМАН 2014: 23).

В ходе анализа истории и памяти в «венском тексте» важным представляется также обращение к труду М. Хальбвакса. Он одним из первых поставил проблему, которая до сих пор обладает острой актуальностью, проблему соотношения воспоминаний и истории. В работе *Социальные рамки памяти* автор акцентировал внимание на социально-коммуникативном аспекте воспоминаний, которые, по его мнению, не являются статичными, а формируются или реконструируются в процессе социального взаимодействия. Таким образом, индивидуальная и коллективная память зачастую проникают друг в друга и сплавляются (ХАЛЬБВАКС 2005). Его исследования продолжил П. Нора. Исследователь подчеркивал, что общая память не просто складывается и пополняется из личных воспоминаний людей, но и закрепляется в определенных аспектах: месте, предмете, представлении. В рамках рассматриваемой темы это место отчетли-

во определено – городская среда. Нора в своем труде *Места памяти* указывает, что городские места памяти являются одновременно «следами» минувшего и «наивысшим проявлением коммеморативного сознания» (НОРА 1999: 25). По мнению ученого, «места памяти» представляют собой ускользающее прошлое, все еще актуальное для определенной социальной группы, но подверженное риску полного исчезновения. В подобном сценарии «место памяти» трансформируется в исторический факт, лишенный подпитки со стороны «коллективной» памяти.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Важным представляется анализ «индивидуальной» и «коллективной» памяти протагонистов романов, жителей Вены, памяти, которая сохраняется в их сознании, отражается в устных воспоминаниях и дневниковых записях, и то, как она реализуется в исследуемых произведениях. В работе *Коллективная и историческая память* Хальбвакс подчеркивал, что «индивидуальная память», или «память личности» — это внутренне присущая автобиографическая память, сжатая во временных и пространственных рамках. «Коллективная память», напротив, носит социальный и исторический характер, и хотя она также ограничена временем и местом, имеет более широкие горизонты. (ХАЛЬБВАКС 2005) В романе *Vienna* Менассе подробным образом показана взаимосвязь памяти «индивидуальной» и «коллективной». Автор не концентрирует внимание на описании внешнего облика города, лишь намечает его локализацию, поскольку фокус повествования сосредоточен на венской семье, из воспоминаний членов которой и рождается «венский текст».

В романе речь идет о двух поколениях венцев, которые проживают в австрийской столице, имеют свою родословную и еврейские корни. Автор показывает возникновение и распад семейной истории, крушение идентичности персонажей, их «венскости».

Д. Грубер отмечает, что австрийская писательница в своем романе обращалась к подлинной исторической хронике и воспоминаниям своей семьи, «что помогло создать достоверные воспоминания о Холокосте и его влиянии на семьи, об отношении к евреям в тот период» (GRUBER 2017: 3). Сама Менассе от-

мечает следующее:

С одной стороны, нашу семью объединяла традиция рассказывать истории, и каждый постоянно боролся за звание лучшего рассказчика. С другой стороны, никто никогда не говорил о том, что на самом деле происходило во время войны. Все мое детство было наполнено этим напряжением между рассказами и молчанием — дилеммой «рассказывать или не рассказывать» (MENASSE 2015: 72).

Так, фрагмент прощания семьи с детьми на вокзале, отправляемыми в другую, свободную от фашизма страну, обнаруживает взаимосвязь памяти «индивидуальной» и «коллективной». Воспоминания бабушки и отца рассказчицы, от чьего лица и ведется повествование, разнятся:

Они прощались на западном вокзале Вены. Момент расставания с родителями мой отец забыл сразу и навсегда, потому что на платформе уже ждали толпы других детей, которые готовились покинуть страну. <...> Поезд зашипел, мой отец сидел в купе рядом с маленькой девочкой, которая размазывала слезы по своему лицу (MENASSE 2005: 30).¹

Таковы «индивидуальные» воспоминания ребенка, который в силу незнания не воспринимает прощание как нечто болезненное, трагическое, однако «индивидуальные» воспоминания его матери, которая провожала своих детей, иные:

Бабушка смотрела им вслед с тяжелым сердцем. Люди, присматривающие за ними, были заботливы, старшие дети были расстроены и подавлены. Мой отец ничего этого не замечал (Menasse 2005: 30).

Однако несколько лет спустя, при воспоминании о расставании на вокзале Вестбанхоф, «индивидуальная» память протагонистов дополняет память «коллективную». полнясь в момент разговора новыми деталями: шумом поезда, запахом сырости и криками детей. «Коллективная память» удерживает в себе знания об истории, о событиях, предшествовавших Холокосту, формируется за счет сплавления, слияния «индивидуальных памятей», осуществляемых с определенной исторической дистанции.

¹ Здесь и далее перевод немецкоязычных цитат автора статьи.

«Коллективная» память в «венском тексте» Менассе, несомненно, опирается на память «приватную», память одной семьи, но не исчерпывается ею: если воспоминания индивида проникают в коллективную память, они трансформируются, преобразуются, полнятся новыми подробностями. Тем самым объемней, детальней становится и городское пространство вокруг протагонистов.

По мысли Э. Шилла:

Восприятие индивидуума включает вещи, которые не ограничиваются его личным опытом. Память наделена не только воспоминаниями о тех событиях, которые индивидуум пережил сам, но и воспоминаниями других людей. Она преобразуется и меняется (SHILL 1981: 268).

Городское пространство в романе *Vienna* рождается не только из воспоминаний вымышленных персонажей романа, но и из истории семьи самой австрийской писательницы:

В моей памяти, как и в памяти моей сестры, на площади Шной-цельплац всегда царит лето. Моя мама ведет двоих детей по усыпанной белым гравием дорожке к красивому и светлому зданию клубного дома. Слева и справа растут кусты роз, сирени и ухоженные декоративные ели. Каждый увядший цветок, каждый пожелтевший листик немедленно убирает один из работников (MENASSE 2005: 282).

В роман *Vienna* включается определенная документальность, достоверность. Австрийская писательница предпринимает попытку восстановления собственной «венскости» через свою память, память рассказчицы, которая перекликается с памятью ее семьи. Тем самым осуществляется своеобразное возвращение в этот город, в эту городскую реальность, в «венский» контекст.

Менассе активно прибегает к приему ретроспекции в своем повествовании. Начиная с давнего прошлого семьи, она постепенно движется к настоящему, следуя за историей каждого ее члена, перемещаясь из Вены в Лондон, затем в Канаду, а оттуда на поля сражений в Бирме, а затем вновь в Вену уже после войны. Это позволяет автору не просто рассказывать историю, а погружать читателя в многогранный мир воспоминаний и ассоциаций, связывающих поколения и то место, Вену, где протекала их

жизнь. Австрийская писательница будто перелистывает старый семейный альбом, где каждая страница хранит частицу истории. Каждая глава представляет собой своеобразное раскрытие новой грани старого альбома, позволяя читателю проследить, как личная история одной семьи интегрируется в более широкий исторический контекст страны. Посредством воспоминаний персонажей читатель погружается в различные истории и культурные среды: от уютных улиц Вены и мелодичных композиций уличных музыкантов до жестоких реалий войны и процесса эмиграции. Менассе как будто говорит о том, что память — это не просто сущность, а целая вселенная, в которой обитают наши предки, их радости и горести. Эта ретроспективная структура способствует созданию многослойного и сложного нарратива.

О романе Розая *Вена. Metropolis* австрийский исследователь В. Шмидт-Денглер писал так:

«Венский текст» — это панорама, каталог деталей или лоскутное одеяло, которое соткано из всевозможных историй и персонажей. Текст города представлен как сеть взаимосвязей и пересечений, где каждый элемент имеет свое место и свою роль. Это полифоническая мозаика, в которой автор олицетворяет городскую жизнь (SCHMIDT-DENGLER 2005: 27).

Рассказы и воспоминания протагонистов как кусочки общей мозаики создают для читателя образ Вены и в романе Менассе. И если в книге Менассе «венский текст» выстраивается главным образом из памяти и историй ее персонажей, то в романе *Вена. Metropolis* на первый план выдвигается история самой Вены, представленная в многообразии и многослойности историй его действующих лиц. В романе Розая нет ярко выраженного главного героя. Автор рассказывает истории нескольких персонажей, которых он вводит в пространство города, динамически представленное в разных временных протяженностях. Обращаясь к «коллективной» памяти, Розай показывает, как из личных воспоминаний персонажей романа формируется память «общая». Так, один из протагонистов романа, Лейтомерицкий, которому удалось пережить Освенцим, задается вопросом, где начинаются его собственные воспоминания, а где истории, что он слышал от своего отца:

Ему предстоит длинный путь, мимо крестьянских хижин и плетеных заборов, по вязким тропинкам. Но это, должно быть, воспоминания отца, истории, которые рассказывал он сыну, а его собственные воспоминания теперь перемешались с отцовскими и входят в них... (РОЗАЙ 2005: 212–213).

Нора подчеркивал, что коллективная память имеет два уровня. Один из них — это память макроуровня, она обусловлена обществом и формируется исходя из общественных доминант: люди перемешивают свои воспоминания в соответствии с воспоминаниями других (НОРА 1999: 20).

В романе *Bena. Metropolis* Виктория и ее сын Альфред стараются вспоминать вместе, не стремясь дополнить историю новыми деталями, память одна на двоих, одинаковая, смешанная:

Оба они вспоминают: и надгробные камни светятся теплым блеском из-под темной зелени кустов туи, кипарисов и буковых деревьев, по белым, засыпанным мелкой галькой дорожкам они идут в кладбищенской тишине. Светит солнце, над ними бескрайнее небо (РОЗАЙ 2005: 157).

Второй уровень — это память микроуровня. Он связан с «индивидуальной» и «семейной» памятью и отражает воспоминания о городском пространстве в контексте личной истории горожан, воспоминания о любимых местах и покинутых домах, что можно наблюдать в романе Менассе *Vienna*:

В городе есть множество районов, улиц и кварталов, которые отличаются от остальной части города и сохранили свой уникальный характер. Жители этих районов и домов также имеют свои особенности. В каждую эпоху существует тесная связь между образом жизни, менталитетом группы людей и местом, где они проживают (MENASSE 2005: 507).

Визуальные образы, связанные с памятными для персонажей местами, играют значительную роль в формировании городского текста. По мнению Ассман, задача «мест памяти» в пространстве и во времени — вернуть события прошлого в настоящее. Благодаря таким местам протагонисты, поколение за поколением, могут превращать коллективные воспоминания в свои собственные, переживать их индивидуально. Подобное осовременивание прошлого происходит в определенной про-

странственной локализации за счет «устойчивых форм сохранения», а во времени — за счет «устойчивых форм повторяемости» (LUNNANN 1990: 96).

Менасе обращается к одному из мест памяти, к фотостудии Rupp & Kubla, где были сделаны последние снимки семьи рассказчицы перед отъездом ее отца и дяди из страны перед войной:

Студия Rupp & Kubla была довольно известной, там делала красивые, строгие фотографии. Возможно, дело было в спешке и в том, что встречу назначили очень срочно, возможно, мастер был не совсем в себе из-за великолепной внешности моей бабушки или беспокойных времен, но, как бы то ни было, на фотографиях оба мальчика выглядят напуганными до смерти. А снимки немного размыты по краям (MENASSE 2005: 31).

Впоследствии в повествовании многие члены семьи будут не раз возвращаться к этой фотостудии, вспоминая тот самый, давний визит перед войной, в попытке вернуться в реальность городского пространства, восстановить связь времен, заполнить глаза тех самых когда-то маленьких мальчиков не ужасом скорого расставания, а радостью возвращения домой, в свой город, свою семью.

У Розай для протагонистов романа *Вена. Metropolis* памятными местами, которые возвращают прошлое в настоящее, становятся улицы и архитектурные сооружения:

Фасады домов когда-то были украшены гипсовыми карнизами и лепными фронтонами, о чем еще напоминают то тут, то там их чудом сохранившиеся остатки, но после войны лепнину просто напросто сбили, ведь уход за домом в этом случае обходится дешевле (РОЗАЙ 2005: 91–92).

Розай прибегает к активной локализации в пространстве, что предоставляет большую вариативность для анализа материальных объектов, которые представлены описанием городских зданий и сооружений и которые, несомненно, служат важными символами и узнаваемыми топонимами. Это и названия районов Вены, городских улиц и площадей, архитектурных памятников, кофеен (улица Рингштрассе, Дунайский канал, площадь Шварценберг, кафе «Империял»).

По мнению Ассман, люди запечатлевают собственные воспоминания не только в знаках или предметах — тем же целям

может послужить определенное место: жилая комната, двор дома, площадь, город и ландшафт (АССМАН 2018: 236). Место для Розая является конкретной точкой, где осуществлялась человеческая деятельность. Оно индивидуализировано и имеет свое имя (топоним) и историю, связано с человеческими судьбами, переживаниями и воспоминаниями. Так, например, дом профессора Вольбрюка, который был построен в то время, когда монархия в Австрии клонилась к закату, пережил множество изменений в стране, не утратив своего величия и сохранив историю семьи.

В окружении огромных, почтенного возраста деревьев со сказочными кронами стоит этот дом, с белой облицовкой, с большими окнами и белыми рамами, с выкрашенными в белое открытыми балконами, ну просто небольшой замок. Украшает его и настоящий аттический портик, а в крышу, покрытую обычной черепицей, вставлены выпуклой формы окошечки и лючки, которые, подобно глазу, затуманенному мечтой, смотрят в сад (РОЗАЙ 2005: 143).

Протагонисты романа Менассе запечатлевают собственные воспоминания о военном времени в старом доме, где бабушка и дедушка рассказчицы провели значительное время в тот страшный период:

И она снова и снова шла к этому мрачному сырому дому, где ее ждал мой дедушка и который им нужно было покинуть по первому сигналу сирен. Они оказывались в темных и мрачных коридорах бомбоубежища и не знали, какой вариант хуже — быть тут или там (MENASSE 2005: 48).

По мысли В. Фогль,

Петер Розай в данном романе выступает скорее как киноаналитик, он не описывает своих персонажей детально, не стремится анализировать их действия, но предпринимает попытку изобразить их как часть города, вплести их в «городское» пространство (VOGL 2006: 21).

Многоликость города, его раздробленность на множество локализованных пространств и множество историй, который рассказывают протагонисты, помогает создать «живой» образ города.

4. Заключение

Розай и Менассе вносят свою лепту в создание многослойного «венского текста», где множественность вариантов «воспоминаний» и историй составляет совокупный образ Вены. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь прошлого и настоящего. История же — это репрезентация ушедшего, пережитого. На пересечении двух этих понятий и возникает городское пространство в романах австрийских писателей, где истории определяют пространство, а пространство становится неотъемлемой частью истории. Таким образом, анализ художественных произведений Менассе и Розай демонстрирует, как индивидуальная и коллективная память структурируют «венский текст», создавая многослойный образ города. Воспоминания персонажей, их личные нарративы, интегрированные с исторической хроникой, формируют сложную мозаику, в которой прошлое и настоящее Вены находятся в тесной взаимосвязи.

Оба автора применяют разнообразные литературные техники для визуализации данного процесса. Менассе акцентирует внимание на семейных воспоминаниях, ретроспекции и документальности, тогда как Розай предоставляет панорамный взгляд на город, в котором переплетаются судьбы различных персонажей. Общей чертой обоих романов является подчеркивание роли памяти в формировании как индивидуальной, так и коллективной идентичности.

В результате «венский текст» предстает не просто как описание города, а как живой организм, состоящий из воспоминаний, переживаний и надежд его обитателей. Он превращается в своеобразное «место памяти», где прошлое взаимодействует с настоящим, обеспечивая сохранение и передачу культурного наследия Вены будущим поколениям.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. [Assmann, Aleida. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* (A long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Policy). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (New Literary Review). (In Russian)].

- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1999. С. 17—50. [Nora, Pierre. (1999) Problematika mest pamiati (The Problem of Memory Locations). In: *Франция-память* (France-Memory). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 17—50. (In Russian)].
- Розай П. Вена. Metropolis. СПб.: Symposium, 2014. [Rosei, Peter. (2014) *Wien. Metropolis*. Saint Petersburg: Symposium. (In Russian)].
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. [Halbwachs, Maurice. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' (Collective and historical Memory). *Neprikosnovennyi zapas* (The Inviolable Reserve), 2–3 (40–41). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. (In Russian)].
- Gruber, Julia. (2024) *Performing Family Identity, Memory and Hybridity in the Works of Eva Menasse*. Retrieved from <https://pdfs.semanticscholar.org/9adc/39dfa5c7121beb4bed6fdd3eb43fa6e5e4e4.pdf>.
- Luhmann, Niklas. (1990) *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Menasse, Eva. (2009) *Vienna*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Menasse, Eva. (2015) *Lieber aufgeregt als abgeklärt: Essays*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Schmidt-Dengler, Wendelin. (2005) Urbane Polyfonie. Peter Roseis großer Roman „Wien Metropolis“. *Der Standard*, 2.7, 26—27.
- Shils, Edward. (1981) *Tradition*. Chicago: University of Chicago Press.
- Vogl, Walter. (2024) *Absolut Wien. Über Peter Roseis Roman „Wien Metropolis“*. Retrieved from <http://review.keioup.co.jp/PaperFolder/pdf/02/2006/0204201.pdf>.

Anna S. Safina
Saint Petersburg State University

**History and Memory in the “Vienna Text”
(based on the Novels by P. Rosei and E. Menasse)**

The article analyzes a special way of constructing the “Viennese text” in the novels of modern Austrian writers. The issue of the interaction of history and memory in the representation of urban space is relevant in the context of modern humanitarian knowledge. The purpose of the study is a detailed analysis of the interaction of historical processes and formation of collective and individual memory in the context of a specific urban envi-

ronment, namely in the Austrian capital. This can be especially clearly seen in the works of authors working at the junction of various historical and cultural contexts. In this study, the “Viennese text” is presented in Peter Rosei’s novels *Vienna. Metropolis* (2005) and Eva Menasse *Vienna* (2005), prominent representatives of Austrian literature, whose work is deeply connected with historical memory, cultural identity and tragic issues of the 20th century. The methodological basis of this research is based on an interdisciplinary approach that integrates the methods of literary analysis and cultural studies. The work focuses on a detailed study of specific literary texts with an emphasis on their correlation with urban memory and urban identity. Vienna as an urban space is a cultural and historical context, which is a specific textual structure in which various narratives and temporal layers are intertwined. In the works of Rosei and Menasse, the Austrian capital acts not only as a geographical space, but also as a space of memory preserving the history of the past. The study of the urban text through the prism of individual and collective memory opens up new perspectives for understanding the personal identity of the characters in the novel, their “Viennese”. The study of the phenomenon of history and memory in the context of the “Viennese text” of modern Austrian novels is important for literary and cultural studies. It allows us to verify M. Halbwaks’ theoretical positions on the relationship of different types of memory and their influence on the formation of collective identity, demonstrating the process of integrating personal memories into collective memory. This study focuses on the role of literature in rethinking historical narratives and confirms the relationship between individual and collective experience within the framework of the theory of socio-cultural dynamics. The results of this analysis can be used to interpret modern literary works, study the mechanisms of individual and collective memory, and conduct interdisciplinary research in the field of humanities.

Keywords: Austrian literature; “Viennese text”; urban space; P. Rosei; E. Menasse; “individual” and “collective” memory

Для цитирования:

Сафина А. С. История и память в «венском тексте» (на материале романов П. Розая и Э. Менассе) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 469—482.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-469-482.

To cite this Article:

Safina, Anna S. (2025) Istoriya i pamyat' v “venskom tekste” (na materiale romanov P. Rozaya i E. Menasse) (History and Memory in the “Vienna Text” (based on the

Novels by P. Rosei and E. Menasse)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 469—482. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-469-482.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; принята к публикации 30.04.2025

The article was submitted 28.03.2025; accepted for publication 30.04.2025

А. П. Склизкова

Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСТОЯЩЕЕ В ТЕТРАЛОГИИ ОБ АТРИДАХ Г. ГАУПТМАНА

Статья посвящена восприятию Г. Гауптманом античного мифа и осмыслению его в контексте современной ему эпохи. Цели работы заключаются, во-первых, в выявлении культурно-философской позиции Гауптмана, связанной с интерпретацией древних сказаний; во-вторых, в анализе обоснования писателем антропологической идеи значимости субъекта, должного стать таковым как в древнем мифе, так и сохранить данный статус в сложное время Второй мировой войны. Соответственно задача исследования направлена на раскрытие этического и эстетического подходов к давнему времени, что позволяет говорить как о диалоге Гауптмана с традицией прошлого, так и о переоценке ее ведущих критериев. Методологической основой исследования являются компаративистский, нарративный методы. Непрекращающийся интерес к творчеству драматурга, определяющий актуальность работы, обуславливает ее новизну. Она заключается в исследовании креативного процесса, приводящего Гауптмана к созданию собственного мифа, поиска в нем иного по сравнению с архаикой смысла, что влечет за собой пересмотр устоявшихся представлений о позднем тексте Гауптмана как о драме, в которой доминирует тема судьбы и рокового предначертания. В ходе анализа выявляются точки соприкосновения драматурга с мифологическим дискурсом эпохи — творением индивидуального мифа, создающегося художниками слова в противовес мифу коллективному (расовому мифу фашизма). В статье подчеркивается стремление Гауптмана, как и его собратьев по перу, к субъективизации и гуманизации мифа, при этом указывается на отсутствие явных сопоставлений со временем фашистской диктатуры. Взаимопересечение эпох Гауптман усматривает в тождестве коллективного Я, в принятии законов, навязанных личности властью филистеров. Истоки проблемы филистерства, заданной романтической эпохой, писатель наблюдает в историческом прошлом, которое, активизируясь в настоящем, интегрируется в будущее. Доминирующей мыслью работы является восприятие писателем мифа как драмы разрушения человека, принявшего коллективное сознание на веру, и как одновременное

восстановление субъекта, который отказывается от согласия с мнимым авторитетом. Эта мысль обстоятельно доказывается на примере образа Агамемнона, являющегося героем драмы *Ифигения в Авлиде*, которая берется за основу в предлагаемой статье.

Ключевые слова: миф; коллективное желание; индивидуальность; соучастие; субъективность; дискурс; диктатура

1. Введение

Две мировые войны, обрушившиеся на человечество в прошлом столетии, создали особые условия для новой пульсации исторического прошлого — мифа, который оказывается как никогда раньше востребованным в настоящем. Ситуация при этом складывается в высшей степени парадоксальным образом. Практически одновременно творятся коллективный и индивидуальный мифы: расовый миф нацизма и индивидуальный миф художников слова. Можно удивляться и недоумевать в отношении устойчивости расового мифа, как это свойственно М. Элиаде (*1907 — †1986), историку и философу культуры. Он определяет данный миф как массовое самоубийство, подчеркивает в нем доминанту эсхатона (конца света), связанного с рагнарёком (гибелью богов и всего мира), поражается тому, как «такое пессимистическое видение конца истории смогло зажечь воображение германского народа» (ЭЛИАДЕ 2021: 25). Однако такой миф оказывается весьма востребованным. Это объясняется, как справедливо пишет представитель марбургской школы неокантианства Э. Кассирер (*1874 — †1945), потребностью к вождизму, «коллективные потребности начинают звучать в полную силу» (CASSIRER 2014: 117), тогда человек «с легкостью возвращается к состоянию полного непротивления, начинает принимать действительность как данность» (ibid.: 121).

Индивидуальный миф, складывающийся в одно историческое время с мифом коллективным, подобно ему обращается к мифологическому истоку — изначальному материалу, произрастающему в глубине веков. Однако в противовес чаяниям большинства, воплощающим общее желание, навязанное извне, базируется и на субъективной оценке, и на этических императивных конструкциях, чего полностью лишен миф о доминанте арийской расы. Индивидуальный миф тем самым не только про-

тивостойт, но и воздействует на миф коллективный, обнажая его как политическую, так и этическую несостоятельность. Постигая прошлое через настоящее, объединяя столь различные временные пласты, художники слова стремятся понять современность, переосмыслить ее и наполнить древние сюжеты новым содержанием. Их творческий посыл направлен на выработку нового культурного канона, связанного с субъективизацией и гуманизацией мифа. Антропос, стоящий в центре поэтической вселенной, стремится вырвать миф из рук фашизма, как того желал Т. Манн, создавая роман о духовном мире иудаизма. Доминанта личной экзистенции позволяет справиться с хаосом, бушующем в современном мире, как о том повествует новелла Г. Носака *Орфей*, в которой герой оглядывается назад, не в силах забыть скорбно-прекрасный лик Персефоны — владычицы царства смерти. Антропологическая созидательная сила любви пробуждает человечность и способствует перерождению героя, ослепленного войной в драме Г. Кайзера *Двойной Амфитрион*. Эти и подобные примеры свидетельствуют о том, что деятели культуры, заново открывая миф, создавая свои художественные полотна в период полного распада внешнего мира, его крушения и воцарения дисгармонии, связаны друг с другом особыми отношениями — мистическим соучастием (*participation mystique*). Этот термин, введенный антропологом Л. Леви-Брюлем (*1857 — †1939) в работе *Как думают туземцы* (1910), применим к характеристике особой психологической связи между писателями, работающими изолированно и независимо друг от друга, стареющими, однако, понять современную историю, творящуюся на их глазах, посредством мифологического прошлого, с которым они ощущают глубокое внутреннее родство (LEVY-BRUHL 1985).

2. Характеристика материала и методов исследования

Г. Гауптман, вливаясь в общий культурный контекст эпохи — субъективизацию и гуманизацию мифа, тесно соприкасается с мифологическим дискурсом своего времени. Доказательством является его работа над тетралогией об Атридах с 1941 по 1944 гг. в разгар Второй мировой войны. Писатель обращается к историческому прошлому — мифу об Атридах, поскольку, как полагали с самого начала и продолжают сейчас утверждать исследователи

(SPRENGEL 1984; LEPPMANN 1996; ARETZ 1999; PETROVIC 2010; НИПА 2001; ШАРЫПИНА 2010), кровавые события в проклятом доме Атридов ассоциировались в сознании драматурга с современной ситуацией — фашистской диктатурой. С этим сложно полностью согласиться. Конечно, жестокая история, которая творилась на глазах Гауптмана, вполне сопоставима со страшными событиями в роде Атридов (согласие Агамемнона на жертву дочери, убийство мужа Клитемнестрой, месть за отца со стороны Ореста, наконец, желание толпы идти на Трою войной, их неистовые, в высшей степени воинственные и фанатичные призывы к кровавым деяниям). Кроме того, сам писатель неоднократно говорил о своей ненависти к милитаристской диктатуре, в какой бы форме она ни проявлялась — Германии Вильгельма или Германии Гитлера. Монархический режим для Гауптмана — темная, страшная, косная форма правления, подавляющая личность и пагубная для искусства (HAUPTMANN 1976: 205). Между тем Ф. Фойгт прозорливо заметил, что не видит в этой тетралогии непосредственного отношения к фашизму, считая, что связь со страшным военным временем — это только одна сторона вопроса (VOIGT 1965: 144). Правда, Фойгт так и не проясняет вторую сторону, лишь подчеркивает, что Гауптман против войны, любого убийства, какими бы благими, на первый взгляд, целями они ни прикрывались (ibid.: 145).

Действительно, в драме Гауптмана нет явных сопоставлений со временем фашистской диктатуры, как, например, у Б. Брехта в *Антигоне* (1951), где отчетливые параллели со Второй мировой войной прослеживаются на внешнем сюжетном уровне (Креонт — нацистский диктатор, брат Антигоны дезертирует с фронта). Или же исторический роман Л. Фейхтвангера *Лже-Нерон* (1936), в котором реалии Древнего Рима вызывают наглядные и недвусмысленные аналогии с приходом к власти гитлеровской верхушки. В драме Гауптмана ассоциации с фашизмом весьма зыбкие, как в романе Г. Казака *Город за рекой* (1947), в котором при всем отклике писателя на современный мир, переживший ужасы войны, воссоздается всеобщая аллегория смерти, нескончаемая в своей безграничности и безвременности.

Интенсивность поэтического диалога со своими собратьями по перу не только не исключает, а, напротив, предполагает субъективное осознание экзистенциального смысла представленных событий, изначально заданных в мифе. Гауптман творит собственный новый миф и, стремясь отыскать в нем иной по сравнению с архаикой смысл, полагает, что «миф никогда не может быть исчерпан в своей глубине, в нем кроется множество психологических возможностей» (HAUPTMANN 1908: 210). Миф возводится Гауптманом в высокий статус духовной вневременной истории, скрытое содержание которой пытается выявить немецкий драматург. Гауптман определяет миф как глобальное единение всего со всем, сопоставляет миф с вечно живой и вечно меняющейся природой (*ibid.*: 56), называет миф «одеждой божества, которую художник тклет в вечной силе своей фантазии» (*ibid.*: 139), говорит об огромной роли всечувствования в мифологическое время. Как видим, восприятие мифа Гауптманом сходно с ранне-романтической концепцией мифотворчества, с ее идеей тождества конечного и бесконечного, субъекта и объекта, сна и яви, смерти и жизни. Однако романтики, представляя миф в качестве ведущего принципа художественного творчества, возведя поэта, художника — гения в высокий ранг носителя мистического знания, вводят в дальнейшем в свои поэтические произведения филистера — хорошего человека, но плохого музыканта, по утверждению Э. Т. А. Гофмана. Кажется, что такие люди не делают ничего особенно дурного, считая свою размеренную, бездуховную жизнь единственно правильной. Однако Гауптман, являясь наследником романтической традиции, видел опасность филистерства, подчеркивая, что подобный тип личности «хочет все понять как нечто абсолютное, принимает как должное общественные догмы, не сомневается ни в чем» (HAUPTMANN 1986: 27). Немецкий драматург считает данный склад души неизменным, тем, что с завидной регулярностью повторяется из века в век. Гауптман, прокладывая «свою дорогу в толпе устоявшихся мнений и убеждений» (HAUPTMANN 1976: 55), заново осмысливает древние события. Он усматривает в античном мифе бесчисленное количество филистеров, полагая, что данная проблема, заявленная романтиками, требует нового осмысления и углубления.

Писатель, творя свой новый миф, стремится решить вопрос, касающийся бытия личности в трагическое время, в котором власть филистеров безгранична. Взаимопересечение различных эпох Гауптман усматривает в тождестве коллективного Я, в неприменимом равенстве субъекта и объекта, что влечет за собой принятие законов, навязанных извне, неизбежное согласие с авторитетом абсолютной истины, отказ от субъективности, от собственной интерпретации событий. Личность, находясь в независимой от нее исторической ситуации, или же подчиняется жестким, в высшей степени жестоким правилам, требованиям социума, что приводит к деградации сознания, распаду человеческого Я, или же приходит к ясности относительно себя самой, возвышается над миром с его бесчеловечными требованиями. Древний миф воспринимается Гауптманом как драма разрушения и восстановления личности, процесс столь значимый, с точки зрения писателя, в историческом прошлом, приобретающий особую актуальность в настоящем, интегрирующийся в будущее.

В контексте исследуемой проблематики (сближение филистерского исторического прошлого с историческим филистерским настоящим как общая драма, касающаяся бытия индивида в социуме) наибольшую полноту и силу приобретает тема рокового предначертания. Закон безоговорочного подчинения силе судьбы (власти Мойры в Античности, укоренения могущества реальности в романтизме, всеисильности иррациональных импульсов в современности) приводит к ощущению несвободы и пониманию необходимости как высшего постановления всего сущего. Литературоведы, которые обращались к творчеству позднего Гауптмана и его тетралогии об Атридах, говорят о слабости субъекта перед ликом страшной судьбы, утверждая, что индивид не в силах ей противиться (MICHAELIS 1962; VOIGT 1965; SANTINI 1998; ARETZ 1997; PETROVIC 2010; SPRENGEL 2012; НИПА 2001; ШАРЫПИНА 2010; ХОЛМОГорова 2012). Такие суждения представляют несколько односторонними. Показательно, что из всего «запоздалого Ренессанса» (так Браун называет эпоху, охватывающую XVIII и XIX века [БРАУН 1912: 215]), размышляющего о необходимости и свободе воли, Гауптман выделяет Лейбница, который первым сблизил дух новой философии с античной. Об

этом говорит Бель, подчеркивая, что в период работы над тетралогией об Атридах писатель непрестанно перечитывает его *Теодисцею* (ВЕНЛ 1949: 36). Правда, в историческом настоящем, напоминая Гауптману дантовское *Inferno*, свидетельствующее о прощании с надеждой (HAUPTMANN 1963: 69), сложно представить зло для более явного утверждения и проявления добра, в чем уверен Лейбниц. Убеждение философа XVIII в. в торжестве предустановленной гармонии теряет силу для немецкого драматурга, представляющего все бытие как состояние двенадцати часов ночи — «час, когда сбрасывается вуаль и доминирует состояние одержимости» (HAUPTMANN 1976: 335). Главным признаком, по которому Гауптман сближается с Лейбницем, является уверенность в недопустимости роковой необходимости, уничтожающей свободу воли. Немецкий драматург полагает, что данная мысль выражена у Лейбница ярче, чем у других представителей классической философии. Один из главных тезисов Лейбница о необходимости, проявляющейся в «свободных действиях свободного решения индивида» (ЛЕЙБНИЦ 2022: 18), находит отклик в душе Гауптмана и способствует его выводу о жизни, которая и есть судьба (HAUPTMANN 1986: 253). Гауптман, противопоставляя прежнюю драму судьбы собственной драме сознания, так он определяет свои художественные творения, подчеркивал, что посредством драматического выражения постиг загадку судьбы. Немецкий художник слова понимает ее как эристические боения в душе индивида (радость и печаль, любовь и ненависть, счастье и горе, надежда и отчаяние) (HAUPTMANN 1965: 45). Убеждения Лейбница о преобладающей склонности, являющейся залогом детерминированности человеческой воли собственной самобытностью, разделяются Гауптманом. Полагая, что свободное решение человека, его субъективный выбор в пользу света или мрака, добра или зла свидетельствует об отсутствии принуждения извне, он образно представляет человечество как пассажиров на палубе корабля. Они пытаются спастись от всемирного потопа, который бушует внутри них (HAUPTMANN 1985: 4).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Ярким примером является образ Агамемнона. Этот герой — один из центральных в драме *Ифигения в Авлиде* и следующей

за ней драме *Агамемнон*. В рамках статьи анализу подвергается образ героя, представленный писателем в драме *Ифигения в Авлиде*. Гауптман не сразу вводит его в действие, а дает некий пролог, в котором посредством беседы Критоласа и Менелая обрисовывает ситуацию: зной солнца способствует болезням в стане ахейцев, поход на Трою не может состояться. Вина за это лежит на Агамемноне, поскольку он разгневал Артемиду, убив лань в ее священной роще. Искушение только в жертве, какой должна стать Ифигения. Между тем такая хорошо всем известная мифологическая канва подается Гауптманом не просто в качестве фонового внешнего действия. Драматург намеренно подчеркивает сознание массы, в данном случае ахейских воинов, которые события природы (жар дневного светила) трактуют в контексте собственных душевных состояний. Не случайно Критолас называет палящий огонь Аполлона безжалостным («gnadenlose Glut»). Таково и настроение толпы — они безжалостно забили камнями друга Агамемнона Паламенида, безжалостно требуют исполнения кровавого обряда, думают, что царь Микен никогда не совершит жертвоприношения, готовы в таком случае безжалостно предать его смерти.

Агамемнон как субъект неразделимо связан с объектом — миром толпы. Этот мир был до некоторого времени ему понятен и принимался в качестве самоценного источника бытия. Поэтому он, хотя и охвачен смятением, мыслит привычными стереотипами — усматривает во всем руку богини. Перед его взором воочию предстает пожирающая сырое мясо женщина-убийца, которая и заставила царя Микен призвать в Авлиду жену и дочь («Diese Mörderin, die rohes Fleisch verschlingt, erscheint mir selbst. Sie war es, die mir zwang, mein Weib und Kind hierher zu rufen») (HAUPTMANN 1902: 280). Агамемнон во власти противоречивых чувств, разум его мутится, он не понимает, где вообще находится, существует ли он сам («Ich weiß nicht, ob ich bin, noch, ob ich nicht bin») (ibid.: 277). Гауптман называет такое состояние особым видом казни, когда преступника «привязывают между двумя соединенными друг с другом деревьями, при их разъединении человека разрывает на части» (HAUPTMANN 1976: 179).

Однако Агамемнон не желает принимать необходимость как данность, доля его индивидуального Я весьма значительна. Не случайно он сравнивает себя с прикованным к скале Прометеем, надеется, что в нем самом достаточно от дерзости титана («Vielleicht, daß etwas sich in mir erhebt von trotz Titanen») (HAUPTMANN 1902: 277). Агамемнон выделяет человеколюбие Прометея и желает отныне руководствоваться этим же принципом, тем, который Гауптман называл «Ewig-Menschliche», противопоставляя его, как он писал, «Ewig-Weibliche» Гете (HAUPTMANN 1980: 10). Поэтому Агамемнон сообщает, в большей степени самому себе, чем собеседникам — Критоласу и Менелаяу, что богиня может поглотить целую армию греков и половину всех людей в Элладе, но его дочь пусть оставит в покое («So frisst sie das ganze Griechenheer und alles Volk von Aulis meinethalb: nur meine Tochter lasse sie in Frieden») (HAUPTMANN 1902: 278). В его сознании роковая необходимость постепенно уступает место необходимости этической. Он приходит к мысли о возможности принятия самостоятельного решения и отменяет собственный приказ, касающийся приезда в Авлиду Клитемнестры и Ифигении.

Однако дальнейшее развитие показывает, насколько тяжело герою остаться верным столь недавно культивированному им принципу человеколюбия. Задержать Клитемнестру и Ифигению не удастся, они прибывают в Авлиду, именно это становится решающим фактором того, что с таким трудом обретенное индивидуальное Я вновь погружается в пучину коллективного. Появление жены и дочери в Авлиде герой Гауптмана расценивает как фатальность, которой он не смеет противиться. Он называет это часом своей высокой необходимости («In dieser Stunde meiner höchsten Not») (ibid.: 279), отталкивает Ифигению, и это отталкивание дочери знаменует отречение от себя самого, от того «Ewig-Menschliche», которое, казалось бы, воцарилось в его сердце.

Царь Микен говорит о своем тяжелом жребии, определяет себя как игрушку в руках богов и людей («Spielzeug grauenvoller Götter und Menschen») (ibid.: 312), подчеркивает, что не имеет больше своей воли в буре судьбы («so wenig hab ich einen Willen

noch im Schicksalssturme») (ibid.: 314), считает, что человек — ничто, только слабое облако пыли («der Mensch sind nichts, ein schwaches Staubgewölke») (ibid.: 316). Признавая роковую необходимость, Агамемнон принимает законы и правила поведения социума, что определяется К. Г. Юнгом в 1916 г. как коллективное бессознательное, которое «не развивается индивидуально, а наследуется» (ЮНГ 2010: 90). Для Гауптмана подобное наследие является прерогативой филистерского сознания, когда «плохой музыкант» романтической эпохи готов стать убийцей собственной дочери.

Драматург так строит текст, что становится ясно — идея фатальности надежно закреплена в сознании Агамемнона, является плодом его не менее, если не более, свободного выбора, того, когда он решил не отдавать на заклятие свое дитя. Примечательно, что поле смыслового напряжения создается в сильнейшем контрасте между мнением Агамемнона и другими героями, которые стремятся воздействовать на него. Клитемнестра, к примеру, определяет состояние мужа как суицидный бред, слепой жертвой которого стала Ифигения («das Kind, selbstmörderischen Wahnes blindes Opfer, sich an ihn hing») (HAUPTMANN 1902: 331). Отец Калхааса убежден, что сама Артемида не имеет ничего общего с дельфийским решением, дочь в жертву приносить нельзя («Artemis hat mit dem Spruch aus Delphi nichts gemein und nicht mit dem Opfer seinen Tochter») (ibid.: 337). Что же касается самого жреца, которого многие считают толкователем воли богини, то он не говорит ничего конкретного, лишь подчеркивает, что даже его глаза пока ясно ничего не видят («Noch liegt ein schwankend Wesen überall, drin selbst mein Scherauge noch nicht klarsieht») (ibid.: 288).

Агамемнон не слушает никого. В его сознании бушуют нуминозные силы, о которых немецкий теолог Р. Отто (*1869 — †1937) говорит в работе *Об иррациональном в идее божественного* (1917) (ОТТО 2008). Психолог Э. Нойман (*1905 — †1960) в дальнейшем, следуя за мыслью Отто, усматривает творческий потенциал нуминозного во внутреннем пространстве личности, которая и является сакральным исполнителем этих сил (НОЙМАН 2018: 136). Нуминозное у героя Гауптмана не является не-

кой объективной сущностью, что свойственно мифологическому представлению. Драматург показывает, что нуминозное предстает как достаточно ясная персонификация скрытого желания, которое не может быть прямо высказано в первую очередь себе самому. Так, Агамемнон рассказывает сон: ему является Артемиды и говорит, что смерть Ифигении нужна для отмщения за убитую им лань, жертва должна быть принесена ради войны и победы («durch deiner Tochter Tod die Tat zu rächen, ...das große Opfer für Krieg und Sieg geschehn ist») (HAUPTMANN 1902: 336). Контакт с нуминозным во сне отражает подсознательные чаяния Агамемнона. Он начинает понимать, что утрачивает свою власть над войском, они его порицают, перестают слушать, поэтому главным для него является восстановление своего авторитета великого воина, мужественного руководителя похода на Илион. Не случайно Клитемнестра призывает Агамемнона сбросить с себя ужасное одеяние войны («lege von dir des Krieges schreckliches Gewand») (ibid.: 339). Однако перед мыслимым взором царя Микен предстает Илион, который сверкает золотыми башнями и огнями («Doch lockend wieder seh ich Ilion mit goldnen Türmen und Palasten schimmern») (ibid.: 343). Это видение выявляет преобладающую склонность Агамемнона — сделанный им свободный выбор в пользу войны в полном согласии с его филистерскими амбициями.

Между тем, чем больше в его душе доминирует кровавая склонность, тем больше она доставляет страдания Агамемнону. Гауптман рисует героя, находящегося, как в греческой трагедии, в состоянии «вины — не вины», когда человек «пророчески провидит сам себя» (HAUPTMANN 1965: 129). Такое пророческое провидение сквозит в его самооценке. Царь Микен понимает, что человек в нем умер («Der Mensch ist tot in ihm») (HAUPTMANN 1902: 321), он погиб сам для себя, от его жизни остались только обломки («Schutt meines Leben bliebe hinter mir») (ibid.: 343). Агамемнон слаб и безволен, не в силах справиться с собственными жестокими побуждениями. Но чем больше такие побуждения свирепствуют, тем в больший ужас приходит он от себя самого. Герой Гауптмана погружен в историческую ситуацию, зависит от нее, по-филистерски ей уподобляется. Контроль над

собой отсутствует, власть над условиями своей экзистенции потеряна. В этом смысле он, используя терминологию М. Хайдеггера, заброшен в мир, когда «присутствие от себя самого уже отпало и упало в мир, что подразумевает растворение в бытии» (ХАЙДЕГГЕР 2005: 203). Подобное растворение приводит к тому, что в душе Агамемнона, как вытекает из драмы Гауптмана, грозный Арес заслоняет человеколюбивого Прометея.

Далеко не случайно Гауптман фиксирует внимание на ритуале, который вершит Агамемнон. В новом мифе драматурга античная значимость ритуала, служащего для примирения с божеством, подлежит весомой коррекции. Правда, царь Микен говорит о примирении, но направление подобного душевного импульса касается не столько внешнего объекта (богини Артемиды), сколько связано с личными побуждениями — доказать себе необходимость заклания дочери. Такое побуждение настолько велико, что Агамемнон не замечает очевидного — на алтаре вместо Ифигении лежит лань. Гауптман, желая придать ритуальному действию объективность, передает эту сцену глазами Критоласа — ближайшего соратника Агамемнона. Будучи очевидцем, Критолас подробно описывает внешний вид и действия царя: рот открыт, губы обнажают ряд белых зубов, глаза широко распахнуты и полны ужаса, в ослеплении и безумии он вонзает в лань нож («es stand der Mund ihm offen, seine Lippen enthielten weiße Zahnreihn. Das Auge gräßlich aufgerissen... Und nun stieß er, blind und rasend, mit den Messern in die Hirschkuh») (HAUPTMANN 1902: 372). Становится ясно, что ритуал превращается для героя, как убедительно показывает драматург, во встречу с самим собой, в истолкование тайны собственной души, раскрытие своего внутреннего мира. В Агамемноне окончательно формируется признанный социумом убийца. В финале единение помыслов и поступков человека и общества воплощается в едином победном кличе «На Трою! На Илион!».

4. Заключение

Итак, Гауптман, осмысливая историческое прошлое в контексте исторического настоящего, воспринимает разные эпохи в ракурсе безграничности и безвременности. Интеграция прошлого и настоящего в будущее оказывается возможной благода-

ря выявлению в древности общезначимых и общечеловеческих проблем, касающихся в первую очередь влияния коллективного Я на мировоззрение субъекта, стремящегося или противостоять враждебно сплоченному монолиту, или допустить распространение его влияния в своей собственной душе. Гауптман, пересматривая, расширяя и углубляя постулаты значимых для него эпох (Античности, Просвещения, романтизма) делает основным сюжетом своего нового мифа бытие индивида в социуме. Писатель, возводя миф в высокий статус духовной всеобъемлющей истории, подчеркивает вечную событийную природу такого сюжета и связывает его драматизм с непрекращающейся динамикой жизни, предоставляющей личности возможность совершить собственный выбор.

Агамемнон, герой драмы Гауптмана *Ифигения в Авлиде*, отдает предпочтение войне в полном согласии со своими филистерскими амбициями. Драматург, представляя нуминозные силы в качестве персонификации скрытого желания Агамемнона, показывает, как этическая необходимость (желание спасти дочь) уступает место роковой (закланию своего дитя). Индивидуальное Я героя, погружаясь в пучину коллективного, заставляет его отказаться от человеколюбия, выявляя тем самым его преобладающую склонность, — гуманность уступает место жестокости, авторитет великого воина доминирует над чувствами отца. Влияние социума оказывается важнее этики личности. Под пером драматурга мифологическая история (бытие субъекта и бытие общества) творится каждый раз заново, приобретая новое содержание и новые формы, но в целом остается неизменной в своей основе.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Браун Ф. А. Немецкий романтизм // История западной литературы (1800 — 1910). Т. 1. М.: Наука, 1912. С. 208—310. [Braun, Fedor A. (1912) *Nemetskiy romantizm* (German Romanticism). In: *Istoriya zapadnoy literatury (1800 — 1910)* (History of Western Literature (1800 — 1910)). Vol. 1. Moscow: Nauka, 208—310. (In Russian)].
- Лейбниц Г. Теодицея. М.: Юрайт, 2022. [Leibniz, Gottfried W. (2018) *Teodizeya* (Theodicy). Moscow: Yurait. (In Russian)].
- Нипа Т. С. Античный цикл драм Герхарта Гауптмана: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М.: МПГУ, 2001. [Nipa, Tatyana S.

- (2001) *Antichnyy zikl dram G. Hauptmana* (The Ancient Drama Cycle by Gerhart Hauptmann). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian)].
- Нойман Э. Человек и миф. Т. 1. М.: Касталия, 2018. [Neumann, Erik. (2018) *Chelovek i mif*. (Human and Myth). Vol. 1. Moscow: Kastaliya. (In Russian)].
- Отто Р. Об иррациональном в идее божественного и его соотношения с рациональным. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2008. [Otto, Rudolf. (2008) *Ob irratsional'nom v idee boshhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nyim*. (On the Irrational in the Idea of the Divine and its Relation to the Rational). Saint Petersburg: Saint-Petersburg State University. (In Russian)].
- Шарытина Т. А. Драматургия позднего Г. Гауптмана и новый взгляд на немецкую литературу XX века. Нижний. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2010. [Sharypina, Tatyana A. (2010). *Dramaturngiya pozdnego G. Hauptmana i novyy vzglyad na nemetskuyu literaturu XX veka* (The Dramaturgy of the Late G. Hauptmann and a New Look at German Literature of the 20th century). Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevskiy Nizhny Novgorod State University. (In Russian)].
- Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. [Heidegger, Martin. (2003) *Bytiye i vremya*. (Being and Time). Kharkov: Folio. (In Russian)].
- Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерия. М.: Академический проект, 2021. [Eliade, Mircea. (2021) *Miphy, snovideniya, misteriya* (Myths, Dreams, Mystery). Moscow: Akademicheskii proyekt. (In Russian)]
- Холмогорова И. В. Г. Гауптман. Драма заката. М.: ГИТИС, 2012. [Kholmogorova, Irina V. (2012). *G. Hauptman. Drama zakata* (G. Hauptmann. Sunset Drama). Moscow: GITIS. (In Russian)].
- Юнг К. Г. Структура бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. [Jung, Karl G. (2010) *Struktura bessoznatel'nogo* (The Structure of the Unconscious). Moscow: Kogito-Zentr. (In Russian)].
- Aretz, Susana. *Der Opferung der Iphigenia in Aulis*. Retrieved from <https://www.perlego.com/book/725482/die-opferung-der-iphigenia-in-aulis-pdf>.
- Behl, Carl F. (1949) *Zwiesprache mit Gerhart Hauptmann: Tagebuchblätter*. München: Kurt Desch Verlag.
- Cassirer, Ernest. (2014) *The Myth of the State*. Middletown: Book Graftens.
- Hauptmann, Gerhart. (1908) *Griechische Frühling*. Berlin: Fischer Verlag.
- Hauptmann, Gerhart. (1962) *Iphigenie in Aulis. Ausgewählte Werke in 8 Bänden*. B. IV. Berlin: Aufbau-Verlag, 273—373.
- Hauptmann, Gerhart. (1963) Die Reden. In: Hauptmann, Gerhart. *Gesammelte Werke in 17 Bänden*. Bd. 16. Berlin: Fischer Verlag.

- Hauptmann, Gerhart. (1965) *Die Kunst des Dramas*. Frankfurt am Main: Propyläen.
- Hauptmann, Gerhart. (1976) *Das Buch der Leidenschaft*. Berlin: Fischer Verlag.
- Hauptmann, Gerhart. (1980) *Abenteuer meiner Jugend*. Berlin und Weimar: Fischer Verlag.
- Hauptmann, Gerhart. (1985) *Tagebücher 1892 — 1894*. Frankfurt am Main: Propyläen.
- Hauptmann, Gerhart. (1986) *Tagebücher 1897 — 1905*. Frankfurt am Main: Propyläen.
- Leppmann, Wolfgang. (1996) *G. Hauptmann. Leben, Werk und Zeit*. Bern: Scherz Verlag.
- Levy-Bruhl, Lucien. (1985) *How Natives think*. Princeton: University Press.
- Michaelis, Rolf. (1962) *Der schwarze Zeus: G. Hauptmanns zweiter Weg*. Berlin: Arcon Verlag.
- Petrovic-Wriedt, Anica. (2010) *Zwischen Tradition und Zeitbezug. G. Hauptmann Atriden Tetralogie*. Potsdam: GRIN Verlag.
- Santini, Daria. (1998) *G. Hauptmann zwischen Moderne und Tradition: neue Perspektiven zur Atriden-Tetralogie*. Berlin: Erich Schmidt.
- Sprengel, Peter. (1984). *Die Wirklichkeit der Mythen. Untersuchungen zum Werk G. Hauptmann*. Berlin: S. Steinecke.
- Sprengel, Peter. (2009) *Der Dichter stand auf hoher Küste. G. Hauptmann im Dritten Reich*. Berlin: Propyläen.
- Voigt, Felix A. (1965) *Hauptmann und die Antike*. Berlin: Erich Schmidt.

Alla P. Sklitzkova

A. G. and N. G. Stoletovs Vladimir State University

Historical Past and Present in the Tetralogy of Atrides by G. Hauptmann

The article is devoted to Hauptmann's perception of the ancient myth and its comprehension in the context of his modern era. The objectives of the work are, first, to identify the cultural and philosophical position of Hauptmann related to the interpretation of ancient tales; secondly, in the author's argument of the anthropological idea of the subject's importance, which should become such both in the ancient myth and maintain this status during the Second World War. Accordingly, the research aims to reveal an ethical and aesthetic approach to a long time ago, which allows talking about both Hauptmann's dialogue with the tradition of the past and the reassessment of its leading criteria. The methodological basis of the study is the comparative, narrative methods, the continuous interest to the work of a dramatist, which determines the relevance of the work, makes it new. It is to explore the crea-

tive process that led Hauptmann to create his own myth, to search for a different sense from the archaic, which entails a reconsideration of the established notions of Hauptmann's late text as a drama, in which the theme of fate and doom is dominant. In the course of analysis, points of contact between the dramatist and the mythological discourse of the epoch with the creation of an individual myth created by artists as opposed to a collective (racial fascism) myth are identified. The article emphasizes Hauptmann's, as well as contemporary writers' aspiration to subjectivization and humanization of the myth, pointing out that there is no clear comparison with the time of fascist dictatorship. The intersection of the epoch is seen by Hauptmann in the identity of the collective self, in the adoption of laws imposed on individuals by the power of the philisters. The author observes the origins of the problem of philistinism, given by the romantic era, in the historical past, which, activating in the present, integrates into the future. The dominant idea of the work is the writer's perception of the myth as a drama of destruction of a person who has accepted collective consciousness to believe, and as a simultaneous restoration of the subject who refuses consent to imaginary authority. This idea is well proved by the example of Agamemnon, being the hero of the drama *Iphigenie in Aulis*, which is taken as a basis in the proposed article.

Keywords: myth; collective desire; individuality; co-participation; subjectivity; discourse; dictatorship

Для цитирования:

Склизкова А. П. Историческое прошлое и историческое настоящее в тетралогии об Атридах Г. Гауптмана // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 483—498.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-483-498.

To cite this Article:

Sklizkova, Alla P. (2025) Istoricheskoye proshloye i istoricheskoye nastoyashcheye v tetralogii ob Atridakh G. Gaupimana (Historical Past and Present in the Tetralogy of Atrides by G. Hauptmann). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 483—498. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-483-498.

Статья поступила в редакцию 07.02.2025; принята к публикации 10.03.2025
The article was submitted 07.02.2025; accepted for publication 10.03.2025

Г. В. Стадников

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

ИСТОРИЯ — КИСТЬЮ ХУДОЖНИКОВ И ПЕРОМ ПОЭТА (Г. Гейне *Французские художники*)

Статья содержит анализ эссе Генриха Гейне *Французские художники*, которое не является искусствоведческим исследованием. Гейне видел свою задачу в том, чтобы прояснить немецкому читателю содержание и значение картин, представленных в Лувре на Парижской выставке современных художников в 1831 г. Ему важно было показать, как отражаются в этих картинах актуальные исторические события, как сюжеты из современной жизни связаны с античностью, и как прошло проливает свет на явления сегодняшнего дня. Его интересовал диалог между историей и искусством.

Ключевые слова: жанр; историческая живопись; революция; публицистика; словесный портрет

Первой работой, написанной Гейне в эмиграции, была объемная критико-публицистическая статья *Французские художники* (1831), посвященная крупному культурному событию: выставке картин современных художников в Лувре. Гейне писал свою статью, когда все его мысли были заняты только что прошедшей июльской революцией, и в одном из самых первых писем, посланных из Парижа, признавался: «Я захлебываюсь в водовороте событий, в волнениях современности, в революции» (ГЕЙНЕ 1956/1959, 9: 521). Но в эти же дни, когда разбуженный революцией повышенный пульс истории еще не успокоился, Париж переживал уже другое событие: падение Варшавы под натиском русских войск. И Гейне, когда писал свою статью, слышал за окном своей квартиры «неизменную мелодическую историю человечества», слышал, как «свиристствуют барабаны, звенит оружие, как парижский народ с криками проклятиями несется по улицам и воет: «Пала Варшава» (*ibid.*, 5: 217).

Адресуя свою статью немецкому читателю, Гейне скромно обозначил ее замысел: «рассказать о сюжетах и замыслах картин». Однако содержание статьи далеко выходило за обозна-

ченные границы. Фактически статья была эмоционально-публицистическим репортажем о том, как откликнулось искусство на события новейшей истории и как современность связана с историей прошлого.

Из 300 картин, представленных на выставке, Гейне рассказал не более, чем о двадцати. Но и их оказалось достаточно, чтобы поделиться размышлениями о путях и перепутьях исторической жизни. Гейне созерцал историю на картинах художников и словом творил ее по-своему. Передовая свои впечатления о полотнах, Гейне стремился в слове выразить всю гамму тончайших цветовых оттенков. Происходил процесс полного «вживания» критика в образ, созданный живописцем. Образность слова сближалось с выразительностью красок. Гейне открывал в картинах такое, что нередко оставалось незамеченным зрителем. И при этом словесно «дорисовывал» портреты, изображенные художниками, основываясь на своем представлении об исторических личностях, а в иных случаях, опираясь и на личные впечатления. Создавая статью, Гейне и шлифовал свое искусство пластического описания, и оттачивал остроту публицистического пера.

О том, что история представляла для Гейне первостепенный интерес, свидетельствует очерк об Орасе Верне. О художественном мастерстве этого художника Гейне был невысокого мнения. Но картины Верне привлекали тем, что на них были запечатлены сцены и портреты исторических персонажей, начиная от библейских времен (Юдифь) и кончая современностью (папа Пий VIII, Робеспьер).

Картина «Юдифь, убивающая Олоферна», отсылая к истокам истории, уже «высвечивала» одну ее характернейшую черту, которую Гейне, наделенный отличной визуальной интуицией, определил так: как часто в истории благие намерения достигаются кровавыми средствами. Героическая задача Юдифи — освободить свой народ от завоевателя-тирана — благородна. Но осуществляет она свой замысел кровавым деянием. Добро и зло, прекрасное и ужасное сопутствуют друг другу. Юдифь — трагическая героиня. Она виновна и невинна. Гейне намерено подчеркнул это, передавая свое впечатление от картины.

Юдифь — «цветущая и стройная», а жест ее руки «напоминает мясника». Она «божественно чистая» и в тоже время запятнана «словно чаша с отравленным даром»; голова ее «волшебна привлекательна» и «жутко-прелестна»; в лице «сладкая дикость» и «угрюмая прелесть»; глаза ее «сверкают сладостной жестокостью и сладострастием мести». И Гейне увидел на картине Смерть, которая была сотворена рукой «прекраснейшего из ангелов» (ГЕЙНЕ 1956: 305). Далее, на картинах, изображавших сцены из истории разных времен и народов, Гейне неизменно видел одного и того же персонажа. И этим персонажем была Смерть.

Библейская история, но уже в ее современном облике, передана на картине Верне «Камилл Демулен, взбравшийся на скамейку в саду Пале-Рояля». На этом полотне воссоздан портрет Робеспьера — мстителя нового времени. В отличие от своей древней предшественницы, у этого мстителя явно приглушено положительное — зло теперь вышло на первый план. История повторяется, но в ее худшем варианте. Робеспьер — радикальный деятель Французской революции 1789 г., называвший себя «слугой народа». Свои возвышенные цели он воплощал в жизнь, «спокойно и благородно» и с «беспощадной жестокостью». Робеспьер напоминает Гейне «гильотину, совершенную по устройству машину», предназначенную с беспощадной легкостью убивать каждого, не разделяющего взглядов негибкого революционера. Робеспьер — типичный субъект исторического деятеля. С фанатичным упорством и негибкой волей, с бестрепетным холодным сердцем добивается он поставленных целей. В своих последующих работах Гейне словесно дополнил портрет Робеспьера, обратив внимание на близкое сходство с ним многих персонажей исторической драмы. В этом ряду были Наполеон, Ришелье, Ротшильд Луи Блан и даже Жермена де Сталь — «Робеспьер в юбке». Очень похожим на Робеспьера представлялся Гейне его современник, радикальный немецкий публицист Людвиг Берне, в «чертах лица которого было затаенное недоверие, в сердце кровожадная сентиментальность, в голове — трезвая рассудочность» (ГЕЙНЕ 1956/1959, 7: 83).

Две картины, на которые Гейне обратил внимание своих читателей, отсылали к драматическим страницам истории по-

следнего времени и фабульно были тесно связаны. На одной из них — «Свобода на баррикадах» Делакруа — были изображены отважные бойцы революции 1830 г., на другой — «Луи Филипп I» Шефера — тот, кто воспользовался плодами революции. Поучительный, но повторяющийся урок истории: деятели одни — плоды совершенного достаются другим.

Картину Делакруа, излучающую пробудившуюся энергию исторической жизни, Гейне назвал «самой честной, самой левой картиной из всех, что были посвящены июльским дням». Гейне готов был простить художнику «отдельные технические недостатки» во имя «святости картины», ее «одухотворенностью великой мыслью» (ibid., 5: 188). Гейне восхищен героизмом народа, он пишет о радости борьбы за свободу, «вдохновивших самих богов на небе и готовых спуститься на землю, чтобы стать гражданами Парижа». Но при этом вновь возникает вечная историческая проблема: цель хороша, но кровавы средства ее достижения. И свидетельствует об этом центральная фигура картины: женщина с ружьем в руке и трехцветным знаменем в другой. Она призывает сбросить «ненавистное ярмо» и при этом «шествует по трупам», она — «Богиня Свободы», и она же Фриана, греческая гетера, «уличная Венера». А рядом с ней «герой, несущий в руках ружье», с лицом, которое «хранит печать ка-торги» (ibid., 5: 189).

Вслед за яркой вспышкой исторической жизни обычно наступает недолгое затишье. Время героев сменяется временем несбывшихся надежд. Теперь исторические события определяют индивидуальные интересы и волепроявления. На арене истории появляются те, кто спешит воспользоваться сложившимися обстоятельствами. Типичным субъектом подобного рода является Луи Филипп, и словесный портрет, созданный Гейне, точно передает внутреннюю биографичность этого исторического персонажа, но Луи Филипп — узурпатор власти. Узурпатор по воле сложившихся исторических событий, тогда как сам он «бессильный» и «жалкий». На роль конституционного короля его выдвинули в палате либеральные роялисты. И теперь этот «пресмыкающийся великий», «ловкий и беспринципный» готов служить своим покровителям, последовательно формируя тип монархи-

ческого правления. Передавая свои впечатления от картин, Гейне заметил, что Луи Филипп показался ему «принужденным триумфатором», «добровольным пленником» (HEINE 1956: 302). Уже потом, дорисовывая портрет Луи Филиппа, Гейне обратил внимание на одну черту Луи Филиппа, характерную для персонажей исторической драмы. Чертой этой было притворство. И Луи Филипп был носителем этого качества. Это был «титан притворства», который «под фетровой шляпой носил корону», а «в зонтике прятал скипетр»; он носил маску «овечьей простоты» и «прикрывал когти бархатной перчаткой». Шефер, рисуя портрет Луи Филиппа, придал ему унылый вид, Гейне, акцентируя внимание на лживом притворстве Луи Филиппа, писал о забавном виде «претендующего на величие «короля баррикад».

Следует заметить, что интерес Гейне к истории подтверждался и композиционным построением статьи. Ее итоговым аккордом стал рассказ о живописных полотнах Делароша, посвященным сценам из жизни всемирной истории. Картины отсылали к спектаклям, разыгранным историей в разное время, но их главным героем оставалась Смерть.

Кровавая, смертельно красная полоса определяет колорит живописного полотна «Корабль кардинала Ришелье на Рейне». Могущественный правитель Франции везет на казнь своих противников — Сен-Мара и де Туа. Но нет различия между судьбой победителя и побежденными. У всех одна участь. На пороге смерти и «цветущие юноши» и «больной, умирающий старец» кардинал Ришелье... Красками «трагического смысла» отмечено другое полотно, изображающее умирающего кардинала Мазарини. Зловещую печать наложила смерть на лик умирающего: «лицо бледное», «глаза помутились», «нос подозрительно заострился». А рядом с тем, кого окружает «мрак и холод», беззаботно веселятся аристократы и их слуги. Но привлекают они к себе внимание только одеждой, за которыми почти не видно лиц. И это тоже образ смерти, но смерти в жизни.

Сцены из истории Франции, в сути своей, повторяют, сцены из истории Англии. На картине «Смерть сыновей короля Эдуарда в Тауэре» изображены юные принцы, ожидающие своих убийц. Трагичная, но такая обыденная сцена из мировой ис-

тории. И печальные глаза, обреченных на смерть юных братьев, напоминают Гейне «милые глаза» его близкого друга, павшего в недавние дни польского восстания.

Живописное полотно, рассказ о котором Гейне завершает обзор картинной выставки: «Кромвель, открывающий гроб с телом Карла I». На полотне изображен типичнейший субъект всемирной истории. Кромвель — инициатор кровавых замыслов, он же их безжалостный исполнитель. В истории это неустанный работник, «дровосек», «жнец» людских судеб. Грубая, крепкая, коренастая фигура Кромвеля непроницаемо скрывает его внутренний мир. Бестрепетной рукой поднимает Кромвель крышку гроба, где покоится казненный по его инициативе Карл I. И никаких чувств не отражается на страшно спокойном лице Кромвеля. «Демонически-естественный облик» Кромвеля свидетельствует о его непоколебимой вере в право добиваться своей цели в союзе со столь обыденным персонажем истории как Смерть. И при этом исторические события далекого XVIII в. вновь мысленно переносили Гейне в день сегодняшний. Глядя на картину Делароша, Гейне представлял себе, что не король, «а убитая Польша лежит в черном гробу, а над ней стоит не Кромвель, а русский царь» (ГЕЙНЕ 1956/1959, 5: 217).

Так что же можно было заключить об истории, такой, какой ее увидел Гейне на живописных полотнах? В данном случае взгляд поэта расходился с гегелевской идеей о прогрессе истории как движении от отживших форм к новым, более разумным. На картинах путь истории предстал не как восхождение вверх по ступеням, а как повторение, как кровавый круговорот. И Гейне увидел на картинах историю «которая несется по грязи и крови, затем на целые века нелепо застревает на одном месте, а потом вдруг опять срывается с места и бешено мчится во все стороны» (ibid.: 216). И возникал вопрос: так есть ли прогресс в истории? Но судить об этом можно было, вероятно, лишь по результатам очень длительного периода ее развития. Гейне же интересовало не столько прошлое и будущее, сколько настоящий день истории. А день этот был безрадостным. Франция после революционного взрыва 1830 г. пребывала в состоянии обманчивого затишья, за которым скрывалась борьба непримиримых интересов. Луи Фи-

липп, парламент, государственные институты, аристократы и буржуа были полностью заняты финансовыми интересами, а в низах общества все громче заявляли о себе проблемы социальные, связанные с материальным положением большинства населения. И Гейне, словно бы пополняя художественную выставку, предложил читателям и свою словесную картину настоящего исторического дня. И выглядела она так:

Богиня свободы умирает, друзья наши лежат сраженные, верховный римский поп поднимается со злобной усмешкой, и победоносная аристократия, стоит торжествуя над гробом народным (ibid.: 218).

Так обещает ли лучшее день завтрашний?

Спустя десять лет, в 1843 г., Гейне посетил выставку картин в Лувре. Впечатление от живописных полотен у него осталось безотрадным. Картины отражали цвет и дух эпохи «сумасшедшими красками», пестрым безумием, «анархией в золоченых рамках». Исторические картины на сюжеты из древних времен и средневековья напоминали «молочную лавку, биржевые спекуляции, меркантилизм, мещанство» (ibid., 8: 249). И также «вселенской анархией, мировой кашей» виделись Гейне события текущего дня. Так что картина исторической жизни, воссозданная на полотнах художников в 1831 г., горестно подтверждала действительность.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Гейне Г. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1956/1959. [Heine, Heinrich. (1956/1959). *Sobraniye sochineniy: v 10 tomakh* (Collected works: in 10 vols). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].

Heine, Heinrich (1956). *Werke und Briefe*. 10 Bde. Bd. 4. Berlin: Aufbau-Verlag. (In German).

Gennagij V. Stadnikov

Russische Staatliche Pädagogische Herzen-Universität

Гeschichte mit dem Pinsel des Künstlers und dem Wort des Dichters

Heines Artikel *Französische Maler* ist kein kunstkritisches Werk. Heines Ziel war es lediglich, den deutschen Lesern die Bedeutung und Handlung der Gemälde auf der Ausstellung in Paris 1831 näher zu bringen. Heine inte-

ressierte sich dafür, wie sich aktuelle historische Ereignisse in den Gemälden von Künstlern widerspiegeln. Wie sich Gemälde, die der Neuzeit gewidmet sind, auf antike Geschichte verweisen, und wie die Vergangenheit die Ereignisse der letzten Jahre beleuchtet. Und schließlich, wie ist die dialogische Beziehung zwischen Geschichte und Kunst.

Schlüsselwörter: Heine; Gattung; historische Malerei; Revolution; Publizistik; Wortporträt

Gennadiy V. Stadnikov

Herzen Russian State Pedagogical University

History — with the Brush of an Artist and the Pen of a Poet

Heine's article *French Painters* is not a work of art criticism. Heine's goal was simply to convey to German readers the meaning and narrative of the paintings at the 1831 Paris Exhibition. Heine was interested in how current historical events were reflected in artists' paintings. How paintings dedicated to modern times refer to ancient history and how the past illuminates the events of recent years. And finally, what is the dialogic relationship between history and art?

Keywords: Heine; genre; historical painting; revolution; journalism; word portrait

Для цитирования:

Стадников Г. В. История — кистью художников и пером поэта (Г. Гейне «Французские художники») // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 499—506.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-499-506.

To cite this Article:

Stadnikov, Gennadiy V. (2025) Istoriya — kist'yu khudozhnikov i perom poeta (G. Geyne "Frantsuzskiy khudozhnik") (History — with the Brush of an Artist and the Pen of a Poet). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 499—506. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-499-506.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; принята к публикации 31.05.2025
The article was submitted 20.05.2025; accepted for publication 31.05.2025

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

С. И. Дубинин

Самарский национальный исследовательский университет
им. акад. С. П. Королева

Лукин О. В. На службе Российской империи: немецкие ученые и российское языкознание XVII—XIX веков: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. 175 с.

Автор публикации — Олег Владимирович Лукин, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. Его давние научные интересы сосредоточены в сферах лингвоисториографии, теории частей речи, а также лингвофилософии и лингвистической типологии. Научноисследовательские изыскания Лукина также воплотились в серии во многом новаторских вузовских пособий по языкознанию (ЛУКИН 2015а; ЛУКИН 2015б).

Работа Лукина относится к редкому в современной отечественной германистике жанру, который он определяет как *нарративная лингвоисториография*. Основным из положений нарративной лингвоисториографии, отличающих ее от традиционной истории лингвистики, считается детальное исследование фактов творческой жизни ученых, которые связываются с их определенными работами, с реконструируемыми изменениями в научных позициях, с новациями и методологией трудов (ЛУКИН 2024: 4). На этой основе возможно создание универсальной, персонализированной истории лингвистики и германистики в частности. Этот контент нуждается в осмыслении каждым новым поколением исследователей, рецепцией сложившихся, а также формирующихся школ и направлений.

Монография Лукина посвящена немецким ученым, сыгравшим значительную роль в истории отечественного языкознания XVIII—XIX вв. Большинство из них приезжали в Российскую империю на государственную службу, связав свою дальнейшую биографию с новой родиной. Их деятельность была отмечена как активными изысканиями, так и рецепцией российской научной традиции и парадигмы гуманитаристики, во-

плотившись в создание словарей, грамматик, учебников, переводы. Они проявили себя также в смежной преподавательской и науковедческой работе (библиография, редактирование, диактика). Эти многообразные межкультурные и меязыковые практики обозначили «пересечения» и доминанты немецко-русских связей в области лингвистики, в частности, в зарождающемся сравнительно-историческом языкознании и лингвофилософии как в рассматриваемый период, так и на перспективу.

Многолетняя подготовительная работа над монографией велась автором в рамках исследовательского проекта и отмечена серией публикаций.¹ Методология исследования и удачный формат компактных очерков-персоналий были ранее апробированы Лукиным в монографии о немецких грамматистах XIX в. (Лукин 2019).

Монография Лукина строится по принципу аналитического описания научного творчества, наследия, а главное — вклада в эвристическую традицию отечественной лингвистики плеяды немецких ученых как языковедов. Она состоит из десяти глав, насыщенных биобиблиографической информацией и разделенных на рубрики согласно особенностям научной активности и карьеры каждого из них. Это своеобразная галерея «decem seriem» с портретами: Яков Матвеевич Родде, Логгин Иванович Бакмейстер, Август Людвиг Шлецер, Петр Симон Паллас, Людвиг Кондратьевич Якоб, Иван Андреевич Гейм, Федор Павлович Аделунг, Иоганн Северин Фатер, Август Вильгельмович Таппе и Оттон

¹ См.: Лукин О. В. Адмирал Шишков, генерал Ахвердов, майор Щупеников и «Русская грамматика» И. С. Фатера // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 86—91; Лукин О. В. Л. И. Бакмейстер и Санкт-Петербургская немецкая диаспора в культурной жизни Российской империи второй половины XVIII в. // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 1 (136). С. 226—232; Лукин О. В. Русские грамматики Н. И. Греча и их немецкие источники // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 158—163; Лукин О. В. Рижский переводчик, грамматик и лексикограф Я. М. Роде в культурной и языковой парадигме России второй половины XVIII в. // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2 (131). С. 181—190. Публикации размещены на сайте <https://yspu.academia.edu/OlegLukin>.

Николаевич Бетлинг. Этих людей, некоторые из которых были универсальными учеными, хотя не всегда лингвистами по своему основному научному профилю, можно считать зачинателями российско-немецкого языковедения как уникального и плодотворного научного явления, берущего начало в середине XVIII в.

В предисловии автор отмечает, что его замысел во многом состоял в пополнении парадигмы российской науки о языке уточненными и многогранными сведениями об ученых немецкого происхождения, которые мало или почти неизвестны широкому кругу специалистов, в частности, ввиду переменчивости научной и политической конъюнктуры рассматриваемой эпохи. Но на трудах и идеях этих первопроходцев российского языковедения основывались работы многих современников и их последователей, сказавших затем весомое слово в истории лингвистики (Н. И. Греч, П. И. Соколов, А. С. Шишков и др.) (ЛУКИН 2024: 4–6). Эвристическая парадигматика языкознания в России рассматриваемой эпохи убедительно обоснована и очерчена автором в ее динамике как сосуществование, перманентная смена, интерференция языковедческих и гуманитарных дискурсов, научно-педагогических практик, что вносит вклад в отечественную нарративную лингвоисториографию (РАДЧЕНКО 2018: 38–39).

Отдельно выделим сюжет в монографии Лукина (глава 6), посвященный Ивану Андреевичу Гейму (Bernhard Andreas von Heim; *1759 — †1821), декану словесного факультета, а затем в 1808—1819 гг. ректору Московского университета, своими усилиями во многом сохранившего его в трудной эвакуации 1812—1813 гг. Это связано с нашим интересом к теме плодотворных русско-немецких академических связей начала XIX в. и инициативной межпредметной деятельности профессоров Московского университета — «московских немцев» (ДУБИНИН 2000).

В научной биографии Гейма автор выделяет его образовательную траекторию, направления и продукты его научного творчества. Как энциклопедически образованный ученый-гуманитарий и полиглот Гейм получил известность в качестве автора *Русской грамматики для немцев* («Russische Sprachlehre für Deutsche», 1789), источниковедение которой Лукин рассматривает особо, а также первых словарей (в частности трехязычных) и

пособий по немецкому языку. Работа Гейма как директора университетской библиотеки положила начало формированию фонда научных и справочных изданий по лингвистике, которые по настоящее время украшают собрание Научной библиотеки МГУ. Лингвистические публикации Гейма имели дидактическую доминанту и неоднократно переиздавались в течение более чем 30 лет. В своих грамматиках он гипостазировал различие языка и речи, уделяет внимание грамматике частей речи и истории языка, ориентируя в рамках системного подхода подачу языковых структур и единиц на дискурсы аутентичного общения (ЛУКИН 2024: 90–95). В монографии рассмотрены 9 публикаций Гейма, ставших сегодня библиографической редкостью.

Лукин подчеркивает, что именно становление и развитие филологической науки в России в целом и германистики в частности во многом стимулировалось вкладом интеллектуальной прослойки российских немцев (немецкой научной диаспоры) и обогатилось кооперацией с российскими коллегами, которая в современной формулировке имела и «проектные формы» (сравнительный словарь под редакцией П. С. Палласа). Впрочем, справедливо отмечается, что этот сценарий имел отрицательные сюжеты, например, в форме известного противостояния М. В. Ломоносова и А. Л. Шлецера и даже запрета издания его *Грамматики русского языка*. Отметим также интересные замечания автора монографии о своеобразном лингвокультурном типаже «Российский чиновник немецкого происхождения» как обладающего творческим потенциалом ученого-гуманитария (ibid.: 7–11).

Благодаря монографии Лукина в научный обиход отечественной германистики впервые вводится ряд ранее неизвестных публикаций (ibid.: 136–154). Следует особо отметить обширный и тщательно подобранный научно-справочный библиографический аппарат этой монографии (260 единиц).

Новая монография Лукина *На службе Российской империи: Немецкие ученые и российское языкознание XVIII—XIX веков* вызовет несомненный интерес специалистов по истории отечественной германистики и по общему языкознанию, исследователей грамматического строя и лексики немецкого языка, а также историографов русско-немецких академических связей.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Дубинин С. И. Русско-немецкие академические связи начала XIX века // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: РАН, 2000. С. 113—121. [Dubinin, Sergey I. (2000) Russko-nemetskiye akademicheskiye svyazi nachala XIX veka (Russian-German Academic Ties at the Beginning of the 19th Century). In: Smagina, Galina I. (ed.) *Nemtsy v Rossii. Russko-nemetskiye nauchnyye i kul'turnyye svyazi* (Germans in Russia. Russian-German Scientific and Cultural Ties). Saint Petersburg: Russian Academy of Sciences, 113—121. (In Russian)].
- Лукин О. В. История языкознания с VI в. до н. э. до середины XX в.: учебное пособие. Ярославль: ЯГПУ, 2015а. [Lukin, Oleg V. (2015a) *Istoriya yazykoznananiya s VI v. do n. e. do serediny XX v.* (History of Linguistics from the 6th Cent. BC to the Mid-20th Cent.). Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University. (In Russian)].
- Лукин О. В. Новые направления современного языкознания (2-я половина XX века — XXI век): учебное пособие. Ярославль: ЯГПУ, 2015б. [Lukin, Oleg V. (2015b) *Novyye napravleniya sovremennogo yazykoznananiya (2-ya polovina XX veka — XXI vek)* (New Directions in Modern Linguistics (2nd Half of the 20th Cent. — 21st Cent.)). Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University. (In Russian)].
- Лукин О. В. Немецкие грамматисты XIX века: известные и забытые имена. Монография. Ярославль: Канцлер, 2019. [Lukin, Oleg V. (2019) *Nemetskiye grammatisty XIX veka: izvestnyye i zabytyye imena* (German Grammarians of the 19th Cent.: Famous and Forgotten Names). Yaroslavl: Kanzler. (In Russian)].
- Радченко О. А. Горизонты нарративной лингвоисториографии в новом столетии // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 25—39. [Radchenko, Oleg A. (2018) *Gorizonty narrativnoy lingvoistoriografii v novom stoletii* (Horizons of Narrative Linguohistoriography in the New Century). *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9 (801), 25—39. (In Russian)].

Для цитирования:

Дубинин С. И. Рец. на кн.: Лукин О. В. На службе Российской империи: Немецкие ученые и российское языкознание XVIII—XIX веков: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. 175 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 508—513.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-508-513.

To cite this Review:

Dubinin, Sergey I. (2025) Book Review: Lukin, Oleg V. (2024) *Na slushbe Rossiyskoy imperii: nemetskiye uchonye i rossiyskoye yazykoznanie XVIII—XIX vekov* (In the Service of the Russian Empire: German Scientists and Russian Linguistics of the 18th — 19th Centuries). Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University, 175 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 508—513. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-508-513.

Рецензия поступила в редакцию 15.04.2025; принята к публикации 02.05.2025

The review was submitted 15.04.2025; accepted for publication 02.05.2025

Н. Н. Трошина
Свободный исследователь

Австрийско-немецко-русский ассоциативный словарь базовых ценностей / сост. В. А. Пищальникова и др. М.: Наука, 2024. 175 с.

Словарь составлен преподавателями и научными сотрудниками Лаборатории психолингвистики Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) — В. А. Пищальниковой, А. И. Хлоповой, З. Г. Адамовой.

В словаре отражены психологически актуальные смыслы, соотносимые носителями двух национальных вариантов немецкого языка (в Австрии и в Германии) и русского языка, со словами-стимулами, называющими базовые ценности этих лингвокультур, т. е. представлены их культурно значимые аксиологические понятия: *безопасность, благополучие, благосостояние, богатство, вежливость, вера, власть, гармония, деньги, доброта, доверие, дом, достаток, дружба, жизнь, здоровье, интеллект, истина, карьера, комфорт, любовь, милосердие, мир, мужество, независимость, образование, порядочность, природа, работа, радость, Родина, саморазвитие, свобода, семья, слава, справедливость, стабильность, счастье, творчество, толерантность, уважение, успех, ценность, честность.*

Основанием для включения именно этих сорока четырех лексем в список слов-стимулов являются опубликованные результаты отечественных и зарубежных социологических и лингвистических проектов по исследованию системы базовых ценностей: отобраны лексемы, совпадающие во всех проектах, ссылки на которые даны в библиографии к настоящему словарю. Эти лексемы-стимулы были исследованы в процессе массового свободного ассоциативного эксперимента, выявляющего *моментальную* реакцию испытуемого на слово-стимул (респондент реагирует на слово-стимул любым пришедшим ему в голову словом), в отличие от *направленного* эксперимента, когда ответы даются в соответствии с инструкцией экспериментатора. Массовый ассоциативный эксперимент проводился в Австрии (Вена, Клагенфурт, Зальцбург, Филлах, Линц), в Германии (Берлин, Потсдам, Баден-Баден, Фехта) и в России (Москва,

Новосибирск, Киров, Барнаул, Кемерово и др.). Данные по России сопоставлены с данными других ассоциативных словарей, вышедших в России (РАС, ЕВРАС, СИБАС и др.¹), что специфично для данного словаря и «позволяет анализировать данные словарей в динамике, обнаруживать синхронную территориальную вариативность и временную изменчивость содержания ценностей, разную значимость ценностей для различных лингвокультур, наблюдать развитие смысловых компонентов психологического значения слов. При этом подтверждается одно из базовых положений общей теории деятельности: психологическое значение — это не совокупность личностных смыслов всех представителей лингвокультурного сообщества, но *система устойчивых репрезентативных функций слова* (выделено составителями словаря — Н. Т.), причем каждая из таких функций опосредована конкретной предметной деятельностью индивидов» (с. 17).

Словнику предпослано обширное введение, в котором излагаются основные положения теории речевой деятельности А. А. Леонтьева (ЛЕОНТЬЕВ 1977), используемые в качестве концептуальной базы выполненного исследования. При этом подчеркивается следующее:

1. В оценочном речевом действии, каковым является реакция респондента на слово-стимул в рамках градуальной шкалы «хорошо-плохо», отражается национально-культурная специфика смыслообразования, что дает возможность, сравнивая характер речевых действий носителей разных языков и национальных вариантов одного языка (в данном случае немецкого) выявлять общее и различное в содержании базовых ценностей, вербализуемых в этих идиомах. Таким образом, составители словаря исходят из аксиологического осмысления феномена культуры.

2. «Психологически актуальное содержание ценности как базового понятия этнической культуры возникает только в индивидуальной деятельности человека» (с. 9), протекающей в определенной этнической и социокультурной среде.

¹ В библиографии к словарю приводится ссылка только на словарь РАС (прим. рец. — Н. Т.).

3. Этническая культура – это адаптационный защитный механизм, «позволяющий индивиду и этносу в целом осуществлять свою жизнедеятельность» (с. 7); при этой способности к адаптации этническая культура сохраняет стабильность своего ядра, т. е. свои этнические константы как бессознательные образы, определяющие характер действия человека в мире (ЛУРЬЕ 1997: 228).

4. Различаются: а) ценности как система неосознаваемых предпочтений в значимости определенных феноменов в картине мира — предпочтений, разделяемых этносом в целом; б) ценностные (аксиологические) ориентиры конкретного человека, т. е. мотивы его деятельности.

5. Мотив побуждает и направляет деятельность индивида, а смысл — это то, ради чего она совершается; «ценность — это основа сопоставления всех актуализированных мотивов и смыслов по критерию личностной значимости» (с. 16).

6. Различается аксиологическое значение слова и ценность как культурно обусловленное аксиологическое понятие:

Первое фиксирует в системе языка градуальное оценочное отношение к объекту номинации. Такое отношение в речевой деятельности субъекта может быть выражено словом (или другими единицами языка), не обладающим в системе языка оценочным значением. Этническая ценность, универсальная или национально специфичная, — это понятие / представление, содержание которого определяется не системой языка, а культурой и выработанной в условиях ее существования иерархией значимостей того или иного морально-этического понятия для индивида и этноса в целом (с. 10–11).

7. Ценность трактуется как исключительно антропогенный феномен, поскольку возникает в процессе человеческого действия; на этой трактовке основана деятельностная интерпретация отношения «стимул — реакция», в котором проявляются параметры речевого действия. Предикативное отношение двух лексем — лексемы-стимула и лексемы-реакции — отражает минимальный фрагмент речевого поведения носителя языка и является

выражением мотивированного, а поэтому и эмоционально переживаемого отношения между свойствами предмета деятельности и их способностями удовлетворить потребности субъекта (с. 12–13).

Результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента свидетельствуют об изменении иерархии семантических компонентов в структуре значения слова, называющего ценность, что определяется изменением отношения носителей лингвокультуры к содержанию ценности. Это отношение фиксируется в структуре конкретного оценочного речевого действия. Динамика содержания ценности может проявляться, в частности, в изменении положительной коннотации на нейтральную и / или отрицательную, например: Arbeit / работа.

В графе первой словника «лексема-стимул» указано значение слова Arbeit 'работа', зафиксированное в традиционных словарях; в графе второй (австрийские ассоциаты) на втором месте (43 ассоциата) стоит ассоциат Freude (с положительной коннотацией), в то время как в графе третьей (немецкие ассоциаты) на втором месте стоит ассоциат Stress (102 ассоциата с отрицательной коннотацией); ассоциат Spaß (с положительной коннотацией) занял у немцев лишь третье место (80 ассоциатов). У русскоязычных респондентов первое место заняла реакция «деньги» (205 ассоциатов), второе — «труд» (138 ассоциатов), на третьем — «зарплата» (48 ассоциатов). Все ассоциаты эмоционально нейтральны. Эти сведения приводятся по данным ассоциативных словарей русского языка (см. выше).

Пользователь найдет подробные объяснения в разделе «Как работать со словарем» и обнаружит различия в аксиологическом значении слов, зафиксированных в традиционных словарях, например, слова Anständigkeit / порядочность: у австрийцев на первом месте ассоциация Respekt (52 ассоциата), у немцев — Höflichkeit (111 ассоциатов), у русских — «воспитание» (101 ассоциат); на втором месте у австрийцев Wert (37 ассоциатов), у немцев Manieren (109 ассоциатов), у русских «честность» (98 ассоциатов); на третьем месте у австрийцев brav (29 ассоциатов), у немцев höflich (87 ассоциатов), у русских «вежливость» (47 ассоциатов). Таким образом, значение слова в словарях отличается от того, в каком оно используется в обыденной коммуникации. Это свидетельствует о необоснованности бытующего в русской культуре мифа об одинаковости немецкой и австрийской культур и их базовых ценностей.

В качестве небольшого замечания отметим отсутствие четких дефиниций некоторых используемых терминов: «психологически актуальные смыслы», «психологически актуальное содержание», «психологическое значение слов», «аксиологическое значение слов». Наличие дефиниций сняло бы вопрос о синонимичности этих терминов.

Итак, по сравнению с традиционными лексикографическими изданиями рецензируемый словарь выявляет изменчивое содержание лексем как «психологически актуальные для носителей языка смыслы деятельности» (с. 11). В этом состоит очевидная инновативность словаря. Поэтому составители словаря имеют все основания считать, что он выходит за рамки традиционной лексикографии. Однако представляется, что полученные результаты все же нуждаются в верификации и уточнении, так как в свободном ассоциативном эксперименте участвовало далеко не одинаковое количество респондентов-носителей австрийской и немецкой лингвокультур: 200 австрийцев и 600-800 (по разным стимулам) немцев. Насколько в таком случае оправдан вывод о различии австрийской и немецкой лингвокультур в целом? Поэтому следует полностью поддержать намерение составителей словаря продолжить работу над ним, т. е. «в идеальном случае проверять лексемы, обозначающие ценности, шкалированием и ранжированием в той же группе респондентов» (с. 9).

Необходимо отметить в качестве положительной особенности словаря его соответствие основному вектору развития современного гуманитарного знания — изучению культурно-исторических и социальных процессов в их динамике. Успешность таких исследований в значительной степени зависит от того, насколько будут приняты во внимание изменения в ассоциативно-вербальных сетях носителей языка, т. е. психологически актуальное содержание этих сетей.

Составители рецензируемого словаря предприняли очень сложный анализ языкового сознания носителей немецкого и русского языков, пусть только в одном аспекте. Метод массового свободного ассоциативного эксперимента, на данных которого построен словарь, перспективен для изучения национальных вариантов и других европейских языков. Составителям этого сло-

варя можно пожелать успехов в их дальнейших актуальных и кропотливых исследованиях, поскольку полученные результаты интересны и важны не только для специалистов в области германской филологии, но и для всех тех, кто интересуется национально-культурными особенностями языковой картины мира.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. [Leontyev, Aleksey A. (1997) *Osnovy psikholingvistiki* (Introduction to Psycholinguistics). Moscow: Smysl. (In Russian)].
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1997. [Leontyev, Aleksey N. (1997) *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* (Activity. Consciousness. Personality). Moscow: Politizdat. (In Russian)].
- Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. [Lurye, Svetlana V. (1997) *Istoricheskaya etnologiya* (Historical Ethnology). Moscow: Aspekt Press. (In Russian)].
- РАС — Русский ассоциативный словарь / сост. Ю. Н. Караулов и др. М.: АСТ-Астрель, 2002. [Karaulov, Yuriy N. & al. (2002) (eds) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* (Russian Associational Dictionary). Moscow: AST-Astrel. (In Russian)].

Для цитирования:

Трошина Н. Н. Рец. на кн.: Австрийско-немецко-русский ассоциативный словарь базовых ценностей / сост. В. А. Пищальникова и др. М.: Наука, 2024. 175 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 514—519.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-514-519.

To cite this Review:

Troshina, Natalya N. (2025) Book Review: Pischal'nikova V. A. & al. (2024) (eds) *Avstriysko-nemetsko-russkiy assotsiativnyy slovar' bazovykh tsennostey* (Austrian-German-Russian Associative Dictionary of Basic Values). Moscow: Nauka, 175 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 514—519. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-514-519.

Рецензия поступила в редакцию 15.03.2025; принята к публикации 02.04.2025

The review was submitted 15.03.2025; accepted for publication 02.04.2025

Ю. Л. Цветков
Ивановский государственный университет

**СИМФОНИЧЕСКОЕ ЗВУЧАНИЕ
АВТОРСКОЙ КНИГИ КУРТА ПИНТУСА**

Поэзия сумерек или симфония человечества: новые прочтения и интерпретации антологии «Сумерки человечества». К 100-летию антологии Курта Пинтуса «Menschheitsdämmerung: Symphonie jüngster Dichtung. 1919/1920»: коллективная монография / Российская Академия наук; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; Австрийская библиотека г. Екатеринбурга (отв. ред.-сост. Н. В. Пестова, Т. В. Кудрявцева). М.: Культурная революция, 2022. 352 с.

Рассматриваемая монография — результат исследования, инициированного коллегами-германистами Н. В. Пестовой и Т. В. Кудрявцевой в 2019 г. по случаю 100-летнего юбилея известной антологии экспрессионистской поэзии *Сумерки человечества*. Концепция книги и ее состав определились в ходе работы с участниками проведенных в ИМЛИ РАН конференций и круглых столов. Основные исполнители проекта стали авторами включенных в книгу статей. Начинание уже получило поддержку отечественных и зарубежных ученых, отмечающих его новаторский дух. Статьи рецензируемой книги демонстрируют единый подход к предмету исследования. Это — принцип «единства в многообразии», присущий и самой антологии Курта Пинтуса. Именно эта идея единства художественного текста книги по аналогии с музыкальной симфонической формой пронизывает как все статьи, так и само собрание стихотворений как целое. Такой интермедиаальный подход обеспечивает абсолютную и безусловную новизну исследования этого памятника литературы.

Открывает коллективный труд «Предисловие» Пестовой, в котором представлена общая картина создания антологии, подходов к ее исследованию и особенностей рецепции в немецкоязычных странах, а также в России. В «Предисловии» четко обоснована необходимость нового комплексного исследования антологии *Сумерки человечества* как авторской книги Пинтуса, т. е. заявлен новый научный взгляд и предложен нетрадиционный

исследовательский подход к изучению широко известного литературного документа.

Новаторский характер придает исследованию ее междисциплинарный характер. Стихотворения анализируются не только с литературоведческой (Н. Т. Рымарь, «О композиции структуры образа в книге “Сумерки человечества”»), но также с лингвистической (Ю. Г. Тимралиева, «Нарушение норм как поэтическая норма экспрессионизма: на основе анализа антологии “Сумерки человечества”») и психолингвистической точек зрения (Д. А. Фокин, «Георг Гейм: музыка апокалипсиса»). Не забыт и культурно-философский контекст эпохи (Ю. Н. Гирин, «Танатологический код в поэтике “сумеречности”»).

Одним из самых ярких и новаторских акцентов большинства статей коллективного труда является рассмотрение антологии под музыковедческим углом зрения, т. е. на стыке филологии и музыковедения. Контекст симфонизма, заданный Пинтусом в его «Предисловии» к антологии, впервые выступает в качестве элемента научного инструментария исследования. Такой ракурс изучения всего корпуса текстов как целостного произведения оказывается в итоге весьма продуктивным.

Особую практическую ценность монографии придает статья А. В. Черного «Опыт освоения антологии “Сумерки человечества” в русских переводах 1920-х годов», в которой детально разбирается история рецепции этой антологии, в том числе переводческой, в СССР и в постперестроечной России. Российский читатель, привыкший судить о немецкой антологии по известным ему переводам В. Топорова, А. Парина, М. Карп, И. Знаменской, С. Степанова и А. Иконникова-Галицкого (СУМЕРКИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА 1990), будет в лучшем случае удивлен, узнав, как искажен был замысел автора антологии. Важен следующий отсюда практический вывод — антологию необходимо переводить заново, с учетом того, что было открыто коллективом авторов рецензируемой книги.

Примечательно, что авторы статей, в которых рассматривается место включенного в антологию того или иного поэта (Т. В. Кудрявцева, «“Дух правит миром и приводит его к примирению!”: голос Теодора Дойблера в инструментовке “Симфонии

новейшей поэзии” Курта Пинтуса»; Т. Н. Андреюшкина, «В вечном волнении»: стихотворения И. Р. Бехера в книге К. Пинтуса «Сумерки человечества»; И. Б. Чернявский «Художественное своеобразие стихотворений Г. Тракля в антологии К. Пинтуса “Menschheitsdämmerung”»), учитывают не только содержание стихотворений, соответствующее общему замыслу собрания, но и прослеживают связь между произведениями разных авторов, а также исторический контекст, в котором создавалось то или иное произведение. Это лишний раз убеждает в том, как органично сумел Пинтус соединить тексты, столь разные в мировоззренческом и художественном плане в единое полотно, скрепленное общей идеей, выстраивающееся в единую художественно-содержательную структуру, заданную системой симфонической организации всей книги.

Удачным является также решение авторов статей не использовать имеющиеся художественные переводы произведений, а предложить подстрочники, адекватно передающие, если не букву, то смысл стихотворений, порой очень сложных для понимания и требующих знания того исторического контекста, в котором они создавались. Авторы статей успешно справились с этой задачей, подготовив хорошую почву для будущих переводчиков антологии.

Интересными представляются и статьи, в которых рассматриваются сквозные темы или отдельные микросюжеты антологии (А. Черный, «Военная лирика в антологии “Сумерки человечества”» о раскрытии особенностей военной темы в антологии), а также особенности присутствующих в ней стихотворных жанров (Н. В. Пестова и Т. Н. Андреюшкина, «Экспрессионистский сонет в книге К. Пинтуса “Сумерки человечества”»), в частности, об уникальной роли сонетов в антологии.

Необходимо подчеркнуть, что авторский коллектив успешно справился с поставленной задачей — кардинально изменить сложившийся в мировом научном сообществе взгляд на один из важнейших литературных документов XX в., немецкоязычное собрание экспрессионистской лирики *Сумерки человечества: симфония новейшей поэзии*. Авторы статей убедительно доказывают, что при всей каноничности антологии она оказалась практиче-

ски не понятой и не исследованной как «живая и пробуждающая жизнь» книга Пинтуса.

Особый интерес представляет заключительная теоретическая статья Пестовой «Симфония новейшей поэзии: перечитывая Курта Пинтуса», суммирующая конкретные направления исследования и ярко демонстрирующая их технологию и методiku. Содержание этой статьи удивительным образом перекликается с текстами других авторов, идеи которых находят конкретное подтверждение в высказанных Пестовой предположениях о сквозном сюжете и единой композиционной структуре книги, которая выражается в симфоническом построении антологии:

Итак, настроенные К. Пинтусом на особый симфонический лад, в анализе композиции всего собрания стихотворений мы приходим к выводу, что упоминание в предисловии *бетховенской симфонии* — далеко не случайно оброненное Пинтусом музыкальное сравнение. Вся драматургия четырех частей сборника и в особенности общий модус настроения последней части «Возлюби человека», выдержанный в духе призывов «Обнимитесь, миллионы!» («Seid umschlungen, Millionen») и «Станут братьями все люди» («Alle Menschen werden Brüder») из «Оды к радости» Ф. Шиллера («Ode an die Freude»), выстраивает аналогию с одним из величайших творений музыкальной культуры, выражающим «гуманистические, свободолюбивые идеалы человечества», — с Девятой симфонией (d-moll) композитора, воплощающей типичную для Бетховена идею развития «от мрака к свету» (КОНЕН: 2020). В произведении К. Пинтуса так же, как в грандиозном финале этой симфонии, «в диком хаосе неистовствующей музыки» вдруг возносится «человеческий голос — vox humana» (PINTHUS 1996: 31): «Вот если бы однажды могло случиться, / что мы, братья, друг другу упали в объятия» («O, könnte es einmal geschehen, / Daß wir uns, Brüder, in die Arme fallen!») (ibid.: 279). С таким призывом обращается к читателю — «an den Leser» — Франц Верфель (1890—1945) (Поэзия СУМЕРЕК 2022: 221).

Проблема тематического объединения всего цикла стихотворений соотносится исследовательницей с общей программой книги, как это принято в музыкальных произведениях крупной формы (ibid.: 222):

...первую часть сборника «Крушение и крик» можно сравнить с «сонатным аллегро грандиозного масштаба» (Кенигсберг) первой части Девятой симфонии Л. ван Бетховена: в ней явно прослеживаются отдельные тематические блоки стихотворений, их границы и связи между ними, которые соответствуют законам развития экспозиции, разработки, репризы и коды» (Поэзия СУМЕРЕК 2022: 236–237).

Новый интермедиаальный подход к изучению антологии позволяет оценить книгу в первую очередь как факт новаторского прочтения хорошо известного литературного документа XX в. Коллективная монография, несомненно, найдет своего читателя. Литературоведы и лингвисты, специалисты по переводоведению и культурной коммуникации, а также переводчики, студенты и аспиранты, изучающие германистику и историю зарубежной литературы, найдут в книге много полезного и истине нового. Книга побуждает не только к размышлению, но и дает импульсы для новых исследований и переводов в области экспрессионизма, и не только.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Кенигсберг А. К. Симфонические произведения. URL: <https://www.belcanto.ru/simfonosm.html>. [Kyonigsberg, Alla K. (2020). *Simfonicheskiye proizvedeniya* (Symphonic Works). Retrieved from <https://www.belcanto.ru/simfonosm.html>. (In Russian)].
- Конен В. Д. Бетховен. Симфония № 9, ре минор. URL: https://www.belcanto.ru/s_beethoven_9.html. [Konen, Valentina D. (2020). *Bethoven. Simfoniya No. 9, re minor*. (Beethoven. Symphony No. 9 in D minor). Retrieved from https://www.belcanto.ru/s_beethoven_9.html. (In Russian)].
- Поэзия сумерек или симфония человечества: новые прочтения и интерпретации антологии «Сумерки человечества». К 100-летию антологии Курта Пинтуса «Menschheitsdämmerung: Symphonie jüngster Dichtung. 1919/1920» / ред.-сост. Н. В. Пестова, Т. В. Кудрявцева. М.: Культурная революция, 2022. [Pestova, Natalya V. & Kudryavtseva, Tamara V. (2022) (eds) *Poeziya sumerek ili simfoniya chelovechestva: novyye prochteniya i interpretatsii antologii "Sumerki chelovechestva". K 100-letiyu antologii Kurta Pintusa "Menschheitsdämmerung: Symphonie jüngster Dichtung. 1919/1920"* (The poetry of Twilight or the Symphony of Mankind: New Readings and Interpretations of the Anthology "Twilight of

Mankind". On the 100th Anniversary of Kurt Pintus' Anthology "Menschheitsdämmerung: Symphonie jüngster Dichtung. 1919/1920". Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russian)].

Сумерки человечества: Лирика немецкого экспрессионизма / сост. В. А. Топорова, А. К. Славинской. М.: Московский рабочий, 1990. [Toporov, Viktor L. & Slavinskaya, Antonina K. (1990) (eds) *Sumerki chelovechestva: Lirika nemetskogo ekspressionizma* (The Twilight of Mankind: The Lyrics of German Expressionism). Moscow: Moskovskiy rabochiy. (In Russian)].

Pinthus, Kurt. (1996) (ed.) *Menschheitsdämmerung. Ein Dokument des Expressionismus. Mit Biographien und Bibliographien neu herausgegeben*. Berlin: Rowohlt Verlag.

Для цитирования:

Цветков Ю. А. Симфоническое звучание авторской книги Курта Пинтуса. Рец. на кн.: Поэзия сумерек или симфония человечества: новые прочтения и интерпретации антологии «Сумерки человечества». К 100-летию антологии Курта Пинтуса «Menschheitsdämmerung: Symphonie jüngster Dichtung. 1919/1920»: коллективная монография / Российская Академия наук; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; Австрийская библиотека г. Екатеринбурга / отв. ред.-сост. Н. В. Пестова, Т. В. Кудрявцева. М.: Культурная революция, 2022. 352 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 520—525.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-520-525.

To cite this Review:

Tsvetkov, Yuriy L. (2025) *Simfonicheskoye zvuchaniye avtorskoy knigi Kurta Pintusa* (The Symphonic Sound of the Author's Book by Kurt Pintus). Book Review: Pestova, Natal'ya V. & Kudryavtseva, Tamara V. (2022) (eds) *Poeziya sumerek ili simfoniya chelovechestva: novyye prochteniya i interpretatsii antologii «Sumerki chelovechestva». K 100-letiyu antologii Kurta Pintusa "Menschheitsdämmerung: Symphonie jüngster Dichtung. 1919/1920"* (The Poetry of Twilight or the Symphony of Mankind: New Readings and Interpretations of the Anthology "Twilight of Mankind". On the 100th Anniversary of Kurt Pintus' Anthology "Menschheitsdämmerung: Symphonie jüngster Dichtung. 1919/1920"). Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 352 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 520—525. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-520-525.

Рецензия поступила в редакцию 17.02.2025; принята к публикации 17.03.2025
The review was submitted 17.02.2025; accepted for publication 17.03.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аверкина** Лариса Алексеевна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); averkina_l@lunn.ru
- Бабаева** Раиса Ивановна, Ивановский государственный университет (Иваново, Россия); nitdaf@mail.ru
- Баева** Галина Андреевна, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); baevaga@mail.ru
- Блинова** Юлия Анатольевна, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева (Самара, Россия); jublinova@mail.ru
- Волошина** Варвара Алексеевна, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия); voloshina.varya@bk.ru
- Горбачевская** Светлана Ивановна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); sgaeiou@yandex.ru
- Гришаева** Людмила Ивановна, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия); grischewa@rgph.vsu.ru dm-dbrv@yandex.ru
- Дубинин Сергей Иванович**, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева (Самара, Россия); dubinin.si@ssau.ru
- Дюбо** Борис Анатольевич, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия); borisdjubo@yahoo.de
- Зайцева** Алла Валерьевна, Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия); alla_zaitseva@bk.ru
- Зорина** Анастасия Валерьевна, Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации (Смоленск, Россия); AnastasijaZorina67@yandex.ru
- Ишимбаева** Галина Григорьевна, Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Россия); galgrig7@list.ru
- Катаева** Сталина Гавриловна, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия); katajew@ Rambler.ru
- Коршунова** Людмила Юрьевна, Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина (Иваново, Россия); l_korshunova@mail.ru
- Кострова** Ольга Андреевна, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия); olga_kostrova@mail.ru

- Лаххайн** Барбара, Общество германо-российских встреч (Эссен, Германия); post@schellenberg17.de
- Матарыкина** Наталья Дмитриевна, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия); natalia.ma2009@yandex.ru
- Нефедова** Любовь Аркадьевна, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия); nefedovalub@mail.ru
- Никонова** Наталья Егоровна, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); nikonat2002@yandex.ru
- Пахомова** Ольга Владиславовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия); opahomova@hse.ru
- Петрова** Мария Владимировна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); petrovamv@my.msu.ru
- Попов** Антон Александрович, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия); popovaa_2001@mail.ru
- Потемина** Марина Сергеевна, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия); mpotemina@mail.ru
- Рымарь** Николай Тимофеевич, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева (Самара, Россия); Nikolaj.Rymar@gmail.com
- Сафина** Анна Сергеевна, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); anna.safinal23@gmail.com
- Сибирцева** Вера Григорьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия); vsibirtseva@hse.ru
- Склизкова** Алла Персиевна, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (Владимир, Россия); Burelomy@list.ru
- Славина** Ольга Юрьевна, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)
- Стадников** Геннадий Владимирович, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)
- Трошина** Наталья Николаевна, свободный исследователь; troshinat@mail.ru

Трушина Анастасия Сергеевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); anastasiatrushina23@gmail.com

Туманова Екатерина Олеговна, Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова (Москва, Россия); ekaterina.msu@mail.ru

Цветков Юрий Леонидович, Ивановский государственный университет (Иваново, Россия); jzvetkow@mail.ru

LIST OF CONTRIBUTORS

- Larisa A. **Averkina**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia); averkina_l@lunn.ru
- Raisa I. **Babayeva**, Ivanovo State University (Ivanovo, Russia); nitdaf@mail.ru
- Galina A. **Baeva**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); baevaga@mail.ru
- Yulia A. **Blinova**, S. P. Korolyov Samara National Research University (Samara, Russia); jublinova@mail.ru
- Tatiana M. **Bolshakova**, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia); bolshakovatatiana@gmail.com
- Boris A. **Djubo**, independent researcher (Saint Petersburg, Russia); borisdjubo@yahoo.de
- Sergey I. **Dubinin**, S. P. Korolyov Samara National Research University, (Samara, Russia); dubinin.si@ssau.ru
- Svetlana I. **Gorbachevskaya**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); sgaeiou@yandex.ru
- Lyudmila I. **Grishayeva**, Voronezh State University (Voronezh, Russia); grischaewa@rgph.vsu.ru
- Galina G. **Ishimbayeva**, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia); galgrig7@list.ru
- Stalina G. **Kataeva**, P. P. Semenov-Tyan-Shanskiy Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk, Russia); katajewa@rambler.ru
- Lyudmila Yu. **Korshunova**, Ivanovo State Power University (Ivanovo, Russia); l_korshunova@mail.ru
- Olga A. **Kostrova**, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia); olga_kostrova@mail.ru
- Barbara **Lachhein**, Society for German-Russian Dialogue (Essen, Germany); post@schellenberg17.de
- Natalia D. **Matarykina**, P. P. Semenov-Tyan-Shanskiy Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk, Russia); natalia.ma2009@yandex.ru
- Lyubov' A. **Nefedova**, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia); nefedovalub@mail.ru
- Natalya E. **Nikonova**, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); nikonat2002@yandex.ru
- Olga V. **Pakhomova**, National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod, Russia); opahomova@hse.ru
- Mariya V. **Petrova**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); petrovamv@my.msu.ru

List of Contributors

- Anton A. **Popov**, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
popovaa_2001@mail.ru
- Marina S. **Potyomina**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia); mpotemina@mail.ru
- Nikolay T. **Rymar'**, S. P. Korolyov Samara National Research University, (Samara, Russia); Nikolaj.Rymar@gmail.com
- Anna S. **Safina**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), anna.safina123@gmail.com
- Vera G. **Sibirtseva**, National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod, Russia); vsibirtseva@hse.ru
- Alla P. **Sklizkova**, A. G. and N. G. Stoletovs Vladimir State University (Vladimir, Russia); Burelomy@list.ru
- Olga Yu. **Slavina**, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)
- Gennadiy V. **Stadnikov**, Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)
- Nataliya N. **Troshina**, independent researcher (Moscow, Russia); troshinat@mail.ru
- Anastasiia S. **Trushina**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); anastasiatrushina23@gmail.com
- Yuriy L. **Tsvetkov**, Ivanovo State University (Ivanovo, Russia); jzvetkow@mail.ru
- Yekaterina O. **Tumanova**, Moscow Metropolitan Governance University (Moscow, Russia); ekaterina.msu@mail.ru
- Varvara A. **Voloshina**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia); voloshina.varya@bk.ru
- Alla V. **Zaitseva**, Smolensk State University (Smolensk, Russia); alla_zaitseva@bk.ru
- Anastasiya V. **Zorina**, Russian Federation Armed Forces Army Air Defence Academy (Smolensk, Russia); AnastasijaZorina67@yandex.ru

Научное издание

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

Ежегодник Российского союза германистов

Том XXII

**ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ
И ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ**

Главный редактор

Иванов Андрей Владимирович

Ответственный редактор лингвистической части

Бабенко Наталия Сергеевна

Ответственный редактор литературоведческой части

Сибирцева Вера Григорьевна

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова»

Оригинал-макет подготовлен А. В. Ивановым

Художественное оформление переплета О. Максимовой

Подписано в печать 30.07.2025. Дата выхода в свет 25.08.2025.
Формат 60х88/16. Усл. печ. л. 32,59. Уч.-изд. л. 27,00.
Тираж 500 экз. Изд. № 6921. Заказ №
Цена свободная

Адрес редакции и издателя:
603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31-А.
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова»
<https://lunn.ru>

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.
Тел.: 8 (495) 334-82-65, 336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит».
127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31-В, стр. 1.
Тел.: 8 (495) 859-48-62

